

№ 2. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Историческій отдѣлъ. № 2.

Мих. Лемке.

ОЧЕРКИ
ПО
ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ
И
ЖУРНАЛИСТИКИ
XIX столѣтія.

Цѣна 3 руб.

Эпоха обличительнаго жара (1857—64 гг.).—
Эпоха цензурнаго террора (1848—55 гг.).—
Русское „Bureau de la presse".—Ѳаддей Булгаринъ.

Съ 19 портретами и 81 каррикатурой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.
1904.

„Пусть-ка сцѣпится истина съ ложью; кто когда-нибудь видѣлъ, чтобы истина побѣждалась ложью въ открытомъ бою?! Ибо кто не знаетъ, что истина сильна почти, какъ самъ Всемогущій? Ей не нужны ни полиція, ни ухищренія, ни цензура; нуженъ одинъ только просторъ".

Мильтонъ.

Оглавленіе.

Портреты:

ВАЖНѢЙШІЯ НЕТОЧНОСТИ.

19	стр.	1—2 стр. *снизу*.	*Надо читать:* ...читатель найдетъ въ моей книгѣ: „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг.", Спб., 1904 г.
33	„	Подъ портретомъ.	(„Портретная галлерея русскихъ дѣятелей" изд. Мюнстера).
36	„	„ „	Тоже.
303	„	Подъ „1855 годъ".	пропущено заглавіе: Смерть Императора Николая I. Норовъ спѣшитъ регулировать цензуру.
331	„	Заглавіе	вмѣсто „сенкація"—„санкція".

Предисловіе.

Доказывать, что каждый долженъ стремиться стать образованнымъ человѣкомъ, а образованный человѣкъ—знать исторію своей литературы, какъ сильнѣйшаго проявленія человѣческаго духа, обусловливающаго и послѣдующее общественное развитіе—значитъ ломиться въ открытую дверь.

Слѣдовательно, появленіе въ свѣтъ перваго и четвертаго очерковъ настоящаго тома не требуетъ особой аргументаціи.

Но убѣждать въ положительной необходимости широкаго попутнаго изученія главнаго условія, при соблюденіи котораго только и возможно было русское печатное слово, особенно послѣднихъ двухъ столѣтій,—все еще, къ сожалѣнію, приходится.

Казалось бы, чѣмъ лучше и основательнѣе изучена исторія цензуры, тѣмъ глубже и всестороннѣе усваиваются и уясняются разнообразныя стороны литературнаго прошлаго, а безъ нихъ—онѣ сплошь и рядомъ дѣлаются совершенно непонятными и даже неизвѣстными. Между тѣмъ, на дѣлѣ происходитъ иначе. Чтобы уяснить себѣ малѣйшіе, еле замѣтные изгибы литературной мысли и даже формы, изучаются очень подробно біографіи писателей, общія историческія и политическія условія той или иной эпохи, и т. д., но доминирующее надъ всей литературой условіе—цензура, очень часто оставляется безъ вниманія. Результаты понятны и вполнѣ неизбѣжны: исторія литературы, какъ видимаго проявленія общественной мысли и движеній, не усваивается съ необходимой полнотой, масса пробѣловъ остается незаполненной, масса вопросовъ неразрѣшенной.

Можно сказать утвердительно, что русское общество не знаетъ исторіи того института, черезъ горнило котораго прошла вся его литература. Значитъ, не знаетъ и исторіи литературы, кстати ска-

зать, вообще, у насъ сильно суженной, благодаря изученію преимущественно одной только ея части—изящной литературы.

Но изученіе исторіи цензуры безусловно важно еще и съ другой точки зрѣнія. Нѣтъ лучшаго способа для изслѣдованія *всей въ совокупности* политики любого момента, истинной ея цѣнности въ отношеніи къ отправленіямъ человѣческаго духа, какъ именно изученіе условій проявленія его въ литературѣ. Укажу хотя бы на примѣръ Франціи временъ Неполеона III. Несмотря на всевозможныя увертки этого авантюриста, политика и истинныя его стремленія получають полную свою оцѣнку только при ознакомленіи съ политикой цензуры. Когда Наполеонъ I написалъ Фуше: „передайте журналистамъ, что я буду судить о нихъ не по тѣмъ вреднымъ мыслямъ, которыя они будутъ высказывать, а по тому отсутствію благонамѣренности, которой они не выскажутъ"—всѣмъ стало ясно, что́ предстоитъ обществу, пережившему великую революцію. Не менѣе ясно было все и современникамъ Фридриха Великаго, сказавшаго: „свобода газетъ не должна быть стѣсняема, если хотятъ, чтобы онѣ были интересны"... Да иначе и не можетъ быть. Реакціонное начало всякой политики всегда особенно глубоко гнѣздится въ борьбѣ правительствъ съ свободой человѣческаго духа и общественныхъ силъ.

Съ другой стороны, врядъ-ли какой-нибудь отдѣлъ литературы по изученію нашего прошлаго такъ бѣденъ и блѣденъ, какъ исторія цензуры. Работъ же, въ которыхъ каждая болѣе или менѣе существенная перемѣна въ системѣ и строѣ цензурнаго досмотра приводилась бы въ связь съ условіями и явленіями предшествующей или современной ей общественной или государственной жизни, въ которыхъ бы вскрывалась причинность этихъ измѣненій и моментовъ—у насъ еще меньше.

Связывая все сказанное съ быстро растущимъ въ обществѣ интересомъ къ своему прошлому, нельзя не надѣяться, что и изученіе исторіи цензуры станетъ, наконецъ, прямою потребностью каждаго, желающаго имѣть отчетливое представленіе о своей литературѣ.

Эта именно надежда побудила меня стремиться заполнить частично хоть нѣкоторые пробѣлы въ исторіи давнишняго спутника русской литературы, насколько она находится въ связи съ исторіей русской общественной мысли.

Всѣ предлагаемые вниманію читателя очерки были напечатаны сначала въ двухъ журналахъ за 1903 годъ, но, особенно три пер-

вые, въ гораздо болѣе сокращенномъ и менѣе обработанномъ видѣ *).

Какъ замѣтитъ читатель, я занимаюсь исключительно исторіей, такъ сказать, литературной цензуры, оставляя въ сторонѣ театръ, технику книгопечатнаго дѣла, какъ-то: надзоръ за типографіями и т. п., и книжную торговлю. Всѣ эти, менѣе правда интересныя, области представляютъ предметъ особыхъ изслѣдованій, которыхъ мы еще не имѣемъ.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ принести искреннюю благодарность: И. А. Бычкову, П. И. Вейнбергу, П. Я. Дашкову, Н. А. Лейкину, Н. М. Лисовскому, А. К. Нестерову, В. И. Семевскому и Вс. И. Срезневскому за ихъ помощь мнѣ въ пользованіи рѣдкими матеріалами или портретами, позволившими предпринять болѣе или менѣе широкое изслѣдованіе и иллюстрацію взятыхъ мною темъ.

Мих. Лемке.

---

*) Первый—№№ 6, 7, 8 „Міра Божьяго", второй—№№ 1 и 2 „Рус. Богатства", третій—№№ 3 и 4 „Р. Б.", четвертый—№ 10 „Р. Б."

ЭПОХА ОБЛИЧИТЕЛЬНАГО ЖАРА.

Эпоха обличительнаго жара.

(1857—1864 гг.).

„Каррикатуры нѣтъ... кромѣ той, которую представляетъ сама дѣйствительность".

Салтыковъ.

„Литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сихъ поръ стоитъ на сатирѣ и, между тѣмъ, все-таки, не сдѣлалась еще существеннымъ элементомъ народной жизни, не составляетъ серьезной необходимости для общества, а продолжаетъ быть для публики чѣмъ-то постороннимъ, роскошью, забавою, а никакъ не дѣломъ".

Добролюбовъ.

Задача настоящаго изслѣдованія—освѣщеніе, по возможности всестороннее, одного изъ періодовъ жизни русской сатирической журналистики, съ конца 50-хъ и до половины 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія; періода, по общимъ, вполнѣ основательнымъ отзывамъ, наиболѣе выдающагося изъ неблестящаго вообще существованія русской сатирической литературы, развитію которой не особенно содѣйствуютъ условія, регулирующія у насъ печатное выраженіе мысли. Останавливаясь лишь на разсмотрѣніи указаннаго періода, я совершенно не затрагиваю вопроса о зарожденіи и самыхъ первыхъ шагахъ русской сатирической журналистики. Этотъ вопросъ составляетъ тему особой работы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не выполненной еще во всѣхъ подробностяхъ. Однако, имѣется рядъ трудовъ, которыя я кстати теперь же укажу для интересующихся вопросомъ: если ни одна изъ нихъ въ отдѣльности не представляется исчерпывающей, то въ совокупности онѣ все же проливаютъ на него нѣкоторый свѣтъ [1]).

[1]) *Аѳанасьевъ, А.* „Кошелекъ", „Поденщина" и „Пустомеля" — сатирическіе журналы 1760—1774 гг.", М. 1858 г., „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.", М. 1859 г., „Сатирическія изданія девяностыхъ годовъ"—„Моск. Вѣд." 1856 г., №№ 80, 83, 84; *Бородинъ, С.* „Русская журналистика въ концѣ XVIII ст."—„Наблюд." 1891 г., III; *Добролюбовъ, Н.* „Русская сатира екатерининскаго времени"—„Сборн. соч.", т. I; *Городецкій, Д.* „Зарожденіе каррикатуры въ Россіи" — „Литер. Вѣстн." 1902 г., VIII; *Зотовъ, В.* „Воспоминанія" — „Ист. Вѣстн." 1900 г. IV; *Лонгиновъ, М.* „Матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII в."—„Рус. Вѣстникъ", 1858 г. IV; *Мордовцевъ, Д.* „Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности"—„Рус. Слово" 1860 г. II, III; *Незеленовъ, А.* „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—85 гг." Спб. 1875 г.; *Пекарскій, П.* „Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. „Зап. академіи наукъ" 1863 г. III; *Пыпинъ, А.* „Исторія русской литературы", IV; *Ровинскій, Д.* „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Спб. 1889 г. II; *Солнцевъ, В.* „Всякая Всячина" и „Спектаторъ" — „Журн. Мин. Нар. Пр." 1892 г. I; *Его же.* „Смѣсь", сатирическій журналъ 1769 г.,—„Библіографъ" 1893 г. I.

Что касается богатой въ исторіи русской общественности рукописной сатиры и каррикатуры, то онѣ бы заслуживали тоже очень серьезнаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію, à priori можно утверждать, что съ нашимъ русскимъ отношеніемъ къ рукописямъ эта работа стала уже почти невозможною.

Полоса „патріотическаго" творчества. Диссонансъ, внесенный Хомяковымъ. Это не измѣняетъ настроенія массы. Муза Ѳ. М. Достоевскаго. Пророчество Тютчева.

Сатира, это—обличеніе неправды жизни, негодованіе, борьба; сатирическая журналистика—непрерывное ихъ выраженіе. Для рожденія сатиры необходимо: сознаніе неудовлетворенности окружающимъ или его отдѣльными элементами, желаніе побороть общепринятые предразсудки, разстаться съ отрицательными сторонами индивидуальной, общественной и политической жизни и, наконецъ, — здравый взглядъ на вещи, какъ бы послѣднія ни были близки и дороги отдѣльной личности или цѣлому обществу. Ясно, что сатира поэтому есть, прежде всего, принадлежность выдающихся надъ общимъ уровнемъ людей и эпохъ, отличающихся напряженіемъ страсти къ анализу и самопознанію. Рядовые, дюжинные люди, не различаютъ лжи и искусственности своей жизни; эпоха мрачнаго самодовольства— не почва для осмѣянія окружающаго. Эти соображенія, подтверждающіяся и выведенныя исторіей, пріобрѣтаютъ безусловную достовѣрность, если къ тому же принять во вниманіе, что сатирикъ не есть творецъ новыхъ идей, а только—своеобразный ихъ выразитель, популяризаторъ, проводникъ въ массу. Слѣдовательно, сатирическая журналистика сама по себѣ—уже доказательство наличности опредѣленныхъ идеаловъ въ рядахъ передовыхъ представителей даннаго общества.

Каждому періоду осмѣянія, осужденія, предшествовалъ другой, противоположный, и чѣмъ второй былъ продолжительнѣе и нелѣпѣе, тѣмъ первый—рѣзче и ярче. Да это и не могло быть иначе: по дереву и топоръ, по бронѣ и пушка. И для того, чтобы лучше и глубже усвоить значеніе и роль сатиры въ извѣстный моментъ, безусловно необходимо хорошо ознакомиться съ породившими ея условіями предшествующаго періода. Безъ этого сама сатира будетъ понята только вполовину.

Я не берусь представить здѣсь читателю полную картину мрачнаго, темнаго и до боли тяжелаго періода нашей исторіи 1848—55 годовъ—это сдѣлано уже другими, болѣе меня свѣдущими людьми, — я набросаю лишь нѣсколько штриховъ, которые помогутъ лучше вспомнить пережитое русскимъ обществомъ восьмилѣтіе [1]). А такъ какъ переломъ начался послѣ неудачнаго исхода восточной войны 1853—56 гг., въ которую Россія вступала съ гордо поднятой головой, съ едва выдерживаемымъ ушами барабаннымъ боемъ, а выходила — съ заунывно плачущимъ зовомъ отступленія,—то мнѣ кажется безусловно интереснымъ остановиться сначала на этихъ двухъ моментахъ, дающихъ ключъ ко всему дальнѣйшему.

По свидѣтельству современнаго историка, Россія вступала въ войну съ сознаніемъ своей силы: „Россія занимаетъ важное мѣсто, насъ уважаютъ и боятся",

[1]) Чѣмъ оно было для русской литературы, читатель узнаетъ изъ помѣщеннаго ниже очерка: „Эпоха цензурнаго террора".

вотъ выраженіе чувствъ большинства [1]). Нерѣшительныя дѣйствія въ началѣ кампаніи создаютъ недовольство; по словамъ С. Т. Аксакова, оборонительная война вызывала „оскорбленіе, негодованіе всей Москвы, слѣдовательно, всей Россіи [2]). Хорошей иллюстраціей тогдашняго настроенія большинства русскаго общества служитъ первое стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки „Ура"! — открывшее на два года неизсякаемый потокъ „патріотической" музы.

Ура!.. На трехъ ударимъ разомъ!
Недаромъ же трехгранный штыкъ!
Ура отгрянетъ надъ Кавказомъ,
Въ Европу грянетъ тотъ же кликъ!

—

И двадцать шло на насъ народовъ,
Но Русь управилась съ гостьми:
Ихъ кровь замыла слѣдъ походовъ;
Поля бѣлѣлись ихъ костьми.

—

Тогда спасали мы родную
Страну и честь, и Царскій тронъ;
Тогда о нашу грудь стальную
Расшибся самъ Наполеонъ!..

—

Теперь же вздрогни, вся природа!
Во снѣ не снилось никому:
Два христіанскіе народа
На насъ грозятся за чалму!!

—

Но годъ двѣнадцатый не сказки,
И Западъ видѣлъ не во снѣ,
Какъ двадцати народовъ каски
Валялися въ Бородинѣ.

—

И видѣлъ, что за всѣ лишенья,
Пришли съ Царемъ пощады мы-жъ,
И бѣлымъ знаменемъ прощенья
Прикрыли трепетный Парижъ.

—

И видѣлъ, что коня степного
На Сену пить водилъ калмыкъ,
И въ Тюльери у часового
Сіялъ, какъ дома, русскій штыкъ!..

—

[1]) *С. Соловьевъ*, „Записки". „Рус. Вѣстн.", 1896 г. V, 127.
[2]) *Н. Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина", XIII, 36.

Но засоривъ поля картечью,
Въ Парижѣ Русскій мирно жилъ,
И бойкою французской рѣчью
Да Русскимъ золотомъ сорилъ.

—

И послѣ, на Москвѣ сожженной
И надъ нетронутой Невой,
Никѣмъ, нигдѣ не оскорбленный
Французъ съ британцемъ былъ, какъ свой.

—

Но что-жъ? За хлѣбъ-соль и за дружбу
Предавъ символъ нашъ за коранъ,
Вы къ туркамъ поступили въ службу
И отступились христіанъ!!

—

Что-жъ скажетъ лѣтопись предъ свѣтомъ
Про нечестивый вашъ союзъ?
Британецъ въ сдѣлкѣ съ Магометомъ,
И—стыдъ! отурчился французъ!!

—

Но, вѣрьте, ваши всѣ мытарства,
Расчетъ и вычетъ—все мечта!
Вамъ русскаго не сдвинуть царства:
Оно съ Христомъ и за Христа! [1])

Изданное въ брошюрѣ, „Ура", очень быстро разошлось въ 9,000 экземплярахъ, изъ нихъ половина въ Петербургѣ. Если принять во вниманіе тогдашнее состояніе книжной торговли и десятитысячный тиражъ „Сѣверной Пчелы"—въ этомъ нельзя не видѣть широкаго общественнаго сочувствія и солидарности съ авторомъ.

„Лавочники, харчевники, саечники и цирюльни были самыми ревностными покупателями. Затѣмъ пошли требованія (черезъ почту) изъ городовъ. Собранную за изданіе сумму я—писалъ Глинка Гречу — уже отправилъ военному министру и получилъ въ отвѣтъ высочайшую благодарность его императорскаго величества" [2]).

Правительство понимало служебное, практическое значеніе такой поэзіи и потому вполнѣ ее поощряло. Вскорѣ въ той же „Сѣверной Пчелѣ" появляется стихотвореніе неизвѣстнаго автора, очень быстро обошедшее всю Россію и до сихъ поръ памятное.

---

[1]) „Сѣверная Пчела" 1854 г., № 2.
[2]) *П. Усовъ*, „Изъ моихъ воспоминаній", „Истор. Вѣстникъ" 1882 г., II, 349.

На нынѣшнюю войну.

Вотъ въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновенъ его отвагой
И французъ за нимъ туда жъ
Машетъ дядюшкиной шпагой
И кричитъ: Allons, courage!
Полно, братцы, на смѣхъ свѣту
Не останьтесь въ дуракахъ.
Мы видали шпагу эту
И не въ этакихъ рукахъ.
Если дядюшка безславно
Изъ Руси вернулся вспять,
Такъ племяннику подавно
И вдали не сдобровать.
Альбіонъ—статья иная—
Онъ еще не раскусилъ,
Что за машина такая
Наша Русь и въ сколько силъ.
То-то будетъ удивленье
Для практическихъ головъ,
Какъ высокое давленье
Имъ покажутъ безъ паровъ!
Знайте-жъ, машина готова,
Будетъ дѣйствовать какъ встарь,
Ее двигаютъ три слова:
Богъ, да родина, да Царь! [1])

Редакція получила рукопись этого стихотворенія при слѣдующей бумагѣ отъ министра императорскаго двора: „Министръ императорскаго двора, препровождая при семъ въ редакцію „Сѣверной Пчелы“ стихи, объявляетъ, что государю императору угодно, чтобы оные были напечатаны въ означенной газетѣ“ [2]).

По словамъ Усова, „Сѣверная Пчела“, послѣ этихъ двухъ образцовъ, стала получать массу стиховъ аналогичнаго содержанія; изъ нихъ многіе, конечно, были лишены всякаго размѣра и смысла. И, дѣйствительно, весь 1854 годъ, особенно въ первую половину, почти нѣтъ номера газеты безъ „патріотической“ музы. Тутъ и Орестъ Миллеръ, и П. Каратыгинъ, и Ѳ. Глинка, и кн. П. А. Вяземскій, и Бенедиктовъ и Рафаилъ Зотовъ и „ученикъ VI-го класса пензенскаго дворянскаго института Евграфъ Масловъ“, и очень многіе другіе. Проза, повидимому, не считалась формой, соотвѣтствующей такому содержанію, и если и попадаются прозаическія произведенія, то они гораздо блѣднѣе. Не отставали, разумѣется, и другія газеты, напримѣръ, „Московскія Вѣдомости“, въ которыхъ писали стихи М. Стаховичъ, К. Аксаковъ, Ѳ. Миллеръ, Я. Полонскій, кн. Вяземскій и пр.

[1]) „Сѣверная Пчела“, 1854 г., № 37.
[2]) *П. Усовъ*, н. с., 350.

Передъ цензурой вставалъ очень серьезный вопросъ: насколько допустимы теперь критика и прямое порицаніе европейскихъ дворовъ, строго преслѣдуемыя во всѣхъ другихъ случаяхъ? Министръ просвѣщенія, А. С. Норовъ, счелъ необходимымъ войти по этому поводу съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ, указывая на представленіе въ цензуру „множества различныхъ сочиненій, въ прозѣ и стихахъ, съ изъясненіемъ патріотическихъ чувствованій“ и находя въ нихъ „троякое направленіе умовъ: глубокую преданность престолу и вѣрѣ, чувство національной гордости, готовое на всякую борьбу съ врагами и пожертвованія, и порывы негодованія противъ посягательствъ чуждыхъ народовъ на величіе и благоденствіе Россіи“,—„повергалъ на высочайшее разрѣшеніе, до какихъ предѣловъ можетъ быть допущено изъясненіе подобныхъ чувствованій?“ Императоръ Николай I, 8 февраля повелѣлъ разрѣшить „безпрепятственное печатаніе вышеизложенныхъ сочиненій съ тѣмъ только, чтобы въ нихъ не заключалось брани“. Эта резолюція, внѣ общаго порядка, была немедленно сообщена не только всѣмъ цензурнымъ комитетамъ, но и губернаторамъ, исправникамъ и т. д. [1]).

Русскому обществу предоставлялась свобода въ предѣлахъ опредѣленнаго настроенія, и оно не преминуло ею воспользоваться... Насколько напряжено было такое quasi-патріотическое настроеніе, можно судить по неудачѣ, постигшей въ широкихъ кругахъ извѣстные стихи А. С. Хомякова: „Россіи“.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная —
Туда, гдѣ землю огибая,
Шумятъ струи эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго, —
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

---

[1]) „Цензурныя дѣла, переданныя министерствомъ народнаго просвѣщенія Императорской публичной библіотекѣ въ 1892 г. и хранящіяся тамъ въ рукописномъ отдѣленіи“, № 1, стр. 760—762. „Рус. Старина“, 1886 г., XI, 508.

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!

И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ! [1])

Облетѣвшіе въ рукописи всю Россію, стихи эти были приняты крайне враждебно, а московскій генералъ-губернаторъ, гр. Закревскій, требовалъ отъ автора объясненій, такъ какъ получилъ соотвѣтствующее предписаніе изъ Петербурга... Не хотѣли и слышать о какихъ бы то ни было прорѣхахъ и недочетахъ, а дыръ и серьезныхъ язвъ не хотѣли даже и подозрѣвать...

Любопытно, что Ѳ. М. Достоевскій написалъ, въ маѣ 1854 г., стихотвореніе: „На европейскія событія въ 1854 году", напечатанное, правда, гораздо позже. Приведу первую и послѣднюю строфы:

„Съ чего взялась всесвѣтная бѣда?
Кто виноватъ, кто первый начинаетъ?
Народъ вы умный, всякой это знаетъ,
Да славушка пошла объ васъ худа!
Ужъ лучше бы въ покоѣ дома жить,
Да справиться съ домашними дѣлами!
Вѣдь, кажется, намъ нечего дѣлить,
И мѣста много всѣмъ подъ небесами.
Къ тому жъ и то, коль все ужъ поминать:
Смѣшно Французамъ Русскаго пугать!
. . . .
. . . .
„Мечъ Гедеоновъ въ помощь угнетеннымъ,
И во Израиль сильный Судія!
То Царь, Тобой, Всевышній, сохраненный,
Помазанникъ десницы Твоея!
Гдѣ два иль три для Господа готовы,
Господь межъ нихъ, какъ Самъ намъ обѣщалъ.
Насъ милліоны ждутъ Царева слова
И, наконецъ, Твой часъ, Господь, насталъ!
Звучитъ труба, шумитъ орелъ двуглавый,
И на Царьградъ несется величаво!" [2]).

---

[1]) „Стихотворенія". М, 1868 г., 123—124.
[2]) „Гражданинъ", 1883 г., № 1.

Для того, чтобы современный читатель могъ представить себѣ вполнѣ струю „патріотической" поэзіи, могъ видѣть, до чего она спускалась, ради угожденія вкусамъ толпы, приведу „Солдатскую пѣсню", сочиненную для „Сѣверной Пчелы" какимъ-то Малышевымъ:

Вотъ французъ у турка въ службѣ,
Англичанинъ съ ними въ дружбѣ,
Покумились, знать.

Времена настали тяжки,
Два союзника въ пристяжкѣ,
А султанъ въ корню.

И кричатъ, что Русь погибла!
А на дѣлѣ смотришь—рыло
У самихъ въ крови.

Вотъ „Непиръ" подъ парусами
Сталъ надъ финскими водами,
Все погоды ждетъ.

. . . .

Вамъ друзья французы! Враки—
Кинь лишь кость, то, какъ собаки,
Загрызетесь вы.

. . . .

Съ вами зависть, зло, *киченье*,
Съ нами вѣра и *смиренье*,
Съ нами правда, Богъ! [1])

Не насмѣшка-ли здѣсь и со „смиреньемъ", котораго во всей подобной поэзіи не было даже и слѣда?..

Брошюра Ѳ. Глинки, несомнѣнно, не была единственною: за нею тоже слѣдовалъ цѣлый рядъ брошюръ и книжекъ вполнѣ однороднаго содержанія. Въ моемъ распоряженіи находится довольно полная коллекція такихъ изданій за 1854 и 1855 года, предоставленная однимъ изъ ихъ авторовъ. Первымъ выступившимъ на это поприще вслѣдъ за Глинкой былъ нѣкій Петръ Татариновъ, издавшій за два года около десяти брошюръ „патріотическаго" содержанія. Первая его проба—„Война съ Турціей", помѣчена цензурою 9-го марта 1854 года. Какъ и всѣ ей подобныя изданія, она не болѣе 16-ти страничекъ. Второе свое сочиненіе—„Русскій патріотъ, или война съ турками и англо-французами", Татариновъ продалъ, какъ и всѣ остальныя, А. Г. Черноглазову, брату сенатора В. Г. Черноглазова. Изъ другихъ авторовъ назову Н. Р. Щиглева, Н. Смирнова, А. К. Нестерова, К. Козлова. В. Прѣснова, Г. Ѳедорова и А. Попова.

Уже самыя названія такихъ сочиненій предназначены были служить приманкой для широкой публики; напримѣръ: „Непиръ у Кронштадта, или Ѣхалъ—да не

[1]) „Сѣверная Пчела" 1854 г., № 162.

доѣхалъ", „Ай да англичане! или Соловецкій монастырь", „Англичане и съ русскимъ пѣтухомъ не сладили, или бухта Колинги 18-го іюня 1854 года", „Донесеніе адмирала Непира о побѣдѣ его надъ тремя чухонскими лодками", „Одинъ на троихъ, или Джонъ-Буль, Роберъ-Макеръ и Абдулъ-Ага противъ Силы Богатырева", „Торжество Непира, или побѣда надъ салакушкой и вой чухонца", „Ай да Абдулъ! всѣхъ въ Парижѣ обманулъ, или донесеніе татарина Людовику-Наполеону о взятіи Севастополя", „Разсказъ чухонской кошки, бывшей въ плѣну у англичанъ лѣтомъ 1854 года", etc...

Если дать нѣсколько выдержекъ изъ наиболѣе характерныхъ брошюръ, то содержаніе ихъ станетъ совершенно ясно.

Вотъ ихъ доминирующіе мотивы:

„Поправши всѣ права, султанъ теперь смирился!
Встрѣчайте нашу рать!. И самый алкоранъ
Тебя ужъ не спасетъ. Предъ нами покорися;
Въ побѣдахъ не одинъ примѣръ Россіей данъ!"

—

„Одумайтесь, враги!—вамъ трудно съ нами драться.
А гордый Цареградъ... свершится что съ тобой?
Предъ мощью Русскаго врази да расточатся,
И ярче прежняго заблещетъ крестъ святой!"

—

„И врагъ узнаетъ,—
Побѣждаетъ
Ихъ русскій строй!"

—

„Какъ будто мы того боимся?
Пускай они на насъ идутъ!
Мы дружно встрѣтимъ ихъ,—сразимся...
Тогда и имъ и вамъ—капутъ!"

—

„Разъ хвативъ не въ мѣру джину,
Воевода Пальмерстонъ
Впалъ въ великую кручину,—
Легъ, заснулъ—и видитъ сонъ:
Видитъ будто засѣдаетъ
Онъ въ парламентѣ своемъ
И преважно разсуждаетъ
То о томъ, то о другомъ".

Дальше авторъ послѣднихъ виршей рисуетъ картину засѣданія, въ которомъ нашелся изобрѣтатель новаго способа взять Кронштадтъ, очень понравившагося и Пальмерстону, и Непиру:

„Онъ, довольный ихъ вниманьемъ,
Выросъ чуть не на аршинъ,
И по маленькомъ молчаньи
Говорить такъ началъ имъ:

„Навязать аэростатовъ
Къ мачтамъ нашихъ кораблей,
Пароходовъ и фрегатовъ
И потомъ эскадрѣ всей—
„Съ якорей въ минуту снявшись
И поправивши снарядъ,
Къ верху птицею поднявшись—
Опуститься на Кронштадтъ!
„Всѣ тутъ громко закричали:
Браво! Фора! молодецъ!..
Какъ Кронштадтъ взять мы не знали,
Онъ сказалъ намъ, онъ мудрецъ!!"

А вотъ отрывокъ изъ „Донесенія" Непира, взявшаго въ плѣнъ чухонскія лодки:

„Гроши тотчасъ раздѣлили
На матросовъ всѣхъ вполнѣ.
Серебро-жъ препроводили,
Съ частью добычи, ко мнѣ...
И объ томъ увѣдомляя
Изъ далекихъ русскихъ странъ,
Къ вамъ полтинникъ посылаю,—
Призъ—достойный англичанъ,
И прибавлю, что отнынѣ
Будемъ брать мы всѣмъ, что есть,
Счастья-жъ нѣтъ когда въ полтинѣ,
Такъ и гривенникъ намъ въ честь".

По разсказамъ г. Нестерова, одного изъ усердныхъ авторовъ этой литературы, послѣдняя, несмотря на дороговизну цѣнъ—обыкновенная стоимость листовой брошюрки 15—20 коп. серебромъ—шла въ продажѣ очень и очень бойко. Получить 100—150 руб. чистаго было дѣломъ вполнѣ обыкновеннымъ. И продавались эти сочиненія не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но вездѣ, гдѣ существовала книжная торговля...

Очень интересное свидѣтельство находимъ въ „Дневникѣ" Никитенка подъ 27 октября 1854 года: „Кстати о поэтахъ. Между ними теперь вообще въ модѣ патріотическіе стихи. Въ этомъ, конечно, ничего предосудительнаго. Но бѣда въ томъ, что всѣ эти признанные и непризнанные поэты—особенно послѣдніе—вдохновляются не столько дѣйствительнымъ патріотизмомъ, сколько вожделѣніями къ перстнямъ, табакеркамъ и т. д. Стихи подносятся министру, въ надеждѣ, что бьющія въ нихъ черезъ край вѣрноподданническія изліянія будутъ повергнуты къ стопамъ монарха и принесутъ желаемые плоды. Не разъ ужъ ставили они въ затрудненіе добраго Авраама Сергѣевича. Легко поддающійся первому впечатлѣнію, онъ еще на дняхъ взялся представить такіе стихи—одни изъ лучшихъ, государю, а теперь не знаетъ, какъ отъ этого отвертѣться" [1]).

Такъ проходилъ 1854 годъ.

Предчувствіе чего-то недобраго если и было, то только у очень немногихъ современниковъ. Громадное большинство не различало еще первыхъ призраковъ

[1]) „Рус. Старина", 1890 г., V, 284.

грядущаго отмщенія за русское ровно ни на чемъ не основанное самодовольство; оно все еще было увѣрено въ крѣпости сковывавшаго его организма. Какимъ затеряннымъ звукомъ въ шумѣ криковъ:

„Громъ побѣды раздавайся!
Веселися храбрый россъ!“

прозвучала нотка предчувствія бѣды, пропѣтая хорошо знавшимъ положеніе дѣлъ Тютчевымъ [1]). Онъ написалъ стихотвореніе: „На новый 1855 годъ“, гдѣ говорилъ о наступавшей годинѣ:

Не просто будетъ онъ воитель,
Но исполнитель Божьихъ каръ,—
Онъ совершитъ, какъ поздній мститель,
Давно задуманный ударъ.

Для битвъ онъ посланъ и расправы,
Съ собой несетъ онъ два меча:
Одинъ—сраженій мечъ кровавый,
Другой—сѣкира палача.

Но на кого?.. Одна-ли выя,
Народъ-ли цѣлый обреченъ?..
Слова не ясны роковыя
И смутенъ замогильный стонъ [2]).

Одиноко прозвучалъ этотъ голосъ; только потомъ въ немъ увидѣли пророчество... Масса оглушала себя увѣреніями успѣха, „Сѣверная Пчела“ и „Московскія Вѣдомости“ гипнотизировали ее славословіемъ, „патріотическія“ брошюры расходились въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Твердо вѣрилось, что

Крамольный западъ намъ не страшенъ
И флоты грозные враговъ...
Съ севастопольскихъ твердыхъ башенъ,
Съ гранитныхъ скалъ, изъ бездны рвовъ,
Какъ бы перуны съ облаковъ,
Васъ встрѣтятъ бомбы и картечи,
Ряды воинственныхъ полковъ...
Среди кровавой грозной сѣчи
Мужаемъ мы и крѣпнемъ вновь [3]).

На помощь поэтамъ и прозаикамъ приходитъ каррикатуристъ. Первые признаки болѣе широкой волны недовольства окружающимъ.

Когда, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, слово нуждается въ выпуклости, яркости и образности, прибѣгаютъ за помощью къ художнику; смотря по надобности и настроенію, это—то жанристъ, то портретистъ, то каррикатуристъ. Въ 1855 году обратились къ послѣднему. Обращеніе было, разумѣется,

[1]) Поэтъ занималъ сравнительно видное мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.
[2]) „Стихотворенія“, М. 1868 г., 166—167.
[3]) Изъ одной брошюры 1855 года.

безмолвное; его формулировало настроеніе большинства. Большинство это требовало усиленія впечатлѣній, жаждало осмѣянія враговъ „въ натурѣ“. Въ подобныхъ случаяхъ за спросомъ всегда слѣдуетъ предложеніе.

Въ 1855 году уже довольно извѣстный каррикатуристъ Н. А. Степановъ выпускаетъ альбомы „Каррикатуръ“, сплошь посвященные событіямъ восточной войны, особенно же Наполеону III и Пальмерстону.

Издателемъ альбома былъ А. Беггровъ. Въ теченіе года вышли три выпуска, по десять листовъ каждый. Самая ранняя цензурная дата—10-ое марта, самая поздняя—30-ое апрѣля. Исполненіе рисунка и его композиція были гораздо выше „патріотической“ поэзіи; въ каррикатурахъ былъ не только квасной патріотизмъ, но и остроуміе и даже частично вѣрный взглядъ на вещи. Кромѣ того, въ нихъ не била такимъ ключомъ самоувѣренность, бахвальство же почти отсутствовало.

Напримѣръ, что касается Наполеона III, то Степановъ хорошо понялъ личность этого авантюриста и довольно мѣтко отмѣтилъ его наиболѣе слабыя стороны. Кстати, именно эти каррикатуры должны считаться наиболѣе удачными, имѣющими значеніе и не только въ Россіи.

Воспроизвожу три изъ нихъ.

— „Французы!.. Имперія есть миръ, а подтвержденіе этой истины... позади васъ... До свиданья!

— „Да здравствуетъ Наполеонъ!“

Какъ изобрѣли Наполеона III.

— „Полагаю, что въ этомъ видѣ и онъ будетъ страшенъ“.

Доставалось не мало и Непиру, и французскимъ и англійскимъ генераламъ (Сенъ-Арью, Раглану), словомъ, остроуміе каррикатуриста нашло обильную пищу. Публика приняла „Каррикатуры“ очень сочувственно, и, несмотря на стоимость 9 руб. за три выпуска, раскупала ихъ бойко. Теперь онѣ, разумѣется, представляютъ библіографическую рѣдкость.

Не могу при этомъ не замѣтить, что каррикатуры того времени были вообще лишены своеобразной пикантности, которую публика въ изобиліи находила въ брошюрахъ и частью въ газетахъ, просто въ силу высочайшаго повелѣнія отъ 30 декабря 1854 года, даннаго именно для каррикатуръ, т.-е. произведеній, могущихъ имѣть распространеніе и внѣ предѣловъ Россіи. Европейскому обществу и его петербургскимъ представителямъ не хотѣли обнаруживать всего прилива народныхъ страстей... Повелѣніе гласило: „каррикатуры политическаго содержанія, направленныя противъ враждебныхъ намъ государствъ и народовъ, допускать къ печати въ такомъ только случаѣ, если онѣ представляютъ смѣшную сторону предмета,

съ соблюденіемъ приличія, и не заключаютъ въ надписяхъ брани" [1]). Исполненіе этого постановленія было гарантировано, конечно, уже самымъ фактомъ существованія, такъ называемаго, бутурлинскаго комитета—верховнаго литературнаго судилища съ точки зрѣнія цензуры.

Сказаннаго выше, думаю, достаточно для составленія яснаго понятія о настроеніи русскаго общества, по крайней мѣрѣ его огромнаго большинства, въ те-

— „Что за разумный ребенокъ! И забавы-то у него не дѣтскія. Посмотрите, вѣдь это онъ въ Крымъ затѣялъ ѣхать... Какой проказникъ!"

ченіе 1854 и первой половины слѣдующаго года. Короче—это было завершеніе періода самообожанія. Меньшинство... Но что такое было меньшинство въ разсматриваемую историческую эпоху?.. Имѣло-ли оно право и возможность высказать вслухъ тѣ мысли и чувства, которыя потомъ стали азбукой? Хотѣлъ ли ктонибудь въ массѣ слушать этихъ недовольныхъ людей?..

А они были, были даже въ рядахъ арміи, нѣкоторые представители которой воочію убѣдились въ полной изношенности старой военной машины. Здѣсь умѣстно на-

[1]) „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ", Спб. 1862 г., 299—300.

помнить извѣстную „Севастопольскую пѣсню", сложенную группой офицеровъ, собиравшихся по вечерамъ у начальника штаба артиллеріи, Крыжановскаго; въ числѣ ихъ былъ и штабсъ-капитанъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, которому принадлежитъ нѣсколько куплетовъ.

Какъ четвертаго числа [1])
Насъ нелегкая несла
    Горы обирать! (bis)
Баронъ Вревскій-генералъ,
Къ Горчакову приставалъ,
    Когда подъ шафе: (bis)
„Князь возьми ты эту гору,
Не входи со мною въ ссору
    Не то донесу!" (bis)
Собирались на совѣты
Всѣ большія эполеты,
    Даже плацъ-Бекокъ!.. (bis)
Полицмейстеръ плацъ-Бекокъ
Никакъ выдумать не могъ,
    Что ему сказать!.. (bis)
Долго думали-гадали,
Топографы все писали
    На большомъ листу!.. (bis)
Гладко писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,
    А по нимъ ходить!.. (bis)
Выѣзжали князья-графы
И за ними топографы,
    На большой редутъ!.. (bis)
Князь сказалъ: „ступай, Липранди!"
А Липранди: „нѣтъ-съ, атанде,
    Молвилъ,—не пойду!.. (bis)
„Туда умнаго не надо;
Ты пошли туда Реада,
    А я посмотрю!.." (bis)
Глядь, Реадъ возьми да съ просту
И повелъ насъ прямо къ мосту,
    Ну-ка на ура!.. (bis)
Мартенау умолялъ,
Чтобъ лёзертовъ [2]) обождалъ:
    „Нѣтъ, ужъ пусть идутъ!.." (bis)
На „ура!" мы зашумѣли,
Да лезерты не поспѣли,
    Кто-то переврал!.. (bis)
А Бѣлевцевъ-енералъ
Крѣпко знамя потрясалъ:
    Вовсе не къ лицу!.. (bis)
На Ѳедюхины высоты
Насъ пришло всего три роты,
    А пошли полки!.. (bis)

---

[1]) 4 августа 1855 г. произошло сраженіе при рѣкѣ Черной.
[2]) Солдатское произношеніе „резервовъ".

Наше войско небольшое,
А француза было втрое,
И секурсу тьма!.. (bis)
Ждали, выйдетъ съ гарнизона
Намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ!.. (bis)
А тамъ Сакенъ генералъ
Все акафисты читалъ
Богородицѣ!.. (bis)
И пришлось намъ отступать...
. . . .
Кто туда водилъ!.. (bis) [1]).

Будь это сочиненіе исключительно одного гр. Льва Николаевича Толстого, какъ неправильно думаютъ нѣкоторые, тогда оно, конечно, не имѣло бы того историческаго значенія, которое, несомнѣнно, принадлежитъ этой пѣснѣ, какъ коллективному голосу; надо не забывать также, что ее пѣли въ массѣ военныхъ кружковъ, а въ обществѣ она ходила въ десяткахъ тысячъ списковъ...

Паденіе Севастополя. „Патріотистика“ еле пульсируетъ. Небывалый подъемъ общественнаго настроенія. Жажда протеста и обличенія.

Но вотъ грянуло 27-ое августа 1855 года—день паденія Севастополя—принесшее Россіи небывалый разливъ умственныхъ и политическихъ теченій...

Первый моментъ чувства почти всѣхъ формулировались не иначе, какъ словами: „какое гибельное событіе для Россіи! Бѣдное человѣчество!“ [2]) Въ подобныхъ же выраженіяхъ, древнимъ египтяниномъ было встрѣчено, вѣроятно, и первое разлитіе Нила, которое приводило въ ужасъ непосредственно за нимъ слѣдовавшими бѣдствіями... Но прошло нѣкоторое время, и несчастіе, оказавшееся плодоноснымъ, получило надлежащее толкованіе...

До чего роковая вѣсть возбуждала панику, можно судить хотя бы изъ такой записи одного современника:

„Ударъ былъ страшный, тѣмъ болѣе, что не ожиданъ никѣмъ. Всѣ уже повѣрили и частнымъ, и нечастнымъ, своимъ и чужимъ объявленіямъ о недоступности Севастополя. Многіе изъ москвичей лишились, отъ одной вѣсти о взятіи неодолимаго, своихъ членовъ: напримѣръ, говорятъ объ Ермоловѣ, что у него отнялись на время ноги. Я знаю одного москвича, который созвалъ, было къ себѣ гостей на обѣдъ, какъ имениникъ, и когда только подано было первое блюдо, то новый гость изъ почтамта вошелъ къ нему и при всѣхъ разсказалъ о паденіи Севастополя. Гости не могли болѣе продолжать обѣда, встали и черезъ минуту разошлись во-свояси“ [3]).

Такъ выражалось настроеніе большинства. Немного спустя, оно же было

[1]) Привожу со списка одного изъ участниковъ этого коллективнаго пѣснотворчества. („Рус. Стар.“ 1884 г. II, 455—457); есть другіе варіанты, но они менѣе правдоподобны („Рус. Стар.“ 1875 г.. II, 441—443 и III, 653—654).
[2]) *А. Никитенко*, „Дневникъ“, „Рус. Старина“, 1890 г., VI, 627.
[3]) *О. Бодянскій*, „Дневникъ“, Сборникъ Об—ва Люб. Рос. Слов.“ 1891 г., 130.

крайне недовольно и согласіемъ на миръ. „Драться надо,—говорили отчаянные патріоты, драться до послѣдней капли крови, до послѣдняго человѣка“ [1]). Другой очевидецъ записываетъ: „На-дняхъ въ Петербургѣ давали трагедію Озерова «Дмитрій Донской». При стихѣ

«Нѣтъ лучше смерть, чѣмъ миръ постыдный»

„поднялась буря рукоплесканій“... [2])

„Литература“ въ видѣ брошюръ, правда, прекращается, но Степановъ все еще продолжаетъ подогрѣвать массу: снова Беггровъ издаетъ альбомъ его каррикатуръ, названный „Современныя шутки“, полный патріотизма и насмѣшки надъ побѣдителемъ. Приготовленъ къ выпуску въ свѣтъ и четвертый альбомъ „Каррикатуръ“, но миръ заключенъ, выходки противъ бывшаго непріятеля найдены неумѣстными, альбомъ конфискованъ [3]). Наука „патріотистика“, введенная въ циклъ другихъ наукъ безсмертнымъ Салтыковымъ, начинаетъ терять почву, корни ея слабѣютъ...

Вотъ какъ резюмируетъ настроеніе передового общества наблюдательный Н. В. Шелгуновъ:

„Неожиданно началась война, неожиданно палъ Севастополь. Но когда эта громада пала, когда оказалось, что Россія не имѣетъ ни денегъ, ни людей, чтобы продолжать борьбу, когда двѣ такія неожиданности, какъ смерть императора Николая и павшій Севастополь, точно два громадныхъ удара, повторились одинъ за другимъ, Россія точно проснулась отъ летаргическаго сна.

„Нравственное состояніе, въ которомъ очутилась Россія послѣ этихъ громовыхъ ударовъ, рѣдко въ исторіи народовъ, а на памяти русской исторіи подобное положеніе еще не бывало. Освобожденіе Россіи отъ поляковъ и смутъ въ 1612 году, освобожденіе отъ двунадесяти языковъ въ 1812 году, были, конечно, моментами очень героическаго напряженія и чудовищной народной энергіи, но это были только моменты чувства и инстинкта самосохраненія. Теперь было не то, и за свою государственную цѣлость намъ бояться было нечего. Все могло бы идти въ обычномъ, установившемся порядкѣ. Государь умеръ, на престолъ вступилъ его наслѣдникъ безъ потрясеній и безпорядковъ, война кончилась, миръ предстоялъ достаточно почетный, все было тихо, спокойно, мирно и все могло бы идти опять по старому, традиціонному, съ какими-нибудь небольшими починками и преобразованіями. Казалось бы, только радоваться и отдыхать послѣ военныхъ трудовъ и севастопольскихъ потерь. Но въ томъ-то и дѣло, что старое ужъ не могло больше повториться, всѣ чувствовали, что порвался какой-то нервъ, что дорога къ старому закрылась. Это былъ одинъ изъ тѣхъ начинающихъ историческихъ моментовъ, которые подготовляются не годами, а вѣками, и они такъ неустранимы, какъ лавины въ горахъ, какъ ливни подъ экваторомъ. Единоличная воля въ такихъ случаяхъ исчезаетъ и всѣми, сверху до низу, овладѣваетъ одинъ общій жизненный порывъ, въ началѣ инстинктивный, какъ глубокій

---

[1]) *А. Никитенко*, н. с., „Рус. Старина“, 1890 г., VII, 133.
[2]) *П. Валуевъ*, „Дневникъ“ „Рус. Старина“, 1891 г., VI, 606.
[3]) *С. Трубачевъ*, „Каррикатуристъ Н. А. Степановъ“, „Истор. Вѣстникъ“, 1891 г., III, 764—765.

вздохъ послѣ летаргическаго сна, какъ первое свѣтлое пробужденіе послѣ горячьки; но затѣмъ, послѣ безсознательнаго, инстинктивнаго душевнаго движенія, является понемногу свѣтлое состояніе сознанія, человѣкъ приходитъ въ себя и съ новыми силами принимается за новую работу. То, что происходитъ съ отдѣльнымъ человѣкомъ, повторяется и съ народами, когда каждымъ и всѣми овладѣваетъ одно и то же душевное состояніе, когда каждый и всѣ чувствуютъ переломъ, когда каждый и всѣ изъ безсознательнаго, инстинктивнаго состоянія переходятъ къ работѣ мысли, когда въ каждомъ и во всѣхъ пробуждается критическая мысль, каждый и всѣ начинаютъ думать. Въ томъ, что послѣ Севастополя всѣ очнулись, всѣ стали думать и всѣми овладѣло критическое настроеніе, и заключается разгадка мистическаго секрета шестидесятыхъ годовъ. *Всѣ*—вотъ секретъ того времени и секретъ успѣха всѣхъ реформъ. Императоръ Николай опирался только на государственный совѣтъ, императоръ Александръ II обратился къ чувствомъ *всѣхъ*, къ труду *всѣхъ*, къ тѣмъ громаднымъ творческимъ и сознательнымъ силамъ, которыя хранились въ нижнемъ теченіи" [1]).

Понятно, конечно, что подъ *всѣми* нужно понимать все мыслящее, интеллигентное, рвущееся помочь разбить тѣ желѣзныя оковы, тѣ обручи, которыми сковывалось русское общество въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій.

„Какъ неумолимо правосудна судьба! Какъ жестока въ своей логикѣ! Признаюсь—я не очень негодую на Горчакова; Севастополь палъ не случайно, не по его милости; я жалѣю, что не было тутъ искуснѣйшаго генерала, чтобы отнять всякій поводъ къ искаженію истины; онъ долженъ былъ пасть, чтобы явилось на немъ дѣло Божіе, т.-е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа. Видно—еще мало жертвъ, мало позора, еще слабы уроки; нигдѣ сквозь окружающую насъ мглу не пробивается лучъ новой мысли, новаго начала!" [2]). Эти слова, писанныя въ серединѣ октября 1855 года, еще разъ иллюстрируютъ происходившее общественное возрожденіе. Въ нихъ же ясно твердое сознаніе ненормальности окружавшаго строя. Наступило время, „когда всякій захотѣлъ думать, читать и учиться, и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотѣлъ высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать, порывъ ея былъ сильный и задачи громадныя. Не о сегодняшнемъ днѣ шла тутъ рѣчь, обдумывались и рѣшались судьбы будущихъ поколѣній, будущія судьбы всей Россіи, становившіяся въ зависимость отъ того или другого разрѣшенія реформъ".

Словомъ, начинался первый изъ „шестидесятыхъ годовъ", наступалъ тотъ славный періодъ русской общественности, которымъ наше общество, гордое колоссальными результатами своей непродолжительной, но сколько-нибудь замѣтной свободы, въ правѣ бросить въ лицо каждому, кто бы вздумалъ отрицать его зрѣлость и гигантскую силу. А такіе господа были и есть... Россія стояла наканунѣ той эпохи, которую не иначе, какъ съ благовѣйнымъ уваженіемъ, намъ теперь остается лишь вспоминать... Не передовое общество повинно въ роковой краткости этого необыкновеннаго въ нашей исторіи періода, не оно создало ту нелѣпую реакцію, которая повисла надъ Россіей снова съ 1862 года...

---

[1]) „Собраніе сочиненій", изд. 2-е, II, „Воспоминанія", 624—625.
[2]) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ", М., 1892 г., ч. I, т. III, 180.

И этимъ мы всецѣло обязаны необыкновенному подъему общественнаго настроенія, когда, наконецъ, надувшаяся, мрачная, темная полоса льда лопнула, сломалась, и... рѣка тронулась, унося съ необычайной быстротой сковывавшій ее ледъ... Великій моментъ, единственный въ нашей болѣе чѣмъ тысячелѣтней исторіи! Къ праздновавшемуся какъ разъ тогда тысячелѣтію Россіи это былъ какъ бы парадный смотръ силъ русской общественности...

Не послѣдней между ними была, разумѣется, литература, несмотря на крайне ненормальное положеніе, которое она занимала въ области права. Никакихъ, въ сущности, болѣе или менѣе серьезныхъ льготъ ей не было дано и послѣ 18 февраля 1855 года, но это, однако, не ставило ее въ положеніе своей предшественницы—литературы николаевской эпохи. Общество, то общество, потоки котораго залили русскую государственную жизнь и тѣмъ одухотворили ее, делегировало свои права литературѣ—и этого было уже достаточно для несенія новой честной, отважной, тяжелой службы. Стало ясно, что несеніе послѣдней, даже и при неизмѣнившемся юридическомъ положеніи, продлится до тѣхъ поръ, пока общество не оступится, часть его не подастся назадъ, не произойдетъ дифференціація прочнаго тогда цѣлаго. И въ упоеніи общимъ пробужденіемъ, казалось, нечего было и думать о такой мрачной перспективѣ... Все пошло впередъ, остановить литературу не было силъ и возможности. Она сама понемногу создала себѣ право взамѣнъ прежняго безправія и шла, шла, не останавливаясь...

Созданіе новаго немыслимо безъ критики и уничтоженія стараго; молодой лѣсъ глушится валежникомъ. И вотъ наступаетъ прежде всего эпоха обличительнаго жара, время сатирическаго негодованія, періодъ осмѣянія и разрушенія.

Насколько всеобще и широко было стремленіе къ сноскѣ стараго зданія, можно видѣть хотя-бы по показанію офиціальнаго источника.

„Замѣчательно,—пишетъ его составитель,—что вычурные стихи г. Бенедиктова и, такъ сказать, сухая поэзія г. Розенгейма, задавшись гражданской скорбью и обличеніемъ, были встрѣчены при своемъ появленіи въ пятидесятыхъ годахъ почти съ одинаковой благосклонностью. Доказательство, что причина успѣха заключалась не столько въ талантѣ поэтовъ, сколько въ настроеніи публики. И дѣйствительно, настроеніе это есть явленіе болѣе глубокое, чѣмъ оно можетъ показаться съ перваго раза. Не успѣло общество насладиться чистой поэзіей Лермонтова и Кольцова, какъ оно уже забываетъ прелесть непринужденной формы, возвышенность содержанія и предпочитаетъ повседневный характеръ обличенія и протеста въ какой-бы то ни было вычурной формѣ. Ясно, что обществу нужно было не поэзіи, а протеста и обличенія“ [1]).

Въ этихъ словахъ слышится очень неодобрительное отношеніе къ законной потребности общества, но не за тѣмъ они и приведены, чтобы дать мѣсто „авторитетному“ мнѣнію офиціальнаго историка литературы. Они нужны были просто для констатированія стремленія общества къ обличенію и протесту.

---

[1]) „Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г.“, Спб., 1865 г., изданіе министерства внутр. дѣлъ, стр. 85—86. Подробное изложеніе этого интереснѣйшаго документа читатель найдетъ ниже, въ очеркѣ: „Оцѣнка русской литературы и журналистики цензурнымъ вѣдомствомъ“.

„Губернскіе очерки" Щедрина. „Знакомые" Степанова. Иллюстраціи „Сына Отечества". „Каррикатурный Листокъ" Данилова.

Въ августѣ 1856 годъ Н. Щедринъ выступаетъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" съ своими „Губернскими очерками". Это первый крикъ рождавшейся истинной сатиры послѣ цѣлаго ряда темныхъ годовъ.

Какъ уже было замѣчено, я ограничилъ свою задачу обозрѣніемъ сатирической литературы данной эпохи преимущественно лишь по спеціально посвященнымъ ей періодическимъ изданіямъ и потому не буду останавливаться на дѣятельности Салтыкова-Щедрина. Отмѣчу только, что одна часть общества отнеслась съ чисто материнскою любовью къ раздавшемуся крику своего первенца, а другая— первое непріятельское ядро встрѣтила со страхомъ за окружающій „порядокъ". Въ теченіе 1857 года разошлись два изданія „Губернскихъ очерковъ"...

Здѣсь снова обратимся къ только что цитированному источнику, чтобы посмотрѣть, какъ имъ оцѣнивался Салтыковъ.

Послѣ очень длиннаго объясненія разницы „истиннаго гоголевскаго натурализма" и „ложной натуральной школы", сводящейся къ отсутствію въ произведеніяхъ послѣдней „невидимыхъ міру слезъ" и „возвышенной любви" къ караемому смѣхомъ человѣку, офиціальный критикъ говоритъ:

„Наша обличительная литература принялась вытаскивать *на пользу гласности*, на публичное осмѣяніе весь хламъ изъ каждаго канцелярскаго подвала, изъ каждаго грязнаго закоулка, изъ каждаго бѣднаго угла—жилища нищаго чиновника. Произведеній съ подобнымъ направленіемъ явилось въ журналистикѣ нашей минувшаго десятилѣтія (1854—1864 гг. *М. Л.*) множество, начиная съ холодныхъ и вполнѣ фельетонныхъ сочиненій г. И. Панаева... Большая часть литературы этого рода полна бездарности и самолюбивыхъ претензій на скандалъ; но и нѣсколько истинныхъ талантовъ посвятили свою дѣятельность этому направленію. Замѣтнѣе другихъ въ этомъ отношеніи г. Щедринъ (Салтыковъ) [1]), начавшій свою литературную дѣятельность еще въ минувшее царствованіе и пріобрѣвшій извѣстность и даже нѣкоторый авторитетъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда въ „Русскомъ Вѣстникѣ" стали печататься его „Губернскіе очерки". Изображая юмористическимъ обличеніемъ административную среду и бюрократическій бытъ въ провинціяхъ, г. Щедринъ взглянулъ на него со свойственной ему точки зрѣнія, представивъ смѣшную фальшь или злоупотребленія этой среды, находя все въ этой средѣ комическимъ или пошлымъ. Тутъ у него являются и *либералы*, но они изображены смѣшными, потому, вѣроятно, что они не такъ либеральны, какъ бы автору того хотѣлось: являются люди *отживающіе*, люди въ какомъ-то среднемъ *переходномъ* состояніи, а также чиновники и помѣщики прежняго закала и новые, модные дѣятели, комичные сколько отъ самихъ себя, столько же и отъ условій, въ которыя они поставлены самимъ свойствомъ ихъ гражданскаго положенія. Несмотря на бывшій огромный успѣхъ ихъ въ публикѣ, произведенія Щедрина имѣютъ больше значенія бойкаго, легкаго и юмористическаго фельетона во вкусѣ *отрицанія*. Замѣчательно, что въ произведеніяхъ Щедрина нигдѣ не замѣтно никакого, *идеала* и ничего положительнаго. Къ этой-же категоріи принадлежатъ нѣкоторыя произведенія Печерскаго (Мельникова), „Провинціальныя воспоминанія" г. Селиванова и проч." [2]).

---

[1]) Ко времени составленія „Собранія матеріаловъ" Салтыковъ написалъ, кромѣ „Губернскихъ очерковъ": „Брусина", „Невинные разсказы", „Сатиры въ прозѣ" и часть „Помпадуровъ и помпадуршъ".

[2]) „Собраніе матеріаловъ etc.", 184—185.

Этого одного, конечно, достаточно, чтобы понять истинное значеніе „Губернскихъ очерковъ" въ свое время... Въ связи съ нѣкоторыми другими произведеніями, и развивающейся общественной мыслью, они, разумѣется, не мало способствовали перерожденію общественныхъ вѣрованій непередовой части; отдѣльные люди подъ натискомъ новыхъ идей—новыхъ не абсолютно, конечно, а относительно; новыхъ потому, что впервые громко выраженныхъ—мѣняли свои убѣжденія. Прекраснымъ примѣромъ такой эволюціи служитъ Н. А. Степановъ, обратившій теперь свой мѣткій карандашъ на осмѣяніе окружающаго, еще такъ недавно или обходимаго имъ молчаніемъ, или прямо восхваляемаго.

Въ ноябрѣ 1856 года онъ начинаетъ выпускать новый каррикатурный альбомъ *Знакомые*, издаваемый тѣмъ-же Беггровымъ. Предполагалось названіе „Наши знакомые", но, по словамъ г. Трубачева, цензура не нашла возможнымъ пропустить слово „Наши" [1]). Въ теченіе 1857 года закончился первый томъ, 1858-го—второй. Первый годъ всѣ рисунки были исполняемы только Степановымъ, второй—еще и М. Зиччи, Г. Дестунисомъ, А. Волковымъ, Р. Жуковскимъ и П. Анненскимъ, потому что *Знакомые* не имѣли особеннаго успѣха и побуждали Степанова принять мѣры къ улучшенію дѣла, къ его оживленію. Съ этою-же цѣлью съ 20-го ноября 1857 года къ *Знакомымъ* сталъ прилагаться *Листокъ Знакомыхъ*, вышедшій въ теченіе подписного 1857—1858 г. въ 12 номерахъ [2]). Это былъ большой листъ плотной бумаги, на которомъ печатался текстъ, состоящій почти всегда изъ фельетона и мелкихъ сатирическихъ, чаще—юмористическихъ замѣтокъ, принадлежавшихъ В. Р. Зотову, Вс. С. Курочкину и Н. Ѳ. Щербинѣ, но никогда не подписываемыхъ. Весьма возможно, что въ текстѣ участвовалъ и самъ Степановъ, хотя его біографъ, г. Трубачевъ, ровно ничего объ этомъ не говоритъ.

Знакомые 1857—1858 гг., когда они, благодаря *Листку*, стали вполнѣ, въ сущности, сатирическимъ періодическимъ изданіемъ, испытывали на себѣ весь трудъ работы піонера. Данная имъ программа, по собственному заявленію редакціи, была узка, не позволяя развивать сколько-нибудь широкихъ общественныхъ вопросовъ. Вотъ, главнымъ образомъ, почему содержаніе и *Знакомыхъ* и *Листка* было такъ еще мелко, такъ блѣдно, такъ сатирически немощно. Бывшій раньше обычай, узаконенный окончательно „Ералашемъ" (1846—1849 гг.), давать въ каррикатурахъ точные портреты,—правда почти всегда съ любезнаго разрѣшенія обладателя необходимой художнику физіономіи,—теперь, когда приходилось зло обличать, не получилъ цензурнаго одобренія, и уже во второмъ номерѣ *Листка Знакомыхъ* редакція вынуждена была успокоить волновавшагося обывателя: „условимся однажды навсегда, портретовъ нѣтъ и не можетъ быть между нашими знакомыми. Это дѣло рѣшенное и подписанное. Въ нашемъ альбомѣ есть только типы, черты и характеры физіономій, общихъ многимъ личностямъ, которыя мы стараемся возвести въ перлъ художественнаго созданія... Итакъ, да будутъ благосклонны

---

[1]) „Каррикатуристъ Н. А. Степановъ", „Истор. Вѣстникъ" 1891 г. III, 771.

[2]) Попутно исправляю неточность Н. М. Лисовскаго. Въ своей цѣнной работѣ „Рус. період. печать 1703—1894 гг.", вып. II, говоря о „Листкѣ", онъ пишетъ: „Листокъ Знакомыхъ, Журналъ каррикатуръ, съ литературными прибавленіями. 1857—1858. Спб. Безсрочно (№№ 1—12)" (стр. 34). Во-первыхъ, мы уже знаемъ, что „Листокъ" есть самъ литературное прибавленіе къ „Знакомымъ"; во-вторыхъ, выходилъ онъ въ вполнѣ опредѣленные сроки—ежемѣсячно 20-го числа, начиная съ 20-го ноября 1857 г. и кончая 20-мъ октября 1858 г.

къ намъ всѣ наши знакомые, да не скандализируются они, встрѣтивъ на «Листкахъ» нашихъ не чуждыя имъ черты и позы. Можемъ увѣрить ихъ, что это дѣлается безо всякаго злого умысла предать посмѣянію ихъ почтенныя и заслуживающія полнаго уваженія физіономіи"...

Надо-ли говорить, какъ трудно было работать каррикатуристу, когда нельзя было дать „натуры". Понятно поэтому, что карандашъ почти не касался самыхъ животрепещущихъ вопросовъ и фактовъ, а занимался изображеніемъ медоваго мѣсяца новопроизведеннаго прапорщика; издателя, взявшаго въ сотрудники парикмахера; офицера, на котораго надо поскорѣе любоваться, пока онъ не заговорилъ; нѣмца-педагога, сѣкущаго свою Фидельку и то „для зистемъ" etc., etc. Изрѣдка проскакивали такія каррикатуры, какъ крестьянинъ, несущій черезъ болото помѣщика, у котораго подъ мышкой собака и который увѣряетъ, что у всякаго есть свое бремя... Портреты бывали, но какіе? Есть, напримѣръ, рисунокъ, изображающій стоящихъ другъ противъ друга Степанова и И. А. Гончарова, цензировавшаго *Знакомыхъ*; въ рукахъ послѣдняго такой-же рисунокъ на листѣ бумаги, и Гончаровъ говоритъ: „Да, вѣдь, это моя каррикатура! Ну, батюшка, одолжили! А, впрочемъ, печатать позволяется..."

Литературная сторона была едва-ли ни блѣднѣе. Дальше легкихъ очерковъ и анекдотовъ редакція, положимъ, и не обѣщала ничего, но, очевидно, такое замураливаніе было тоже не добровольнымъ.

Знакомые испытали на себѣ вполнѣ настоящія потребности возрождавшагося общества: послѣднее отнеслось къ нимъ довольно индифферентно; впрочемъ, не могла не имѣть вліянія и цѣна—годъ стоилъ 10 руб. Редакція, повидимому, сама понимала мертвенность своей затѣи, что ясно изъ ея „Прощанья съ публикой" въ послѣднемъ номерѣ *Листка*. „Наша цѣль,—читаемъ тамъ, между прочимъ,—была скромна. Мы только слегка набросали тѣ очерки петербургскихъ нравовъ и особенностей, о которыхъ можно написать цѣлые томы". Далѣе *Знакомые*, извѣщая о прекращеніи своего изданія, привѣтствовали основывавшуюся съ января 1859 года *Искру*, куда переходилъ Степановъ.

Но начиная изданіе *Искры*, Степановъ покидалъ не только свое собственное дѣло: онъ уходилъ и изъ *Сына Отечества* А. В. Старчевскаго, старавшагося воспользоваться общественной страстью къ обличенію и открывшаго съ этой цѣлью отдѣлъ каррикатуръ на задней страницѣ номеровъ своего журнала.

Въ № 27 за 1857 г., отъ 7-го іюля, редакція *Сына Отечества* заявляетъ, что будетъ сверхъ „обѣщанныхъ въ этомъ году восьми эскизовъ съ картинъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ художниковъ, начиная съ іюля, постоянно помѣщать политипажъ, котораго сюжетъ будетъ заимствованъ исключительно изъ русской жизни, игриво переданъ свободнымъ и ловкимъ карандашемъ г. Анненскаго и исполненъ на деревѣ даровитыми нашими русскими художниками, вырѣзывающими на деревѣ, гг. Сѣряковымъ и Куренковымъ. Этотъ новый еще у насъ, игривый родъ живописи нашей русской школы, мы рѣшились открыть рисунками къ «Губернскимъ очеркамъ» Щедрина. Къ рисункамъ этимъ мы нашли необходимымъ предпослать введеніе, которое представляетъ первый рисунокъ: „Встрѣча пріятелей".

Рисунокъ изображаетъ двухъ мужчинъ, встрѣтившихся въ публичномъ саду, у одного въ рукахъ книжка. Подъ нимъ текстъ:

„— Ого, какой рагланъ [1]) на тебѣ! Вѣрно, обстоятельства перемѣнились, видно, ты на хорошемъ жалованьи?

„— Все также, тѣ же 23 руб. сер., да не въ нихъ дѣло — мѣстечко тепленькое.

„— Гм!.. А ты читалъ „Губернскіе очерки“ Шедрина?

„— Нѣтъ еще, но вотъ купилъ, говорятъ, хорошая вещь...

„— Прочти, прочти, книга весьма назидательная“.

Съ 28 № и по 38-й помѣщены иллюстраціи различныхъ сценъ изъ „Губернскихъ очерковъ“, снабженныя точными цитатами оттуда. Затѣмъ идутъ уже иллюстраціи—это вѣрнѣе, чѣмъ каррикатуры,—на всякія мелочи жизни, ничего общаго съ серьезной сатирой не имѣющія. Въ 45 № находимъ первую въ *Сынѣ Отечества* работу Степанова: четыре рисунка къ нравамъ журналистики. Они очень блѣдны и по исполненію и по тексту. Болѣе удачна каррикатура на чиновничьи нравы въ 47 №. Затѣмъ до конца года работаетъ уже одинъ Степановъ, то же продолжаетъ и въ слѣдующемъ, 1858, году. Но и тутъ злой, мѣткой, широкой по замыслу сатиры очень мало; въ большинствѣ случаевъ это перепѣвы Щедрина изъ быта мелкаго провинціальнаго чиновничества, преслѣдованіе общечеловѣческихъ слабостей и т. п.; иногда фигурируетъ пріятель Степанова—композиторъ Глинка.

Текстъ *Сына Отечества* тоже былъ подгоняемъ къ характеру обличеній; Старчевскій пригласилъ Сенковскаго, который и велъ фельетоны „Листокъ барона Брамбеуса“. Но съ первыхъ же шаговъ такое оживленіе журнала встрѣтило препятствія. Такъ, въ №№ 38 и 39 за 1857 г. былъ помѣщенъ разсказъ Ивана Кушперева: „Червячки“. Министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Норовъ, подъ натискомъ главноуправляющаго путями сообщенія, извѣстнаго реакціонера—Чевкина, сдѣлалъ замѣчаніе за пропускъ этого произведенія петербургскому цензурному комитету; предсѣдатель послѣдняго, князь Щербатовъ, нашелъ необходимымъ выяснить министру свой взглядъ на обнаруженіе злоупотребленій вообще и въ своемъ донесеніи писалъ:

„Польза такихъ статей неопровержима: снимать покровъ съ таящагося злоупотребленія, дѣлать его явнымъ, не есть-ли уже нравственно наказывать преступника, а еще болѣе, отвращать другихъ отъ поползновенія къ пороку, слѣдовательно, обращать ихъ къ добродѣтели?.. При томъ § 14 цензурнаго устава, допускающій печатаніе статей «подъ общими чертами осмѣивающихъ общіе пороки и слабости», очевидно, допускаетъ и настоящую статью“ [2]).

А такъ какъ „Червячки“ касались и лицъ военнаго вѣдомства, то Норовъ просилъ заключенія и военнаго министра, Сухозанета. Послѣдній ихъ одобрилъ и сообщилъ Норову, что „по ближайшемъ своемъ разсмотрѣніи этой статьи, онъ, съ своей стороны, находитъ, что за исключеніемъ въ ней мѣстъ, обозначенныхъ краснымъ карандашомъ, со стороны военнаго вѣдомства не встрѣчается препятствій къ напечатанію оной“ [3]). Не такъ смотрѣлъ на дѣло подчиненный Сухозанету предсѣдатель военно-цензурнаго комитета, тоже небезызвѣстный мракобѣсъ, баронъ Медемъ. Онъ находилъ, что статья, „заключая въ себѣ оскорби-

[1]) Родъ пальто, тогда моднаго.
[2]) „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, Спб., 1862 г., 96—97.
[3]) Ibidem, 97.

тельные и насмѣшливые извѣты насчетъ всѣхъ вообще ротныхъ, эскадронныхъ и полковыхъ командировъ, по точному смыслу §§ 22 и 6 Высоч. утв. дополнительной инструкціи къ общему уставу о цензурѣ для руководства военно-цензурнаго комитета, не можетъ быть допущена къ напечатанію въ ея настоящемъ видѣ" [1]).

Баронъ Медемъ замѣчалъ при этомъ, что дозволеніе осмѣивать общіе пороки и слабости „согласовать не трудно съ сохраненіемъ уваженія къ осмѣиваемому предмету; стоитъ только, чтобы авторъ не представлялъ обнаруживаемыя имъ злоупотребленія, какъ явленія общія, въ той или другой части военнаго правленія, а лишь какъ злоупотребленія частныхъ лицъ: это принесетъ еще и ту пользу, что откроетъ правительству всѣ тайныя увертки и хитрыя продѣлки злоупотребленій" [2]). Надо ли говорить, насколько рецептъ Медема не вязался съ § 14 дѣйствовавшаго тогда цензурнаго устава, какъ разъ безусловно запрещавшимъ говорить о лицахъ въ отдѣльности?..

Норова все это не удовлетворило, и вотъ 7-го октября 1857 года послѣдовалъ приказъ по цензурѣ, гдѣ, указавъ на то, что въ „Червячкахъ" „выставляются въ самой грубой картинѣ личности и дѣйствія губернскихъ чиновниковъ и въ особенности чиновъ вѣдомства путей сообщенія", министръ „обращалъ вниманіе на эту статью и вообще на *полицейское направленіе*, которое своевольно и неумѣстно принято въ послѣднее время большинствомъ нашихъ періодическихъ изданій. Обязанность цензуры имѣть благоразумное понятіе того, что можно допускать къ печати и чего нельзя, безъ потрясенія и подрыва общественнаго довѣрія и уваженія къ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ. Подтверждаю всѣмъ цензорамъ быть впредь осмотрительнѣе въ пропускѣ статей, которыя дѣлаютъ изъ журналовъ какую-то *уголовную палату*, а изъ всѣхъ чиновниковъ и администраторовъ, безъ разбора лицъ,—*подсудимыхъ журнальному суду*" [3]).

Я привелъ это дѣло, какъ очень ясно опредѣляющее, въ какихъ условіяхъ приходилось пробиваться сатирѣ и обличенію съ самаго начала, какъ осмотрительно нужно порицать тогдашнія изданія за безсодержательность и безцвѣтность. Когда обличеніе квалифицируется съ „полицейскимъ направленіемъ", а открывающее злоупотребленія изданіе называется „уголовной палатой", тогда не легко обличителямъ и сравнительно спокойно взяточникамъ, насильникамъ и всякаго рода „усмотрителямъ".

Одновременно съ *Знакомыми* второго года ихъ существованія выходилъ еще *Каррикатурный Листокъ* К. Д. Данилова,—тоже, хотя и менѣе Степанова, талантливаго художника. Это не было періодическое изданіе, но выходило серіями по 15 листовъ каждая и, судя по тому, что потребовалось второе изданіе, можно предполагать успѣхъ его у публики. Такіе же большіе листы, какъ и *Знакомыхъ*, тѣ же темы, но нѣсколько острѣе, ярче выраженныя. Если Даниловъ былъ менѣе блестящимъ каррикатуристомъ, зато онъ былъ выше Степанова по умѣнію дать своему рисунку вполнѣ подходящій текстъ, иногда очень смѣшной, иногда до боли грустный. Эта сторона даниловскаго изданія была въ свое время отмѣчена еще Панаевымъ [4]), слѣдовательно, и тогда принималась въ расчетъ публикой.

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) „Сборникъ постановленій etc", 416.
[4]) „Замѣтки Новаго поэта", „Современникъ", 1858 г., LXVIII, кн. 2, 219.

Мнѣ удалось найти только первую серію *Каррикатурнаго Листка*, но по ней можно судить о цѣломъ изданіи. Очень остроуменъ листъ, озаглавленный „Три эпохи тяжбы" и воочію рисующій порядки дореформеннаго суда.

Три эпохи тяжбы.

1

3

4

1) Молодой человѣкъ начинаетъ дѣло.

2) 30 лѣтъ спустя. „— Ну что мое дѣло?—Потерпите еще немного; мы дѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ".

3) „Петя, когда ты будешь большой, не забудь сдѣлать рукоприкладство по моему дѣлу, а то пропустишь срокъ".

4) 30 лѣтъ спустя. Объявленіе рѣшенія.

(№ 2).

Не менѣе удаченъ другой—„Люди на зеленомъ полѣ", гдѣ подъ картинкой: „Преферансъ на службѣ", изображающей важнаго начальника и двухъ подчиненныхъ, подписано:

„*Начальникъ*. Чѣмъ это ты, любезнѣйшій, бьешь козырнаго туза?
„*Подчиненный*. Визитной карточкой-съ вашего превосходительства.
„*Начальникъ*. Хе, хе, хе!“

Безусловно жизненнымъ былъ и такой рисунокъ:

Чиновникъ по особымъ порученіямъ въѣзжаетъ инкогнито въ уѣздный городъ.
(№ 11)

Даниловъ какъ бывшій правовѣдъ, служилъ въ министерствѣ юстиціи и не одинъ разъ пользовался гр. Панинымъ для текста своего „Листка“. Такъ, напримѣръ, когда вельможа-бюрократъ приказывалъ подчиненному составить вѣдомость о еловыхъ шишкахъ, павшихъ съ деревьевъ назадъ тому 24 года, или—заказать обѣдъ у Донона,—всѣ въ министерствѣ понимали, что это—намеки на формалиста-самодура Панина. Данилову дано было понять, что лучше поскорѣе оставить службу [1])...

Останавливаюсь на „Листкѣ“ Данилова потому, что нигдѣ не нашелъ о немъ ничего болѣе или менѣе доступнаго широкой публикѣ, между тѣмъ, сказаннаго уже достаточно, чтобы считать его заслуживающимъ вниманія.

„Весельчакъ“.

Въ періодъ 1856—1860 гг. число періодическихъ изданій, политическихъ, общественныхъ и литературныхъ, увеличилось почти втрое. Органовъ сатирическихъ, однако, было не такъ много; они какъ будто не рѣшались выступать, пока не выяснилось, что печать, а въ особенности обличеніе, можетъ имѣть хоть какой-нибудь шансъ на существованіе. Предыдущая эпоха исключала совершенно такую возможность и потому дѣло это было новое. Послѣ *Знакомыхъ* второго года ихъ изданія, послѣ преобразованій въ *Сынъ Отечества*, возникаетъ первый, въ сущности, настоящій по виду сатирическій журналъ—*Весельчакъ*.

Въ концѣ 1857 г., книгопродавецъ-издатель Адольфъ Плюшаръ, игравшій когда-то очень видную роль въ нашей книжной торговлѣ, задумалъ поправить

[1]) *Н. Колмаковъ*. „Гр. В. Н. Панинъ, министръ юстиціи“, „Рус. Старина“, 1887 г., XII, 770.

свои уже разстроенныя дѣла и съ этою цѣлью рѣшилъ приняться за изданіе сатирическаго журнала, потребность въ которомъ чувствовалъ нюхомъ опытнаго коммерсанта. Союзъ былъ заключенъ съ замѣтнымъ тогда юмористомъ О. И. Сенковскимъ. Послѣдній охотно далъ свое согласіе и настолько энергично взялся за дѣло, что самъ составилъ „частное письмо къ почтеннѣйшей публикѣ", подписанное: „Иванъ Ивановъ, сынъ Хохотенко-Хлопотуновъ-Пустяковскій". Изданіе называлось: „Весельчакъ", журналъ всякихъ разныхъ странностей свѣтскихъ, литературныхъ, художественныхъ и иныхъ". Въ „частномъ письмѣ" публика подготовлялась къ соотвѣтственной его встрѣчѣ. Послѣ шутовского разсказа о причинахъ возникновенія мысли издавать журналъ, Пустяковскій разсказываетъ свои странствія по писателямъ, такъ какъ „нужно было найти трехъ-четырехъ умныхъ писателей, отлично смышленныхъ въ глупости", мастеровъ „выдумать важную глупость, сочинить и отдѣлать такъ натурально, какъ будто бы она была сдѣлана или сказана настоящимъ дуракомъ". „Это, сколько я знаю, писалъ Пустяковскій, удается только его сіятельству графу Владиміру Александровичу Соллогубу". Соллогуба онъ не засталъ въ Россіи, побѣжалъ къ Брамбеусу, отъ него къ Н. В. Кукольнику, А. Ѳ. Погосскому, Н. М. Львову, П. Н. Кушнереву, В. Г. Бенедиктову; всѣ дали свое согласіе принять посильное участіе. Изъ художниковъ Пустяковскій пригласилъ Зиччи, Микѣшина и Лебедева.

Затѣмъ къ читателямъ обращена была такая рѣчь:

„Земля наша широка и обильна, но смѣху въ ней нѣтъ. Люди умные, мужи разумные, послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобы пріятно посмѣяться ради эстомаха, для движенія крови и мысли, для здоровья, садятся на весь вечеръ играть въ карты, насиживаютъ себѣ болѣзни или головныя боли и на слѣдующее утро являются къ дѣламъ въ дурномъ расположеніи духа. Смѣху нѣтъ! Приходите смѣяться съ нами, смѣяться надъ нами, надъ ними, надъ собою, надо всѣмъ и обо всемъ смѣяться, лишь бы только не скучать".

Цѣна была за годъ въ Петербургѣ 4 руб., въ Москвѣ 5 р., вездѣ 5 р. 50 к. Форматъ теперешней „Нивы". Редакторомъ былъ Я. Григорьевъ [1]).

1-го февраля 1858 года вышелъ первый нумеръ *Весельчака.* Заглавная виньетка изображала кабинетъ; на диванѣ, передъ круглымъ столомъ, сидѣли Плюшаръ, Смирдинъ, Григорьевъ и баронъ Брамбеусъ съ трубкой въ зубахъ. Передъ ними стоялъ и очень ихъ, повидимому, забавлялъ самъ Пустяковскій, теперь уже умышленно, разумѣется, отдѣленный отъ Сенковскаго. Въ двери просовывались головы публики. Виньетка была нарисована М. Микѣшинымъ, ему же принадлежали и почти всѣ остальные рисунки. Пустяковскому принадлежали забавные фельетоны, наиболѣе смѣшное въ номерахъ. Но вотъ въ 6 № объявлено о смерти Сенковскаго, а съ 9-го исчезаетъ и редакторъ Григорьевъ. Изъ сотрудниковъ участвовали какъ разъ не тѣ, которые были анонсированы въ „частномъ письмѣ"; попадаются подписи А. А. Козлова, Канибакса (Г. Блока) и др. Ничего серьезно сатирическаго въ *Весельчакѣ* не было, остроумія же и юмора отрицать нельзя. Каррикатуръ, въ сущности, тоже не помѣщали, а лишь иллюстрировали первый чей-нибудь длинный разсказъ. Иллюстраціи подбирались неумѣло и часто совершенно не оттѣняли текста.

---

[1]) У г. Лисовскаго ошибочно сказано: „и О. И. Сенковскій".

Съ № 18 редакторомъ *Весельчака* подписывается Н. М. Львовъ, авторъ пресловутыхъ комедій: „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“ и „Предубѣжденіе“. Такъ какъ этому quasi-драматургу удалось получить бриллiантовый перстень отъ великаго князя Константина Николаевича, то Плюшаръ не преминулъ, конечно, неоднократно подчеркнуть публикѣ „высокія достоинства“ своего новаго редактора. При Львовѣ начинають сотрудничать В. Толбинъ и П. И. Вейнбергъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Тамбова.

Львовъ—натуришка очень мелкая и довольно грязноватая—быстро сдѣлалъ *Весельчакъ* оружіемъ личной злобы и ненависти, главнымъ образомъ, по адресу Панаева („Новаго поэта“), весьма неодобрительно отозвавшагося о его комедіяхъ, а затѣмъ — и вообще всего „Современника“. Онъ просто писалъ пасквиль за пасквилемъ, клевету за клеветой, но всегда при одномъ изъ двухъ условій: или называлъ дѣйствующихъ лицъ вымышленными именами и тогда подписывался полностью, или говорилъ о нихъ прямо, но подписывался „К. И. Журцевъ“. Панаевъ и Некрасовъ фигурировали въ громадныхъ статьяхъ: „Опыты біографіи“ и „Нѣсколько словъ въ видѣ предисловія“. Все это было очень грязно, пошло, отдавало разухабистымъ кабакомъ и публикѣ даже *Весельчака* вовсе не такъ нравилось, какъ думалъ клеветникъ. Не давалось проходу и „Сыну Отечества“, но не потому, что *Весельчакъ* принципіально не сходился съ благонамѣренньмъ журналомъ, а просто въ силу конкуренціи. Въ іюлѣ было выпущено особое прибавленіе: „Литература и ея странности“, вполнѣ соотвѣтствовавшее самому *Весельчаку*. Съ 30-го № начали помѣщать каррикатуры уже безотносительно къ тексту, но онѣ были очень неудачны—плохой каррикатуристъ Микѣшинъ и не могъ дать въ этой области чего-нибудь выше посредственности. Съ № 45-го Львовъ оставляетъ редакцію, а на седьмомъ номерѣ 1859 года *Весельчакъ*, уже съ редакторомъ А. Козловымъ, прекратилъ свое существованіе.

Просматривая его за весь періодъ изданія, нельзя не согласиться съ публикой, не давшей совершенно подписки на второй годъ. При Львовѣ *Весельчакъ* поднялся на ходули и, избѣгая прежняго остроумія, не умѣлъ избѣжать прежней грубости. Въ немъ остались топорныя замашки, а острота исчезла. „Явленіемъ литературнымъ *Весельчакъ* все-таки не сдѣлался“ —писалъ Добролюбовъ, просмотрѣвъ нѣсколько отдѣльныхъ номеровъ, и былъ совершенно правъ [1]). Плюшаръ принималъ всякія мѣры для распространенія своего журнала и, повидимому, достигъ этого; по крайней мѣрѣ, вотъ что находимъ у Добролюбова: „въ трактирахъ онъ есть столь же необходимая принадлежность, какъ «Полицейскія Вѣдомости», на станціи желѣзной дороги сотни экземпляровъ послѣдняго номера *Весельчака* красуются вмѣстѣ съ «Пріятнымъ собесѣдникомъ» г. Булгарина, «Атакой женскихъ сердецъ» г. Ѳедорова и «Предубѣжденіемъ» г. Львова. Изъ книжнаго магазина присылаютъ вамъ книги: онѣ завернуты въ листокъ *Весельчака*; въ него же обернутъ вамъ въ лавкѣ папиросы, свѣчи и т. п. На лоткѣ разносчика, подъ яблоками или апельсинами, разостланъ опять *Весельчакъ*. И, несмотря на такой *избытокъ* экземпляровъ „Весельчака“, ничего нѣтъ труднѣе, какъ достать

[1]) „Собраніе сочиненій“, изд. 5-е, II, 228. Кстати, надо исправить ошибку Добролюбова: „Весельчакъ“ былъ вполнѣ періодическимъ изданіемъ, а не уличнымъ, безсрочнымъ листкомъ.

полный экземпляръ его, съ начала изданія" [1]). Очевидно, нумера раздавались кому угодно, лишь бы рекламироваться. Вотъ почему трудно вѣрится, что у *Весельчака* была сколько-нибудь замѣтная подписка. Сама редакція опредѣляла ее въ 8.000 (см. второе „частное письмо"), Старчевскій говоритъ о 7.000 („Ист. Вѣстн." 1892 г., XI), а одинъ изъ современниковъ доходитъ даже до 9.000 подписчиковъ [2]). Судя по тиражу другихъ, позднѣйшихъ, сатирическихъ изданій, можно смѣло предположить, что Плюшаръ не имѣлъ болѣе 2.000—2.500 подписчиковъ, потому что и закрытъ *Весельчакъ* именно по ихъ недостатку.

Въ сущности, это былъ лишь традиціонный первый блинъ, тотъ опытъ, который и создалъ лучшіе журналы. Плюшаръ и Львовъ показали, какъ *не* слѣдуетъ вести сатирическое изданіе, и въ этомъ вся ихъ заслуга.

Изъ эпиграммъ Щербины врядъ-ли ни самая удачная, именно на *Весальчакъ:*

Всѣхъ патріотовъ „Весальчакъ",
Тупого юмора кабакъ,
Приводитъ въ слезы и раздумье
О нашемъ жалкомъ остроумьѣ.

Уличные листки.

Первая половина 1858 года ознаменовалась еще наплывомъ всевозможныхъ уличныхъ листковъ, выбивавшихся изъ силъ посмѣшить публику. Первый такой листокъ — „Смѣхъ" А. Нестерова, вышелъ 1-го марта, черезъ мѣсяцъ послѣ выхода *Весельчака*, собственно, и вызвавшаго къ жизни всю эту юмористику ужъ черезчуръ низкаго пошиба. Четыре года тому назадъ издатели листковъ наводняли Россію „патріотическими" брошюрами, имѣя видъ бутафорскихъ рыцарей; теперь они спѣшили заставить ее смѣяться, походя на заурядныхъ, грубыхъ клоуновъ. Я не буду подробно останавливаться на содержаніи этой quasi-юмористики, потому что оно хорошо обрисовано Добролюбовымъ [3]), а сдѣлаю лишь необходимыя замѣчанія и нѣкоторыя дополненія, поправки.

Полный списокъ листковъ читатель найдетъ въ трудѣ г. Лисовскаго: „Русская періодическая печать 1703—1894 гг." [4]), у Добролюбова онъ съ пробѣлами. Изъ тридцати двухъ листковъ только три вышли въ Москвѣ, остальные всѣ— въ Петербургѣ. Въ сущности, это были совершенно безпрограмныя спорадическія изданія, и потому замѣчаніе г. Лисовскаго, что они имѣли програму подобную *Весельчаку*, является просто неточностью: почтенный библіографъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать, что ихъ содержаніе было близко по характеру къ плюшаровскому журналу. Содержаніе ихъ, дѣйствительно, аналогично съ *Весельчакомъ*, но все-таки, нельзя не признать, что послѣдній былъ выше своихъ уличныхъ послѣдователей. Тутъ часто просто-на-просто одинъ наборъ словъ, ругательствъ, циничныхъ поговорокъ и пословицъ, и все это гдѣ прикрыто, а гдѣ и нѣтъ ясной аферой,

---

[1]) Ibidem.
[2]) *В. Ивановъ*, „Наши сатирическіе журналы и фельетонная сатира", „Всемірный Трудъ" 1867 г., VIII.
[3]) „Собранія сочиненій", изд. 5-е, IV, 224—234.
[4]) Выпускъ II, стр. 35.

желаніемъ сорвать пятачокъ—обычная цѣна листковъ. Читая *Весельчакъ*, то смѣешься, при этомъ все-таки, иногда искренно и много, то негодуешь, но все это непосредственно благодаря самому содержанію, его сути; читая листки—а мнѣ удалось собрать ихъ болѣе двухъ третей—большею частью поражаешься только тупости и пошлости совершенно часто безграмотныхъ авторовъ; смѣхъ и негодованіе вызываются уже не содержаніемъ, а просто формой изложенія, способомъ выраженія. Еще одна черта: хронологически первые листки, все-таки, хоть на что-нибудь похожи, ну, хоть на желаніе сравняться съ *Весельчакомъ*, послѣдніе же—исключительная бездарность, безсмысленность и афера. У Добролюбова упомянуто показаніе „Сплетника" объ успѣхѣ „Смѣха", выразившемся въ 13.000 экземплярахъ. „Сплетникъ" сболтнулъ такъ: я знаю лично отъ издателя „Смѣха"—лучшаго листка—что въ суммѣ, во всѣхъ видахъ онъ даже не выпустилъ болѣе 8.000 экземплеровъ, да и тѣ не разошлись. Вообще тиражъ листковъ не оправдалъ ожиданій издателей и вся эта „юмористика" закончилась къ серединѣ же года, такъ что цензурныя стѣсненія, о которыхъ я сейчасъ скажу, были, собственно, уже post factum, въ предупрежденіе будущаго.

У меня есть подлинные цензорскіе экземпляры „Смѣха", изъ которыхъ ясно общая тенденція петербургскаго цензурнаго комитета (цензировали въ разное время Бекетовъ и Палаузовъ) по возможности лишить листки значенія періодическаго изданія. Первый нумеръ „Смѣха" былъ представленъ съ помѣткой *№ 1*; Бекетовъ передѣлалъ единицу на нуль, такъ онъ и вышелъ затѣмъ № 0; а черезъ двѣ недѣли—№ 00. Третій разъ издатель написалъ уже: № 000, но Бекетовъ совсѣмъ вычеркнулъ это указаніе, и „Смѣхъ" вышелъ съ подзаголовкомъ: „(подъ хрѣномъ)". Въ первомъ нумерѣ вычеркнуты такія строки, являвшіяся подражаніемъ частнымъ газетнымъ объявленіямъ: „Господинъ Вельзевуловъ ищетъ мѣста повара, на такихъ условіяхъ, что жалованье будетъ получать онъ, а работать вмѣсто него крѣпостной его человѣкъ Никита, или иначе: отпускается отъ господъ въ услуженіе поваръ". Очевидно, къ уличной литературѣ были особенно внимательны и при общей тенденціи не давать мѣста статьямъ о крѣпостномъ правѣ, боялись даже напоминать о его существованіи... Когда смотришь на эти цензорскіе экземпляры, то положительно неудоумѣваешь, какъ можно было тамъ что-либо вычеркивать; ни одной серьезной мысли, ни одного „вреднаго" звука, словомъ, ничего, привлекавшаго взоры тогдашней цензуры.

Подъ 17 мая 1858 г. Никитенко записалъ въ своемъ „Дневникѣ": „Въ главномъ управленіи училищъ генералъ-губернаторъ напалъ на несчастные листки, которыхъ развелось нынѣ множество и которые продаются на улицѣ по пяти копеекъ. Это его пугаетъ. Между тѣмъ, въ этихъ листкахъ нѣтъ ничего ни умнаго, ни опаснаго; имъ строго воспрещено печатать что-нибудь, относящееся къ общественнымъ вопросамъ. Это пустая болтовня для утѣхи гостинодворцевъ, грамотныхъ дворниковъ и пр. Одинъ господинъ литераторъ и мнѣ говорилъ, что ихъ слѣдовало бы запретить.—„Зачѣмъ?" отвѣчалъ я. Конечно, это вздоръ, но онъ пріучаетъ грамотныхъ людей къ чтенію; все-таки это лучше, кабака и харчевни" [1]). Никитенко не ошибся: 22-го мая, а затѣмъ и 13-го августа министромъ просвѣщенія были изданы циркуляры, предписывавшіе: „1) руководствоваться въ точ-

[1]) „Рус. Старина", 1890 г., IX. 597.

ности относительно этихъ листковъ высочайшимъ повелѣніемъ 1850 г. касательно цензуры книгъ для простого народа, 2) воспретить придавать симъ листкамъ наружную форму, исключительно принадлежащую періодическимъ изданіямъ вообще, а въ особенности газетамъ и 3) не допускать въ нихъ никакихъ безнравственныхъ статей, намековъ и выраженій" [1]).

Но какъ бы ни было мелко и безцвѣтно содержаніе этихъ „Сплетниковъ", „Смѣховъ", „Рододендроновъ" и tutti quanti, во всякомъ случаѣ, появленіе ихъ именно и только въ періодъ пересмотра и перестройки русской дѣйствительности, въ эпоху обличенія и протеста, крайне характерно. Это было какъ будто желаніе загладить патріотическое самодовольство недавней эпохи, посмѣяться надъ тѣмъ, что только наканунѣ воспѣвалось и идеализировалось. Вотъ почему для анализа настроенія массы фактъ этотъ не можетъ быть пройденъ молчаніемъ.

Настоящее обличеніе, гроза неправды, неумолимый бичъ сатиры уже готовились: въ концѣ 1858 года появляются объявленія объ изданіи съ января *Искры*.

„Искра".

В. С. Курочкинъ и Н. А. Степановъ.

Сначала о самихъ основателяхъ и ближайшихъ руководителяхъ этого и понынѣ лучшаго русскаго сатирическаго журнала—Василіи Степановичѣ Курочкинѣ и Николаѣ Александровичѣ Степановѣ.

Къ сожалѣнію, все еще нѣтъ сколько-нибудь подробной біографіи Курочкина, поэтому мы принуждены ограничиться лишь немногими свѣдѣніями для характеристики этого далеко недюжиннаго человѣка.

Родился онъ въ 1831 г.; воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ былъ переведенъ въ Дворянскій полкъ, который и окончилъ въ 1849 г. прапорщикомъ л.-гв. Гренадерскаго полка. Корпусный учитель словесности, извѣстный переводчикъ и критикъ,—Иринархъ Введенскій,—видѣлъ въ Курочкинѣ задатки писателя и не мало помогъ ему своими совѣтами и указаніями. Уже въ Дворянскомъ полку В. С. сталъ издавать журналъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ однокашникъ его, г. Миклашевскій: „...въ одну изъ лекцій Введенскаго мы поднесли ему довольно объемистую тетрадь, величиною въ листъ писчей бумаги; на верхнемъ листѣ перомъ была нарисована хорошенькая виньетка, съ крупною надписью: «Дворянскій Вѣстникъ». На первой страницѣ сіяли стихи В. С. Курочкина, потомъ какой-то разсказъ въ прозѣ Д. Д. Минаева и, наконецъ, критическій отдѣлъ былъ мой; конечно, на второй уже мѣсяцъ журналъ не вышелъ. за недостаткомъ матеріала [2]).

Въ цитированныхъ воспоминаніяхъ есть описаніе одного эпизода, очень цѣнное для характеристики Курочкина, какъ прекраснаго товарища,—качество его характера перешедшее изъ стѣнъ Дворянскаго полка въ жизнь до самой могилы.

---

[1]) „Сборникъ постановленій etc", 429. Названное высоч. повелѣніе подробно изложено во второмъ очеркѣ.
[2]) „Дворянскій полкъ въ 40-хъ годахъ". „Рус. Старина", 1891 г., I, 117.

(„Галлерея портретовъ“ изд. Мюнстера).

При командирѣ полка Г. кадетъ кормили очень плохо, а помѣщеній совсѣмъ почти не отапливали. Холода стояли страшные, и вотъ однажды кадеты рѣшили истопить печи ясеневыми табуретами, составлявшими ихъ единственную мебель. Командиръ полка немедленно поскакалъ съ докладомъ-жалобой къ великому князю Михаилу Павловичу. Великій князь приказалъ всѣхъ высѣчь, зачинщиковъ сдать въ солдаты, выпускъ отсрочить на годъ, сбавить всѣмъ по баллу за поведеніе и не пускать въ отпускъ всѣхъ впредь до особаго приказанія. Все это было исполнено. Между тѣмъ, приближался 25-тилѣтній юбилей Михаила Павловича. Курочкину пришла въ голову мысль получить амнистію товарищей.

„Наконецъ,—разсказываетъ г. Миклашевскій—настал юбилейный день... Не помню ни дня, ни числа, когда это было. Классовъ по этому случаю не было. Замѣтили мы съ утра, что Курочкинъ что-то особенно суетится; ему дали все новенькое, все блестящее, онъ уже одѣлся. Герцыгъ (ротный командиръ) пріѣхалъ тоже въ полной парадной формѣ, со всею тщательностью осмотрѣлъ Курочкина и всю его аммуницію, обративъ вниманіе даже на сапоги. Оказалось, наконецъ, что Василій Курочкинъ сочинилъ ко дню юбилея великаго князя стихи; его вмѣстѣ со стихами везли во дворецъ представить юбиляру. Всѣхъ стиховъ не помню, но вотъ ихъ первый куплетъ:

„Въ великій день воспоминанія
Твоихъ дѣяній и заслугъ,
Пріими, какъ дань, символъ признанія
Твоихъ младыхъ, но вѣрныхъ слугъ“ и т. д.

„Стихи были написаны очень хорошо и хорошимъ языкомъ, мы, однако же не придавали этому никакого особеннаго значенія и ничего хорошаго для себя не ждали. Въ 4 часа Курочкинъ вернулся изъ дворца вмѣстѣ съ Герцыгомъ. Мы, конечно, его обступили; прелестный брилліантовый перстень красовался на правой рукѣ Курочкина, самъ онъ сіялъ необыкновеннымъ восторгомъ и радостью. Намъ дана была полная амнистія... Восторгъ былъ полный, каждый чувствовалъ что-то особенное къ Курочкину, тутъ была и благодарность, и уваженіе, и нѣкоторая гордость, что-де и между нами явился поэтъ“ [1]).

Приведенный разсказъ, между прочимъ самъ по себѣ свидѣтельствуетъ, до какой степени несправедливы обвиненія, взведенныя впослѣдствіи на Курочкина, котораго его многочисленные личные враги старались выставить „прислужникомъ-поэтомъ“. Какъ читатели сами могутъ убѣдиться, побужденія юнаго поэта были совсѣмъ иныя, и враги Курочкина (въ томъ числѣ Лѣсковъ) совершенно извращали факты, лишь бы выставить его въ дурномъ свѣтѣ.

Дворянскій полкъ былъ оконченъ Курочкинымъ на 18-мъ году. Дѣлая общую характеристику будущаго талантливаго переводчика и редактора *Искры*, г. Миклашевскій говоритъ: „Василій Курочкинъ, какъ товарищъ, былъ очень странный, какой-то непонятный: то бывало, отъ души, простодушно хохочетъ отъ какихъ-нибудь пустяковъ, то бродитъ угрюмо, и всегда около стѣнки, ни съ кѣмъ не разговариваетъ, и тогда его уже ничѣмъ не разсмѣшите, что-то болтаетъ и бормочетъ самъ съ собой. На его лицѣ была какая-то иронія, такъ бы вотъ, кажется, и осмѣялъ всѣхъ и все; онъ какъ будто всѣхъ чуждался, всѣхъ избѣгалъ, но въ сущности это была очень мягкая, дѣтски-прямодушная и далеко не заносчивая натура... Переводить Беранже онъ началъ еще въ стѣнахъ Дворянскаго полка, скрывая объ этомъ отъ всѣхъ; весьма немногимъ читалъ онъ свои произведенія...“ [2]).

Офицеромъ Курочкинъ пробылъ около трехъ лѣтъ,—„проведя годъ на гауптвахтѣ, куда попалъ, по словамъ г. Скабичевскаго, по суду за самовольное оставленіе взвода, возвращавшагося съ парада, что было замѣчено императоромъ Николаемъ... Затѣмъ, по приговору полевого суда, онъ былъ посаженъ на мѣсяцъ въ крѣпость, послѣ чего попытался было вступить въ военную академію, но это ему не удалось, и онъ вышелъ въ отставку изъ военной службы. Не имѣя средствъ, Курочкинъ опредѣлился въ вѣдомство путей сообщенія, на жалованье въ

[1]) Ibid., 119—124.
[2]) Ibid., 124—125.

14 руб. въ мѣсяцъ, которымъ и довольствовался въ теченіе почти двухъ лѣтъ, до полученія патидесятирублеваго мѣста“ [1]).

Но путейская служба, да еще за канцелярскимъ столомъ, не могла, разумѣется, заполнить даже и частично внутреннюю жизнь кипучей натуры. В. С. серьезно занимается своимъ литературнымъ образованіемъ и съ 1855 года начинаетъ печататься въ „Сынѣ Отечества“, потомъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Современникѣ“ и др. изданіяхъ и въ короткое время дѣлается очень популярнымъ, благодаря талантливымъ переводамъ Беранже, которыми онъ по преимуществу и прославился. Переводы другихъ авторовъ—Мольера, Гюго, Барбье, Шиллера и пр.—не были такъ блестящи. Но Беранже всецѣло обязанъ Курочкину своимъ успѣхомъ въ Россіи. При первой возможности жить на литературный заработокъ, В. С. совершенно бросилъ службу и окунулся въ писательское дѣло со всѣми его радостями, горестями и печалями. Знавшій его довольно близко, г. Скабичевскій характеризуетъ Курочкина, какъ горячаго энтузіаста всѣхъ передовыхъ идей своего времени, какъ неподкупнаго рыцаря, всегда свято чтившаго славныя имена Бѣлинскаго, Добролюбова, Герцена, всегда готоваго на бой за внесенные ими идеалы. „Въ то же время въ практической жизни это было дитя, блуждающее въ лѣсу. Не говоря о какихъ-либо своекорыстныхъ заботахъ и разсчетахъ, онъ и въ дѣлѣ общественнаго служенія не помышлялъ о завтрашнемъ днѣ и, какъ истинный сынъ вѣка, жилъ увлеченіемъ сегодняшняго протеста. Это была чистая, прозрачная душа, чуждая какой-либо раздвоенности или затаенности; у Курочкина не было ничего на душѣ, чего не было бы на языкѣ“ [2]). Эту характеристику можно считать совершенно вѣрной: ей не противорѣчатъ тѣ изъ знавшихъ Курочкина, которые не состояли въ рядахъ его личныхъ враговъ; изъ разспросовъ нѣкоторыхъ и теперь еще живыхъ его товарищей и знакомыхъ я вынесъ совершенно аналогичное впечатлѣніе.

Но почему-то г. Скабичевскій умолчалъ о двухъ важныхъ явленіяхъ въ жизни Курочкина: о его страсти къ вину и о неудачномъ бракѣ. Въ данномъ случаѣ такая „скромность“ неумѣстна, потому что понять всего Курочкина безъ этихъ двухъ обстоятельствъ почти невозможно. Когда Василій Степановичъ бывалъ въ веселомъ обществѣ, онъ считался общимъ забавникомъ и острякомъ, шутилъ и каламбурилъ, словомъ, снаружи походилъ, пожалуй, на своего излюбленнаго французскаго автора. Но въ душѣ его происходила постоянная борьба именно вслѣдствіе разлада въ семейной жизни, вслѣдствіе брака на совершенно неразвитой женщинѣ, которую знали всѣ пріятели Курочкина [3]). Не позволяя себѣ никакихъ разоблаченій интимнаго свойства, я все же не могу не указать на это обстоятельство, пользуясь свидѣтельствами Н. К. Михайловскаго, В. Р. Щиглева, Н. А. Лейкина, А. Г. Шиле, П. К. Мартьянова и другихъ.

Вотъ что, между прочимъ, пишетъ первый изъ нихъ: „По тогдашней моей молодости, я считалъ В. С. очень веселымъ человѣкомъ. Можетъ быть, вино дѣйствовало на него иногда и угнетающимъ образомъ, но я его такимъ не видалъ. На моихъ глазахъ вино только усиливало его добродушную веселость и остроуміе, онъ сыпалъ каламбурами, остротами, экспромтами, смѣшилъ и самъ хохоталъ. А

[1]) „Исторія нов. рус. литературы“, изд. 3-е, 459—460.
[2]) Ibid., 460.
[3]) Любопытно, что и Беранже женился неудачно.

между тѣмъ, какъ я оцѣнилъ впослѣдствіи, съ этимъ смѣхомъ сочеталось глубокое и постоянное горе, даже не одно, а, по крайней мѣрѣ, два горя [1]). Дальше авторъ называетъ эти два горя: одно—необходимость жертвовать собственнымъ талантомъ, тратя силы и время на черную редакторскую работу, другое—„условія его семейной жизни". По словамъ Н. К. Михайловскаго, „Курочкинъ топилъ свое горе въ винѣ". Мартьяновъ подробнѣе остановился на этомъ второмъ горѣ. „Редакторъ *Искры*—пишетъ онъ—былъ человѣкъ строгихъ правилъ, твердый и рѣшительный. Его положительность и неуклонность въ принятомъ рѣшеніи была извѣстна. Но во всемъ, касавшемся лично его и семейныхъ дѣлъ, онъ находился подъ вліяніемъ этой простой и необразованной женщины. Во всѣхъ его домашнихъ столкновеніяхъ съ нею ей стоило только нахмуриться, возвысить голосъ, прикрикнуть—и бѣдный В. С., по мѣткому его выраженію, «старался устраниться», стушевывался, умолкалъ или уходилъ прочь" [2]). Я не знаю точнаго времени женитьбы Курочкина, но есть вѣрныя основанія предполагать, что она произошла въ первые годы изданія *Искры*, по крайней мѣрѣ, не позже.

По мѣткому выраженію Н. К. Михайловскаго, талантъ В. С. былъ „хоровой". „Курочкина,—говоритъ онъ,—занимала преимущественно организаторская сторона дѣла. По свидѣтельству людей, знавшихъ Курочкина въ лучшую пору *Искры*, онъ былъ положительно душой газеты, настоящимъ дѣятельнымъ ея организаторомъ, собиравшимъ и распредѣлявшимъ подходящія силы. Несмотря на все свое авторское самолюбіе, онъ топилъ свой талантъ въ дѣлѣ газеты: здѣсь давалъ мысль, предоставляя выработку формы другимъ, тамъ бралъ на себя только форму, и я думаю, что весьма трудно было бы опредѣлить, что именно принадлежало въ *Искрѣ* Курочкину и что другимъ. Онъ и создавалъ и вербовалъ солдатъ, и самъ исполнялъ невидную солдатскую работу. Въ этомъ состояла вся его самостоятельная литературная дѣятельность; внѣ *Искры* онъ былъ только талантливый переводчикъ Беранже. Онъ вполнѣ отвѣчалъ своему собственному идеалу газетнаго человѣка. Я не думаю, чтобы блестящая пора *Искры*, даже при вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ, могла повториться въ жизни Курочкина, но только потому, что жизненныя неудачи сильно помяли его, да и годы взяли свое, хоть онъ умеръ далеко не старымъ человѣкомъ: 42 лѣтъ" [3]).

Въ своемъ мѣстѣ читатели ознакомяться съ исторіей самой *Искры*, теперь же замѣчу, что послѣ блестящаго своего періода 1859—1864 гг., она изъ года въ годъ влачила все болѣе жалкое существованіе и, наконецъ, прекратилась въ 1873 г. Курочкинъ послѣдніе годы жизни принужденъ былъ работать въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" Полетики и, самъ безпечный всю свою жизнь, умеръ отъ безпечности врача, сдѣлавшаго ему усиленное подкожное вспрыскиваніе морфія.

---

[1]) „Литер. воспоминанія и современ. смута", I, 32—37. Въ сентябрьской книжкѣ „Міра Божьяго" за 1903 г., сынъ Н. А. Степанова, С. Н. Степановъ, помѣстилъ небольшое „письмо въ редакцію" съ цѣлью „указать на нѣкоторыя неточности", вкравшіяся въ мою статью, предлагаемую здѣсь вниманію читателя. Такъ, онъ, между прочимъ, пишетъ: „несправедливо было бы говорить о Курочкинѣ, какъ о человѣкѣ, одержимомъ страстью къ вину. Дѣйствительно, онъ любилъ выпить въ веселой компаніи, но пьяницей (какъ многіе люди того времени) онъ никогда не былъ". Пьяницей не называю Курочкина и я, а все сказанное мною подтверждаетъ и самъ г. Степановъ, не расходящійся, въ сущности, съ показаніями друзей и пріятелей Василія Степановича. Въ чемъ же здѣсь моя неточность?

[2]) „Дѣла и люди вѣка", 1893 г., I, 222.

[3]) „Собр. соч.", III, 593—600. Тутъ небольшая ошибка: Курочкину въ годъ смерти (1875 г.) было 44 года.

На похороны собрались человѣкъ тридцать-сорокъ литераторовъ, но больше никого не было... Курочкина забыли; не помнятъ его и теперь, а надо бы помнить...

Н. Степанов

(„Галлерея портретовъ" изд. Мюнстера).

Николай Александровичъ Степановъ родился въ 1807 г., съ ранняго дѣтства рисовалъ каррикатуры на окружающихъ, воспитывался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, изъ котораго въ 1826 г. былъ выпущенъ съ чиномъ XII класса, и въ слѣдующемъ году отправился въ главное управленіе Восточной Сибири, съ

откомандированіемъ въ Красноярскъ, гдѣ отецъ его былъ губернаторомъ. Тогдашняя Сибирь, бывшая средоточіемъ произвола, беззаконія и взяточничества въ высшей степени возможнаго въ Россіи—вдохновила Степанова, и вотъ онъ надумываетъ сатирическій журналъ—„Минусинскій Раскрыватель". Изъ затѣи ничего не вышло, но, какъ попытка въ 1828 году, она очень характерна. Въ 1833 г. Н. А. ѣдетъ въ Петербургъ и поступаетъ въ департаментъ государственнаго казначейства. Страсть съ каррикатурѣ, преимущественно на чиновничество, не ослабѣваетъ. Вскорѣ, по мѣрѣ расширенія умственнаго горизонта, поле ея расширяется... Осенью 1843 г. Степановъ женится на сестрѣ композитора Даргомыжскаго, а немного спустя выходитъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника и Владиміромъ 4-й степени. Публичное „крещеніе своего карандаша" Н. А. получаетъ въ „Ералашѣ" Неваховича (сатирическій журналъ 1846—1849 гг.); въ 1848 г. выпускаетъ свои каррикатуры въ „Иллюстрированномъ Альманахѣ" „Современника" [1]), а въ слѣдующемъ—вмѣстѣ со своимъ зятемъ Даргомыжскимъ издаетъ „Музыкальный альбомъ".

Цензоръ нашелъ, что въ иллюстраціяхъ альманаха легко узнать каррикатурные портреты многихъ лицъ, очень извѣстныхъ публикѣ (Кукольника, Булгарина, Краевскаго, Брандта, Каратыгиныхъ и др.). Когда же редакція указала на согласіе нарисованныхъ лицъ — этотъ обычай пользовался прочностью традиціи вплоть до наступленія эпохи обличенія,—цензоръ отвѣтилъ, что,—„допустивъ однажды каррикатуры литераторовъ и артистовъ, цензура встрѣтитъ, несомнѣнно, большее затрудненіе впослѣдствіи. Пущенныя въ ходъ каррикатуры не остановятся на однихъ литераторахъ и артистахъ. Любители изданій этого рода захотятъ потомъ выводить въ нихъ администраторовъ, а, наконецъ—и освободиться отъ необходимости отбирать на это согласіе" [2]).

Въ то же время Степановъ лѣпитъ статуэтки-каррикатуры и бюстики выдающихся современниковъ, успѣхъ которыхъ вначалѣ превосходитъ всѣ ожиданія: въ миніатюрѣ они появились въ видѣ фарфоровыхъ пробокъ и гутаперчевыхъ куколъ и продавались просто на улицахъ [3]).

Все это дало Степанову имя талантливаго каррикатуриста. И оно вполнѣ заслужено. Если Степановъ не обладалъ широкимъ развитіемъ и образованіемъ, если онъ самъ не былъ передовымъ бойцомъ новыхъ идей, то въ немъ была необыкновенная способность, во-первыхъ, оттѣнить смѣшныя стороны даннаго лица или извѣстнаго факта, во-вторыхъ, быстро схватывать чужую мысль и давать ей образное выраженіе. Послѣднее нуждается въ поясненіи. Я совершенно не могу согласиться съ тѣми, кто приписываетъ Степанову безусловно самостоятельную иниціативу бойкой, мѣткой, злой каррикатуры, особенно—обществен-

---

[1]) Г. Трубачевъ, свѣдѣніями котораго о Степановѣ поневолѣ приходится пользоваться, впадаетъ въ очень большую ошибку, говоря, что Н. А. „посылались на предварительный просмотръ и одобреніе" всѣ статьи альманаха и что это происходило потому, что, „*можетъ быть, Панаевъ и Некрасовъ находили, что Степановъ компетентнѣе ихъ въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній*". Во-первыхъ, уже одно имя Бѣлинскаго, при жизни котораго альманахъ былъ разрѣшенъ сначала цензурой—гарантія за невмѣшательство въ литературное дѣло чужого человѣка, даже и бывшаго пайщикомъ альманаха; во-вторыхъ, можно-ли серьезно говорить это наивное „можетъ быть"? Надо не знать совершенно ни Панаева, ни тѣмъ болѣе Некрасова, чтобы дѣлать такія предположенія. Подробности объ альманахѣ читатель найдетъ въ воспоминаніяхъ А. Я. Головачевой-Панаевой: „Русскіе писатели и артисты", а также ниже въ моемъ второмъ очеркѣ.

[2]) Цензура въ царствованіе императора Николая I", „Рус. Старина", 1903 г., VIII, 411.

[3]) *П. Каратыгинъ*, „Сѣверная Пчела", „Русск. Архивъ", 1882 г., IV.

ныхъ явленій. Наоборотъ, знавшіе его всѣ въ одинъ голосъ повторяютъ, что Степановъ всегда очень внимательно прислушивался къ тому, что говорилось въ редакціи *Искры*, и быстро схватывалъ необходимую для каррикатуры чужую мысль. Это свидѣтельство какъ нельзя лучше подтверждается фактами: пока Н. А. не окружала живая компанія, всѣ его работы были гораздо ниже тѣхъ, которыми онъ началъ *Искру*, гдѣ, особенно въ опредѣленные дни, или на его же „пятницахъ“ была всегда „непротолченая труба“ народа. Въ „Сынѣ Отечества“ онъ, какъ мы уже видѣли, не бывалъ—каррикатуры зато блѣдны. Впрочемъ, немногое могло бы дать ему общество Старчевскаго... Въ *Искрѣ* же пятидесятидвухлѣтняго старика окружалъ дружный кружокъ молодежи, полной силы и сатирическихъ способностей.

Конечно, за Степановымъ нельзя отрицать громадныхъ заслугъ, но преувеличивать ихъ тоже нельзя [1].

Какъ возникъ журналъ. Выходъ перваго нумера. Составъ сотрудниковъ.

Трудно сказать категорически, кому принадлежала мысль основанія *Искры*. Вѣроятнѣе, что Курочкину, еще въ 1857 г. задумавшему открыть первый тогда сатирическій журналъ и, только въ виду неудачи, перешедшему на время въ степановскіе *Знакомые*. Степанову эта мысль улыбалась: „*Знакомые*“ не удовлетворяли его. Приходилось лишь выжидать болѣе благопріятнаго времени, того общественнаго одушевленія, которое особенно усилилось къ 1859 году [2]. Современники въ одинъ голосъ говорятъ въ пользу именно моего предположенія, а хорошо знавшая семью Степанова, А. Г. Шиле, положительно утверждаетъ, что и матеріальное обезпеченіе первыхъ шаговъ журнала было дѣломъ рукъ Курочкина. Въ основаніе были положены 6,000 рублей, полученные В. С. отъ милліонера-откупщика Кокорева черезъ С. В. Максимова. „Водочный король“, какъ извѣстно, любилъ полиберальничать и, когда Максимовъ нарисовалъ ему перспективу бойкаго молодого обличительнаго органа, Кокоревъ отвалилъ отъ своихъ щедротъ эту для него ничего не значившую сумму, которую и получилъ обратно изъ подписныхъ денегъ на 1860 годъ—второй годъ изданія *Искры*, черезъ того же Максимова. При этомъ нужно замѣтить, что относительно Кокорева *Искра* вела себя всегда и съ самаго начала совершенно самостоятельно и свободно, не разъ давъ ему почувствовать свои взгляды на „культуру“ и на откупную систему.

---

[1]) Иначе поступилъ г. Трубачевъ и тѣмъ еще больше испортилъ свою и безъ того однобокую статью.

[2]) С. Н. Степановъ, въ цитированномъ уже „письмѣ въ редакцію“ говоритъ: „Мысль изданія «Искры» всецѣло принадлежала моему отцу. Онъ началъ лелѣять ее *вскорѣ по прекращеніи „Знакомыхъ“* и сталъ подыскивать себѣ подходящаго товарища по изданію. Переводы изъ Беранже указали ему на В. С. Курочкина, какъ на очень подходящаго человѣка, и онъ познакомился съ нимъ черезъ посредство Ѳед. Кар. Гебгардта (брата извѣстнаго Ив. Карл.), носившаго долго послѣ того, у насъ въ семьѣ, прозвище крестнаго отца „Искры“.—Я не знаю, почему Гебгардтъ пользовался такимъ прозвищемъ, но указанія г. Степанова, съ его словъ еще раньше попавшія въ статью г. Трубачева, положительно невѣрны. „Знакомые“ прекратились за *десять дней* до выхода „Искры“; въ послѣднемъ номерѣ ихъ за 1858 г. есть даже каррикатура перехода Н. А. Степанова въ „*Искру*“. Слѣдовательно, все это было задумано и рѣшено гораздо раньше. Во-вторыхъ, я уже говорилъ, что Курочкинъ работалъ въ „Листкѣ Знакомыхъ“; слѣдовательно, и безъ Гебгардта былъ знакомъ со Степановымъ.

Для этого достаточно посмотрѣть хотя бы только первый, 1859, годъ... Тамъ, его портреты и какъ „цивилизовавшагося“ мужика, и какъ откупщика-благодѣтеля...

Мужичекъ, слѣдящій за прогрессомъ. (1859 г. № 25).

Откупщикъ. — За что же ты благодаришь меня?

— Какъ же, батюшка, не благодарить? бывало, выпьешь въ вашемъ заведеніи винца на 10 копеекъ да потеряешь шапку и рукавицы, а вотъ сегодня на 30 к. выпилъ — и какъ ни въ чемъ не бывало.

Откупщикъ. — Мошенникъ. (1859 г. № 27).

Въ концѣ 1858 года при газетахъ разсылалось, а въ книжныхъ магазинахъ раздавалось объявленіе о выходѣ въ слѣдующемъ году „сатирическаго журнала съ карриктурами *Искра*“. Послѣ зазывательно-лавочнаго объявленія *Весельчака*, скромное анонсированіе *Искры* не могло не обратить на себя вниманіе серьезностью и дѣловитостью. „На нашу долю,—говорилось тамъ,—выпадаетъ разработка общихъ вопросовъ путемъ *отрицанія ложнаго во всѣхъ его проявленіяхъ въ жизни и въ искусствѣ*. Этою задачею объясняется характеръ комизма, составляющаго спеціальность нашего изданія...“ „Средствомъ достиженія нашей цѣли, какъ это видно изъ самаго заглавія изданія, будетъ сатира въ ея *общемъ обширномъ смыслѣ*. Рядомъ съ сатирою строго-художественною читатели будутъ постоянно встрѣчать въ нашемъ изданіи ту вседневную, практическую сатиру, образцы которой хорошо извѣстны читающимъ иностранныя и преимущественно англійскія этого рода изданія, и которая, уступая первой въ глубинѣ содержанія и красотѣ формы, достигаетъ однихъ съ нею результатовъ всѣмъ доступною мѣткостью выраженія и упорствомъ въ непрерывно продолжающемся преслѣдованіи *общественныхъ* аномалій. Обширная область этой сатиры, въ ея высокомъ значеніи, съ одной стороны, съ другой — примыкаетъ къ *шуткѣ*, все значеніе которой ограничивается *веселостью*, не выходящею, разумѣется, изъ пре-

дѣловъ литературнаго приличія. Эта безпритязательная, бойкая веселость, сама въ себѣ заключающая свою цѣль и значеніе и всѣми признанная необходимою въ жизни, не составляя главнаго въ нашемъ изданіи, никакимъ образомъ не можетъ быть изъ него исключена".

1-го января 1859 г. вышелъ первый нумеръ *Искры* за подписью редакторовъ-издателей Н. Степанова и В. Курочкина.

Это была первая болѣе или менѣе серьезная бомба хорошо отлитой пушки.

На первомъ мѣстѣ стояли стихи В. С. Курочкина, въ концѣ которыхъ, встрѣчая новый годъ, онъ какъ бы кратко выразилъ свою програму:

„Съ Новымъ Годомъ, братья! Сдвинемъ чаши;
Добрымъ словомъ встрѣтимъ Новый годъ
И—впередъ! Отважнѣе впередъ!
Пусть добромъ насъ вспоминаютъ дѣти наши
И царя благословитъ народъ!
Пусть заря всѣхъ дремлющихъ разбудитъ
И святого торжества идей
Мракъ не сгонитъ, холодъ не остудитъ.
Съ новымъ счастьемъ! И что будетъ—будетъ
Черезъ триста шестьдесятъ пять дней!"

Дальше шли стихи П. И. Вейнберга, разсказъ И. И. Панаева и другіе отдѣлы. Размѣръ журнала, и потомъ не измѣнившійся, былъ немного болѣе нынѣшней „Нивы", объемъ—около печатнаго листа, цѣна въ Петербургѣ—6 р., въ провинціи—7 р. 50 к. Въ каррикатурномъ отдѣлѣ участвовали Н. А. Степановъ и К. Д. Даниловъ. Издатели не разсчитывали сразу на большое число подписчиковъ и первые три номера пришлось выпустить сейчасъ же вторымъ изданіемъ; съ третьяго — *Искра* начинаетъ выходить по пятницамъ и только въ 1864 г.— по вторникамъ.

Прежде, чѣмъ остановиться на самомъ содержаніи журнала, удобнѣе ознакомить сначала читателя съ его сотрудниками, а потомъ и съ самымъ ходомъ дѣла до конца интересующаго насъ періода *Искры*. Въ такомъ порядкѣ яснѣе станетъ затѣмъ и самое содержаніе, всецѣло, конечно, зависящее отъ дѣйствующихъ лицъ и регулирующихъ ихъ работу условій.

Сотрудниковъ я буду называть въ хронологической послѣдовательности вступленія ихъ въ журналъ.

И. И. Панаевъ работалъ въ *Искрѣ* до самой смерти (19 февраля 1862 г.), хотя вообще немного и съ перерывами. П. И. Вейнбергъ участвовалъ все время, чаще подъ псевдонимами: „Гейне изъ Тамбова", „Каракатопуло", „Хазеръ Трефный", „Старшій чиновникъ особыхъ порученій" и пр. Первый псевдонимъ появился впервые въ № 2 подъ стихотвореніемъ „Отпрыски сердца", которое и теперь еще помнятъ многіе, но, навѣрное, не знаютъ автора:

„Онъ былъ титулярный совѣтникъ,
Она генеральская дочь...

П. И. былъ членомъ редакціи.

Съ перваго же нумера очень дѣятельнымъ сотрудникомъ былъ и средній изъ братьевъ—Н. С. Курочкинъ, подписывавшійся: „Пр. Вознесенскій", „Пр. Преобра-

женскій", „Густавъ Не-Надо", „Шэрэрро", а часто писавшій и просто безъ подписи. Это — также членъ редакціи. Вотъ что пишетъ о Николаѣ Степановичѣ Н. К. Михайловскій: „Врачъ по образованію и, такъ сказать, офиціальной профессіи, онъ давно бросилъ медицину, охотно смѣялся надъ нею, самъ лѣчилъ себя то рѣдечнымъ сокомъ, то крупинками Маттеи, то еще Богъ знаетъ чѣмъ. Поэтъ, если не по призванію, то по смертной охотѣ, онъ писалъ, однако, довольно плохіе стихи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ умный, въ особенности остроумный, разносторонне начитанный человѣкъ, необыкновенно преданный литературѣ и ея интересамъ. Въ свое время (именно въ моментъ образованія *Искры*—*М. Л.*) онъ мечталъ, вѣроятно, о большой роли въ литературѣ, и маленькая горечь несбывшихся упованій сквозила иногда въ его разговорѣ. Но онъ былъ слишкомъ добродушенъ и слишкомъ лѣнтяй и умникъ, чтобъ содержать себя въ постоянномъ огорченіи. Лысый и толстый, онъ напоминалъ Силена, только съ чрезвычайно правильными и красивыми чертами лица. Много ѣлъ, много пилъ, много спалъ; могъ цѣлыми днями сидѣть немытый, въ запахнутомъ на жирной груди халатѣ, какъ-то особенно поджавъ подъ себя ноги, на манеръ Будды; при этомъ онъ крутилъ одну за другой толстыя папиросы и неустанно говорилъ, забавно картавя и мѣшая серьезныя рѣчи съ разнымъ болѣе или менѣе остроумнымъ вздоромъ. Только разговаривать онъ не лѣнился. Впрочемъ, лѣнь овладѣвала имъ постепенно, и въ то время, когда я съ нимъ познакомился (1865 г. — *М. Л.*), онъ былъ сравнительно очень бодръ и дѣятеленъ" [1]. Если къ этой характеристикѣ прибавить, что Н. С. почитается г. Михайловскимъ какъ „литературный крестный отецъ", то Силенъ представляетъ изъ себя, несомнѣнно, фигуру очень симпатичную. Позволю себѣ только не согласиться съ глубокоуважаемымъ публицистомъ относительно достоинства стиховъ Н. С. Съ точки зрѣнія чистой, теоретической поэзіи они, конечно, были плохи, но не ее имѣлъ въ виду Н. К. Михайловскій, а съ точки зрѣнія мѣткости и силы обличенія они были сплошь и рядомъ очень и очень удачны, что, между прочимъ, доказывается массою ихъ перепечатокъ и злостью вызываемой ими полемики.

Во второмъ нумерѣ встрѣчаемъ стихи А. Жемчужникова, а съ 4-го выступаетъ А. А. Мей, нѣсколько разъ подписывавшійся „Пассажиромъ".

Въ пятомъ нумерѣ всю первую страницу заняло письмо къ редакторамъ, начинавшее извѣстную „Хронику прогресса" Г. З. Елисеева, ни разу не выступившаго и въ *Искрѣ* подъ своей фамиліей. Письмо это настолько оригинально, что я приведу его конецъ:

„Имѣя въ виду упоминать въ своей хроникѣ только о друзьяхъ прогресса и человѣчества, я вовсе не имѣю желанія живымъ отдаваться въ руки враговъ успѣха и просвѣщенія. Слѣдовательно—тайна! Подписи не будетъ никакой. Выставить свое имя я не могу, а скрываться подъ псевдонимомъ для меня обидно. Отвѣчайте за меня вы, г. редакторъ литературной части.

„Примите увѣреніе" слишкомъ старо и пошло. Прощайте.

„*P. S.* Предупреждаю читателей вашихъ: когда не появится въ *Искрѣ* моей хроники, значитъ, прогрессъ подвигается плохо. Если хроника моя прекратится совсѣмъ, пусть разумѣютъ они, что друзья человѣчества восторжествовали вполнѣ. Тогда ужъ мнѣ нельзя будетъ и писать. На первый разъ посылаю статейку, подписанную моимъ хорошимъ пріятелемъ".

---

[1]) „Литературныя воспоминанія и современная смута", Спб., 1900 г., I, 15—16.

И, дѣйствительно, „прогрессъ подвигался плохо“: хроника его сплошь и рядомъ отсутствовала, а въ теченіе 1860 года не была помѣщена ни разу [1]).

Очень рѣдко „хронику“ писалъ Пр. Знаменскій (В. С. Курочкинъ). Кромѣ того, Елисеевъ—третій членъ редакціи—помѣщалъ и отдѣльныя статьи, также всегда публицистически-полемическаго характера. Нѣкоторыхъ изъ нихъ мы коснемся дальше [2]). Не надо даже близко знать характеръ *Искры*, чтобы, все-таки, не удивляться сосѣдству словъ: сатирическій журналъ и Елисеевъ. Но послѣдній самъ понималъ, что онъ тяжелъ для такого изданія, и выразилъ это прямо въ одномъ изъ отвѣтовъ В. Коршу, редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Это признаніе настолько характерно, что я приведу изъ него выдержки:

„...Но сказавъ любезность *Искрѣ* вообще, вы тѣмъ съ большею силою стараетесь поразить тотъ отдѣлъ, въ которомъ засѣдаю я. «Тамъ,—говорите вы,—сидитъ господинъ очень скучный и пишетъ вещи очень скучныя. Съ такими скучными статьями не пустили бы ни въ Пончъ ни Кладдерадачъ [3])»; въ Пончѣ и Кладдерадачѣ, дескать, даже вовсе и отдѣла такого скучнаго нѣтъ. Признайтесь, г. Коршъ, когда вы писали эти строки, вы думали, что поразили меня въ самое сердце, возмутили до глубины души—не правда ли? А, между тѣмъ, я думалъ объ этомъ же самомъ еще въ то время, когда написалъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ первую статью мою въ «Искру». Зачѣмъ,—такъ размышлялъ я тогда,—нуженъ «Искрѣ» такой скучный человѣкъ, какъ я? Вѣдь она губитъ себя и свою репутацію черезъ меня! Вѣдь такихъ скучныхъ вещей, какія пишу я, не помѣстятъ не только въ «Пончѣ» и «Кладдерадачѣ», но даже и въ послѣднемъ европейскомъ юмористическомъ журналѣ. Но потомъ, поразмысливъ хорошенько, я нашелъ, что я для «Искры» едва-ли не нужнѣе всѣхъ тѣхъ, которые пишутъ веселенькіе статейки и стишки. И скажу вамъ почему это такъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ издаются «Пончъ» и «Кладдерадачъ», нѣтъ такихъ крѣпкихъ умовъ, которые нужно бы было раздѣлывать заступомъ или ломомъ. Мое назначеніе состоитъ вовсе не въ томъ, какъ вы думаете, чтобы смѣшить, а въ томъ, чтобы приводить людей, смѣха достойныхъ, въ смѣшное положеніе, дѣлать ихъ удобными для смѣха [4]).

Елисеевъ былъ совершенно правъ. Можетъ быть, въ приглашеніи-то его къ постоянному участію въ *Искрѣ* лучше всего и обнаружился редакторскій талантъ Курочкина. Мало было только отрицать, только смѣяться; надо было указывать, все-таки, ради чего отрицается, надо было сердиться и рычать, какъ льву. Курочкинъ это прекрасно понялъ съ самаго начала и, конечно, Елисеевъ былъ едва ли ни болѣе другихъ подходящъ на такое сложное въ ту эпоху амплуа. Одно впечатлѣніе производитъ *Искра* 1860 года безъ „хроники прогресса“, другое—съ нею въ другіе годы. Читатель понималъ, что съ такимъ, правда,

---

[1]) Будущимъ біографамъ Елисеева, можетъ быть, не безполезно указаніе нумеровъ съ его „хроникой“: 1859 г.—5, 7, 9, 11. 12, 14, 21, 22, 25, 29, 32, 33. 34, 40, 46; 1861 г.—7, 9. 11, 13, 16, 17, 19, 21, 25, 33, 35, 38, 40, 42, 47, 49; 1862 г.—3, 5, 7, 8, 9, 12, 14, 18, 20, 22 24, 26, 28, 31, 33, 36, 41, 42, 47, 49; 1863 г.—6, 7, 10, 12, 15, 40, 42, 44, 47. Кстати отмѣчу описку или ошибку въ статьѣ объ Елисеевѣ г. Южакова, въ словарѣ Брокгауза и Ефрона, гдѣ вмѣсто „Искры“ названъ „Голосъ“.

[2]) Вотъ ихъ, кажется, полный списокъ: „Теорія полемики“ (1859 г.—№ 44). „Указанія и совѣты“ (1859—43). „Жизнь, какъ она есть“ (1860—28, 45), „Литературныя вѣсти„ (1860—35, 36, 38, 40, 43, 48; 1861—4), „Что значитъ лай на луну“ (1860—49), „Vivant, ant, pereant поморные“, (1861—1), „Замѣтка о тѣлесныхъ наказаніяхъ“ (1861—8), „Еще кой-что по поводу юбилея князя Вяземскаго“ (1861—20), „Пробная лекція, читанная pro grandu doctoris по наукамъ историческимъ“ (1862—1), „Балаганчики *Дня*“ (1862—38), „Наши газеты“ (1863—17), „Современная элегія“ (1863—20), „Какъ аукнется, такъ и откликнется“ (1863—45).

[3]) „Punch“ и „Kladderadatch“—лучшіе англійскій и нѣмецкій сатирическіе журналы.

[4]) 1863 г., № 44.

нѣсколько тяжеловатымъ отдѣломъ у него въ рукахъ *органъ*, а не органчикъ, журнальчикъ, шутъ гороховый. Не благодаря-ли главнымъ образомъ Елисееву *Искра* и имѣла серьезное публицистическое значеніе, къ ея голосу прислушивались, хоть и затыкали уши...

Въ 6 № помѣщена статья Добролюбова и притомъ съ очень ядовитой подписью: „сообщено". Это была иронія по адресу только что образованнаго „комитета по дѣламъ книгопечатанія" (24-го января 1859 г.), въ обязанность которому ставилась разсылка благонамѣренныхъ статей, подписанныхъ словомъ „сообщено" [1]). Въ № 8 Добролюбову принадлежитъ стихотвореніе „Чувство законности".

Странная судьба этихъ двухъ произведеній: первое изъ нихъ помѣщено въ „Сочиненіяхъ" Н. А., въ группѣ произведеній, озаглавленныхъ: „Дополненіе къ Свистку", второе же прямо поставлено въ первый нумеръ „Свистка", гдѣ оно никогда не было. И что еще страннѣе, такая ошибка сдѣлана не только въ послѣдующихъ, но и въ самомъ первомъ изданіи, подготовленномъ Чернышевскимъ. Впрочемъ, съ собраніемъ сочиненій Добролюбова произошла ошибка еще болѣе значительная: въ нихъ включена статья Елисеева и притомъ съ искаженнымъ заглавіемъ. Въ девятомъ № *Искры* Г. З. написалъ „Хронику прогресса" съ подзаголовкомъ: „Еще и еще о гласности", а въ сочиненіяхъ Добролюбова она названа: „Успѣхи гласности въ нашихъ газетахъ" [1]). Эти недосмотры можно объяснить только невозможностью для Чернышевскаго додержать корректуру IV тома, что за него сдѣлалъ, послѣ ареста Н. Г., М. А. Антоновичъ, не могшій уже, однако, входить въ обсужденіе готоваго тома.

Тутъ кстати упомяну о проектѣ Добролюбова и Некрасова издавать *самостоятельную* газету „Свистокъ". Вотъ что мнѣ передалъ объ этомъ М. А. Антоновичъ, лично отъ Добролюбова знающій исторію неудавшагося органа. *Искра* побудила Добролюбова искать способа дѣйствовать на читателей не только серьезными статьями, но и шуткой, насмѣшкой, сатирой. Свой планъ онъ сообщилъ Некрасову, и они нашли вполнѣ благонадежнаго редактора, зятя Некрасова, нѣкоего Буткевича, очень заслуженнаго воина; для подкрѣпленія были добыты рекомендаціи четырехъ генераловъ. Но все было напрасно: разрѣшенія на газету не получилось. Нечего и говорить о томъ, какъ подѣйствовало на Добролюбова это обстоятельство и насколько оно усилило его недовольство вообще, а въ частности—пресловутой тогда фразой о „процвѣтаніи" гласности. Чтобы поправить неудачу и рѣшено было помириться на томъ „Свисткѣ", который шелъ въ „Современникѣ" и, конечно, всѣмъ болѣе или менѣе хорошо знакомъ.

Съ № 7 начинаютъ работу въ *Искрѣ* В. Бенедиктовъ и П. Кулишъ; въ типографіи послѣдняго она и печаталась первые два года. Первому принадлежатъ стихотворенія, второму—разсказы изъ малороссійскаго быта [3]). Въ № 20 помѣщенъ первый въ *Искрѣ* разсказъ изъ народнаго быта Н. Успенскаго, тутъ же стихи Н. В. Гербеля („Эрастъ Моховоевъ"). Съ 25-го начинаетъ сотрудничать А. Гацискій, съ 45-го—А. Н. Плещеевъ, съ 48-го—И. Ѳ. Горбуновъ; затѣмъ

[1]) Подробно объ этомъ весьма интересномъ комитетѣ я говорю ниже въ очеркѣ: „Русское Bureau de la presse".

[2]) См. т. IV изд. 5-го. Тамъ же стихотвореніе Некрасова „Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ", въ которой лишь примѣчанія принадлежатъ Добролюбову.

[3]) Въ словарѣ Брокгауза и Ефрона о сотрудничествѣ Кулиша въ *Искрѣ*—ни слова.

въ первой половинѣ года вступаютъ еще Ив. Кушиеревъ и А. Ивановъ (Классикъ), а во второй—Н. Кроль, М. М. Стопановскій и А. П. Сниткинъ („Амосъ Шишкинъ").

Уже однихъ этихъ именъ было бы достаточно, чтобы обезпечить *Искрѣ* полный успѣхъ. Но на нихъ притокъ свѣжихъ и талантливыхъ силъ не кончился. Въ теченіе 1860 года замѣтнѣе другихъ вступленіе Д. Д. Минаева. Товарищъ по Дворянскому полку В. С. Курочкина, онъ былъ безусловно необходимъ для *Искры*; его дарованія, казалось, для нея созданы. Не поэтъ, но замѣчательный стихотворецъ, прославившійся совершенно необыкновенною способностью рифмовать быстро и удачно; не злой, но обладавшій бичомъ хлесткаго языка; не широкообразованный, но моментально все схватывавшій—такой сотрудникъ, при наличности другихъ, былъ кладомъ для еженедѣльнаго журнала, обязаннаго отзываться на все быстро и бойко [1]). Понятно, Минаевъ сдѣлался сразу необходимымъ звеномъ редакціи [2]).

Затѣмъ въ теченіе 1860 г., послѣдовательно вступили: Н. Л. Ломанъ („Н. Гнутъ"). Г. Н. Жулевъ („Скорбный поэтъ"), А. В. Дружининъ, („Иванъ Чернокнижниковъ"), „Козьма Прутковъ" и С. В. Максимовъ. Въ слѣдующемъ году:—Алексѣй и Николай Потѣхины, В. П. Буренинъ („Владиміръ Монументовъ" и „Церодриновъ"). Въ 1862 г. — Я. П. Полонскій, Б. Н. Алмазовъ („Адамантовъ"), Н. И. Наумовъ, В. И. Богдановъ („Власъ Точечкинъ", „Власъ Точкинъ"); въ 1863 г. начинаетъ работать Н. А. Лейкинъ, въ 1864 г.— П. И. Якушкинъ и Л. И. Пальминъ. Конечно, это далеко не всѣ сотрудники *Искры*, но, во всякомъ случаѣ, почти всѣ, такъ или иначе опредѣлявшіе ея характеръ.

Въ объявленіи о выходѣ своемъ съ 1-го января 1859 г. *Искра* назвала въ числѣ сотрудниковъ, между прочимъ, Д. В. Григоровича, П. А. Каратыгина. М. И. Михайлова [3]), Н. А. Некрасова и Н. Щедрина. Я всячески старался выяснить участіе этихъ лицъ, особенно двухъ послѣднихъ, но ни одного ихъ произведенія, ни за фамиліями, ни за извѣстными пока псевдонимами не нашелъ. Произошло это, конечно, не потому, что Некрасовъ или Щедринъ умышленно не участвовали въ *Искрѣ*, а просто или по недостатку времени, или и писали, да не печатались... [4])

Что касается художественной стороны дѣла, то и Степановъ старался привлекать молодежь, вырабатывать изъ нея необходимыхъ помощниковъ. Самъ

---

[1]) Для біографіи Минаева, можетъ быть, небезынтересна дѣятельность его и какъ каррикатуриста; укажу хотя бы на № 16 за 1861 г.

[2]) Вотъ его псевдонимы: „Михаилъ Бурбоновъ", „Литературное домино", „Маіоръ Бурбоновъ", „М. Брбв.", „Обличительный поэтъ", „Темный человѣкъ", „Т. Ч."

[3]) По какому-то недоразумѣнію принято называть „Ларіоновичъ" вмѣсто „Илларіоновичъ".

[4]) Не могу не отмѣтить и здѣсь ошибокъ, чтобъ не сказать больше, г. Трубачева, очевидно, пролистовавшаго *Искру* изъ пятаго въ десятое. Во-первыхъ, не зная сути дѣла, онъ обвиняетъ ее въ бросаніи камушковъ изъ-за угла; во-вторыхъ, говоритъ о какой-то „массѣ сатирическихъ журнальцевъ", основанныхъ одновременно съ открытіемъ *Искры*—такихъ не было, кромѣ одного—двухъ; въ третьихъ, утверждаетъ, что публикѣ обѣщали какихъ-то замаскированныхъ талантовъ подъ видомъ никому неясныхъ инициаловъ... etc, etc. Внимательный читатель настоящаго изслѣдованія оцѣнитъ по достоинству эту до сихъ поръ первую работу объ *Искрѣ*, я же останавливаюсь на ней именно потому, что г. Трубачевъ, къ сожалѣнію, долго былъ единственнымъ ея „историкомъ"...

онъ не пропустилъ ни одного нумера, какъ, впрочемъ, и В. С. Курочкинъ [1]) но это не мѣшало притоку постороннихъ силъ. Съ самаго начала очень усердно работаетъ талантливый К. Д. Даниловъ, затѣмъ постепенно присоединяются: Волковъ, П. Ѳ. Марковъ, А. Н. Шестаковъ, А. М. Протасовъ, А. В. Богдановъ, М. И. Знаменскій, И. А. Дмитріевъ-Мамоновъ, Н. В. Іевлевъ, Г. С. Дестунисъ, В. Р. Щиглевъ (Романычъ), и Бордгелли („Аполлонъ Б."). Это наиболѣе замѣтныя силы, давшія совершенно прочное положеніе нарождавшейся серьезной каррикатурѣ. Въ числѣ менѣе замѣтныхъ отмѣчу: Э. Т. Комара, Ѳ. Х. Громова, С. Любовникова, Ф. Павленкова, А. Іонина, Рѣдкина, С. Худякова и В. Д. Лабунскаго.

Какова была редакціонная организація.

Съ самаго начала оба редактора точно отмежевали границы своей дѣятельности. Курочкинъ былъ полновластымъ распорядителемъ всей литературной части *Искры*, Степановъ—художественной. Это, разумѣется, не исключало взаимныхъ указаній и совѣтовъ, но каждый зналъ свое собственное дѣло. Ни тотъ ни другой не считались въ старшинствѣ; мѣстничество вообще не входило въ отношенія работниковъ новаго журнала, какъ и вообще другихъ передовыхъ органовъ. „Тогдашній нашъ общественный механизмъ, дѣйствительно. напоминалъ часы— говоритъ Шелгуновъ; каждый дѣлалъ и писалъ свое, писатели дѣлились по спеціальностямъ и никто никакихъ номеровъ не зналъ. Кто работалъ больше, кто меньше, кто на первомъ или второмъ номерѣ—этого не спрашивали, не знали, да и знать не было нужды; это была совмѣстная работа, честная, не своекорыстная, вполнѣ уравновѣшенно-солидарная, безъ проталкиванія впередъ, безъ мелкаго самолюбія"... [2]).

По удачному опредѣленію Шелгунова, русское общество интересующей насъ эпохи требовало отъ публицистическаго органа нерва, чуткости и живого слова, а не солидной учености. Это едва-ли ни лучше всего иллюстрируется отношеніемъ къ *Искрѣ*, гдѣ и нерва, и чуткости, и живого слова было вдоволь. Это былъ оркестръ, состоящій изъ музыкантовъ, почти поголовно неспособныхъ къ исполненію симфоническаго solo, но зато въ рукахъ талантливаго дирижера дававшихъ вполнѣ эстетическое наслажденіе; это были писатели преимущественно хорового таланта. Сыгровки происходили или на пятницахъ Степанова или на пирушкахъ Курочкина. Въ день выхода нумера *Искры*, вся редакція собиралась къ старику-редактору художественной части, и здѣсь готовился слѣдующій нумеръ, обсуждался

---

[1]) Кстати, вотъ его псевдонимы: „Порфирій Знаменскій", „Пр. Зн." „Темный поэтъ".

[2]) „Очерки русской жизни", „Рус. Мысль", 1903 г., VI, 41. С. Н. Степановъ пишетъ: „Самъ В. С. Курочкинъ признавалъ за отцомъ не только *иниціативу* въ этомъ дѣлѣ, но и нѣкоторое *главенство, вслѣдствіе чего* и подписывался всегда подъ нумерами „Искры" ниже отца, вопреки обычному алфавитному порядку. Зависѣло это, конечно *отчасти* и отъ того, что отецъ былъ гораздо старше и пользовался уже значительною извѣстностью, когда Курочкинъ былъ еще начинающимъ поэтомъ". Вопросъ объ иниціативѣ уже выяснялся. Что же касается „главенства", то дальше самъ г. Степановъ нашелъ ему объясненіе: Курочкинъ по свойственной ему скромности не могъ позволить себѣ подписываться впереди своего вдвое старшаго соредактора. Но дальше вступала въ силу уже не скромность, а дѣло, въ которомъ Курочкинъ никогда не допускалъ никакихъ главенствъ, если въ каждомъ частномъ случаѣ они не были результатомъ разсудка и опытности. Всѣ доводы г. Степанова воспроизведены и г. Трубачевымъ, считавшимъ, очевидно, за лучшее чужой голосъ вмѣсто самостоятельной работы.

Редакція „Искры“ въ 1860 году.

9. 10. 11. 12. 13. 14.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8.

1. М. М. Стопановскій. 2. Д. Д. Минаевъ. 3. Н. С. Курочкинъ. 4. Н. Ломанъ. 5. Н. А. Степановъ. 6. В. С. Курочкинъ. 7. Г. З. Елисеевъ. 8. П. И. Вейнбергъ. 9. Н. В. Іевлевъ. 10. Живописецъ Волковъ. 11. А. Даргомыжскій (композиторъ). 12. В. Тоблинъ. 13. Граверъ Куренковъ. 14. Сынъ Н. А. Степанова, С. Н.

его планъ, вырисовывались детали, сотрудники дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями, давали другъ другу совѣты и указанія, каррикатуристу подсказывали тему, поэту—бойкій стихъ, передовику-хроникеру—популярную форму, словомъ, здѣсь происходила та коллективная работа, которая даетъ внутреннюю силу изданію и безъ которой немыслимъ истинно жизненный органъ общественнаго мнѣнія... Засиживались иногда до поздней ночи, пили, веселились, но не потому, что приходили пить и веселиться, а вслѣдствіе молодости и „силъ избытка".

Курочкинъ рѣдко устраивалъ собранія у себя дома, этому мѣшали неладныя семейныя условія. Загородный ресторанъ—вотъ мѣсто совѣщаній „искристыхъ", какъ называли въ обществѣ и литературномъ мірѣ сотрудниковъ *Искры*. Общій отзывъ современниковъ: *Искра* веселилась... И, дѣйствительно, достаточно было уже двухъ братьевъ Курочкиныхъ, Василія и Николая, чтобы поднять на ноги любой ресторанъ, сервировать прекрасный столъ, составить меню, удовлетворявшее вкусамъ самыхъ требовательныхъ гастрономовъ, заставить плясать француженокъ и итальянокъ, словомъ, поднять дымъ коромысломъ. А, вѣдь, ихъ было больше. Прибавьте Минаева, Кроля, Толбина, еще двухъ-трехъ—и веселье, часто необузданное и забубенное,—вотъ атмосфера курочкинскихъ пирушекъ. Сухой моралистъ, не склонный къ тому же справляться съ условіями времени, предалъ бы ихъ, этихъ искреннихъ работниковъ прогресса, строгому осужденію, но развѣ это справедливо? Да, пили, пили и пили, но что же изъ этого? Пили потому, что у каждаго внутри была какая-нибудь заноза, на сердцѣ лежало часто тяжелое горе... Развѣ въ этомъ разгулѣ проходила *вся* ихъ жизнь? Развѣ эти люди *ничего* не дали настоящему и будущему? Развѣ не они основали прочно сатирическую русскую прессу? И развѣ ихъ вина, если прочное зданіе, подъ давленіемъ совершенно неожиданнаго стихійнаго урагана, разрушилось потомъ до основанія? Они сдѣлали все, что могли *они* сдѣлать.

Кто, какъ ни эти же люди вставали на защиту слабаго, гонимаго, преслѣдуемаго?! И общество лучше заскорузлыхъ моралистовъ понимало ихъ работу. Вотъ что вспоминаетъ г. Вейнбергъ теперь, когда *Искру* покрыли почти сорокъ лѣтъ:

„Въ настоящее время нельзя себѣ и представить, какъ жадно набрасывалась публика на каждый номеръ *Искры*, какой авторитетъ завоевала она себѣ на самыхъ первыхъ порахъ, какъ боялись ея всѣ, имѣвшіе основаніе предполагать, что они могутъ попасть или подъ карандашъ ея каррикатуристовъ или подъ перо ея поэтовъ и прозаиковъ, съ какою юношескою горячностью, наконецъ, относились къ своему дѣлу и мы сами, хотя большинство наше состояло изъ людей совсѣмъ ужъ не такихъ юныхъ [1]). Помню, напримѣръ, очень хорошо случай, когда въ Николаевѣ вывели изъ клуба одну даму, нисколько того не заслуживавшую, и въ газетахъ появилась корреспонденція объ этомъ „событіи". Боже мой, какую тревогу забили въ нашей редакціи! Мы составляли цѣлыя конференціи для обсужденія этого дѣла; мы говорили о немъ такъ, какъ будто вся Россія находилась въ опасности, мы писали статьи за статьями, мы подняли на ноги чуть не всю тогдашнюю газетную печать... А при воспоминаніи о томъ, какъ относилась къ нашему обличительному рвенію публика, припоминаю тоже, напримѣръ, тотъ фактъ,

[1]) Однако, большинство не старше 30 лѣтъ.

М. Л.

что когда въ № 9 *Искры*[1]) появилась подъ заглавіемъ „Аристидъ Термаламаки“ написанная мною юмористическая біографія знаменитаго въ то время милліонера В., то въ теченіе нѣсколькихъ дней число подписчиковъ возросло на 1.000 человѣкъ“ [2]).

Очень цѣнное замѣчаніе объ обличеніяхъ интересующей насъ эпохи находимъ у г. Неизвѣстнаго, который, по своему міросозерцанію, могъ бы быть о нихъ совершенно иного мнѣнія. „Слѣдуетъ,—говоритъ онъ,—отдать справедливость обличителямъ того времени (1857—1861 г.), что почти всѣ они относились къ дѣлу обличенія, быть можетъ, и съ лишнимъ усердіемъ, *но безусловно честно*. Обличая, они, такъ сказать, священнодѣйствовали“...[3]).

Вотъ какъ были серьезно въ общественномъ смыслѣ настроены эти „веселые“ люди.

Конечно, не вся редакція *Искры* бывала на курочкинскихъ пирушкахъ, но это не мѣшало всѣмъ дружно работать. Личныя склонности не позволяли, напримѣръ, нѣсколько мрачному и сосредоточенному Елисееву часто посѣщать такія собранія, но связь его съ редакціей была и крѣпка, и прочна, чему доказательство—почти шестилѣтнее сотрудничество. Кстати замѣчу, что Курочкинъ очень высоко ставилъ авторитетное слово Елисеева и нерѣдко сложные редакціонные вопросы рѣшалъ именно по его совѣтамъ и указаніямъ. Такъ же поступалъ и Степановъ.

Пріемные дни въ редакціи *Искры* были по тогдашнимъ временамъ совершенно необыкновенны: тутъ толкалась такая масса самаго разношерстнаго народа, что свѣжій человѣкъ просто терялся. Здѣсь были и студенты, и чиновники, и впервые пріѣхавшіе въ столицу провинціалы, и старики, и зеленая молодежь, и прозаики, и поэты... Курочкинъ со всѣми успѣвалъ побесѣдовать, ему помогали члены редакціи. Широкое общеніе съ публикой съ самаго начала легло въ основаніе редакціонной организаціи и нигдѣ такъ ни брасается въ глаза, какъ именно въ *Искрѣ*.

Вотъ почему ни одно мало-мальски уродливое общественное явленіе, ни одно серьезное злоупотребленіе, ни одинъ возмутительный фактъ не проходили мимо глазъ и ушей редакціи. Далеко не все попадало въ журналъ, масса матеріала оставалась въ типографскомъ наборѣ и въ деревяшкахъ граверовъ, но и то, что проходило, приводило въ трепетъ всѣхъ, у кого было „рыльце въ пушку“...

„*Искра* сдѣлалась грозою для всѣхъ,—справедливо замѣчаетъ г. Скабичевскій,—у кого была не чиста совѣсть, и попасть въ *Искру*, упечь въ *Искру*—были самыми обыденными выраженіями въ жизни шестидесятыхъ годовъ. Не было ни одного крупнаго или мелкаго безобразія общественной или литературной жизни, которое не имѣло бы мѣста на страницахъ *Искры*, въ игривыхъ, полныхъ необузданнаго остроумія куплетахъ, пародіяхъ или въ прозѣ, исполненной убійственныхъ сарказмовъ; не существовало такой пошлости, которая не была бы представлена во всемъ безобразіи, и не было такого подлеца, который не увидѣлъ бы въ одинъ прекрасный день своей физіономіи въ ряду каррикатуръ *Искры* съ

[1]) Въ № 10, а не въ 9-мъ, 1859 г.
[2]) „Безобразный поступокъ „Вѣка“, „Истор. Вѣстникъ“ 1900 г., V, 476.
[3]) *Неизвѣстный*, „За много лѣтъ“, „Рус. Старина“, 1895 г., II, 138.

полною подписью всѣхъ нравственныхъ качествъ. Самыя талантливыя, остроумныя и безпощадно злыя строки въ газетѣ принадлежали самому издателю, который трудился неутомимо, писалъ куплеты, пародіи, передовыя и обличительныя статьи, изобрѣталъ каррикатуры для исполненія художниками. Это была дѣятельность изумительная по своей плодовитости. Довольно сказать, что изъ 700 слишкомъ нумеровъ, составляющихъ полное изданіе *Искры* за все время ея существованія [1]), едва ли найдется одинъ, въ которомъ не было бы помѣщено его передовой или обличительной статьи, оригинальнаго или переводнаго стихотворенія [2]).

Главное крѣпостное укрѣпленіе, однимъ своимъ видомъ приводившее въ ужасъ провинцію, былъ отдѣлъ „Намъ пишутъ", въ которомъ въ очень бойкой, но всегда дѣловой формѣ (прозы) описывалась провинціальная жизнь, по сообщеніямъ безчисленныхъ корреспондентовъ. Завѣдывалъ этимъ отдѣломъ все время М. М. Стопановскій—четвертый членъ редакціи,—молодой, талантливый публицистъ, человѣкъ очень серьезно понимавшій громадное значеніе своей работы и очень дѣльный. Добросовѣстная переработка присылаемаго со всѣхъ концовъ матеріала, внимательное къ нему отношеніе, умѣнье и искреннее желаніе поддержать въ корреспондентѣ „добра и правды искру Божью"—все это какъ нельзя лучше способствовало упроченію отдѣла, давшаго *Искрѣ* не одну тысячу подписчиковъ, не одинъ десятокъ тысячъ читателей въ самыхъ глухихъ углахъ тогдашней Россіи.

„Факты! Факты!.. Въ этой жизни нужны только факты... Набивайте голову, сэръ, одними фактами, а остальное выбрасывайте вонъ, за окошко"... Эти слова Диккенса *Искра* поставила во главу угла зрѣнія на отдѣлъ „Намъ пишутъ",—а въ 19 нумерѣ 1860 года, съ котораго онъ былъ введенъ,—и эпиграфомъ къ первому опыту. Рѣдко мѣсто дѣйствія, а особенно дѣйствующія лица, назывались открыто; для этого не было возможности по независѣвшимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ читатель имѣлъ дѣло съ вымышленными городами, съ вымышленными именами и фамиліями, но это не лишало отдѣла силы. Какъ только получался нумеръ тамъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ какой-нибудь Христофоръ Христофоровичъ Фуфырычъ, его разворачивали дрожащими отъ волненія руками, а глаза лихорадочно бѣгали по страницамъ. И когда находили, наконецъ, своего „воеводу"—одни рукоплескали и прыгали отъ радости: долго они ждали случая обличить притѣснителя; другіе скрежетали зубами и спѣшили эстафетой оправдаться передъ начальствомъ... „*Искра* получена!"—были страшныя слова для темнаго провинціальнаго міра.

Приступая къ изданію журнала на третій годъ, редакція увидѣла себя вынужденной увеличить объемъ нумеровъ до полутора-двухъ листовъ и прямо приписывала это неизбѣжной необходимости увеличенія отдѣла „Намъ пишутъ", который составлялся все увеличивающеюся массою корреспондентовъ. Достаточно посмотрѣть „отвѣты редакціи", чтобы получить надлежащее представленіе объ этой арміи рядовыхъ, которою такъ умѣло управлялъ Стопановскій. 40—50 отвѣтовъ разнымъ лицамъ—дѣло вполнѣ обыкновенное.

---

[1]) За 1859—64 гг. вышли 300 номеровъ, по 50 въ году.

[2]) *А. Скабичевскій*, „Исторія нов. рус. литературы", изд. 3-е, 461. Эти строки немного преувеличиваютъ исключительную роль Курочкина.

Для иллюстраціи того страха, который внушала, особенно въ провинціи, *Искра*, достаточно сказать, что гдѣ-то въ лотерею, между другими выигрышами, была разыгрываема и *Искра* за 1860 годъ. Она досталась гимназисту. У него сейчасъ же отобрали журналъ, выдавъ деньгами за полную подписную стоимость. Начальство мотивировало такое свое распоряженіе стремленіемъ къ огражденію юноши отъ страсти къ „непризнанію поставленныхъ закономъ властей"!...

Не съ искренней радостью встрѣчали нумера и въ центрахъ административной машины. Изъ разговора съ однимъ и теперь еще живымъ современникомъ *Искры*, тогда бывшимъ на довольно бойкомъ бюрократическомъ креслѣ, я вынесъ впечатлѣніе того ужаса, который проходилъ по всему „департаменту", когда „попадалось" начальство. Въ глубинѣ души каждый подчиненный былъ, разумѣется, радъ видѣть осмѣяннымъ „его превосходительство", но развѣ онъ могъ обнаруживать что-нибудь, кромѣ негодованія и желанія сокрушить „пасквилянта"?.. „Генералы" ѣздили, кланялись, оправдывались, просили оградить ихъ сѣдыя головы; болѣе сильные иногда добивались мѣръ крутого „воздѣйствія", но развѣ все это спасало? Кары въ видѣ неизсякаемыхъ потоковъ красныхъ чернилъ лились на *Искру*, но тамъ была молодежь, были люди, обрекшіе себя на самоотверженную борьбу—и, смотришь, черезъ мѣсяцъ тотъ же „генералъ" преподнесенъ подъ такимъ соусомъ, что и жаловаться ужъ неудобно...

Отзывы объ „Искрѣ" современниковъ. Явное противорѣчіе имъ г. Трубачева.

И такая работа не могла не дать прекрасныхъ результатовъ. *Искра* сразу завоевала себѣ прочныя общественныя симпатіи.

Изъ безчисленной массы отзывовъ о ней я приведу только два, но такихъ, которые не оставятъ мѣста сомнѣніямъ въ ея высокихъ достоинствахъ.

Одинъ изъ нихъ принадлежитъ самому Г. З. Елисееву, набросавшему характеристику *Искры*, спустя долгое время послѣ своего выхода оттуда и притомъ намѣренно далеко не полную.

„Въ *Искрѣ*,—пишетъ Г. З.,—кромѣ безчисленныхъ обличительныхъ корреспонденцій во всѣхъ родахъ, и въ прозѣ, и въ стихахъ, и въ разсказахъ, замѣткахъ, подписанныхъ обыкновенно псевдонимами, существовалъ еще особый отдѣлъ „Намъ пишутъ", составлявшійся по корреспонденціямъ, получаемымъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Цензура не позволяла называть обличаемыхъ по имени, ни даже называть тѣ города, гдѣ они живутъ и гдѣ происходятъ обличаемыя дѣйствія. Поэтому образовался цѣлый словарь городовъ съ условными названіями: Краснорѣцкъ, Кутерма, Лиліенгардъ, Тмутаракань, Златогорскъ, Чернилинъ, Бѣлокаменскъ и т. д., съ условными именами дѣйствующихъ въ нихъ героевъ, въ особенности, если они занимали въ нихъ выдающійся постъ по своему общественному положенію [1]). Въ провинціи каждый городъ, о которомъ шла рѣчь, немедленно узнавалъ свой псевдонимъ, такъ какъ описываемое то или другое совершившееся въ немъ безобразіе было, конечно, извѣстно цѣлому городу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, узнавалось

[1]) Невозможностью называть открыто обличаемыхъ лицъ и учрежденія были стѣснены, разумѣется, всѣ отдѣлы и всѣ изданія. Въ этомъ отношеніи цензура зорко блюла сначала уставъ 1828 года, затѣмъ распоряженіе министра просвѣщенія 3 октября 1859 г. и, наконецъ, „временныя правила" 12 мая 1862 года. Обо всемъ этомъ въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано подробнѣе.

и лицо, о которомъ шла рѣчь. Въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ цѣль гласности такимъ путемъ не могла достигаться, — развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, когда какой-нибудь крупный скандалъ дѣлался извѣстнымъ всему городу. Тогда дѣлу гласности помогали отчасти рисунки *Искры*. Покойный Степановъ, прекрасный рисовальщикъ, давалъ изображаемымъ на этихъ рисункахъ лицамъ такое сходство съ подлинными, что цензура нерѣдко приказывала или сбривать бакенбарды съ изображеннаго лица, или поставить его не en face, а въ профиль, чтобы не такъ рѣзко бросалось въ глаза сходство [1]). Кромѣ того, у *Искры*, вѣроятно, благодаря рисункамъ, появились совершенно неизвѣстные редакціи добровольные *словесные* сотрудники въ пользу гласности. Въ 1859 г. мнѣ нѣсколько разъ случалось обѣдать въ одномъ небольшомъ табльдотѣ на Морской, гдѣ собиралось до пятнадцати и болѣе человѣкъ, все люда интеллигентнаго,—чиновниковъ, моряковъ и т. п. И при мнѣ, въ день выхода *Искры* или на другой, являлся молодой человѣкъ изъ служащихъ, обѣдавшій постоянно тутъ и, повидимому, знакомый со всѣми, вынималъ вышедшій номеръ *Искры* изъ кармана и начиналъ излагать чуть ни цѣлую лекцію объ этомъ номерѣ, объяснялъ рисунки — кого они изображаютъ, по какому поводу они явились, говорилъ о статьяхъ, о затрудненіяхъ, которыя встрѣтились въ цензурѣ, и т. д., и т. д. Всѣ присутствующіе слушали внимательно, дѣлали возраженія, требовали поясненій. Онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы и возраженія, давалъ требуемыя поясненія; повидимому, онъ былъ au courant всего, что дѣлалось въ *Искрѣ*. Я былъ убѣжденъ, что этотъ человѣкъ участвуетъ въ *Искрѣ*, стоитъ близко къ ея редакціи и что его обѣденные разговоры дѣлаются съ вѣдома редакціи для вящшаго распространенія журнала. Оказалось, совсѣмъ нѣтъ. Впослѣдствіи я довольно близко познакомился съ редакторомъ *Искры*, В. С. Курочкинымъ, былъ иногда на его журфиксахъ, и здѣсь познакомился и съ другимъ редакторомъ *Искры*, Степановымъ, но ни тотъ, ни другой не имѣли никакого свѣдѣнія о неизвѣстныхъ добровольцахъ, дѣйствовавшихъ въ ихъ пользу; оба они увѣряли меня, что у нихъ не было и въ мысляхъ пользоваться подобнаго рода пропагандой для распространенія *Искры*, которая и безъ того шла очень шибко" [2]).

Не менѣе интересенъ общій взглядъ на *Искру* и самого Н. К. Михайловскаго. По моему, онъ лучше другихъ вкратцѣ опредѣляетъ ея роль въ тогдашнее время:

„Общество, освѣженное приближающимся вѣяніемъ реформъ, откликнулось и создало для В. С. Курочкина или, пожалуй, вѣрнѣе, онъ самъ создалъ себѣ положеніе совершенно исключительное. Это былъ какъ бы предсѣдатель суда общественнаго мнѣнія по множеству дѣлъ, часто очень мелкихъ и вполнѣ личнаго характера, но иногда и крупныхъ и, во всякомъ случаѣ, захватывавшихъ, въ своей совокупности, всю грамотную Россію. Положеніе высокое, трудное и отвѣтственное. Многіе и многіе боялись *Искры*, многіе и многіе возлагали на нее надежды. Тройственная формула писательской дѣятельности—мысль, слово, дѣло, если не всегда и не вполнѣ осуществлялась для Курочкина, то была все-таки близка и возможна. Надо замѣтить, что тогда провинціальная печать не существовала и, значитъ, тѣ факты всероссійской жизни, которые нынѣ черпаются столичными газетами и журналами изъ провинціальной прессы, *Искрѣ* приходилось получать изъ первыхъ рукъ; это создавало особенно живое общеніе между редакціей газеты и

---

1) Недавно въ „Новомъ Времени" была воспроизведена каррикатура Степанова въ „Сынѣ Отечества", гдѣ герой былъ сначала въ каскѣ. Цензоръ Бекетовъ написалъ: „Замѣнить каску фуражкою или чѣмъ другимъ и уничтожить клапанъ на сертукѣ". (Иллюстр. прибавленіе къ № 9856 за 1903 годъ).

2) *Н. Михайловскій*, „Литер. воспоминанія и современная смута", I, 33—34.

читателями, которые были или могли стать въ любую минуту также и сотрудниками" [1]).

Указаніе совершенно вѣрное и очень важное: *Искрѣ*, дѣйствительно, приходилось принимать на себя роль судилища всей необъятной провинціи, потому что въ послѣдней были лишь 10—15 частныхъ, не субсидированныхъ газетъ, да и изъ нихъ не всѣ выходили ежедневно [2]).

Здѣсь я не могу не остановиться на работѣ г. Трубачева болѣе подробно, чѣмъ дѣлалъ это раньше: разногласіе его со всѣмъ только что сказаннымъ слишкомъ велико и серьезно.

„Все предосудительное, когда-либо появлявшееся въ *Искрѣ*, дѣлалось не по его (Степанова) иниціативѣ. Но бывали случаи, когда добродушный Н. А. долженъ былъ итти на поводу *легкомысленнаго* соредактора и будто бы ради интересовъ журнала исполнять его желанія. *Поэтому въ Искрѣ* нерѣдко появлялись недобросовѣстныя каррикатуры противъ ея соперниковъ или собратовъ по *литературному* и журнальному дѣлу, не говоря уже о нашей *денежной или финансовой аристократіи,* которой въ *Искрѣ* не давалось покоя и которая бичевалась при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ" [3]).

Не изучивъ внимательно и добросовѣстно *Искру,* нельзя возражать г. Трубачеву, а въ такомъ именно положеніи каждый читатель. Но я беру на себя смѣлость сказать г. Трубачеву, что и здѣсь у него правды не больше, чѣмъ раньше. Теперь можно съ положительной увѣренностью утверждать, что біографъ Степанова *Искру* только пролистовалъ, да и то съ пропусками. Если бы было иначе, г. Трубачевъ не могъ бы не замѣтить, что почти всѣ мало-мальски рѣзкія и бойкія каррикатуры именно на литераторовъ и представителей плутократіи рисовалъ самъ Степановъ, а остальное все имъ же, какъ *самостоятельнымъ* соредакторомъ, было одобряемо. Мало того, Степановъ, а никто другой, запечатлѣлъ публично лица этихъ господъ, потомъ, по подражанію, перешедшія и въ другія изданія. Каррикатуры Степанова очень часто предшествовали статьямъ и стихамъ... Ниже читатели отчасти получатъ всему этому подтвержденія.

Что же касается „легкомысленности" Курочкина, то это просто пріемъ для оттѣненія Степанова; онъ проходитъ красной нитью черезъ всю его „біографію". Если бы зналъ Н. А., какими путями примутся его „поднимать"...

Далѣе. Сказавъ, очевидно, такъ-себѣ, что *Искра* „до сихъ поръ сохраняетъ за собой репутацію лучшаго сатирико-каррикатурнаго журнала на Руси", г. Трубачевъ, ничто же сумняшеся, немного позже говоритъ:

„Перечитывать теперь *Искру* всю сплошь—дѣло довольно скучное и едва-ли на это найдутся охотники изъ публики. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что *общественная сатира ея была не глубока и затрагивала такія явленія, о которыхъ теперь зачастую говорятъ остроумные фельетонисты большой и малой прессы.* Сатира *Искры*—фельетонная и, по большей части *личная,* которая нынѣ и непонятна, и неинтересна. Для современниковъ она, *разумѣется,* была занимательна, какъ занимательны были и корреспонденціи изъ провинціи, *ибо этотъ отдѣлъ въ*

---

[1]) Ibid., 34—35.

[2]) „Одесскій Вѣстникъ", „Кіевскій Телеграфъ", „Кронштадтскій Вѣстникъ", „Черниговскій Листокъ", „Волга", „Воронежскій Листокъ", „Кіевскій Курьеръ", „Кяхтинскій Листокъ", „Ростовскій-на-Дону Вѣстникъ", „Кіевлянинъ", „Рыбинскій Листокъ", „Сибирскій Вѣстникъ" и еще два-три органа.

[3]) „Истор. Вѣстникъ", 1891 г., IV, 122.

тогдашнихъ газетахъ почти не существовалъ. Нынѣ же, съ значительнымъ развитіемъ провинціальной прессы, *корреспонденціи Искры представляются чѣмъ-то жалкимъ и чахлымъ*. Итакъ, по нашему мнѣнію, *Искра* была по преимуществу органомъ *сатиры литературной* и въ ней до сихъ поръ читаются съ интересомъ литературныя пародіи (братьевъ Курочкиныхъ, В. П. Буренина, Минаева, Вейнберга и др.), да, пожалуй, еще нѣкоторые изъ художественно-юмористическихъ разсказовъ, напр., И. Ѳ. Горбунова, С. В. Максимова, Н. А. Лейкина и др. Но по возможности *Искра* отзывалась и на общественную жизнь; *этого журнала побаивались многіе сильные міра сего въ томъ или иномъ отношеніи, онъ былъ уздою многихъ общественныхъ безобразій* — и это, конечно, *значительная заслуга* въ исторіи русской общественности, русскаго просвѣщенія, русской журналистики. Хотя, всетаки, повторяемъ, такому журналу, какъ *Искра*, съ такими задачами и съ такими силами, *не мѣшало бы личности ставить на второй планъ, а общественную сатиру* на первый, ибо время этому благопріятствовало, давая обильный матеріалъ и *значительную свободу сужденія*" [1]).

Не слишкомъ-ли значительную свободу сужденій дала г. Трубачеву увѣренность, что охотниковъ провѣрить его слова, прочитавши *Искру*, не окажется? Повидимому, здѣсь кроется ключъ ко всей его статьѣ именно въ этой части. Я подчеркнулъ многое совершенно противорѣчивое другъ другу и потому на поясненіи противорѣчій останавливаться не буду. Останусь исключительно на почвѣ фактовъ. Кто сказалъ г. Трубачеву, что въ столичныхъ газетахъ 1859—64 гг. отсутствовали провинціальныя корреспонденціи? Конечно, не просмотръ этихъ газетъ. Кромѣ того, каждый, прочитавшій *сейчасъ* нѣсколько нумеровъ *Искры* съ отдѣломъ „Намъ пишутъ", никогда не сказалъ-бы, что корреспонденціи жалки и чахлы. Наоборотъ: по нынѣшнему времени онѣ гораздо болѣе содержательны и глубоки, хотя объясняется это вовсе не существенной разницей въ „свободѣ сужденія"—послѣдняя въ сущности, у насъ мало мѣнялась сколько-нибудь замѣтно и, конечно, никогда за XIX столѣтіе не была „значительной"...

Далѣе. Какъ понять, что при бѣдности сатиры общественной, при ея безцвѣтности *Искры* „побаивались многіе сильные міра сего"? Не указываетъ-ли это лучше всего на истинное значеніе этого „по преимуществу литературно-сатирическаго" органа?.. Ниже читатель ознакомится съ отдѣломъ литературной сатиры, а теперь пока мы только констатируемъ фактъ: г. Трубачевъ нехорошо сдѣлалъ, что писалъ о томъ, чего не зналъ.

Публика шестидесятыхъ годовъ, очевидно, лучше понимала свою *Искру*.

По указанію г. Скабичевскаго, у нея было въ лучшіе годы (1862 и 1863) около 10.000 подписчиковъ; г. же Трубачевъ, руководствуясь, по всѣй вѣроятности, официальными источниками, которые есть и въ моемъ распоряженіи (напр., „Журналы высоч. учрежд. комиссіи для разсмотрѣнія проекта устава о книгопечатаніи") указываетъ на 7.000; разница значительная, но я думаю, что истинное число ближе къ первому, хотя провѣрить ихъ мнѣ нигдѣ не удалось. 7.000 было иногороднихъ подписчиковъ—это вѣрнѣе всего; прибавьте сюда Петербургъ и розничную продажу—и получите цифру г. Скабичевскаго. Кромѣ того, извѣстно, что сплошь и рядомъ всѣ номера, оставленные на продажу, раскупались до послѣдняго, а часто наиболѣе удачные выходили вторымъ изданіемъ. Кромѣ того, есть еще два указанія на матеріальный успѣхъ *Искры*. Въ 1866 г., г. Несте-

---

1) Ibid., 124.

ровъ вмѣстѣ съ Е. И. Екшурскимъ выпустилъ альбомъ каррикатуръ и рисунковъ изъ *Искры*— „Неугасшія искры", гдѣ были употреблены въ дѣло скупленныя у Степанова клише, и альбомъ этотъ имѣлъ громадный успѣхъ. Во-вторыхъ, въ серединѣ 1862 г. *Искры* за 1859 г. въ продажѣ уже не было совсѣмъ, а за 1860 и 1861 гг. оставалось очень немного экземпляровъ.

Вообще *Искра* старалась поменьше говорить о своемъ тиражѣ, чтобы не привлечь къ себѣ особеннаго вниманія цензуры, всегда взвѣшивавшей эту сторону „неспокойныхъ" изданій...

Содержаніе „Искры" по вопросамъ: крѣпостное право, судъ, отношеніе къ гласности, свобода печати.

Теперь мы можемъ приступить къ ознакомленію съ самимъ содержаніемъ журнала и, конечно, начнемъ его съ краеугольнаго камня дореформенной Россіи— крѣпостного рабства. *Искра*, какъ и все передовое общество, видѣла въ немъ разумѣется, перваго и самаго ужаснаго врага грядущаго возрожденія. Но извѣстно, какую печать молчанія по этому кардинальному вопросу наложили своевременно на прессу...

Искра не была исключеніемъ. Робко, боязливо, кое-гдѣ только и очень рѣдко прокрадывалась пара-другая словъ для обличенія этого исключительнаго по силѣ зла. Удивительно даже, что и то пропускалось, что̀ появилось на ея страницахъ. Сочувствіе редакціи къ угнетенному мужику болѣе или менѣе ясно сказалось впервые въ стихотвореніи „Палашка":

Не Пелагея, а Палашка—
Ужъ такъ она,
Со дня рожденія, бѣдняжка,
Окрещена.

Она какъ лошадь почтовая:
Впрягутъ—вези!
Всегда въ лохмотьяхъ и босая,
Всегда въ грязи.

На ней заплатки да заплатки—
И счету нѣтъ!
Сухія корки да остатки—
Ея обѣдъ.

. . . .

Одно глубокое смиренье
И вѣчный страхъ—
Другого нѣту выраженья
Въ ея чертахъ.

Все остальное шито-крыто,
Давнымъ-давно;
Въ ней все запутано, забито,
Заглушено.

Никто ничѣмъ не озадачитъ,
Безстрастный взглядъ...
А, можетъ быть, она и плачетъ,
Когда всѣ спятъ [1]).

Бывшіе раньше намеки очень блѣдны. Такъ, напримѣръ, въ каррикатурѣ изображенъ старикъ-помѣщикъ въ вольтеровскомъ креслѣ, весь обвязанный, окруженный всякими банками и склянками; видъ очень утомленный. Передъ нимъ старый слуга-дворовый, отъ усталости спящій стоя.

„— Васька, ты усталъ?
„— Усталъ, сударь, всю ночь простоялъ около вашей милости.
„— И я постоялъ бы, да не могу и сна нѣтъ. А спать хочешь?
„— Хочу, сударь.
„— Экая счастливая бестія“ [2]).

Въ другомъ мѣстѣ разсказывается про одного помѣщика-степняка, называвшаго своего Фильку „Эманципаціей“ и тутъ-же со скрежетомъ зубовнымъ „дувшаго его въ рыло“...

Отмѣтить освобожденіе крестьянъ *Искрѣ* совсѣмъ не пришлось, ни однимъ словомъ! Ближайшая пятница (день выхода журнала), вслѣдъ за объявленіемъ воли, приходилась 10 марта, на первой недѣлѣ великаго поста, но ни на первой, ни на седьмой недѣлѣ *Искра* никогда не выходила [3]), а 17 марта въ нумерѣ ни звука о колоссальномъ событіи. Очевидно, весь нумеръ былъ уничтоженъ... Только 24 февраля, когда редакція, конечно, знала о подписанномъ манифестѣ, Елисеевъ замѣнилъ свою „Хронику прогресса“ „Замѣтками о тѣлесныхъ наказаніяхъ“, которыми какъ бы подсказывалъ дальнѣйшій логическій шагъ по пути поднятія человѣческой личности.

Но вотъ реформа прошла, а *Искрѣ*, все-таки, нельзя обращать вниманія на жизнь деревни. Случайно проскочитъ мордобитіе мирового посредника изъ лихихъ господъ или ворчанье урядника, связывающаго мужика по рукамъ веревкой.

„По крайней мѣрѣ теперь вы чувствуете себя свободнѣе?

— Нѣтъ, родимый не чувствую.

— Ну, ужъ это прихоть, привычка быть всегда недовольнымъ“.

Изъ „самыхъ живыхъ современныхъ національныхъ вопросовъ Россіи“, названныхъ еще Бѣлинскимъ за 12 лѣтъ до основанія *Искры*, оставался судъ. Но и его *Искрѣ* приходилось обходить молчаніемъ—на стражѣ охраненія суда отъ гласности стоялъ гр. Панинъ, всѣми мѣрами ограждавшій свое мини ерство отъ вмѣшательства непрошенныхъ обличителей. Введеніе же судебныхъ уставовъ совпало съ концомъ лучшаго періода *Искры* и тоже не было отмѣчено сколько-нибудь замѣтно: *Искру* въ это время давили со всѣхъ сторонъ, о чемъ мы поговоримъ дальше.

Очень удачна каррикатура Шестакова, которую и воспроизвожу.

---

1) 1860 г., № 46.
2) 1859 г.. № 11.
3) Это дѣлалось не по желанію редакціи.

Секретарь. Какого вы мнѣнія?
Засѣдающій. А?
Секретарь. Какого вы мнѣнія по этому дѣлу-съ?
Засѣдающій. А я согласенъ.
Секретарь. Съ кѣмъ?
Засѣдающій. А? Съ кѣмъ? Съ сосѣдомъ?
Секретарь. Съ какимъ-съ?
Засѣдающій. Съ Перепеловымъ.
Секретарь. Они ужъ скончались.
Засѣдающій. А? Когда?
Секретарь. Да еще въ 1855 году-съ.
Засѣдающій. Ну, ну, хорошо, пожалуй, я подпишу.
(1863 г., № 25).

Затѣмъ наибольшею ясностью отличалась прежде всего каррикатура, изображавшая важнаго, тучнаго предсѣдателя суда, приказывающаго молодому человѣку: „Въ этомъ дѣлѣ надо обвинить Зайцева—понимаете?

— Понимаю, но я не могу вести дѣло противъ своей совѣсти, поэтому прошу васъ передать его другому.

— Это вы начитались всякой дряни; не хотите—такъ убирайтесь; мнѣ не нужно праведныхъ“ [1]).

Передъ предсѣдателемъ суда стоитъ съ дѣломъ въ рукахъ секретарь:

Секретарь (читая рѣшеніе суда)... „Изъ трехъ воровъ одинъ умеръ, другой находится въ безвѣстномъ отсутствіи, а такъ какъ, вслѣдствіе вышеозначеннаго обстоятельства, невозможно опредѣлить, какая доля изъ украденнаго досталась на долю главнаго вора, имѣющагося на лицо, то и рѣшили единогласно: освободить его отъ суда безъ послѣдствій и т. д.“. Я не рѣшился подписать это рѣшеніе, оно и незаконно и не логично!..

Предсѣдатель. Но... естественно! И я... стою за это рѣшеніе! [2]).

При обозрѣніи *Искры* въ области обличенія чиновничества придется, конечно, увидѣть тамъ многія черты, присущія въ свое время и жрецамъ Ѳемиды.

[1]) 1859 г., № 21.
[2]) 1864 г., № 49.

Но, несомнѣнно, въ числѣ самыхъ важныхъ вопросовъ стоялъ вопросъ о свободѣ печати, Бѣлинскимъ подразумѣваемый, какъ необходимое основаніе для разрѣшенія всего другого. Время обличительнаго жара породило въ чиновничьей, бюрократической сферѣ то отношеніе къ гласности, которое такъ прекрасно схвачено въ нѣсколькихъ словахъ Салтыковымъ: „Гласность въ настоящее время составляетъ ту милую болячку сердца, о которой всѣ говорятъ дрожащимъ отъ радостнаго волненія голосомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно перекосивши рыло въ сторону...“ [1]). Именно такъ относился тогда каждый чиновникъ, также желавшій казаться человѣкомъ современнымъ. Когда же эти господа оставались наединѣ или сидѣли въ компаніи своихъ вѣрныхъ единомышленниковъ, они говорили далеко не то.

И. Л. Дмитріевъ-Мамоновъ подмѣтилъ это очень недурно.

Разсужденія о гласности.

1. 2. 3. 4.

1. — Ну что теперь станешь дѣлать, какъ все-то разсказывать станутъ? просто хоть въ воду отъ стыда бросайся.

2. — Я говорю, что гласность—это разбой на большой дорогѣ.

3. — Я тебѣ говорилъ, покуда былъ ты въ силѣ: топи этихъ умниковъ, топи въ сибирскихъ болотахъ—не вѣрилъ!

4. — Пусть говорятъ про меня что хотятъ, я плюю на все. Съ именемъ и деньгами on est toujours un homme comme il faut. **(1860 г., № 11).**

Вообще это было время, когда поневолѣ приходилось говорить о совершенно новомъ началѣ общественной жизни, и лишь очень незначительное меньшинство бюрократовъ склонялось къ гласности, но и то умѣренной и осторожной. Вотъ что находимъ, между прочимъ, по этому поводу въ елисеевской „Хроникѣ прогресса“:

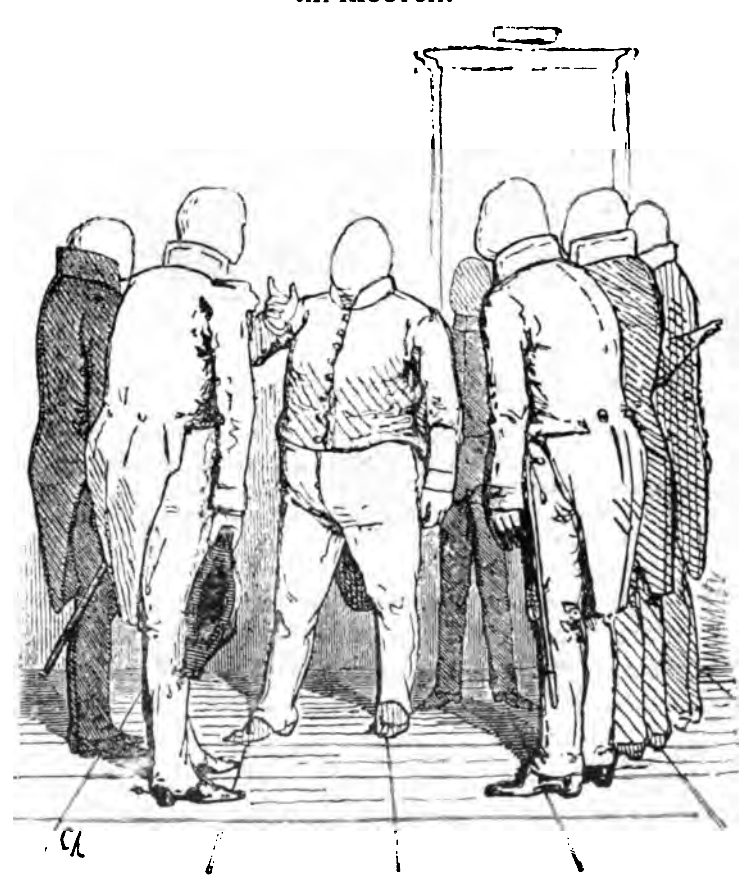
„Теперь въ нашихъ газетахъ мы уже не встрѣчаемъ восторженныхъ описаній официіальныхъ обѣдовъ въ честь начальниковъ губерній, фельетоны не ограничиваются дифирамбами въ честь учредителей загородныхъ гуляній и отчетами о сценическихъ представленіяхъ, съ осторожными замѣчаніями, что такой-то актеръ при полномъ сборѣ въ его бенефисъ не совсѣмъ твердо выучилъ и не совсѣмъ хорошо выполнилъ свою роль, а такая-то актриса, хотя и очень любимая публикою,

[1]) **„Собраніе сочиненій“, изд. II, „Сатиры въ прозѣ“: 377.**

къ сожалѣнію, очень рѣдко появляется на сценѣ,—нѣтъ, теперь мы уже выше всѣхъ этихъ мелочей, мы уже шагнули отъ нихъ на неизмѣримое разстояніе. Теперь мы знаемъ на перечетъ всѣ злоупотребленія, совершающіяся въ городахъ: Крутогорскѣ, Чернорѣчкѣ, Святославѣ, въ городѣ А, въ городѣ Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, I, К, Л и пр., въ губерніяхъ:—ской, —вской, —овской, —ковской, —сковской и —осковской. Пусть эти губерніи не названы и эти города не существуютъ: случившіеся въ нихъ факты возможны, и мы радостно привѣтствуемъ ихъ литературное обличеніе. Нельзя же допустить, въ самомъ дѣлѣ, чтобы города и губерніи назывались ихъ настоящими именами; это было бы не всегда удобно и привело бы вовсе не къ тѣмъ результатамъ, какихъ мы желаемъ. Намъ нужна гласность *умѣренная*, гласность, благоразумно располагающая своими ударами: въ одномъ случаѣ называющая того, кого обокрали, въ другомъ—того, кто обокралъ, а ни въ какомъ случаѣ не называющая обоихъ; гласность никому не обидная; гласность прозрачная, какъ стихотворенія г. Фета и, какъ стихотворенія г. Фета, оставляющая въ умѣ сочувствующаго читателя вопросъ, намекающая ему о испытанномъ имъ впечатлѣніи, не разрѣшая самаго вопроса, не развивая минутнаго впечатлѣнія въ опредѣленную мысль и ясное указаніе“ [1]).

Шестаковъ иллюстрировалъ эту мысль очень остроумно.

Безопасный способъ рисовать каррикатуры, не касаясь ни чьихъ личностей.

Подписей къ подобнымъ каррикатурамъ не полагается.

(1860 г., № 14).

[1]) 1859 г., № 22.

Не менѣе остроумна и каррикатура Рудковскаго:

Средство защитить себя отъ гласности.
— Совѣсть моя чиста.

(1860 г., № 36).

А вотъ фотографія обыкновеннаго тогда провинціальнаго явленія.

Аграфена Ѳедоровна. Съ этой минуты я запрещаю въ нашемъ городѣ чтеніе „Искры", какъ запретила прежде чтеніе „Московскихъ Вѣдомостей".—Нагайку освободить отъ дежурства и возложить на него исключительно бдительный надзоръ за этими непозволительными газетами. Слышите-ли?

— Слушаю-съ. (1860 г., № 9).

Преслѣдованіе и козни противъ „скарипадента", ставшія теперь обыкновенными, тогда только начинались, зарождались. Изъ матеріала этого рода приведу разговоръ корреспондента съ какимъ-то подрядчикомъ:

„— Что вамъ угодно?
„— Будучи наслышанъ, что вы статейки разныя о нашемъ городѣ пописываете-съ, такъ пришелъ предложить вашей милости молодцовъ, сколько пожелаете-съ, за умѣренную плату.
„— На что же мнѣ вашихъ молодцовъ?
„— А примѣрно-съ, куда выйти, все же съ ними безопаснѣе-съ" [1]).

Характерна также небольшая каррикатура:

Наши „собственные корреспонденты" стекаются со всѣхъ сторонъ просить у журналовъ освобожденія и надѣла землею.

(1861 г., № 48).

Но гласности приходилось выдерживать не только натискъ извѣстныхъ сферъ, а и прямыя препятствія со стороны цензуры, не приспособившейся къ духу эпохи шестидесятыхъ годовъ. Въ этой области *Искра* дала очень интересный и разнообразный матеріалъ для характеристики прошлаго, исчерпать который, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, совершенно не входитъ въ мою задачу.

Въ 1862 году шли работы особой комиссіи кн. Оболенскаго по пересмотру устава о цензурѣ. Нѣкоторые вѣрили розсказнямъ Головнина и Валуева и ожидали свободы слова. *Искра* не отличалась на этотъ счетъ оптимизмомъ. Вотъ какъ она понимала „свободу тисненія":

---

1) 1860 г., № 17.

Свобода тисненія. (1862 г., № 28).

Степановъ былъ въ этой области незамѣнимъ, конечно, не безъ помощи подсказывавшихъ мысль товарищей. Приведу три его работы. Одна вообще по поводу журналистики:

Идея. Мы уговорились ѣхать вмѣстѣ?

Пресса. Извините—не могу... дала обѣтъ пѣшкомъ: три шага впередъ и два назадъ.

Идея. Ну такъ конный пѣшему не товарищъ—прощайте!

(1862 г., № 40).

Другая, касающаяся собственно сатирической журналистики и особенно *Искры*:

— Куда лѣзешь, воструха? Ты начальства не безпокой—осерчаетъ. Вотъ твое мѣсто въ этой грязи ройся.

(1863 г., № 36).

Третья, необыкновенно остроумно пародировавшая порядки тогдашняго петербургскаго цензурнаго комитета (см. стр. 63).

Литературная часть не отставала. Старику В. Бенедиктову, человѣку казалось-бы, сравнительно далекому отъ красныхъ чернилъ по безобидности темъ своей музы, принадлежитъ, однако, стихотвореніе—„Къ точкамъ“:

Знакомки старыя! О вы, въ нѣмыя строчки,
Средь огненныхъ стиховъ, разбрызганныя точки!
Скажите: бросивъ здѣсь неконченный куплетъ,
Самъ, мимо всѣхъ чиновъ, насыпалъ васъ поэтъ,
Иль вы явились тутъ и въ должности и въ чинѣ—
По независящей отъ автора причинѣ?
Поставлены-ль въ замѣнъ игривыхъ, острыхъ словъ,

Редакторы журналовъ *отстаиваютъ* свои статьи.

(1862 г., № 32).

1.—Некрасовъ.
2.—В. С. Курочкинъ.
3.—С. С. Громека.
4.—М. М. Достоевскій.

Могущихъ уколоть какихъ нибудь глупцовъ,
Которые живутъ на нашемъ попеченьѣ,
Имѣя иногда особое значенье?
Иль замѣнили вы нескромный оборотъ
Рѣчей, способныхъ жечь и соблазнять народъ,
Вводить въ лукавый грѣхъ жену или вдовицу
И заставлять краснѣть стыдливую дѣвицу?
Иль правда смѣлая идеи роковой,
Чтобъ не тревожить міръ больной, полуживой,
За вами спряталась? Такъ въ отвращенье грому
И шуму отъ ѣзды по тряской мостовой
Кидаютъ предъ жильемъ недужнаго солому [1]).

Передъ солиднымъ господиномъ стоитъ маленькій гимназистикъ, въ сторонѣ наставникъ.

„— Что вы дѣлаете! развѣ можно давать мальчику Грановскаго? Вѣдь онъ, тамъ Искандера расхваливаетъ...

„— Это онъ Александра Македонскаго называетъ Искандеромъ.

„— Александра Македонскаго! Знаемъ мы! Нѣтъ, батюшка, это, я вамъ скажу, просто уловка, чтобы пропустили...“ [2]).

---

[1]) 1862 г., № 18.
[2]) 1863 г., № 35.

Двое писателей ведутъ разговоръ:

„— Есть одинъ пунктъ, гдѣ сходятся всѣ писатели, несмотря на различія своихъ убѣжденій.

„— Гдѣ-же это?

„— Въ цензурномъ комитетѣ“ [1]).

На диванѣ сидятъ двое, вдали у стола, писатель съ рукописью.

„— Кто это?

„— Мертвый капиталъ.

„— Какъ такъ! Значитъ, скряга-милліонеръ?

„— Нѣтъ, литераторъ, неудобный для печати“ [2]).

Редакторъ газеты заключаетъ условіе съ факторомъ типографіи:

„*Ред.* Ну а за строки ***помаранныя*** также полагается плата?

„*Фак.* Да, мы беремъ $1^1/_2$ коп. за строку.

„*Ред.* Дорого; это составитъ большой разсчетъ.

„*Фак.* Развѣ у васъ такъ много не пропускаютъ?

„*Ред.* Нѣтъ, все пропускаютъ“ [3]).

Діалогъ писателя съ однимъ изъ редакторовъ:

„— Этотъ журналецъ становится очень неисправенъ; мнѣ не донесли трехъ номеровъ. А къ вамъ?

„*Ред.* Ну, меня не забываютъ; постоянно доносятъ“ [4]).

Въ 1861 г. *Искра* впервые огласила одинъ изъ подвиговъ всероссійски извѣстнаго цензора А. И. Красовскаго, назвавъ статью: „Цѣломудренный наставникъ“, а Красовскаго спрятавъ подъ этотъ псевдонимъ. Начиналась она такъ:

„Намъ случайно попалась тетрадь одного богатаго юноши, воспитывавшагося дома [5]). Въ тетради этой написаны, между прочимъ, стихи юноши и карандашемъ учителя сдѣланы замѣтки. Представляемъ читателямъ и то и другое. Какъ юноши, такъ и его мудраго наставника уже нѣтъ на свѣтѣ. Стихи, подобные прилагаемымъ, пишутся, впрочемъ, и по настоящее время и не только юношами, но и людьми преклоннаго возраста, но къ подобнымъ замѣткамъ, кажется, уже не способенъ ни одинъ изъ современныхъ нашихъ руководителей“.

Затѣмъ шли стихи: „Стансы къ Элизѣ“ и примѣчанія „цѣломудреннаго наставника“. Передамъ ихъ, такъ какъ въ „Воспоминаніяхъ“ Головачевой-Панаевой, въ „Очеркахъ исторіи русской цензуры“ г. Скабичевскаго и въ другихъ мѣстахъ они приведены въ иныхъ варіаціяхъ.

„О, сладостно, клянусь, съ тобою было жить,
Сливать съ душой твоей всѣ мысли, разговоры,
Улыбку устъ твоихъ небесную ловить.

Примѣчаніе наставника. Сильно сказано! Женщина недостойна, чтобы улыбку ея называть небесною.

---

[1]) 1863 г., № 12.
[2]) 1864 г., № 14.
[3]) 1863 г, № 23.
[4]) 1862 г., № 49.
[5]) **На самомъ дѣлѣ редакція получила тетрадь стиховъ бѣднаго поэта Олина, представившаго ее Красовскому въ 1823 году.**

И молча на тебѣ свои покоить взоры.

Примѣч. наст. Тутъ есть какая-то двусмысленность.

О, дѣва милая! изъ смертныхъ всѣхъ лишь ты
Подъ бурей страшною меня не покидала,
Не вѣрила рѣчамъ презрѣнной клеветы
И поняла, чего душа моя искала.

Примѣч. наст. Должно сказать *чего именно*.

Пусть зависть на меня свой изливаетъ ядъ,
Пускай злословія шипитъ языкъ презрѣнный,
Что въ мнѣньи мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный взглядъ
Дороже для меня вниманья всей вселенной.

Примѣч. наст. Слишкомъ сильно сказано, къ тому же старшихъ вниманьемъ дорожить должно.

О, какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши,
Безвѣстный близъ тебя къ блаженству пріучаться,
И кроткою твоей мелодіей души
Во взорахъ дышащей, безмолвствуя плѣняться.

Примѣч. наст. Такихъ мыслей никогда разсѣивать не должно. Это значитъ, что авторъ не хочетъ продолжать своей службы, для того только, чтобы быть всегда съ своей любовницей.

О какъ бы я желалъ всю жизнь тебѣ отдать!!
У ногъ твоихъ порой для пѣсней лиру строить...

Примѣч. наст. Слишкомъ унизительно для нравственнаго человѣка сидѣть у ногъ женщины.

Всѣ тайныя твои желанья упреждать,
И на груди твоей главу мою покоить.

Примѣч. наст. Стихи чрезвычайно сладострастные.

Тебѣ лишь посвящать, разлуки не страшась,
Дыханье каждое и каждое мгновенье,
И сердцемъ близъ тебя, другъ милый, обновясь,
Въ улыбкѣ устъ твоихъ печалей пить забвенье".

Примѣч. наст. Всѣ сіи мысли противны нравственности" [1]).

Міръ чиновничій.

Чиновничество и бюрократія стараго времени представлены въ *Искрѣ* очень полно и всесторонне.

Устами „мичмана Кронотова", въ XVIII ст., дѣйствительно, писавшаго посланія всевозможнымъ вельможамъ, *Искра* обращалась къ министру внутреннихъ дѣлъ:

„Если [бы вы взяли на себя трудъ анатомировать и раскрыть порученную вамъ внутренность, то сколько бы вы нашли въ нѣдрахъ ея испорченныхъ сильною несправедливостью кишекъ! Вы бы увидѣли, что иной тощій желудокъ третьи сутки страдаетъ спазмою; сколько бы вы обрѣли попорченныхъ нервовъ, могущихъ въ порученной вамъ внутренности служить для варенія пищи всеобщаго благо-

[1]) 1861 г., № 48.

денствія, но угнетеніе остановило въ нихъ кровь патріотическаго усердія. Я увѣренъ, что ваше превосходительство, прочитавъ письмо сіе, въ предложеніи вашемъ департаменту, пришлете мнѣ спасительную микстуру. Впрочемъ, если вы письмо сіе примете въ противномъ смыслѣ, то для меня все равно: въ Сибири тоже солнце свѣтитъ. Здѣсь кровь леденѣетъ отъ всеобщей холодности, а тамъ оная согрѣвается землянымъ соучастіемъ" [1]).

Когда стали ходить самые первые слухи о назначеніи графа М. Н. Муравьева генералъ-губернаторомъ сѣверо-западнаго края, въ *Искрѣ* появилась такая каррикатура:

„Муравьевъ-то, муравьевъ!
Вотъ гдѣ пища соловьевъ!
Прилетай же поскорѣй,
Обличитель соловей".
(1863 г., № 1).

Надо ли говорить, какой успѣхъ имѣлъ этотъ нумеръ?..

Не обиженъ былъ невниманіемъ и П. А. Валуевъ. Меньше чѣмъ черезъ годъ со дня своего назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ онъ былъ изображенъ именно въ томъ положеніи, которое занималъ до тѣхъ поръ, пока реакція конца 1862 года не опредѣлила его окончательной политики.

Либералъ—эквилибристъ, ловко колеблющійся во всѣ стороны и отыскивающій благоразумную середину.
(1862 г., № 21).

Появленіе этой замѣчательной каррикатуры Степанова какъ разъ въ мятежные дни майскихъ пожаровъ, когда Валуевъ особенно непрочно чувствовалъ себя на канатѣ, было очень своевременно... Потомъ *Искра* платилась не разъ за эту свою смѣлость.

Безусловно характерна именно для даннаго времени небольшая картинка Степанова, въ нѣсколькихъ штрихахъ нарисовавшаго квинтъ-эссенцію безпорядочности и полной несообразности въ распоряженіяхъ чиновниковъ, желавшихъ проявить свою начальственную власть:

---

1) 1863 г., № 14. Впослѣдствіи письма Кропотова къ министрамъ были напечатаны въ „Русской Старинѣ".

Курьеръ.

Проскакалъ, сломя голову, 6 т. верстъ въ 12 дней, чтобы доставить очень нужную бумагу, на которой тотчасъ же было написано рукою Его Пр-ва: „*принять къ свѣдѣнію*". (1859 г., № 11).

Такихъ господъ законъ весьма мало стѣснялъ.

Передъ военнымъ генераломъ стоитъ чиновникъ.

„— По моему мнѣнію, съ Иванова слѣдуетъ взыскать въ пользу казны.

„— По закону нельзя-съ.

„— Такъ вы и напишите, что по закону нельзя взыскать, но по духу законодательства онъ подлежитъ платежу" [1]).

Къ важному „генералу" приходитъ чиновникъ.

„— Помилуйте! За что вы уволили меня со службы?

„— Я не увольнялъ, кто вамъ это сказалъ?

„— Да вы вчера изволили подписать мое увольненіе, я самъ читалъ его.

„(*Звонитъ, входитъ камердинеръ*). Какъ же это ты, братецъ, такъ неосмотрителенъ! Вчера, какъ докладывалъ мнѣ бумаги, сказалъ, что нѣтъ ни одной важной, а вотъ вышла важная. Пошелъ вонъ, дуракъ!" [2]).

Въ Ардатовѣ одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ обратился къ знакомому и, кажется, ему подвѣдомственному доктору съ слѣдующей рѣчью:

„У предводителя послѣзавтра балъ; я не приглашенъ, а между тѣмъ, слышалъ, что мои чиновники А. и Г. получили пригласительные билеты. Потруди-

---

[1]) 1859 г., № 12.
[2]) 1861 г., № 14.

тесь передать имъ, что если будутъ на предводительскомъ балѣ, то чтобъ на другой же день подали въ отставку!" [1]).

Вообще съ подчиненными не стѣснялись.

„— Доложи, что секретарь съ бумагами пришелъ.
„— Нельзя-съ, не принимаютъ теперь... курятъ сигару-съ.
„— А потомъ?
„— Потомъ приказали набить трубку-съ" [2]).

Теперь перейдемъ въ область взяточничества, мздоимства, лихоимства, вымогательства и tutti quanti.

Въ концѣ 1858 года Н. А. Вышнеградскій (братъ И. А., бывшаго потомъ министромъ финансовъ), бывшій тогда начальникомъ перваго женскаго маріинскаго училища, печатно заявилъ о предлагаемыхъ ему по службѣ взяткахъ и о своемъ безкорыстіи. За нимъ послѣдовало нѣсколько человѣкъ. Это было совершенно ново и не потому, что не было людей, не принимавшихъ взятки, а потому, что объ этомъ никто никогда печатно не заявлялъ... Въ *Искрѣ* появляется пародія на подобныя заявленія:

„Замѣчено мною—къ несчастію и соболѣзнованію—уже не разъ, что многіе слѣпые или близорукіе люди поставляютъ себѣ долгомъ приносить ко мнѣ по праздникамъ различныя снѣди и питья. Принимая въ соображеніе, что я, какъ человѣкъ назначенный къ исправленію занимаемой мною должности, обезпеченъ съ избыткомъ получаемымъ мною по службѣ содержаніемъ, принимаю смѣлость напомнить объ этомъ вышеозначеннымъ людямъ и этимъ печатнымъ внушеніемъ, къ которому я приступилъ послѣ тягостной борьбы съ самимъ собою, исцѣлить ихъ отъ дальнѣйшихъ подобныхъ приношеній, присовокупляя, что приношенія эти, несогласныя съ здравымъ разсудкомъ и духомъ нашихъ учрежденій, будутъ оставляемы мною безъ вниманія. Въ заключеніе долженъ увѣдомить, что кулекъ съ пшеничною мукою, полученный мною отъ одного господина, фамилію котораго на сей разъ я скрою отъ публики, возвращенъ по принадлежности, а десятокъ утокъ, присланныхъ недавно изъ одной прилегающей деревни, возвратится приславшему ихъ, если онъ потрудится сходить ко мнѣ на кухню и потребовать ихъ отъ повара Авдѣя.

„Секретарь уѣзднаго суда *Н. Нижнесельскій*" [3]).

Когда же вятскій губернскій прокуроръ, Сырневъ, явился въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" съ заявленіемъ, что онъ вообще въ теченіе своей 35-лѣтней службы взятокъ ни отъ кого не бралъ, В. С. Курочкинъ помѣстилъ стихотвореніе, пресѣкшее на время такую „гласность особаго рода":

Привело меня въ смущенье
Это объявленье.
Неужели только въ Вяткѣ
Не берутся взятки?

---

[1]) 1860 г., № 35.
[2]) 1859 г., № 19.
[3]) 1859 г., № 4. Вышне = нижне, градскій = сельскій.

Нѣтъ! Въ столицѣ есть подобный,
Нѣкій мужъ незлобный;
О себѣ онъ также внятно,
Возвѣстилъ печатно.
Правда держится межъ нами
Оными мужами:
Господиномъ Вышнеградскимъ
Съ прокуроромъ вятскимъ.
Мужи правды и совѣта!
Вамъ зачтется это.
Передъ честностію вашей,
Воспылавшей солнца краше,
При хвалебномъ общемъ кликѣ,
Нынѣ всѣ языки
Благодарныя Россіи
Преклоняютъ выи [1]).

А вотъ подражаніе „Вѣткѣ Палестины", озаглавленное: „Кредитная бумажка":

Скажи мнѣ, ветхая бумажка,
Гдѣ ты была, гдѣ ты жила?
Въ какомъ чиновничьемъ карманѣ
Ты темный вѣкъ свой провела?
Не на дому-ль тебя въ халатѣ
Совѣтникъ важный принималъ?
Въ части-ль, въ полиціи, въ палатѣ
Писецъ ревниво поджидалъ?
Указъ суда тогда-ль читали,
Обрядъ свершая старины,
Когда къ рукамъ тебя прибрали
Ѳемиды честные сыны?
И тотъ, кто взялъ, на службѣ-ль нынѣ?
Беретъ, какъ прежде каждый день?
На мѣстѣ *злачномъ*, въ крупномъ чинѣ
Имѣетъ *вѣсъ*, даетъ-ли тѣнь?
Иль разлученъ со взяткой, гладный,
Въ одеждѣ ветхой, какъ и ты,
Кончаетъ вѣкъ свой безотрадный
На лонѣ гнусной нищеты?
Повѣдай: подлою рукою
Кто первый въ даръ тебя принесъ?
Что было куплено тобою:
Дѣла-ли крови, или слезъ?
Воръ-откупщикъ къ большому-ль плуту
Тебя послалъ въ день именинъ?
И отдана ты въ ту-жъ минуту
Женой за тряпки въ магазинъ?
Ходатай-ли за каверзъ ловкій
Тебя вручилъ секретарю?
И гдѣ ты съ нимъ потомъ, плутовка,
Встрѣчала блѣдную зарю?.. [2])

---

[1]) 1859 г., № 45.
[2]) 1859 г., № 16.

Въ другомъ мѣстѣ изложена очень остроумная „практическая ариѳметика", а вслѣдъ за нею дана для упражненія слѣдующая „задача на всѣ четыре правила":

„Нѣкто въ нашемъ уѣздномъ городѣ получаетъ въ годъ казеннаго содержанія 800 руб.

Изъ числа 800 руб. платитъ:

За квартиру	450 руб.
Прислугѣ	200 —
За четырехъ дочерей, въ разные пансіоны . . .	800 —
На аристократическіе наряды жены и дочери . .	1.200 —
На одежду и обувь собственно для себя . . .	250 —
На ремонтъ экипажа, мебель и проч	300 —
На столъ и четыре бала въ годъ	900 —

(Не мѣшаетъ замѣтить, что большая часть живности доставляется изъ деревень—gratis). Затѣмъ откладывается въ запасный капиталъ отъ 3 до 5000 р. Спрашивается, откуда берется такая благодать?" [1]).

Понятно, кто этотъ магъ и чародѣй:—конечно, капитанъ-исправникъ, премированный жизнью волшебникъ, умѣвшій, какъ и городничій, изъ всего извлечь пользу. Русскій исправникъ не сходилъ со страницъ *Искры* и, разумѣется, клялъ ее всѣми силами своей души. Вотъ, напримѣръ, „Идеальная ревизія":

— Дороги у васъ въ околоткѣ!
  Ухабы, озера, бугры!
— Пожалуста, рюмочку водки:
  Пожалуста, свѣжей икры.
— Выходитъ, что вы, не по чину...
  За это достанется вамъ...
— Пожалуста, кюммелю, джину,
  Пожалуста, рижскій бальзамъ.
— Пословица службы боярской:
  Бери, да по чину бери.
— Пожалуста, честеръ, швейцарскій,
  Пожалуста, стильтону, бри.
Дороги, положимъ, бездѣлки;
  Но былъ я въ острогѣ у васъ...
— Пожалуста, старой горѣлки,
  Галушекъ, грибочковъ, колбасъ.
Положимъ, что часъ адмиральскій;
  Да вотъ и купцы говорятъ...
Угодно-съ ветчинки вестфальской?
  Стерлядка-съ, дичинка, салатъ...
Положимъ, что въ вашу защиту
  Вы фактъ не одинъ привели...
Угодно-съ иксмцу, лафиту?
  Угодно-съ рейнвейну, шабли?
Положимъ, что вы увлекались...
  Сходило предмѣстнику съ рукъ...
Сигарочку вамъ-съ: Имперьялисъ,
  Регалія, Уиманъ, Трабукъ.

---

[1]) 1860 г., № 10.

— Положимъ, я строгъ черезъ мѣру
И какъ-нибудь дѣло сойдетъ...
— Пожалуста... Ей! Редереру!
Поставить двѣ дюжины въ ледъ [1]).

Молодому человѣку, повидимому, пробовавшему объяснить такому капитану-исправнику, что такое прогрессъ, „сѣрый волкъ“ отвѣчаетъ:

„Э, Лука Лукичъ, это только кричатъ—прогрессъ, прогрессъ. А я вамъ скажу: все это вздоръ! Мой предшественникъ по 20 тысячъ въ годъ получалъ, а я едва десятокъ могъ собрать съ уѣзда—вотъ вамъ и прогрессъ!“ [2]).

Очень остроуменъ и „словарь словъ, доставлявшихъ вѣрный доходъ городничимъ былого времени“. Вотъ онъ.

А. Артель, Арестанты, Аптекаря.
Б. Бани, Бродяги, Билеты, Бойни.
В. Вводъ во владѣніе, Взносъ купеческихъ капиталовъ, Винные погреба, Водка, Воры, Ворожеи.
Г. Говядина, Гурты, Грабители, Годовые праздники.
Д. Домовладѣльцы, Драки, Доносы.
Е. Ереси, Евреи.
Ж. Живность, Жиды.
З. Знахари, Звѣринцы.
И. Именины.
К. Кабаки, Камеліи, Конокрады, Купцы, Колбасники, Кузнецы, Квитанціи.
Л. Лавки, Лодочники, Лабазники.
М. Моровая язва, Модистки, Мощеніе улицъ, Мука, Медъ, Музыканты.
Н. Находка, Наводненія, Новый годъ.
О. Обманъ, Отводъ квартиры, Отопленіе, Освѣщеніе, Откупъ, Оптовая продажа, Обмѣръ, Обвѣсъ.
П. Пожары, Подрядчики, Поставщики, Портные, Постоялые дворы, Паспорты, Продукты, Пожарные инструменты.
Р. Разбойники, Ремесленники, Рестораціи, Рекрутскіе наборы, Ревизскія сказки, Ремонтъ.
С. Слѣдствія, Сахарные, Свѣчные заводы, Судохозяева, Сало, Солонина, Сѣно, Столяры, Сапожники, Слесаря.
Т. Товары, Табуны, Такса, Торговля.
У. Утопленники, Улицы, Увѣчья.
Ф. Фабрики, Фонари, Фигляры, Фортунки, Фальшивая монета.
Х. Холера, Хлѣбники, Харчевни.
Ц. Цѣны справочныя, Цыгане, Цѣловальники.
Ч. Чай, Чума, Чумаки, Чародѣи, Чудеса.
Ш. Шапошники, Шиканье (въ театрѣ), Шумъ, Шайки, Шулера, Шабашъ.
Ѣ. Ѣзда (быстрая по городу).
Э. Эпидеміи, Экзекуціи.
Я. Ярмарки, Яды, Ябедники [3]).

Талантливый карандашъ М. Знаменскаго далъ такую удачную комбинацію условій жизни чиновнаго люда, что ее нельзя не считать заслуживающей серьезнаго вниманія и теперь:

---

1) 1860 г., № 18.
2) 1860 г., № 51.
3) 1861 г., № 2.

Хозяйство городскихъ властей.

Хозяйство сельскихъ властей.

Хозяйство учителя.

(1860 г., № 15).

Какой злой ироніей и вмѣстѣ рѣзкой правдивостью проникнута учительская жизнь! И сколько потомъ исписано бумаги для иллюстраціи того, что талантливый художникъ далъ лишь нѣсколькими штрихами.

Еще одна работа того же Знаменскаго:

Откупщикъ—ходячая печка чиновниковъ въ провинціи.

«Вотъ и 1-е число, а какъ холодно. Позвольте, Матвѣй Даниловичъ, погрѣть немного руки». (1860 г., № 2).

Невѣжество чиновничества, какъ извѣстно, доходило до геркулесовыхъ столбовъ. *Искра* полна всевозможными иллюстраціями этой черты стараго крючкотвора, но и здѣсь я приведу лишь кое-что.

Одному просящему мѣста начальство дало, для испытанія въ „письменности", тему: „Нева съ притоками и ея исторія", отъ выполненія которой зависѣла дальнѣйшая судьба кандидата. Сочиненіе было представлено. Вотъ помѣтка на немъ „генерала":

„Приведенныя г. авторомъ цифры и данныя по излагаемому вопросу оказались, по провѣркѣ съ дѣлами канцеляріи, вполнѣ правильными. Что же касается до положенія г. автора, что будто бы при устьѣ р. Ижоры в. к. Александръ Ярославичъ одержалъ побѣду надъ шведами и за это получилъ названіе „Невскаго", то, по справкѣ, свѣдѣній объ этомъ въ дѣлахъ канцеляріи не имѣется"... [1]).

---

[1]) 1859 г., № 3.

„— Департаментъ спрашиваетъ: не имѣется ли въ здѣшней губерніи антрацита? то какъ прикажете отписать. Я не знаю, что это за антрацитъ.

„— Такъ какъ наша губернія изобилуетъ лѣсами, то, надо полагать, что тутъ спрашивается о какомъ-нибудь звѣрѣ; отвѣчайте, что въ нашей губерніи такихъ звѣрей не водится“ [1]).

Вообще антрациту везло.

„— Я уже сдѣлалъ-съ распоряженіе объ отысканіи *его*.

„— Извините, я не догадываюсь.

— (*Шопотомъ*) Объ отысканіи антрацита.

„— А вѣдь это, мой милый, должно быть, какой-нибудь важный злоумышленникъ.

„— Это минералъ-съ.

„— Прошу покорно, еще и генералъ!“ [2]).

Передъ начальникомъ стоитъ чиновникъ, съ руками, вытянутыми „по швамъ“.

„— Изъ какихъ доходовъ вы, милостивый государь, купили голову сахару?

„— Я купилъ не одинъ, а съ двумя товарищами, потому что такъ выгоднѣе.

„— Гм... это въ нѣкоторомъ родѣ соціализмъ, такъ знайте же, что я не могу этого допустить между моими подчиненными!“ [3]).

Но невѣдомы были не только „антрацитъ“, „коммунизмъ“, „соціализмъ“ и пр., а даже дѣдушка-Крыловъ.

„— Какъ вы смѣли сказать вашему начальнику, что у сильнаго всегда безсильный виноватъ?!

„— Это такъ Крыловъ выразился.

„— А! такъ подать сюда Крылова!“ [4]).

А вотъ рапортъ, содержаніе котораго рѣшительно всѣмъ покажется загадкой.

„Въ А—скую казенную палату.

„Мез—скаго виннаго пристава рапортъ.

„Отъ скотской гнусности по обряду ихъ звѣрства, на гвоздѣ пригвождена насильственная скота дерзость. О чемъ Ар—ской казенной палатѣ и имѣю честь донести. Мез—скій винный приставъ Шепелевъ“ [5]).

Этотъ ребусъ, оказывается, значилъ: винные погреба требуютъ починки: они пришли въ такую ветхость, что скотина, почесываясь объ углы, расшатываетъ зданіе и грозитъ ему конечнымъ паденіемъ. Удостовѣриться можетъ всякій на мѣстѣ, такъ какъ на гвоздяхъ видны клочья шерсти...

Кто не помнитъ щедринское: „Ну, я разумѣется, сейчасъ же запросъ: „почему нѣтъ статьи о шелководствѣ?“ Конечно, не скоро забудется и полицейскій

---

[1]) 1859 г., № 45.
[2]) 1860 г., № 11.
[3]) 1863 г., № 48.
[4]) 1861 г., № 38.
[5]) 1859 г., № 31.

счетъ пчелъ, которыхъ оказалось „тридцать одна тысяча девятьсотъ девяносто семь штукъ“ ⁿ. Статистика губернаторовъ, исправниковъ и становыхъ стараго времени, поистинѣ, была сказочна по своей нелѣпости. *Искра* дала не мало по этому поводу очень интересныхъ фактовъ.

„...Собачкѣ дворника, чтобы ласкова была“. Эта заповѣдь Молчалина перешла въ его потомство съ плотью и кровью. Угодничество, самое наглое, самое гнусное,—средство для снисканія у начальства милостей и расположенія. На эту удочку не идутъ только исключительные люди.

Въ Брюсселѣ стали издавать русскій офиціозъ—газету „Le Nord“. Конечно, немедленно были приняты мѣры, чтобы доказать начальству, насколько блестяща эта мысль. Въ запискахъ Валуева и другихъ свидѣтельствахъ современниковъ встрѣчаются положительныя указанія на старанія губернаторовъ распространить эту газету въ деревнѣ... И распространяли...

„Проѣзжій. Что это у тебя въ рукахъ, мой другъ?

„Мужичокъ. Вѣдомости Нортъ, батюшка. Какъ же, вѣдь, и насъ приглашали подписываться.

„Проѣзжій (*другому проѣзжему*). Что ты на это скажешь, а? Небось замолчалъ... Ахъ вы, крикуны! Туда же: надо распространять грамотность! А ты укажи мнѣ, гдѣ простой народъ читаетъ иностранные журналы!.. Нѣтъ, братъ, далеко еще до насъ всѣмъ нашимъ иноземцамъ“ [1]).

А сколько жизни въ этой каррикатурѣ!

Подчиненный.— Позвольте узнать, за что вы меня лишили мѣста?
Начальникъ.—За то, что вы не умѣете служить, какъ эти господа.
(1862 г., № 17).

---

[1]) 1859 г., № 28.

Сколько ея и въ стихотвореніи А. Жемчужникова: „Разногласіе“!

Два господина однажды сошлись,
Очень умѣренно ѣли и пили—
И разговоромъ потомъ занялись.
Все о разумныхъ вещахъ говорили:
    О томъ, что такое обязанность, право,
    И какъ надо дѣйствовать честно и право,
    Съ пути не сбиваясь ни влѣво, ни вправо.
Кажется, мнѣнье должно быть одно—
Подлость и честь вѣдь не спорное дѣло?
Бѣлымъ нельзя ужъ назвать что черно,
Также и чернымъ назвать то, что бѣло?
    Пошли у нихъ толки, пошли примѣненья:
    Того и другого терзали сомнѣнья,
    Того и гляди, что раздѣлятся мнѣнья!..
Входитъ вдругъ третье лицо невзначай.
Стало оно говорить безъ умолку
То, о чемъ даже не снилося имъ, чай,
И окончательно сбило ихъ съ толку...
    Одинъ изъ нихъ былъ титулярный совѣтникъ,
    Межъ тѣмъ, какъ другой былъ коллежскій совѣтникъ—
    А третій—дѣйствительный статскій совѣтникъ [1]).

Приведу еще двѣ иллюстраціи.

Чиновники города Т . . . . . . а продаютъ свое имущество, чтобы дать обѣдъ по подпискѣ вновь прибывшему начальнику.

(1862 г., № 10).

Передъ портретомъ вліятельнаго человѣка.

(На голосъ „*Mein Liebchen, was willst du noch mehr?*“).

„Своими глазами ты можешь
Меня усмирить, подчинить,
Ты можешь меня уничтожить..
Ты можешь меня наградить!..“

(1864 г., № 27).

[1]) 1859 г., № 2.

Дореформенная полиція.

Не мало перепало и на долю полиціи, едва-ли ни сконцентрировавшей въ себѣ всѣ отрицательныя стороны современнаго *Искрѣ* чиновничества.

Прежде всего нельзя пройти молчаніемъ одну изъ самыхъ удачныхъ елисеевскихъ „хроникъ прогресса"—удачныхъ по злѣйшей пародіи.

Въ 1859 году редакція „Русской Бесѣды", желая серьезно заняться освѣщеніемъ народной жизни, командировала въ провинцію извѣстнаго П. И. Якушкина, какъ нельзя лучше подходившаго къ роли деревенскаго бытописателя. Якушкинъ одѣлъ простое платье и въ этомъ видѣ началъ свое знаменитое изслѣдованіе. Но въ Псковѣ ему пришлось столкнуться съ такимъ произволомъ тамошняго полицеймейстера, подобнаго, которому часто не встрѣчалось. Его арестовали, чуть ни истязали, грубостью хотѣли выколотить признаніе въ истинной цѣли „предосудительнаго" переодѣванія и путешествія... Все это возмущеннымъ Павломъ Ивановичемъ, было, наконецъ, опубликовано и вотъ поднялся шумъ...

Вся пресса встала на защиту безвинно и такъ турецки оскорбленнаго Якушкина. Но врядъ-ли ни остроумнѣе всѣхъ оказалась *Искра*.

„.... Г. Якушкинъ—пишетъ Елисеевъ—является юмористомъ, и юмористомъ замѣчательнымъ. Помѣщенные въ „Русской Бесѣдѣ" разсказы его, по смѣлости вымысла, не уступятъ самымъ фантастическимъ сказкамъ Гофмана. Появленіе въ губернскомъ городѣ человѣка, одѣтаго по-русски, хотя на его паспортѣ значится, что онъ дворянинъ и губернскій секретарь, послужило г-ну Якушкину основою для художественнаго изображенія цѣлаго ряда комичныхъ характеровъ и, пожалуй, каррикатурныхъ, но удивительно-забавныхъ сценъ. Манера автора нѣсколько напоминаетъ манеру Гоголя въ повѣсти „Носъ", съ тою только разницею, что у Гоголя самая основа разсказа неправдоподобна, тогда какъ у г-на Якушкина невѣроятныя сцены вытекаютъ изъ самаго обыкновеннаго явленія. Это мы считаемъ значительнымъ шагомъ въ искусствѣ и заносимъ въ нашу хронику разсказъ г-на Якушкина, смѣлостью вымысла и силою примиряющаго смѣха, далеко превосходящій всѣ современные обличительные повѣсти и разсказы.

„Мы смѣялись до слезъ, читая разсказъ г-на Якушкина. Въ нёмъ невѣроятно все, съ первой до послѣдней строки. Представьте себѣ, что человѣка, по одному, ни на чемъ неоснованному, подозрѣнію, только потому, что онъ отставной губернскій секретарь и что онъ ходитъ по-русски — задерживаютъ въ части; потомъ, только потому, что онъ вздумалъ отворить окно, переводятъ въ арестантскую; потомъ безъ всякаго основанія, освобождаютъ; на вопросъ его, за что онъ былъ арестованъ, арестовываютъ вторично и вторично безъ всякихъ объясненій освобождаютъ; сажаютъ въ полицію третій разъ за то, что онъ вмѣсто износившейся поддевки надѣлъ кафтанъ, и, наконецъ, тѣмъ же порядкомъ, освобождаютъ, съ условіемъ выѣхать немедленно изъ города.

„Что это такое? Гдѣ и когда это могло случиться? Подъ какими градусами меридіана такъ произвольно обращаются съ человѣкомъ? У какихъ темныхъ, непросвѣщенныхъ христіанствамъ, не осмысленныхъ закономъ народовъ такъ безсознательно топчутъ самыя неоспоримыя права человѣка — право свободнаго выбора занятій, право одѣваться какъ кому можно и прилично, право требовать законнаго отвѣта за незаслуженное оскорбленіе?

„Очевидно, все это шутка, и напрасно будемъ искать въ ней другого значенія, кромѣ художественнаго. Г. Якушкинъ своею шуткою доказалъ окончательно, что въ искусствѣ фотографически-вѣрное отраженіе личностей мертво передъ свободною кистью художника, иногда набрасывающею яркіе, черезчуръ смѣлые, черезчуръ даже каррикатурные, но живые, надѣленные плотью и кровью образы. Въ

этомъ тайна и послѣднее слово искусства. Мы не вѣримъ ни одной буквѣ разсказа, но при всей видимой шаржировкѣ вымысла, въ изумленіи останавливаемся передъ поразительно вѣрными очертаніями идеально-возможныхъ характеровъ. Г. Якушкинъ выказалъ себя истиннымъ художникомъ, для полноты представленія сбросивъ съ героевъ своего вымысла все случайное, накинутое условіями благоустроеннаго общества—образованіе, сознаніе своихъ обязанностей, боязнь отвѣтственности и уваженіе къ личности и закону"..

Дальше шли выписки изъ письма Якушкина, а въ заключеніе говорилось:

„Ограничиваясь указаніемъ на эту статью (письмо П. И.—*М. Л.*), не можемъ не порадоваться ея появленію. Мы въ ней видимъ значительный шагъ впередъ передъ обличительными разсказами, зачастую ничего необличающими, кромѣ отсутствія дарованія въ авторахъ. Здѣсь все вымышлено, все каррикатурно, но все идеально возможно въ извѣстной средѣ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, начиная съ самоуправства солдата, сторожившаго арестанта, и до комически-бѣдственнаго положенія ученаго литератора, пускающагося въ опасныя изслѣдованія тамъ, гдѣ не подлежатъ слѣдствію произволъ и насиліе. Область вымысла широка и неисчерпаема. Желаемъ искренно, отъ души и безъ всякихъ шутокъ, чтобъ примѣръ г-на Якушкина нашелъ послѣдователей" [1]).

Несомнѣнно, такое отношеніе *Искры* къ документально установленнымъ фактамъ было едва-ли ни сильнѣе многихъ громовъ и восклицаній, разумѣется, вполнѣ искреннихъ. Елисеевъ хотѣлъ показать всю сказочность якушинскихъ злоключеній и успѣлъ въ этомъ вполнѣ...

Многіе, вѣроятно, слышали четверостишіе:

Съ полисменомъ поневолѣ
Долженъ я хлѣбъ-соль вести:
Иль они со мною въ долѣ,
Или я у нихъ въ части.

Этотъ „экспромтъ арестованнаго лондонскаго мазурика" — произведеніе *Искры* [2]).

Проситель. Я къ вамъ-съ... все насчетъ пропавшей шкатулки.
— А... да... да... воръ пойманъ! Но шкатулка еще не найдена; впрочемъ, вы не безпокойтесь: мы объ ней позаботимся. (1859 г., № 36).

[1]) 1859 г., № 40.
[2]) 1860 г, № 30.

Полна также жизненной правды такая сценка. Будочникъ приходитъ къ торговкѣ мочеными яблоками и суетъ ей билетъ на спектакль въ пользу бѣдныхъ:

„— На, бери билетъ!
„— Какой? Зачѣмъ?
„— На бѣдныхъ... Тальянская ночь будетъ, поди посмотри.
„— Да Господь съ ней, я и не знаю, что это такое. Куда я пойду?
„— Не мое дѣло; приказано—такъ бери.
„— Да когда-жъ эта будетъ ночь?
„— Когда будетъ?! Вчера была! — Да это все равно, бери, велѣно, а не то лавку запру“ [1]).

Идутъ два пріятеля, въ отдаленіи „недреманое око“.
„— Скажи-ка, Ванюха, зачѣмъ это городовымъ дали шапки съ огненными околышами?
„— А это, чтобъ знали, на чьей головѣ шапка горитъ“ [2]).

Не рыба ловитъ крючокъ, а крючокъ рыбу.
(1863 г., № 7).

Здѣсь же умѣстно воспроизвести тѣ немногіе штрихи, которыми *Искра* успѣла обрисовать курсъ высшей полицейской дѣятельности, особенно чувствительной для русскаго общества въ эпоху 1862—64 годовъ. Помните слова Некрасова, относящіяся именно къ этому періоду, когда многому приходилось сказать послѣднее „прощай“:

„Литература съ трескучими фразами,
Полная духа анти-человѣчнаго,
Администрація наша съ указами
О забираніи всякаго встрѣчнаго—
Дайте вздохнуть!“

---

1) 1859 г., № 28.
2) 1863 г., № 13.

Искра и тутъ не молчала... по мѣрѣ возможности.

„— Я встрѣтилъ васъ недавно въ каретѣ—видно, разбогатѣли?
„— Нѣтъ, это карета отъ Цѣпного моста—она даромъ возитъ“ [1]).

Какой-то господинъ несетъ связку книгъ. Его встрѣчаетъ знакомый.
„— Донесете-ли вы это?
„— Помилуйте-съ, и не это доносилъ“ [2]).

„— Мнѣ тамъ обѣщали мѣсто.
„— Какъ, значитъ, литературу по боку?
„— Говорятъ, что мои обличенія не совсѣмъ литературны.
„— Вѣрно. Возьмите лучше обѣщанное мѣсто.
„— Требуютъ рекомендаціи.
„— Укажите на свои уши“ [3]).

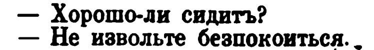
„— Состри-ка что-нибудь, а?
„— Нѣтъ, братъ, не такое время; тутъ ухо нужно держать остро, а языкъ“ [4]).

— Что-жъ, посидимъ и поболтаемъ.
— Не вѣрно. Прежде болтаютъ, а потомъ сидятъ.
(1863 г., № 45).

1) 1862 г., № 50.
2) 1864 г., № 32.
3) 1864 г., № 36.
4) 1864 г., № 30.

— Хорошо-ли сидитъ?
— Не извольте безпокоиться.

— Хорошо-ли сидитъ?
— Не извольте безпокоиться.
(1864 г., № 2).

Къ этому же періоду относится довольно извѣстное въ свое время стихотвореніе „Кто она?“, принадлежащее перу остроумнаго В. П. Шумахера, сотрудничавшаго и въ *Искрѣ*, но подъ неизвѣстнымъ мнѣ псевдонимомъ. Оно не было пропущено цензурою въ 1862 году и ходило въ рукописи:

„Тятька! Эвонъ—что народу
Собралось у кабака...
Ждутъ каку-то все свободу:
Тятька, кто она така?“
„—Цыцъ! Нишкни! Пущай гуторятъ,
Наше дѣло сторона...
Какъ возьмутъ тебя да вспорятъ,
Такъ узнаешь, кто она!“

Режимъ реакціи настолько упрочился къ серединѣ 1863 года, что передовому обществу стало ясно ближайшее будущее.

Ни для кого не было сомнѣнія, что это была жила жизни, а не случайная черточка. Атмосфера дѣлалась тяжела, чувствовалось, что вотъ-вотъ, вдругъ все пріостановится... Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія Бордгелли набрасываетъ схему страшившей Россію перспективы, тѣмъ болѣе, что частично она уже выполнялась (см. стр. 82)...

Эту работу нельзя не признать въ высокой степени остроумной и удачной. Это положительно фотографія тогдашняго нашего политическаго курса.

Конь прогресса.

(1863 г., № 29).

Образованіе и воспитаніе.

Точно въ отвѣтъ на запросъ реформъ, русское общество было не разъ огорошено рядомъ выходокъ ретроградовъ; только съ середины 1862 г. оно начало свыкаться съ ихъ доминирующей ролью. Впрочемъ, иначе и быть не могло. Разставаться съ старымъ сапогомъ многимъ тяжело и непріятно. *Искра* всегда стояла на стражѣ новыхъ идей, всегда доблестно отстаивала цѣнныя общественныя пріобрѣтенія. Когда, напримѣръ, раздался голосъ изступленнаго мракобѣса, Беллюстина, о вредѣ грамотности [1]), когда предлагалось оставить народъ въ прежнихъ потемкахъ абсолютнаго невѣжества,—она встала, какъ тигрица на защиту своего дѣтеныша. Беллюстинъ сразу, благодаря хлесткому перу Минаева, сталъ общественнымъ посмѣшищемъ, съ нимъ уже мало кто пробовалъ говорить серьезно. Другого—„педагога"—гонителя просвѣщенія—Миллера-Красовскаго, откровенно предлагавшаго, въ особой книгѣ, замѣнить „спасительныя розги" еще болѣе „удобными пощечинами"—*Искра*, перомъ Елисеева, наградила тоже щедро, поразсказавъ о немъ такую правдивую басню, которая была хуже всякой лжи, а заканчивалась такъ:

„Толкъ этой басни тотъ, что также-бъ не мѣшало
Смирять пощечиной и взрослаго нахала,
Да не слегка
(Особенно, когда болванъ учить берется),
А со всего плеча, ужъ какъ ни размахнется
Здоровая рука" [2]).

[1]) „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія", 1860 г., X.
[2]) 1859 г., № 25.

Очевидно, рекомендовалась пощечина не такого содержанія, какъ предлагалъ ее Миллеръ-Красовскій, а пощечина общественнаго смѣха и глумленія надъ изступленнымъ мракобѣсомъ. Не былъ, конечно, пройденъ молчаніемъ и извѣстный Н. И. Пироговъ въ качествѣ покровительствующаго розгѣ попечителя кіевскаго учебнаго округа. Чтобы покончить съ школьной розгой, приведу очень удачную картинку Бордгелли.

Отставная скамейка. Прощай, благодѣтель! Попомни хоть ты мою ревностную долголѣтнюю службу.

Педагогъ. Прощай, голубушка, прощай, моя вѣрная, благородная спутница! (1862 г., № 29).

На нижнемъ краѣ простыни, покрывавшей скамейку, можно разобрать слово „лазаретъ“—туда, значитъ, уносили „оздоровленнаго“ школьника...

Семейная педагогія, когда гувернеры служили больше огородными пугалами и мухобойцами, чѣмъ наставниками, когда вся семья насквозь была пропитана нелѣпыми традиціями произвола отцовъ, абсолютной покорности матерей, самодурства старшихъ, полнаго угнетенія ребенка, и нравственно и физически—это тоже непрерывная цѣпь работы поэтовъ, прозаиковъ, карикатуристовъ. Вообще, можно сказать, *Искра* стояла на стражѣ новыхъ путей образованія и воспитанія и всегда подчеркивала полную непригодность старыхъ расхлябившихся дорогъ (см. стр. 84).

Древніе языки, о введеніи которыхъ въ школу такъ хлопотали два московскіе юродивые, давали *Искрѣ* прекрасный матеріалъ для хлесткой, мѣткой и всегда умной сатиры. И что при этомъ важно—это проницательное пониманіе истинной подкладки проектовъ „Леона Катковскаго“ (Леонтьева и Каткова) о вбиваніи классическаго клина въ головы начинавшаго мыслить по новому русскаго юношества. *Искра*, главнымъ образомъ, съ этой стороны и разсматривала всегда московскіе рецепты объ оздоровленіи общества,

Приведу хотя бы отрывки изъ двухъ проектовъ страстнобульварскихъ добровольцевъ-охранителей.

— „Да, протянуть-бы еще годиковъ пятнадцать, можетъ быть, и профессоромъ сдѣлали-бы.

(1864 г., № 2).

— Кто идетъ?
— (Р о б к о) Гимнасистъ.
— Инспектору скажу.

(1862 г., № 5).

— Сударыня! Вѣра Николаевна пріѣхали!
— Ахъ, Боже мой!.. Соври что нибудь: скажи, что меня дома нѣтъ.

(1859 г., № 23).

Одна изъ обязанностей гувернера въ деревнѣ.

(1859 г., № 26).

„Чтеніе вольнодумныхъ сочиненій распространяетъ въ обществѣ нравственную порчу, называемую нигилизмомъ. Такъ какъ нигилизмъ скоро прививается къ молодому поколѣнію, то необходимо предохранить воспитывающееся юношество отъ вліянія вредныхъ книгъ. Для достиженія этой цѣли надобно:

a) Задавать ученикамъ средне-учебныхъ заведеній, кромѣ ежедневныхъ, обыкновенныхъ уроковъ, экстраординарныя задачи, напр., заставлять ихъ письменно спрягать по 10 разъ одинъ и тотъ же латинскій и по 20 разъ—греческій глаголъ. Занятый такимъ образомъ ученикъ, не имѣя ни одной минуты свободной, не будетъ въ состояніи читать какія-либо книги—слѣдовательно, не прочтетъ ни одной вредной книги.

b) Исключить изъ числа учебныхъ руководствъ весьма вольнодумныя и неблагонамѣренныя сочиненія Корнилія Непота, Юлія Цезаря, Виргилія, Гомера и проч., и проч. Вмѣсто того, единственнымъ руководствомъ принять греко-латинскую хрестоматію, которая имѣетъ быть составлена въ редакціи одного московскаго журнала при содѣйствіи многихъ московскихъ ученыхъ и профессоровъ.

c) Для упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій и эллино-греческій будутъ употребляться: „Домострой“, „Домашняя Бесѣда“ и книжки одного московскаго журнала, выпущенныя въ 1862 г. и послѣдующихъ годахъ. Всѣ же предшествовавшіе томы этого изданія будутъ преданы въ руки А—го [1]), на всесожженіе.

d) За неудовлетворительное приготовленіе уроковъ ученики будутъ наказываемы 18 розгами (по методѣ князя Ч—аго) [2]), а за незнаніе заданнаго вовсе—40 розгами. Въ случаѣ мелочныхъ погрѣшностей, учители, инспекторъ (которые, впрочемъ, будутъ переименованы въ консуловъ, преторовъ и т. п.) и др. начальники могутъ ограничиваться *тремя* и даже одною пощечиною, по методѣ Миллера-Красовскаго.

e) Для исполненія экзекуцій должны быть наняты особые служители, которыхъ слѣдуетъ называть ликторами.

f) Въ должности ликторовъ будутъ опредѣляемы лица, рекомендованныя профессорами Ю—чемъ [3]), Б. Ч—мъ [4]), или кандидатомъ философіи М—ромъ-К—имъ [5]).

g) Лучшимъ ученикамъ, въ поощреніе ихъ успѣховъ, имѣютъ быть выдаваемы: 1) золотообрѣзные экземпляры греко-латинской хрестоматіи, въ бархатномъ переплетѣ, украшенномъ медальонами публициста Сикофантова [6]) на одной, публициста Казеннообъявленскаго [7]) на другой сторонѣ; 2) выпуски „Домашней Бесѣды“ за цѣлый годъ, богато переплетенные въ черный бархатъ, украшенные портретомъ редактора [8]).

„Слѣдствія сего удобоисполнимаго, и, по кротости мѣръ, неимѣющаго себѣ равнаго проекта:

Вотъ что будетъ съ юношой черезъ пять лѣтъ, если онъ, паче чаянія, древнихъ языковъ знать не будетъ:

1.

Онаго юношу, какъ неблагонадежнаго, на службу не примутъ.

2.

Какъ лицо оштрафованное, оный злосчастный юноша лишится права голоса на общественныхъ выборахъ.

3.

Въ общественныя должности оный потерянный юноша, какъ-то: въ головы, въ члены и старшины собраній и клубовъ, избираемъ не будетъ“ [9]).

---

[1]) Аскоченскаго.
[2]) Черкасскаго.
[3]) Юркевичемъ.
[4]) Чичеринымъ.
[5]) Миллеромъ-Красовскимъ.
[6]) Леонтьевъ.
[7]) Катковъ
[8]) Аскоченскій.
[9]) 1864 г., № 9 и 1863 г., № 44.

Разные вопросы и явленія.

Теперь мы вкратцѣ остановимся на другихъ вопросахъ, чтобы въ заключеніе остановиться на литературѣ, и въ особенности—на журналистикѣ.

Что было въ городскомъ управленіи до введенія положенія 1870 г., вамъ скажутъ двѣ каррикатуры:

Выборъ головы.
(1859 г., № 40).

Выбрали голову.
(1859 г., № 46).

Вглядитесь въ нихъ внимательно и вы узнаете, кто и какъ хозяйничалъ въ муниципалитетахъ, лишенныхъ всякой тѣни самоуправленія.

Изъ массы матеріаловъ объ откупной системѣ ограничусь тоже лишь одной каррикатурой:

Отчаяніе откупа.

Штофъ докладываетъ откупу, что общее мнѣніе рѣшилось погубить его во имя трезвости. Откупъ въ отчаяніи хотѣлъ проговорить извѣстное изреченіе: *все по-гибло, кромѣ чести*, но запнулся на послѣднемъ словѣ и не договорилъ его.
(1859 г., № 22).

Остальное все было, въ сущности, лишь перепѣвомъ и варіаціями этой картинки. Да иначе и быть не могло: откупъ, какъ монополія, имѣлъ одну вполнѣ опредѣленную тенденцію: спаивать народъ для собиранія барышей.

Искра очень много занималась дѣлами акціонерныхъ обществъ и въ этой области дала такой богатый матеріалъ, что можно положительно утверждать: не напишетъ тотъ всестороннюю исторію рус-

скихъ акціонерныхъ предпріятій, кто не просмотритъ ее сначала и до конца. Я приведу лишь двѣ иллюстраціи, изъ которыхъ одна характеризуетъ и постановку дѣла, во время желѣзнодорожной горячки, акціонерными компаніями, и самое желѣзнодорожное строительство.

Нѣкоторые изъ французскихъ инженеровъ, служившіе въ обществѣ желѣзныхъ дорогъ, возвращаются къ своимъ прежнимъ занятіямъ.

(1861 г., № 45)

А другая—иллюстрируетъ вопросъ съ общей точки зрѣнія (см. стр. 88).

Къ этимъ двумъ работамъ Степанова нельзя не присоединить еще и третьей—прекрасную параллель русскихъ и европейскихъ желѣзныхъ дорогъ (тамъ же):

Телеграфу отведу одну лишь каррикатуру (см. стр. 89):

Квартирный вопросъ, очень и тогда уже чувствительный въ крупныхъ центрахъ, иллюстрированъ прекрасно (тамъ же).

Акціонерныя общества прибѣгаютъ къ послѣднимъ средствамъ, чтобы поднять акціи.
(1861 г., № 21).

На желѣзной дорогѣ «не у насъ» и «у насъ».

Не у насъ.

— Я Пальмерстонъ.

Кондукторъ.—Такъ чтожъ?

Пальмерстонъ. Да ну ты, пусти въ вагонъ.

Кондукторъ. Есть, лордъ, законъ: не ждать минуты.

(1864 г., № 25).

У насъ.

На станціи между двухъ столицъ.

Любопытный изъ пассажировъ.—Позвольте узнать, г—да, по какому случаю вы раскинулись тутъ лагеремъ и варите кашу?

Пассажиръ. У одного изъ не очень важныхъ служащихъ при желѣзной дорогѣ недалеко отсюда дача, такъ намъ велѣно ждать его пріѣзда.

Отправленіе по телеграфу письма съ новыми сапогами.

— Куда ты это, дядя?

— Да вотъ хочу послать въ Питеръ сынку, по тениграфу сапоги съ грамоткой.

— Нешто, евтотъ тениграфъ шибче всякой почты доставляетъ?

Возвращеніе по телеграфу письма и старыхъ сапогъ.

— Вотъ чудовое-то дѣло! Въ какой-нибудь часъ времени сынокъ-то и назадъ успѣлъ отписать, старенькіе сапоги прислалъ. Диво! Ай да тениграфъ!

(1861 г., № 12).

— Довольны вы квартирою, Семенъ Семеновичъ?

— Доволенъ, Петръ Петровичъ. И счастливо нанялъ, изъ всѣхъ домовъ Сорокина этотъ самый дешевый—всего 600 р. с. Жаль только, что нѣтъ черной лѣстницы—одна парадная. Да зайдите: жена дома, въ преферансъ сыграемъ.

(1859 г., № 25).

Объ акробатахъ благотворительности напомню многими, вѣроятно, еще не забытые стихи „Диллетантизмъ въ благотворительности“.

. . . .
. . . .

...Ахъ! Добро творятъ безъ совѣсти
Благодѣтели столичные!

Гдѣ тщеславіе неистово,
Тамъ добра не будетъ прочнаго;
Мѣдный грошъ отъ сердца чистаго
Больше ста рублей порочнаго.

Что въ ней, въ помощи существенной?
Въ хлѣбѣ братьи голодающей,
Если правдой невещественной
Не украшенъ помогающій?

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Хоть сестру мою, жену мою
Нищета постигнетъ въ бѣдствіяхъ,
Я и тутъ сперва подумаю
О причинахъ и послѣдствіяхъ.

Гдѣ помочь нельзя по строгому
Завѣщанію народному —
Ни гроша не дамъ убогому,
Ни крохи не дамъ голодному;

Помогу словами звучными,
Наставленьями житейскими
И рѣчами ультра-скучными,
И стихами лже-библейскими;

Дамъ понятія полезныя
О предметахъ невещественныхъ.
Ахъ! не все же рѣчи слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ [1]).

[1]) 1860 г., № 22.

Приводимыя ниже три каррикатуры еще вполнѣ современны.

Концертъ въ пользу бѣдныхъ.
(1860 г., № 7

Сверхштатная палата при больницѣ, гдѣ здоровые откармливаются на счетъ больныхъ. (1863 г., № 50).

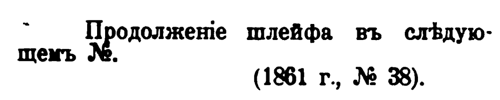

— Чаво усѣлась подъ кружкой? Пошла!
— Милостыньку прошу, отецъ родной, съ голоду помираю.
— Умирать проваливай дальше, а комитетскаго дохода не отымай!
(1862 г., № 14).

Въ заключеніе этой главы приведу двѣ очень остроумныя иллюстраціи.

Моды.

Продолженіе шлейфа въ слѣдующемъ №.
(1861 г., № 38).

Новоизобрѣтенный телеграфъ.

Онъ. — Только, пожалуйста чтобъ это осталось въ тайнѣ.
Она. — О! будьте увѣрены.
(1859 г., № 28).

Опуская еще очень и очень много мѣткаго и чрезвычайно удачно направленнаго по адресу желѣзныхъ дорогъ, домовладѣльцевъ, телеграфа и почты, типичныхъ семейныхъ неурядицъ, врачей, торговцевъ и фабрикантовъ, львовъ и львицъ beau mond'a etc, etc,—словомъ всего того, что тонуло (а не доминировало, какъ утверждаетъ г. Трубачевъ) среди содержанія гораздо болѣе глубокаго, вдумчиваго и широкаго по размаху мысли, пера и карандаша—я не могу, однако, не замѣтить, что теперешнія сатирическія изданія, поневолѣ часто принужденныя ограничиваться именно этого сорта вопросами и явленіями, гораздо болѣе бѣдны и блѣдны въ воспроизведеніи второстепенныхъ областей жизни, на которыя, между тѣмъ, *Искрѣ* просто часто некогда было взглянуть...

Литература и журналистика.

Переходимъ къ сатирѣ и каррикатурѣ по темѣ чисто-литературнымъ, къ осмѣянію журнальныхъ нравовъ, отдѣльныхъ органовъ, ихъ единичныхъ представителей. Эта сторона общественной жизни занимала серьезное мѣсто въ *Искрѣ* въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ ея лучшаго періода, и каждому знакомому именно съ этимъ періодомъ нашей общественной жизни, вполнѣ понятна причина такой неутомимой настойчивости. Редакція понимала, что литературѣ вообще, а журна-

листикѣ въ частности, предстоитъ громадная работа, результатомъ которой должно было явиться широкое общественное перевоспитаніе, точное политическое міровоззрѣніе, ясныя требованія необходимыхъ элементовъ дальнѣйшаго прогресса. Роль журналистики была настолько широко и глубоко понимаема *Искрой* что, конечно, ей нельзя было оставаться безучастнымъ зрителемъ окружающаго. Надо было клеймить ложь, продажность, постепеновщину, опортюнизмъ, наконецъ, политическое безразличіе. И у *Искры* въ этомъ отношеніи арсеналъ былъ полонъ самыхъ цѣлесообразныхъ орудій борьбы: смѣхъ, смѣхъ и смѣхъ—вотъ они. И если литература давала пищу для каждаго нумера, то это вовсе не потому, что не объ чѣмъ больше было писать, а потому, что и въ самой тогдашней жизни, которую *Искрѣ* надо было отражать вполвѣ, литература была важнымъ звеномъ сложной цѣпи. Въ то время, когда юродивые Катковъ, Н. Ф. Павловъ, Аскоченскій, Скарятинъ и tutti quanti, кривляясь, заунывно тянули гнусавую пѣснь, потомъ злобно хохотали и начинали въ изступленіи, надрывая грудь и горло, пророчествовать о будущемъ Россіи, „отданномъ на растерзаніе" ихъ свѣтлымъ противникамъ; когда готовы были видѣть въ нихъ именно голосъ русскаго общества; когда, поддаваясь ихъ указаніямъ, предпринимали шаги государственной важности, и когда, наконецъ, ясно стало, какъ скоро рухнетъ новое, только что возведенное зданіе русской общественности, если его вздумаютъ увѣнчать непропорціонально тяжелымъ куполомъ—тогда честные люди не могли, не должны были молчать! И *Искра* это хорошо понимала.

Вѣрная лучшимъ завѣтамъ Бѣлинскаго и его кружка, вполнѣ солидарная съ Добролюбовымъ, Чернышевскимъ и Герценомъ, она представила ясно русскому обществу, какихъ послѣднее имѣетъ выразителей „общественнаго" мнѣнія. И пощады этимъ господамъ, дѣйствительно, не было. Каждый ихъ шагъ на пути затемненія уже сдѣланнаго Россіей перехода изъ мрачнаго прошлаго, каждое поползновеніе представить миражъ въ видѣ идеала—все это встрѣчало сильный отпоръ.

Съ грустью, съ болью въ сердцѣ приходится сказать, что изъ общихъ характеристикъ печати 60-хъ годовъ, несомнѣнно, выдается „Дифирамбъ", написанный 40 лѣтъ тому назадъ... г. Буренинымъ, Буренинымъ того стараго, времени... *Искра* отъ этого, конечно, не проигрываетъ въ глазахъ современнаго прогрессивнаго читателя. Могла-ли она (и „Современникъ", въ „Свисткѣ" котораго работалъ г. Буренинъ) ручаться за послѣдующую дѣятельность своего еще безусаго сотрудника... Приведу эту „пѣснь" „Владиміра Монументова":

Тебя пою, родная пресса!
Твои мнѣ милы красоты:
Благонамѣренность прогресса
И скромной гласности цвѣты!

Мнѣ мило все: Борисъ Чичеринъ [1]),
Скарятинъ, Мельниковъ, Катковъ,
Я отъ обѣденъ до вечеренъ
Статейки ихъ читать готовъ.

---

[1]) Было время, когда Б. Н. Чичеринъ, находясь, невѣдомо для самого себя, подъ особою охраною цензуры, велъ атаку на лучшія достоянія общественной работы шестидесятыхъ годовъ, печатая свои громовыя статьи въ „Нашемъ Времени" Павлова, находившемся въ очень недвусмысленныхъ отношеніяхъ къ П. А. Валуеву.

Люблю, когда Скарятинъ дерзкій
Копытомъ бьетъ враговъ своихъ
И другъ раскольниковъ, Печерскій,
Караетъ тѣхъ, кто грабитъ ихъ!

Когда „свободному артисту“
Меланхолическій свистунъ,
Катковъ, въ элегіи цвѣтистой,
Пророчитъ близкій карачунъ;

Когда блестящій самородокъ,
Чичеринъ, примется вѣщать,
Что отъ однихъ *перегородокъ*
Мы можемъ счастья ожидать;

Когда боецъ съ душою страстной,
Хоть и дожившій до сѣдинъ,
Сей бичъ Надимова ужасный,
Сей неподкупный гражданинъ,—

Безсмертный Павловъ,—на сближенье
Дворянъ съ народомъ возстаетъ
И въ молодое поколѣнье,
Съ передовыхъ своихъ высотъ,

Швыряетъ грязью, какъ, бывало,
Швырялъ въ него старикъ Ѳаддей [1]),
Перомъ Бѣлинскаго, нахала,
Сраженный на закатѣ дней.

Люблю „Пчелы“ я листъ большущій
И сикофантовъ въ ней люблю,
Люблю порой на сонъ грядущій
Прочесть Юркевича статью [2]).

И послѣ сытнаго обѣда
Душѣ незлобивой моей
Такъ милъ, „Домашняя Бесѣда“ [3]),
Твой примирительный елей.

Заочный, Ржевскій и компанья
Равно мнѣ сердце веселятъ
И чтить привыкъ ихъ дарованья
И здравый ихъ на вещи взглядъ! [4]).

---

1) Ѳаддей Булгаринъ. Ниже читатели найдутъ особый очеркъ, посвященный сему славному мужу.

2) Сотрудникъ Каткова.

3) Органъ Аскоченскаго, преемника Булгарина на поприщѣ добровольческаго сыска.

4) Заочный и Ржевскій—сподвижники Каткова. 1862 г., № 24.

Очень понравилась публикѣ и элегія Минаева „Фанты“, гдѣ онъ, изобразивъ себя учителемъ, задаетъ дѣтямъ загадки на буквы. Приведу лишь нѣкоторыя.

Кто о погибели края
Съ эманципаціей женской,
Воетъ, намъ адъ предрекая
Кто?—Аскоченскій [1]).

Вотъ подошли и къ *Глаголю.*
Кто же надъ „бомбами“ вѣка
Въ жизни наплакался въ волю?
Кто же?—Громека [2]).

Кто. . . . .
Пишетъ „Замѣтки“ сурово?
Дѣти всѣ плачутъ, услыша
Имя?..—Каткова [3]).

Кто постоянно риѳмуемъ
Съ риѳмой избитою „невскій“?
Кто свистунами волнуемъ?
Кто онъ?—Краевскій [4]).

Кто подъ охраной *Покоя*
Сталъ для науки негоденъ?
Дѣти! шепну на ушко я—
Это...—Погодинъ.

Литера *Слово.* Загадки
Смыслъ, вѣроятно, понятенъ:
Ржетъ въ постоянномъ припадкѣ
Только...—Скарятинъ.

Кто онъ, воспѣвшій намъ лозу,
Въ дѣлѣ наукъ—Собакевичъ,
Бюхнеру славшій угрозы?
Кто онъ?—Юркевичъ [5]).

Не одного какого-нибудь изданія, а нѣсколькихъ касается и очень остроумная по замыслу каррикатура Степанова:

---

[1]) Въ *Искрѣ* упомянуты только первыя буквы фамилій, дальше стоятъ точки. Но разгадка ихъ очень нетрудна.

[2]) Громека — жандармскій поковникъ, сотрудникъ „Отечествен. Записокъ“, а съ 1863 г. и „Голоса“.

[3]) Катковъ написалъ массу „Замѣтокъ“ въ „Рус. Вѣстникѣ“; изъ нихъ наиболѣе замѣчательна „Замѣтка“ для издателя „Колокола“ въ іюньской книжкѣ 1862 года.

[4]) Краевскому особенно понравился эпитетъ „свистуновъ“, данный Погодинымъ сотрудникамъ „Искры“.

[5]) 1863 г., № 26.

Журнальные фокусы.

„— Теперь, господа, позвольте доказать вамъ нагляднымъ образомъ, что убѣжденія наши стоятъ всегда выше подкупа“.

(1863 г., № 4).

Каткову, быстро перебѣжавшему, въ 1861 году, съ первыми признаками реакціи, на противоположную сторону, посвящено такъ много стиховъ, прозы, шарадъ, загадокъ, каррикатуръ, что просто теряешься въ выборѣ наиболѣе выдающагося. *Искра* понимала, что это—главный отрядъ непріятельской для прогресса арміи, и потому, разумѣется, чаще всего свои выстрѣлы направляла въ его сторону. Передамъ лишь кое-что.

Передъ Катковымъ фотографъ; московскій громовержецъ спѣшитъ снять англійское платье и надѣть русское.

„—Въ каррикатурѣ васъ изображаютъ обыкновенно англичаниномъ, я хотѣлъ и карточки сдѣлать въ такомъ же видѣ.

„—Да будетъ анаѳема тѣмъ, кто заподозритъ меня въ прежнихъ убѣжденіяхъ! Я русскій, такой же русскій, какъ они, эти люди малые, бѣдные, нищіе духомъ [1]).

[1]) 1863 г., № 16.

Собесѣдникъ говоритъ Каткову:
„— Черезъ Ніагару онъ, вѣдь, перешелъ, вотъ что-съ!..
— Что жъ такое? А ему все-таки такъ не перейти, какъ я перешелъ“ [1]).

Въ каррикатурахъ Катковъ всегда фигурировалъ въ одномъ и томъ же видѣ: вѣчно въ англійской шапочкѣ. Этимъ его какъ бы пригвождали къ позорному столбу ренегата англійскаго конституціонализма. Впервые его изобразилъ такъ Степановъ, другіе каррикатуристы приняли эту форму, а затѣмъ Катковъ перешелъ точно такимъ и въ прочіе журналы.

У страха глаза велики.

„— Вздоръ! этой тишинѣ довѣряться нельзя: изъ всѣхъ щелей пахнетъ враждебностью. Чортъ возьми, какой скверный духъ. Надо скорѣй законопачивать всѣ входы и выходы“. (1863 г., № 37).

[1]) 1864 г., № 32.

Нѣкоторыя газеты объявляютъ себя на военномъ положеніи.

Редакторъ.—Кто идетъ?
Подписчикъ.—Недовольный газетой!
Редакторъ.—Проходи мимо.
Подписчикъ.—Возвратите прежде деньги.
Редакторъ.—Проходи или квасомъ окачу!

(1863 г., № 18).

Степанову же принадлежитъ, между прочимъ, каррикатура, изображающі изступленнаго московскаго мракобѣса при видѣ новыхъ пугалъ: малороссійских бурятскихъ, татарскихъ и другихъ книгъ. Онъ бросается на нихъ, ободренні „анаѳемой“ Аскоченскаго. Извѣстно, какую роль сыграли „Московскія Вѣдомости въ преслѣдованіи мѣстныхъ литературъ...

— „Ну, опять полѣзли изъ щелей безобразные призраки! Опять книги для народнаго образованія, да еще и на бурятскомъ языкѣ! Бурятамъ книги... и зачѣмъ? Анаѳема!—вотъ вамъ народные букинисты!
Домашняя бесѣда.—Анафема! анафема!

(1863 г., № 44).

Когда въ 1863 г., съ началомъ польскаго возстанья, съ Страстнаго бульвара раздался возгласъ: „шапками закидаемъ!“, *Искра* сейчасъ же рисуетъ шляпный магазинъ:

„— Это неслыханная цѣна за фуражку—очень дорого!
„— Вздорожали-съ; а скоро нигдѣ не достанете: „Московскія Вѣдомости“ скупаютъ всѣ шапки“ [1]).

1863 годъ—этотъ окончательный роковой переломъ многихъ сторонъ русской жизни—начиналъ ясно обнаруживать успѣхъ страстнобульварскаго завыванія. *Искра* во-время отмѣчаетъ это явленіе, изображая бесѣду двухъ сановниковъ:

---

[1]) 1863 г., № 28.

„— Единственное мое желаніе, ваше п—тво, состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе чтеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ распространилось по всему земному шару...

„— Теперь все къ тому и идетъ, ваше п—во“ [1]).

Читатель „Московскихъ Вѣдомостей“.
(1864 г., № 44).

Два пріятеля сидятъ у окошка, подходитъ баба съ связкой катковъ для пасхальнаго развлеченія ребятъ и кричитъ:

„— Катковъ! Катковъ!
„— Каково! Слышишь, какъ эта баба бранится?!“ [2]).

На столѣ лежитъ портретъ, гость спрашиваетъ хозяина:
„— Кто это такой?
„— Это Катковъ, да вотъ не знаю, гдѣ его повѣсить...“ [3]).

Говоря о Катковѣ въ *Искрѣ*, нельзя промолчать о двухъ каррикатурахъ, надѣлавшихъ въ свое время порядочнаго шума и давшихъ поводъ обвинять *Искру* въ опрометчивости.

Сначала приведу ихъ.

---

1) 1863 г., № 44.
2) 1863 г., № 16.
3) 1863 г., № 10.

Журнальные олимпійцы.

(1861 г., № 46).

Праздные доктринеры, безголовые прогрессисты изъ кружковъ жалкаго подобія общества, пустоголовые литераторы, готовые лаять на всякаго и разные юные, недозрѣлые пустозвоны благодарятъ за нѣжное отеческое объ нихъ попеченіе и просятъ величавыхъ олимпійцевъ не разстраивать своего драгоцѣннаго здоровья разными свирѣпыми выходками, а плюнуть и махнуть рукою на безтолковое движеніе народной жизни.

(1861 г., № 46).

Изъ очень пространной подписи подъ первой цитирую лишь конецъ:

„*День.* Кстати о нашей литературѣ. Что это такое? Пустое, голое отрицаніе, волненіе безъ содержанія и цѣли, призракъ безъ жизни и движенія.

Рус. Вѣстн. Да, пустозвоны, которыми наша литература наполняется, съ отчаяннымъ изобиліемъ ребяческаго нахальства, невѣжества, прикрытаго фразами, украденными у науки, готовы лаять на всякаго, а борзописцы нашихъ журналовъ не представляютъ никакихъ задатковъ будущаго. Мы увлекаемся безплодно и безсмысленно и также безсмысленно пасуемъ передъ всѣмъ — стоитъ только какой-нибудь пустой головѣ погромче свистнуть. Гаркни кто-нибудь, что прогресса нѣтъ— мы готовы смиренно подчиняться. Все—гниль разложенія...

День. Такъ, такъ, гниль, ложь разрушенія, вся жизнь общества поражена ложью: ложь въ просвѣщеніи, ложь въ вдохновеніяхъ искусства, ложь въ литературѣ, ложь въ порицаніи нашей народности, въ силу внутренняго нечестія, инстинктивно враждебнаго всякой святыни и чести, ложь въ самовосхваленіи, ложь въ торжествѣ дикихъ ученій, ложь въ гоньбѣ за прогрессомъ и цивилизаціей, ложь въ гуманности и образованности. Вездѣ одно злоупотребленіе, нечестное обращеніе съ словомъ.

Рус. Вѣстн. Вы слишкомъ добры, скажите лучше: безсовѣстность слова. И съ чего теперь начать, что дѣлать? Усилить-ли праздные кружки, праздныя доктрины, какъ бы они ни казались намъ чудовищны, илиналечь на ничтожные задатки знанія и мысли, не давая серьезнаго значенія всѣмъ этимъ нелѣпостямъ и окончательно подавить ихъ?

День. Подавить, непремѣнно подавить! Безсмысленный крикъ и гамъ намъ противенъ. Сначала надо отрезвить недозрѣлыхъ, недоученыхъ пустозвоновъ крѣпкимъ умственнымъ трудомъ, а потомъ я отолью все общество въ форму народнаго духа. Полюбуйтесь моделью.

Рус. Вѣстн. Какъ народнаго? Да я приготовилъ настоящія англійскія формы—вотъ и модели.

День. Какъ! Формы заграничнаго издѣлья—для насъ, русскихъ—да въ умѣ-ли вы, сэръ?!

Рус. Рѣчь. Да, сэръ, ужъ и „Теймсъ" замѣтилъ, что русская жизнь не всегда удобно укладывается въ англійскую форму, ну, попробуйте втиснуть въ нее хоть свое олимпійское величіе съ бюрократическими громами.

Рус. Вѣстн. Молчать! Съ вами не говорятъ.

День. Однако, это правда...

Рус. Вѣстн. Понимаю, вы хотите сказать, что ваше олимпійское достоинство съ квасными перунами легко укладывается въ народную форму...

День. Да, и я не уступлю вамъ въ преобразованіи народной жизни.

Рус. Вѣстн. Мы это увидимъ... Брр!.. (Потрясаемъ громами; сыплются начальническіе выговоры, замѣчанія, приговоры и проч.)".

Каррикатура эта помѣщена въ *Искрѣ* 1 декабря, а первый нумеръ „*Дня*" вышелъ 1 октября. Нѣтъ сомнѣнія, что *Искра* не читала внимательно всю аксаковскую газету. Если бы было иначе, она знала бы, что, порицая современную литературу, Аксаковъ всегда имѣлъ въ виду исключенія и далеко не всю ее ставилъ за общую скобку лжи; знала бы, что *подавленіе* чужой мысли и слова никогда не входило въ циклъ взглядовъ, исповѣдуемыхъ Аксаковымъ. Ошибка *Искры* основательно была порицаема и, несомнѣнно, она не можетъ быть поставлена ей на приходъ. Въ Аксаковѣ можно было порицать славянофильство, какъ зовущее къ народности отъ Европы, но и только. Въ защиту *Искры* можно лишь назвать нѣсколько статей „Дня", которыя, дѣйствительно, давали поводъ относиться къ газетѣ не совсѣмъ доброжелательно и довѣрчиво; напримѣръ, статья о славянахъ въ первомъ же нумерѣ, „Слово къ студентамъ" въ нумерѣ отъ

28 октября. Но онѣ, тѣмъ болѣе, разумѣется, обязывали внимательно приглядѣться ко *всей* газетѣ. Потомъ это и было сдѣлано, но, правда, не такъ скоро, какъ бы слѣдовало. А впослѣдствіи польскій вопросъ и, въ самомъ дѣлѣ, сблизилъ на время Аксакова съ Катковымъ, но это было именно впослѣдствіи и то на время. Честный И. С. въ своихъ искреннихъ заблужденіяхъ очень напоминаетъ „неистоваго Виссаріона".

Наконецъ, чтобы покончить съ Катковымъ, остановлю вниманіе читателя на трагической сценѣ Минаева: „Лордъ и маркизъ, или жертва казенныхъ объявленій"! Предварительно два слова въ поясненіе. До мая 1862 г. печатать частныя объявленія могли только „С.-Петербургскія" и „Московскія Вѣдомости" и столичныя „Полицейскія Вѣдомости". Катковъ, издававшій въ 1862 г. при „Русскомъ Вѣстникѣ" „Современную Лѣтопись" („Московскія Вѣдомости" перешли къ нему съ 1 января 1863 г.), поднялъ вопросъ о правѣ на частныя объявленія всѣхъ періодическихъ изданій, а когда, въ концѣ года, уже зналъ о своемъ близкомъ водвореніи на Страстномъ бульварѣ, то аналогичнаго вопроса о казенныхъ объявленіяхъ, разумѣется, поднимать уже не сталъ... Павловъ былъ пораженъ измѣной друга, обѣщавшаго свое содѣйствіе... Загорѣлась полемика, которую Минаевъ и переложилъ въ звучные александрійскіе стихи.

Лордъ Катковъ и маркизъ Павловъ, ведутъ, между прочимъ, такой разговоръ:

Маркизъ Павловъ.

Милордъ! Мы, помнится, сходились съ вами въ мнѣньяхъ
Объ, объ... я...

Лордъ Катковъ.

Да, маркизъ, объ *частныхъ* объявленіяхъ? Мы бурю подняли, статей писали тьмы
И выиграли...

Маркизъ Павловъ.

Да-съ...
И выиграли мы.
Но... въ обстоятельствахъ, какъ я, весьма стѣсненныхъ,
Я поднялъ бы, милордъ, вопросъ и объ *казенныхъ*.

Лордъ Катковъ.

Ха, ха, ха, ха, маркизъ!

Маркизъ Павловъ.

Хи, хи, хи, хи, милордъ!

Лордъ Катковъ (*въ сторону*).

Еще смѣется, бѣсъ!

Маркизъ Павловъ (*въ сторону*).

Еще хохочетъ, чортъ! (*Вслухъ*).
Мнѣ въ петлю лѣзть, милордъ, а вамъ, милордъ, забава!
Зачѣмъ же вамъ однимъ досталось это право?

Лордъ Катковъ (*продолжая хохотать*).

На объявленья?

Маркизъ Павловъ (*робко*).

Н... да...

Лордъ Катковъ (*хохочетъ*).

Ка-зен-ныя?

Маркизъ Павловъ.

Ну да-съ...
При нашей бѣдности не дурно-бъ и для насъ.

Лордъ Катковъ (*покатываясь со смѣху*).

Да право-то, маркизъ, про бѣдность—слова нѣту,
Принадлежитъ не мнѣ, а университету.

Маркизъ Павловъ (*значительно*).

Въ законѣ нѣтъ, милордъ.

Лордъ Катковъ (*еще значительнѣе*).

Маркизъ, въ законѣ есть:
Я вамъ совѣтую законы перечесть.

Маркизъ Павловъ.

Повѣрьте мнѣ, милордъ, когда-бъ въ законѣ было,
Я началъ бы...
(*Выпрямляя станъ и закидывая голову*).
Милордъ! Во мнѣ осталась сила!
Я сталъ бы *сѣтовать, роптать, негодовать*,
Писать протестъ!..

Лордъ Катковъ (*очень строго*).

Маркизъ, совѣтую молчать!
Мальчишки въ наши дни молчатъ передъ закономъ
А вы... опять-таки, вы смотрите Прудономъ [1]).

Вообще, охотникамъ можно рекомендовать составить цѣлый альбомъ изъ массы матеріала, посвященнаго *Искрой* Каткову; однѣхъ каррикатуръ наберется съ полсотни.

Викторъ сынъ-Ипатьевъ Аскоченскій и по сіе время остается въ памяти, какъ славный преемникъ Ѳаддея Булгарина по части доносовъ, извѣтовъ и кляузы. Кромѣ того, за нимъ остается несомнѣнная слава изувѣрнаго обскуранта, никогда не потерявшаго своей завидной позиціи. О его „Домашней Бесѣдѣ“ *Искра* писала, конечно, гораздо меньше, чѣмъ о „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Московскихъ

[1]) 1862 г., № 44.

Вѣдомостяхъ“, но все же не пропускала удобнаго случая освѣдомить Россію съ истиннымъ значеніемъ „народнаго проповѣдника“, всякій разъ, когда онъ пытался порочить дорогіе принципы и имена.

Минаевъ очень мѣтко отхлесталъ „Домашнюю Бесѣду“ въ стихотвореніи „Грозный актъ“:

Собралося засѣданье
И внимало съ умиленьемъ,
Какъ редакторъ—жрецъ премудрый —
Всѣмъ читалъ актъ отлученья.
Волоса назадъ отбросивъ,
Ставъ приличной сану позой,
Началъ онъ, сверкнувъ глазами,
Раскаленными угрозой:
„Силой правды и закона,
Силой истинъ всемогущихъ, —
Всѣхъ науки и прогресса
Власть открыто признающихъ,
Мы клянемъ, и къ мукамъ вѣчнымъ
Абизона и Дафона
Обрекаемъ ихъ для казни,
Горькихъ мукъ, и слезъ, и стона.
Мы клянемъ ихъ именами
Ксенофонта и Ѳаддея [1])
И отнынѣ и во вѣки
Проклинаемъ, не жалѣя.
Всюду, гдѣ-бъ ихъ ни застали:
Дома, въ клубѣ, въ балаганѣ,
За перомъ, смычкомъ иль кистью,
Въ министерствѣ, въ ресторанѣ,
Спящихъ, бодрствующихъ, пьющихъ,
Трапезующихъ, cocando,
Недугующихъ, плѣненныхъ,
Чуть живыхъ... flebotomando,
Проклинаемъ во всѣхъ членахъ,
Въ сердцѣ, чревѣ и глазницахъ,
Въ волосахъ, ногтяхъ и жилахъ,
Въ бакенбардахъ и рѣсницахъ...
Всюду ихъ найдетъ проклятье
И предастъ въ жилище бѣса:
Такъ клянемъ дѣтей мы блудныхъ
Окаяннаго прогресса“...
И собратья съ дружнымъ плескомъ:
„Такъ да будетъ“, повторили
И всѣ подписью формальной
Актъ проклятья закрѣпили [2]).

Лучшей каррикатурой на Аскоченскаго нужно признать степановскую, нарисованную, послѣ смерти въ Москвѣ извѣстнаго юродиваго „прорицателя“, Ивана Яковлевича Корейши.

---

[1]) К. А. Полевой и Ѳаддей Булгаринъ.
[2]) 1860 г., № 15.

Сцена въ домѣ умалишенныхъ.

Не стало прорицателя Ивана Яковлевича!
Добрая барыня, Марья Романовна,
На панихиду дала...
Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна!..
Н. Некрасовъ.

Поклонницы Ив. Як. Умеръ благодѣтель нашъ, другъ нашъ, умеръ Иванъ Яковлевичъ!

Тѣнь Ив. Як. Жива „Домашняя Бесѣда", живъ другой Иванъ Яковлевичъ.

Врачъ при заведенiи. Успокойтесь, сударыни! Въ томъ №, гдѣ жилъ уважаемый вами Иванъ Яковлевичъ, мы помѣстили другого почтеннаго мужа—вы останетесь довольны его „Домашней Бесѣдой".

(1861 г., № 15).

Съ особеннымъ негодованiемъ *Искра* обрушилась на Аскоченскаго послѣ его сказочно-гнусной статьи, въ которой онъ, желая помочь полицiи обнаружить поджигателей майскихъ пожаровъ 1862 года, описалъ „примѣты" этихъ людей и тѣмъ наускивалъ на всю русскую интелигенцiю. Время было такое, что молчать послѣ чтенiя подобныхъ доносовъ и клеветъ не представлялось никакой возможности. Тогда на Аскоченскаго обрушилась, было, не одна *Искра*, но... всѣ эти статьи не получили цензурнаго разрѣшенiя и теперь ихъ можно видѣть лишь въ „Сборникѣ статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 году"... [1]).

[1]) Томъ II, стр. 502—508.

Въ 1862 году министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Валуевъ, начинаетъ широко пользоваться литературой для проведенія своихъ видовъ, и съ этою цѣлью основанная „Сѣверная Почта“ получаетъ поддержку въ „Нашемъ Времени“ Павлова, съ января сдѣлавшемся ежедневной, полной, по программѣ, газетой. Теперь есть документы, позволяющіе категорически утверждать прикосновенность павловской газеты къ гр. Валуеву. *Искра* быстро была освѣдомлена объ истинной роли „Нашего Времени“ и, конечно, не преминула сразу же дискредитировать безчестнаго Павлова въ глазахъ общества, отъ котораго „Наше Время“ тщательно скрывало свою зависимость.

Не успѣлъ Павловъ выпустить пятнадцать первыхъ нумеровъ, какъ Н. С. Курочкинъ уже пишетъ „Казацкія стихотворенія“, изъ которыхъ привожу только три:

На „Наше Время“ упованья
Я возложилъ: въ немъ мысль ясна.
Читай его, его сказанья
Суть слаще мирры и вина.
Его прогрессъ не скоръ, на вѣренъ,
Въ немъ наложилъ на каждый листъ
Свою печать Борисъ Чичеринъ,
Медоточивый публицистъ.
Склонись къ нему душою нѣжной
И ты почіешь безмятежно,
И не разгонитъ даже „День“
Въ твоемъ умѣ ночную тѣнь.

—

Если „День“ тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись.
Съ „Днемъ“ ненастнымъ примирись,
„День“ хорошій, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ;
Только въ тѣхъ Дняхъ будь увѣренъ,
На которые Чичеринъ
Или Павловъ возстаетъ.

—

Слышу умолкнувшій звукъ ученой Чичерина рѣчи—
Старца Булгарина тѣнь чую смущенной душой [1]).

—

Спустя недѣлю Н. С. Курочкинъ пишетъ статью: „Казаки въ Москвѣ!!!“ гдѣ прямо объявляетъ Чичерину:

Юмористическимъ чутьемъ
Подъ вашей докторскою тогой,
Подъ вашимъ мудрымъ парикомъ,
Въ изгибахъ рѣчи Вашей строгой,
Нагайку чуемъ казака,
Хоть видимъ въ выпушкахъ, петличкахъ
И въ полемическихъ привычкахъ,
Что вы не нашего полка.

---

[1]) 1862 г., № 3.

Тамъ же находимъ:

— Кто больше всѣхъ благонамѣренъ?
„Аскоченскій, я въ томъ увѣренъ".
— А болѣе его?
„Ну, Павловъ" отвѣчаю.
— А болѣе его?
„Чичеринъ".
— А болѣе его?
„Не знаю" [1]).

Елисеевъ занимается самымъ усерднымъ чтеніемъ органа Павлова—Валуева и дѣлаетъ очень остроумный ихъ разборъ, доказывая довольно непрозрачно связь московскихъ публицистовъ съ жирными субсидіями [2]).

На этотъ же мотивъ написано стихотвореніе—„Наше Время":

Какъ старый танцмейстеръ легка,
Хотя тяжеленько въ ней бремя,—
На годы взглянувъ свысока,
Она назвалась „Наше Время".

Какъ старый Кирсановъ нѣжна [3]),
Болтлива, какъ древняя „Пчелка" [4]),
Надъ временемъ нашимъ она
Острить и солидно и колко.

Не страшны ей проблески „Дня",
Сильна въ ней къ прогрессу привычка;
Чичеринъ въ ней мудръ, какъ змѣя,
И Павловъ увертливъ, какъ птичка.

Въ ней слиты и сумракъ и свѣтъ;
Въ ней правда зовется химерой,
Одно исключенье—бюджетъ
Воспѣтъ съ надлежащею мѣрой.

Она,—идеалъ нашихъ дней,
Когда, по словамъ Мельгунова,
Цензура цензурныхъ статей
Свободнѣй свободнаго слова.

Она залетитъ высоко,
Затѣмъ, что летитъ осторожно;
Купить ее очень легко [5]),
Зато ужъ читать невозможно [6]).

---

[1]) 1862 г., № 4.
[2]) 1862 г., № 8.
[3]) Изъ „Отцовъ и дѣтей" Тургенева.
[4]) „Сѣверная Пчела" Булгарина и Греча.
[5]) Здѣсь авторская ядовитая выноска: „Цѣна 9 р., съ перес. 10 р. 50 к. въ кн. магаз. Базунова, въ Москвѣ".
[6]) 1862 г., № 14.

Минаевъ въ стихотвореніи подъ тѣмъ же заглавіемъ писалъ, между прочимъ:

Съ Катковымъ одною онъ жизнью дышалъ,
Съ Юркевичемъ былъ солидаренъ,
И съ чувствомъ онъ общему слуху внималъ,
Что новый явился Булгаринъ,
И если не признанъ имъ Милль и Льюисъ,
Зато уважаемъ Чичеринъ Борисъ.

—

Завистникъ! ты видишь орлиный полетъ!
Бѣги же отъ Павлова прочь ты!
Иди, разбирай „Moniteur de la Flotte" [1])
Иль рѣдкости „Сѣверной Почты",
Но „Нашего Времени" лучше не тронь—
Иначе сожжетъ тебя Зевса огонь [2]).

Дружно взятый на абордажъ, Павловъ къ серединѣ 1863 года уже потерялъ свое премированное положеніе: Валуевъ съ января имѣлъ союзника и безплатнаго и гораздо болѣе способнаго—Каткова во главѣ „Московскихъ Вѣдомостей".

Изъ другихъ мишеней, въ которыя стрѣляли батареи *Искры*, отмѣчу поражаемыя наиболѣе часто и удачно.

Что былъ за журналъ „Отечественныя Записки" со смерти Бѣлинскаго и до покупки Некрасовымъ, говорить, конечно, не надо. Ясенъ и „Голосъ" того же Краевскаго.

„Нѣкоторая академія,—читаемъ въ *Искрѣ*,—предложила для соисканія преміи слѣдующую задачу: на какомъ логическомъ основаніи мѣсто Бѣлинскаго занялъ въ «От. Зап.» г. Дудышкинъ? По обыкновенію прислано было множество сочиненій, изъ которыхъ увѣнчано преміями два: первое, получившее полную премію, гласило: «на томъ же основаніи, на какомъ мѣсто г. Дудышкина займетъ со временемъ г. Васистовъ»; второе, удостоенное лишь половинной преміи, отвѣчало: «на томъ основаніи, что г. Дудышкинъ прежде того находился на службѣ въ коммисаріатскомъ департаментѣ». Справедливость, однако-жъ, требуетъ сказать, что премія за послѣднее сочиненіе присуждена едва ли не пристрастно" [3]).

„Отечественныя Записки" и „Петербургскія Вѣдомости", въ которыхъ Андрей Краевскій былъ первой скрипкой почти десять лѣтъ, до открытія съ января 1863 г. „Голоса", запечатлѣны карандашомъ Степанова очень мѣтко (см. стр. 110). Подъ каррикатурой была надпись ясно указывающая на коллективное творчество необыкновенно злой иллюстраціи:

Въ двѣнадцать часовъ, по ночамъ,
Скарятинъ встаетъ на тревогу
И публикѣ пишетъ рапортъ.
Что ладно здѣсь все, слава Богу.

—

[1]) Газета французскаго министра внутреннихъ дѣлъ, по образцу которой Валуевъ создалъ „Сѣверную Почту".
[2]) 1862 г., № 31.
[3]) 1860 г., № 52.

(1862 г., № 44).

Въ двѣнадцать часовъ, по ночамъ,
Съ оружьемъ Громека выходитъ,
Встаютъ полководцы—и самъ
Поднялся редакторъ и ходитъ.

И ходитъ онъ между вождей—
Громы раздаетъ публицистамъ.
Пароль ихъ „*Редакторъ Андрей*“,
А лозунгъ ихъ „*Смерть нигилистамъ*“.

Слѣва, съ саблей, отставной жандармскій полковникъ Громека, въ середин съ рапортомъ Скарятинъ—оба сотрудники „Отеч. Записокъ“; справа, съ перунами, Краевскій; на второмъ планѣ другіе сотрудники.

Скарятина *Искра* прямо-таки стирала въ порошокъ. Она видѣла въ немъ „добровольца“, когда тотъ выступилъ со статьей противъ Чернышевскаго въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“; она понимала, что въ эпоху реакціи у Скарятина могла быть своя, дворянская, аудиторія. Статья Скарятина „О табунныхъ и нѣкоторыхъ другихъ свойствахъ русскаго человѣка“ [1]), тогда бывшая одно время злобой дня, дала Н. С. Курочкину тему для воспроизведенія „отголоска въ сердцахъ признательныхъ лошадей, выраженнаго въ гимнѣ, найденномъ около манежа“:

Сколь славенъ господинъ Скарятинъ,
Изобразить двуногій слабъ:
Людской языкъ лицепріятенъ,
Зато правдивъ табунный храпъ.

Чего не выразитъ словами
Россійскихъ звуковъ алфавитъ,
Мы нѣжно выскажемъ хвостами
И звучнымъ топотомъ копытъ.

Подобно господину Бланку,—
О коемъ слухъ проникъ и къ намъ,—
Людскую показавъ изнанку,
Онъ дорогъ сдѣлался скотамъ.

Освободясь отъ взглядовъ узкихъ,
Нечеловѣчьимъ языкомъ,
Какъ добрый конь, всѣ сходы русскихъ
Онъ назвалъ смѣло табуномъ.

Онъ человѣкъ безъ чувства стада,
Царю звѣрей далъ карачунъ,—
Его принять за это надо
Почетнымъ членомъ въ нашъ табунъ.

Дадимъ ему овса и сѣна
За то, что онъ по мѣрѣ силъ,
Разоблачилъ Ледрю-Роллена
И Чернышевскаго убилъ.

---

[1]) „Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника“ 1862 г., № 17.

И пусть журналы съ завываньемъ
Начнутъ глумленіе надъ нимъ:
Табуннымъ топотомъ и ржаньемъ
Мы свистъ журнальный заглушимъ [1]).

Съ 1863 года Скарятинъ, вмѣстѣ съ Юматовымъ, становятся во гла „Русскаго Листка“, который во второй половинѣ года они преобразуютъ въ д ряне́кій органъ—„Вѣсть“, прекрасно охарактеризованный бойкимъ карандаше Бордгелли:

Газета, обращающаяся преимущественно въ высшихъ сферахъ. (1864 г., № 30).

Не мало доставалось „Сѣверной Пчелѣ“ и при Гречѣ, и при Усовѣ, к тораго первый, въ концѣ 1859 г., отрекомендовалъ публикѣ съ самой лучше стороны... Идейное ничтожество этого органчика, этой тогда всѣмъ извѣстно „Пчелки“, отмѣчалось всегда и Елисеевымъ, и другими сотрудниками. Оче недурна баллада: „Литературные староверы“, написанная Жулевымъ. Она нач налась такъ:

Въ ресторанѣ собрались
Староверы злые.
И бесѣды ихъ велись
Про дѣла былыя.
И бушуетъ, и кричитъ
Громко шайка эта,
Что теперь уже молчитъ
Старая газета.

[1]) 1862 г., № 17.

И ватага эта зла
    И ломаетъ стулья,
Что ихъ главная пчела
    Выбыла изъ улья;
Что теперь имъ ходу нѣтъ
    И карманы голы;
Что теперь коварный свѣтъ
    Жаждетъ новой школы,
А что ихъ давно не чтутъ.
    И труды ихъ—Боже!
На толкучемъ продаютъ
    Съ хламомъ на рогожѣ... [1]).

Рѣчь идетъ о „Пчелѣ" уже при Усовѣ, всегда плакавшей по своему прошлому, когда во главѣ стоялъ Ѳаддей Булгаринъ—„главная пчела"—и деньги, съ помощью Бенкендорфа и Дубельта, загребалъ лопатой.

Когда В. Ѳ. Коршъ, во второй половинѣ 1862 года, объявилъ, что съ 1 января слѣдующаго года редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" будетъ принадлежать ему, но умолчалъ о „направленіи", сказавъ, что послѣднее неудобно опредѣлять въ нѣсколькихъ словахъ, *Искра* поспѣшила написать драму въ четырехъ дѣйствіяхъ: „Коршіаду", гдѣ выяснила московскому гостю, что честное направленіе всегда и вездѣ опредѣлить „очень удобно"... Потомъ каждый ложный шагъ Корша былъ своевременно иллюстрируемъ...

Старчевскій, редакторъ-издатель „Сына Отечества", положительно весь вошелъ въ удачную каррикатуру Вордгелли:

„Сынъ", начиняющійся ерундой.

— Странная, право, эта журналистика. Какія славныя вещи бросаетъ въ корзину — надо подобрать! (1864 г., № 16).

[1]) 1860 г., № 21.

Тутъ все—и его недалекое развитіе, и скаредничество, и собственные до нажитые на эксплуатированіи сотрудниковъ и читателей; словомъ, все, что разное время рисовалось, даже и Степановымъ, до и послѣ этой каррикатуры

Зато Степанову принадлежитъ такая же по опредѣленности и всесторонно характеристика „Времени“ братьевъ Достоевскихъ съ Н. Н. Страховымъ (Косиц въ качествѣ правой руки.

Мелкоплавающіе и близорукіе.

Время. — Косица! Объяви *мелкоплавающимъ свистунамъ, что они надоѣли публикѣ*, потомъ, *въ видѣ назиданія* напиши *что нибудь* такое: „*Эхъ вы!...* Ужъ куда вамъ...“ *Серьезно говорить съ ними не стоитъ*, они портятъ только дѣло.

Косица. — Да у насъ никакихъ дѣлъ нѣтъ.

Время. — Какъ! А въ шкафахъ что?

Косица. — Сами изволите знать: чужія мнѣнія, ну, а заголовки, точно, наши. (1863 г., № 7).

Когда "Время" замѣнила „Эпоха“ Ѳ. М. Достоевскаго, *Искра* дала то очень удачную его характеристику въ галлереѣ читателей различныхъ изданій:

Читатель „Эпохи".
(1864 г., № 44).

„Иллюстрація" В. Р. Зотова, прославившаяся, благодаря историческому протесту почти всѣхъ русскихъ литераторовъ и видныхъ общественныхъ дѣятелей, напечатанному, въ концѣ 1858 г., всѣми изданіями по поводу юдофобства г. Зотова,—эта „Иллюстрація" тоже не избѣгла приговора *Искры*. Такъ, напримѣръ, однажды она очень откровенно высказала, что женщинѣ нужна не эмансипація, а „букварь да плетка". *Искра*, зная безсиліе редактора-домостроевца, не обрушилась на него, а такъ вышутила, что этотъ господинъ долго помнилъ. Вотъ нѣсколько куплетовъ изъ большой статьи: „Опытъ объ Иллюстраціи":

Въ минуту жизни трудную
Прочелъ я въ „Иллюстраціи"
Одну статейку чудную
Для женщинъ русской націи.
Какая комбинація
Любви съ наукой кроткою:
Прогрессъ, эмансипація
Въ соединеньи съ плеткою!
Не вѣрится... Не плачется
За ходъ цивилизаціи...
Пускай себѣ дурачится
Редакторъ „Иллюстраціи" [1]).

Теперь о нѣкоторыхъ явленіяхъ и фактахъ литературной жизни.

Въ 1860 году, въ актовомъ залѣ петербургскаго университета, происходилъ надолго нашумѣвшій въ свое время диспутъ Костомарова съ Погодинымъ о происхожденіи Руси. По отзывамъ современниковъ, это было крупное событіе ученаго дня, это было публичное единоборство молодой и старой Россіи,

[1]) 1860 г., № 47.

За три дня до диспута билетовъ уже не было, нѣкоторые предлагали за них по пятидесяти рублей... *Искра* занесла этотъ день въ свои лѣтописи каррикатурой, заслуживающей быть особенно отмѣченной: здѣсь всѣ элементы серьезной, вдумчивой сатиры.

Диспутъ о томъ, кто были первые призванные къ намъ варяги: литвины или норманны.

Непомнящіе родства Варяго-Руссы, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, съ дружиною, сидятъ на скамьѣ осужденныхъ и ждутъ приговора.

Одинъ изъ судей. Послѣ долгаго и безполезнаго плаванія по морю Варяжскому, мы бросаемъ якорь и объявляемъ, что, не открывъ настоящаго происхожденія вашего, гг.-да Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, мы откладываемъ начатое преніе и просимъ покорнѣйше васъ и публику, удостоившую насъ своимъ посѣщеніемъ, пожаловать для выслушанія окончательнаго приговора, въ эту же залу, ровно черезъ 1000 лѣтъ отъ настоящаго дня.

(1860 г., № 13).

Погодинъ назвалъ „Современникъ“ „рыцаремъ свистопляски“, а потому подъ этимъ знаменемъ, слѣва, стоитъ редакція журнала; на первомъ планѣ Добро-любовъ, тогда еще не носившій бороды, затѣмъ Панаевъ и др. Необыкновенно похожій Погодинъ справа, съ палкою.

Кстати, его, какъ несомнѣннаго врага прогресса, *Искра* поняла сразу и опредѣленіе, сдѣланное ею, было даже потомъ ходячимъ:

Ты—ученый безъ призванья,
Ты—любитель-журналистъ,
Ты—поэтъ безъ дарованья,
Ты—безъ мнѣній публицистъ.
Ты—ходящій по канату—
Пусть бы каждый затвердилъ
Эту дивную кантату... [1]

Ее, дѣйствительно, многіе затвердили.

Съ Погодинымъ, какъ представителемъ „офиціальной народности", *Искра* никогда не смѣшивала истинныхъ славянофиловъ и если смѣялась надъ послѣдними, то только по поводу нерасположенія къ Европѣ, страсти къ кафтану и т. п.

Такъ, Минаевъ написалъ нѣсколько „конкурсныхъ стихотвореній" на званіе члена „общества любителей россійской словесности". Вотъ одно изъ нихъ:

На яву.

Я трепеталъ,
    Какъ говорилъ,
Явившись въ залъ,
    Славянофилъ.
Я изнывалъ,
    Отъ ногъ до плечъ,
Какъ онъ читалъ
    Собратьямъ рѣчь.
Я тосковалъ
    И теръ свой лобъ,
Какъ онъ строгалъ
    Европѣ гробъ,
Какъ Западъ клялъ,
    И мудръ и строгъ,
И прославлялъ
    Одинъ востокъ.
И тѣхъ идей
    Водоворотъ
Въ душѣ моей
    Переворотъ
Тогда свершилъ.
    Къ Москвѣ свой взоръ
Я устремилъ,
    Поддевку сшилъ
И сталъ съ тѣхъ поръ
    Славянофилъ! [2]

---

[1] 1860 г., № 24.
[2] 1860 г., № 29.

Въ полосу новаго „патріотизма", съ особено уродливою силою воскресша въ 1863 году, Россія шагала иногда такими „па", что только руками рази дило передовое общество. Такъ, напримѣръ, „Сѣверная Почта" вдругъ сообщает что петербургскій дамскій beau monde рѣшилъ совершенно не пить больше ин странныхъ винъ... Примѣръ барынь воодушевилъ П. И. Вейнберга:

Mesdames! Я съ радостью вступаю
Въ патріотическій союзъ,
Какъ вы, себя освобождаю
Отъ ненавистныхъ, чуждыхъ узъ.
Mesdames! вы русскія гражданки,
А я—россійскій гражданинъ,—
Такъ мы-ль не выдержимъ приманки
Творимыхъ Франціею винъ!?
Нѣтъ, нѣтъ! Бѣжимъ отъ этой скверны.
Покажемъ обществу примѣръ...
Долой Икемы и Сотерны,
Долой Лафитъ и Редереръ!
Патріотизмъ вполнѣ здоровый!
О, иноземецъ, трепещи!
И знай—у насъ есть квасъ фруктовый,
И русскій медъ, и кислы щи!

„Мало этого, милостивыя государыни! Я предлагаю вамъ еще вотъ что: только въ отношеніи винъ, но и въ отношеніи всѣхъ вообще потребляемыхъ на предметовъ выкажемъ свое патріотическое усердіе:

Уйдемъ отъ этихъ иноземцевъ
Для блага края своего,
И брать у бриттовъ, франковъ, нѣмцевъ
Не будемъ ровно ничего.
Всѣ иностранные романы
Отнынѣ въ ссылкѣ быть должны:
Вы нарядитесь въ сарафаны,
Мы нарядимся въ зипуны:
На нашу сцену итальянцевъ
Не будемъ больше призывать,
Дадимъ зарокъ—заморскихъ танцевъ
На вечерахъ не танцовать:
Забудемъ вѣнскія кареты,
Остендскихъ устрицъ проклянемъ
И всѣ страсбургскіе пастеты
Отравой гибельной сочтемъ.
Ура! да здравствуютъ мурмолки,
Кафтаны, съ дегтемъ сапоги,
Капуста, баня, одноколки,
На постномъ маслѣ пироги!
Пойдемъ впередъ быстрѣе раковъ,—
И, внемля радостной молвѣ,
Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ
Подпрыгнетъ весело въ Москвѣ! [1]).

г., № 17.

Когда оздоровленная, было, поэзія снова стала наводняться „медовыми рѣчами" Фета, Вс. Крестовскаго, Случевскаго и другихъ, *Искра* поняла, симптомомъ чего это можетъ служить: грезился возвратъ минувшаго, казалось, что вотъ-вотъ

„Лиры тридцатыхъ годовъ вновь зазвучатъ тихострунныя",

что —

„Будто возстали изъ тлѣна Ершовы, Трилунные [1]),
Ожили съ ними ручьи, соловьи перекатные,
Пѣночки, просѣки, гроты, поля ароматныя—
Все это будто бы снова у насъ водворилося...

Такихъ опасеній было совершенно достаточно, чтобы осмѣять эти страшные призраки, и вотъ Ломанъ начинаетъ цѣлый рядъ остроумныхъ пародій на произведенія „трилунныхъ" поэтовъ. Въ публикѣ онѣ имѣютъ успѣхъ, ихъ заучиваютъ наизусть.

Напримѣръ:

На кладбищѣ.

Я взобрался на могильную плиту,
И внимательно смотрѣлъ, какъ на лету
Два тяжелые, кургузые жука
Колошматили другъ друга подъ бока;
Какъ въ объятіяхъ березу дубъ сжималъ;
Какъ подъ деревомъ опенокъ выросталъ;
Какъ паукъ, среди дневныхъ своихъ хлопотъ,
Фантастическій выплясывалъ матлотъ.
Такъ на кладбищѣ за жизнью я слѣдилъ
И Случевскій мнѣ на память приходилъ;
Вспомнилъ я, какъ онъ на кладбищѣ лежалъ,
Какъ подъ нимъ мертвецъ о камень лбомъ стучалъ;
Какъ мертвецъ м-г Случевскаго просилъ,
Чтобы тотъ его на время хоть смѣнилъ...
По закону же „содружества идей",
Вспомнилъ случай я другой, еще страшнѣй:
Вспомнилъ нищаго, разрушенный гранитъ,
И возставшаго изъ гроба страшный видъ,
Вѣтра свистъ, луны дрожащій свѣтъ,
Мертвеца протестъ и нищаго отвѣтъ...
И невольный трепетъ въ сердце проникалъ,
Но по прежнему на камнѣ я лежалъ,
И по прежнему сшибалися жуки,
Отличалися въ матлотѣ пауки,
Все съ березами амурились дубы,
Все росли еще подъ деревомъ грибы [2]):

---

[1]) Трилунный—псевдонимъ Д. Ю. Струйскаго въ „Библіотекѣ для Чтенія" 30-хъ гг.
[2]) 1860 г., № 8.

На пьесу Фета — „Молчали листья, звѣзды рдѣли", Ломанъ написалъ очень удачную пародію:

Шептали листья, звѣзды рдѣли,
    И въ этотъ мигъ
На насъ тѣ звѣздочки смотрѣли,
    А мы на нихъ.
Ужъ если „небеса глядятся
    Въ груди живой"...
То какъ не зарапортоваться
    И намъ съ тобой?
Что и съ просонья говорится
    Не всякій разъ,
Что если въ сердцѣ и хранится,
    Такъ про запасъ,
Что много слаще карамели,
    Темнѣе тьмы—
Какъ другъ на друга поглядѣли,
    Сказали мы [1]).

Только тѣ, кто лично пережилъ эпоху шестидесятыхъ годовъ, знаютъ, какую роль сыграли „Отцы и дѣти" Тургенева, подголосками которыхъ были съ теченіемъ времени лѣсковское „Некуда", „Взбаломученное море" Писемскаго, „Марево" Клюшникова et tutti quanti. Что бы ни писалъ потомъ самъ Тургеневъ, но романъ его, начатый въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" 1862 года, т. е. въ моментъ уже начавшейся дифференціаціи общества, не могъ быть понимаемъ иначе, какъ перчаткой, брошенной передовой части общества, вѣрнѣе — какъ комокъ грязи. И если Писаревъ отнесся къ нему иначе, то это ничего ровно не измѣняетъ: Писаревъ не избавленъ былъ отъ ошибокъ.

„Отечественныя Записки", „Сѣверная Пчела", само цензурное вѣдомство привѣтствовали „Отцовъ и дѣтей"... *Искра* устами В. С. Курочкина пародировала эту радость въ стихотвореніи: „Молитвой нашей Богъ смягчился":

Молитвой нашей Богъ смягчился:
    Романъ Тургеневъ сочинилъ,—
И шаръ земной остановился,
    Нарушивъ стройный ходъ свѣтилъ.

Подъ гнетомъ силы исполинской
    Уже хруститъ земная ось...
И Чернышевскій, какъ Кречинскій,
    Въ испугѣ крикнулъ: „сорвалось!"

И нигилистъ за нигилистомъ,
    Какъ вихри снѣжные съ горы,
Казнимы хохотомъ и свистомъ,
    Летятъ стремглавъ въ тартарары.

---

[1]) 1860 г., № 49.

Агенты „Времени“, всѣ лупы
Направивъ паріямъ во слѣдъ,
Смѣшали черные ихъ трупы
Съ тѣнями „жителей планетъ“.

И публицисты Еръ и Ерикъ,
Узрѣвъ бѣгущихъ со стыдомъ,
Кричатъ отважно: „берегъ, берегъ!
„Созиждемъ здѣсь обширный домъ!

„Вы, Синеусъ [1]) и Прогрессистовъ, [2])
„Изъ остроумныхъ вашихъ строкъ
„На пепелище нигилистовъ
„Везите щебень и песокъ.

„Чтобъ заложить фундаментъ прочный,
„Своихъ рецензій вкусъ и тактъ
„Пускай везетъ сюда Заочный
„Черезъ большой почтовый трактъ.

„Размѣритъ зданія всѣ части
„Борисъ Чичеринъ—а кирпичъ
„Для насъ замѣнитъ, полной страсти,
„Громеки пламеннаго спичъ.

„Дружнѣй! Трудъ легокъ и пріятенъ:
„Намъ для работы данъ топоръ,
„Которымъ сокрушилъ Скарятинъ
„Всей юной Франціи задоръ“.

Чего робѣть? Дружнѣй, ребята!
Работай съ Богомъ, въ добрый часъ,
По плану, данному когда-то
Въ стихахъ Воейкова для васъ.

Воздвигнуть зданье суждено вамъ
Неизглаголанныхъ чудесъ:
Глухіе въ зданьи этомъ новомъ
Разслышатъ явственно: „прогрессъ!“

У лысыхъ дыбомъ станетъ волосъ,
Слѣпой увидитъ вальсъ калѣкъ,
Издастъ Андрей Краевскій „Голосъ“
И золотой наступитъ вѣкъ [3]).

---

[1]) Чей-то псевдонимъ въ „Отеч. Запискахъ“.
[2]) Тоже.
[3]) 1862 г., № 20.

„Что дѣлать?“ вызвало тоже немалую волну на поверхности общественнаго на строенія, но разумѣется, не тургеневской чета. Опять выступаетъ В. С. Курочкинъ и на этотъ разъ съ фельетономъ—„Проницательные читатели“, изъ котораго заимствую лишь заключительныя строки:

Нѣтъ, положительно, романъ
„Что дѣлать“ не хорошъ!
Не знаетъ авторъ ни цыганъ,
Ни дѣвъ, танцующихъ канканъ,
Алисъ и Ригольбошъ.
Нѣтъ, положительно романъ
„Что дѣлать“ не хорошъ!

Великосвѣтскости въ немъ нѣтъ
Малѣйшаго слѣда.
Герой не щеголемъ одѣтъ
И подъ жилеткою корсетъ
Не носитъ никогда.
Великосвѣтскости въ немъ нѣтъ
Малѣйшаго слѣда.

Жена героя—что за стыдъ?
Живетъ своимъ трудомъ:
Не наряжается въ кредитъ
И съ бѣлошвейкой говоритъ —
Какъ съ равнымъ ей лицомъ.
Жена героя, что за стыдъ
Живетъ своимъ трудомъ.

Нѣтъ, я не дамъ женѣ своей
Читать романъ такой!
Не надо новыхъ намъ людей
И идеальныхъ этихъ швей
Въ ихъ новой мастерской!
Нѣтъ, я не дамъ женѣ своей
Читать романъ такой.

Нѣтъ, положительно, романъ
„Что дѣлать“ не хорошъ!
Въ пирушкахъ романистъ—профанъ
И чудеса бѣлилъ, румянъ
Не ставитъ онъ ни въ грошъ.
Нѣтъ, положительно, романъ
„Что дѣлать“ не хорошъ! [1])

Очень интересный эпизодъ представляетъ „протестъ“ противъ *Искры* „все русской литературы“... Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Въ декабрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ Писемскій, подъ псевдонимомъ „Никиты Безрылова“, написалъ фельетонъ, полный разнузданнаго издѣвательства надъ всѣми лучшими начинаніями, чаяніями и надеждами прогрессивной част

[1]) 1863 г., № 32.

русскаго общества. Тутъ осмѣивались закрытыя воскресныя школы, стремленіе женщины къ образованію и независимости, литературныя чтенія въ пользу нуждающихся литераторовъ, студентовъ и вообще учащихся, Некрасовъ, Панаевъ и многіе другіе. Тонъ фельетона былъ настолько гнусенъ въ общественномъ смыслѣ, что Елисеевъ совершенно вышелъ изъ терпѣнья и написалъ „Хронику прогресса", полную горячихъ порицаній по адресу когда-то подававшаго надежды Писемскаго. Онъ поставилъ вопросъ очень широко и правильно, и въ заключеніе высказалъ мнѣніе редакціи совершенно откровенно: „Прошли тѣ времена, когда литературную извѣстность можно было пріобрѣтать ловкой фразой, гладкимъ стихомъ, даже блестящимъ остроуміемъ, даже умѣньемъ сочинять повѣсти и разсказы. Нынѣ всякому, даже и не учившемуся въ семинаріи, извѣстно, что талантъ, который не имѣетъ искренняго стремленія служить общественному дѣлу, не заслуживаетъ никакого уваженія, а талантъ употребляющій свои силы на разрушеніе этого дѣла, достоинъ полнаго презрѣнія. Это общее убѣжденіе раздѣляемъ и мы, — и съ настоящаго времени имя г. Писемскаго въ нашемъ журналѣ будетъ неразлучно съ именемъ г. Аскоченскаго" [1]).

Брошенную такимъ образомъ перчатку, вмѣсто Писемскаго подняла газета „Русскій Міръ"—ближайшій конкурентъ *Искры*, такъ какъ при ней издавался сатирическій листокъ *Гудокъ*. Повиненъ въ этомъ былъ исключительно редакторъ газеты Гіероглифовъ. Онъ напечаталъ, что за выходку противъ Писемскаго *Искрѣ* готовится „протестъ русскихъ литераторовъ"; составленіе котораго будетъ поручено особо выбраннымъ уполномоченнымъ. Немедленно въ *Искрѣ* появляется „Письмо къ В. С. Курочкину", подписанное М. Антоновичемъ, Н. Некрасовымъ, И. Панаевымъ, Н. Чернышевскимъ и А. Пыпинымъ. Вотъ оно:

„Редакторы и сотрудники „Современника" послали въ редакцію газеты „Русскій Міръ" слѣдующую замѣтку, которую просятъ васъ напечатать и въ вашей, уважаемой ими, газетѣ:

„Въ редакцію газеты „Русскій Міръ".

„Въ № 6 „Русскаго Міра", на стр. 158, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „О литературномъ протестѣ противъ Искры" напечатано, между прочимъ, слѣдующее.

„Въ обществѣ здѣшнихъ литераторовъ и журналистовъ составляется протестъ по поводу напечатанной въ № 5 „Искры" замѣтки о г. Писемскомъ. Когда листъ съ подписями находился въ редакціи „Русскаго Міра", подписавшихся было до 30 и ожидается еще значительное число. Мы встрѣтили здѣсь имена почти всѣхъ лучшихъ представителей русской литературы и редакторовъ и сотрудниковъ нашихъ наиболѣе популярныхъ журналовъ: „Современника" и проч.".

„Какія подписи лицъ, принадлежащихъ къ нашему журналу, могла видѣть на этомъ протестѣ редакція газеты „Русскій Міръ", мы не знаемъ, потому что не видѣли этого протеста. А не видѣли мы потому, что господа собиратели подписей къ этому протесту не обращались къ намъ и съ вопросами о томъ согласимся-ли мы подписать ихъ протестъ, и въ этомъ случаѣ они поступили очень благоразумно, потому что мы вполнѣ одобряемъ ту статью „Искры", противъ которой, по объясненію редакціи „Русскаго Міра", хотятъ они протестовать" [2]).

Этого было достаточно, чтобы „протестъ" остался въ рукахъ „Русскаго Міра". А *Искра*, поддержанная „Современникомъ", пріобрѣла въ глазахъ лучшей части общества еще большій вѣсъ и значеніе.

[1]) 1862 г., № 5.
[2]) 1862 г., № 7.

Итакъ, вотъ какова была та „литературная сатира", которая гг. Трубачевыми ставится въ вину *Искрѣ*... Читатель, надѣюсь, увидѣлъ ея серьезное общественное значеніе,—значеніе безусловно боевое—какъ и всего содержанія этого журнала,—а не зубоскальное, не месть конкуррентамъ и личнымъ врагамъ. Такая литературная сатира не могла не быть въ органѣ, широко понимавшемъ свои задачи.

Чтобы закончить обзоръ *Искры*, надо разсказать о „стороннихъ обстоятельствахъ", тяготѣвшихъ надъ нею съ самаго перваго шага и, въ концѣ концовъ, заставившихъ ее влачить сравнительно съ прошлымъ жалкое существованіе. Но это немыслимо безъ предварительнаго ознакомленія читателя съ общимъ положеніемъ сатирической журналистики въ области цензурнаго воздѣйствія. Только тогда будутъ ясны отдѣльныя злоключенія и *Искры* и другихъ изданій, которыми намъ еще предстоитъ заняться.

Общія цензурныя условія сатирической журналистики.

Хотя еще въ 1856 году, графиня Е. Растопчина, находясь подъ вліяніемъ новаго періода развитія русскаго общества, писала:

Не бойтесь насъ, цари земные.
Не страшенъ искренній поэтъ,
Когда порой въ дѣла мірскія
Онъ вноситъ Божьей правды свѣтъ.

Во имя правды этой вѣчной
Онъ за судьбой людей слѣдитъ;
И не корысть, а пылъ сердечный
Его устами говоритъ.

Онъ не завистникъ: не трепещетъ
Вражда въ груди, въ душѣ его;
Лишь слабыхъ ради въ сильныхъ мещетъ
Онъ стрѣлы слова своего.

Онъ врагъ лишь лжи и притѣсненій,
Онъ мрака, предразсудка врагъ:
Въ немъ нѣтъ ни тайныхъ ухищреній
Ни алчности житейскихъ благъ [1]).
. . . .

Но вся политика министерства народнаго просвѣщенія, а съ 1863 года—министерства внутреннихъ дѣлъ,—какъ центровъ цензурнаго воздѣйствія,—сводилась лишь къ „терпѣнію" сатирической журналистики. Обличеніе злоупотре-

[1]) „Рус. Архивъ", 1874 г., I, 497.

бленій, неразвитости, иногда просто тупости должностныхъ лицъ никогда не пользовалось поощреніемъ, даже безразличнымъ къ себѣ отношеніемъ. Въ результатѣ — кульминаціонный пунктъ „эзоповщины", цѣлая наука проскочить сквозь игольное ушко съ какимъ-нибудь толсточревымъ взяточникомъ...

Первымъ болѣе или менѣе замѣтнымъ шагомъ въ этомъ направленіи является циркулярное предложеніе министра просвѣщенія, Е. П. Ковалевскаго, 3 апрѣля 1859 года, т. е. въ періодъ первоначальнаго развитія сатирической журналистики и стремленія прессы вообще къ облегченію и протесту противъ стараго уклада жизни:

„Нынѣ при сужденія въ Совѣтѣ министровъ о гласности въ печатныхъ сочиненіяхъ и журналахъ вообще, и о статьяхъ, касающихся гласности судопроизводства въ особенности, найдено, что оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о существующихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ можетъ быть полезнымъ въ томъ отношеніи, что этимъ способомъ предоставляется правительству возможность получать свѣдѣнія независимо отъ официіальныхъ источниковъ, и нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній могутъ служить поводомъ къ повѣркѣ свѣдѣній официіальныхъ и къ принятію надлежащихъ по усмотрѣнію мѣръ. Но гласность можетъ быть и вредною, когда она касается важныхъ предметовъ управленія, правительствомъ окончательно не обсужденныхъ или не признанныхъ имъ заслуживающими вниманія, и когда напечатанныя сужденія о такихъ предметахъ, не вполнѣ доступныхъ, по неполнотѣ свѣдѣній, читающей публикѣ, могутъ быть принимаемы въ видѣ истинъ, не подлежащихъ сомнѣнію, а не въ видѣ вопросовъ, подлежащихъ еще обсужденію и допускающихъ возможность опроверженія. Когда предметомъ подобныхъ сужденій дѣлаются вопросы, касающіеся основныхъ государственныхъ постановленій, тогда гласность становится опасною, и въ такомъ случаѣ необходимо предупредить послѣдствія вредныхъ заблужденій.

„Въ этомъ убѣжденіи полагалось возможнымъ допускать оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о предметахъ правительственныхъ, въ такомъ случаѣ, когда изложеніе подобныхъ статей будетъ заключаться въ предѣлахъ, согласныхъ съ постановленіями, охраняющими неприкосновенность самодержавнаго правленія и государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, все, непротивное основнымъ началамъ нашихъ государственныхъ учрежденій, представляемое въ видѣ разсужденій или предположеній, допускающихъ разсмотрѣніе и, слѣдовательно, опроверженіе, можетъ быть допущено къ обнародованію, тогда какъ, напротивъ того, безусловное утвержденіе преимущества порядка государственнаго устройства, несогласнаго въ основаніяхъ съ существующимъ въ нашемъ отечествѣ, или изложеніе рѣшительныхъ заключеній о вопросахъ государственнаго устройства, не признанныхъ еще правительствомъ подлежащими его обсужденію, или по коимъ не послѣдовало распоряженій, обнаруживающихъ намѣреніе верховной власти подвергнуть пересмотру какую-либо часть нашего законодательства, къ печатанію допускаемо быть не можетъ.

„Руководствуясь сими указаніями, благонамѣренные писатели будутъ имѣть возможность обнаруживать всякаго рода злоупотребленія, не допуская личностей, какъ это предписано высочайшими повелѣніями, и содѣйствовать правительству развитіемъ мыслей полезныхъ относительно предположеній, коими достигнуты быть

могутъ улучшенія въ ходѣ управленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнята будетъ возможность увлекать общественное мнѣніе въ заблужденіе относительно истинной цѣли и видовъ правительства" [1]).

Что оставалось послѣ этого, какъ ни обычная формула обличеній: „въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ..."? Но и она была использована въ полной мѣрѣ, о чемъ, кромѣ содержанія журналовъ и газетъ, краснорѣчиво заявилъ министръ просвѣщенія въ другомъ своемъ циркулярномъ предложеніи, отъ 3 октября того же, 1859 года:

„Главное управленіе цензуры, слѣдя за ходомъ русской литературы, не могло не обратить вниманія на то, что въ послѣднее время въ нашей журналистикѣ, сверхъ сатирическихъ произведеній беллетристики, изображающихъ вообще слабости и недостатки людей, въ томъ числѣ и лицъ, занимающихъ должности въ государственной и общественной службѣ, стали появляться статьи, *чуждыя всякаго литературнаго вымысла,* но посвященныя преимущественно указанію на злоупотребленія лицъ существующихъ и разсказамъ дѣйствительныхъ, будто бы, происшествій, съ означеніемъ иногда даже подлинныхъ именъ лицъ и мѣстъ, а большею частію съ такою обстановкою и прозрачнымъ замаскированіемъ ихъ, что очень не трудно догадаться, о комъ и о чемъ идетъ дѣло. Статьи подобнаго рода, нерѣдко изображающія самымъ рѣзкимъ образомъ злоупотребленія и даже уголовные проступки, побуждали правительство къ неоднократнымъ изслѣдованіямъ указанныхъ дѣйствій и происшествій. Произведенныя такимъ образомъ слѣдствія показали, что *нѣкоторые* изъ напечатанныхъ разсказовъ выдаютъ за дѣйствительно случившіяся такія событія, какихъ никогда не было, чему, между прочимъ, служить можетъ примѣромъ помѣщенное въ № 65 „С.-Петерб. Вѣдомостей" извѣстіе о заживо погребенной женщинѣ, какого происшествія, по офиціальномъ, самомъ тщательномъ изслѣдованіи, рѣшительно не было, а между тѣмъ, оно едва не нарушило общественнаго спокойствія. Другія же статьи сего рода, *хотя и заключали въ себѣ въ нѣкоторой степени истину,* но описанныя въ нихъ происшествія оказались чрезмѣрно преувеличенными и легковѣрно или недобросовѣстно записанными со словъ лицъ, вовсе незаслуживающихъ довѣрія, какъ, напримѣръ, напечатанный въ № 175 „Московскихъ Вѣдомостей" разсказъ инженернаго офицера, подъ названіемъ «Нѣсколько словъ объ одномъ тюремномъ замкѣ». Къ этой категоріи принадлежитъ большинство такъ называемыхъ обличительныхъ статей.

„Распространеніе такого направленія журналистики можетъ повести къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ злоупотребленія печати; а потому главное управленіе цензуры, при обсужденіи сего предмета, не могло не остановиться, во-первыхъ, на допускаемыхъ, вопреки устава о цензурѣ, въ печати *личностяхъ,* называя поименно описываемыя лица, или обозначая ихъ осязательно, во-вторыхъ, на необходимости установленія такого порядка при допущеніи къ печати разсказовъ о такъ называемыхъ истинныхъ происшествіяхъ, который обезпечивалъ бы правительство и публику отъ ложныхъ извѣстій, вводящихъ ихъ въ заблужденіе, тѣмъ болѣе, что опровергать всѣ печатаемые въ современныхъ изданіяхъ несправедливые и ложные разсказы было бы невозможно и *недостойно правительства.*

---

[1]) „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ", 344—345.

„Вслѣдствіе сего главное управленіе цензуры постановило:

1) Подтвердить по цензурному вѣдомству, что дальнѣйшее допущеніе къ печати, вопреки ст. 3 пункта 2 устава цензурнаго, статей, оскорбляющихъ честь какого-нибудь лица, непремѣнно повлечетъ за собою удаленіе отъ должностей виновныхъ въ семъ упущеніи цензоровъ.

2) Принять за правило, чтобы отъ редакцій періодическихъ изданій, при представленіи ими для одобренія къ печати статей, заключающихъ въ себѣ описаніе какихъ-либо злоупотребленій или происшествій, выдаваемыхъ за дѣйствительно случившіяся, требовать *фактическаго* удостовѣренія въ ихъ дѣйствительности, и чтобы при томъ, въ случаѣ допущенія къ печати статьи, непремѣнно было извѣстно цензурѣ какъ имя и мѣстопребываніе автора, такъ время и мѣсто описываемаго происшествія, съ тѣми фактическими подробностями, которыя всякій благоразумный цензоръ найдетъ необходимыми для удостовѣренія и которыя исчислить впередъ невозможно. Само собою разумѣется, что цензоръ при этомъ не въ правѣ требовать *юридическихъ* доказательствъ въ подкрѣпленіе описываемыхъ происшествій, а долженъ ограничиваться вышесказаннымъ руководствомъ. За симъ всякое ложное извѣстіе вышесказаннаго рода, допущенное цензоромъ въ печать, будетъ отнесено къ неизбѣжной его отвѣтственности“ [1]).

8 марта 1860 года, по цензурному вѣдомству было объявлено новое циркулярное предложеніе:

„Государь Императоръ, по выслушаніи въ Совѣтѣ министровъ соображеній о развитіи законовъ, ограждающихъ честь должностныхъ и частныхъ лицъ противъ оскорбленій посредствомъ печати, между прочимъ, высочайше повелѣть соизволилъ: строго подтвердить по цензурному вѣдомству, чтобы не были допускаемы въ печать сочиненія и журнальныя статьи, а равно изображенія и каррикатуры: а) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія въ государствѣ къ другому; б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями и должностями гражданской и военной службы, надъ военнымъ мундиромъ и занятіями по фронтовой части въ мирное время и т. п.; в) въ которыхъ, вопреки § 3 (пунктъ 4) Уст. ценз., хотя не прямо съ названіемъ фамиліи, а большею частью подъ такимъ прозрачнымъ замаскированіемъ, что легко узнать можно о комъ и о чемъ идетъ дѣло, оглашаются обстоятельства, относящіяся до нравственности и частной жизни разнаго званія лицъ, до преступленій ихъ родителей, до происхожденія или дурного поведенія членовъ семействъ и т. д.“ [2]).

Еще черезъ годъ, 28 апрѣля 1861 г., объявляется четвертое предложеніе:

„На основаніи ст. 3 пункта г. цензурнаго устава, цензура обязана подвергать запрещенію произведенія словесности, когда въ оныхъ оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою. По случаю же допущенія къ печати въ періодической литературѣ статей, въ которыхъ выставлялись личности съ осязательнымъ ихъ обозначеніемъ или съ поименованіемъ фамиліи, Главное Управленіе Цензуры подтвердило циркулярно по цензурному вѣдомству, отъ 3-го октября 1859 года, что дальнѣйшее допу-

[1]) Ibidem, 447—449. Курсивъ мой.
[2]) Ibidem, 452—453

щеніе къ печати, вопреки вышеозначенной статьи цензурнаго устава, стат
оскорбляющихъ честь какого-либо лица, непремѣнно повлечетъ за собой удален
отъ должности виновныхъ въ семъ упущеніи цензоровъ. А отъ 8-го марта 1860
Главнымъ Управленіемъ Цензуры объявлено Высочайшее повелѣніе, коимъ, межд
прочимъ, воспрещено допущеніе къ печати сочиненій и журнальныхъ статей,
равно изображеній и каррикатуръ, въ которыхъ хотя не прямо съ названіем
фамиліи, а большею частью подъ прозрачнымъ замаскированіемъ, оглашают
обстоятельства, относящіяся до нравственности и частной жизни разнаго зван
лицъ и т. д.

„Несмотря на вышеизложенныя постановленія, воспрещающія положительны
образомъ появленіе въ печати личностей, Главное Управленіе Цензуры усматр
ваетъ въ журналахъ и газетахъ статьи, описывающія злоупотребленія и проступ
разныхъ лицъ, не только съ ясными намеками на обстоятельства, могущія вес
къ открытію именъ сихъ лицъ, но даже съ поименованіемъ полныхъ ихъ фамилі
Примѣрами подобныхъ отступленій отъ цензурныхъ постановленій могутъ служи
напечатанныя въ послѣднее время, возбудившія журнальную полемику статьи
грубыхъ поступкахъ Козлянинова на Николаевской желѣзной дорогѣ и о поступ
студента Харьковскаго университета Страхова на маскарадѣ въ Харьковѣ [1]
Въ № 67 же „Московскихъ Вѣдомостей", 28 истекшаго марта, напечата
извѣстіе о побояхъ, нанесенныхъ маіоромъ Чириковымъ кадету Межевого институт
на улицѣ въ Москвѣ, съ прямо выраженнымъ намѣреніемъ придать общему п
зору фамилію сего офицера.

„Вслѣдствіе сего Главное Управленіе Цензуры считаетъ своею обязанность
подтвердить снова строго руководствоваться пунктомъ г ст. 3 ценз. уст.,
допуская въ сочиненіяхъ и статьяхъ личностей и не дозволяя ни въ како
случаѣ оглашенія подлинныхъ фамилій въ разсказахъ о происшествіяхъ, пред
судительныхъ для нравственности приводимыхъ въ нихъ лицъ. Къ сему Главн
Управленіе Цензуры считаетъ нужнымъ присовокупить, что напечатаніе стат
въ одномъ періодическомъ изданіи не даетъ права къ перепечатанію оной
другихъ повременныхъ изданіяхъ безъ новаго цензурнаго разсмотрѣнія" [2]).

И, несмотря на такое обиліе стѣсненій, сатирическая журналистика, всетак
продолжала честную службу по своему крайнему разумѣнію понятія о долг
За это она была всегда предметомъ особаго вниманія цензурнаго вѣдомств
Выраженное въ офиціальныхъ документахъ, вниманіе это заслуживаетъ бы
отмѣченнымъ.

Вотъ что писалъ, между прочимъ, предсѣдатель комитета 1861 года д
пересмотра цензурнаго устава, д. ст. сов. Берте:

„Родъ гласности, подъ именемъ литературы обличительной, возникъ за н
сколько лѣтъ предъ тѣмъ, и имѣлъ сначала общій сатирическій характеръ. К
саясь большею частью дѣйствій и образа жизни служащихъ лицъ гражданск
вѣдомства, обличительная литература сперва вывела на сцену рядъ злоупотребле
какъ бы укоренившихся въ разныхъ должностяхъ, какъ, напр., городничихъ, испра
никовъ, становыхъ приставовъ и другихъ полицейскихъ чиновниковъ, лѣсничих
офицеровъ путей сообщенія и проч., и установивъ, такъ сказать, типы эти

[1]) Страховъ схватилъ одну маску за ногу.
[2]) Ibidem., 459—461.

чиновниковъ, предала ихъ посмѣянію и презрѣнію публики; но вскорѣ, недовольствуясь общими характеристиками, она стала разбирать и разоблачать поступки отдѣльныхъ лицъ государственной администраціи и даже называть ихъ по именамъ, требуя иногда и отчета въ ихъ дѣйствіяхъ. Нерѣдко подобныя обличенія отличались преувеличеніемъ незначительныхъ обстоятельствъ, даже ложью и клеветою. Этому роду обличеній посвятили себя также нѣсколько сатирическихъ, каррикатурныхъ изданій, которыя, несмотря на заключающееся въ программахъ ихъ запрещеніе, воспроизводятъ весьма часто въ юмористическомъ и каррикатурномъ видѣ дѣйствительные факты и извѣстныя, иногда весьма высокостоящія личности, неизвѣстныя цензурѣ, но легко узнаваемыя многими читателями по соображенію съ событіями и по сходству портретовъ. Принявъ на себя роль публичнаго обвинителя противъ должностныхъ лицъ и даже цѣлыхъ присутственныхъ мѣстъ, обличительная литература стала разбирать не только совершившіяся рѣшенія, распоряженія и дѣйствія, но даже дѣла или проступки, не изслѣдованные и нерѣшенныя законнымъ порядкомъ, заранѣе объявляла свое мнѣніе и сужденіе. Еще менѣе она колебалась въ опубликованіи и осужденіи частныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ какіе-либо публичные безпорядки или нарушившихъ общественное приличіе. Такія публикаціи, окорбительныя для лицъ, имѣли иногда послѣдствіемъ ослабленіе къ нимъ кредита и довѣрія въ коммерческихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Описаніе частныхъ проступковъ должностныхъ лицъ часто сопровождалось сужденіями объ общей испорченности административныхъ и судебныхъ учрежденій и властей, и изъ частнаго случая выводится заключеніе о положеніи цѣлаго общества и правительства. Эта отрасль литературы, разработываемая съ какою-то лихорадочною дѣятельностью, съ какимъ-то желчнымъ и страстнымъ увлеченіемъ, привлекаетъ многихъ читателей и потому составляетъ выгодную спекуляцію, способствующую размноженію подобныхъ произведеній“ [1]).

Другая, аналогичная, комиссія кн. Оболенскаго, 1862 г., находила, что:

„Обличительная литература, такъ быстро развившаяся въ послѣднее время, не сдержанная никакими ясно очерченными предѣлами, подвергалась нерѣдко справедливымъ упрекамъ, и, что еще хуже, возбуждала во многихъ недовѣріе въ той гласности, одностороннимъ выраженіемъ которой она, къ сожалѣнію, являлась. Другіе, не отрицая положительной пользы гласныхъ обличеній частныхъ пороковъ и злоупотребленій общества, сознаютъ, однако, что есть что-то *недоброе* въ самомъ способѣ добыванія того *добра*, во имя котораго поднято литературой знамя обличенія.

„Неумѣренный и не всегда приличный тонъ самыхъ обличеній—этотъ такъ сказать, первый крикъ пробуждающагося сознанія, дѣйствуетъ тѣмъ раздражительнѣе на общество, чѣмъ заботливѣе охранялось доселѣ его чуткое ухо. Поэтому исторія литературъ всѣхъ образованныхъ народовъ представляетъ эпохи весьма сходныя съ эпохой, переживаемой и уже отчасти пережитой нашею литературой.

„Не подлежитъ сомнѣнію, что со временемъ и наша литература получитъ настоящее свое значеніе и не станетъ, какъ справедливо замѣчено было, «составлять судебную инстанцію на полицейскую расправу, предварять судебныя рѣшенія, вмѣшиваться въ дѣла семейныя, вторгаться въ кабинетъ мирнаго чиновника,

1) „Записка предсѣдателя комитета для пересмотра цензурнаго устава, д. ст. сов. Берте, и члена сего комитета, ст. сов. Янкевича“, Спб., 1862 г, 9—10.

залѣзать къ нему въ служебный портфель, ревизовать, переворачивать его бумаги, сплетничать, доносить публикѣ и не публикѣ, диктаторски направлять такъ называемое общественное мнѣніе, прибѣгать нерѣдко къ системѣ интимидаціи или устрашенія и пр.“ [1]).

Таковы были взгляды цензурнаго вѣдомства. Единственный только разъ одинъ изъ его болѣе или менѣе видныхъ представителей выступилъ на защиту каррикатуръ, да и то касающихся лишь иностранной политики западно-европейскихъ государствъ.

Въ 44 нумерѣ „Гудка“ (за 1862 г.) появилась каррикатура „Изъ семейной хроники римскаго вопроса“, въ сущности, мало остроумная, какъ и всѣ почти политическія каррикатуры *Гудка*; въ *Искрѣ* онѣ рисовались очень рѣдко. Несмотря на это, министръ иностранныхъ дѣлъ, кн. А. М. Горчаковъ нашелъ, что „подобныя каррикатуры потрясаютъ уваженіе къ монархической власти“, и сообщилъ свое мнѣніе министру просвѣщенія. Послѣдній потребовалъ объясненій отъ петербургскаго цензурнаго комитета. Объясненія были даны; они настолько интересны съ точки зрѣнія столкновенія разныхъ мнѣній въ бюрократическихъ верхахъ эпохи реформъ, что я приведу ихъ дословно.

„Политическія каррикатуры—писалъ комитетъ министру — существуютъ во всѣхъ безъ исключенія образованныхъ государствахъ и нигдѣ не почитаются опаснымъ орудіемъ для потрясенія монархическихъ началъ. Доказательствомъ служитъ то, что изъ всѣхъ западныхъ государствъ, едва-ли ни въ Англіи верховная власть пользуется наибольшимъ уваженіемъ, а между тѣмъ нигдѣ болѣе, какъ въ Англіи, ни появляется политическихъ каррикатуръ. У насъ, въ Россіи, вкусъ къ этимъ каррикатурамъ до сихъ поръ еще мало былъ развитъ, но, при существованіи трехъ сатирическихъ листковъ въ Петербургѣ и при безпрерывныхъ сношеніяхъ съ западомъ, увеличившихся въ особенности въ послѣднее время съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ, каррикатуры во множествѣ привозятся изъ-за границы, причемъ онѣ тѣмъ еще безвредны, что вовсе непонятны для огромной массы публики и могутъ быть разгаданы только наиболѣе образованнымъ обществомъ. Наши же сатирическіе журналы помѣщаютъ ихъ болѣе для того, чтобы не отставать отъ заграничныхъ сатирическихъ листковъ, которымъ они стараются подражать. Запрещеніе же всѣхъ подобныхъ каррикатуръ произвело бы безъ всякой надобности раздраженіе въ журналистикѣ и придало бы этимъ шуткамъ слишкомъ большое значеніе. Поэтому не представляется возможности и не предвидится особенной надобности въ воспрещеніи перепечатки изъ заграничныхъ журналовъ политическихъ каррикатуръ, безвредность которыхъ признается цензурою. Каррикатура, о которой упоминаетъ кн. Горчаковъ, взята изъ берлинскаго сатирическаго журнала „Kladderadatch“. Цензурный комитетъ, исключивъ изъ подлинника всѣ надписи и подписи, которыя могли бы показаться оскорбительными, не затруднился дозволить эту каррикатуру, намекающую на обстоятельство, извѣстное всей читающей публикѣ, а именно, что императрица французовъ настойчиво дѣйствуетъ на Наполеона III, убѣждая его не оставлять въ Римѣ безъ защиты свѣтской власти папы. Впрочемъ, всѣ каррикатуры въ иностранныхъ

---

[1]) „Первоначальный проектъ устава о книгопечатаніи“, Спб., 1862 г., 259—261. Послѣднія слова комиссія заимствовала изъ 37 № „Дня“ за 1862 годъ.

журналахъ, которыя, по содержанію своему, могли бы быть дѣйствительно оскорбительными для царствующихъ особъ или касались бы тѣхъ изъ нихъ, которыя связаны родственными отношеніями съ нашею императорскою фамиліею, какъ, напримѣръ, каррикатуры, направленныя противъ короля прусскаго и нашего правительства, въ настоящее время не одобряются цензурою.

„Что же касается до политическаго отдѣла въ журналахъ, то, при большомъ просторѣ, даваемомъ сему отдѣлу, казалось бы министерство иностранныхъ дѣлъ можетъ только выигрывать, потому что, съ одной стороны, наше правительство, при настоящемъ его либеральномъ направленіи, имѣетъ возможность, не безъ пользы для себя, прислушиваться къ говору общественнаго мнѣнія, съ другой же стороны, г. вице-канцлеръ, при личныхъ своихъ сношеніяхъ съ представителями чужеземныхъ державъ, можетъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 8 марта 1862 года, [1]) отклонять отъ себя всякую солидарность со всѣми мнѣніями, по вопросамъ внѣшней политики, которыя высказываются въ нашихъ журналахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ можетъ иногда, не безъ пользы, въ случаѣ, когда того потребуютъ виды нашего правительства и интересы нашей заграничной политики, ссылаться на общественное мнѣніе, выражающееся въ печати, которое нынѣ у насъ, какъ и вездѣ, день ото дня получаетъ большее и большее значеніе“ [2]).

12-ое мая 1862 года снова вноситъ ограниченіе: высочайше утвержденными въ этотъ день „временными“ правилами по цензурѣ предписывалось разрѣшать какія бы то ни было указанія на недостатки и злоупотребленія администраціи только тѣмъ изданіямъ, которыя съ пересылкою стоили не менѣе семи рублей въ годъ, въ самыхъ же этихъ указаніяхъ — отнюдь не допускать печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій. Это главная часть „временныхъ“ правилъ; а въ особо приложенныхъ при нихъ и не опубликованныхъ, наставленіяхъ цензорамъ, указывалось такъ много ограниченій, что положительно непонятно, что предоставлялось тогда сатирѣ.

14 января 1863 года цензурное вѣдомство было цѣликомъ передано въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Валуевъ не заставилъ себя долго ждать.

29 іюля послѣдовало секретное циркулярное предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ предписывалось „отнюдь не дозволять нападки на авторитетъ правительственныхъ, особенно высшихъ, учрежденій и званій, путемъ обобщенія отдѣльныхъ фактовъ или приданія имъ типическаго значенія, какъ послѣдствія неудовлетворительной организаціи всего государственнаго управленія; кромѣ этихъ особенностей въ содержаніи, условіемъ для напечатанія подобныхъ обличительныхъ статей должно считаться приличіе въ тонѣ и отсутствіе рѣзкостей въ формѣ изложенія“. „Гг. цензоры должны имѣть въ виду допускать такихъ статей въ печать менѣе именѣе, *если не будутъ рядомъ съ ними помѣщаемы другія статьи въ противоположномъ духѣ*, такъ какъ систематическое заявленіе этихъ недостатковъ, при совершаемыхъ нынѣ правительствомъ улучшеніяхъ во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія, обнаруживаетъ не стремленіе къ раскрытію истины, а систематическое же стараніе возбуждать умы и вселять въ нихъ недовѣріе“ [3]).

---

[1]) Отмѣна особыхъ „спеціальныхъ“ цензуръ, въ ихъ числѣ и иностранной.

[2]) *П. Усовъ*, „Изъ моихъ воспоминаній“, „Истор. Вѣстникъ“, 1884 г., III, 575—577.

[3]) „Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати (съ 1863 по 1-ое сентября 1865 года)“, Спб., 1865 г., 11—13.

А сатирическая журналистика, все-таки, дѣлала свое дѣло... По этому поводу чрезвычайно интересно мнѣніе цензора-публициста, Н. П. Гилярова-Платонова, высказанное имъ во второй коммиссіи кн. Оболенскаго, въ 1863 году:

„Не надобно забывать, что развитію обличительной литературы въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась у насъ въ послѣдніе годы, всего болѣе содѣйствовали правительственныя распоряженія, и даже едва-ли ни имъ однимъ обязана она своимъ происхожденіемъ. Когда, послѣ Восточной войны, въ обществѣ возникла усиленная потребность гласности, и литература, съ легкой руки „Морского Сборника“, начала порываться къ удовлетворенію этой потребности, правительство мало-по-малу расширило права печати, но какъ и въ какой послѣдовательности? Вмѣсто того, чтобы съ самаго начала допустить свободное обсужденіе общественныхъ практическихъ вопросовъ и тѣмъ вызвать печать на такое поприще, гдѣ возбужденная потребность гласности могла находить удовлетвореніе наиболѣе достойное общественнаго мнѣнія, наиболѣе безопасное для общественнаго порядка и наиболѣе полезное для правительства; вмѣсто того, чтобы воздержаться совершенно отъ разрѣшенія сатирическихъ изданій, какъ явленія несовмѣстнаго съ сохраненіемъ предварительной цензуры и съ судомъ, основаннымъ на формальныхъ доказательствахъ; вмѣсто того, чтобы съ особенною строгостью преслѣдовать безличныя оглашенія, какъ безчестное уклоненіе отъ отвѣтственности—вмѣсто всего этого приняты были мѣры совершенно противоположныя.

„Рядомъ предписаній и замѣчаній литературѣ возбранялись именно такъ-называемыя «смѣлыя сужденія о государственныхъ вопросахъ». Попытки публицистики содѣйствовать разрѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ наиболѣе важными реформами (крестьянскою и судебною), были круто пріостанавливаемы. Спеціальная цензура, естественная преграда независимому отъ офиціальныхъ соображеній сужденію объ общественныхъ вопросахъ, не только не была уничтожена, напротивъ, усилена и расширена, и была сохранена даже тогда, когда высочайшимъ повелѣніемъ отъ 3 апрѣля 1859 г., свободному сужденію открыто было все (???), за исключеніемъ коренныхъ государственныхъ установленій (такимъ образомъ, свобода, установленная въ принципѣ, встрѣчала себѣ прямое противодѣйствіе въ фактѣ). Между тѣмъ, широкою рукою раздавались дозволенія на изданіе сатирическихъ журналовъ и даже журналовъ съ каррикатурами, то есть съ пасквилями подъ формою изображеній; такимъ образомъ пасквиль получалъ права гражданства, принимался подъ охрану закона и подъ особенное правительственное руководство (ибо программы сатирическихъ журналовъ, какъ и всякихъ другихъ, утверждаются правительствомъ). Въ добавокъ ко всему, съ особенною строгостью преслѣдовались въ огласительныхъ статьяхъ именно указанія собственныхъ именъ; даже дано было прямое наставленіе допускать къ печати огласительныя статьи не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы подлинныя имена описываемыхъ мѣстъ и лицъ были скрыты.

„Послѣдствія понятны. Публицистика и именно часть ея, наименѣе серіозная, тѣмъ съ большею жадностью бросилась на единственный открытый ей путь, что для дѣйствованія на немъ не требовалось ни особеннаго ума и глубокихъ соображеній, ни основательныхъ знаній и дѣльнаго приготовленія. Расплодилась цѣлая особая литература таинственныхъ, но понятныхъ намековъ, безличныхъ, но легко угадываемыхъ указаній, литература скандаловъ и сплетенъ, передаваемыхъ изъ-за угла, полупрозрачныхъ пасквилей съ дагерротипными портретами [illegible]

лицъ, но съ подложными именами, и весь этотъ таинственный полусвѣтъ, въ явное нарушеніе всякаго смысла окрещенъ былъ названіемъ *гласности*. Цензура, по самой силѣ предписаній, не могла не давать простора этому странному роду литературы, столь мало оправдывающему свое названіе. Но должно полагать, что съ изданіемъ новаго законоположенія подобный порядокъ прекратится, съ уничтоженіемъ причинъ исчезнутъ и послѣдствія" [1]).

Въ этомъ мнѣніи, какъ и во всѣхъ мнѣніяхъ Гилярова-Платонова, много нелѣпаго и смѣшного, но сторона нераціональности политики въ отношеніи къ прессѣ съ самаго начала эпохи 60-хъ годовъ подмѣчена вѣрно и широко.

По удостовѣренію министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 1863 г. обнаружились уже „прекрасные" результаты какъ „временныхъ" правилъ, такъ и іюльскаго распоряженія: „прежній взглядъ журналистики на прямое значеніе гласности и такъ называемаго «обличенія» существенно измѣнился къ лучшему. Въ послѣдніе годы и преимущественно со времени послѣдовавшихъ въ 1857 г. распоряженій по устройству быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, періодическая литература наша подъ вліяніемъ новости впечатлѣнія, производимаго духомъ реформъ, получила одностороннюю наклонность къ обличенію, къ самобичеванію, принимая это направленіе за истинную, благодѣтельную гласность. Вскорѣ это увлеченіе перешло въ безпрерывный рядъ скандалезныхъ заявленій, диффамацій, оскорбленія личности и за тѣмъ— въ духъ отрицанія. «Мы предавались этому занятію,—продолжаетъ авторъ цитируемаго официальнаго документа, пользуясь словами «Голоса» въ объявленіи на 1863 годъ,—съ какимъ-то наслажденіемъ и часто для остраго словца, для красивой фразы, глумились надъ понятіями, принципами и учрежденіями, которыхъ замѣнить было пока нечѣмъ. Всякое умѣренное слово, малѣйшій намекъ на осторожность клеймили мы названіемъ отсталости и, наоборотъ, всякое слово, всякій даже бредъ людей, пользующихся титуломъ *передовыхъ*, привѣтствовали жаркими рукоплесканіями...» Если въ началѣ 1863 года можно замѣтить еще слѣды этого печальнаго настроенія нашей прессы, то уже съ половины минувшаго 1864 года оно почти окончательно прекратилось въ сколько-нибудь серьезныхъ изданіяхъ. Публика потеряла вкусъ къ такой превратной гласности, стала относиться къ ней почти съ презрѣніемъ и теперь (1865 г.) это направленіе терпимо еще время отъ времени въ видѣ шутки, родясь и умирая въ одну минуту, вмѣстѣ съ другими эфемеридами нашихъ сатирическихъ листковъ: *Искры*, *Занозы*, *Осы* и проч. Причины такой утѣшительной перемѣны заключаются, конечно: 1) въ положительныхъ, практическихъ результатахъ, принесенныхъ уже капитальными преобразованіями, послѣдовавшими въ нынѣшнее царствованіе, какъ напримѣръ: освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 2) въ дѣйствительной серьезности и въ многознаменательности событій нашей внутренней и внѣшней общественной жизни въ минувшемъ году и, наконецъ, 3) въ томъ, что цензура, дѣйствуя систематичнѣе и послѣдовательнѣе прежняго, примѣнялась къ сложившемуся подъ вліяніемъ правительственныхъ дѣйствій и явленій общественной жизни, характеру современ-

---

[1]) „Журналъ высоч. учрежд. комиссіи для разсмотрѣнія проекта устава о книгопечатаніи", Спб., 1863 г., Журналы №№ 4—5, стр. 15—16.

ной нашей прессы и старалась направлять оную къ цѣлямъ, соотвѣтственнымъ требованіямъ правительства и условіямъ общественной пользы" [1]).

Въ другомъ мѣстѣ того же чрезвычайно интереснаго историческаго документа, обзору котораго ниже посвященъ особый очеркъ, находимъ:

„Въ 1864 году изданія сатирическія, сдѣлавшись гораздо блѣднѣе по своему содержанію, имѣли менѣе значенія въ глазахъ читающей публики, а посему и не производили того раздражающаго впечатлѣнія, которымъ они отличались до того времени. Духъ всеобщаго отрицанія, страсть къ исключительному отысканію злоупотребленій въ частной, общественной и правительственныхъ сферахъ утратили въ значительной степени свое обаяніе. Одновременно съ тѣмъ и система отрицанія, находившая свое крайнее выраженіе въ литературномъ нигилизмѣ, перестала составлять приманку въ изданіяхъ, посвященныхъ публицистикѣ. Журналы такъ называемой нигилистической школы столь мало въ 1864 году пользовались сочувствіемъ, что для поддержанія интереса къ своимъ изданіямъ въ читающей публикѣ, нерѣдко помѣщали на своихъ страницахъ беллетристическія произведенія, діаметрально противорѣчившія признанному редакціей знамени" [2]).

При крайне своеобразномъ взглядѣ на журналистику, при еще болѣе своеобразныхъ понятіяхъ о ея цѣляхъ и задачахъ, авторъ только что цитированнаго документа, несомнѣнно, правъ, указывая на причины замиранія сатирической журналистики къ концу 1864 года, который, какъ знаетъ читатель, считается послѣдней лебединой ея пѣснью. Да, при томъ настроеніи массы русскаго общества, которое охватило ее и сдѣлалось доминирующимъ съ начала 1863 года, сатира была уже неумѣстна: мы вступали снова въ полосу самообожанія, самовосхваленія, ergo — квасного патріотизма. Валуевъ хорошо понялъ разницу настроеній 1857—1862 гг. и 1862—64 гг. и уже твердо направилъ цензуру по тому курсу, который не могъ быть взятымъ ею при однообразіи и дружности цѣлостнаго общественнаго организма. Вчерашніе его обвинители сегодня дѣлались защитниками; поддержка реакціонныхъ мѣръ росла и крѣпла... Сатира была тѣмъ непріятнымъ зеркаломъ, которое въ такіе моменты всегда злобно разбивается...

Злоключенія „Искры". Конецъ лучшаго ея періода.

Теперь, при свѣтѣ общихъ условій существованія сатирической журналистики интересующаго насъ періода, лучше будутъ понятны тѣ, которыя въ частности окружали существованіе *Искры*.

Ею были недовольны еще до появленія перваго нумера. Очень неодобрительно приняли самую, казалось бы, невинную виньетку на объявленіи о подпискѣ. Вотъ она. (См. стр. 135).

По этому поводу въ „Дневникѣ" Никитенка читаемъ:

„*Искра* напечатала въ объявленіи виньетку, которую III Отдѣленіе истолковало по своему и объявило злонамѣренною, хотя ее можно истолковать десять

---

[1]) „Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г." Спб., 1865 г. 207—209.

[2]) Ibidem., 248—249.

разъ иначе. Требовали объясненія у издателя Степанова. Дѣло доходило до государя, но оставлено безъ послѣдствій, за недостаткомъ ясныхъ доказательствъ въ возмутительности виньетки [1]).

По словамъ С. Н. Степанова, добрая половина работъ его отца погибла навсегда въ архивѣ цензурнаго комитета. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Другіе сотрудники страдали тоже сильно: В. Р. Щиглевъ („Романычъ") говорилъ мнѣ, что цензурою не пропускалась вообще треть посылаемаго *Искрой* матеріала.

Въ № 9 за первый же годъ были помѣщены стихи П. И. Вейнберга „На Невскомъ проспектѣ", въ которыхъ авторъ очень зло посмѣивался надъ дѣловитостью господъ, мчащихся во всю прыть въ своихъ колясках, и потому давящихъ бѣдныхъ пѣшеходовъ. Только-что открытый тогда „комитетъ по дѣламъ книгопечатанія", очень неодобрительно отнесся къ такой выходкѣ былъ даже проектъ усадить Степанова на гауптвахту. Кажется, дѣло ничѣмъ не кончилось [2]). Но этихъ двухъ фактовъ было достаточно, чтобы отдать *Искру* подъ строгій надзоръ: съ 16-го нумера ее цензируютъ, не въ примѣръ прочимъ изданіямъ, втроемъ, а съ 36-го—очень часто попадаются даже и четыре цензорскихъ подписи.

Въ № 32, среди „частныхъ объявленій", было помѣщено, между прочимъ, такое:

„Нѣкто *„старецъ"* исцѣляетъ самыхъ трудныхъ больныхъ совершенно простымъ средствомъ—*„ухою, которую должно приготовить изъ пяти ершей большихъ или десяти малыхъ и второго куска отъ хвоста сига въ одной глубокой столовой тарелкѣ; уху эту долженъ сварить* **непремѣнно мужчина** *и ты раздѣли ее на три дня—на обѣдъ и ужинъ..."* Въ дѣйствительности сего преподаннаго старцемъ средства удостовѣряютъ пять санктпетербургскихъ *опытныхъ и образованныхъ докторовъ*. О подробностяхъ лѣченія узнать можно: въ нѣкоторыхъ книжныхъ магазинахъ, изъ брошюры, изданной въ 1859 г. опытнымъ же образованнымъ врачемъ" [3]).

Добролюбовъ, въ письмѣ своемъ къ Бордюгову, писалъ: „съ *Искрой* сочинена исторія за объявленіе *о старцѣ и ухѣ*". Вотъ и все, что извѣстно по этому поводу. Очевидно, и старецъ и уха были сильными въ кого-нибудь стрѣлами.

Въ 4 № за 1860 г. помѣщена каррикатура „свободный выборъ": поваръ, обращаясь къ курамъ и пѣтухамъ, говоритъ имъ: „Я призвалъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы спросить вашего мнѣнія: подъ какимъ соусомъ угодно вамъ быть приготовленными: подъ бѣлымъ или краснымъ?.." Въ обществѣ она произвела большую сенсацію, ее переворачивали на тысячу ладовъ, сложилось „дѣло" и въ цензурномъ вѣдомствѣ, но потомъ все это было предано забвенію...

Въ 1 № за 1861 г., среди новогоднихъ „предсказаній", помѣщено слѣдующее „астрономическое предсказаніе":

„Астрономы открыли въ нынѣшнемъ году, въ системѣ мірозданія, новую самостоятельную систему звѣздъ, въ родѣ млечнаго пути. Группа ихъ состоитъ изъ одного неподвижнаго свѣтила, превосходящаго своею массою всѣ доселѣ извѣстныя

[1]) „Рус. Старина", 1890 г., IX, 618.
[2]) Подробности см. въ очеркѣ „Русское Bureau de la presse".
[3]) 1859 г., № 32.

свѣтила въ нѣсколько тысячъ разъ, окруженнаго четырнадцатью меньшими, также самосвѣтящимися звѣздами и 208 спутниками планетами. Вся эта система звѣздъ будетъ видима въ Россіи въ теченіе 10 лѣтъ, каждый годъ по четыре раза. Каждый годъ по приближеніи ея къ землѣ, именно на Россію, будетъ падать безчисленное множество аэролитовъ, въ видѣ бумажныхъ листовъ. Говорятъ, что, если сказанная группа звѣздъ совершитъ только предвидимый доселѣ десятилѣтній циклъ свой, то Россія можетъ сдѣлаться страною необитаемою, ибо по причинѣ огромныхъ массъ аэролитовъ, которыя сплошными рядами покроютъ землю въ видѣ печатныхъ листовъ, солнце не въ состояніи будетъ согрѣвать землю, дождь не будетъ доходить до земли и т. п. Нѣкоторые, впрочемъ, астрономы, неизвѣстно по какимъ признакамъ, догадываются, что открытая группа звѣздъ не составляетъ системы, что соединеніе ихъ случайное и ненадежное и что черезъ два или три года они разсѣются въ безконечной системѣ мірозданія, не оказавъ никакого вліянія на планету".

Слова эти были поняты такъ: „14 главныхъ спутниковъ—это члены высокопоставленной семьи, 208 малыхъ—столько же генераловъ и флигель-адъютантовъ; печатные листы—это кредитные билеты". „Въ обществѣ разнеслись даже слухи—продолжаетъ Никитенко—будто цензоръ, пропустившій это, посаженъ на гауптвахту. Въ главномъ управленіи цензуры тоже была объ этомъ рѣчь. Нѣкоторые члены готовы были сами сдѣлать такое точно примѣненіе статьи. Я постарался объяснить, что въ ней и тѣни ничего подобнаго, и что все это относится къ изданію „Энциклопедическаго Лексикона", гдѣ главное лицо (солнце) Краевскій, а у него 14 редакторовъ и 208 сотрудниковъ; 10 лѣтъ—срокъ изданія, которое въ теченіе этого времени будетъ выходить выпусками—по четыре ежемѣсячно. Съ этимъ объясненіемъ согласились. Не знаю, удовлетворится-ли имъ также князь Долгорукій [1]). Этотъ фактъ любопытенъ тѣмъ, что показываетъ, какъ настроено наше общество и чего оно ищетъ въ современной литературѣ" [2]).

Фактъ, дѣйствительно, характерный...

Въ томъ же году, въ № 41 помѣщена комедія: „Фигуры откупной колоды" Николая Потѣхина. По словамъ г. Скабичевскаго, пользовавшагося, очевидно, архивомъ Курочкина, на эту пьесу было обращено вниманіе III Отдѣленія, такъ какъ въ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ усмотрѣли портреты нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ. Дѣло кончилось лишь конфиденціальнымъ объясненіемъ автора [3]).

Въ № 15 за 1862 г. былъ воспроизведенъ циркуляръ попечителя виленскаго учебнаго округа кн. Ширинскаго-Шихматова, о замѣченныхъ случаяхъ несохраненія учителями тайны совѣщаній педагогическихъ совѣтовъ. 7 мая 1862 г. министерство внутреннихъ дѣлъ сообщало министру народнаго просвѣщенія: „Въ № 15-мъ *Искры*, на стр. 225, въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ «Искорки», напечатанъ циркуляръ попечителя виленскаго уч. округа, кн. Ширинскаго-Шихматова, съ надписью: «Замѣчательный циркуляръ». Въ концѣ статьи сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: «Вамъ нравится этотъ циркуляръ? Намъ очень нравится, потому что мы вообще шума и огласки не любимъ». Тутъ прямой намекъ на то, что правительственныя лица у насъ не любятъ, будто бы, огласки своихъ распоряженій, и очевидная насмѣшка надъ циркуляромъ виленскаго попечителя; даже

[1]) Главноуправляющій III отдѣленіемъ.
[2]) „Рус. Старина", 1891 г., I, 43.
[3]) „Очерки исторіи рус. цензуры", 435—436.

отдѣлъ «Искорки» ясно показываетъ намѣреніе редакціи *Искры* поглумиться надъ офиціальною бумагою. Полагая, что такого рода намеки и насмѣшки вполнѣ предосудительны и не должны бы быть допускаемы въ печати“, и т. д. [1]).

Читатели помнятъ, какъ важенъ былъ въ *Искрѣ* отдѣлъ „Намъ пишутъ“. Въ 1862 г. съ нимъ пришлось проститься. Распоряженіе по этому случаю министра народнаго просвѣщенія такъ характерно, что приведу его полностью.

„Въ журналѣ *Искра* помѣщается постоянно, въ продолженіе уже довольно долгаго времени, особый отдѣлъ, подъ названіемъ „Намъ пишутъ“, въ которомъ разсказываются, подъ вымышленными именами мѣстъ и лицъ, случившіяся будто бы въ нашихъ губерніяхъ происшествія, большею частію въ служебномъ мірѣ, при чемъ какъ лица, такъ и происшествія, выставляются въ самомъ каррикатурномъ и часто совершенно ложномъ видѣ. Названіе мѣстъ и лицъ въ этихъ статейкахъ употребляются въ разныхъ нумерахъ *Искры* для каждой мѣстности тѣ же самыя, такъ что читатели, слѣдящіе внимательно за симъ журналомъ, легко могутъ найти нить приводимымъ разсказамъ; такимъ образомъ, дѣйствительно, въ публикѣ составился полный ключъ симъ названіямъ, и всѣ читатели знаютъ, что, напримѣръ, вмѣсто Грязнославля, Крутогорска, Чернилина, должно читать: Екатеринославъ, Вятка и Черниговъ. Появленіе въ печати такого рода *доносовъ, такъ-сказать, привилегированныхъ*, ибо оклеветанное и опозоренное въ нихъ лицо не имѣетъ *никакой возможности* ни оправдаться, ни защищаться противъ взводимыхъ на него обвиненій, составляетъ *безпримѣрный въ исторіи литературы фактъ злоупотребленія печатнымъ словомъ*“ [2]). Вслѣдствіе этого отдѣлъ „Намъ пишутъ“ признано было необходимымъ прекратить. Послѣдній разъ этотъ „привилегированный доносъ“ былъ помѣщенъ въ № 24, а съ 26-го его замѣнили „Искорками“ и проч...

Любопытно, что приведенная выше каррикатура на Валуева помѣщена въ 21-мъ нумерѣ... Вліявшій съ 10 марта 1862 г. на цензурное вѣдомство, Валуевъ зналъ, конечно, цѣнность для *Искры* закрытаго отдѣла и, очевидно, ему принадлежитъ эта необычная кара.

Въ слѣдующемъ году петербургскому цензурному комитету былъ сдѣланъ выговоръ за каррикатуры о самой цензурѣ.

„Въ № 33 *Искры* помѣщены были каррикатуры съ намеками на цензуру (красный карандашъ и преимущественный пропускъ патріотическихъ статей), безъ наименованія, впрочемъ, сего учрежденія, а въ № 34 нарисованъ образъ двухъ женщинъ, съ надписью подъ первой: „статья до просмотра цензурой“, подъ второй: „статья процензурованная“, при чемъ женщина первая представлена прилично одѣтою, съ умнымъ, благообразнымъ лицомъ, вторая же съ оборваннымъ донага, спереди платьемъ, обезображенною, со всклокоченными волосами, убѣгающею въ испугѣ и отчаяніи... Имѣя въ виду, что каррикатуры въ № 33, по отсутствію въ нихъ рѣзкости и по самой ихъ анонимности, не заслуживаютъ порицанія въ цензурномъ отношеніи, совѣтъ нашелъ, что каррикатуры въ № 34, будучи совершенно противоположнаго свойства, не подлежали дозволенію къ напечатанію, въ особенности потому, что сдѣланныя подъ ними надписи, уничтожая ихъ ано-

[1]) *Н. [illegible]*, „Цензурная реформа въ 1862 г.“, „Вѣст. Европы“ 1882 г., V, 159.
[2]) Idem. 147—148. Курсивъ мой

нимный характеръ, превращают эти каррикатуры въ пасквиль, направленный противъ извѣстнаго правительстненнаго учрежденія, о чемъ и положено сообщить предсѣдательствующему въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ" [1]).

Что же это были за анонимныя каррикатуры? На одной изъ нихъ ведется такой разговоръ двумя литераторами:

„— О чемъ это вы задумались?

— Да хочу вотъ одну свѣтлую мысль затемнить.

— Предоставьте это красному карандашу; онъ съ этимъ дѣломъ знакомъ".

Другая болѣе остроумна. У буфета два пріятеля. Одинъ изъ нихъ наливаетъ водку:

„— Пропустимъ-ка?

— Почему-жъ и не пропустить. Духъ чисто патріотическій". Обѣ принадлежатъ карандашу В. Р. Щиглева.

1864 годъ *Искра* была уже въ особой немилости; начиная съ № 17, она сильно опаздываетъ выходомъ, и сплошь и рядомъ цензурная дата на двѣ недѣли позже той, которою помѣчались нумера. Такъ шло до конца года. Надо-ли говорить, что это одно должно было охладить массу подписчиковъ, что и стало сразу замѣтно въ 1865 г.

Но вотъ, 3 сентября 1864 г., Курочкинъ получаетъ слѣдующую бумагу изъ петербургскаго цензурнаго комитета: „Имѣя въ виду, что въ журналѣ *Искра* постоянно помѣщаемы были статьи обличительнаго характера, направленныя главнымъ образомъ къ оскорбленію личной чести, г. министръ внутреннихъ дѣлъ не призналъ возможнымъ допустить дальнѣйшее изданіе сего журнала подъ вашею редакціею. Вслѣдствіе сего петербургскій цензурный комитетъ предлагаетъ вамъ, м. г., представить лицо, которое могло бы быть утверждено въ званіи отвѣтственнаго редактора издаваемаго вами сатирическаго журнала" [2]).

Всякому ясно, что значила такая мѣра: очевидно, *Искрѣ* дѣлалось первое и послѣднее предостереженіе (тогда еще это взысканіе не получило юридической санкціи); надо было понять, что роль журнала заканчивалась... Въ это же время Степановъ уходитъ изъ *Искры*, четыре нумера выпускаются безъ всякихъ подписей, а въ № 37 редакторомъ подписывается старшій братъ Курочкина—Владиміръ Степановичъ, по отзыву Н. К. Михайловскаго, не обладавшій, кажется, никакими дарованіями, служившій раньше въ военной службѣ, потомъ содержавшій книжный магазинъ и литографію.

Искра точно предчувствовала свою близкую кончину, когда, видя себя окруженною неослабнымъ надзоромъ, помѣщала каррикатуру, изображавшую своего подписчика, съ журналомъ въ рукахъ, отвѣчающаго на вопросъ о *теперешнемъ* его направленіи: „*веселаго*"... Остроумецъ Минаевъ въ четырехъ стихахъ запечатлѣлъ цензурныя мытарства своей утлой ладьи:

Надъ статьями совершаютъ
Вдвойнѣ цивическій обрядъ:
Ихъ, какъ евреевъ, обрѣзаютъ
И, какъ католиковъ, крестятъ [3]).

---

[1]) Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати (съ 1863 по 1 сент. 1865 года), 15—16.
[2]) *А. Скабичевскій.* „Очерки исторіи рус. цензуры", 436.
[3]) *Мартьяновъ*, „Дѣла и люди вѣка", I, 205.

Офиціальный критикъ и обозрѣватель журналистики за 1864 г. такъ характеризуетъ *Искру*: „Хотя этотъ журналъ и не оставилъ своего прежняго отрицательнаго и обличительнаго направленія, тѣмъ не менѣе въ 1864 г. замѣтна была въ немъ значительная доля, если не трезвой умѣренности, *то хотя невольной сдержанности*. Изъ каррикатуръ только одна (№ 6) подверглась замѣчанію; прочія же каррикатуры скорѣе можно было принять за родившіяся въ фантазіи живописца, и притомъ довольно неудачныя характеристики тѣхъ или другихъ общечеловѣческихъ слабостей и поползновеній, чѣмъ за намеки на какія-нибудь дѣйствительныя личности. Что же касается до литературнаго текста *Искры*, то и здѣсь, въ ея сатирахъ на житейскіе нравы, обычаи и требованія большинства, нѣтъ прежней язвительной ѣдкости, а проглядываетъ только легкая, игривая, хотя и мѣткая иронія (напр., статья: „Житейскіе выводы и размышленія“). Даже обличенія *Искры*, напримѣръ, въ плутняхъ торговцевъ, во взяточничествѣ чиновниковъ и проч., были замаскировываемы въ 1864 г. болѣе, нежели прежде, вымышленными названіями лицъ и мѣстностей. Рѣзкій тонъ этого журнала значительно вообще смягчился съ устраненіемъ отъ редакціи В. Курочкина“ [1]).

Вотъ тѣ условія, въ которыхъ проходила жизнь *Искры* и благодаря которымъ 1864 годъ нужно считать послѣдней ея лебединой пѣснью.

Одновременно съ подписью Вас. Курочкина исчезаетъ и подпись его соредактора-соиздателя. Смотря по нумерамъ, можно предположить, что выходъ Степанова былъ какъ бы непосредственнымъ результатомъ „отставки“ Курочкина. Въ томъ нумерѣ, гдѣ начинаетъ подписываться уже Вл. Курочкинъ, помѣщена послѣдняя степановская работа.

На самомъ же дѣлѣ, ходъ событій былъ иной.

Въ „Сѣверной Почтѣ“, 21 августа, среди немногочисленныхъ частныхъ объявленій находимъ такое:

„Предпринимая съ будущаго года изданіе новаго сатирическаго журнала, я отказываюсь съ того времени отъ всякаго участія въ изданіи и редакціи журнала «Искра».

Редакторъ-издатель «Искры» Н. Степановъ“.

Итакъ, за двѣ недѣли до „отставки“ Курочкина Степановъ заявилъ о своемъ выходѣ съ января. Что въ это время редакціи не было извѣстно о надвигавшейся грозѣ, доказываетъ объявленіе объ изданіи *Искры* въ 1865 году, помѣщенное за подписью Вс. С. Курочкина въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 5 сентября, отправленное изъ Петербурга, вѣроятно, около 1 сентября и ужъ во всякомъ случаѣ—послѣ 21 августа. Вотъ оно безъ неинтереснаго конца:

[1]) „Собраніе матеріаловъ о направленіи etc“. 290—291.

„Объ изданіи „Искры“ въ 1865 году.

„Г-нъ Степановъ, завѣдывающій нынѣ въ журналѣ нашемъ отдѣломъ каррикатуръ, заявилъ въ № 185 „Сѣверной Почты“, что съ 1865 года не будетъ болѣе участвовать въ „Искрѣ“.

„Намъ, разумѣется, очень жаль, что съ 1865 года въ *Искрѣ* не будутъ помѣщаться полезныя для изданія произведенія талантливаго каррикатуриста, пользующагося заслуженною имъ еще, кажется, въ тридцатыхъ годахъ и хорошо сохранившеюся до нашего времени извѣстностью. Намъ предстоитъ сдѣлать нечувствительнымъ для публики отсутствіе въ *Искрѣ* каррикатуръ г. Степанова, съ знакомыми фигурками которыхъ и даже съ одинаково-обдуманными діалогами этихъ фигурокъ она такъ давно свыклась. Мы полагаемъ съ будущаго года помѣщать въ *Искрѣ*, рядомъ съ рисунками лицъ, пользующихся, хотя и не такъ давно, какъ г. Степановъ, неменьшею, чѣмъ онъ, репутаціею, рисунки молодыхъ, начинающихъ художниковъ и каррикатуристовъ. Кромѣ увеличившейся для насъ, лестной для всякой редакціи, возможности знакомить публику съ новыми талантами, насъ ободряетъ при этомъ мысль, что, при развивающемся въ молодомъ поколѣніи художниковъ чуждомъ рутины взглядѣ на каррикатуру, какъ на отрасль искусства, служащую необходимымъ подспорьемъ для публицистики, наши каррикатуры удовлетворятъ требованіямъ времени и могутъ пріобрѣсть то, всѣми признанное, значеніе, какое имѣютъ каррикатуры лучшихъ европейскихъ сатирическихъ изданій.

„На 1865 годъ редакціею приглашены: гг. Боклевскій, Бордгелли (Аполлонъ Б*), Гоггенфельденъ, Даниловъ, Іевлевъ, Лебедевъ, Знаменскій и другіе художники и каррикатуристы, справедливо обратившіе на себя въ послѣднее время вниманіе публики. Кромѣ печатавшагося до сихъ поръ въ *Искрѣ* на опредѣленныхъ страницахъ, опредѣленнаго числа каррикатуръ, мы полагаемъ съ 1865 года, избѣгая вообще всякаго однообразія и рутины, помѣщать иллюстраціи къ юмористическимъ статьямъ и каррикатуры, къ мелкимъ статейкамъ изъ провинціальнаго быта.

„Затѣмъ *Искра* въ будущемъ 1865 году будетъ выходить попрежнему, при содѣйствіи тѣхъ же литераторовъ и подъ тою же редакціею нижеподписавшагося какъ и въ предшествовавшіе года“ [1]).

Очевидно, что если бы не „отставка“ Курочкина, Степановъ продолжалъ бы работу до конца года. Не сдѣлалъ же этого, вѣроятно, по соображеніямъ личнаго свойства относительно Владиміра Степановича.

Что же побудило Степанова вообще бросить дѣло?

Что, основывая дѣло, онъ условился съ Курочкинымъ дѣлить доходъ пополамъ — это г. Трубачевъ говоритъ вѣрно; что Курочкинъ проживалъ много денегъ и довольно притомъ безалаберно — тоже вѣрно [2]). Но что Курочкинъ, зарвавшись, все „требовалъ еще и еще“ — это не такъ. Надо совершенно не знать его, чтобы рисовать какъ какого-то нахала, чтобы не сказать больше, который, забравъ все свое, приставалъ бы къ Степанову: „подай мнѣ изъ твоего!“ Но г. Трубачевъ идетъ еще дальше и бросаетъ въ безмолвнаго покойника тяжкое обвиненіе просто-на-просто въ присвоеніи. Иначе нельзя понять такія слова: „Курочкинъ сталъ требовать весьма значительную сумму на гонораръ сотрудикамъ, несмотря на то, что въ *Искрѣ* очень рѣдко помѣщались статьи извѣстныхъ литераторовъ; большею же частью журналъ наполнялся произведеніями писателей молодыхъ или начинающихъ, а то и даровыми статейками, присылаемыми gratis изъ провинціи [3]). Не говоря уже о томъ, что здѣсь полностью незнакомство

[1]) „Москов. Вѣдомости“ 1864 г., № 195. Все это совершенно неизвѣстно г. Трубачеву.
[2]) Объ этомъ не мало любопытнаго въ цитированной уже книгѣ Мартьянова.
[3]) „Истор. Вѣстникъ“, 1891, IV, 118.

съ самимъ журналомъ, сплошь отводившимъ мѣсто хорошо оплачиваемой работѣ (начинавшій тогда П. И. Вейнбергъ, по его собственнымъ словамъ, получалъ за стихи 40 коп. за строку — гонораръ, который далеко не всѣ большія изданія платятъ и теперь), — какъ могъ рѣшиться г. Трубачевъ, *совершенно не имѣя писемъ Курочкина къ Степанову*, о чемъ онъ самъ же заявляетъ, бросить въ перваго такое гнусное обвиненіе! Неужели это сдѣлано только ради желанія дорисовать картину хоть сажей за недостаткомъ красокъ, но только не оставить чистое полотно?! Курочкинъ не могъ требовать себѣ никакихъ редакціонныхъ гонораровъ, потому что всѣ разсчеты съ сотрудниками вела жена Степанова, хорошо имъ извѣстная, Софья Сергѣевна. Остальныя россказни г. Трубачева опровергаетъ также небольшая замѣтка В. О. Михневича, хорошо узнавшаго Степановыхъ въ „Будильникѣ". Что касается причинъ разрыва Курочкина со Степановымъ, то Михневичъ положительно утверждаетъ, что „какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось денежныхъ разсчетовъ и вообще хозяйственной стороны издательства, хлопотала и распоряжалась единственно Софья Сергѣевна—женщина себѣ на умѣ, очень разсудительная и практическая, любовно, къ тому же, оберегавшая мужа отъ всякихъ безпокойствъ и дрязгъ"... „*По ея же иниціативѣ и настояніямъ* Н. А. разошелся съ Курочкинымъ и основалъ свой журналъ"... „Софья Сергѣевна зорко учитывала бюджетъ компанейской *Искры* и, когда убѣдилась, что невозможно сладить съ *безалабернымъ компаніономъ, обидно захватывавшимъ на свои траты большую половину дохода*, рѣшительно повела дѣло къ разрыву. Н. А. покорно этому рѣшенію подчинился [1]). Жаль только, что и Михневичъ не удержался, чтобы не бросить неосновательнаго упрека по адресу Курочкина. Объясняется это источникомъ его свѣдѣній — ихъ дала ему Софья Сергѣевна, не особенно долюбливавшая Курочкина и никогда не понимавшая этого сложнаго человѣка. Самъ Степановъ до конца своей жизни относился къ Курочкину безусловно хорошо—это подтверждаетъ знавшая ихъ отношенія А. Г. Шиле. Курочкинъ былъ слишкомъ честенъ и щепетиленъ, чтобы дѣйствовать въ амплуа какого-то хулигана. Если при свойственной ему вообще денежной безпорядочности и неаккуратности, онъ когда-нибудь, *исключительно по ошибкѣ* и перебралъ что, то, несомнѣнно, не съ цѣлью обсчитать Степанова. Этотъ человѣкъ на себя проживалъ гораздо меньше, чѣмъ на другихъ.

Гораздо вѣрнѣе, что выходъ Степанова есть слѣдствіе именно цензурныхъ воздѣйствій на журналъ. Н. А. понималъ, что разъ дѣло пошло такимъ образомъ, хорошаго изъ него выйти ничего уже не могло, а Софья Сергѣевна хотѣла сберечь тѣ крохи, которыя остались отъ прежней *Искры*—что тоже понятно.

Итакъ, вотъ исторія лучшаго русскаго сатирическаго журнала.

Теперь намъ необходимо ознакомиться съ его коллегами-современниками.

„Арлекинъ".

Выше было уже указано на возникновеніе одновременно съ *Искрой* другихъ сатирическихъ и юмористическихъ журналовъ—*Арлекина*, *Гудка* и *Развлеченія*.

[1]) „Страничка изъ литературныхъ воспоминаній", „Истор. Вѣстникъ" 1891 г. VI.

Разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

***Арлекинъ*— „журналъ легкаго и забавнаго чтенія" издавался въ Петербургѣ, выходилъ еженедѣльно, объемомъ и размѣромъ походилъ на *Искру*; издавалъ его П. И. Крашенинниковъ, редактировали Ивановъ, затѣмъ Л. Павлищевъ. За годъ дано было, согласно обѣщанію, 100 иллюстрацій; цѣна журнала въ Петербургѣ— 8 р. 50 к., съ пересылкою по Россіи — 10 руб. Задачу свою журналъ опредѣлялъ такъ: „интересовать и забавлять, не сбиваясь на грубую личность, на рѣзкую шутку, на крупную соль, съ одной стороны, и на безцвѣтность и вялость— съ другой". Редакція понимала, что выполненіе ея нелегко, потому что — скажемъ отъ себя—самая задача была неясна.**

„*Арлекинъ* далъ слово въ своемъ объявленіи—читаемъ тамъ же—забавлять и интересовать читателей и *преимущественно читательницъ*, избѣгая крайностей, и постарается сдержать это слово, хотя бы это стоило ему большихъ затрудненій. Во всякомъ случаѣ онъ скорѣе пожертвуетъ яркостію колорита, скорѣе будетъ выносить *справедливые* упреки въ недостаткѣ занимательности и игривости, но никогда не забудетъ, что главная цѣль его та, чтобъ листокъ этотъ былъ хоть мимолетнымъ чтеніемъ *дамъ*, *дѣвицъ* и вообще людей со вкусомъ чистымъ и образованнымъ" [1]).

Программа этого страннаго журнала состояла изъ разсказовъ, стихотвореній, *нотъ*, театра, библіографіи, фельетона, *модъ* и объявленій самой редакціи. 100 листовъ литографированныхъ приложеній были раздѣлены такъ: 52—юмористическіе и рѣдко сатирическіе рисунки, 12—альбомъ безсодержательныхъ картинъ изъ иностранной жизни, 12—„музыкальная тетрадь", 12 огромныхъ розовыхъ листовъ съ *модами*, 12—„рисунки къ гардеробу и рабочему столику Коломбины".

Собственное положеніе въ прессѣ и журналистикѣ *Арлекинъ* опредѣлилъ довольно вѣрно въ стихотвореніи „*Арлекинъ* и литературная семейка":

Хоть я смѣюсь, но я не *Весельчакъ*,
Хоть нѣтъ во мнѣ и *Искры* острыхъ шутокъ,
Я подражать не смѣю имъ никакъ:
У всякаго свой вкусъ и свой разсудокъ.
. . . .
. . . .
. . . .
Пусть *Русскій Міръ*, *Гудокъ, Дневникъ* или *Разсвѣтъ*
Описываютъ вамъ событье міровое;
За *Парусомъ* у насъ тянуться силы нѣтъ:
Большому кораблю и плаванье большое!
. . . .
. . . .
Я-жъ, Арлекинъ, чудакъ изъ чудаковъ
Пою вамъ пѣсенки, разсказываю сказки,
Я платье сшилъ себѣ изъ пестрыхъ лоскутовъ
И вѣкъ свой щеголяю въ маскѣ! [2])

---

[1]) 1859 г., № 1.
[2]) 1859 г., № 6.

Да это былъ, дѣйствительно „чудакъ изъ чудаковъ", совершенно не отдававшій себѣ съ самаго начала яснаго отчета, на какой кругъ публики онъ можетъ разсчитывать. Мы уже видѣли, что масса читающей публики ждала и требовала обличеній, обличеній и обличеній; тѣ, кому они были очень не по нутру, совершенно ничего не читали, кромѣ „входящихъ", „прописей" и „оракуловъ"; дамы, дѣвицы и читательницы вообще разбивались тоже на эти же двѣ главныхъ группы, и такихъ, которыя могли заинтересоваться главнымъ образомъ его музыкой и модой, было неособенно много потому, что *Арлекинъ* имѣлъ на этомъ поприщѣ довольно солидныхъ конкуррентовъ. Такимъ образомъ конецъ былъ совершенно ясенъ, и насталъ онъ съ послѣднимъ номеромъ 1859 года.

Вотъ все, что можно сказать объ *Арлекинѣ*, не рискуя утомить читателя.

„Гудокъ" Г. К. Блока.

Немногимъ больше придется и на долю *Гудка*—юмористически-сатирическаго журнала, издававшагося и редактировавшагося Г. К. Блокомъ, въ Петербургѣ; выходилъ онъ еженедѣльно въ объемѣ одного листа, размѣромъ съ теперешнюю „Ниву". Цѣна его была ниже остальныхъ: въ Петербургѣ и Москвѣ 4 р., въ провинціи—5 руб. Въ первомъ нумерѣ помѣщены стихи М. Розенгейма о дѣвицахъ и замужествѣ. Содержаніе вообще очень и очень блѣдно. Уже во второмъ нумерѣ помѣщено объявленіе, не предвѣщавшее ничего хорошаго: „нѣкто, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, ищетъ подписчиковъ на юмористическо-сатирическій журналъ Каннибакса „Гудокъ". Каннибаксъ—псевдонимъ Блока. Соединенные №№ 6 и 7 вышли съ „Элегіей Гудка", изъ которой привожу нѣсколько строкъ:

И вотъ „Гудокъ" не бранью площадною
Предъ обществомъ читателей предсталъ.
Онъ лишь сатирою клеймитъ одною,
А добродѣтели и личность не пятналъ.
Онъ не паяцъ, чтецовъ не забавляетъ—
Сарказмъ, а не скандалъ имъ представляетъ.
И все, что есть, чѣмъ будетъ онъ богатъ,
Готовъ дѣлить... а только „не кричатъ".

Но противъ воли, грустное сознанье
Рождается невольно у „Гудка":
Вѣдь смотрятъ всѣ съ какимъ-то состраданьемъ,
Не журналиста—такъ возьметъ тоска.
И та тоска „убыткомъ" все зовется,
А при убыткѣ сильно сердце бьется;
Но не журналъ былъ въ этомъ виноватъ,
Что ежели сказать придется—„матъ!.."

„Мать“ былъ сказанъ очень скоро и, конечно, исключительно по винѣ самого журнала, а не кого-нибудь другого. Въ послѣднемъ, 22-мъ, номерѣ стояло заявленіе отъ издателя: „Издатель журнала *Гудокъ* считаетъ обязанностью довести до свѣдѣнія гг. подписавшихся на его журналъ, что дальнѣйшее появленіе въ свѣтъ №№ *Гудка* на этотъ годъ прекращается. Издатель льститъ себя, однако же, надеждою, что лица, удостоившія его изданія благосклоннымъ вниманіемъ, найдутъ причину такого прекращенія, быть можетъ временнаго, уважительною: изданіе это встрѣтило со стороны публики слишкомъ незначительную поддержку, такъ что расходы уже къ настоящему времени (2 августа) превысили собранную подписную сумму на 400%“.

Потомъ Блокъ писалъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, что *Гудокъ* прекратился по „неспособности его сотрудниковъ“...

Въ содержаніи *Гудка*, при самыхъ усиленныхъ и внимательныхъ поискахъ, отмѣтить совершенно нечего: все это крайне блѣдно, бѣдно и грубо. *Весельчакъ* и тотъ былъ интереснѣе *Арлекина* и *Гудка*.

„Развлеченіе“.

Московскій „литературный и юмористическій журналъ съ политипажами“, *Развлеченіе* былъ выше *Арлекина* и *Гудка*, но неизмѣримо ниже *Искры*. Редактировалъ его и издавалъ Ѳ. Б. Миллеръ, болѣе или менѣе извѣстный литераторъ того времени; цѣна журнала была низкая: въ Москвѣ 3 р., въ провинціи—5 р.; выходъ еженедѣльно по субботамъ.

Миллеръ, самъ писавшій подъ псевдонимомъ „Гіацинтъ Тюльпановъ“, привлекъ къ участію въ своемъ журналѣ А. И. Левитова („Иванъ Сизой“, „Ив. С.“), Б. Н. Алмазова („Б. А.“ и „Адамантовъ“), Н. В. Гербеля („Эрастъ Моховоевъ“), И. И. Башмакова („Иванъ Ваненко“), Л. Мея, А. Козлова („А. К. Зловъ“), П. И. Вейнберга, В. П. Буренина и даже С. П. Шевырева.

Отсутствіе наблюдательнаго, талантливаго каррикатуриста чувствовалось на каждомъ шагу. Рисунки сплошь и рядомъ заимствовались въ слегка измѣненномъ видѣ изъ *Искры*. Такъ, напримѣръ, въ 1862 г. былъ цѣлый рядъ каррикатуръ „Журнальный міръ“, композиція которыхъ замѣтно не своя, да и исполнена плохо. Литературный отдѣлъ былъ содержательнѣе, чѣмъ въ двухъ только что разсмотрѣнныхъ журналахъ, но очень часто блисталъ отсутствіемъ злободневности, злости, страсти къ обличенію. Сохранялась та посредственная середина, которая меньше всего прощалась именно въ разсматриваемую нами эпоху. Пародіи Алмазова, лишенныя сатирическаго элемента, не дали журналу успѣха, не помогло этому и привлеченіе въ 1863 г. А. Н. Плещеева. Провинціальный отдѣлъ былъ такъ „умѣренно-благодѣтеленъ“, что совершенно не распространялъ изданіе въ провинціи. Въ 1864 г. *Развлеченіе* уже замѣтно ударилось въ свое нынѣшнее амплуа: преобладалъ кутила или деспотъ-купецъ; бывшее маленькое остроуміе уступило мѣсто уличному балагану, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ выходъ на улицу, повидимому, не особенно улыбался журналу, какъ будто тщившемуся оставаться въ ряду сатирическихъ органовъ.

Просмотрѣвъ съ полнымъ вниманіемъ первые шесть лѣтъ *Развлеченія*, я не нашелъ каррикатуръ, которыя были бы остроумнѣе этихъ двухъ:

Мечты о будущемъ.

II.

Послѣднiй взяточникъ, какъ рѣдкiй субъектъ, будетъ посаженъ въ банку, а рисунокъ съ него помѣщается въ столбцахъ „Развлеченiя", чтобъ память объ немъ сохранилась въ отдаленномъ потомствѣ. (1859 г. № 6).

III.

„— Вотъ ваши часы, милостивый государь, которые были увасъ украдены, а за безпокойство полицiя выдастъ вамъ вознагражденiе". (1859 г., № 10).

Тиражъ *Развлеченія*, по словамъ самой редакціи, въ 1862 г. равнялся 2.900 экз., изъ которыхъ 900 шли въ провинцію [1]). Можно съ увѣренностью сказать, что цифра эта была болѣе или менѣе близка къ истинной, потому что въ Москвѣ, кромѣ *Развлеченія*, до самаго конца 1860-хъ годовъ не было ни одного не только сатирическаго, но и юмористическаго изданія; этому же способствовала и низкая цѣна.

Цензурное вѣдомство такъ характеризовало этотъ журналъ:

„Это московское еженедѣльное изданіе съ каррикатурами, по своей дешевизнѣ, внѣшнему неизяществу и простонародному языку предназначено, повидимому, для читателей изъ низшихъ классовъ. Оно, какъ слышно, расходится въ большомъ количествѣ даже по деревнямъ, гдѣ томы *Развлеченія* за прошедшіе годы разносятся странствующими торговцами и продаются нерѣдко по 1 руб. за годовой экземпляръ. Нѣсколько разъ было предписываемо мѣстной цензурѣ, чтобы *Развлеченіе* было цензируемо съ особою осмотрительностью. При своей простоватости и грубости, эта газета заключаетъ несравненно болѣе юмора и мѣткой остроты, чѣмъ другія. Хотя въ направленіи *Развлеченія* не проглядываетъ ничего злонамѣреннаго, антирелигіознаго или противу-правительственнаго, но оно грѣшитъ часто поползновеніемъ къ цинизму и пасквильности. Справедливость заставляетъ, впрочемъ, сказать, что ея обличительныя статьи, имѣющія наиболѣе предметомъ московскую полицію, таможню городскую думу, продѣлки и плутни купцовъ и фабрикантовъ, наконецъ, безобразное поведеніе молодежи изъ того же сословія, носятъ на себѣ почти всегда признаки достовѣрности. Не излишне также замѣтить, что въ теченіе 1864 г. помѣщены были въ *Развлеченіи* двѣ довольно обширныя повѣсти: «Бракъ по расчету» и «Пустоцвѣтъ». Оба произведенія написаны занимательно и, *что въ текущей беллетристикѣ рѣдкость— нравственны и благонамѣренны*“ [2]).

Развлеченіе существуетъ и по сіе время.

„Каррикатурный Листокъ“. „Зритель“.

Въ 1860 г. вновь открытый журналъ „Свѣточъ“ выпускаетъ ежемѣсячно 8—10 каррикатуръ въ особой обложкѣ; это приложеніе называлось *Каррикатурный Листокъ*. Редактировалъ его Калиновскій; цѣна *Листка* въ Петербургѣ была 2 р., въ провинціи — 4 р. Мнѣ не удалось подобрать нигдѣ полнаго годового экземпляра *Листка*, но изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи двухъ нумеровъ характеръ его болѣе или менѣе ясенъ: это полная безсодержательность, безцвѣтность и ни тѣни таланта въ рисункѣ, если не считать очень небольшого числа каррикатуръ А. Волкова. Ни программы, ни направленія не замѣтно. Публика встрѣтила *Листокъ* очень индифферентно, и на слѣдующій годъ онъ уже не издавался.

1861 годъ не далъ ни одного изданія, зато въ слѣдующемъ выходятъ *Гудокъ* и *Зритель*.

---

[1]) „Книжный Вѣстникъ“, 1862 г., № 20.

[2]) „Собраніе матеріаловъ etc.“, 291—292.

Сначала о второмъ. „Журналъ общественной жизни, литературы и спорта“, *Зритель*, выходилъ въ Москвѣ съ 16 декабря 1861 года. Размѣръ его былъ въ четвертую долю листа, объемъ—около двухъ листовъ; цѣна 6 руб., съ модными картинками — 8. Редактировалъ и издавалъ *Зритель* нѣкій С. П. Калошинъ, о которомъ Н. В. Бергъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ“:

„Сергѣй Калошинъ, повихнувшійся отъ разныхъ обстоятельствъ, гусаръ въ отставкѣ, сынъ декабриста, могшій и даже весьма могшій служить литературѣ, но его голова была устроена такъ, что въ ней родились планы не повѣстей, не критики, не комедій, а только скандалы и выпивки, препровожденіе времени на квартирѣ брата, въ домѣ родителей, на Смоленскомъ рынкѣ, въ одной рубахѣ, по цѣлымъ недѣлямъ въ обществѣ такихъ же забулдыгъ, какъ онъ самъ. Надо удивляться, какимъ образомъ «Москвитянинъ» могъ еще добыть отъ этого безпутнѣйшаго малаго какія-нибудь работы. Ихъ было немного, но все-таки было, и самъ безпутнѣйшій малый одно время состоялъ членомъ молодой редакціи «Москвитянина». Потомъ онъ опредѣлился, чрезъ своего отдаленнаго родственника, Н. В. Сушкова (дядю графини Растопчиной), въ сибирскіе казаки, подъ начальство графа Муравьева-Амурскаго, но скоро принужденъ былъ оттуда бѣжать. Опять скитался по Москвѣ уже одинокій, устраивалъ скандалы и издавалъ сухощавый журнальчикъ *Зритель*“ [1]).

Несмотря на сотрудничество Б. Н. Алмазова, А. И. Левитова, А. В. Дружинина („Ив. Чернокнижниковъ“), И. Д. Бѣляева, П. И. Вейнберга, В. П. Буренина, Л. Мея, гр. В. А. Соллогуба—правда, очень неровное и не особенно интенсивное—*Зритель* былъ журналомъ совершенно безсодержательнымъ, какъ сатирическое изданіе, съ массою перепечатокъ, безъ опредѣленнаго плана. Каррикатуры его крайне безцвѣтны и гораздо хуже всѣхъ другихъ, неимѣвшихъ успѣха журналовъ. На 36-мъ номерѣ 1863 г. *Зритель* прекратился за недостаткомъ подписчиковъ. Минаевъ далъ прекрасное его опредѣленіе:

„[illegible]
[illegible]
Услужливъ, гибокъ онъ, какъ самъ
Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій“.

„Гудокъ“.

Въ сентябрѣ 1861 года, издатель газеты „Русскій Міръ“, Ѳ. Стелловскій, купилъ у Блока его погибшій „Гудокъ“, съ обязательствомъ удовлетворить прежнихъ подписчиковъ. Въ концѣ года было объявлено о возобновленіи *Гудка*, совершенно уже реорганизованнаго.

Въ предподписочной рекламѣ *Гудокъ* опредѣлялъ характеръ своего изданія въ слѣдующихъ словахъ:

---

[1]) „Рус. Старина“, 1891 г., II, 241.

„Отрицаніе во имя честной идеи, сатира и юморъ во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, преслѣдованіе грубаго и узкаго обскурантизма, произвола и неправды въ нашей русской жизни—вотъ тѣ начала, которыми будетъ руководствоваться редакція *Гудка*. Твердое убѣжденіе, оправданное не разъ опытомъ, привело насъ къ смѣлой увѣренности, что полное отрицаніе и осмѣяніе всего пошлаго и темнаго въ нашей общественной жизни приноситъ обществу несомнѣнную пользу. Мы вѣримъ въ смѣхъ и въ сатиру не во имя „искусства для искусства", но во имя жизни и нашего общаго развитія; однимъ словомъ, мы вѣримъ въ смѣхъ, какъ въ гражданскую силу... Помогая общему дѣлу литературы, мы принимаемся за него съ полнымъ уваженіемъ и любовью; все, что будетъ намъ по силамъ, мы постараемся сдѣлать".

Редакторомъ *Гудка* былъ объявленъ съ самаго начала „Обличительный поэтъ" (Минаевъ), которому принадлежитъ, конечно, и это хорошее объявленіе. Минаевъ на опытѣ *Искры* видѣлъ, что нужно Россіи, на опытѣ прежняго *Гудка*, *Арлекина* и *Весельчака*—что ей не нужно. Новый *Гудокъ* издавался при „Русскомъ Мірѣ", редакторомъ котораго былъ Гіероглифовъ. При Минаевѣ онъ не имѣлъ права вмѣшательства, если бы оно отвергалось. При газетѣ *Гудокъ* прилагался безплатно, отдѣльно стоилъ 5 руб. съ доставкой и пересылкой. Размѣръ, какъ у *Искры*, объемъ—вдвое меньшій.

5 января 1862 года, въ пятницу—день выхода и *Искры*—вышелъ первый нумеръ *Гудка*—„сатирическаго листка съ каррикатурами".

Глазамъ публики представилось нѣчто смѣлое и совершенно неожиданное... На виньеткѣ былъ портретъ Герцена! Да еще какой!—со знаменемъ въ рукахъ стоялъ Искандеръ среди крестьянъ и объяснялъ имъ, что значила надпись на полотнищѣ: „уничтоженіе крѣпостного права". Внимательно слушаютъ его бывшіе рабы, мальчишки играютъ на свирѣлькахъ, читаютъ *Гудокъ*. На всѣхъ лицахъ радость, всѣ встрѣчаютъ зарю новой жизни. Встрѣчаютъ ее и на лѣвой сторонѣ картины, но иначе... Помѣщики бѣгутъ отъ сосѣдства съ „лондонскимъ злодѣемъ", а одинъ изъ нихъ, въ злобѣ потрясаетъ трехвостной плетью, не смѣя уже испробовать ее на спинахъ своихъ бывшихъ Филекъ и Прошекъ... Чиновничество въ ужасѣ смотритъ на пришлеца, а одинъ изъ нихъ пускаетъ мыльные пузыри...

Рисунокъ принадлежалъ карандашу А. Богданова и сразу пріобрѣлъ *Гудку* большой успѣхъ. Выступить съ портретомъ Герцена, имя котораго до 18 апрѣля 1862 г. четырнадцать лѣтъ не произносилось въ русской печати — нужна была смѣлость [1]) (см. стр. 150)...

Съ пятаго нумера виньетка исчезаетъ навсегда... Минаевъ работаетъ сразу подъ семью псевдонимами („Гудошникъ", „Донъ-Кихотъ Петербургскій", „Обличительный поэтъ", „Д. Свіяжскій", „Ж. Симбирскій", „Темный Человѣкъ", „Т. Ч.") и подъ фамиліей. Затѣмъ въ теченіе короткаго времени присоединяются: П. И. Вейнбергъ („Донъ-Алонзо"), А. Козловъ („К. Зловъ"), Д. Ломачевскій, Вс. Крестовскій, Г. Дестунисъ, М. Стопановскій, Н. С. Курочкинъ; тутъ-же получаетъ литературное крещеніе С. Н. Терпигоревъ („Ванька Хрѣновъ", „Сергѣй Заноза"). Неизвѣстно почему, но, начиная съ 14-го нумера, Минаевъ перестаетъ редактировать *Гудокъ*, хотя сотрудничества въ немъ не прекращаетъ.

---

[1]) О началѣ „обличеній" Герцена въ русской журналистикѣ см. особую главу въ моей книгѣ: „Эпоха цензурныхъ реформъ".

ГУДОКЪ
1862

Провинція получаетъ въ *Гудкѣ* значительное мѣсто не только въ отдѣлѣ „Изъ провинціи", который, по „независящимъ" отъ редакціи обстоятельствамъ, очень часто продолжительно отсутствовалъ, но и въ массѣ отдѣльныхъ замѣтокъ, всегда остроумно и живо написанныхъ. Приглашеніе писать каррикатуры талантливаго художника Іевлева было очень кстати. Каррикатурная часть стояла очень хорошо, хотя не такъ, какъ въ *Искрѣ*—весь *Гудокъ* ниже ея,—былъ замѣтенъ недостатокъ силъ. Кромѣ того, въ *Гудкѣ* не чувствовалось редакторокой руки: Минаевъ не обладалъ этимъ талантомъ, замѣнившій его Гіероглифовъ—и еще того менѣе, не говоря уже о томъ, что онъ не отличался прочно выработанными общественными идеалами и взглядами, не обладалъ способностью быстро схватывать общественное настроеніе.

Постановка дѣла была, такъ сказать, кустарная. Вотъ что разсказываетъ о ней Терпигоревъ:

„Четвергъ—это былъ замѣчательный день, или, собственно, вечеръ. Въ четвергъ приходили тогда непремѣнно Минаевъ, художникъ Іевлевъ и еще кто-нибудь. И вотъ, втроемъ, вчетверомъ составляли весь номеръ „Гудка". Подавалась закуска, самая простая, водка и двѣ или три бутылки портеру. Закуску ѣли, водку и портеръ пили, а въ это время Іевлевъ рисовалъ каррикатуры на сообща придуманныя темы, Минаевъ на тоже сообща придуманныя темы высыпалъ нѣсколько десятковъ строкъ стиховъ. Половину, по крайней мѣрѣ, того и другого цензура не пропускала, но довольно было и того, что оставалось, и листокъ положительно блестѣлъ остроуміемъ и беллетристикой. Эта дребедень, что издавалась послѣ, что издается и теперь, и въ подметки, конечно, не годится тогдашнему „Гудку"...

...„Гіероглифовъ почти всякаго, приходившаго къ нему въ редакцію со статьей какой-нибудь, спрашивалъ:

„— Вы какой губерніи?

„— Смоленской (напримѣръ).

„— Ну, что у васъ тамъ дѣлается?

„— То-есть, какъ что?

„— Ну, какіе, напримѣръ, скандалы, мошенничества тамъ были за это послѣднее время?

„Пришедшій смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, а онъ продолжалъ:

„— Вамъ вѣдь это ни на что не нужно, для васъ это хламъ, а мнѣ годится...

„И то и дѣло случалось, что какой-нибудь солидный господинъ, принесшій чрезвычайно умную и необыкновенно скучную статью для „Русскаго Міра", которую черезъ недѣлю Гіероглифовъ обязательно ему возвращалъ, разсказывалъ тоже какіе-нибудь очень „веселенькіе" скандальчики, „маленькій" анекдотикъ; Гіероглифовъ ихъ печаталъ въ „Гудкѣ"; и въ результатѣ пять-десять подписчиковъ изъ Смоленска прибавлялось.

„Мнѣ онъ говорилъ:

„— Вотъ вы изъ Тамбова, къ вамъ оттуда пишутъ, земляки ваши сюда пріѣзжаютъ, ну, что вамъ стоитъ разспросить ихъ, навѣрно, вѣдь что-нибудь и пригодится для „Гудка". Посмотрите, вонъ Минаевъ изъ Симбирска, такъ вѣдь онъ въ какомъ трепетѣ-то всю губернію держитъ. И онъ показывалъ мнѣ массу писемъ, полученныхъ изъ Симбирска, съ подтвержденіями, опроверженіями разсказаннаго или нарисованнаго въ „Гудкѣ". Такъ вотъ и вы бы могли сдѣлать съ вашей Тамбовской губерніей.

„Мысль была заманчивая, и я помаленьку, полегоньку началъ.

— Хорошо, хорошо,—повторялъ одобрительно Гіероглифовъ" [1]).

---

[1]) *С. Терпигоревъ*, „Воспоминанія", „Истор. Вѣстникъ", 1896 г., IV, 51—52.

И, дѣйствительно, *Гудокъ* перомъ Терпигорева нагналъ большого страху на тамбовскаго губернатора Данзаса, который неоднократно фигурировалъ подъ „Дурандасомъ"...

Въ общемъ нужно сказать, что онъ вполнѣ заслуженно можетъ стоять рядомъ съ *Искрой*, какъ прекрасное ея филіальное отдѣленіе. За одинъ годъ своего существованія *Гудокъ* далъ несравненно больше, чѣмъ его соименникъ, *Развлеченіе*, *Арлекинъ* и другіе журналы вмѣстѣ за все время своего изданія. Это былъ безусловно полезный и интересный голосъ въ семьѣ той прогрессивной печати, которой принадлежитъ великая заслуга расчистки первобытныхъ лѣсовъ сорокалѣтней реакціонной эпохи, созданія новыхъ условій русской жизни. Поэтому надо искренно сожалѣть о безвременной кончинѣ *Гудка*, происшедшей на почвѣ матеріальныхъ недоразумѣній редактора съ издателемъ, о чемъ, впрочемъ, ниже.

Теперь о самомъ его содержаніи.

Когда *Гудокъ* появился на свѣтъ, освобожденіе крестьянъ стало уже совершившимися фактомъ. Оставалось лишь слѣдить за его послѣдствіями. И *Гудокъ* нѣтъ-нѣтъ, а ввертывалъ свое жало въ крѣпостниковъ, конечно, такъ только, мимоходомъ. Напримѣръ, въ „Завѣщаніи" богача находимъ такія строки:

„Любезныя дѣти мои, Николай и Василій! оставляю я васъ, какъ вамъ небезызвѣстно, въ весьма счастливомъ положеніи: у васъ нѣтъ крѣпостного состоянія, и потому вы не были и не будете призваны къ той великой жертвѣ, которую съ такимъ увлеченіемъ русское дворянство принесло на алтарь великихъ филантропическихъ идей"... [1]).

То кольнетъ мирового посредника, по-французски изъясняющагося съ крестьянами, то—помѣщика, предпочитающаго „рукопашную" систему паровымъ плугамъ, то еще кого-нибудь...

Цензура и здѣсь отмѣчалась остроумно, хотя гораздо рѣже, чѣмъ въ *Искрѣ*.

Въ „café" посѣтителю подали „Таймсъ" съ совершенно черной первой страницей.

„— Эти иностранныя газеты, нѣтъ-нѣтъ, да непремѣнно кого-нибудь очернятъ, въ нихъ все выходитъ въ черномъ цвѣтѣ" [2]).

У дверей цензурнаго комитета происходитъ разговоръ съ сотрудникамъ *Гудка*.

„— Я читалъ вашу статью, г. Донъ-Кихотъ, сквозь самыя сильныя очки, и, все-таки, не могу ее одобрить.

— Вамъ бы, mon général, слѣдовало читать статьи *Гудка* сквозь пальцы" [3]).

Тяжелое положеніе *Искры* иллюстрировано Іевлевымъ очень остроумно:

---

[1]) 1862 г., № 2.
[2]) 1862 г., № 10.
[3]) 1862 г., № 45.

— Куда ты залѣзъ?
— Развѣ ты не видишь?
(№ 17).

Степановъ здѣсь очень похожъ. Какъ извѣстно, въ началѣ 1862 г. министръ народнаго просвѣщенія, Головнинъ, запросилъ редакціи нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ о ихъ взглядахъ на недостатки организаціи современной цензуры. *Гудокъ*, не получивъ такого запроса, отвѣтилъ печатно:

„Предупредительная цензура—это намордникъ, сквозь который можно лаять, нюхать, лизать, но укусить—никакимъ образомъ; развѣ только можно настращать; подобіе же карательной цензуры всякій русскій человѣкъ можетъ видѣть на медвѣдяхъ, которыхъ водятъ ярославскіе мужики для увеселенія публики. Кольцо, продѣтое въ ноздрю и подпиленные зубы—вотъ эмблемы каранія. Физически можно укусить хоть и подпиленными зубами, но, какъ медвѣдь по опыту знаетъ, что за всякую дерзость бываетъ очень больно его ноздрѣ, то всякая попытка и ограничивается лишь желаніемъ. Которая цензура лучше, предоставляемъ дѣлать выводъ самому читателю, что же до насъ, то по нашему мнѣнію—*обѣ лучше*" [1]).

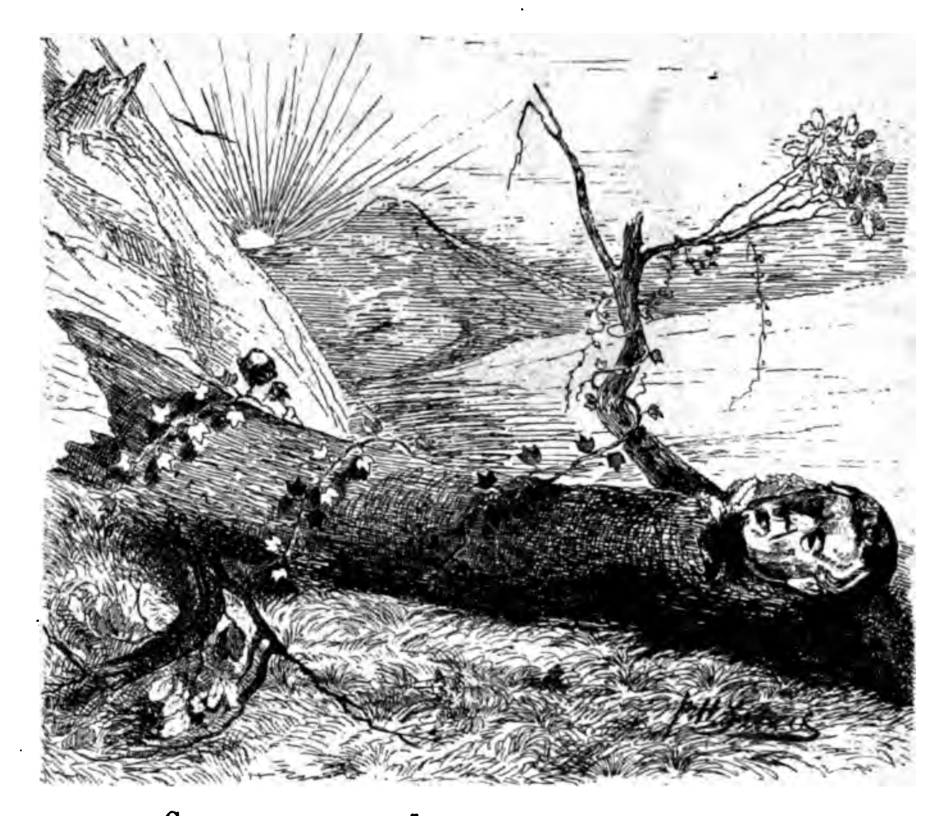
Когда вліяніе мрачнаго консерватора крѣпостничества гр. Панина, не столько замѣтнаго, какъ министра юстиціи, сколько—какъ оплотъ высшей лиги обскурантовъ, стало падать—*Гудокъ* вышелъ съ каррикатурой-портретомъ: (см. стр. 154).

Наиболѣе остроумнымъ по отношенію къ суду и чиновничеству нужно признать лишь одно стихотвореніе:

Я сословіе дворянское
Всей душою уважалъ,
Пилъ съ дворянами шампанское
И въ собраньи танцовалъ.
Дѣла я хоть и не дѣлывалъ,
Любилъ праздность погромить...
Секретарь дѣла обдѣлывалъ—
Разрѣшалъ: *бить иль не бить?*

Засѣдатель Уголовной Палаты.

[1]) 1862 г., № 16.

Скатившись съ горной высоты,
Лежитъ здѣсь дубъ перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ кругомъ его обвитый...
О, служба, это ты! (№ 43).

Въ этой области *Гудокъ* страшно бѣденъ и отчасти, конечно, по своей винѣ. Въ провинціальныхъ замѣткахъ попадались иногда очень рѣзкіе отзывы о чиновникахъ всякаго ранга, но именно въ виду своей частности, эти голоса не давали всѣмъ читателямъ общаго впечатлѣнія. Выше я уже упомянулъ объ обличительныхъ опытахъ Терпигорева. На этой почвѣ *Гудокъ* не мало насмѣшилъ, тамбовскую въ особенности, публику. Замѣтки Терпигорева были подписаны полной фамиліей, а у него былъ дядюшка—козловскій предводитель. Очевидно, злая молва связала разоблаченія губернатора съ предводителемъ, и послѣднему необходимо было оправдаться. И вотъ онъ посылаетъ въ *Гудокъ* грозное посланіе... Впрочемъ, приведу полностью статью: „Офиціальная корреспонденція Гудка".

„Въ редакціи „Гудка" *слушали*: отношеніе г. козловскаго уѣзднаго предводителя дворянства, отъ 16 минувшаго марта, за № 82, слѣдующаго содержанія:

„Въ 9-мъ № издаваемаго оною редакціею въ семъ году журнала „Гудокъ", напечатана статья, подписанная моими именемъ и фамиліей, но написанная не мною, а поэтому имѣю честь просить оную редакцію почтить меня увѣдомленіемъ, откуда оною редакціею была получена вышеозначенная статья и извѣстно ли оной, изъ какого званія происходитъ сочинитель ея, какъ его настоящее имя, фамилія и какой онъ губерніи и уѣзда. При чемъ также прошу выслать мнѣ оттискъ съ руки, подписавшаго подлинную статью".

Подписано: Предводитель дворянства Терпигоревъ.

„А по справкѣ оказалось: 1) Авторъ оной статьи, помѣщенной въ № 9 *Гудка* подъ заглавіемъ „Цнинскій воевода Дурандасъ“ Сергѣй Николаевъ сынъ, Терпигоревъ имѣетъ жительство въ С.-Петербургѣ, въ Малой Морской, въ домѣ Татищева, а какого онъ роду и племени и на какомъ основаніи на его собственное имя и фамилію предъявляетъ споръ козловскій предводитель дворянства,—редакціи неизвѣстно; равно какъ въ редакціи не имѣется и оттиска съ руки онаго Сергѣя Николаева сына, Терпигорева, а имѣются только его рукописи, такъ какъ онъ состоитъ при редакціи *Гудка* на должности чиновника особыхъ порученій и производитъ ревизію всѣмъ губернскимъ и областнымъ вѣдомостямъ, рапортуя редакціи о всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ скандалахъ, и 2) Ни въ какомъ томѣ Свода Законовъ и ни въ какихъ сепаратныхъ инструкціяхъ и предписаніяхъ не значится такого постановленія, которое предоставляло бы господамъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства право требовать отъ редакцій выше прописанныхъ свѣдѣній; а потому *приказали:* Увѣдомивъ обо всемъ вышеизложенномъ г. козловскаго уѣзднаго предводителя дворянства, на означенное его отношеніе, настоящее дѣло тѣмъ почислить рѣшеннымъ [1]).

Разумѣется, нумеръ этотъ имѣлъ громадный успѣхъ.

Изъ нравовъ полиціи очень недурны іевлевскія каррикатуры: „Видимые признаки привязанности къ начальству“ и „Кактусы“.

Видимые признаки привязанности къ начальству.

(№ 8).

---

[1]) 1862 г., № 14.

Выставка петербургской флоры.

Кактусы.

(№ 13).

Въ области народнаго просвѣщенія и школы вообще *Гудокъ* также не отличался разнообразіемъ содержанія. Можно отмѣтить только діалогъ между инспекторомъ и маленькимъ худенькимъ мальчуганомъ:

„— Мальчишки! Вы это что вздумали, бунтовать?

— Помилуйте, Иванъ Иванычъ, намъ ѣсть ничего не даютъ; мы съ голоду умремъ...

— Молчать! всѣхъ перепорю! Вы здѣсь живете не для того, чтобы ѣсть, а для того, чтобы учиться!" [1]).

Приведу еще нѣсколько удачныхъ мѣстъ изъ массы раскиданныхъ по *Гудку* отдѣльныхъ уколовъ тому или другому лицу, остроумныхъ замѣчаній и комментаріевъ по поводу какого-нибудь факта и т. д. Въ этомъ отношеніи *Гудокъ* вполнѣ въ данное время невоспроизводимъ...

„— М-г. Фу-фу-Фай, скажите мнѣ что-нибудь по-китайски.

— Чин-чин-а-по-чи-тай" [2]).

„— Не знаете ли вы, о какой литерѣ будутъ теперь разсуждать въ орфографическомъ обществѣ?

---

[1]) 1862 г., № 45.

[2]) 1862 г., № 15.

— Говорятъ о литерѣ *Ц;* она тоже совершенно лишняя, только и нужна для одного слова: „цыцъ!" а безъ него можно обойтись" [1]).

„Самая популярная игра въ Россіи—палки" [2]).

„— Какъ мы назовемъ нашего новорожденнаго сына? Я желала бы Пилладомъ.

— Назовемъ лучше Арестомъ: нынче Аресты въ модѣ" [3]).

„— Я всегда стоялъ за идею и буду стоять.

— Стоять-то немудрено, а ты вотъ посиди" [4]).

Діалогъ около Царя-колокола въ Москвѣ:

„— Колоколъ-то здѣсь, а я читалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", будто онъ въ Лондонѣ.

— Э-э, батюшка, охота вамъ вѣрить этимъ журналамъ: вѣчно врутъ" [5]).

Литература занимала въ *Гудкѣ* далеко не послѣднее мѣсто и бралась, разумѣется, съ тѣми же цѣлями, что и въ *Искрѣ*.

Особенно нападалъ *Гудокъ* на „Сѣверную Пчелу" П. С. Усова, видя въ ней суррогатъ политической газеты. Можно сказать, что ни одинъ неловкій шагъ редактора не былъ пропущенъ. Напримѣръ, въ „Сѣверной Пчелѣ" появилась аѳинская „собственная корреспонденція", цѣликомъ заимствованная изъ иностранныхъ газетъ. *Гудокъ* уже гудитъ:

„Бога ради, Павелъ Степановичъ, имя и адресъ вашего собственнаго аѳинскаго корреспондента! Адресуйте вашъ отвѣтъ прямо: „Г. Донъ-Кихоту С.-Петербургскому, въ редакцію *Гудка*", — мой адресъ извѣстенъ почтамту... Позвольте кстати поблагодарить васъ за вашу „собственную" остроумную выдумку—выставлять заграничныя ваши корреспонденціи на показъ въ вашей собственной конторѣ; воображаю смущеніе клеветниковъ, которые, конечно, будутъ толпами стекаться для созерцанія этихъ вашихъ собственныхъ документовъ...

Подлѣ рѣчки, подлѣ Мойки,
Гдѣ Почтамтскій пѣшій мостъ,
Будетъ долго собираться
Петербуржцевъ длинный *хвостъ*.
Подлѣ рѣчки, подлѣ Мойки,
Будетъ публика ходить
И въ конторѣ, въ домѣ Греча,
Приговоръ произносить.
Подлѣ рѣчки, подлѣ Мойки,
Будетъ пѣться пѣснь хвалы
Что „своихъ корреспондентовъ"
Очень много у „Пчелы"! [6]).

---

1) Ibidem.
2) 1862 г., № 1.
3) 1862 г., № 30.
4) 1862 г., № 32.
5) 1863 г., № 1.
6) 1862 г., № 46.

Воспроизвожу всю редакцію „Сѣверной Пчелы“ по остроумной каррикатурѣ Іевлева.

Волонтеры, сформированные редакціей „Сѣверной Пчелы“.

Пожарный. А — а! вы... (слѣдуетъ трехэтажное крѣпкое слово) вотъ подождите, попадетесь ко мнѣ подъ команду — поставлю тамъ, гдѣ чорту жарко.

„Волонтеры. (Продолжаютъ ѣхать молча, исполняя свое призваніе). (№ 22).

За кучера самъ Усовъ, верхомъ на ослѣ: впереди—Лѣсковъ, сзади—Артуръ Венни, которому и принадлежитъ высмѣянный здѣсь проектъ образованія особыхъ дружинъ волонтеровъ-пожарныхъ изъ учащейся молодежи, изложенный имъ въ „Пчелѣ" въ разгаръ майскихъ пожаровъ 1862 года. Кромѣ нихъ, здѣсь же: П. И. Мельниковъ (кажется, съ ножницами), П. И. Небольсинъ, Н. И. Перозіо, С. Н. Палаузовъ, І. Н. Шиль и К. Н. Веселовскій. Когда „Пчелка" расписалась въ принятіи этой каррикатуры, но удивилась присутствію на ней „лишнихъ дѣйствующихъ лицъ", *Гудокъ* разъяснилъ ея недоумѣніе, и разъясненіе это имѣетъ извѣстное значеніе для исторіи журналистики.

„Авторъ каррикатуры уполномочилъ насъ растолковать редакціи „Сѣверной Пчелы", что, рисуя трехъ ословъ, онъ не имѣлъ въ виду ничьихъ личностей, а желалъ лишь только олицетворить въ нихъ: *убѣжденіе*, *направленіе* и *стремленіе* той благородной коалиціи, которая засѣдаетъ въ экипажѣ, везомомъ *послушными* животными. Что же касается до четвертаго ослика, осѣдланнаго арлекиномъ, то этотъ осликъ знаменитъ тѣмъ въ особенности, что на немъ ѣздятъ постоянно и на гору Парнасъ и въ раскольничьи скиты, и даже на крутыя возвышенности влі-тельныхъ лѣстницъ, за высокими чинами" [1]).

Черезъ нѣсколько дней въ „Сѣверной Пчелѣ", доведенной положительно до отчаянія, появляется небывалое объявленіе:

Нашимъ противникамъ.

„По поводу постоянныхъ и почти ежедневно повторяющихся нападокъ многихъ петербургскихъ газетъ на „Сѣверную Пчелу", мы рѣшились, въ интересѣ нашихъ читателей, для которыхъ подобная, чисто личная (?) полемика не можетъ быть занимательною, впредь отвѣчать, когда сочтемъ нужнымъ, на всѣ нападки такого рода, уже не на первыхъ страницахъ нашей газеты, а послѣ *объявленій*, помѣщаемыхъ на четвертой страницѣ" [2]).

Читатели видѣли, какъ *Искра* обрисовала Аскоченскаго. *Гудку* принадлежитъ дополненіе характеристики. Вотъ редакторъ „Домашней Бесѣды" (см. стр. 160).

Написанное на полу число 666 остроумно выведено *Гудкомъ* же изъ фамиліи мрачнаго изувѣра съ помощью славянскихъ цифръ:

А —	1
Є —	200
К —	20
О —	70
Ч —	90
Е —	5
Н —	50
С —	200
К —	20
І —	10
Итого . . .	666 [3]).

[1]) 1862 г., № 24.
[2]) „Сѣв. Пчела" 1862 г., № 168.
[3]) 1862 г., № 37.

В. И. Аскоченскій вызываетъ духовъ для усмиренія нигилистовъ, но Вельзевулъ насылаетъ на русскую землю цѣлую тучу ежедневныхъ газетъ. (№ 40).

Старчевскій набросанъ двумя штрихами:

„— Что, Донъ-Кихотъ, все въ *Гудкѣ*—гудишь?
— А ты все куришь?!“ [1]).

Старчевскій спрашиваетъ сторожа цензурнаго комитета: „Гдѣ тутъ задній ходъ?

„— Зачѣмъ вамъ задній, пожалуйте съ передняго.
— Я жаловаться иду“ [2]).

[1]) 1862 г., № 40.
[2]) 1862 г., № 46.

Довольно неосновательно *Гудокъ* занялся „Основой", гдѣ евреевъ называли часто „жидами". Тогда на „Основу" поднялись нѣкоторые прогрессивные органы, *Гудокъ* посвятилъ ей тоже большую статью, заканчивавшуюся такими куплетами:

Въ журнальныя сѣчи
Бросаться по зову готова,
Хохлацкія рѣчи
Порой забывая, Основа;

Но каждый находитъ
Въ ней южнаго края примѣты:
Она не походитъ
На русскія наши газеты.

Являясь на Невскій,
Въ ней та же и рѣчь и походка,
Какъ самъ Данилевскій,
Она по душѣ патріотка.

Какъ ночи Украйны
И юга далекаго краски
Исполнены тайны
Въ ней Кулиша пѣсни и сказки.

Стремленья всѣ наши
Ея не возбудятъ вопросовъ:
Ей въ мірѣ нѣтъ краше
Нарѣчья однихъ малороссовъ.

Нарушить не смѣя
Печальной отчизны примѣра,
Встрѣчая еврея,
Въ немъ видитъ она лицемѣра.

Какъ жители Дона,
„Жидами" ихъ всѣхъ называетъ
И голосъ „Сіона" [1]).
И слухъ ей и счастье смущаетъ [2]).

Извѣстно, что потомъ редакція „Основы" объяснила своимъ противникамъ, что слово „жидъ" именно на малорусскомъ языкѣ совершенно не имѣетъ оскорбительнаго характера, потому что иного малорусскаго слова и нѣтъ для обозначенія понятія еврей.

Катковъ не фигурировалъ въ *Гудкѣ* такъ, какъ въ *Искрѣ*, о немъ лишь изрѣдка встрѣтится пара-другая строчекъ, да это и понятно: 1862 г. не давалъ еще всей изобильной пищи катковскаго приготовленія. Вотъ наиболѣе рѣзкая его оцѣнка:

Когда-бъ не смутное влеченье
И жажда тайная тревогъ,
Я-бъ жилъ въ Москвѣ, на „Развлеченье"
Смѣнивъ и „Искру" и „Свистокъ".

[1]) Одесскій органъ русскихъ евреевъ.
[2]) 1862 г., № 3.

И какъ Корейши старый крестникъ,
Прогрессъ и совѣсть отвергалъ,
И все бы слушалъ „Русскій „Вѣстникъ",
Все бъ „Наше Время" изучалъ [1]).

Наконецъ приведу пародію на поэзію Фета:

Я пришла къ тебѣ съ разсвѣтомъ
Разсказать, что я устала,
Что всю ночь за тѣмъ поэтомъ,
Что ты далъ мнѣ, продремала.
Онъ поетъ, какъ лѣсъ проснулся,
Каждой травкой, вѣткой, птицей,
Но надъ этою страницей
Уже сонъ меня коснулся.
Утромъ только я узнала,
Что отъ жажды лѣсъ ужъ плачетъ.
И къ тебѣ я прибѣжала,
Чтобъ узнать, что это значитъ? [2]).

Надо-ли говорить, что цензура наблюдала за нимъ въ достаточной мѣрѣ внимательно? Чего стоила одна первая заглавная виньетка... Въ пятомъ нумерѣ помѣстили каррикатуру на Луи-Наполеона и Виктора-Эммануила, изображенныхъ за кулисами театра и спѣшно повторявшихъ свои роли. Черезъ недѣлю министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ цензурнымъ комитетомъ, что „Государь Императоръ, замѣтя въ № 5 сатирическаго журнала *Гудокъ* неприличное изображеніе императора французовъ и короля Сардинскаго, высочайше повелѣть соизволилъ: сообщить, для зависящаго исполненія, непремѣнную волю его величества, чтобы каррикатурныя изображенія царствующихъ государей не допускать въ печати" [3]).

Вскорѣ министръ внутреннихъ дѣлъ обращалъ вниманіе министра народнаго просвѣщенія на № 14 *Гудка,* гдѣ подъ рубрикою „Погудки" помѣщенъ былъ разсказъ о пріѣздѣ въ Ветлугу одного ученаго и о томъ, что, вслѣдствіе рекомендаціи губернскаго начальства оказывать пріѣзжему вѣжливость и содѣйствіе въ его нуждахъ, мѣстные уѣздные чиновники рѣшили исполнить такое приказаніе путемъ представленія пріѣзжему въ мундирахъ. Министръ полагалъ, что „такого разсказа вовсе не слѣдовало допускать къ печати по тому уваженію, что онъ не имѣетъ въ виду никакой другой цѣли, кромѣ публичной насмѣшки надъ лицами служащими, съ указаніемъ даже мѣста служенія ихъ, отчего насмѣшка становится еще болѣе оскорбительною для тѣхъ, противъ кого направлена" [4]).

Уже въ 43 нумерѣ „Русскаго Міра" за 1862 г. отъ редакціи было объявлено, что „отношеніе г. Стелловскаго къ „Рус. Міру" и *Гудку* ограничивается съ Февраля сего 1862 г. лишь содержаніемъ конторы, т. е. пріемомъ подписки, разсылкой журнала и поставкой нотъ для подписчиковъ на журналъ

---

[1]) 1862 г., № 5.
[2]) 1862 г., № 3.
[3]) *П. Усовъ.* „Изъ моихъ воспоминаній", „Истор. Вѣстникъ", 1883 г., IV, 79.
[4]) *П. Усовъ* „Цензурная реформа въ 1862 г.", „Вѣстникъ Европы", 1882 г., V, 160—161.

съ музыкальными приложеніями, и что за тѣмъ, во всемъ прочемъ г. Стелловскій не имѣетъ къ журналу никакихъ отношеній" [1]**). Ясно, у редакціи съ издателемъ произошелъ конфликтъ; до поры до времени онъ ни въ чемъ видимо не выражался. Но вотъ, въ концѣ года, между Стелловскимъ и Гіероглифовымъ происходитъ очень любопытная, необыкновенная въ исторіи русской журналистики переписка. Приведу сначала заявленіе редактора Гіероглифова. Вотъ оно:**

„Замѣтивъ растрату денегъ, получаемыхъ отъ подписчиковъ на „Рус. Міръ", редакція сообщила объ этомъ въ слѣдующей публикаціи, напечатанной въ № 278 „С.-Петерб. Вѣд.", № 345 „Сѣв. Пчелы" и № 164 „Соврем. Слова":

„Имѣя фактическія доказательства, что содержатель конторы „Рус. Міра" и *Гудка* и вмѣстѣ съ тѣмъ соучастникъ по изданію, г. Стелловскій произвольно растрачиваетъ деньги, поступающія отъ подписчиковъ, не платя даже за пересылку газеты въ почтамтъ,—редакція для охраненія уже начавшейся подписки на будущій 1863 г., обратилась къ высшей полицейской власти объ освидѣтельствованіи кассы журнала и объ отобраніи отъ г. Стелловскаго поступившихъ донынѣ на 1863 г. денегъ".

„Съ тѣмъ вмѣстѣ редакція обратилась также съ просьбой и въ почтамтъ о пріостановленіи выдачи получаемыхъ отъ иногороднихъ подписчиковъ денегъ съ тѣмъ, чтобы всѣ повѣстки, посылки и письма, адресуемыя въ редакцію и контору „Рус. Міра" и *Гудка* передаваемы были въ другія конторы журнала—въ книжные магазины: Базунова и Печаткина, гдѣ также принимается подписка на означенные журналы, какъ было опубликовано въ разосланныхъ на 1863 г. объявленіяхъ.

„Редакція за тѣмъ покорнѣйше проситъ гг. городскихъ подписчиковъ и гг. книгопродавцевъ, принимающихъ подписку на „Р. М." и *Гудокъ*, обращаться съ своими требованіями на „Р. М."—въ книжный магазинъ Базунова. а отдѣльно на *Гудокъ*—въ книжный магазинъ Печаткина; за эти конторы журнала редакція вполнѣ отвѣчаетъ" [2]).

Дѣло въ томъ, что Стелловскій былъ недоволенъ Гіероглифовымъ, не выполнившимъ одного изъ пунктовъ ихъ договора, въ силу котораго, при недоведеніи къ апрѣлю 1862 года числа подписчиковъ до 3000, онъ долженъ былъ оставить редакцію. До декабря Стелловскій терпѣлъ, а затѣмъ озаботился удаленіемъ нежелавшаго уходить Гіероглифова. Дальнѣйшее пусть изложитъ самъ Стелловскій:

„Г. Гіероглифовъ началъ съ того, что обратился къ высшей полицейской власти и съ г. полковникомъ Лебедевымъ и мѣстною полиціею, явился въ мой музыкальный магазинъ повѣрять мою кассу. Въ ревности своей объ обезпеченіи денегъ моихъ подписчиковъ, онъ совершенно позабылъ, что расходъ и приходъ по изданію журнала: „Русскій Міръ съ сатирическимъ листкомъ Гудокъ", составляютъ весьма незначительную часть моихъ торговыхъ операцій и что только коммерческій судъ, да и то при объявленіи меня несостоятельнымъ могъ бы назначить ревизію, да и то не кассы моей, а только торговыхъ книгъ.

„Одушевляемый по всей вѣроятности тою же хотя и похвальною, но совершенно неумѣстной ревностью, онъ обратился кромѣ высшей полиціи еще къ другому вѣдомству, услыхавши откуда-то, что туда обратился я, не обращавшійся по этому дѣлу даже и къ полиціи, ни къ высшей ни къ низшей, не признававшій и

[1]) Стелловскому принадлежало крупное нотное издательство, которое онъ прицѣплялъ всегда къ своимъ періодическимъ изданіямъ. Подъ „журналомъ" подразумѣется еженедѣльная газета „Русскій Міръ".

[2]) „Рус. Міръ", 1862 г., № 50.

до сихъ поръ упорно не признающій въ этомъ дѣлѣ никакого инаго суда, кромѣ третейскаго, опредѣленнаго нашимъ контрактомъ.

„Обревизованія моей кассы, разумѣется, не воспослѣдовало, да и не могло воспослѣдовать—а между тѣмъ, г. Гіероглифовъ заявилъ С.-Петербургскому Цензурному Комитету, что надо мною производится формальное слѣдствіе.

„*Цензурный Комитетъ не разрѣшилъ мнѣ изданія впредь до рѣшенія спора, хотя до сихъ поръ никакого, тѣмъ болѣе формальнаго слѣдствія не было, да и, повторяю, не могло быть назначено.* Кромѣ того Комитетъ, сначала на запросъ С.-Петербургскаго Почтамта о томъ, кто собственникъ журнала, отвѣчалъ ему, что редакторомъ журнала Русскій Міръ, къ которому впослѣдствіи присоединенъ сатирическій листокъ: „Гудокъ", утвержденъ г. Гіероглифовъ, а право собственности на изданіе передано купцу Стелловскому за 5000 руб. сер., — по полученіи отъ г. Гіероглифова заявленія о мнимомъ производствѣ надо мною формальнаго слѣдствія,—*сообщилъ о томъ Почтамту, вслѣдствіе чего Почтамтъ пріостановилъ всю корреспонденцію, адресуемую не только на Русскій Міръ и Гудокъ, но вообще на мое имя, какъ на имя лица, надъ которымъ производится формальное слѣдствіе, не освѣдомясь офиціально — дѣйствительно-ли какое-либо слѣдствіе надо мною производится.*

„Желая остаться въ предѣлахъ гражданскаго права и вообще сколько можно менѣе замѣшивать власти офиціальныя въ приватныя дѣла и отношенія, я только принималъ мѣры къ огражденію себя и своего кредита,—а равно и къ обезпеченію продолженія изданія и правъ моихъ подписчиковъ.

„По общему ходу нашего до сихъ поръ еще, къ сожалѣнію, бумажнаго дѣлопроизводства, при которомъ то, что можетъ быть сдѣлано въ немногіе часы, тянется многія недѣли, мѣры, мною принимаемыя, не приносили желаемаго успѣха.

„Такъ какъ заявленіе г. Гіероглифова о какой-то растратѣ мною суммъ изданія, составляющаго мою собственность, и о мѣрахъ, принятыхъ будто бы къ ревизованію меня,—посягало на мой коммерческій кредитъ, и въ глазахъ людей, не знакомыхъ съ дѣломъ, могло дѣйствительно возбудить сомнѣніе,—то я обращался первоначально съ частнымъ письмомъ, а потомъ съ прошеніемъ къ С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору, желая знать офиціально, какого рода слѣдствіе могло быть надо мною назначено,—но какъ на письмо, такъ и на прошеніе мое, не имѣлъ еще чести получить отвѣта.

„Равномѣрно, желая чтобы изданіе не останавливалось и подписчики не потерпѣли отъ нашего частнаго спора съ редакторомъ, — я входилъ съ прошеніемъ въ Цензурный Комитетъ о томъ, чтобы мнѣ дозволено было продолженіе изданія, подъ мою личную отвѣтственность, — но Цензурный Комитетъ, какъ заявляетъ г. Гіероглифовъ, просьбы мои, не знаю на какомъ основаніи, оставилъ безъ послѣдствій, и предоставя г. Гіероглифову объявить о томъ, не дозволилъ однакожъ г. Гіероглифову объявленія объ отдѣльной подпискѣ на „Гудокъ", на томъ основаніи, что „Гудокъ" не составляетъ отдѣльнаго журнала, а есть только *приложеніе* къ журналу: „Русскій Міръ", составляющій мою исключительную собственность" [1]).

Трудно сказать, кто въ чемъ былъ неправъ въ этихъ объясненіяхъ, но, несомнѣнно, что не видя другого исхода, Стелловскій рѣшилъ лучше прекратить дѣло, чѣмъ издавать его подъ редакціей Гіероглифова.

Несмотря на это, редакція сначала надѣялась, что все уладится, и первые нумера „Русскаго Міра" и *Гудка* 1863 г. были выпущены [2]). Правда, въ концѣ нумера газеты стояло такое заявленіе: „редакція долгомъ считаетъ объяснить, что на-

[1]) Объясненіе съ публикой и подписчиками издателя-собственника журнала „Русскій Міръ" съ сатирическимъ листкомъ „Гудокъ", приложено при „Голосѣ" въ 1863 г., помѣчено цензурой 8 января 1863 года Курсивъ мой.

[2]) Н. М. Лисовскій ошибочно говоритъ о пріостановкѣ *Гудка* на послѣднемъ, № 48, 1862 г. (см. стр. 39 его работы).

стоящій нумеръ составленъ безъ сотрудниковъ и безъ надежды получить изъ конторы деньги даже за типографію и корректуру"...

Такъ закончился *Гудокъ*, сочувственно, однако, поддержанный публикой: у него было до 4000 подписчиковъ.

„Заноза".

Въ 1863 году появилась *Заноза*. Ее основалъ поэтъ М. П. Розенгеймъ, назвавъ „журналомъ философскимъ, политическимъ, экономическимъ, соціальнымъ, ученымъ, литературнымъ и всякихъ россійскихъ художествъ и безобразій". Выходила *Заноза* еженедѣльно по воскресеньямъ, въ размѣрѣ и объемѣ немного меньшемъ первоначальной *Искры*.

По словамъ своего біографа, Розенгеймъ, предпринимая изданіе сатирическаго журнала—„не желалъ, какъ онъ выражался, являться передъ обществомъ ни паяцемъ, съ единственной цѣлью смѣшить и потѣшать, или обличителемъ станового NN, неизвѣстнаго стана, N—го уѣзда, N—ой губерніи, или вообще мелкой служебной сошки безъ названій, въ чемъ упражнялись тогдашніе сатирическіе и юмористическіе листки, не исключая и *Искры*. Своимъ изданіемъ онъ думалъ создать въ русской журналистикѣ нѣчто въ родѣ англійскаго Punch'a, но этотъ расчетъ былъ, какъ говорятъ французы, сдѣланъ безъ хозяина, а хозяиномъ въ этомъ случаѣ являлась, конечно, цензура, которая съ первыхъ же №№ новаго журнала властно дала понять Розенгейму, что для русскаго Понча не наступило еще время" [1]).

Г. ***, очевидно, не замѣтилъ сдѣланное имъ противорѣчіе: упражнялись въ становыхъ NN потому, что не наступило еще время для губернаторовъ Ивановыхъ, а вовсе не потому, что становыхъ NN почитали корнемъ всероссійскаго неустройства.

Кстати поправлю еще разъ г. ***. Указывая на фактъ приглашенія Розенгейма въ *Искру*, онъ говоритъ: „Но это не состоялось вслѣдствіе, между прочимъ, и нѣсколько своеобразно веселыхъ нравовъ этого кружка, не имѣвшихъ ничего общаго съ личнымъ характеромъ Розенгейма и его міросозерцанія. Такое отчужденіе сдѣлало Розенгейма предметомъ очень частыхъ глумленій и такъ называемыхъ продергиваній со стороны *Искры*" [2]). Во-первыхъ напомню, что „веселые нравы" редакціи не были обязательной атмосферой для всѣхъ сотрудниковъ—примѣръ—Елисеевъ. Во-вторыхъ, за шесть лѣтъ изданія *Искры* я почти не встрѣтилъ „частыхъ глумленій", а особенно „продергиваній" *Занозы* и Розенгейма; они не были чаще, чѣмъ по отношенію къ другимъ лицамъ и изданіямъ, подавшимъ тотъ или другой поводъ къ тому, чтобы обратить на нихъ общественное вниманіе. *Заноза* гораздо чаще „продергивала" *Искру*.

[1]) *** „М. П. Розенгеймъ", „Рус. Старина", 1887 г., IX, 622.
[2]) Ibidem, 631.

Первый нумеръ *Занозы* (6 января 1863 года) не могъ не обратить на себя вниманіе, тоже благодаря заглавной виньеткѣ. Содержаніе ея сводилось, собственно, къ иллюстраціи отдѣльныхъ штриховъ не столько спеціально русской, сколько общечеловѣческой жизни; тутъ были: поклоненіе золотому тельцу, спихиваніе другъ друга съ житейской лѣстницы, нищіе, богатые, балы, фабриканты, акціонеры, биржевики, помѣщики, модницы, гурманы. Заинтриговывалъ всѣхъ верхъ большой виньетки. Тамъ сидѣлъ въ раздумьи надъ своими рукописями Гоголь, съ лицомъ, выражавшимъ не столько сожалѣніе, сколько легкую усмѣшку надъ проходящими передъ нимъ персонажами. Двое какихъ-то человѣчковъ, можно думать — министръ внутреннихъ дѣлъ, Валуевъ, и А. В. Никитенко—загораживали его офиціозными органами и, главнымъ образомъ, основанной ими „Сѣверной Почтой". Лица загораживателей такъ малы, что сказать утвердительно, кто они, положительно нельзя.

Истолкованная вкривь и вкось, виньетка эта исчезла съ 10 нумера и появилась лишь въ слѣдующемъ году, но и то въ измѣненномъ видѣ.

Въ первомъ же нумерѣ редакція, опредѣляя свои задачи, говоритъ, между прочимъ:

„Что касается до внутренней жизни нашего отечества, то *Заноза*, какъ всякій серьезный современный журналъ, желающій принять посильное участіе въ разработкѣ вопросовъ, занимающихъ наше общество, не можетъ не заявить предварительно тѣхъ началъ, подъ знаменемъ которыхъ она намѣрена выступить на поприще общественной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи, какъ самое общество наше, такъ и журналистика, представляетъ намъ три пути, сообразно тремъ видамъ убѣжденій: людей и журналовъ съ *принципами*, съ *принсипами* и *прынцыпами*. Но такъ какъ намъ случалось замѣчать, что люди и журналы съ прынцыпами, когда дѣло касается до собственныхъ ихъ интересовъ, весьма нерѣдко образуются въ людей и въ журналы съ принсипами и обратно, то мы и предпочитаемъ пристроиться къ категоріи неизмѣнно остающейся вѣрною самой себѣ, къ категоріи людей и журналовъ съ принципами, почему и спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ, что *Заноза* объявляетъ себя: за *неприкосновенность собственности*, начиная отъ носоваго платка до затылка включительно, за *букварь*, какъ сокращенный, такъ и пространный, и *за развитіе выборнаго начала*, какъ относительно сапогъ, такъ относительно людей и мнѣній, безъ содѣйствія всякихъ постороннихъ внушеній. Съ другой стороны, она объявляетъ себя *противъ* всякихъ *монополій*, какъ водочныхъ, такъ и литературныхъ и служебныхъ, а также противъ всякихъ *міроѣдовъ* и *горлопановъ*, какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ. При этомъ считаемъ долгомъ заявить, что *кулакъ*, какой бы онъ ни былъ, нравственный или вещественный, офиціальный или партикулярный, либеральный или консервативный, мы признаемъ вообще прежде всего самымъ плохимъ доказательствомъ правоты и истины" [1].

Какъ увидитъ читатель, *Заноза* не оправдала эту программу, даже и до вступленія въ редакцію, въ качествѣ соредактора, Ильи Арсеньева.

Внѣшность ея была оригинальна тѣмъ, что журналу старались придать строй газеты, достигая это отдѣлами „Телеграфическихъ депешъ", „внутренняго обозрѣнія", „финансоваго обозрѣнія", „иностраннаго обозрѣнія" и т. п. Вторая оригинальность заключалась въ анонимности литературной части, почему назвать сотрудниковъ *Занозы* очень трудно. Можно только утвердительно сказать, что тамъ много работалъ Вс. Крестовскій, подпись котораго, однажды, вѣроятно, по

¹) 1863 г., № 1.

недосмотру, появилась въ № 30 за 1862 г.; затѣмъ сотрудничалъ Венедиктовъ и Н. А. Лейкинъ. Іевлевъ изъ закрытаго *Гудка* перешелъ въ *Занозу*, и потому каррикатуры ея были всегда удачными и хорошо исполненными; кромѣ него, рисовали Адамовъ, А. Богдановъ, Р. Жуковскій и другіе.

Провинціальный отдѣлъ *Занозы*, названный: „Невинныя провинціальныя шалости", начался съ 7 нумера, а вскорѣ былъ замѣненъ прямо отдѣльными статейками и замѣтками. И что оригинально и даже фатально: начался отдѣлъ какъ разъ со станового... Вотъ какъ были сильны условія времени...

Съ 15-го нумера 1864 года на *Занозѣ* появляется подпись второго издателя-редактора... всероссійски тогда извѣстнаго Ильи Арсеньева, перешедшаго къ Розенгейму изъ „Сѣверной Почты", гдѣ онъ завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ. Такъ какъ біографія этого господина непосредственно комментируетъ положеніе *Занозы* и въ глазахъ публики и въ ряду журналистики, то я не считаю возможнымъ не познакомить съ нею частично читателя.

Въ литературу Арсеньевъ вступилъ въ концѣ 50-хъ годовъ и, благодаря пронырливости и умѣнью угодить нужному человѣку, пріобрѣлъ своими статьями, а отчасти и языкомъ покровителей-знакомыхъ. Среди нихъ былъ и извѣстный севастопольскій герой, С. А. Хрулевъ. Въ началѣ 1861 года, при первыхъ тревожныхъ симптомахъ въ Царствѣ Польскомъ, храбрый генералъ попалъ туда на видный постъ. Арсеньевъ просилъ его письменно „устроить ему литературную командировку въ Варшаву" на самыхъ умѣренныхъ условіяхъ: „по 200 руб. въ мѣсяцъ, квартира въ королевскомъ замкѣ и путевыя издержки". Хрулевъ доложилъ тогдашнему намѣстнику кн. Горчакову, выставивъ Арсеньева даровитѣйшимъ публицистомъ. Князь призналъ, что мысль имѣть около себя „вѣрнаго" корреспондента заслуживаетъ одобренія и написалъ тогдашнему начальнику Арсеньева, Ѳ. И. Прянишникову конфиденціальное письмо, гдѣ между прочимъ было сказано: „Находя нужнымъ, на нѣкоторое время, имѣть при себѣ редактора для статей, помѣщаемыхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ въ Россіи и за границей, по всѣмъ предметамъ, относящимся до Царства Польскаго, и зная, что состоящій при в. высоко-вѣ чиновникомъ особыхъ порученій, г. Арсеньевъ, участвующій во многихъ періодическихъ изданіяхъ, можетъ съ пользою для правительства, заниматься составленіемъ статей такого рода, я обращаюсь къ вамъ, м. г., съ покорнѣйшею просьбою о временномъ командированіи г. Арсеньева въ Варшаву съ тѣмъ, чтобы онъ оставался въ моемъ распоряженіи".

Происшедшая въ это время смерть Горчакова не остановила молодца-редактора и, заручившись письмомъ Прянишникова къ новому намѣстнику, Сухозанету, Арсеньевъ ѣдетъ въ Варшаву. Прянишниковъ „поручалъ милостивому вниманію" намѣстника своего чиновника, рекомендуя его за „человѣка весьма способнаго и дѣятельнаго, а какъ сотрудника нашихъ періодическихъ изданій, пріобрѣвшаго себѣ репутацію хорошаго писателя, труды котораго постоянно удостоиваются лестныхъ отзывовъ въ печати". „Желая же доставить случай заранѣе ознакомиться съ способностями г. Арсеньева и отзывами о немъ въ нашихъ журналахъ", Прянишниковъ препровождалъ Сухозанету копію со статьи, помѣщенной объ Арсеньевѣ въ „Экономическомъ указателѣ" его пріятеля —Вернадскаго. Тамъ Арсеньевъ такъ расхваливался, какъ серьезный экономистъ и юристъ,

что никому и въ голову не могло прійти, что рѣчь идетъ о никому невѣдомомъ сотрудникѣ „Сѣверной Пчелы", „Нашего Времени" и „Указателя". Сухозанетъ былъ счастливъ. Арсеньевъ сдѣлался приживаломъ у Хрулева и готовился къ исполненію своей миссіи. Чтобы поднять его престижъ, Сухозанетъ, на одномъ изъ парадныхъ разводовъ, на Саксонской площади, въ присутствіи массы народа обратился къ нему со словами:

— „Вы нашъ защитникъ передъ Европой и истолкователь нашихъ дѣйствій передъ Россіею; смотрите, наблюдайте за всѣмъ и пишите. Вашему перу будетъ теперь много пищи. Защищайте насъ, боритесь, покажите, что вы истинно русскій даровитый писатель"...

Всѣ ждали молніеносныхъ статей по адресу Польши... но Юпитеръ не разражался громами [1]).

А почему это произошло, послушаемъ самого Арсеньева; „Русскія корреспонденціи мои, по предварительному соглашенію моему съ А. А. Краевскимъ, я долженъ былъ посылать въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", которыя въ то время издавалъ онъ съ Очкинымъ. Въ первой корреспонденціи я сообщалъ то, что было изложено мною въ письмѣ къ графу Ламберту. Не взирая на то, что корреспонденція была предварительно прочитана исправляющему должность намѣстника и имъ одобрена къ печати, въ Петербургѣ ее не дозволили печатать. Та же судьба постигла и послѣдующія письма мои въ редакціи, что заставило меня прекратить сообщенія въ русскія газеты о томъ, что творится въ Польшѣ. Пришлось довольствоваться посылкою корреспонденцій въ „Indépendance Belge" (газету получавшую отъ насъ субсидію) и въ „Nord", основанную, какъ извѣстно, на русскія деньги" [2]).

Но здѣсь не все такъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости" не захотѣли печатать, а не не могли: Краевскому было понятно, что значило въ началѣ 1861 года выйти съ „заказной" корреспонденціей... Общество-то тогда было не чета 1863 году... Арсеньевъ вскорѣ получилъ отставку и раздосадованный отправился въ Берлинъ, гдѣ издалъ брошюру: „Для тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ", въ которой выхвалялъ Хрулева и осмѣивалъ Сухозанета, несумѣвшаго заставить Краевскаго исполнить данное имъ слово... Немного спустя Валуевъ оцѣнилъ способности Арсеньева и далъ ему мѣсто въ „Сѣверной Почтѣ". Одновременно сей господинъ вступилъ въ должность агента III отдѣленія [3]). *Искра* поэтому не называла его иначе, какъ „Н. А. Арсеньевъ—III"...

Всѣ эти и многіе другіе, болѣе мелкіе подвиги Арсеньева были извѣстны публикѣ, особенно литературѣ, и потому понятно, какъ встрѣчена была *Заноза*

[1]) *Очевидецъ*, „Послѣдняя польская смута", „Рус. Старина" 1874 г., IX, 120—127. Показанія „Очевидца" пріобрѣтаютъ тѣмъ большій вѣсъ, что они были напечатаны задолго до смерти Арсеньева и послѣдній ни единомъ словомъ на нихъ не возражалъ. Очень жаль, что эта статья осталась неизвѣстной г. Венгерову, составившему біографію Арсеньева главнымъ образомъ по его собственнымъ воспоминаніямъ („Критико-біографическій словарь", I, 777—779).

[2]) *Н. А. Арсеньевъ*, „Варшава въ 1861 г.", Истор. Вѣстникъ", 1886 г., XII. 518.

[3]) Послѣднее г. Венгеровъ утверждаетъ категорически. Замѣчу кстати, что въ дальнѣйшей біографіи Арсеньева, почтенный критикъ сдѣлалъ двѣ существенныхъ ошибки. По его словамъ, Арсеньевъ основалъ сатирическую газету „Занозу", „Петербургскій Листокъ" и „Петербургскую Газету". *Занозу* основалъ Розенгеймъ, „Петербургскій Листокъ"—Ник. и Алексѣй Андреевичи Зарудные, и только „Петербургскую Газету"—Арсеньевъ. Относительно „Петербургскаго Листка" см. его отъ 15 марта 1889 года.

съ подписью сего господина. Какъ относился ко всему этому Розенгеймъ, что онъ зналъ и чего не зналъ—покрыто мракомъ неизвѣстности.

Въ содержанiи *Занозы* необходимо отмѣтить прежде всего особыя приложенiя, благодаря которымъ она завоевала себѣ значительное расположенiе публики на первыхъ же порахъ. Розенгеймъ рѣшилъ ввести въ каррикатуры самые верхи русскаго бюрократическаго Олимпа и съ этою цѣлью при первомъ же номерѣ хотѣлъ выпустить особое приложенiе въ видѣ карты Европы съ изображенiемъ политики великихъ державъ въ типахъ русской литературы. По описанiю г. *** (мнѣ не удалось увидѣть это приложенiе и потому приходится ограничиться его словами, это была карта, гдѣ на каждой великой державѣ нарисованъ былъ тогдашнiй руководитель ея иностранной политики. Такъ, на Англiи стоялъ Пальмерстонъ—Собакевичъ, на Францiи—Наполеонъ III—Загорѣцкiй, на Австрiи—Шмерлингъ—Чичиковъ, на Пруссiи—Скалозубъ, на Россiи—кн. Горчаковъ—Молчалинъ. Всѣ лица были точными портретами. Карта была сначала пропущена цензурой и потому лежала уже готовой для отсылки подписчикамъ. Но о ней узналъ французскiй посланникъ гр. Монтебелло, справился о литературномъ типѣ Загорѣцкаго и, ознакомившись съ нимъ, приложилъ небольшiя, конечно, усилiя, чтобы карта была конфискована. По словамъ г. ***, нѣсколько экземпляровъ, все-таки, успѣли пройти черезъ кавдинскiя ущелья цензуры въ теченiе 1863 года.

Первый неуспѣхъ не останавливаетъ Розенгейма, и при 9 № онъ выпускаетъ приложенiе, въ видѣ большого листа, надѣлавшее много шуму. Это былъ „Концертъ въ с—дурномъ тонѣ“ [1]), иллюстрировавшiй роль гр. Валуева, какъ подающаго тонъ литературѣ, только что (14 января 1863 года) перешедшей подъ надзоръ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ министерства народнаго просвѣщенiя. Смѣлость каррикатуры состояла прежде всего въ томъ, что съ камертономъ стоялъ самъ Валуевъ, дирижировалъ предсѣдатель цензурнаго комитета Цеэ, умѣряли тонъ три цензора: на стулѣ А. Г. Петровъ, рядомъ съ нимъ В. Н. Бекетовъ, слѣва—не знаю кто. Во-вторыхъ, въ углу—герценовскiй „Колоколъ“ (См. стр. 170).

Почти всѣ лица взяты съ портретовъ и прекрасно переданы на камнѣ академикомъ П. Борелемъ [2]). Со скрипкой—Старчевскiй („Сынъ Отечества“), шарманка—В. Р. Зотовъ („Иллюстрацiя“), рядомъ поетъ—Краевскiй („Голосъ“), другая шарманка—П. С. Усовъ („Сѣв. Пчела“), на стулѣ съ гитарой—Некрасовъ, гармонiя—Благосвѣтловъ („Русское Слово“), бубны—Писемскiй („Библiотека для Чтенiя“), балалайка—И. С. Аксаковъ („День“), волынка—Катковъ, свирѣль, поддерживаемая мальчикомъ—Писаревскiй („Современное Слово“), турецкiй барабанъ—Меньковъ („Военный Сборникъ“), кларнетъ-пистонъ—Капельмансъ („Journal de St.-Pétersbourg“), лира—Н. Ф. Павловъ („Наше Время“), кости—Трубниковъ („Биржевыя Вѣдомости“), труба—В. Ѳ. Коршъ („Петербургскiя Вѣдомости“), цимбалы—В. С. Курочкинъ („Искра“), рядомъ осѣдлан-

---

[1]) Тутъ остроумный каламбуръ: „с—дурный“ значитъ „цедурный“, но подразумѣвалось, конечно, „въ самомъ дурномъ“.

[2]) Эта каррикатура приведена, между прочимъ, въ декабрьской книжкѣ 1902 г. „Литер. Вѣстника“, но съ невѣрнымъ заглавiемъ, безъ объясненiя повода и съ нѣкоторыми ошибками въ указанiяхъ лицъ; печаталась она и въ „Новомъ Времени“, и въ „Россiи“, но тоже съ весьма ошибочными объясненiями.

Концертъ въ с—дурномъ тонѣ.

ный—Елисеевъ, на немъ Очкинъ („Очерки"), въ коляскѣ съ треугольникомъ—И. Балабинъ („Народное Богатство"), юродивый въ веригахъ—Аскоченскій („Домашняя Бесѣда"), гусли—Н. Н. Страховъ (Косица) („Время"), литавры на деревянной лошадкѣ—самъ Розенгеймъ, уличная колотушка—Ротчевъ („Вѣдомости С.-Петерб. Городской Полиціи"), віолончель—И. А. Гончаровъ („Сѣверная Почта"), гобой—Илья Арсеньевъ (политикъ „Сѣверной Почты") и барабанъ—Д. И. Романовскій („Русскій Инвалидъ"). На креслѣ—собирающаяся убѣжать Россія.

Не все здѣсь одинаково остроумно и вѣрно, но литературная сторона каррикатуры ничего не значила въ глазахъ публики въ сравненіи съ другою болѣе важною. Пока „Концертъ" не былъ конфискованъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней его распродано до 6000 экземпляровъ...

Въ концѣ того же, 1863, года, къ № 47 былъ приложенъ „Бой изъ-за подписчиковъ". Среди новыхъ лицъ сравнительно съ только-что воспроизведенной каррикатурой, укажу на Ап. Григорьева („Оса"), гр. Кушелева-Безбородко („Русское Слово"), П. Д. Боборыкина („Библіотека для Чтенія", перешедшая къ нему въ февралѣ) и Скарятина („Вѣсть") (см. стр. 172).

Были-ли затѣмъ, въ продолженіе 1863 г. отдѣльныя приложенія—не знаю; на страницахъ *Занозы* никакихъ указаній по этому поводу нѣтъ. Но въ слѣдующемъ году, при четвертомъ № были снова разосланы „Разнохарактерные танцы", продававшіяся въ отдѣльности (не для подписчиковъ) за три рубля. Этой каррикатуры мнѣ тоже не пришлось увидѣть и потому сообщу о ней со словъ г. ***. „Въ шести медальонахъ изображены были попарно нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей (въ портретахъ), пляшущіе разные танцы, соотвѣтственно ихъ дѣятельности... Каррикатура была конфискована (однако, послѣ выхода нумера), и въ видѣ оправданія цензора, что фигуркамъ, которыя были на представленномъ въ цензуру рисункѣ, редакція, при исполненіи на камнѣ, самопроизвольно придала портреты государственныхъ людей, сдѣлано было распоряженіе, чтобы впредь рисунки каррикатуръ представлялись въ цензуру вполнѣ начисто отдѣланными" [1]).

Заноза очень часто помѣщала политическія каррикатуры, но я не буду на нихъ останавливаться, такъ какъ этотъ отдѣлъ наименѣе интересенъ въ русскихъ сатирическихъ изданіяхъ того времени вообще. Русская жизнь такъ была разнообразна, что заслоняла совершенно всѣ внѣшнія отношенія. Кромѣ того, мы знаемъ, что эти каррикатуры и въ *Искрѣ* даже въ большинствѣ случаевъ заимствовались или вполнѣ, или частью изъ иностранныхъ изданій и потому не могутъ быть разсматриваемы, какъ самостоятельное творчество.

Что касается русской жизни, то, конечно, Розенгеймъ очень быстро былъ ознакомленъ съ условіями ея обличенія и уже въ концѣ перваго года своей работы такъ пародировалъ возможность сказать полную правду:

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать что... вышла,
Обличая, что *кого-то*
Вдругъ задѣло *чье-то* дышло...

---

[1]) „Рус. Старина", 1887 г., IX, 624.

Бой изъ-за подписчиковъ.

И что *кто-то, гдѣ-то, какъ-то*
Взятки сильно бралъ *когда-то.*
Вообще теперь „намъ пишутъ“,
Что то̀ *гдѣ-то* зломъ богато.
Что берутъ тамъ X (иксъ) и Y (игрекъ)
И что съ ними грѣютъ руки
О (Онъ), П (покой), Р (рцы), С (слово), Т (твердо),
А (Азъ), Д (добро), Г (глаголь) и Б (буки) [1].

Принципіально, между тѣмъ, Розенгейму приходилось идти въ разрѣзъ съ существующими условіями гораздо меньше, чѣмъ *Искрѣ;* у него были убѣжденія, не могшія встрѣчать сколько-нибудь сильное противодѣйствіе. Такъ, онъ неоднократно посмѣивался надъ эмансипаціей женщины, видя въ этомъ лишь стриженые волосы, папиросу въ зубахъ и бокалъ вина въ рукѣ... [2]). Онъ же посылалъ Европѣ угрозы жерлами обращенныхъ на нее русскихъ пушекъ... [3]). *Заноза* довольно недоброжелательно относилась къ полякамъ, евреямъ, инородцамъ и иновѣрцамъ вообще. Этихъ указаній, думаю, довольно, чтобы не считать журналъ „браваго полковника“ способнымъ внести то „разложеніе“, которое несла на концахъ своихъ перьевъ и карандашей *Искра...*

Само начальство гуляетъ.
(1864 г. № 13).

Въ содержаніи *Занозы* нельзя найти многаго для воспроизведенія передъ современнымъ читателемъ. Приведу кое-что и этимъ, вѣроятно, дорисую ея общую физіономію.

Разговоръ двухъ чиновниковъ:

„— Ссуди мнѣ, голубчикъ, деньжонокъ; завтра у насъ ревизія.
— Ладно, ладно,—только поскорѣй возврати, у насъ тоже ревизія надняхъ“ [4]).

Тѣлесныя наказанія шпицрутенами и всякими другими усовершенствованными способами отмѣнены. У кабака свалился пьяный. Подходитъ будочникъ и, взявъ его за шевелюру, говоритъ: „Тѣлеснаго нѣтъ. такъ мы тебя и волосянымъ удовольствуемъ [5]).

Сила и власть „господина городового“ иллюстрированы положительно превосходно.

[1]) 1863 г., № 38.
[2]) Напримѣръ, № 50 за 1863 г.
[3]) 1863 г., № 28.
[4]) 1863 г., № 49.
[5]) 1864 г., № 2.

Сухопутная гонка на гонкѣ рѣчного яхтъ-клуба.

(1863 г., № 28).

Страсть нашихъ помѣщиковъ къ иностранной политикѣ при полномъ невниманіи къ окружающему хорошо иллюстрирована совѣтомъ одному изъ нихъ, даннымъ пріятелемъ: „полно тебѣ дѣлить Оттоманскую Порту; ты бы лучше своихъ крестьянъ скорѣй выдѣлилъ“ [1]).

Приходъ въ школу деспота-педагога изъ нѣмцевъ иллюстрированъ очень образно Адамовымъ (см. стр. 175):

А вотъ исходъ тяжбы въ дореформенномъ судѣ (см. стр. 175):

Военный міръ вообще охранялся цензурой особенно старательно и только кое-гдѣ и въ *Искрѣ* и въ *Гудкѣ* можно встрѣтить о немъ нѣсколько строкъ или двѣ—три каррикатуры. Заноза дала очень остроумную пародію приготовленія къ старымъ инспекторскимъ смотрамъ:

— „Все-ли ты получалъ, что тебѣ давали?
— Все, Ваше Высокоблагородіе!
— Стало быть, жаловаться не смѣешь?
— Не смѣю, Ваше Высокоблагородіе“ [2]).

[1]) 1863 г., № 6.
[2]) 1863 г., № 5.

Я застафилъ фасъ люпитъ руски грамотъ и нѣмецки педагогія.
(1863 г., № 32).

Возвращеніе по окончаніи тяжебнаго дѣла.

Выигравшій процессъ. Проигравшій процессъ.
(1863 г., № 23).

Литературныя отношенія *Занозы* были неустоявшимися, если можно такъ выразиться. То она высмѣиваетъ „Современникъ" и „Русское Слово", какъ вообще представителей прогрессивной интеллигенціи, то хвалитъ ихъ опять-таки вообще или одного Чернышевскаго; тоже самое со Щедринымъ: то очень ядовито прохаживается по адресу его вице-губернаторства (Розенгеймъ самъ состоялъ на службѣ), то превозноситъ его. Кромѣ того, попадались выходки совсѣмъ нелитературныя: ради полемическихъ красотъ откроютъ вдругъ псевдонимы и анонимы—такъ было, напримѣръ, съ П. И. Вейнбергомъ и Елисеевымъ, и т. п.

Не вызываютъ лишь сомнѣнія отношенія *Занозы* къ Аскоченскому—этому и тутъ доставалось изрядно, Каткову, Юркевичу, Аксакову и Краевскому.

Англоману съ Охотнаго ряда посвящены такіе стихи:

Былъ вчера я у сосѣда...
Онъ доказывалъ до драки,
Что взамѣнъ Бильо министромъ
И изъ насъ быть можетъ всякій!...

— О, сосѣдъ! сосѣдъ, вы лжете!
Я кричу ему сурово:
Помѣстить на эту должность
Только можно лишь Каткова!..

Дѣлать черненькое бѣлымъ
Онъ одинъ, одинъ умѣетъ!..
Передъ нимъ и самъ Скарятинъ
И Аскоченскій нѣмѣетъ.

Страшитесь, юноши,—зловѣщи ходятъ слухи:
Аскоченскій идетъ! Аскоченскій идетъ
Остановить движеніе впередъ
И рать онъ грозную ведетъ:
Корову пѣгую, ухватъ и двѣ старухи.

(1863 г., № 12).

- Вздоръ! сосѣдъ мой восклицаетъ:
Пусть идетъ Термаламаки!.. [1])
Кто-же крикнетъ безъ Каткова:—
„Цыцъ, мальчишки—забіяки"!? [2]).

[1]) Псевдонимъ милліонера Бенардаки, принятый съ легкой руки *Искры* **всѣми тогдашними** сатирическими журналами.

[2]) 1863 г., № 41.

„— Эка безотвязная! И зубовъ-то мало, и тѣ кривые, а все норовитъ укусить. Вотъ песъ-то уродился.

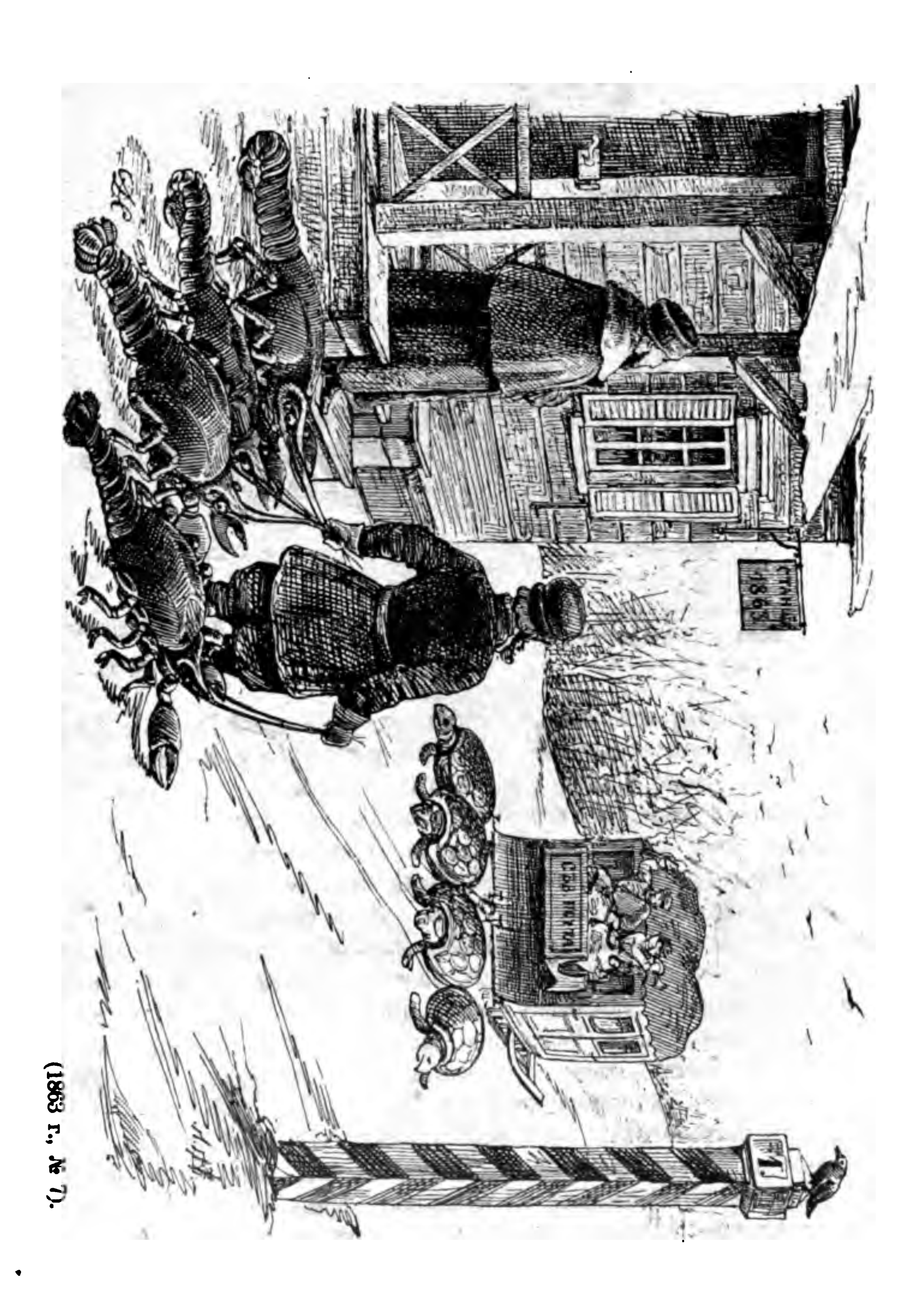
(1863 г., № 17.)

Опредѣленны были отношенія и къ офиціозу—„Сѣверной Почтѣ", названному *Искрой* „офиціально-постепенно-либеральной газетой", а *Гудкомъ* вставленному въ каламбуръ; „Какая почта возитъ хуже всѣхъ? Сѣверная".

Представляемая ниже (см. стр. 178) каррикатура удачна во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, на который возлагалось столько надеждъ въ смыслѣ возможности прямого нравственнаго воздѣйствія на русское общество [1]), даже съ точки зрѣнія своихъ создателей, дѣйствительно, съ самаго начала, шелъ черепашьими шагами а, приближаясь ко второму году своего существованія, былъ склоненъ, опять-таки даже съ своей точки зрѣнія—пятиться назадъ отъ сказаннаго раньше. Во-вторыхъ, 1863 г. начался уже при новомъ редакторѣ—И. А. Гончаровѣ, ожидающемъ приближенія экипажа; въ третьихъ, о „Сѣв. Почтѣ" трубили по всѣмъ угламъ въ рожки конфиденціальныхъ циркуляровъ объ увеличеніи подписки [2]).

Не можетъ быть сомнѣнія, что *Заноза* имѣла нѣкоторый успѣхъ, несмотря на нотки вовсе не прогрессивнаго тона. Покупался онъ, конечно, не всей *Занозой,* какъ органомъ, а отдѣльными ея нумерами, вѣрнѣе,—статьями и каррикатурами въ отдѣльныхъ нумерахъ. Стоимость интереснаго приложенія въ три рубля, очевидно, многихъ побуждала прямо подписаться на весь журналъ и, истративъ 4—5 руб. 50 к., имѣть уже гарантію, что ничего мимо рукъ не пройдетъ. Вотъ почему, начавшись съ 3.000 экземпляровъ, *Заноза* съ 3-го № печаталась

[1]) Интересующихся подробностями отсылаю къ „Дневнику" Никитенка—перваго редактора „Почты", за 1860 и 61 года.
[2]) Объ этомъ см. ниже очеркъ „Русское Bureau de la presse".

(1863 г., № 7).

въ 4.000, съ 4-го—въ 5.000, а съ памятнаго 9-го—въ 6.000 экз. 1864 г. начатъ при 5.000 подписчикахъ [1]) и это—лучшее доказательство, что разъ послѣ 9-го нумера не было сильно волновавшихъ общество каррикатуръ, то сама по себѣ *Заноза* не имѣла уже въ глазахъ читателей особеннаго значенія. Въ началѣ 1864 г., послѣ 4-го №, когда были даны „Разнохарактерные танцы", подписка, вѣроятно, снова увеличилась.

Но цензурныя преграды разочаровывали издателя все больше и больше. По словамъ г. ***, „Розенгеймъ скоро убѣдился, что мечта его о созданіи русскаго Пончa, серьезнаго сатирическаго журнала, неосуществима" [2]).

Съ 1865 года *Заноза* перешла въ собственность Ильи Арсеньева и, конечно, сейчасъ же погибла...

„О с а".

Одновременно съ *Занозой*, въ 1863 г., возникъ „сатирическій листокъ съ каррикатурами" — *Оса*, бывшій приложеніемъ къ журналу „Якорь", подобно *Гудку*, издававшемуся при „Русскомъ Мірѣ"; сходство тѣмъ большее, что и издателемъ былъ тотъ же Стелловскій. Выходила *Оса* тоже еженедѣльно и въ томъ же размѣрѣ и объемѣ, что и *Гудокъ*. Вотъ и все ихъ сходство. Затѣмъ идутъ различія гораздо болѣе существенныя. Редактировалъ *Осу* редакторъ „Якоря" Ап. Григорьевъ, сотрудничали въ ней Аверкіевъ, Н. Страховъ, П. П. Сухонинъ („А. Шардинъ"), В. В. Бажановъ („Болгарскій"), А. Завалишинъ („Прикамскій"). Григорьевъ мало входилъ въ *Осу*, тамъ главенствовалъ Аверкіевъ („Ѳ. Горкіевъ", „Невелещагинъ"), этотъ рыцарь „мракобѣсія и сикофанства", какъ его назвалъ Писаревъ, этотъ врагъ передовой общественной мысли 60-хъ годовъ. Понятно, органомъ чего являлась *Оса*...

Останавливаться на ея содержаніи нѣтъ, разумѣется, никакой надобности. Представить себѣ, что тамъ было, легко, зная имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ... Скажу только, что весь ядъ жала *Осы* былъ направляемъ по адресу, прежде всего, „Русскаго Слова", его сотрудниковъ, издателя, редактора, даже конторскихъ служащихъ... Затѣмъ шли Чернышевскій съ романомъ „Что дѣлать?", „Современникъ", „Искра". Допущеніе женщинъ въ университетъ, воскресныя школы—всѣ эти и другія начинанія свѣтлой общественной мысли осмѣивались съ пѣной у рта...

25-го сентября умеръ Ап. Григорьевъ. Слѣдующій, 37-й № редактируетъ уже Н. Шульгинъ, къ которому перешло и право на изданіе „Якоря" и *Осы*. Размѣръ послѣдней сразу увеличивается, подаются надежды, что изданіе перемѣнитъ тонъ, въ редакцію вступаетъ свѣжій элементъ сотрудниковъ, и между ними А. К. Шеллеръ („Левъ Звонковъ"); Аверкіевъ и „Косица" ее покидаютъ. Въ 1865 году выходитъ соединенный нумеръ: №№ 1—2, и на этомъ *Оса* заканчиваетъ свое существованіе [3]).

---

[1]) „Рус. Старина" 1887 г. IX, 622.
[2]) Ibidem, 625.
[3]) Нельзя не отмѣтить, что въ виньеткѣ, въ числѣ медальоновъ былъ и портретъ Радищева—это рѣдкость.

Заключеніе.

Итакъ, вотъ въ чемъ успѣла выразиться эпоха обличительнаго жара въ области сатиры и карикатуры.

Нѣтъ сомнѣнія, ознакомившись со всѣмъ, прошедшимъ передъ его глазами, читатель въ правѣ сдѣлать выводъ о значительной роли сатирической журналистики 1857—1864 гг., дѣятельно участвовавшей въ кипучей работѣ передовыхъ общественныхъ элементовъ. Многое было полу-замолчано, еще больше — совершенно пропущено, но развѣ не многое и освѣщено свѣтомъ все исцѣляющаго смѣха? Развѣ въ *Искрѣ*, главнымъ образомъ, общество не въ правѣ было чувствовать своего вѣрнаго помощника?! Теперь, на разстояніи сорока слишкомъ лѣтъ, многія страницы *Искры* и ея коллегъ кажутся непонятными, неинтересными, даже безсодержательными, но развѣ можно претендовать на безсмысленность отдѣльныхъ буквъ, только и получающихъ значеніе въ словѣ? Все это были кирпичи, необходимые для возведенія грандіозной постройки...

Противъ обличительной журналистики вообще и сатирической въ частности слышались голоса не только представителей цензурнаго вѣдомства и бюрократическихъ сферъ, но и самой литературы, особенно въ началѣ, когда такіе господа, какъ Катковъ, Павловъ и tutti quanti обвиняли ее въ ослѣпленіи, въ неумѣніи разглядывать изъ-за деревьевъ лѣсъ, а относительно невозможности освѣтить послѣдній ехидно подсмѣивались надъ безсиліемъ обличителей.

По этому поводу не могу не привести отрывка изъ прекрасной отповѣди этой кликѣ, написанной Герценомъ. Озаглавленная: „Very dangerous!!!“ она начиналась слѣдующими словами:

„Въ послѣднее время, въ нашемъ журнализмѣ стало повѣвать какой-то тлетворной струей, какимъ-то *развратомъ* мысли; мы ихъ вовсе не принимаемъ за выраженіе общественнаго мнѣнія, а за наитіе *направительнаго* и *назидательнаго* цензурнаго тріумвирата.

„*Чистымъ* литераторамъ, людямъ звуковъ и формъ надоѣло гражданское направленіе нашей литературы, ихъ стало оскорблять, что такъ много пишутъ о взяткахъ и гласности, такъ мало *Обломовыхъ* и антологическихъ стихотвореній. Еслибъ только единственный *Обломовъ* не былъ такъ непроходимо скученъ, то еще это мнѣніе можно бы было имъ отпустить. Люди не виноваты, когда не имѣютъ сочувствія къ жизни, которая возлѣ нихъ ломится, рвется впередъ, и, сознавая свое страшное положеніе, начинаетъ, положимъ, нескладно говорить объ немъ, но все-таки говорить.

„....«Да зачѣмъ же обличительные литераторы дурно разсказываютъ, зачѣмъ ихъ повѣсти похожи на дѣло?» — Это можетъ относиться къ лицамъ, а не къ направленію. Тотъ, кто дурно и скучно передаетъ слезы крестьянина, неистовство помѣщика и воровство полиціи, тотъ, будьте увѣрены, еще хуже разскажетъ, какъ златокудрая дѣва, зачерпнувши воды въ бассейнѣ, облилась, а черноокій юноша, видя быстро текущую влагу, жалѣлъ, что она не течетъ по его сердцу.

„Въ «обличительной литературѣ» были превосходныя вещи. Вы воображаете, что всѣ разсказы Щедрина и нѣкоторые другіе, такъ и можно теперь огуломъ бросить съ Обломовымъ на шеѣ въ воду? Слишкомъ роскошничаете, господа!

„Вамъ оттого не жаль этихъ статей, что міръ, о которомъ онѣ пишутъ—чуждъ вамъ; онъ васъ интересовалъ только потому, что объ немъ запрещали писать. Столичныя растенія, вы вытянулись между Грязной и Мойкой, за городской чертой для васъ начинаются чужіе края. Суровая картина какого-нибудь «перевоза» съ телѣгами въ грязи, съ раззоренными мужиками, смотрящими съ отчаяніемъ на паромъ и ждущими день, и другой, и третій—васъ не можетъ столько занять, какъ длинная Одиссея какой-нибудь полузаглохшей, ледящейся натуры, которая тянется, соловѣетъ, разсыпается въ однѣ безчисленныя подробности. Вы готовы сидѣть за микроскопомъ и разбирать этотъ гной (лишь бы не съ патологической цѣлью, это противно чистотѣ искусства, искусство должно быть безполезно, иногда можетъ быть немного вредно, но подлая утилитарность его убиваетъ)—это возбуждаетъ вамъ нервы. Мы совсѣмъ напротивъ, безъ зѣвоты и отвращенія, не можемъ слѣдить за физіологическими описаніями какихъ-то невскихъ мокрицъ, пережившихъ тотъ героическій періодъ свой, въ которомъ ихъ предки—чего нѣтъ—были Онѣгины и Печорины.

„...Но время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей, теперь напротивъ къ этимъ огромнымъ запашкамъ рукъ не достаетъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ *пустой* человѣкъ, свищъ или лѣнтяй“ [1]).

Герценъ, какъ видно и какъ и слѣдовало, разумѣется, ожидать,—возлагалъ большія надежды на встающую новую литературную силу, и она оправдала ихъ.

Что было потомъ, объ этомъ скажемъ словами Курочкина въ *Искрѣ* 1870 года, только что освобожденной тогда отъ предварительной цензуры, а еще раньше—отъ... обязанности давать каррикатуры:

„Было время, когда въ жизни *Искры* и дѣятельности были хорошіе, памятные всѣмъ дни.

„Конечно, потомъ все пошло прахомъ, но прахомъ пошло не въ одной *Искрѣ*, а вездѣ. Полоса такая нашла. Когда начиналась *Искра*, въ русскомъ обществѣ стояли свѣтлые, прекрасные дни. То была пора самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и упованій, пора увлеченій. можетъ быть, юныхъ, незрѣлыхъ, но увлеченій чистыхъ, безкорыстныхъ, полныхъ самоотверженія, проникнутыхъ одною цѣлью—цѣлью общаго добра и счастья, и единодушныхъ. Все лучшее общество жило одними и тѣми-же идеалами, если и неопредѣленными въ подробностяхъ и не всегда ясно сознаваемыми, то несомнѣнно одинаковыми въ ихъ общей основѣ; оно признавало и выражало ихъ, какъ одинъ человѣкъ. Литература несла общее, близкое всѣмъ знамя. Она несла его грозно и честно,—и этимъ создала себѣ высокое значеніе и необыкновенную силу въ обществѣ. Мы думаемъ, что нисколько не преувеличимъ заслугъ литературы того времени, если скажемъ, что все, что въ настоящее время остается лучшаго, живого, плодотворнаго въ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ общества, было насаждено ея трудомъ, привито ея заботами и стараніями. Но при этомъ мы могли бы сказать вмѣстѣ съ Гете, что когда тѣснящіеся въ душу образы прошедшаго «приносятъ съ собою картины свѣтлыхъ дней, то вмѣстѣ съ ними появляется изъ него много дорогихъ тѣней,—и дѣлается болѣзненнѣе старая скорбь, начинаетъ вновь сильнѣе чувствоваться досада на

---

[1]) „Колоколъ“, 1859 г., № 4.

ходъ жизни, запутывающій людей съ ихъ пути, подобно лабиринту; въ памяти оживаютъ имена тѣхъ добрыхъ спутниковъ, которые исчезли въ прекрасные часы, обманутые счастьемъ». А счастье, дѣйствительно, было обманчиво. Давно уже наступила и стоитъ другая полоса. Опредѣленная дѣйствительность смѣнила прежніе неопредѣленные идеалы" [1])...

Ту же мысль прекрасно выразилъ Герценъ:

„Безъ сомнѣнія утренняя заря наша была ярче, эту величественную *увертюру* до сихъ поръ никто не оцѣнилъ, во всемъ ея юномъ, поэтическомъ, широкомъ, богатомъ значеніи. Въ ней слышались зародыши всей будущей оперы, всѣ ея мотивы. Она привела къ слову нѣмую боль, она высказала наши стремленія и если не нашла путей, то указала цѣль и поставила вѣхи. Масса идей, идеаловъ, вопросовъ, сомнѣній, фактовъ, ринутыхъ въ оборотъ, въ общее броженіе въ продолженіе семи лѣтъ изумительна. Были промахи, но глядя на нихъ отступя и сквозь мрачное пятилѣтіе, только и остается, что общее благословеніе свѣтлой полосѣ и людямъ утра" [2]).

[1]) 1870 г., № 1.
[2]) „Колоколъ", 1868 г., № 1.

ЭПОХА ЦЕНЗУРНАГО ТЕРРОРА.

Эпоха цензурнаго террора.

(1848—1855 гг.).

„Наша литература, отъ 1848 до 1855, походила на то лицо въ Моцартовой «Волшебной флейтѣ», которое поетъ съ замкомъ на губахъ".

Искандеръ.

Въ прошломъ нашей печати, вообще, литературы — собственно и журналистики—въ особенности, есть еще не мало не только отдѣльныхъ моментовъ, но и цѣлыхъ довольно продолжительныхъ періодовъ, которые, несмотря на свой безспорный интересъ и несомнѣнную связь съ послѣдующимъ, очень мало освѣщены, еще меньше популяризованы. Къ числу такихъ періодовъ принадлежитъ и то восьмилѣтіе, 1848—55 гг., которому посвящена настоящая работа.

Эта эпоха—едва-ли ни самый мрачный и тяжелый періодъ во всей исторіи русской журналистики. Помимо обыкновенной, офиціальной и весьма строгой цензуры,— въ это время надъ печатнымъ словомъ тяготѣла еще другая цензура, негласная и неофиціальная, находившаяся въ рукахъ учрежденій, облеченныхъ самыми широкими полномочіями и не стѣсненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ никакими рамками закона. Такими учрежденіями были: памятный въ судьбахъ нашей печачи комитетъ 2 апрѣля 1848 г., и служившій ему предтечею, временный, негласный же комитетъ 1848 года, подъ предсѣдательствомъ морского министра кн. Меншикова.

Ниже читатель убѣдится, насколько интересна эта „эпоха цензурнаго террора", названная такъ самимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ вполнѣ офиціальномъ документѣ.

Цензурный уставъ 1828 г. и его примѣненіе при графѣ С. С. Уваровѣ. Скромныя желанія Н. И. Тургенева. Вліяніе революціи 1848 г.

Законныя рамки, въ которыхъ стояла печать до 1848 года, были уже въ достаточной мѣрѣ тѣсны и строги. Дѣйствовавшій тогда цензурный уставъ 1828 г. представлялъ, правда, нѣкоторый шагъ впередъ сравнительно съ „чугуннымъ" Шишковскимъ уставомъ 1826 г., который, по признанію самого государственнаго совѣта, облекалъ цензора ролью судьи „достоинства или пользы разсматриваемой

(имъ) книги" [1]) и при дѣйствіи котораго, по выраженію одного изъ цензоровъ, можно было даже и „*Отче нашъ*" истолковывать якобинскимъ нарѣчіемъ",—но всѣ его преимущества сводились къ мелочамъ. Въ основѣ же лежала широкая „свобода молчанія". И если законъ 1828 г. заключалъ вѣдомство цензуры „въ предѣлахъ, болѣе соотвѣтствующихъ истинному ея назначенію"; если „ей не поставлялось уже въ обязанность давать какое-либо направленіе словесности и общему мнѣнію"; если „она долженствовала только запрещать изданіе или продажу тѣхъ произведеній словесности, наукъ и искусствъ, кои, въ цѣломъ составѣ или въ частяхъ своихъ, вредны въ отношеніи къ вѣрѣ, престолу, добрымъ нравамъ и личной чести гражданъ"; если она представлялась государственному совѣту какъ бы „таможнею, которая не производитъ сама добротныхъ товаровъ и не мѣшается въ предпріятія фабрикантовъ, но строго наблюдаетъ, чтобы не были ввозимы товары запрещенные, и клеймитъ лишь тѣ, коихъ провозъ и употребленіе дозволены тарифомъ" [2]),—то нужно сказать, что правила, которыми должна была руководствоваться эта „таможня" въ своемъ досмотрѣ, были очень придирчивы, а при примѣненіи на практикѣ строгость закона еще значительно усиливалась, но отнюдь не смягчалась.

Послѣднее зависѣло, конечно, отъ министра просвѣщенія, которымъ съ 1833 г. былъ небезызвѣстный и даже приснопамятный гр. С. С. Уваровъ.

Личность министра, какъ президента цензуры, имѣла до того важное значеніе, что я не могу не остановить на ней вниманіе читателя.

Назначенный въ апрѣлѣ 1832 г. товарищемъ министра просвѣщенія, Уваровъ, въ августѣ, былъ командированъ для осмотра московскаго университета, а 4 декабря представилъ государю свой знаменательный отчетъ, въ которомъ не преминулъ изложить свои общіе взгляды на задачи высшаго и средняго образованія и на цензуру. Онъ зналъ непрочность положенія министра, кн. Ливена...

„Утверждая—писалъ между прочимъ Уваровъ,—что въ общемъ смыслѣ духъ и расположеніе умовъ молодыхъ людей ожидаютъ только обдуманнаго направленія, дабы образовать въ большемъ числѣ оныхъ полезныхъ и усердныхъ орудій правительства, что сей духъ готовъ принять впечатлѣнія вѣрноподданнической любви къ существующему порядку, я не хочу безусловно утверждать, чтобы легко было удержать ихъ въ семъ желаемомъ равновѣсіи между понятіями, заманчивыми для умовъ недозрѣлыхъ и, къ несчастью Европы, овладѣвшими ею, и тѣми твердыми началами, на коихъ основано не только настоящее, но и будущее благосостояніе отечества; я не думаю даже, чтобы правительство имѣло полное право судить слишкомъ строго о сдѣланныхъ, можетъ быть, ошибкахъ со стороны тѣхъ, коимъ было нѣкогда ввѣрено наблюденіе за симъ заведеніемъ; но я твердо уповаю, что намъ остаются средства сихъ ошибокъ не повторять и, постепенно завладѣвши умами юношества, привести оное почти нечувствительно

---

[1]) «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи», Спб., 1862 г., стр. 45.

[2]) Ibidem. Ниже мнѣ придется не разъ ссылаться на это офиціальное изданіе; замѣчу поэтому, что „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи" существуютъ въ двухъ изданіяхъ. Имѣя одно названіе, они различаются какъ по полнотѣ своего содержанія, такъ и по библіографическимъ даннымъ: одно, изданное по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, болѣе полное, печаталось въ типографіи морского министерства; другое—печаталось въ типографіи Ф. Персона; на обоихъ одинъ и тотъ же годъ—1862-й. Я пользуюсь вездѣ первымъ, г. Скабичевскій въ своей книгѣ „Очерки исторіи русской цензуры" — вторымъ.

(С. Рождественскій — „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія“, 1902 г.).

къ той точкѣ, гдѣ сліяться должны къ разрѣшенію одной изъ труднѣйшихъ задачъ времени, образованіе правильное, основательное, необходимое въ нашемъ вѣкѣ, съ глубокимъ убѣжденіемъ и теплою вѣрой въ истинно русскія охранительныя начала *Православія, Самодержавія и Народности*, составляющія послѣдній якорь нашего спасенія и вѣрнѣйшій залогъ силы и величіи нашего отечества".

„Съ давняго времени,—продолжалъ Уваровъ,—раздѣлялъ я со многими благомыслящими непріятное впечатлѣніе, производимое дерзкими, хотя отдѣльными, усиліями журналистовъ, особенно московскихъ, выступать за предѣлы благопристойности, вкуса, языка и даже простирать свои покушеніи къ важнѣйшимъ предметамъ государственнаго управленія и къ политическимъ понятіямъ, поколебавшимъ уже едва-ли ни всѣ государства въ Европѣ. При вступленіи въ должность, думалъ я, что укротивъ въ журналистахъ порывъ заниматься предметами, до государственнаго управленія относящимися, можно бы было предоставить имъ полную свободу разсуждать о предметахъ литературныхъ, не взирая на площадныя ихъ брани, на небрежный слогъ, на совершенный недостатокъ вкуса и пристойности; но, вникнувъ ближе въ сей предметъ, усмотрѣлъ я, что вліяніе журналовъ на публику, особенно на университетскую молодежь, не безвредно и съ литературной стороны; развратъ нравовъ пріуготовляется развратомъ вкуса; студентъ, не имѣющій книгъ, не имѣющій сообщенія съ обществомъ, бѣдный, одинокій студентъ съ жадностью читаетъ журналы и ищетъ въ нихъ пищи для ума и сердца. Что жъ онъ въ нихъ находитъ? Незнаніе правилъ логики и языка, рѣзкій и надменный тонъ въ сужденіяхъ, насмѣшливое представленіе тѣхъ самыхъ людей, отъ коихъ онъ долженъ получать образованіе. Какими глазами будетъ онъ смотрѣть на профессора, котораго онъ видѣлъ наканунѣ покрытаго журнальною грязью? Какое уваженіе можетъ онъ сохранить къ человѣку, обращенному въ общій смѣхъ, и который тѣмъ болѣе обязанъ молчать, чѣмъ болѣе онъ достоинъ своего званія? Борьба съ журналистами сего рода неровная; ихъ крикъ беретъ верхъ надъ простымъ разсудкомъ. Неопытный читатель блуждаетъ во тьмѣ и мало-по-малу свыкается съ площаднымъ духомъ и съ грубыми формами противниковъ, равно недостойныхъ уваженія. Желая возобновить угасшую дѣятельность профессоровъ, имѣлъ я еще въ виду и то, чтобы посредствомъ сего журнала [1]) внушить молодымъ людямъ охоту ближе заниматься исторіей отечественной, обративъ больше вниманія на узнаніе нашей народности. Не только направленіе къ отечественнымъ предметамъ было бы полезно для лучшаго объясненія оныхъ, но оно отвлекло бы умы отъ такихъ путей, по коимъ шествовать имъ не слѣдуетъ; оно усмиряло бы бурные порывы къ чужеземному, къ неизвѣстному, къ отвлеченному въ туманной области политики и философіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что таковое направленіе къ трудамъ постояннымъ, основательнымъ, безвреднымъ, служило бы нѣкоторою опорою противъ вліянія такъ называемыхъ „европейскихъ идей", грозящихъ намъ опасностію, но силу коихъ, обманчивую для неопытныхъ, переломить нельзя иначе, какъ чрезъ наклонность къ другимъ понятіямъ, къ другимъ занятіямъ и началамъ. Въ нынѣшнемъ положеніи вещей и умовъ нельзя не умножать, гдѣ только можно, число „умственныхъ плотинъ". Не всѣ оныя

[1]) Рѣчь идетъ о предложеніи товарища министра московскимъ профессорамъ издавать „Ученыя Записки Московскаго Университета".

окажутся, можетъ быть, равно твердыми, равно способными къ борьбѣ съ разрушительными понятіями; но каждая изъ нихъ можетъ имѣть свое относительное достоинство, свой непосредственный успѣхъ" [1]).

Выше я назвалъ этотъ отчетъ знаменательнымъ потому, что имъ впервые ставились ясно три начала политики Николая I вообще. „Православіе", „самодержавіе" и „народность", провозглашенныя Уваровымъ, немедленно стали основаніями нашей политической жизни, а въ благодарность ихъ первому провозвѣстнику—вошли въ девизъ графскаго герба Уварова, получившаго эту милость въ 1846 году [2]).

Черезъ одиннадцать лѣтъ Уваровъ писалъ:

„Направленіе, данное Вашимъ Величествомъ министерству, и его тройственная формула должны были возстановить нѣкоторымъ образомъ противъ него все, что носило еще отпечатокъ либеральныхъ и мистическихъ идей: либеральныхъ — ибо министерство, провозглашая самодержавіе, заявило твердое желаніе возвращаться прямымъ путемъ къ русскому монархическому началу во всемъ его объемѣ; мистическихъ, потому, что выраженіе „православіе" довольно ясно обнаружило стремленіе министерства ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣрованія и удаленіе отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ, слишкомъ часто помрачавшихъ чистоту священныхъ преданій церкви. Наконецъ, и слово „народность" возбуждало въ недоброжелателяхъ чувство непріязненное за смѣлое утвержденіе, что министерство считало Россію возмужалою и достойною идти не позади, а по крайней мѣрѣ рядомъ съ прочими европейскими національностями" [3]).

Отсюда, конечно, истекала программа отношеній къ печати, полная самыхъ рѣзкихъ противорѣчій. Съ одной стороны, гналось все либеральное, съ другой—предлагалось возстановить параллель Россіи съ Западомъ и при этомъ всегда не въ пользу второго, очерствѣлаго-де въ непониманіи истинныхъ задачъ человѣчества... Тѣ „умственныя плотины" по пути развитія русской общественной мысли и русской журналистики, какъ одного изъ ея выраженій, о которыхъ Уваровъ говорилъ въ своемъ знаменательномъ отчетѣ, ставились имъ всегда очень усердно. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ та, которая преграждала ходъ научной мысли именно въ области одного изъ трехъ началъ—народности. Я говорю о замѣчательномъ циркулярѣ 27 мая 1847 года, пояснявшемъ попечите-

---

[1]) *Н. Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина", IV, 82—85.

[2]) Вотъ какъ объясняетъ г. Барсуковъ происхожденіе этихъ трехъ принциповъ: „Въ 1832 году, послѣ великихъ бѣдствій, испытанныхъ Россіею въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и отъ губительныхъ войнъ, и отъ междоусобной брани, и отъ моровой язвы, надъ нашимъ отечествомъ просіяла великая благодать Божія. Въ этомъ году, въ богоспасаемомъ градѣ Воронежѣ, послѣдовало обрѣтеніе честныхъ мощей, иже во Святыхъ отца нашего Митрофана, перваго епископа Воронежскаго. Въ день открытія Св. мощей, архіепископъ Тверскій и Кашинскій, Григорій, всенародно произнесъ молитву Святителю Митрофану, въ которой испрашивалось предстательство Его у «Христа Бога нашего да возродитъ во Святой Своей православной Церкви живый духъ правыя вѣры и благочестія, духъ вѣдѣнія и любви, духъ мира и радости о Дусѣ Святѣ». Этотъ *живый духъ правыя вѣры и благочестія* внушилъ Помазаннику Божію поставить во главу угла воспитанія русскаго юношества: *Православіе, Самодержавіе* и *Народность*; а провозгласителемъ этого великаго символа нашей русской жизни—избрать мужа, стоявшаго во всеоружіи европейскаго знанія" (Т. IV, стр. 1). Изъ дальнѣйшаго изложенія г. Барсукова ясно, что таковымъ явился С. С. Уваровъ.

[3]) „Десятилѣтіе мин. нар. просвѣщенія, 1833—1843 гг.", Спб., стр. 96.

лямъ учебныхъ округовъ, какъ надо понимать этотъ принципъ, иначе толкуемый возникавшимъ славянофильствомъ. Предписывлось, что „русская народность" — „въ чистотѣ своей должна выражать безусловную приверженность къ православію и самодержавію", а „все, что выходитъ изъ этихъ предѣловъ, есть примѣсь чуждыхъ понятій, игра фантазіи или личина, подъ которою злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей" [1])...

До какихъ геркулесовыхъ столбовъ цензурное вѣдомство дошло во вторую половину сороковыхъ годовъ, можетъ иллюстрировать слѣдующій, чисто анекдотическій случай.

Въ концѣ 1847 г., рижскій епископъ Филаретъ писалъ профессору церковной исторіи Горскому: „Недавно былъ здѣсь Сербиновичъ [2]). Безъ сомнѣнія, вы, дорогой мой, при всей вашей скромности или осердились бы, или расхохотались бы, если бъ услышали, что „Катехизисъ" митрополита поручаютъ замѣнить сочиненіемъ другимъ—кому? Мнѣ. Не правда-ли, что это или досадно, или смѣшно. А это было. По какой причинѣ? *Катехизисъ митрополита — лютеранскій катехизисъ*, точныя слова Сербиновича. Эти люди истинно почти помѣшаны" [3]). Рѣчь идетъ о томъ „Катехизисѣ" московскаго митрополита Филарета, по которому милліоны русскихъ учились и учатся до сихъ поръ въ школѣ...

Ѳаддей Булгаринъ, этотъ ходатай по дѣламъ стѣсненія печатнаго слова,— даже онъ понималъ, что значила цензура Уварова: „Не завидую я мѣсту Уварова въ „исторіи"! А исторія живетъ, видитъ и пишетъ на мѣди! Имя Торквемадо въ сравненіи съ именемъ Уварова есть то же, что имя Людовика XIV въ сравненіи съ именемъ Омара! Набросилъ на все тѣнь, навелъ страхъ и ужасъ на умы и сердца, истребилъ мысль и чувство..." [4]).

„Недостатокъ гласности въ Россіи такъ великъ—писалъ Н. И. Тургеневъ,— что ни въ какой другой европейской странѣ объ этомъ нельзя даже имѣть представленія. О какомъ-нибудь событіи знаютъ только его очевидцы. Въ какомъ-нибудь округѣ или губерніи свирѣпствуетъ голодъ или эпидемія, разгорается возмущеніе, бунтъ, правительство примѣняетъ крайнія репрессіи, а до сосѣдняго округа или губерніи доходитъ только глухой ропотъ, недостовѣрныя извѣстія, которыя то преувеличены, то совсѣмъ искажаютъ истину". И это писалъ человѣкъ, который отнюдь „не рекомендовалъ абсолютной власти введеніе свободы печати", а лишь находилъ, что „разстояніе между порабощеннымъ состояніемъ прессы въ Россіи и ея полной свободой безконечно велико".

Когда Тургеневъ занимался составленіемъ плана реформъ „первой эпохи", т. е. совмѣстимыхъ съ абсолютнымъ правленіемъ, за нимъ, несомнѣнно, стояла громадная часть русскаго общества—вся та, которая, хоть если и молчала, то, все-таки, была впереди. Съ этой точки зрѣнія его предложенія нельзя не разсматривать, какъ голосъ либеральной Россіи, приходившей въ отчаяніе отъ окружающаго.

„Пусть печати будетъ запрещено касаться вопросовъ политики, но пусть ей представятъ другія области, гдѣ дѣйствуютъ интересы жизни гражданской, инте-

---

[1]) „Объ украйно-славянскомъ обществѣ", „Рус. Архивъ", 1892 г., VII, 348.
[2]) Редакторъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія".
[3]) *Н. Барсуковъ*, н. с., X, 3—4.
[4]) „Изъ архива А. В. Никитенка", „Рус. Старина", 1900 г., I, 182.

ресы повседневные, имѣющіе для личности такое большое значеніе... Такъ, мы убѣждены, что русское правительство могло бы, ничѣмъ не рискуя, позволить прессѣ свободно обсуждать всѣ городскія дѣла, всѣ гражданскіе и уголовные процессы, разбирающіеся въ судѣ; всѣ дѣйствія правительства, касающіяся благоустройства, т. е. собственно администраціи; денежные интересы лицъ, а также и государства: принципы, управляющіе или долженствующіе управлять промышленностью, торговлей, тарифами; наконецъ, всѣ вопросы, которые не затрагиваютъ основныхъ государственныхъ установленій или политики.

„Если думаютъ—продолжаетъ скромный новаторъ—что цензура необходима, пусть ее сохранятъ, но пусть законы относительно нея будутъ возможно яснѣе. Еще болѣе. Законы эти должны быть опубликованы, чтобы всякій могъ судить, сообразуются-ли цензора съ требованіями закона. Надо также, чтобъ ихъ (цензоровъ) рѣшенія не были безапелляціонны, чтобы можно было прибѣгать къ болѣе высокимъ авторитетамъ.

„Трудно, почти невозможно создать хорошій цензурный законъ; но здѣсь, какъ и вездѣ, есть «болѣе и менѣе». Напримѣръ, законъ о цензурѣ, изданный въ первые годы царствованія Александра, былъ гораздо лучше всѣхъ послѣдующихъ. Въ этомъ отношеніи Россія могла бы пользоваться примѣромъ другихъ странъ.

„....Абсолютное правительство видитъ только одни неудобства въ существованіи прессы и вообще гласности; никогда оно не думаетъ о выгодахъ, которыя само могло бы извлечь изъ этой гласности (въ большой или меньшей степени). Мы видимъ въ мірѣ моральномъ, также, какъ и въ мірѣ физическомъ одинаковое явленіе: если сила, безконечно возрастая, встрѣчаетъ на своемъ пути препятствія и не находитъ выхода, то она, въ концѣ концовъ, производитъ взрывъ и разбиваетъ препятствіе, которое ей мѣшаетъ. Гласность сравниваютъ съ предохранительными клапанами, назначеніе которыхъ предупреждать взрывъ въ паровой машинѣ.

„О'Коннель сравнилъ также недавно свои гигантскіе митинги «съ предохранительными клапанами, черезъ которые, говоритъ онъ, испаряется кипучее мужество народа»; и этимъ онъ сказалъ много, больше, можетъ быть, чѣмъ думалъ или чѣмъ хотѣлъ сказать. Сравненіе вполнѣ справедливое. Гласность не создаетъ народнаго недовольства, столь страшнаго для абсолютнаго правительства; наоборотъ, недовольство появляется сначала, а гласность даетъ ему лишь средства высказаться, и если она не приноситъ исцѣленія отъ того зла, которое породило недовольство, она помогаетъ, по крайней мѣрѣ, разсѣять его, какъ дымъ. Если гласность и не исцѣляетъ, то она облегчаетъ и утѣшаетъ“ [1]).

Эти элементарныя понятія не получили, однако, одобренія въ 1847 году, а грозныя событія на Западѣ въ слѣдующемъ—надолго лишили надеждъ хоть на какое-нибудь ограниченіе свободы молчанія. Революціонныя волны 1848 года докатились до насъ въ видѣ грязной густой пѣны, прикрывшей всю поверхность общественной мысли. Послѣднюю признано было необходимымъ сковать прочными цѣпями и хотя „не было никакого повода опасаться волненій и безпорядковъ, однако, память о катастрофѣ 1825 г. была еще свѣжа, а мнѣнія, господство-

[1]) *N. Tourgeneff*, „La Russie et les russes“, Bruxelles, 1847 г., III, § 6, 171—176.

вавшія въ нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ кружкахъ, казались органически связанными съ крайними ученіями французскихъ теоретиковъ. Поэтому состоялось высочайшее повелѣніе принять энергичныя и рѣшительныя мѣры противъ наплыва въ Россію разрушительныхъ теорій" [1]).

„Записки" гр. Строганова и бар. Корфа о неблагонадежности литературы и бездѣятельности цензуры. Докладъ гр. Орлова. Образованіе комитета 27 февраля. А. С. Меншиковъ.

Какъ и всегда въ моменты, непосредственно слѣдовавшіе за политическими взрывами на Западѣ, у насъ нашлись „государственные" люди съ програмой усиленной реакціи. Маскируясь сознаніемъ „важности" и „исключительности", переживаемыхъ дней, графъ Строгановъ и баронъ Корфъ представили по доносу, облеченному въ форму „записокъ". Вотъ что пишетъ по этому поводу Никитенко:

„Графъ С. Г. Строгановъ, бывшій попечитель московскаго университета, движимый злобой на министра народнаго просвѣщенія Уварова, который былъ причиною увольненія его отъ должности попечителя [2]), представилъ государю записку объ ужасныхъ идеяхъ, будто бы господствующихъ въ нашей литературѣ, особенно въ журналахъ, благодаря слабости министра и его цензуры. Баронъ М. А. Корфъ, желая свергнуть графа Уварова, чтобы занять его постъ, представилъ другую такую же записку. И вотъ въ городѣ вдругъ узнаютъ, что вслѣдствіе этихъ доносовъ учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ морского министра кн. Меншикова и съ участіемъ слѣдующихъ лицъ: Бутурлина, Корфа, графа Строганова (брата бывшаго попечителя), Дегая и Дубельта. Цѣль и значеніе этого комитета были облечены таинственностью и отъ того онъ казался еще страшнѣе" [3]).

Другой свидѣтель тогдашнихъ событій вполнѣ подтверждаетъ это. „Говорили, что барону М. А. Корфу очень хотѣлось увѣнчать свою счастливую служебную карьеру министерскимъ портфелемъ, а зная, что фортуна, какъ дама съ завязанными глазами, не всегда знаетъ сама, на кого обратить свои ласки, былъ не прочь помочь ей, напомнивъ о себѣ въ удобную минуту. Такой минутой представлялось именно то время, когда, по многимъ признакамъ, положеніе министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова, могло считаться очень шаткимъ. Но извѣстно было, что императоръ Николай I былъ врагъ всякихъ наговоровъ и нашептываній, значитъ, дѣйствовать нужно было крайне осторожно и умѣло. Цензура въ ту пору принадлежала къ предметамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и всегда представляла для него настоящую Ахиллесову пяту; съ этой стороны министерство всегда было уязвимо, а тутъ кстати подвернулся въ Парижѣ коммунизмъ..... Объ немъ-то [4]) и вспомнилъ теперь М. А. Корфъ, когда задумалъ помочь слѣпой фортунѣ. При его большомъ умѣ и необыкновен-

---

[1]) „Министерство внутреннихъ дѣлъ, 1802—1902", „Историческій очеркъ", Спб., 1902 г., 101.

[2]) Оно состоялось 20 ноября 1847 г.

[3]) „Дневникъ", „Рус. Старина", 1890 г., II, 384—385.

[4]) О гр. С. Г. Строгановѣ.

ной способности излагать рельефно свои мысли, ему нетрудно было убѣдить Строганова, этого отъявленнаго врага всякаго демократизма, въ томъ, что, въ виду чудовищныхъ революціонныхъ переворотовъ въ Западной Европѣ, необходимо обезопасить Россію отъ заноса къ намъ разрушительныхъ идей и ученій коммунизма, соціализма и пр., и что такой безопасности не представляетъ нынѣ дѣйствующая въ министерствѣ народнаго просвѣщенія слабая цензура, а что въ виду чрезвычайности событій, вызывающихъ опасенія, необходимы и мѣры чрезвычайныя по цензурѣ для должной охраны государственной безопасности. Сильно бываетъ слово во-время и кстати сказанное; внушеніе Корфа оказало свое дѣйствіе. Строгановъ, выбравъ удобную минуту, подалъ государю записку, составленную въ этомъ смыслѣ" [1]).

Теперь намъ остается выслушать одного изъ авторовъ „записокъ"—самого барона М. А. Корфа.

„Среди жгучей тревоги, вдругъ овладѣвшей всѣми нами,—пишетъ онъ,— вслѣдствіе парижскихъ вѣстей, нельзя было не обратить вниманія на нашу журналистику, въ особенности же на два журнала: „Отечественныя Записки" и „Современникъ". Оба, пользуясь малоразуміемъ тогдашней цензуры, позволяли себѣ печатать Богъ знаетъ что и проповѣдуемыя ими, подъ разными иносказательными, но очень прозрачными для посвященныхъ, формами, коммунистическія идеи могли сдѣлаться небезопасными для общественнаго спокойствія. Безпрерывно размышляя о томъ, чѣмъ можно было бы это оградить и упрочить въ виду судорожныхъ движеній Запада, я набросалъ нѣсколько мыслей о дѣйствіяхъ нашихъ періодическихъ изданій и цензуры; но долго колебался дать имъ ходъ, изъ опасенія явиться въ глазахъ другихъ, а еще болѣе, въ своихъ собственныхъ, какимъ-то доносчикомъ. Разсудивъ, однако, что жертвовать на общее благо ничтожною своею личностью есть священный долгъ каждаго изъ насъ, въ такое опасное время еще болѣе, чѣмъ когда-либо; что я буду тутъ дѣйствовать не какъ частный человѣкъ, а въ качествѣ члена правительства [2]), и что, говоря лишь о фактахъ, а не о лицахъ, удалю отъ себя, въ собственной совѣсти, всякое нареканіе въ презрѣнномъ доносѣ, я рѣшился отвезти мою записку къ наслѣднику цесаревичу. Не заставъ его высочества, я зашелъ съ нею къ великому князю Константину Николаевичу, который остался чрезвычайно доволенъ моею запискою и совѣтовалъ непремѣнно отослать къ наслѣднику, не теряя времени, что я и исполнилъ на другой же день послѣ полученія извѣстія о французской республикѣ, т. е. 23 февраля, вечеромъ. На слѣдующее утро явился посланный съ приглашеніемъ меня обѣдать къ цесаревичу. За утомленіемъ цесаревны отъ говѣнія, она не вышла къ столу, и насъ было тутъ, сверхъ хозяина и принца Александра Гессенскаго, только графъ Медемъ, генералъ-адъютантъ графъ Сергѣй Строгановъ [3]) и я. Едва только мы вошли въ первый кабинетъ наслѣдника, гдѣ накрытъ былъ обѣдъ, какъ онъ привѣтствовалъ меня перваго словами:

— Искренно благодарю, получили вы уже бумагу?

— Какую, ваше высочество? Я никакой бумаги не получалъ.

---

[1]) *К. Веселовскій*, „Отголоски старой памяти", „Рус. Старина", 1899 г. X, 11—12.

[2]) Членъ государственнаго совѣта съ 1843 г.

[3]) Бывшій попечитель.

— Ну, такъ еще получите. Государь учредилъ особый комитетъ изъ кн. Меншикова, васъ, гр. Александра Строганова (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ) и Д. П. Бутурлина. Ваша записка пришла какъ нельзя больше кстати. Вчера вечеромъ у государя былъ разговоръ именно объ этомъ, а воротясь къ себѣ и найдя вашу бумагу, я сегодня же отнесъ ее батюшкѣ, и онъ, прочитавъ, оставилъ у себя для объясненія съ Орловымъ [1]), котораго ждалъ въ эту минуту" [2]).

Тутъ кстати припомнить слова Грановскаго о Строгановѣ, сказанныя Погодину по возвращеніи изъ Петербурга: „онъ такія вещи сдѣлалъ въ послѣднее время, которыя искупить трудно" [3]).

Гр. Орловъ, имѣя уже повелѣніе усилить дѣятельность по политической части, не счелъ возможнымъ обидѣть литературу своимъ невниманіемъ и, когда получилъ „записки" Строганова и Корфа, поспѣшилъ утвердить государя въ предполагаемомъ созданіи особаго комитета.

Нѣтъ сомнѣнія, гр. Орлову приходилось серьезно подумать о томъ, какъ бы сложить съ себя обѣщавшія стать и очень тяжелыми и очень хлопотливыми обязанности по надзору за литературой и цензурой, принятыя III Отдѣленіемъ еще при самомъ своемъ основаніи въ 1826 году. Умный его совѣтчикъ, неудобозабываемый Л. В. Дубельтъ, ясно провидѣлъ, какую обузу и, пожалуй, отвѣтственность возьметъ на себя III Отдѣленіе, если, занятое теперь массою дѣлъ политическихъ, будетъ продолжать и дѣятельность цензурную. Въ результатѣ—твердое желаніе Орлова уступить эту послѣднюю кому-нибудь другому. Подвернувшіяся какъ разъ во-время „записки" Строганова и Корфа окончательно укрѣпили его въ этой мысли. Оставалось убѣдительно изложить ее въ докладѣ. На это былъ большой мастеръ Дубельтъ... [4]).

27 февраля гр. Орловъ сообщилъ Уварову и другимъ, что „по дошедшимъ до государя императора изъ разныхъ источниковъ свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ", Николай I, на его докладѣ по этому предмету, положимъ резолюцію:

„Необходимо составить комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно-ли дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ-ли данныя каждому программы. Комитету донести мнѣ съ доказательствами, гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т. е. министерства народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоять подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта князя Меншикова, изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, статсъ-секретаря барона Корфа, генералъ-адъютанта графа Александра Строганова, генералъ-лейтенанта Дубельта и статсъ-секретаря Дегая.

[1]) Алексѣй Өедоровичъ, шефъ жандармовъ и главноуправляющій III отдѣленіемъ Соб. Е. И. В. канцеляріи.

[2]) „Записки бар. М. А. Корфа", „Рус. Старина", 1900 г., III, 571—572.

[3]) *Н. Барсуковъ*, н. с., IX, 282.

[4]) Къ сожалѣнію, въ этотъ томъ я не могу включить готовую уже работу о III Отдѣленіи Соб. Е. И. В. канцеляріи, какъ цензурной инстанціи. Скажу только, что, въ виду этого, все непосредственно шедшее оттуда или тамъ исполнявшееся, выдѣлено, конечно, изъ настоящей работы, посвященной преимущественно дѣятельности двухъ негласныхъ комитетовъ и министерства просвѣщенія.

Увѣдомить о семъ кого слѣдуетъ и генералъ-адъютанта графа Левашева [1]), а занятія комитета начать немедля" [2]).

Вотъ, слѣдовательно, пути, которыми создался Меншиковскій комитетъ,— *предтеча* комитета 2-го апрѣля 1848 г. (нѣкоторыми называвшагося, какъ увидимъ дальше, „Бутурлинскимъ"), а не его *соименникъ*, какъ то утверждаютъ и г. Скабичевскій въ названной уже выше своей работѣ, и г. Барсуковъ въ трудѣ о М. П. Погодинѣ, и анонимный авторъ статьи „Цензура въ царствованіе императора Николая I", и другіе, касавшіеся этого момента изъ жизни русской печати [3]).

Изъ резолюціи государя совершенно ясно, во-первыхъ, что комитетъ имѣлъ вполнѣ опредѣленную цѣль, во-вторыхъ—представлялъ временное учрежденіе („разсмотрѣть" и „донести") какъ бы—экстренную ревизію цензурнаго вѣдомства.

Обращаясь къ составу комитета, нельзя не замѣтить, что если понятно назначеніе въ него Корфа и Строганова (замѣщавшаго, очевидно, своего брата, которому неловко было поручать ревизію дѣйствій министра, бывшаго виновникомъ его отставки), то за то очень мало объяснимо назначеніе всѣхъ другихъ, кромѣ, конечно, Дубельта, какъ представителя надъ всѣмъ и вся надзиравшаго III отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи.

Съ Бутурлинымъ, Корфомъ и Дегаемъ мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ, теперь же нѣсколько словъ о свѣтлѣйшемъ князѣ А. С. Меншиковѣ.

Правнукъ знаменитаго Александра Даниловича, Меншиковъ представляется, несомнѣнно, крупной величиной николаевскаго времени. Общій отзывъ о немъ — умный человѣкъ, безпредѣльно преданный своему государю слуга. При Александрѣ I князь даже прослылъ вольнодумцемъ и либераломъ, что объяснялось его активнымъ участіемъ въ извѣстной „деклараціи" по освобожденію крестьянъ, подписанной Меншиковымъ вмѣстѣ съ гр. Воронцовымъ, гр. Потоцкимъ, Васильчиковымъ, гр. Воронцовымъ-Дашковымъ, кн. Вяземскимъ и Александромъ и Николаемъ Ивановичами Тургеневыми. Въ концѣ концовъ, послѣ шума въ придворныхъ верхахъ, записка эта была принята Александромъ I неблагосклонно, а Меншиковъ долженъ былъ подать въ отставку. При Николаѣ I его померкшая, было, звѣзда стала вновь восходить, но изъ либерала князь сдѣлался ярымъ сторонникомъ существующихъ порядковъ, а свою популярность основалъ, главнымъ образомъ, на остроуміи, не всегда, впрочемъ, одинаково мѣткомъ и остромъ. Его біографъ передаетъ очень любопытную черту. „Вольнодумство 18-го вѣка, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, оставило въ немъ свой оттѣнокъ на долгое время, но не могло побороть въ немъ чувствъ и обязанностей вѣрноподданнаго. Когда

---

[1]) Предсѣдательствовавшій въ Госуд. Совѣтѣ и Комитетѣ министровъ.

[2]) „Цензура въ царствованіе императора Николая I", „Рус. Старина", 1903 г., VII 137—138.

[3]) Объ этомъ, впрочемъ, подробнѣе ниже. Теперь же нужно упомянуть объ одномъ будто бы еще поводѣ къ образованію Меншиковскаго комитета. Въ цитированномъ мною офиціальномъ источникѣ—„Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи"—указывается на записку князя П. А. Вяземскаго, будто бы и служившую ближайшимъ поводомъ къ его образованію; о запискахъ же гр. Строганова и бар. Корфа тамъ не упоминается вовсе. Руководствуясь „Историч. свѣдѣніями", на то же указываетъ и г. Скабичевскій на стр. 344—345 своей книги. Что онъ не могъ пользоваться показаніями К. Веселовскаго и бар. Корфа, вышедшими послѣ напечатанія его книги (она помѣчена 1892 г.)—это понятно, но почему онъ, именно по этому вопросу, не обратилъ вниманія на „Дневникъ" Никитенка въ „Русской Старинѣ" 1888—90 гг.—непонятно.

(„Портретная галлерея русскихъ дѣятелей“, изд. Мюнстера).

онъ считалъ долгомъ представить какое-либо возраженіе на мысль, высказанную государемъ, онъ ждалъ случая представить его наединѣ, глазъ-на-глазъ, какъ онъ выражался, — находя не совмѣстнымъ возражать царю при свидѣтеляхъ. Только совершенное изнеможеніе силъ могло заставить его не быть во дворцѣ въ дни, назначенные для пріѣзда ко двору, и въ этихъ случаяхъ никакой медицинскій совѣтъ не въ силахъ былъ уговорить его выѣхать для того, чтобы свѣжимъ воздухомъ подкрѣпить свои силы. «Неприлично!» говорилъ онъ въ отвѣтъ на настоянія врача" [1]).

Мѣткое перо Гагерна характеризовало Меншикова такъ: „очень хитрый, вѣжливый человѣкъ и, какъ говорятъ, малый не промахъ" [2]).

Комитетъ дѣятельно принялся за ревизію. Засѣданія его происходили въ адмиралтействѣ, куда и приглашались повинные редакторы. „Къ нѣкоторымъ редакторамъ князь Меншиковъ относился въ комиссіи сурово и непривѣтливо" — говоритъ со словъ своего отца, П. С. Усовъ [3]). Особеннымъ нерасположеніемъ пользовались редакторы „Современника" и „Отечественныхъ Записокъ".

Всѣ постановленія и мнѣнія комитета предсѣдатель представлялъ лично государю, а когда они получали высочайшую санкцію, сообщалъ объ этомъ министру просвѣщенія для немедленнаго и точнаго выполненія. Министръ же дѣлалъ соотвѣтствующія предложенія по цензурѣ, въ которыхъ всегда буквально приводилъ получаемыя отношенія кн. Меншикова. Это совершенно скрывало отъ публики верховную роль чрезвычайнаго ревизора. Слухи носились, но офиціально существованіе комитета не было извѣстно.

Мѣсяцъ работы Меншиковскаго комитета.

Прежде всего Меншиковъ вытребовалъ отъ министра списокъ и программы всѣхъ повременныхъ изданій и списокъ ихъ издателей, редакторовъ и сотрудниковъ.

Первое распоряженіе Меншиковскаго комитета послѣдовало 7 марта и вошло въ предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 12-го числа: „Вслѣдствіе обстоятельствъ, обратившихъ вниманіе Государя Императора на направленіе нѣнѣкоторыхъ періодическихъ изданій, Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ: 1) начальству цензуры созвать цензоровъ, объявить имъ, что правительство обратило вниманіе на предосудительный духъ многихъ статей, съ нѣкотораго времени появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ, и предупредить ихъ, что за всякое дурное направленіе статей журналовъ, *хотя бы оно выражалось въ косвенныхъ намекахъ,* цензура, сіи статьи пропустившая, подвергнется строгой отвѣтственности. 2) Главному управленію строго взыскивать, по предоставленной начальству власти, за упущенія цензоровъ въ этомъ случаѣ. 3) Теперь же поставить цензорамъ въ непремѣнную обязанность, не пропускать въ печать выраженій, заключающихъ *намеки* на строгость цензуры. 4) Пояснить, что запрещеніе цензурою впускать въ Россію нѣкоторыя иностранныя книги заклю-

---

[1]) N, „Князь А. С. Меншиковъ". „Рус. Архивъ", 1869 г., VI.
[2]) „Россія и русскій дворъ въ 1839 г.", „Рус. Старина", 1891 г., I, 11.
[3]) „Изъ моихъ воспоминаній", „Истор. Вѣстникъ", 1882 г., V, 39.

чаетъ въ себѣ и запрещеніе говорить о ихъ содержаніи въ журналахъ, а тѣмъ болѣе печатать отрывки изъ нихъ въ подлинникѣ или переводѣ" [1]).

На другой день сообщалось, чтобы всѣ статьи, за исключеніемъ объявленій о подрядахъ, продажахъ, зрѣлищахъ и тому подобныхъ, подписывались авторами со *слѣдующаго же дня*.

Кромѣ массы неудобствъ, съ которыми было сопряжено исполненіе такого распоряженія авторами изъ правительственныхъ лицъ или по скромности нежелавшими выставлять свою фамилію, стало бить въ глаза ужасное однообразіе подписей; напримѣръ, въ „Сѣверной Пчелѣ" только и встрѣчалось на каждомъ столбцѣ: „Ѳ. Булгаринъ", „Н. Гречъ"... Черезъ двѣ недѣли Меншиковъ сообщилъ Уварову, что государь разрѣшаетъ не печатать подъ каждой статьей именъ сочинителей, но съ тѣмъ, чтобы они были извѣстны редакціямъ, а „издатели книгъ или журнала, по первому требованію правительства, обязаны объявлять имя и мѣсто жительства автора, подъ опасеніемъ, за неисполненіе сего, строжайшаго взысканія, какъ ослушники высочайшей воли".

25 марта было предписано „не допускать выставленія съ невыгодной стороны общественнаго званія или чина описываемаго лица" [2]).

Кромѣ того, въ тотъ же день Уваровъ получилъ болѣе существенное для себя указаніе:

„Государь Императоръ изволилъ обратить вниманіе на появленіе въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ статей, въ которыхъ авторы переходятъ отъ сужденія о литературѣ къ намекамъ политическимъ, или въ которыхъ вымышленные разсказы имѣютъ направленіе предосудительное, оскорбляя правительственныя званія, или заключая въ себѣ идеи и выраженія, противныя нравственности и общественному порядку. Вслѣдствіе сего Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: созвать редакторовъ издаваемыхъ въ Петербургѣ періодическихъ изданій въ особый высочайше учрежденный комитетъ и объявить имъ, что долгъ ихъ не только отклонять всѣ статьи предосудительнаго направленія, но *содѣйствовать своими журналами правительству въ охраненіи публики отъ зараженія идеями, вредными нравственности и общественному порядку*. Его Императорское Величество повелѣлъ предупредить редакторовъ, что за всякое дурное направленіе статей ихъ журналовъ, *хотя бы оно выражалось косвенными намеками*, они лично подвергнутся строгой отвѣтственности, независимо отъ отвѣтственности цензуры" [3]).

Съ каждымъ днемъ Уваровъ все лучше и лучше понималъ непрочность своего положенія и силу верховнаго ревизора—кн. Меншикова. Къ нему относились совершенно, какъ къ подчиненному. Отношенія эти стали особенно ясны 3 апрѣля, когда Меншиковъ просто-на-просто начерталъ програму для дальнѣйшихъ дѣйствій министра.

---

[1]) Цензурныя дѣла, переданныя въ 1892 г. изъ министерства народ. просвѣщенія въ Импер. Публич. Библіотеку и хранящіяся тамъ въ рукописномъ отдѣленіи, № 1, т. IV, стр. 1989 — 1901; „Сборникъ постановленій etc", 243—244. Курсивъ мой.

[2]) „Матеріалы, собранные особою комиссіею, выс. учрежд. 2 ноября 1869 г., для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати", Спб., 1870 г., ч. I, 288.

[3]) „Цензурныя дѣла etc. ", № 1, т. IV, стр. 1901—1904. Курсивъ мой.

„Государь Императоръ—писалъ свѣтлѣйшій князь—согласно положеніямъ особаго комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣйствій цензуры періодическихъ изданій, высочайше изволилъ 2-го сего апрѣля повелѣть:

„1. Хотя въ высочайше утвержденныхъ правилахъ объ изданіи „Вѣдомостей С.-Петерб. полиціи“ ничего не сказано о фельетонѣ, но, по особенной благонамѣренности онаго, не запрещать сего фельетона и впредь [1]).

„2. Не запрещать также періодическимъ изданіямъ, несмотря на то, что нѣкоторыя заключали число листовъ болѣе опредѣленнаго программами, оставаться при теперешнемъ ихъ объемѣ съ тѣмъ только, чтобы цензура была какъ можно осмотрительнѣе при пропускѣ статей въ печать.

„3. На „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, замѣченные особенно въ помѣщеніи статей и выраженій сомнительнаго духа, обратить самое строгое вниманіе цензуры и объявить редактору первыхъ [2]), равно какъ редактору [3]) и отвѣтственнымъ издателямъ [4]) послѣдняго, что, по духу ихъ журналовъ, правительство имѣетъ за ними особенное наблюденіе, и если впредь замѣчено будетъ въ оныхъ что либо предосудительное или *двусмысленное*, то они лично подвергнуты будутъ не только запрещенію продолжать свои журналы, но и строгому взысканію.

„4. Усилить способы цензуры и улучшить содержаніе цензоровъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ поставить непремѣннымъ правиломъ, чтобы цензоры не имѣли никакихъ другихъ служебныхъ обязанностей, дабы не отвлекаться отъ цензурныхъ занятій, и отнюдь не участвовали бы въ редакціи періодическихъ изданій.

„5. Статьи, назначаемыя для какого бы ни было повременнаго изданія, подвергать непремѣнно общей гражданской цензурѣ, независимо отъ предварительнаго разсмотрѣнія особыми вѣдомствами тѣхъ статей, которыя по содержанію своему ихъ спеціально касаются.

„6. Вслѣдствіе замѣченной неумѣстности статей въ нѣкоторыхъ газетахъ, перепечатанныхъ изъ другихъ сочиненій, гдѣ онѣ могли быть умѣстны, какъ напримѣръ, извѣстіе о заговорахъ, перешедшее изъ иностранныхъ газетъ въ русскія, или извѣстія о совершившихся злодѣйствахъ, помѣщаемыя въ русскихъ газетахъ отрывками изъ статистическихъ статей спеціальныхъ журналовъ и книгъ, или полицейскихъ отчетовъ—дополнить инструкціи цензоровъ указаніемъ, что пропускъ какой-либо статьи въ книгѣ или иностранной газетѣ не подразумѣваетъ права перепечатывать ту же статью въ брошюрахъ или въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, безъ особаго разсмотрѣнія, но что цензоръ обязанъ дѣлать различіе между тѣми и другими, *вслѣдствіе различія самаго класса читателей того или другого рода изданій.*

„7. Не пропускать въ печать разсужденій о потребностяхъ и средствамъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства Имперіи, когда подъ средствами разумѣются мѣры, *зависящія отъ правительства*, и вообще сужденій о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ [5]).

---

[1]) Уваровъ, не желая отставать отъ комитета въ строгости и бдительности, находилъ нужнымъ прекратить фельетоны „Полиц. Вѣдомостей“, какъ явно неблагонамѣренные.

[2]) А. А. Краевскій.

[3]) А. В. Никитенко.

[4]) И. И. Панаевъ и Н. А. Некрасовъ.

[5]) „Цензурныя дѣла etc“, № 1, т. IV, 1904—1908. Курсивъ мой.

Въ другомъ отношеніи, отъ того же числа, Меншиковъ сообщалъ Уварову волю государя: „приступить къ соотвѣтственному обстоятельствамъ времени пересмотру цензурнаго устава и дополнительныхъ къ нему толкованій, принявъ въ руководство нѣкоторыя вновь тогда же послѣдовавшія высочайшія повелѣнія“, уже только что приведенныя [1]).

Очевидно, всѣ эти резолюціи 2 апрѣля государь положилъ на заключительномъ докладѣ окончившаго свою ревизію комитета, такимъ образомъ, исполнившаго въ мѣсяцъ съ небольшимъ свою задачу. *Борьба съ намеками и двусмысленностями*—вотъ цѣль, предстоявшая Уварову, давно лишившему литературу права и возможности говорить о чемъ либо открыто. Иначе говоря—необозримое поле личнаго произвола всѣхъ чиновъ цензурнаго вѣдомства...

Выговоръ Краевскому и высылка въ Вятку М. Е. Салтыкова.

Исполняя вышеприведенныя высочайшія повелѣнія, Уваровъ предписывалъ попечителю петербургскаго округа: „Предлагаю вашему превосходительству, призвавъ издателя „Отечественныхъ Записокъ“ Краевскаго, объявить ему, что если онъ *не измѣнитъ въ основаніяхъ* направленія издаваемаго имъ журнала собственнымъ наблюденіемъ и выборомъ надежныхъ сотрудниковъ, то журналъ его въ скоромъ времени неминуемо подлежать будетъ запрещенію, а онъ самъ строгому взысканію. Такимъ образомъ, прошу ваше превосходительство внушить Краевскому, что даруемый ему на нѣкоторое время послѣдній срокъ онъ долженъ считать дѣйствіемъ снисходительности, въ оправданіе коей онъ обязанъ рѣшительно принять прямыя мѣры, дабы не подвергнуться сугубой отвѣтственности“.

Исполнивъ приказаніе министра, попечитель доносилъ ему 10 апрѣля: „Во исполненіе предписанія вашего сіятельства Краевскій былъ мною приглашенъ 9 сего апрѣля. Я, въ присутствіи цензоровъ „Отечественныхъ Записокъ“, Фрейганга и Срезневскаго, объявилъ ему содержаніе предписанія вашего сіятельства и старался внушить ему, что онъ обязанъ оправдать дѣлаемую ему снисходительность. Краевскій принялъ съ должнымъ уваженіемъ и полною признательностью сообщенныя ему мною замѣчанія и объяснилъ въ подпискѣ, что предписаніе вашего сіятельства онъ принимаетъ къ подлежащему и точному исполненію“ [2]).

Ниже мы увидимъ, какъ оправдалъ эту „снисходительность“ ловкій „Несторъ русской журналистики“, а теперь остановимся на видной жертвѣ меншиковскаго комитета—М. Е. Салтыковѣ-Щедринѣ.

„Въ одинъ день,—разсказываетъ К. Веселовскій—во второй половинѣ марта, Крыловъ [3]) входитъ ко мнѣ съ таинственнымъ и смущеннымъ видомъ и передаетъ мнѣ подъ строжайшимъ секретомъ, лишь по долгу дружбы, что онъ, по приказанію князя Меншикова, занимается по секретному комитету и что въ этомъ комитетѣ заготовляется всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ на мою, появив-

---

[1]) „Матеріалы etc“, I. 279.
[2]) *Н. Барсуковъ*, н. с., IX, 289—290.
[3]) А. Д. Крыловъ, служившій въ военно-походной по флоту канцеляріи, потомъ членъ главнаго военнаго суда.

шуюся въ „Отечественныхъ Запискахъ“, статью о жилищахъ рабочаго люда въ Петербургѣ указывается, какъ на вредную для общественной безопасности“ [1]).

Послѣ описанія своихъ волненій и черныхъ предчувствій гибели, К. Веселовскій продолжаетъ разсказывать, какъ къ нему прибѣжалъ черезъ нѣсколько дней тотъ же Крыловъ съ радостной вѣстью, что бѣду пронесло мимо. Дѣло было такъ. „Въ то время, какъ они (члены комитета), за неотысканіемъ чего-нибудь болѣе вѣскаго, рѣшили уже faute de mieux принести въ жертву меня и мою бѣдную статью, въ засѣданіе комитета является одинъ изъ членовъ, кажется П. И. Дегай, съ радостнымъ *эврика! эврика!* и заявляетъ, что въ томъ же томѣ „Отечественныхъ Записокъ“, въ которомъ напечатана статья Веселовскаго [2]), онъ нашелъ нѣчто еще лучшее или худшее,—не знаю, какъ сказать,—а именно повѣсть подъ заглавіемъ „Запутанное дѣло“, подписанную буквами М. С., подъ которыми скрылся авторъ ея, Михаилъ Салтыковъ... По выслушаніи этого сообщенія члены комитета нашли, что въ этомъ снѣ нельзя не видѣть дерзкаго умысла—изобразить въ аллегорической формѣ Россію и что о повѣсти Салтыкова должно быть внесено въ изготовляемый докладъ о вредныхъ направленіяхъ журналовъ. Тогда князь Меншиковъ, согласившись съ этимъ, замѣтилъ, что нельзя обременять вниманіе государя мелочами, и предложилъ исключить изъ приготовляемаго доклада то, что тамъ было сказано о моей статьѣ, а ограничиться въ немъ одною лишь повѣстью Салтыкова, какъ болѣе подходящею къ цѣли доклада, съ чѣмъ прочіе члены комитета и согласились“ [3]). Дѣйствительно, 28 апрѣля Салтыковъ былъ уже высланъ въ Вятку [4]).

---

[1]) Авторъ былъ тогда начальникомъ статистич. отдѣленія д—та сельскаго хозяйства.

[2]) т. LVII.

[3]) *К. Веселовскій*, „Отголоски старой памяти“, „Рус. Старина“, 1899 г., X, 14—17. Не могу попутно не указать, что разсказъ г. Веселовскаго о причинахъ высылки Салтыкова гораздо болѣе правдоподобенъ, чѣмъ всѣ другіе, приводимые г. Скабичевскимъ, а съ его словъ, между прочимъ, и К. К. Арсеньевымъ. Если бы не путали меншиковскаго и бутурлинскаго комитетовъ, если бы внимательно отнеслись къ офиціально подтвержденнымъ датамъ, указаннымъ въ разныхъ источникахъ, то отказались бы отъ предположенія, неимѣющаго подъ собой никакой фактической подкладки (Ср.: Собраніе сочиненій Салтыкова, изд. 4-е, VIII, стр. 542; I, 37—38; „Исторію нов. рус. литературы“, Скабичевскаго, изд. 3, стр. 275 и VIII выпускъ „Русской Библіотеки“).

[4]) Этихъ небольшихъ моихъ замѣчаній, на страницахъ „Русскаго Богатства“, объ ошибкахъ г. Скабичевскаго, трудъ котораго не можетъ не обращать на себя вниманіе интересующихся исторіей цензуры просто потому, что онъ пока, къ крайнему сожалѣнію, единственный—и, правда, весьма и весьма неудовлетворительный—было достаточно, чтобы г. Скабичевскій обрушился на меня въ пріютившихъ его старческій лепетъ „Новостяхъ“ (см. № отъ 25 марта 1903 года) громовымъ фельетономъ: „Г. М. Лемке, обличающій М. Е. Салтыкова во лжи“, фельетономъ, какъ и слѣдовало ожидать, оцѣненнымъ по достоинству остальной прессой—ни одинъ органъ не принялъ „защиту“ Салтыкова изъ устъ г. Скабичевскаго, и громы затихли въ столбцахъ „Новостей“. Считая для себя... неудобнымъ выступать съ отвѣтомъ въ этой газетѣ, а самый фельетонъ—нестоющимъ отвѣта на страницахъ уважаемаго „Русскаго Богатства“, читатели котораго знаютъ, что̀ такое и г. Скабичевскій и „Новости“, я ограничился лишь письмомъ на имя одного глубокоуважаемаго публициста, къ которому еще раньше съ жалобой на меня обратился г. Скабичевскій. Въ письмѣ я разобралъ всѣ вылазки послѣдняго по существу и ждалъ, какъ поступитъ г. Скабичевскій. Получивъ мой отвѣтъ онъ написалъ тому же лицу, что... *всю эту пустую полемику надо предать забвенію!* Итакъ, у г. Скабичевскаго не хватило мужества и... чести—скажу прямо—возстановить истину на страницахъ хоть тѣхъ же „Новостей“. Это и, кромѣ того, убѣжденіе въ необходимости внимательно относиться къ біографіи такихъ писателей, какимъ былъ М. Е. Салтыковъ—побуждаетъ меня познакомить моего читателя какъ съ фельетономъ г. Скабичевскаго, такъ и съ моими на него теперь возраженіями.

Вначалѣ г. Скабичевскій разсказываетъ исторію комитета 2 апрѣля 1848 г. (о которомъ я буду говорить дальше), потомъ хвалитъ мою настоящую статью, говоритъ, что у меня „научной строгости хоть отбавляй“ и т. д. Затѣмъ моимъ примѣчаніямъ дается такое

Далѣе мы узнаемъ, что К. С. Веселовскій, убѣдясь вскорѣ еще разъ на опытѣ, какъ небезопасно было тогда занятіе статистикой Россіи, перешелъ къ работамъ по изученію климата, ведя ихъ съ 1848-го и до 1857 года, пока не былъ назначенъ непремѣннымъ секретаремъ академіи наукъ. Такимъ образомъ, *онъ сдѣлался метеорологомъ исключительно благодаря меншиковскому комитету*.

Этимъ я и закончу обзоръ дѣятельности меншиковскаго комитета: другихъ матеріаловъ при самыхъ усиленныхъ поискахъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, найти не удалось.

толкованіе: „ему (т. е. мнѣ, Лемке) захотѣлось показать свой товаръ лицомъ, доказать, что только онъ одинъ и первый пишетъ о бутурлинскомъ комитетѣ какъ слѣдуетъ, по всей ученой строгости, а до него писали одни поверхностные щелкоперы вкривь и вкось". „Разносъ моей личности начинается съ того, что г. Лемке" дѣлаетъ замѣчанія объ изданіяхъ „Историческихъ свѣдѣній о цензурѣ въ Россіи". Послѣ ряда „возраженій", г. Скабичевскій приходитъ, однако, къ заключенію, что „какъ бы то ни было, но приходится въ этомъ пунктѣ уступить г. Лемке и отдать ему пальму первенства, заявивши честь и славу его неукоснительно-строгой учености".

Вторымъ пунктомъ моего „разноса" г. Скабичевскій считаетъ примѣчаніе на стр. 193 и патетически по этому поводу восклицаетъ: „Ахъ, г. Лемке, г. Лемке! Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ такъ-таки и не понимаете, почему я не могъ пользоваться тѣми богатыми матеріалами для своихъ „Очерковъ", какіе заключаются въ дневникѣ Никитенка?" И на это самъ отвѣчаетъ: „Не почему иному, какъ, именно, по тому самому, почему не могъ я пользоваться и записками К. Веселовскаго и бар. Корфа: когда я писалъ свои очерки, *дневникъ Никитенка не былъ еще обнародованъ. Здѣсь я нахожу словно какъ-бы подтасовочку,—маленькую, но все равно не совсѣмъ благовидного свойства.* Г. Лемке, имѣя дѣло съ моею книгою, дѣйствительно, вышедшею въ 1892 г., совершенно игнорируетъ то обстоятельство, что мои „Очерки", задолго до выпуска ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, вначалѣ еще 80-хъ годовъ, печатались впервые на страницахъ „Отеч. Зап.". Отдѣльное-же изданіе является лишь *перепечаткою* „Очерковъ" *съ весьма немногими добавленіями.* Вы не приняли, г. Лемке, во вниманіе этого обстоятельства не знали его, *конечно? Да?* Я предвижу возраженіе г. Лемке. Положимъ, скажетъ онъ, вы не могли пользоваться дневникомъ Никитенка, когда печатали свои „Очерки" въ „Отеч. Зап.". Но что мѣшало вамъ воспользоваться ими впослѣдствіи при выпускѣ отдѣльнаго изданія въ 1892 году. Прежде всего мѣшало мнѣ пользоваться дневникомъ Никитенка по выходѣ его опять-таки то, что *я вовсе не человѣкъ науки, который могъ-бы свободно располагать своимъ временемъ, возвращаться къ прежнимъ работамъ и дѣлать въ нихъ дополненія, измѣненія, словомъ, перерабатывать ихъ сообразно вновь накопившемуся матеріалу, а затѣмъ* издавать свои труды на свой счетъ, не обращая вниманія на ихъ размѣры. Я просто-на-просто скромный труженикъ-журналистъ, принужденный *работать безъ оглядки ради насущнаго хлѣба.* До того ли мнѣ было, чтобы снова и снова приниматься за свои „Очерки" по мѣрѣ обнародованія новыхъ и новыхъ матеріаловъ? Да, *наконецъ, какъ природный журналистъ, не люблю и не люблю я возвращаться къ старымъ работамъ: онѣ претятъ мнѣ, какъ выплюнутый кусокъ пищи; я и корректуры своихъ отдѣльныхъ изданій читаю не иначе, какъ съ отвращеніемъ*".

Да, г. Скабичевскій, вы совершенно не читаете того, что пишете. Если бы вы посмотрѣли свою книгу, ну, хоть на стр. 220—260, то увидѣли бы, что ссылокъ на Никитенку у васъ *масса*, а на источники, напечатанные послѣ 1882 года, когда появились ваши „Очерки", въ „Отечеств. Запискахъ"—*еще больше.* Наконецъ, послѣднія (XXII—XXIV) главы, прибавлены совершенно заново... Слѣдовательно... договорите сами дальше...

Третьимъ пунктомъ, гдѣ г. Скабичевскій обнаружилъ свои плевательскія способности, является очень важный вопросъ о двухъ разныхъ комитетахъ—по моему утвержденію и—одномъ—по мнѣнію работающаго безъ оглядки на факты и исторію г Скабичевскаго. Здѣсь онъ тоже не согласенъ со мной, но мнѣ этого и не нужно: важенъ лишь устанавливаемый мною ниже несомнѣнный фактъ, доказывающій полную ненаучность работы „защитника" покойнаго Салтыкова.

Наконецъ, г Скабичевскій останавливается на якобы обличеніи мною во лжи талантливаго сатирика-публициста. Прежде всего онъ приводитъ въ сокращенномъ видѣ басню, разсказанную имъ въ своей „Исторіи новѣйшей русской *литературы*" (на что у меня было указано совершенно ясно на стр. 199) объ арестѣ и ссылкѣ Салтыкова. „Около того же времени поплатился ссылкою и М. Е. Салтыковъ за свои повѣсти, напечатанныя въ „Отечественныхъ Запискахъ"—„Противорѣчіе", въ № 11-мъ 1847 г. и—„Запутанное дѣло", въ № 3-мъ 1848 г. Салтыковъ служилъ въ военномъ министерствѣ, и собираясь на праздникахъ въ деревню къ роднымъ, просилъ объ отпускѣ. Но вмѣсто разрѣшенія гр. Чернышевъ, до котораго, вѣроятно, дошли слухи о литературныхъ опытахъ подчиненнаго, потребовалъ, чтобы онъ представилъ свои сочиненія. Салтыковъ представилъ два свои выше-

Закрытіе меншиковскаго комитета и учрежденіе комитета 2 апрѣля 1848 года.

Когда ревизія близилась къ концу и показала уже „злокачественность" періодической печати, самъ собой возникалъ вопросъ: разъ министерство просвѣщенія недостаточно зорко смотритъ за нею, не нуженъ-ли наблюдатель и надъ нимъ самимъ? Кромѣ того, оставалась вся книжная литература, необревизованная кн. Меншиковымъ, но тоже внушавшая опасенія...

Государя умѣли убѣдить въ соотвѣтствующемъ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, и вотъ у него родилась мысль „учредить, подъ непосредственнымъ своимъ руководствомъ, всегдашній безгласный надзоръ за дѣйствіями нашей цензуры. Съ этою цѣлью—разсказываетъ бар. Корфъ—*вмѣсто* прежняго *временнаго* комитета учрежденъ былъ, 2 апрѣля, *постоянный* изъ члена государственнаго совѣта Д. П. Бутурлина, статсъ-секретаря Дегая и меня, съ обязанностью представлять всѣ замѣчанія и предположенія свои непосредственно государю. Сначала надзоръ этого комитета предполагалось ограничить одними лишь періодическими изданіями; но потомъ онъ распространенъ на всѣ вообще произведенія нашего книгопечатанія. Призвавъ передъ себя Бутурлина и меня, государь объявилъ, что поручаетъ намъ это дѣло по особому, какъ онъ выразился, безграничному своему довѣрію.

означенные разсказа. Министръ поручилъ Н. Кукольнику, служившему, въ свою очередь, въ военномъ министерствѣ, написать о нихъ докладъ. Заклятый врагъ натуральной школы и „Отечественныхъ Записокъ", Н. Кукольникъ представилъ министру докладъ въ такомъ видѣ, что гр. Чернышевъ только ужаснулся, что столь опасный человѣкъ, какъ Салтыковъ, служитъ въ его министерствѣ, и тотчасъ же препроводилъ докладъ Кукольника въ бутурлинскій комитетъ. Оттуда докладъ былъ переданъ въ III отдѣленіе, и вотъ въ одинъ прекрасный день передъ квартирой Салтыкова остановилась ямская тройка съ жандармомъ, и ему было объявлено повелѣніе тотчасъ же ѣхать въ Вятку, гдѣ онъ, какъ извѣстно, прослужилъ болѣе семи лѣтъ, до ноября 1855 года".

Затѣмъ, процитировавъ у меня разсказъ г. Веселовскаго и мое примѣчаніе на стр. 199,—г. Скабичевскій побѣдоносно заявляетъ:

„*Приведенный мною въ „Очеркахъ" разсказъ о ссылкѣ Салтыкова, еще разъ повторяю, былъ приведенъ мною съ подлинныхъ словъ самого Салтыкова. Когда въ своихъ „Очеркахъ" я дошелъ до этого эпизода, то я вполнѣ естественно обратился къ Михаилу Евграфовичу съ просьбою сообщить мнѣ, если только онъ пожелаетъ, кое-какія подробности о его ссылкѣ. Онъ мнѣ разсказалъ* слово въ слово то, что было мною передано въ „Очеркахъ". Были въ сообщеніи его еще кое-какія подробности, которыя показались мнѣ лишними для „Очерковъ" и которыя я сообщилъ позже въ некрологѣ о смерти Салтыкова. Разсказывалъ Салтыковъ о своей ссылкѣ не въ какой-либо интимной бесѣдѣ съ глазу на глазъ, а въ редакціонномъ собраніи при свидѣтеляхъ. Давши мнѣ разрѣшеніе помѣстить свое сообщеніе въ моихъ „Очеркахъ", онъ въ то же время просилъ меня не упоминать, что оно было сдѣлано имъ, находя это неловкимъ съ своей стороны, какъ отвѣтственнаго редактора „Отеч. Зап.". Г. Лемке можетъ не питать ко мнѣ ни малѣйшаго довѣрія, но много ли нужно имѣть здраваго смысла въ головѣ, чтобы сообразить, что какъ могъ я выдумать изъ своей головы сообщеніе, помѣщенное въ „Очеркахъ", *разъ они печатались въ журналѣ, каждую статью котораго Салтыковъ прочитывалъ въ качествѣ редактора.—мои же въ особенности, такъ какъ предметъ ихъ былъ столь щекотливый, что требовалъ наиболѣе тщательнаго наблюденія со стороны отвѣтственнаго редактора.* Если бы я сообщилъ что-либо небывалое изъ какого-нибудь сомнительнаго источника, а то и изъ своей головы (спрашивается: зачѣмъ?), или даже только переиначилъ его сообщеніе, что-нибудь прибавилъ къ нему, то, безъ сомнѣнія, Салтыковъ вымаралъ бы это своимъ редакторскимъ карандашемъ. Такимъ образомъ, разъ сообщеніе появилось въ моихъ „Очеркахъ" нетронутое Салтыковымъ, то это одно имѣетъ такой видъ, какъ бы онъ самолично подписался подъ нимъ".

Прибавьте, читатель, къ этому нѣсколько строкъ изъ начала фельетона:

„Ну, что-жь, въ добрый часъ, г. Лемке. *Я не сталъ бы и защищаться отъ вашихъ нападокъ, если бы вы въ своемъ усердіи разнести меня не задѣли мимоходомъ и священнаго праха М. Е. Салтыкова, очень дорогого для меня, чтобы я оставилъ ваше покушеніе на доброе имя его безнаказанно.* Я убѣжденъ къ тому же, что вы допустили подобнаго рода *кощунство* просто по невѣдѣнію. *введя въ заблужденіе и редакцію „Русскаго Богатства"*, которая, конечно, если бы только *могла догадаться*, что вы дѣлаете, не допустила бы васъ до бросанія малѣйшей тѣни

„— Цензурныя установленія,—продолжалъ онъ,—остаются всѣ какъ были; но вы будете—я, то есть какъ самому мнѣ некогда читать всѣ произведенія нашей литературы, то вы станете дѣлать это за меня и доносить мнѣ о вашихъ замѣчаніяхъ, а потомъ мое уже дѣло будетъ расправляться съ виновными“ [1]).

Болѣе подробно выясненныхъ побужденій къ образованію постояннаго комитета 2 апрѣля мнѣ нигдѣ не встрѣтилось. Въ офиціальномъ источникѣ просто сказано: „*Комитетъ этотъ* (меншиковскій) *вскорѣ уступилъ мѣсто другому*, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніи за духомъ и направленіемъ книгопечатанія. Комитетъ этотъ принялъ наименованіе «Комитета 2 апрѣля 1848 г.», которое онъ и сохранялъ до своего уничтоженія въ 1856 г. (ошибка—1855 году—*М. Л.*)“ [2]).

Въ основаніе этого учрежденія, образованнаго изъ трехъ лицъ, совершенно независимыхъ отъ министерства просвѣщенія, были положены три главныя начала:

на великую и *въ достаточной мѣрѣ чтимую ею* память Салтыкова“—и вамъ дѣлается ясно, что я ровно ничего не видѣлъ, и не зналъ, когда писалъ свою статью въ „Русскомъ Богатствѣ“...

Но.. г. Скабичевскій сдѣлалъ цѣлый рядъ некрасивыхъ передержекъ.

Во-первыхъ, я утверждаю категорически, что ни въ его „Очеркахъ исторіи русской *цензуры*“, ни въ отдѣльно изданной книгѣ, *нѣтъ ни слова объ арестѣ и высылкѣ Салтыкова.* Все это помѣщено въ „Исторіи новѣйшей *литературы*“, никогда не печатавшейся въ „Отечеств. Запискахъ“ да еще при редакторѣ Салтыковѣ, а до этого времени—въ № 116 „Новостей“ 1889 г., *послѣ* смерти М. Е.

Во-вторыхъ, Салтыковъ не засталъ того великаго дня, когда въ 1891 году вышла въ свѣтъ эта изумительная по безцвѣтности книга: онъ умеръ въ 1889 г.

Въ-третьихъ, я охотно вѣрю, что когда-нибудь Салтыковъ и разсказывалъ г. Скабичевскому о своей высылкѣ и именно такъ, какъ это изложено имъ но почему г. Скабичевскій вообразилъ, что много лѣтъ спустя память не измѣнила Салтыкову?

Итакъ, спрашивается: доказывать запамятованіе М. Е. этого обстоятельства его жизни, значитъ-ли обличать его во лжи? — это, съ одной стороны, съ той, которую имѣли въ виду и редакція „Рус. Богатства“ и я, надо полагать, не менѣе чтущіе память великаго сатирика. Съ другой—прячась за паутину передержекъ, можно-ли доказать вздутую цѣнность „выплюнутаго“ труда по той области дѣятельности общественной мысли, къ которой *нельзя* приступить такъ, какъ приступилъ, продолжалъ и кончилъ г. Скабичевскій?

[1]) „Записки“, „Рус. Старина“, 1900 г., III, 573. Курсивъ мой. По другой версіи, государь сказалъ: „какъ мнѣ нельзя самому читать всего выходящаго у насъ въ печать, то вы будете моими глазами, пока это дѣло иначе устроится“. („Первонач. проектъ etc.,“ 49).

[2]) „Истор. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, стр. 68—69. Этимъ же источникомъ пользовался и г. Скабичевскій въ своихъ „Очеркахъ исторіи русской цензуры“, но онъ почему-то не замѣтилъ подчеркнутыхъ мною словъ, хотя они есть въ обоихъ изданіяхъ „Историческихъ свѣдѣній“. „2 апрѣля 1848 г.,—говоритъ г. Скабичевскій,—былъ учрежденъ особенный комитетъ для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ за духомъ и направленіемъ книгопечатанія подъ предсѣдательствомъ морского министра князя Меншикова и съ участіемъ слѣдующихъ лицъ: Д. П. Бутурлина, М. А. Корфа, гр. Строганова (брата министра), Дегая и Дубельта. Комитетъ этотъ въ продолженіе своего восьмилѣтняго существованія (1856 г.) оффиціально носилъ названіе „Комитета 2 апрѣля 1848 г.“, въ обществѣ же называли его „Совѣтомъ пяти“, (стр. 344). (Въ „Отеч Запискахъ“ г. Скабичевскій еще больше напуталъ: въ составѣ комитета онъ считалъ тогда Бутурлина, Анненкова, Ростовцева, Дубельта и Ширинскаго-Шихматова...) Тутъ очевидное смѣшеніе двухъ различныхъ комитетовъ въ одинъ. И г. Барсуковъ сдѣлалъ ту же ошибку, съ тою только разницей, что причины образованія меншиковскаго комитета („записки“ гр. С. Г. Строганова и бар. М. А. Корфа) онъ относитъ къ возникновенію комитета 2 апрѣля, очевидно, руководствуясь воспоминаніями Никитенка. Никитенко также не различаетъ двухъ комитетовъ, что лишній разъ доказываетъ, насколько были секретны мѣсячныя занятія меншиковскаго. То же самое приходится сказать о воспоминаніяхъ О. А. Пржецлавскаго, тогда редактора „Тыгодника“. („Рус. Старина“, 1875 г., IX). Въ извѣстной книгѣ Д. Ровинскаго

Первое—цѣль комитета есть высшій, въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, надзоръ за духомъ и направленіемъ нашего книгопечатанія.

Второе—комитетъ, не касаясь предварительной цензуры, разсматриваетъ единственно то, что уже вышло въ печать, и о всѣхъ наблюденіяхъ своихъ доводитъ до высочайшаго свѣдѣнія.

Третье—комитетъ, какъ установленіе неофиціальное и негласное, не имѣетъ самъ по себѣ никакой власти, и всѣ его заключенія вступаютъ въ силу лишь чрезъ высочайшее ихъ утвержденіе [1]).

Ясно, слѣдовательно, что въ одинъ день—2 апрѣля 1848 года—меншиковскій комитетъ, представившій свой заключительный докладъ по ревизіи, былъ упраздненъ, и образованъ *новый* съ *иными* задачами подъ предсѣдательствомъ Бутурлина. Рѣчь шла такимъ образомъ не только о перемѣнѣ предсѣдателя, но и самыхъ *функцій* новаго учрежденія.

Дальнѣйшее и будетъ изложеніемъ восьмилѣтней дѣятельности комитета 2 апрѣля 1848 года.

Д. П. Бутурлинъ. Бар. М. А. Корфъ. П. И. Дегай.

Прежде всего остановлюсь на личномъ составѣ комитета.

Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ [2]) родился въ 1790 г., въ 1808-мъ поступилъ корнетомъ въ гусарскій Ахтырскій полкъ, къ 1819-му—прошелъ всѣ чины до полковника включительно; въ 1823 г. произведенъ въ генералы; въ 1833 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника, назначенъ къ присутствованію въ сенатѣ, а въ 1840 г.—въ государственномъ совѣтѣ; въ 1843 г. назначенъ директоромъ императорской публичной библіотеки; въ 1846 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Написалъ нѣсколько историческихъ сочиненій на русскомъ и французскомъ языкахъ. Его обликъ очень недурно очерченъ въ воспоминаніяхъ графини А. Д. Блудовой.

„Русскія народн. картинки" находимъ еще одно крайне путаное указаніе: „2 апрѣля 1848 г. былъ составленъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Бутурлина, изъ членовъ: кн. Меншикова, Анненкова и барона Корфа" („Сбор. отд. рус. языка и слов. Император. Академіи Наукъ" т. XXVII, стр. 345). Любопытно, что въ „Историч. обзорѣ дѣятельности министерства народ. просвѣщенія", 1802—1902, составленномъ С. В. Рождественскимъ и изданномъ самимъ министерствомъ, допущена такая же путаница: „2 апрѣля былъ образованъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ кн. Меншикова... Членами комитета были: Бутурлинъ, баронъ Корфъ, графъ Строгановъ, Дегай и Дубельтъ" (стр. 337); между тѣмъ, въ концѣ главы указаны источники, которые съ совершенной ясностью позволяютъ судить о полной раздѣльности и независимости менишковскаго и бутурлинскаго комитетовъ. Самъ собой возникаетъ вопросъ: да читалъ-ли эти источники г. Рождественскій, не привелъ-ли онъ ихъ ради украшенія своей освѣдомленности? Не могу также не замѣтить, что ужъ кто-кто, а г. Рождественскій могъ бы, кажется, посидѣть въ архивѣ своего министерства и отыскать тамъ данныя, очень цѣнныя для настоящаго вопроса. Наконецъ, ту-же путаницу вводитъ въ дѣло и анонимный офиціальный составитель очень интересной работы: „Цензура въ царствованіе императора Николая I", печатающейся въ „Рус. Старинѣ" 1903 г. Тамъ на стр. 139, въ іюльской книжкѣ, такая неразбериха, что просто удивляешься Выходитъ такъ, что существовалъ себѣ комитетъ (меншиковскій), дѣлалъ всякія распоряженія, а затѣмъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, *старшій членъ* этого-же комитета *16 апрѣля* сообщаетъ Уварову объ учрежденіи этого комитета... Словомъ, съ источниками очень не церемонились.

[1]) „Первоначальный проектъ устава о книгопечатаніи, составленный комиссіею, выс. утв. при министерствѣ нар. просвѣщенія", Спб., 1862 г., 49.

[2]) Не слѣдуетъ смѣшивать съ гр. Дм. П. Бутурлинымъ, извѣстнымъ библіографомъ, умершимъ въ 1829 году. Къ сожалѣнію, портрета этого мракобѣса нигдѣ не удалось найт

„Въ то время (1831 г.—*М. Л.*) онъ (Бутурлинъ—*М. Л.*) былъ еще среднихъ лѣтъ, очень оживленный, пріятный и остроумный въ разговорѣ, хотя—часто рѣзокъ и желченъ. Сперва меня привлекала къ нему его авторская репутація. Я всегда слышала, что его называли въ шутку Boutourline—Jomini, потому что онъ написалъ военную исторію кампаніи 1812 года [1]). Потомъ я съ нимъ очень подружилась. Мы продолжали часто и пріятельски видѣться потомъ въ Петербургѣ, гдѣ у нихъ бывали очень блистательные балы и вечера. Дмитрій Петровичъ до самой смерти остался остроумнымъ и увлекательнымъ собесѣдникомъ, съ которымъ я всегда охотно встрѣчалась, хотя въ 1848 году батюшка (Д. Н. Блудовъ—*М. Л.*) и онъ совершенно разошлись въ мнѣніи насчетъ цензуры. Было-ли это уже что-то болѣзненное у Бутурлина, или врожденная рѣзкость и деспотизмъ характера (которые неоспоримо существовали въ немъ), но онъ доходилъ до такихъ крайнихъ мѣръ въ этомъ отношеніи, что иногда приходилось спросить себя: не плохая ли это шутка? Напримѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя, что они революціонны. Батюшка сказалъ ему, что онъ, такимъ образомъ, осуждаетъ своего собственнаго ангела, Св. Димитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій только поновилъ въ этомъ акаѳистѣ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій.—«Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть опасныя выраженія», отвѣчалъ Бутурлинъ. Вотъ эти, по его мнѣнію, «опасныя» мѣста: «Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ... Совѣтъ неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби» и пр., и пр.—«Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ правителей», сказалъ мой отецъ.—«Такъ чтожъ?» возразилъ Дмитрій Петровичъ, переходя въ шуточный тонъ: «еслибъ Евангеліе не было такая извѣстная книга, конечно, надобно бъ было цензурѣ исправить ее» [2]).

О баронѣ (потомъ графѣ) Модестѣ Андреевичѣ Корфѣ распространяться нѣтъ надобности: сказанное уже выше да многое изъ послѣдующаго совершенно уяснитъ личность этого умнаго, лукаваго царедворца, бывшаго головою выше окружавшихъ его посредственностей, настойчиво шедшаго къ возвышенію всякими средствами бюрократа.

Что касается третьяго члена комитета—сенатора, статсъ-секретаря Павла Ивановича Дегая, то о немъ лишь извѣстно, что онъ, какъ юристъ, докторъ правъ, отличался широкими взглядами на задачи изученія права вообще и русскаго въ частности; а какъ писатель, стремившійся своими сочиненіями расширить міровоззрѣніе русскихъ юристовъ и указать пособія къ пріобрѣтенію серьезныхъ юридическихъ свѣдѣній, Дегай оставилъ послѣ себя добрую память въ русской юриспруденціи [3]). Мнѣ думается, что въ эту одностороннюю характеристику долженъ быть внесенъ серьезный коррективъ, уже благодаря самому дѣя-

[1]) Кн. С. Г. Волконскій (декабристъ), самъ участникъ этой войны, такъ отзывается о трудахъ Бутурлина: „Исторія его, большею частью, кромѣ искаженій многихъ обстоятельствъ и событій, есть панегирикъ живымъ, въ силѣ при дворѣ состоящимъ во время редакціи его записокъ, и очень часто хула несправедливая о тѣхъ, которые были въ немилости или отъ которыхъ, какъ отъ умершихъ, не ожидалъ онъ себѣ поддержки и не боялся возраженія" („Записки", изд. 2-е, 1902 г., 170). Отзывъ этотъ совершенно справедливъ.

[2]) „Воспоминанія гр. А. Д. Блудовой", „Рус. Архивъ", 1874, I, 726–727.

[3]) Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона.

тельному участію Дегая въ комитетѣ 2 апрѣля. Достаточно приведеннаго «эврика!», чтобы судить, чт это былъ за господинъ [1].

Неограниченность компетенціи комитета 2 апрѣля 1848 г. Его таинственность.

Вотъ какъ опредѣляетъ дѣятельность комитета самъ баронъ Корфъ: „Родъ нароста въ нашей администраціи, онъ продолжалъ существовать подъ именемъ комитета 2 апрѣля и съ измѣнившимся нѣсколько разъ личнымъ составомъ во все остальное время царствованія императора Николая. Учрежденіемъ его образовалась у насъ двоякая цензура: предупредительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая до печати, и взыскательная или карательная, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже напечатанное и привлекавшая *съ утвержденія и именемъ государя*, къ отвѣтственности какъ цензоровъ, такъ и авторовъ за все, что признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства [2].

Никто изъ цензоровъ и авторовъ офиціально не зналъ объ его существованіи: все шло опять-таки черезъ министра просвѣщенія или главноуправляющаго III-мъ отдѣленіемъ Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Въ дѣйствовавшемъ тогда законѣ о печати не было никакихъ основаній для оправданія такой верховной надстройки; всякій изъ подвергавшихся наказанію считалъ его внѣ рамокъ правового порядка уже потому, что не зналъ истиннаго источника своихъ злоключеній. Она сваливалась на голову, какъ глыба, и не одинъ писатель подвергся совершенно неожиданной отвѣтственности за пропущенное цензурой сочиненіе.

Насколько таинственны были дѣйствія комитета можно судить прежде всего изъ свидѣтельства Пржецлавскаго, съ 1853 г. вступившаго членомъ въ главное управленіе цензуры и, слѣдовательно, больше, чѣмъ очень многіе современники, могшаго знать всю эту организацію. Между тѣмъ, вотъ что мы находимъ въ его воспоминаніяхъ: „Это было учрежденіе негласное, а хотя было вообще извѣстно, что оно наблюдаетъ за печатью и повѣряетъ дѣйствія цензуры, но лично до меня, какъ издателя журнала, послѣдствія его дѣятельности не доходили ни разу, а о подробностяхъ ихъ я не старался узнавать. Помню только, что цензора моей газеты страшно боялись этой контръ-цензуры и излишнюю свою осторожность оправдывали этимъ опасеніемъ. Впрочемъ, этотъ комитетъ недолго существовалъ и отъ дѣятельности его не осталось воспоминанія о чемъ-нибудь замѣчательномъ. Это составляетъ, быть можетъ, лучшую похвалу учрежденію такого рода“ [3].

Ниже читатель увидитъ, „осталось ли что-нибудь замѣчательное“, а теперь приведу слова Никитенка: „Постепенно выяснилось, что комитетъ учрежденъ для изслѣдованія нынѣшняго направленія русской литературы. преимущественно журна-

---

[1]) Насколько секретенъ былъ составъ комитета можно судить, между прочимъ, по тому, что въ „Колоколѣ“ (1860 г., № 72) онъ показанъ состоящимъ изъ Бутурлина, кн. А. О. Голицына, бар. Корфа, Н. Н. Анненкова и В. А. Шереметева. Это побуждаетъ сомнѣваться и въ спискѣ комитетскихъ чтецовъ печатнаго матеріала, уже допущеннаго цензурой, которые, дѣйствительно, были въ числѣ семи человѣкъ и назывались „помощниками членовъ“, но кто - неизвѣстно. Тамъ же указаны: Θеофилъ Толстой, камергеръ Михайловъ, камеръ-юнкеръ Ростовскій, камергеръ Горяиновъ, Борисъ Θедоровъ (сотрудникъ Θаддея Булгарина по доносительству), камергеръ Мірскій, Ленцъ и юный Дегай (сынъ П. И.).

[2]) „Рус. Старина“, 1900 г., III, 574.

[3]) „Рус. Старина“, 1875 г. IX, 169.

ловъ, и для выработки мѣръ обузданія ея на будущее время. Паническій страхъ овладѣлъ умами. Распространились слухи, что комитетъ особенно занятъ отыскиваніемъ вредныхъ идей коммунизма, соціализма, всякаго либерализма, истолкованіемъ ихъ и измышленіемъ жестокихъ наказаній лицамъ, которыя излагали ихъ печатно или съ вѣдома которыхъ онѣ проникали въ публику. „Отечественныя Записки" и „Современникъ", какъ водится, поставлены были во главѣ виновниковъ распространенія этихъ идей. Министръ народнаго просвѣщенія не былъ приглашенъ въ засѣданія комитета; ни отъ кого не требовали объясненій; никому не дали узнать, въ чемъ его обвиняютъ, а между тѣмъ, обвиненія были тяжкія" [1]).

По словамъ офиціальнаго источника—„комитетъ 2-го апрѣля дѣйствовалъ съ большою энергіей и слѣдилъ за всѣмъ печатаемымъ въ Россіи и за провозимымъ изъ-за границы печатнымъ товаромъ, подобно тому, какъ это дѣлали чиновники особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры. Эти послѣдніе должны были доводить о всѣхъ замѣченныхъ ими недосмотрахъ цензуры до свѣдѣнія министра. Комитетъ сообщалъ ему о томъ же съ своей стороны. Такимъ образомъ можно было, казалось, надѣяться, что никакое упущеніе цензуры, никакое отклоненіе мысли отъ указаннаго ей пути не въ состояніи будутъ укрыться. Дѣйствительно, ничто не ускользало отъ вниманія, по крайней мѣрѣ, комитета 2-го апрѣля" [2]).

Главнѣйшее неослабное и очень строгое его вниманіе было обращено на *междустрочный смыслъ* сочиненій, не столько на „видимую", какъ указывалъ дѣйствующій уставъ 1828 г., сколько на *предполагаемую* цѣль автора, и не на „дозволительность" статей, а на *приличіе* или *умѣстность* ихъ. Все „туманное", „неопредѣленное", дающее, по мнѣнію комитета, поводъ къ предположеніямъ и толкованіямъ, было указываемо министру, при томъ въ такой, напримѣръ, формѣ: „Хотя означенная поэма была разсмотрѣна цензурою еще *прежде* происшествій на Западѣ, но какъ проявленіе подобныхъ мыслей не слѣдовало допускать въ нашей литературѣ, то комитетъ полагалъ предоставить вашему сіятельству сдѣлать цензору за пропускъ означенныхъ стиховъ строгое замѣчаніе". „Надзоръ комитета производился съ изумительной дѣятельностью не только по текущей литературѣ, но, какъ видно изъ предшествовавшаго примѣра, и по сочиненіямъ, *изданнымъ ранѣе;* онъ простирался на губернскія вѣдомости, на изданія совершенно спеціальныя и мѣстныя, какъ, напримѣръ, на описаніе пятидесятилѣтняго юбилея наборщика Нёберта, напечатанное въ Митавѣ, на нѣмецкій словарь, въ которомъ замѣчены были нѣкоторыя неприличныя слова, и т. д., и т. д. Впрочемъ, наблюденіе комитета не ограничивалось одною лишь литературою; онъ обращалъ вниманіе и на механизмъ самаго цензурнаго управленія и указывалъ министру на случившіяся въ его вѣдомствѣ неисправности... Словомъ, высочайшая воля по дѣламъ цензурнаго вѣдомства объявлялась гр. Уварову (и его преемникамъ—*М. Л.*) черезъ комитетъ, *и изъ дѣлъ не видно, чтобъ министръ въ это время имѣлъ личные доклады у государя.* Все это до такой степени лишило гр. Уварова всякой самостоятельности, направленія, инициативы, что онъ иногда

---

[1]) „Дневникъ", „Рус. Старина", 1890 г., II. 385.
[2]) „Истор. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи", 69.

не рѣшался самъ, и даже съ помощью главнаго управленія [1]), разрѣшать или запрещать статьи, а посылалъ ихъ на предварительное обсужденіе главноначальствующаго III Отдѣленіемъ, гр. Орлова" [2]).

Эти замѣчанія официальнаго источника получатъ ниже неоднократное подтвержденіе.

Первые шаги комитета. Выговоръ военному министру. Выходка А. А. Краевскаго. „Иллюстрированный альманахъ" Современника. Нахлобучка Булгарину. До чего терроризованы были цензора и писатели. В. И. Даль — соціалистъ. Предохраненіе отъ этого публики.

16 апрѣля Бутурлинъ отнесся къ Уварову съ первой своей бумагой: „Государь Императоръ, удостоивъ конфирмаціи образованіе комитета, высоч. учрежденнаго во 2-й день апрѣля 1848 г., для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніи за духомъ и направленіемъ всѣхъ произведеній нашего книгопечатанія, на какомъ бы языкѣ и по какому бы вѣдомству они ни появлялись, высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Объ учрежденіи сего комитета, составляющаго установленіе неофиціальное, дать знать, конфиденціально, лишь министерствамъ и главнымъ управленіямъ и 2) Для доставленія Комитету большей возможности слѣдить за ходомъ нашего книгопечатанія, отнестись ко всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ, чтобы изъ всѣхъ вообще типографій, состоящихъ въ ихъ вѣдомствахъ, были доставляемы еженедѣльно въ императорскую публичную библіотеку именныя вѣдомости о выпущенныхъ изъ нихъ книгахъ, періодическихъ изданіяхъ, брошюрахъ, отдѣльныхъ листахъ и проч.

„Сообщая о семъ высоч. повелѣніи вашему сіятельству для зависящаго отъ васъ, м. г., въ чемъ слѣдуетъ, распоряженія, имѣю честь присовокупить, что по точному смыслу упомянутаго выше высоч. утвержд. образованія, существованіе Комитета ни въ чемъ не измѣняетъ и не ограничиваетъ существованія и дѣйствія установленныхъ цензурныхъ властей и что, на основаніи того же образованія, всѣ сношенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ дѣйствій Комитета, учрежденнаго государемъ императоромъ подъ моимъ предсѣдательствомъ, будутъ производиться чрезъ меня" [3]).

Первое распоряженіе Уварова, объявленное по приказанію (въ сущности, это было всегда именно приказаніе) комитета 2-го апрѣля, относится къ 20-му іюня 1848 г. Вотъ оно: „Не должно быть допускаемо въ печать никакихъ, хотя бы и *косвенныхъ*, порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, *къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали*" [4]). Второе—отъ 29-го іюня: „1) назначаемыя для руководства студентовъ и воспитанниковъ учебныя записки должны быть литографируемы не иначе, какъ съ означеніемъ на выходящихъ листахъ имени профессора или преподавателя, дозволившаго литографировать свои лекціи, съ тѣмъ, чтобы на немъ лежала полная отвѣтственность за содержаніе такихъ записокъ; 2) означенныя литографируемыя лекціи должны, по мѣрѣ ихъ изданія, быть доставляемы въ императорскую

[1]) Тогда это было учрежденіе довольно сильное своей коллегіальностью.
[2]) Ibidem., 69—70.
[3]) „Цензурныя дѣла etc", № 1, т II, 412—414.
[4]) „Сборникъ постановленій etc", 250.

публичную библіотеку наравнѣ со всѣми печатаемыми произведеніями, распространивъ оба сіи правила на всѣ вообще учебныя заведенія, въ какомъ бы вѣдомствѣ оныя ни состояли" [1]).

Изъ дѣлъ 1848 г. прежде всего обращаетъ на себя вниманіе инцидентъ съ офиціальной газетой—„Русскій Инвалидъ".

Увѣдомленный объ образованіи постояннаго негласнаго надзора за печатью, военный министръ, гр. Чернышевъ, поспѣшилъ оградить себя отъ могущихъ быть непріятностей и 20-го апрѣля писалъ предсѣдателю военно-цензурнаго комитета:

„Неоднократно замѣчено, что редакція газеты „Рус. Инв." не слѣдуетъ общимъ установленнымъ для цензуры правиламъ и что въ газетѣ сей часто проявляются описанія извѣстій въ томъ превратномъ видѣ, въ какомъ выставляютъ ихъ иностранныя газеты. Я поручалъ уже дежурному генералу главнаго штаба Е. И. В. объясниться о семъ съ директоромъ канцеляріи комитета высоч. утв. 18-го августа 1814 г. [2]); но и за симъ редакція помянутой газеты обнаруживаетъ тѣ же превратныя правила. Такъ, напримѣръ, въ газетѣ 16-го апрѣля, № 82, въ статьѣ „Иностранныя извѣстія", австрійскія войска названы *непріятельскими*; предводительствующимъ толпами инсургентовъ расточается названіе *храбрыхъ*; а статья изъ Киля *о студентахъ* вовсе не должна имѣть мѣста въ газетѣ. Считая долгомъ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство обратить особенное вниманіе на редакцію газеты „Рус. Инвалидъ", какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, поставляю обязанностью присовокупить, что наблюденіе за духомъ и направленіемъ сей газеты остается на отвѣтственности комитета, предсѣдательствуемаго вашимъ высокопревосходительствомъ" [3]).

Но зоркій глазъ Комитета 2-го апрѣля не прошелъ мимо „политически неблагонадежнаго" „Русскаго Инвалида", и уже 25-го апрѣля Бутурлинъ писалъ военному министру:

„Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что если настоящія событія на западѣ Европы возбуждаютъ во всей мыслящей и благоразумной части нашей публики одно справедливое омерзеніе, то необходимо всячески охранять и низшіе классы отъ распространенія между ними круга идей, нынѣ, благодаря Бога, совершенно еще имъ чуждыхъ, а въ семъ отношеніи нельзя не обратить вниманія, что русскія газеты читаются и всѣми мелкими чиновниками, и на частномъ дворѣ, и въ трактирахъ, и въ лакейскихъ, разсыпаясь такимъ образомъ между сотнями тысячъ читателей, для которыхъ все это свято, какъ законъ, потому уже одному, что оно печатное. Въ такомъ смыслѣ нѣтъ, безъ сомнѣнія, никакой пользы и надобности, чтобы эти многочисленные читатели, изъ коихъ самая большая часть стоитъ на низшей степени образованія и общественной лѣстницы, знали, напримѣръ, что въ Парижѣ тронъ выброшенъ въ окно и всенародно сожженъ, или читали тѣ коммунистскія выходки, тѣ опасныя лжеумствованія, которыми теперь такъ обилуютъ заграничные журналы.

„Между тѣмъ, Его Императорское Величество изволилъ усмотрѣть, что въ политической части нашихъ газетъ являются иногда такія статьи, которыя, хотя

---

1) Ibidem, 251—252.
2) Военно-цензурный комитетъ.
3) „Рус. Старина", 1870 г., X, 598—599.

онѣ и не содержатъ въ себѣ ничего прямо противнаго существующимъ цензурнымъ правиламъ, лучше и осторожнѣе было бы при сихъ особенныхъ обстоятельствахъ времени, стоящихъ выше силы общаго закона, не оглашать на русскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, въ 84 № „С.-Петерб. Вѣдомостей" (17 апрѣля) переведено изъ французскихъ журналовъ письмо, гдѣ разсказывается разговоръ одного студента съ коммиссаромъ временнаго правительства и между прочимъ помѣщены слѣдующія слова послѣдняго: «Пусть банкирскіе дома падаютъ; пусть погибаетъ торговля; тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе достигнемъ мы своей цѣли. Покуда останутся богатые, надобно будетъ стараться разорить ихъ; теперь богачи—горсть людей безъ энергіи, которые страдаютъ и ничего не дѣлаютъ; ихъ нечего слушать.—Да развѣ вы думаете, что работники не страдаютъ такъ же, какъ и богачи?—Нѣтъ, потому, что все у нихъ въ рукахъ и если бы они страдали, то страдали бы не долго». Такъ и въ 82 № „Рус. Инвалида" (16 апрѣля) при описаніи шлезвигъ-гольштинскаго возстанія противъ Даніи, напечатано: «Доказательства храбрости, представленныя студентами, принесли бы честь самымъ старымъ солдатамъ. Юноши, никогда не обращавшіеся съ оружіемъ, дрались какъ львы. Вокругъ нихъ падали товарищи, скошенные картечью датчанъ; но они не отступали, пока неравенство силъ не заставило отложить въ сторону всякую мысль объ удержаніи позиціи. Храбрость студентовъ поистинѣ пристыдила кильскихъ егерей». По мнѣнію Его Величества, статьи, въ родѣ первой, могутъ способствовать постепенному вторженію и въ наше простонародіе того губительнаго образа мыслей, который обтекаетъ теперь Францію и Германію; а хвалебные возгласы студентамъ, въ родѣ помѣщенныхъ въ „Инвалидѣ", могутъ опасно воспалять страсти и ложное любочестіе и въ нашемъ юношествѣ, хотя воспитываемомъ въ другихъ правилахъ, но не болѣе опытномъ и разсудительномъ, нежели вездѣ. Отсюда ясно, какъ желательно бы было, что подобные случаи не могли уже болѣе повторяться.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ, обозрѣвая подлежащій вопросъ со всѣхъ его сторонъ, убѣдиться изволилъ, что едва-ли возможно предуказать какія-нибудь общія положительныя правила или постоянную раму для политическихъ статей въ русскихъ газетахъ: ибо хотя главный вредъ заключался бы, конечно, въ передачѣ читателямъ такихъ разсужденій или подробностей, которыя даютъ или могутъ дать поводъ къ превратнымъ идеямъ или опаснымъ примѣненіямъ но иногда и простое сообщеніе голыхъ фактовъ (напримѣръ, упомянутый выше, о тронѣ), даже если бы изображать ихъ и въ яркихъ краскахъ того омерзенія, коего они заслуживаютъ, оказывалось бы не менѣе вреднымъ и предосудительнымъ. Вслѣдствіе сего Его Императорское Величество изволилъ полагать, что здѣсь можно и должно ожидать всего лишь отъ собственной прозорливости, отъ высшаго, такъ сказать, такта тѣхъ лицъ, коимъ предоставлено предварительное одобреніе политической части русскихъ газетъ, въ прозорливости и тактѣ которыхъ, конечно, невозможно и усомниться, когда лица сіи вполнѣ ознакомлены будутъ съ образомъ воззрѣнія на сей важный предметъ Его Величества и увидятъ при томъ приведенные выше примѣры такихъ статей, которыя признаются предосудительными.

„Для достиженія сей цѣли Государь Императоръ, имѣя въ виду, что цензура политическихъ въ газетахъ статей сосредиточивается въ главномъ вдѣомствѣ

иностранныхъ дѣлъ, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: сообщить г. государственному канцлеру иностранныхъ дѣлъ объ изложенныхъ здѣсь мысляхъ Его Величества для постановленія ихъ въ виду тѣхъ лицъ, на коихъ упомянутая цензура возложена съ тѣмъ, чтобы они имѣли самое строгое въ указываемомъ нынѣ смыслѣ наблюденіе. О сей высочайшей волѣ, объявленной мною съ симъ вмѣстѣ графу Несельроде, Государю Императору благоугодно было повелѣть мнѣ увѣдомить и ваше сіятельство для обращенія особаго на сей предметъ вниманія [1])".

Въ теченіе перваго же мѣсяца комитетъ 2 апрѣля успѣлъ заручиться благоволеніемъ государя. Это ясно изъ слѣдующаго разсказа бар. Корфа, встрѣтившагося съ государемъ, въ началѣ мая, на вокзалѣ, въ Царскомъ Селѣ.

„Протянувъ мнѣ руку, государь продолжалъ свою прогулку по галлереѣ вмѣстѣ со мною и началъ говорить о дѣлахъ нашего цензурнаго комитета.

— Послѣднее замѣчаніе ваше объ анекдотѣ въ „Сѣверной Пчелѣ",—сказалъ онъ,—не важно; однако, хорошо, что и это отъ васъ не ускользнуло.

— Государь,—отвѣчалъ я—мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность доводить до вашего свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ замѣчаніяхъ, даже и мелочныхъ, предпочитая представить что-нибудь мелочное, чѣмъ пропустить важное.

— Такъ, такъ и надо; прошу и впередъ также продолжать; ну, а что теперь Краевскій съ своими „Отечественными Записками" послѣ сдѣланной ему головомойки?

— Я въ эту минуту именно читаю майскую книжку и нахожу въ ней совершенную перемѣну, совсѣмъ другое направленіе, и нѣтъ уже слѣда прежняго таинственнаго аргô. Повѣшенный надъ журналистами Дамокловъ мечъ, видимо, приноситъ добрые плоды.

— Надѣюсь и, признаюсь, не могу только надивиться, какъ прежде допустили вкрасться противному.

„Продолжая рѣчь о томъ же предметѣ, Государь сказалъ еще:

— Больше всего мнѣ досадны тупые возгласы противъ Петра Великаго; досадно, когда и говорятъ, а тѣмъ болѣе нестерпимо, когда печатаютъ. Петръ Великій сдѣлалъ, что могъ и даже больше, чѣмъ могъ, и въ правѣ-ли мы теперь, при такомъ отдаленіи отъ той эпохи и въ нашемъ незнаніи тогдашнихъ обстоятельствъ, критиковать его дѣйствія и унижать его славу и славу самой Россіи!"

Въ іюльской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" „старавшимся" Краевскимъ была опмѣщена его собственная, хотя и никѣмъ не подписанная, статья—„Россія и Западная Европа въ настоящую минуту". Вотъ ея начало:

„Европа представляетъ теперь зрѣлище безпримѣрное и чрезвычайно поучительное. Въ одной половинѣ ея—безначаліе со всѣми своими ужасными послѣдствіями; въ другой—миръ и спокойствіе со всѣми своими благами. Опредѣ-

---

[1]) „Рус. Старина", 1872 г., V, 784—786.

Выше, въ выноскѣ посвященной г. Скабичевскому, я умышленно не коснулся критики по существу самаго его разсказа о высылкѣ Салтыкова, ожидая, когда мои читатели ознакомятся съ тѣмъ документомъ, который ставится г. Скабичевскимъ, какъ начало всѣхъ бѣдствій Михаила Евграфовича. По приведенной выдержкѣ изъ „Новостей" это неясно такъ, какъ если бы г. Скабичевскій не поэкономничалъ лишними 5—10 строками и привелъ бы слѣдующія свои подлинныя слова въ книгѣ: „И надо было случиться, чтобы однимъ изъ первыхъ распоряженій Бутурлинскаго комитета было строгое замѣчаніе данное министру гр. Чернышеву за цензурныя неисправности въ *Русскомъ Инвалидѣ. Надо помнить*

леніе и раздѣленіе здѣсь такъ вѣрны, что никакія географическія границы не могутъ означать ихъ лучше и вы уже назвали—Западную Европу и Россію. Отъ чего же это изумительное явленіе, которое поражаетъ всякаго, к особенно тѣхъ, кто не привыкъ вникать въ причины видимыхъ явленій? Отъ чего въ одной половинѣ Европы ниспроверженіе всѣхъ государственныхъ и общественныхъ основаній, въ другой—умилительное зрѣлище незыблемой законности, которая только заимствуетъ новый блескъ и силу отъ противоположнаго ей явленія?"

Затѣмъ, на протяженіи печатнаго листа, шли объясненія и доказательства этихъ мыслей всей европейской и русской исторіей, а заканчивалась статья такъ:

„Россія въ юности своей была государствомъ самобытнымъ, отвергнувшимъ всѣ искушенія Запада, а въ крѣпости мужества своего она составляетъ незыблемый колоссъ. Лѣтописи міра не представляютъ подобнаго величія и могущества, и счастіе быть русскимъ есть уже дипломъ на благородство посреди другихъ европейскихъ народовъ. Какъ въ древнемъ мірѣ имя римлянина означало человѣка по преимуществу, такъ значительно въ наши дни имя русскаго. Мы не гордимся своею славою, силою и своими народными добродѣтелями, но онѣ сами въ себѣ заключаютъ предметъ уваженія для всѣхъ народовъ. Мы не чуждаемся другихъ народовъ, но и не переселяемся къ нимъ цѣлыми населеніями, какъ они къ намъ. Русскіе бываютъ въ Европѣ посѣтителями, гостями, бывали и освободителями отъ рабства, не разъ расплачивались они тамъ съ врагами своими въ великолѣпныхъ ихъ столицахъ; но всегда великодушіе сопровождало ихъ дѣйствія, и русская щедрость вошла въ повѣрье у многихъ народовъ. Намъ не надобно ни золота, ни хлѣба, за которыми они пріѣзжаютъ къ намъ, и никому изъ русскихъ не приходитъ въ голову мысль оставить свое отечество для насущнаго пропитанія, за которымъ толпами являются къ намъ чужеземцы. Мы богаты всѣмъ и потому-то всегда готовы помогать, а не вымаливать. Они хотятъ отдѣлить насъ отъ себя... Неразумные! они не видятъ, что мы уже отдѣлены отъ нихъ, отдѣлены лучше нежели стѣнами—отдѣлены историческимъ своимъ развитіемъ, нравственными своими началами, образованіемъ всѣхъ частей нашего государственнаго устройства.

„Они мечтаютъ, что мы учимся у нихъ жить, тогда какъ мы давно живемъ самобытною жизнью. Великій Петръ учился у саардамскихъ плотниковъ и корабельщиковъ, бесѣдовалъ съ Лейбницемъ, но не бралъ примѣра съ голландскаго народоправленія и не учился религіи у Сорена и другихъ проповѣдниковъ.

что это обстоятельство, вооруживъ Чернышева противъ литераторовъ, повліяло на то суровое отношеніе, какое встрѣтилъ Салтыковъ, когда обратился къ начальству съ просьбою объ отпускѣ"... дальше идетъ приведенное и г. Скабичевскимъ. Съ одной стороны, мы знаемъ, что Бутурлинъ написалъ Чернышеву 25 апрѣля; съ другой—знаетъ и г. Скабичевскій, что Салтыковъ увезенъ изъ Петербурга въ Вятку 28 апрѣля. Не говоря уже о несостоятельности такихъ выраженій, какъ „надо полагать" и т. п., съ помощью которыхъ г. Скабичевскій сплетаетъ свою легенду, я остановлюсь на одномъ соображеніи. Читателю извѣстна та ужасная канцлерская волокита, которая царила у насъ въ николаевское время. Пусть-же онъ представитъ себѣ, какъ могло въ теченіе трехъ дней: 25, 26 и 27 апрѣля произойти слѣдующее: 1) Салтыковъ представилъ свои разсказы, 2) Чернышевъ далъ ихъ Кукольнику, 3) Кукольникъ написалъ докладъ, 4) представилъ его Чернышеву, 5) Чернышевъ—Бутурлинскому комитету, 6) Бутурлинскій комитетъ—III Отдѣленію, 7) III Отдѣленіе испросило резолюцію государя, 8) Государь ее далъ, 9) сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія для отправки М. Е...—и все это по дѣлу самому обыкновенному... Не гораздо-ли реальнѣе разсказъ Веселовскаго? Тогда ясно все: 2 апрѣля подписанъ докладъ Меншикова, дѣлу данъ ходъ, оно тянулось 25—26 дней и 28 апрѣля Салтыковъ вывезенъ изъ Петербурга..

Такъ и въ наше время, намъ надобны ихъ Уатты, Фультоны, Вернеты, Леверье, а не господа Прудонъ, Кабе и Ледрю-Ролленъ съ товарищами. Намъ надобны успѣхи просвѣщенія и образованности, намъ драгоцѣнны великіе люди, а развратныя ученія мы гонимъ отъ себя, какъ язву, и крѣпкій нравственный карантинъ защищаетъ насъ отъ этого бѣдствія. Мы готовы осыпать золотомъ и окружить всѣми выгодами какого-нибудь ученаго или художника; но не совѣтуемъ французскимъ говорунамъ пріѣзжать къ намъ; умрутъ съ голода, потому что никто не приметъ ихъ. Пусть роются въ своемъ домашнемъ хламѣ, уже не надѣясь попасть къ намъ въ учителя съ тѣхъ поръ, какъ мудрый Монархъ нашъ преградилъ путь и этой промышленности французскихъ шарлатановъ.

„Россія! драгоцѣнное наше отечество! Цвѣти и красуйся подъ сѣнію своихъ самодержавныхъ Монарховъ, болѣе и болѣе утверждаясь въ основныхъ началахъ твоего могущества и величія. Внѣшнія бури не испугаютъ насъ; мы отдѣлены отъ нихъ несокрушимымъ оплотомъ своей православной вѣры и всего нравственнаго и историческаго своего образованія" [1]).

Выставленная подъ статьей дата: „25 мая 1848 г." наводитъ на размышленія: 26 мая скончался Бѣлинскій—зеркало побаивавшагося его Краевскаго... Статья, по всей вѣроятности, написана послѣ этого, но желая показать кукишъ изъ кармана, Краевскій подписалъ ее кануномъ смерти—болѣе раннимъ числомъ этого сдѣлать было неудобно: статья, помѣченная, напримѣръ, началомъ мая, считалась бы опоздавшей для іюльской книжки...

Разсердивъ очень Погодина, взбѣшеннаго наглымъ плагіатомъ здѣсь никѣмъ незамѣчаемыхъ писаній „Москвитянина", статья эта обратила на себя благосклонное вниманіе комитета 2 апрѣля, и Бутурлинъ писалъ Уварову: „При обозрѣніи выходившихъ въ теченіе минувшаго іюля періодическихъ изданій, книгъ, отдѣльныхъ сочиненій и пр. комитетъ, высоч. утвержденный во 2-й день апрѣля с. г., остановился на статьѣ, помѣщенной въ седьмомъ нумерѣ «Отечественныхъ Записокъ» подъ заглавіемъ «Россія и Западная Европа въ настоящую минуту», статьѣ, написанной самимъ редакторомъ журнала и отличающейся вѣрнымъ взглядомъ на описываемый предметъ, безпристрастнымъ, чуждымъ какого-либо ласкательства и внушающимъ тѣмъ болѣе довѣрія изложеніемъ, особою теплотою религіознаго чувства и патріотическимъ увлеченіемъ, достойнымъ всякой похвалы. Замѣчанія сіи комитетъ счелъ долгомъ повергнуть на высочайшее воззрѣніе, вслѣдствіе чего Государю Императору благоугодно было повелѣть предоставить вашему сіятельству объявить коллежскому совѣтнику Краевскому, что означенная статья удостоилась обратить на себя всемилостивѣйшее вниманіе Его Императорскаго Величества" [2]).

Неполучавшему еще тогда подобныхъ знаковъ благоволенія и безсовѣстно обобранному Краевскимъ, Погодину, Даль писалъ по этому поводу: „Если грозятъ закрыть и запечатать фабрику, которая кормитъ, такъ, чай, запоешь и не то!" [3]).

Иначе относились къ „Современнику", уже меншиковскимъ комитетомъ взятому, какъ мы видѣли, на замѣчаніе. Въ 1848 г. Некрасову пришла въ голову мысль дать при журналѣ „Иллюстрированный альманахъ", вышедшій, однако,

---

1) „Отеч. Зап.", т. LIX, отд. III, 1—20.
2) *Н. Барсуковъ*, н. с., IX, 290—291.
3) Ibidem, 302.

только въ 1849 году и то въ сильно измѣненномъ видѣ. По разсказу А. Я. Головачевой,—„альманахъ въ рукахъ цензуры сталъ чахнуть: изъ него выбрасывались цѣлыя статьи и калѣчились тѣ, которыя оставались. Мое первое произведеніе «Семейство Тальниковыхъ», помѣщенное въ «Альманахѣ», обратило особенное вниманіе Бутурлина. Онъ собственноручно дѣлалъ замѣтки на страницахъ: «цинично», «неправдоподобно», «безнравственно», и въ заключеніе подписалъ: «не позволяю за безнравственность и подрывъ родительской власти» [1]).

Даже Булгаринъ, и тотъ подпалъ подъ тяжелую руку комитета. Вотъ какую бумагу получилъ онъ 11 іюля отъ попечителя петербургскаго округа:

„Въ іюльской книжкѣ журнала „Библіотека для Чтенія" напечатана ваша статья подъ заглавіемъ: «Воспоминанія Ѳаддея Булгарина», въ которой собраны, между прочимъ, разныя подробности о покойномъ графѣ Сперанскомъ. Не останавливаясь на многихъ, вкравшихся въ эту статью историческихъ невѣрностяхъ и ошибкахъ, Государь Императоръ изволилъ сдѣлать на упомянутую статью слѣдующія замѣчанія:

„1) Авторъ говоритъ, что императоръ Александръ поручалъ Сперанскому обработку всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и плановъ высшаго государственнаго управленія, передавалъ ему всѣ поступившіе по этому предмету проекты и наконецъ поручилъ ему составленіе плана государственнаго образованія. Независимо отъ *перваго* вопроса: откуда взяты авторомъ свѣдѣнія, столь положительно выраженныя, здѣсь рождается и *другой*: можетъ-ли частный человѣкъ распредѣлять, за эпоху столь еще къ намъ близкую, и такимъ диктаторскимъ тономъ славу государственныхъ подвиговъ между монархомъ и его подданнымъ?

„2) Въ статьѣ выведено, что Сперанскій въ 1812 г. палъ жертвой вражды и зависти, которыя успѣли очернить его и представить человѣкомъ вреднымъ и опаснымъ. Сочинитель прибавляетъ даже: «не смѣю называть главныхъ виновниковъ несчастья Сперанскаго, хотя они всѣ уже въ могилѣ — тамъ, гдѣ и жертва ихъ злобы. Но могила не все прикрыла. Добрыя и злыя дѣла остаются и громко возопіютъ въ потомствѣ!» Далѣе слѣдуютъ подробности объ удаленіи Сперанскаго въ Нижній-Новгородъ и Пермь, описаніе его ощущеній и проч.

„По мнѣнію Его Величества, вся эта выходка совершенно неумѣстна въ печати. Представляя все событіе несчастіемъ незаслуженнымъ и плодомъ однихъ происковъ, она какъ бы накидываетъ, передъ публикою, тѣнь на характеръ Александра, а съ другой стороны прямо намекаетъ на мнимую извѣстность автору самихъ виновниковъ удаленія Сперанскаго и вообще всѣхъ подробностей такого дѣла, которое правительствомъ до нынѣ всегда оставляемо было подъ покровомъ тайны и слишкомъ, какъ уже упомянуто выше, близко къ нашей эпохѣ, чтобы частное лицо дерзало, безъ особаго призванія и, вѣроятно, и безъ достаточныхъ къ тому свѣдѣній, приподнимать всенародно край этого покрова.

„3) Говоря о представленномъ Сперанскимъ въ 1810 г. финансовомъ планѣ, авторъ пишетъ, что этотъ планъ: «принесъ величайшую пользу и приноситъ ее до сихъ поръ, предварительнымъ разсмотрѣніемъ смѣтъ и послѣдовательною повѣркою издержекъ въ государственномъ контролѣ, *который былъ страшенъ при покойномъ баронѣ Б. Б. Кампенгаузенѣ, человѣкѣ съ необыкновеннымъ умомъ,*

[1]) „Рус. писатели и артисты", 1890 г., 192—193.

дѣятельностью, безпристрастіемъ и правдивостью». Такую характеристику *прежняго*, выставленную какъ бы въ противоположность и въ укоръ *послѣдующему и настоящему*, равно какъ и самое мнѣніе, столь рѣзко произносимое о пользѣ мѣръ государственныхъ, Государь Императоръ изволилъ также признать совершенно неприличными.

„4) Въ означенной статьѣ приводится указъ 1816 г., которымъ Сперанскій опредѣленъ былъ снова на службу въ должность пензенскаго гражданскаго губернатора, но приводится не подлинными словами, а будто бы въ видѣ *извлеченія его содержанія*, которое, между тѣмъ, представлено совершенно *превратно*. Такъ въ указѣ сказано, что не оказалось *«убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ»* на Сперанскаго, тогда какъ въ статьѣ напечатано, что, по произведенному слѣдствію (сихъ словъ совсѣмъ нѣтъ въ указѣ) *«обвиненія оказались неосновательными"*. Такое искаженіе словъ и смысла высочайшаго указа, въ свое время гласно обнародованнаго, а теперь приводимаго, какъ историческій цитатъ, въ иномъ совсѣмъ видѣ, представляется, какъ Его Императорское Величество изволилъ выразить, столько же дерзкимъ, сколько и предосудительнымъ.

„Наконецъ 5) Приводя частный разговоръ свой съ Сперанскимъ о постигнувшемъ его въ 1812 г. несчастіи, авторъ влагаетъ въ уста покойнаго графа слѣдующія слова: «Если бъ я былъ въ фамильныхъ связяхъ съ знатными родами, то, безъ сомнѣнія, дѣло приняло бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ непремѣнно стать на якорѣ изъ обручальнаго кольца». Государь Императоръ изволилъ при этомъ изложеніи замѣтить, что если слова сіи и *были точно сказаны* въ минуту откровенной и не совсѣмъ, можетъ быть, осторожной бесѣды, то, вѣрно, уже не для оглашенія ихъ передъ современною публикою: а посему нельзя допускать, чтобы память государственнаго человѣка, такъ сказать *вчера* еще оставившаго поприще, а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи, и самый образъ дѣйствій правительства, были поносимы приписываніемъ первому подобныхъ мнѣній.

„Вслѣдствіе всѣхъ сихъ замѣчаній Его Императорское Величество высочайше повелѣть изволилъ *сдѣлать автору приведенной статьи строгій за нее выговоръ*" [1]).

Насколько страшенъ былъ комитетъ для цензоровъ, какъ онъ терроризировалъ ихъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующихъ строкъ письма одного изъ петербургскихъ знакомыхъ Погодина: — „здѣсь цензура дошла до того, что надняхъ не пропустила объявленіе въ „Сѣв. Пчелѣ" о книгѣ Куторги «Исторія Аѳинской *республики*»... Заглавіе казалось революціоннымъ... Ваше цензурное привидѣніе, вампиръ съ обагренными пальцами, для меня противно. Впрочемъ, и здѣсь разъ Елагинъ не пропускалъ, что картофель боленъ. Пожалуй и здѣсь можно видѣть хулу противъ промысла" [2]).

Къ этой же эпохѣ относится очень любопытная, просто анекдотическая запись Никитенка:

„Дѣйствія цензуры превосходятъ всякое вѣроятіе. Чего этимъ хотятъ достигнуть? Остановить дѣятельность мысли? Но вѣдь это все равно, что велѣть рѣкѣ

---

1) „Рус. Старина", 1871 г., XI, 520—522.
2) *Н. Барсуковъ*, н. с. IX, 283—284.

плыть обратно. Вотъ изъ тысячи фактовъ нѣкоторые самые свѣжіе. Цензоръ Ахматовъ остановилъ печатаніе одной ариѳметики, потому что между цифрами какой-то задачи тамъ помѣщенъ рядъ точекъ. Онъ подозрѣваетъ здѣсь какой-то умыселъ составителя ариѳметики.

„Цензоръ Елагинъ не пропустилъ въ одной географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Онъ мотивировалъ свое запрещеніе необходимостью, чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ.

„Цензоръ Пейкеръ не пропустилъ одной метеорологической таблицы, гдѣ числа мѣсяца означены по старому и по новому стилю обыкновенно принятою формулою: $\frac{\text{по стар. стилю}}{\text{по нов. стилю}}$. Онъ потребовалъ, чтобы наверху черточки стояло *по новому стилю*, а слово *по старому*—внизу. Таблицы, между тѣмъ, какъ состоящія изъ цифръ, представлены были на разсмотрѣніе уже по напечатаніи, такъ какъ нельзя было предвидѣть, чтобы онѣ могли подвергнуться запрещенію. Издателю предстояло вновь все печатать. Онъ обратился къ попечителю и, наконецъ, тотъ, по долгомъ и глубокомъ размышленіи, насилу согласился разрѣшить, чтобы таблицы остались въ первоначальномъ видѣ".

„Я заходилъ въ цензурный комитетъ. Чудныя дѣла дѣлаются тамъ. Напримѣръ, цензоръ Мехелинъ вымарываетъ изъ древней исторіи имена всѣхъ великихъ людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканскаго образа мыслей—въ республикахъ Греціи и Рима. Вымарываются не разсужденія, а просто имена и факты. Такой ужасъ навелъ на цензоровъ Бутурлинъ съ братіей, т. е. съ Корфомъ и Дегаемъ" [1]).

Надо-ли говорить, какъ терроризированы были литераторы. Въ цитированномъ уже письмѣ погодинскаго знакомаго находимъ: „въ Петербургѣ теперь рѣшительно паническій страхъ между литераторами". „Ужасъ овладѣлъ всѣми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпіонство еще болѣе усложняли дѣло. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей"... [2]).

Смѣльчаки пробовали освѣдомить публику о своемъ положеніи, и платились за это. Какъ-то даже „Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи" напечатали увѣдомленіе нѣкоему Покорклинскому о непоявленіи его статьи „по причинамъ отъ редакціи независящимъ". Бутурлинъ былъ уже здѣсь...

„Комитетъ, — писалъ онъ Уварову, — имѣя въ виду прямо относящееся къ настоящему вопросу извѣстное в. с — ву изъ отношенія г.-ад. кн. Меншикова отъ 7 марта сего года, высочайшее воспрещеніе пропускать въ печать выраженія, намекающія на цензурную строгость, — воспрещеніе, послѣдовавшее собственно въ намѣреніи пресѣчь протесты противу цензуры, нерѣдко появлявшіеся въ періодическихъ изданіяхъ въ двусмысленныхъ оборотахъ рѣчи; какъ-то: «журналъ прекратился отъ независящихъ отъ него обстоятельствъ» или «измѣнилъ направленіе по причинамъ, противу которыхъ не устоитъ никакое дарованіе» и т. п.—находилъ, что дозволенное къ напечатанію въ 174 № «Полицейскихъ Вѣдомостей» изреченіе было, до воспослѣдованія вышеупомянутаго

---

[1]) „Дневникъ", „Рус. Старина", 1890 г., IV, 31—32; II—400.
[2]) *А. Никитенко*, „Дневникъ", „Русск. Старина", 1890 г., II, 385

воспрещенія, усвоено, такъ сказать, журналами для выраженія прямого намека на строгость цензуры. Соотвѣтственно съ симъ и для избѣжанія подобныхъ случаевъ на будущее время, комитетъ полагалъ предоставить вашему сіятельству подтвердить, вообще, по всему цензурному вѣдомству, чтобы впредь не были дозволяемы къ напечатанію такія объявленія или статьи, которыя двусмысленною формою своего выраженія могли бы подать поводъ къ толкованію ихъ въ видѣ намека на строгость цензуры.

„Означенное положеніе комитета Государь Императоръ высочайше утвердить соизволилъ, прибавивъ собственноручно, что отказы, подобные вышеприведенному, не слѣдуетъ и печатать, такъ какъ это дѣло частное между редакторами и сочинителями и отнюдь не касается до публики [1]).

15 ноября Бутурлинъ писалъ гр. Уварову: „При разсмотрѣніи помѣщенной въ десятомъ нумерѣ „Москвитянина“ повѣсти Даля, подъ названіемъ „Ворожейка“, въ которой разсказываются разныя плутни и хитрости, употребленныя цыганкою проходившаго черезъ деревню табора для обмана простодушной крестьянки и покражи ея имущества, комитетъ 2 апрѣля остановился на заключеніи этого разсказа, гдѣ прибавлено: «На деревнѣ сдѣлалась тревога, кто дома былъ изъ мужиковъ, кинулись верхомъ по Чардынской дорогѣ,—но табора уже съ утра и слѣдъ простылъ. Кидались по сторонамъ, наконецъ, заявили начальству—тѣмъ, разумѣется, дѣло кончилось, но бѣдная Марья лишилась забавнымъ образомъ всего приданаго своего и всѣхъ подарковъ мужа». Находя, что двусмысленно выраженный въ словахъ: «заявили начальству—тѣмъ, разумѣется, дѣло кончилось»—намекъ на обычное, будто бы, бездѣйствіе начальства, ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало пропускать въ печать, комитетъ полагалъ сдѣлать цензору, пропустившему эту неумѣстную остроту, строгое замѣчаніе. Таковое заключеніе комитета Государь Императоръ высочайше изволилъ утвердить“ [2]).

Никитенко по этому поводу записалъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Бутурлинъ дѣйствуетъ въ качествѣ предсѣдателя какого-то высшаго негласнаго комитета въ цензурѣ и дѣйствуетъ такъ, что становится невозможнымъ что бы то ни было писать и печатать. Вотъ недавній случай. Далю запрещено писать. Какъ? Далю, этому умному, доброму, благородному Далю! Неужели и онъ попалъ въ коммунисты и соціалисты? Въ „Москвитянинѣ“ напечатаны его два разсказа. Въ одномъ изъ нихъ изображена цыганка-воровка... Бутурлинъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запросомъ, не тотъ-ли это самый Даль, который служитъ у него въ министерствѣ? Перовскій призвалъ къ себѣ Даля, выговорилъ ему за то, что, дескать, охота тебѣ писать что-нибудь, кромѣ бумагъ по службѣ, и въ заключеніе предложилъ ему на выборъ любое: писать—такъ не служить; служить—такъ не писать“ [3]).

Вскорѣ же „Казакъ Луганскій“ былъ переведенъ въ Нижній-Новгородъ на мѣсто управляющаго удѣльной конторой... Когда онъ увидѣлъ свое имя выставленнымъ въ числѣ сотрудниковъ „Москвитянина“ на 1849 г., то просилъ Погодина немедленно снять его во избѣжаніе новыхъ непріятностей...

Стремленіе къ охраненію русскаго общества отъ всего, маломальски близкаго

---

1) „Цензурныя дѣла etc.“, № 1, т. II, 437—440.
2) *Н. Барсуковъ*, н. с. IX, 287.
3) „Рус. Старина“, 1890 г., II, 386.

къ европейскимъ событіямъ, приводило иногда къ особенно комичнымъ предписаніямъ. Такъ, еще въ началѣ 1847 года, въ Москвѣ, вышла поэма „Бренко“ нѣкоего С. Костерева. Бутурлинъ обращалъ вниманіе Уварова на одно ея мѣсто:

„Его (счастіе) познали вѣкъ иной,
Иной народъ и поколѣнья:
Смирились сильные земли
И благу въ жертву принесли
Свое величье, власть, княженья!“

„Хотя—писалъ онъ—означенная поэма была разсмотрѣна цензурою еще *до* смутныхъ происшествій на Западѣ, гдѣ неустройства, безпорядки и бѣдствія всякаго рода обнаружили всю безразсудность анархическихъ теорій, къ уничтоженію законныхъ властей клонящихся; но какъ проявленіе подобныхъ мыслей ни въ какое время не слѣдовало допускать въ нашей литературѣ“, то предлагалось цензору сдѣлать строгое замѣчаніе.[1])...

Всѣ начала коммунизма были усмотрѣны также въ народномъ пѣсенникѣ, „Русскій Гудочникъ“, особенно въ пѣснѣ „Кузнецъ“, гдѣ были такія строфы:

„Богачъ золотомъ гордится
И не терпитъ бѣдняка,
А бѣднякъ день-ночь трудится
Изъ насущнаго куска...
Тукъ, тукъ!
Въ десять рукъ
Пріударимъ, братцы, вдругъ!
Богачъ бѣднымъ богатѣетъ,
Знай, трудись, не говори!
А глядишь, не пожалѣетъ,
Хоть я съ голоду умри!
Тукъ, тукъ! и проч.
Дѣлать нечего, трудами
Будемъ горе прогонять,
Знать, скупыми богачами
Намъ на свѣтѣ не бывать!
Тукъ, тукъ и проч.“

„Кромѣ того,—сообщалъ комитетъ—что стихи сіи выражаютъ и нелѣпую мысль и совершенно несвойственное народному нашему характеру чувство, и что изъявленіе подобныхъ понятій, какъ могущихъ возбудить непріязненное и даже завистливое чувство въ нижнемъ классѣ къ людямъ болѣе зажиточнымъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя дозволять къ печати, а тѣмъ менѣе слѣдовало пропускать приведенную пѣснь въ книжкѣ именно для низшаго сословія предназначенной“ [2]).

---

[1]) „Щукинскій сборникъ“, М., 1902 г., I, 309.
[2]) Ibidem, 311.

Мобилизація цензурныхъ комитетовъ Небывалое общественное подавленіе. Любопытное письмо Ив. Кирѣевскаго. Характерная каррикатура.

Всѣмъ цензурнымъ комитетамъ было теперь очень и очень нелегко справляться съ массою работы, о взникавшей благодаря перечитыванію матеріала по нѣскольку разъ, а петербургскій комитетъ прямо изнемогалъ, и предсѣдатель его такъ просилъ Уварова объ увеличеніи штата: „При увеличивающихся занятіяхъ цензоровъ по періодическимъ изданіямъ, разсмотрѣніе которыхъ требуетъ теперь гораздо болѣе времени и значительно усиленнаго вниманія, цензорамъ нѣтъ никакой физической возможности исполнять съ успѣхомъ требованія по разсмотрѣнію рукописей“ [1]).

Молодежь особенно стала спеціализироваться на уловленіи истиннаго смысла безцвѣтныхъ статей журналовъ, думая въ нихъ найти хоть что-нибудь для удовлетворенія своего мятущагося духа. Уваровъ отвѣчалъ на это приказаніемъ университетамъ совершенно прекратить выписку журналовъ и газетъ...

Словомъ, къ декабрю надъ обществомъ повисла непроницаемая свинцовая туча. „Тѣ, которые уже склонялись къ тому, чтобы считать мысль въ числѣ человѣческихъ достоинствъ и потребностей, теперь — записываетъ Никитенко—опять обратились къ безсмыслью....... произволъ—въ апогеѣ: никогда еще не почитали его столь законнымъ, какъ нынѣ..... Наука блѣднѣетъ и прячется. Невѣжество возводится въ систему. Еще немного—и все, въ теченіе полутораста лѣтъ созданное Петромъ и Екатериной, будетъ въ конецъ низвергнуто, затоптано... И теперь уже простодушные люди со вздохомъ твердятъ: «видно наука, и впрямь, дѣло нѣмецкое, а не наше».

„Теперь въ модѣ патріотизмъ, отвергающій все европейское, не исключая науки и искусства, и увѣряющій, что Россія столь благословенна Богомъ, что проживетъ безъ науки и искусства. Патріоты этого рода не имѣютъ понятія объ исторіи и полагаютъ, что Франція объявила себя республикой, а Германія бунтуетъ отъ того, что есть на свѣтѣ физика, химія, астрономія, поэзія, живопись и т. д. Они точно не знаютъ, что такое была Византія..... въ ней наука и искусство были въ страшномъ упадкѣ..... Видно по всему, что дѣло Петра В. имѣетъ и теперь враговъ не менѣе, чѣмъ во времена раскольничьихъ и стрѣлецкихъ бунтовъ. Только прежде они не смѣли вылѣзать изъ своихъ темныхъ норъ, куда загнало ихъ правительство, поощрявшее просвѣщеніе. Теперь-же всѣ подпольные, подземные, болотные гады выползли, услышавъ, что просвѣщеніе застываетъ, цѣпенѣетъ, разлагается“ [2]).

Страхъ и ужасъ, наводившіеся комитетомъ 2 апрѣля, не встрѣчали сочувствія даже и въ людяхъ, во всемъ согласныхъ съ политическимъ курсомъ того времени. Вотъ что писалъ Погодину М. А. Дмитріевъ, достаточно извѣстный своей „юридической“—по-просту, доносительной поэзіей по адресу Бѣлинскаго: „Мнѣ сказывали, что будто Голохвастовъ запретилъ вашу статью. Да что же это такое... До чего же, наконецъ, хочетъ онъ довести нашу литературу и человѣческую мысль русскаго человѣка? Неужели мы одни во всемъ мірѣ лишены права мыслить и печатать? Ибо цензура Голохвастова равняется запрещенію печатать...“ [3]). Въ другомъ его письмѣ находимъ: „Никогда запрещеніе мысли

[1]) *Н. Барсуковъ*, н. с., IX., 289.
[2]) „Дневникъ“, „Рус Старина“, 1890, II, 389, 391—392.
[3]) *Н. Барсуковъ*. н. с. IX, 285.

не доходило до этой степени! Насъ надуваютъ знаніями, какъ пузырь; а послѣ его и завяжутъ, чтобъ они не выскочили наружу. Никогда этого не было" [1]).

Самъ Погодинъ, несмотря на свою сугубую благонамѣренность, мучился цензорами „Москвитянина" и въ концѣ концовъ рѣшилъ обратиться лично къ государю съ жалобой на лютость цензуры. Когда объ этомъ намѣреніи узналъ Ив. Кирѣевскій, то онъ написалъ ему письмо, имѣющее большой интересъ для характеристики тогдашнихъ его воззрѣній:

„Ты пишешь ко мнѣ, что не худо бы литераторамъ представить адресъ императору объ излишнихъ и стѣснительныхъ дѣйствіяхъ цензуры. Сначала я оставилъ эту мысль безъ большого вниманія, какъ несбыточную. Потомъ, однако, когда я обдумалъ твой характеръ, и что у тебя часто отъ первой мысли до дѣла бываетъ полшага,—тогда я испугался и за тебя, и за дѣло. Подумай: при теперешнихъ безтолковыхъ переворотахъ на западѣ *время-ли* подавать намъ *адресы* о литературѣ? Конечно, цензурныя стѣсненія вредны для просвѣщенія и даже для правительства, потому что ослабляютъ умы безъ всякой причины; но всѣ эти отношенія ничего не значатъ въ сравненіи съ текущими важными вопросами, которыхъ правильнаго рѣшенія намъ надобно желать отъ правительства. Не велика еще бѣда, если наша литература будетъ убита на два или на три года. Она оживетъ опять. А между тѣмъ, подавать просительные адресы въ теперешнее время значило бы поставить правительство во враждебное или, по крайней мѣрѣ, въ недовѣрчивое отношеніе къ литерторамъ, что гораздо хуже, потому что можетъ повести къ слѣдствіямъ неправильнымъ и вреднымъ. Правительство теперь не должно бояться никого изъ благомыслящихъ. Оно должно быть увѣрено, что въ теперешнюю минуту мы всѣ готовы жертвовать всѣми второстепенными интересами для того, чтобы только спасти Россію отъ смутъ и безполезной войны. Мы должны желать только того, чтобы правительство не вмѣшало насъ въ войну по какой-нибудь прихоти или по дружбѣ къ какому-нибудь шведскому или... королю; чтобы оно не пошло давить нашихъ словенъ вмѣстѣ съ нѣмцами; чтобы оно не возмущало народъ ложными слухами о свободѣ и не вводило бы никакихъ новыхъ законовъ, покуда утишатся и объяснятся дѣла на западѣ, чтобы, напримѣръ, оно не дѣлало инвентарей къ помѣщичьимъ имѣніямъ, что волнуетъ умы несбыточными предположеніями; чтобы оно не позволяло фабрикамъ безъ всякой нужды заводиться внутри городовъ и особенно столицъ, когда онѣ съ такою же выгодою могутъ стоять за нѣсколько верстъ отъ заставы, и пр., и пр. Впрочемъ, всего въ письмѣ не перескажешь" [2]).

Въ заключеніе не могу не сказать нѣсколькихъ словъ объ очень остроумной каррикатурѣ, ходившей, какъ разъ въ концѣ 1848 г., по рукамъ и даже гдѣ-то тайно продававшейся. Были нарисованы три бутылки: одна съ шампанскимъ; пробка вылетѣла и въ искристомъ фонтанѣ изъ бутылки выбрасываются корона, тронъ, конституція, король, принцы, министры... Это—Франція. Другая съ чернымъ густымъ пивомъ, изъ мутной влаги котораго выжимаются короли, гросгерцоги, герцоги etc. Это—Германія. Третья бутылка съ русскимъ пѣнникомъ. На пробкѣ, крѣпко обтянутой прочной бечевкой, наложена казенная печать съ орломъ... Это—тогдашняя Россія... [3]).

---

[1]) Ibidem, 395.
[2]) Ibidem, 303—304.
[3]) *М. А. Корфъ*. „Изъ записокъ", „Рус. Старина", 1900 г., III, 569.

1849 годъ.

Забвеніе смутному времени и понизовой вольницѣ. Заключеніе въ крѣпость Ю. Ѳ. Самарина.

Дѣятельность комитета 2 апрѣля въ 1849 г. выразилась прежде всего въ выговорѣ цензору, пропустившему статью С. М. Соловьева о смутномъ времени въ первомъ нумерѣ „Современника". По предложенію Бутурлина, Уваровъ предписывалъ предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета:

„Не входя въ критическій разборъ самой статьи и не встрѣчая въ ней ничего предосудительнаго по духу ея изложенія, нельзя, однако, не остановиться на слѣдующихъ помѣщенныхъ въ ней цитатахъ.

„Мы видѣли, какой былъ характеръ возстанія сѣверной страны и кто стоялъ подъ знаменами Болотникова; пришедши подъ Москву, Болотниковъ тотчасъ объявилъ цѣль и характеръ своего возстанія; въ столицѣ явились отъ него листы съ воззваніями къ самому низшему слою народонаселенія: «И *велятъ*,—пишетъ московское духовенство къ областному,—*боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины и помѣстья ихъ сулятъ; и шпынямъ и безыменнымъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ, воровъ, къ себѣ и хотятъ имъ давать боярство и воеводство, и окольничество, и дьячество*». Далѣе: «Послѣ этого успѣха самозванецъ и Лисовскій пошли далѣе, приближаясь къ столицѣ, и вездѣ находили союзниковъ: они находили ихъ въ черни, *объявивъ крестьянамъ, что они вольны захватывать земли господъ своихъ, служившихъ Шуйскому, вольны даже жениться на дочеряхъ господскихъ*». Подобныя подробности, составляя достояніе исторіи, могутъ, конечно, въ такомъ смыслѣ входить въ составъ спеціальныхъ трудовъ по сей части, имѣющихъ свой особый кругъ читателей, но помѣщеніе ихъ въ журналѣ, расходящемся въ большомъ количествѣ и во всѣхъ классахъ народа, нельзя не признать ни полезнымъ, ни соотвѣтствующимъ цѣли подобныхъ изданій. Въ исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу в. пр—во сдѣлать пропустившему означенную статью цензору соотвѣтственное вразумленіе" [1]).

Аналогичное дѣло возникло и по поводу статьи, описывающей обряды крестьянъ Царевококшайскаго уѣзда и напечатанной сначала въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", а потомъ въ „Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи". Тамъ комитетъ не одобрилъ одной народной пѣсни:

---

[1]) „Сборникъ постановленій etc". 256—257.

„И широко Волга разстилалася,
Съ крутымъ берегомъ сравнялася;
Со желтымъ пескомъ смѣшалася;
Подняла Волга всѣ горы, долы;
Оставляла одинъ мягкій лугъ;
На тотъ лужокъ, на зелененькій
Сходилися люди добрые,
Люди добрые да хорошіе,—
Все разбойнички-душегубнички.
Они думали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую за единое:
Мы пойдемъ-ка на большой базаръ,
На большой базаръ, на большу пристань;
Купимъ-ка, братцы, легку лодочку,
Легку лодочку, самолеточку.
Хорошо лодка изукрашена,
Молодымъ гребцамъ изусажена,
Грянемъ, братцы, на ту сторону,
На ту сторону, въ нову слободу;
Зайдемъ-ка мы во царевъ кабакъ,
Купимъ-ка мы зелена вина,
Зелена вина полтора ведра;
Сложимся мы по рублику,
Какъ по рублику съ полтиною".

„Эта пѣсня,—по мнѣнію комитета,—какъ будто бы имѣющая предметомъ прославленіе порочнаго удальства, хотя и могла бы допущена быть въ какомъ-либо спеціальномъ сборникѣ, исключительно предназначенномъ для матеріаловъ, изображающихъ древній бытъ и характеръ народа, но помѣщеніе подобныхъ произведеній въ газетахъ, ежедневно обращающихся во всѣхъ, а въ томъ числѣ и въ самомъ низшемъ сословіи, доступномъ, при степени своего образованія, всякимъ вліяніямъ, не можетъ быть допускаемо; почему онъ и положилъ сдѣлать (чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ) соотвѣтственное вразумленіе редакціямъ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" и „Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей".

Гораздо крупнѣе и многообразнѣе дѣло Ю. Ѳ. Самарина.

Служа въ Ригѣ при губернаторѣ А. А. Аракчеевѣ, Самаринъ былъ очень недоволенъ его „нѣмецкой политикой" и вотъ въ результатѣ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, написалъ и пустилъ въ обращеніе съ рукъ на руки свои „Рижскія письма" [1]). Горячо и довольно рѣзко въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выраженныя мысли его, какъ и слѣдовало ожидать, произвели шумъ. „Письма" шибко ходили въ высшемъ кругу и, конечно, не избѣгли комитета 2 апрѣля... Въ результатѣ 5 марта Самаринъ сидѣлъ уже въ Петропавловской крѣпости, сначала даже въ казематѣ. Вотъ что пишетъ объ этомъ его братъ, Д. Ѳ.:

„17-го марта, въ 9 часовъ вечера, явился въ крѣпость фельдъегерь и повезъ Ю. Ѳ. прямо къ государю въ зимній дворецъ. Императоръ Николай принялъ его наединѣ въ своемъ кабинетѣ. Въ тотъ же вечеръ, вернувшись домой, Ю. Ѳ. записалъ слова, сказанныя ему государемъ. Приводимъ ихъ въ точности, согласно собственноручной его записи: «Государь: Понимаете-ли вы ваше положеніе?—Сознаю, государь, что я виноватъ.—Въ такомъ случаѣ, по русской по-

---

[1]) Они вошли въ VII т. его сочиненій, изд. 1889 г.

словицѣ, повинной головы и мечъ не сѣчетъ. Я былъ всегда другомъ вашихъ родителей и васъ хотѣлъ не казнить, а спасти; теперь садитесь. Понимаете-ли вы, въ чемъ вы виноваты? Вы были посланы съ порученіемъ отъ вашего начальника и вы исполнили его, какъ я хочу думать, добросовѣстно; но рядомъ съ этимъ вы вели записки и вносили въ нихъ свои сужденія о предметахъ, которые до васъ не касались. Въ этомъ еще нѣтъ грѣха; что человѣкъ думаетъ и пишетъ про себя, тому судья одинъ Богъ. Но вы пошли далѣе: вы составили изъ своихъ записокъ книгу и сообщили ее своимъ близкимъ знакомымъ, какъ вы писали въ первомъ своемъ рапортѣ, а во второмъ вы высчитали 13 человѣкъ. Удивляюсь, что у васъ столько друзей. Я живу дольше васъ и нашелъ ихъ не болѣе трехъ, которымъ я могу говорить все отъ души. Нѣкоторые изъ вашихъ друзей оказались недостойными вашей довѣренности. Это уже было преступленіе противъ служебныхъ обязанностей вашихъ, и вы сами знаете законы лучше меня; вы знаете, чему это васъ подвергало. Но я хочу думать, что вы увлеклись авторскимъ самолюбіемъ, желаніемъ блеснуть ученостью и умомъ, которымъ васъ одарилъ Богъ; но сообразили-ли вы, къ чему велъ вашъ поступокъ? Вы не давали, говорите вы, копій съ вашихъ писемъ, но вы не запрещали брать ихъ, и ваша книга разошлась по рукамъ, такъ что теперь и я ее остановить не могу. Обращаюсь къ содержанію ея (государь взялъ книгу въ руки). Не говоря уже о томъ, что многое въ томъ, что вы пишете, невѣрно и лживо, что я могъ бы доказать однимъ словомъ [1]), вы, очевидно, возбуждали вражду нѣмцевъ противъ русскихъ, вы ссорили ихъ, тогда какъ слѣдуетъ ихъ сближать; вы укоряете цѣлыя сословія, которыя служили вѣрно; начиная съ Палена, я могъ бы высчитать до 150 генераловъ. Вы хотите принужденіемъ, силою сдѣлать изъ нѣмцевъ русскихъ, съ мечомъ въ рукахъ, какъ Магометъ; но мы этого не должны, именно потому, что мы христіане. Вы писали подъ вліяніемъ страсти; я хочу думать, что она была раздражена личными непріятностями и оскорбленіями. Но вы нападали и на правительство и на меня, ибо что̀ правительство, что я — все одно,— хотя я и слышалъ, что вы отдѣляете меня отъ правительства, но я этого не признаю. Какъ вы можете судить правительство? Правительство многое знаетъ, чего оно не высказываетъ до времени и держитъ про себя. Вы пишете: «если мы не будемъ господами у нихъ» и т. д., т. е. если нѣмцы не сдѣлаются русскими, русскіе сдѣлаются нѣмцами; это писано было въ какомъ-то бреду; русскіе не могутъ сдѣлаться нѣмцами; но мы должны любовью и кротостью привлечь къ себѣ нѣмцевъ. Вы прямо мѣтили на правительство: вы хотѣли сказать, что со времени императора Петра I и до меня, мы всѣ окружены нѣмцами и потому сами нѣмцы. Понимаете, къ чему вы пришли: вы поднимали общественное мнѣніе противъ правительства; это готовилось повтореніе 14 декабря.—Я перебилъ увѣреніемъ, что никогда не имѣлъ такого намѣренія.—Вѣрю, что вы намѣренія не имѣли, но вотъ къ чему вы шли [2]). Васъ слѣдовало отдать подъ судъ и васъ

[1]) „Осенью 1875 г., при чтеніи этой записки своему брату, Ю. Ѳ., дойдя до этого мѣста, сказалъ: «тутъ я прервалъ государя, сказавши: я могу, государь, ошибаться, но сознательной и намѣренной лжи въ моей книгѣ нѣтъ». *Д. Самаринъ.*

[2]) „Въ 1875 г. Ю. Ѳ. добавилъ на словахъ, что государь при этомъ высказалъ, что его книга ведетъ къ худшему, чѣмъ 14 декабря, такъ какъ она стремится подорвать довѣріе къ правительству и связь его съ народомъ, обвиняя правительство въ томъ, что оно національные интересы русскаго народа приноситъ въ жертву нѣмцамъ". *Д. С.*

судили бы, какъ преступника противъ служебныхъ обязанностей вашихъ, противъ присяги, вами данной, противъ правительства. Вы сами знаете, что вы бы сгинули навсегда. Много есть молодыхъ людей, которые пострадали за то же, которыхъ я лично не знаю и не могу знать; но я васъ зналъ; я зналъ про ваши способности, зналъ, что вы были воспитаны вашими родителями въ твердыхъ правилахъ, и думалъ, что у васъ доброе сердце, и потому я васъ не хотѣлъ погубить. Я отослалъ васъ въ крѣпость, чтобы вы имѣли время наединѣ одуматься; я васъ не предалъ суду, а посадилъ въ крѣпость, желая васъ спасти. Я сдѣлалъ это тою деспотическою властью, противъ которой, вѣроятно, и вы не разъ же возставали. Вы стояли на краю пропасти. Случай далъ мнѣ возможность узнать человѣка достойнаго [1]), котораго я глубоко уважаю; самъ Богъ вложилъ мнѣ въ сердце мысль послать его къ вамъ, чтобы испытать васъ; я хотѣлъ узнать, не ожесточились-ли вы. Онъ мнѣ засвидѣтельствовалъ, что вы приняли наказаніе какъ должно, что у васъ доброе сердце; я не ошибся. Теперь вы должны совершенно перемѣниться, служить, какъ вы присягали, вѣрою и правдою, а не нападать на правительство. Мы всѣ должны такъ служить; я самъ служу не себѣ, а вамъ всѣмъ; и я обязанъ наводить заблуждающихся на путь истины; но я никому не позволю забываться; я не долженъ этого по той же самой присягѣ, которой и я вѣренъ. Теперь это дѣло конченное. Помиримся и обнимемся. Вотъ ваша книга; вы видите, что она у меня и остается здѣсь. — Государь, въ продолженіе всей жизни я буду стараться заслужить эту минуту.—Поѣзжайте теперь въ Москву и успокойте вашихъ родителей; поѣзжайте завтра, если соберетесь; ступайте сейчасъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и скажите ему, что я васъ отпускаю. Въ Москвѣ мы, я надѣюсь, увидимся, и тамъ вы узнаете, какой родъ службы я вамъ предназначилъ. Вы будете служить въ Москвѣ, въ глазахъ вашихъ родителей; это для васъ лучше, чѣмъ здѣсь, гдѣ вы можете подвергнуться непріятностямъ и дурнымъ вліяніямъ" [2]).

Слухи о закрытіи университетовъ. Рѣшительная статья Давыдова и Уварова. Неудовольствіе государя. Обвинительный актъ Уварова комитету 2 апрѣля. Исходъ дѣла.

Какъ разъ въ тотъ день, когда Николай I бесѣдовалъ съ Самаринымъ, надъ головой графа Уварова разразилась небывалая гроза, послѣдстіемъ которой и былъ скорый его уходъ съ министерскаго поста... Этотъ инцидентъ настолько интересенъ и характеренъ, что я остановлюсь на немъ съ соотвѣтственными подробностями.

Начало 1849 г. совпало съ такими ужасными слухами, которые приводили въ трепетъ людей самыхъ разнообразныхъ: предполагалось, какъ говорили всюду, совершенное закрытіе университетовъ и всѣхъ вообще высшихъ учебныхъ заведеній...

Этотъ необыкновенный проектъ предложенъ былъ Бутурлинымъ, увѣнчаннымъ за сей славный подвигъ нѣсколькими стихами въ извѣстной пьесѣ „В. Г. Бѣлинскій":

---

[1]) Духовникъ государя, протопресвитеръ Бажановъ.
[2]) „Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина", изд. 1889 г., т. VII, XC—XCIII.

. . . .
Фанатикъ ярый Бутурлинъ,
Который, не жалѣя груди,
Бѣснуясь, повторялъ одно:
„Закройте университеты—
И будетъ зло пресѣчено!"...
О, мужъ безсмертный! не воспѣты
Еще никѣмъ твои слова,
Но твердо помнитъ ихъ молва!
Пусть червь тебя могильный гложетъ,
Но сей совѣтъ тебѣ поможетъ
Въ потомство перейти вѣрнѣй,
Чѣмъ томъ исторіи твоей... [1])

Надо-ли говорить, какъ встрѣчалась эта надвигавшаяся реформа? Даже гр. Уваровъ, никогда не бывшій врагомъ образованія, лишь бы оно получалось „нормальными", по его мнѣнію, путями и способами—видѣлъ въ подобномъ проектѣ несомнѣнное зло, не говоря уже о силѣ, которую за его счетъ забирали другіе...

Понимая, что все равно скоро придется оставить свой постъ, ежеминутно шокируемый верховенствомъ комитета 2 апрѣля и уже не сомнѣвавшійся въ немилости государя—Уваровъ рѣшился на очень отвѣтственный шагъ.

Въ мартовской книжкѣ „Современника" появляется никѣмъ не подписанная статья „О назначеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи". Авторомъ ея былъ И. И. Давыдовъ, директоръ педагогическаго института, вѣрный слуга тянувшаго его министра, постоянный его апологетъ и восхвалитель. Редакторомъ же статьи и цензоромъ былъ самъ Уваровъ...

Не имѣя возможности, да, пожалуй, и надобности приводить ее въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, я ознакомлю читателей лишь съ вступленіемъ и заключеніемъ, изъ которыхъ будетъ ясна и вся статья, особенно, если вникнуть въ дальнѣйшіе фазисы этого дѣла.

„Съ недавняго времени въ обществѣ начали обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго просвѣщенія, въ особенности университетовъ. На Западѣ страсть къ преобразованіямъ, недовольство своимъ состояніемъ, пренебреженіе къ преданіямъ—общій недугъ людей безъ прошедшаго и будущаго, живущихъ для одного настоящаго. Для такихъ людей не существуетъ ни вѣра, ни законъ, ни права, ни обязанности: они пользуются смутами, въ чаду властолюбія и своекорыстія. Но въ православной и боголюбимой Руси благоговѣніе къ Провидѣнію, преданность Государю, любовь къ Россіи—эти святыя чувствованія никогда не переставали питать всѣхъ и каждаго; ими спасены мы въ годины бѣдствій; ими возвышены на степень могущественнѣйшей державы, какой не было въ мірѣ историческомъ. Въ благодарственномъ умиленіи къ Подателю всѣхъ благъ и Самодержцу намъ остается лишь только наслаждаться этими благами. Ложныя лишь только понятія о томъ, что совершается въ нашихъ глазахъ, производятъ недовольство существующимъ и несбыточныя мечты о нововведеніяхъ. Достаточно показать *назначеніе* и благотворное *участіе русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи*, чтобы обнаружить легкомысліе поверхностныхъ мечтателей и уличить ихъ въ несправедливости. За правое дѣло будутъ говорить исторія и статистика".

[1]) „Полярная Звѣзда" на 1859 г., книжка пятая, Лондонъ, 1859 г., 51—52.

Заканчивалась статья слѣдующими словами:

„Итакъ,—мысли объ университетахъ, пускаемыя въ общественное образованіе людьми поверхностными, уничтожаются историческими доводами и статистическими выводами. Разливать благотворный свѣтъ современной науки, немеркнущій въ вѣкахъ и народахъ, хранить во всей чистотѣ и богатить отечественный языкъ, органъ нашего православія и самодержавія, содѣйствовать развитію народной самобытной словесности, этого самопознанія нашего и цвѣта жизни, передавать юному поколѣнію сокровища мудрости, освященной любовью къ вѣрѣ и престолу,—вотъ *назначеніе русскихъ университетовъ и участіе ихъ въ общественномъ образованіи*. Они, какъ міръ Божій, которому служатъ зерцаломъ, никогда не старѣютъ, а лишь только обновляются и совершенствуются. Подъ ихъ сѣнію воспитываются и ученые, и писатели, и мужи государственные. Отъ каѳедръ университетскихъ разливается свѣтъ народнаго образованія въ училища всѣхъ вѣдомствъ. Отсюда образованные, благородные юноши ежегодно исходятъ на вѣрное служеніе обожаемому Монарху“ [1]).

По отзывамъ современниковъ, статья произвела сильное впечатлѣніе; журналъ ходилъ изъ рукъ въ руки.

Но вотъ черезъ нѣсколько дней, а именно 17 марта, Бутурлинъ пишетъ гр. Уварову:

„При обозрѣніи нашей журналистики за текущій мартъ, комитетъ, высочайше утвержденный во 2-й день апрѣля 1848 года, остановился на помѣщенной въ «Современникѣ», никѣмъ не подписанной статьѣ: «О значеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи». Въ статьѣ сей авторъ, исходя отъ того, что «съ недавняго времени въ обществѣ начали обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго образованія, въ особенности университетовъ»,—выставляетъ себя поборникомъ сихъ высшихъ учебныхъ заведеній и старается, защитивъ ихъ отъ мнимыхъ ложныхъ толковъ въ публикѣ, доказать необходимость сохраненія оныхъ. Статья сія, по *внѣшнему ея изложенію*, не имѣетъ ничего предосудительнаго. Напротивъ, вездѣ говорится въ ней о приверженности и благодарности къ правительству, о преданности государю, о любви къ Россіи и пр. Но если вникнуть во *внутренній ея смыслъ*, то ясно, что здѣсь есть неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства и, сверхъ того, подъ благовидною оболочкою сокрыта такая тайная мысль, выраженія которой отнюдь не надлежало допускать въ печати. Всѣмъ въ Петербургѣ извѣстенъ разнесшійся съ недавняго времени слухъ, что правительство имѣетъ въ виду преобразовать университеты. Справедливъ-ли сей слухъ, или нѣтъ, но вдругъ, среди этого общаго говора, является въ печати, передъ большою массою журнальныхъ читателей, статья, гдѣ—какъ-бы въ отвѣтъ на приписываемое правительству намѣреніе—университеты защищаются противъ порицаній, пускаемыхъ «въ общественное мнѣніе» людьми *поверхностными*, гдѣ частное лицо принимаетъ на себя разбирать и опредѣлять, тономъ законодателя, сравнительную пользу учрежденій государственныхъ, каковы университеты и другія учебныя заведенія; гдѣ оно впередъ уже вопіетъ противъ всякихъ преобразованій и всякаго къ нимъ прикосновенія; гдѣ, наконецъ, въ числѣ оправданій противъ выведенныхъ имъ же

---

[1]) „Современникъ“ 1849 г., XIV, 37—46.

самимъ порицаній, то же частное лицо дозволяетъ себѣ разныя странныя неприличія, напримѣръ, приведеніе—въ видѣ факта, относящагося къ похвалѣ университетовъ,—что въ нихъ значительно уменьшилось нынѣ число учениковъ изъ духовнаго званія, какъ бы званіе сіе было разсадникомъ людей зловредныхъ. Комитетъ не оспариваетъ, что сіи разсужденія могли бы быть представлены отъ автора на благоусмотрѣніе высшаго начальства въ видѣ скромныхъ желаній человѣка, почитающаго себя близко знакомымъ съ этимъ дѣломъ. Но то, что при семъ направленіи могло бы быть признано въ нихъ благонамѣреннымъ, принимаетъ совсѣмъ иной видъ, являясь въ печати, въ журналѣ. Такое преданіе вопроса правительственнаго на судъ публики, такой призывъ къ общественному мнѣнію, представляютъ явленіе столь же новое, сколько и нетерпимое въ общественномъ нашемъ устройствѣ. Если допускать подобныя статьи, то не будетъ предначертаній правительства, которыя, сдѣлавшись какъ-либо извѣстными публикѣ, не могли бы быть опровергаемы въ видѣ возраженій противъ мнимыхъ *частныхъ* мнѣній, а тогда журналы поставятъ себя судьями вопросовъ государственныхъ и вмѣсто того, чтобы—какъ въ сей же статьѣ сказано—«за правое дѣло стояла исторія,» за свое дѣло будетъ проповѣдывать журналистика. Въ этомъ точно смыслѣ, какъ дошло до свѣдѣнія членовъ комитета, статья сія понята и оцѣнена уже и многими въ нашей публикѣ, обратившей на нее особенное вниманіе именно по связи съ вышеупомянутыми слухами. Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ предоставить вашему сіятельству, съ одной стороны, привести въ извѣстность сочинителя означенной статьи, а съ другой, поставивъ въ виду редакторамъ всѣхъ вообще журналовъ и «Современника» въ особенности, а также и цензорамъ, что правительство съ неудовольствіемъ видѣло появленіе сей статьи въ печати, внушить имъ, чтобы впредь ничего подобнаго не было допускаемо. Таковое заключеніе комитета Государь Императоръ, собственноручною на журналѣ онаго резолюціею, изволилъ 16-го сего марта утвердить, изъявивъ съ симъ вмѣстѣ высочайшую волю *«знать, какъ сіе могло быть пропущено?»*

„Сообщая о сей высочайшей волѣ вашему сіятельству для зависящаго исполненія, покорнѣйше васъ, милостивый государь, прошу почтить меня увѣдомленіемъ, какъ объ имени сочинителя статьи, такъ и по содержанію сдѣланнаго Государемъ Императоромъ вопроса“ [1]).

Гр. Уваровъ понялъ, что̀ несетъ за собой удовлетвореніе требованій Бутурлина; не могъ онъ не сознавать и того исключительнаго положенія, въ которое самъ былъ поставленъ всей этой исторіей. Очевидно, надо было продолжать дѣйствовать рѣшительно. Рѣшеніе подсказывалось само собою: нужно было бороться аналогичными средствами—причинить непріятность комитету, ставъ ближе къ государю. И вотъ 21 марта Уваровъ представляетъ очень необычный докладъ-письмо, въ которомъ даетъ волю чувствамъ, накипѣвшимъ за годъ своего неавторитетнаго положенія...

„Дѣйствительный тайный совѣтникъ Бутурлинъ сообщилъ мнѣ заключеніе комитета, высочайше учрежденнаго 2 апрѣля 1848 г., о статьѣ, которая напечатана въ «Современникѣ», подъ названіемъ: «О значеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи». Къ этому онъ присовокупилъ,

---

[1]) *Н. Барсуковъ*, н. с., X, 530—532. Курсивъ подлинника.

Гр. С. С. Уваровъ.

(Съ гравюры проф. Н. Уткина).

что вмѣстѣ съ утвержденіемъ положенія комитета, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было изъявить высочайшую волю: *Знать, какъ сіе могло быть пропущено*. Поводомъ къ обвиняемой статьѣ, какъ сказано въ самомъ ея началѣ, было то, что въ столичномъ *обществѣ* начали *обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго просвѣщенія*, въ особенности университетовъ. Комитетъ 2 апрѣля, съ своей стороны, утверждаетъ, что «всѣмъ въ Петербургѣ извѣстенъ разнесшійся съ недавняго времени *слухъ, что правительство имѣетъ въ виду* преобразовать университеты». Дѣйствительно, съ нѣкотораго времени были распространяемы въ здѣшней столицѣ подобные нелѣпые слухи, и я смѣю сказать, что отъ этого обстоятельства, отъ такой молвы нельзя было ожидать ничего благопріятнаго. Однако, я считалъ не заслуживающими серьезнаго вниманія всѣ толки людей, незнакомыхъ съ сущностью учебнаго устройства: ибо мнѣ должно было быть извѣстно, что въ кругу государственнаго управленія, правительственная власть заключается единственно въ повелѣніяхъ Вашего Императорскаго Величества и въ исполнителяхъ священной воли вашей. Ваше Императорское Величество не изволили изъявлять мнѣ Августѣйшей мысли объ уничтоженіи или преобразованіи нашихъ высшихъ учебныхъ учрежденій; напротивъ того, всегда благодушно ободряемый снисходительнымъ вниманіемъ Вашимъ къ устройству учебныхъ заведеній министерства, я еще недавно удостоился слышать изъявленіе столь драгоцѣннаго для меня удовольствія Вашего Величества на счетъ похвальнаго общаго духа и порядка, сохранившихся и въ сіе тяжкое время между обучающимся юношествомъ министерства народнаго просвѣщенія. Я позволилъ себѣ сказать, что ходившіе по городу ложные слухи не могли произвесть дѣйствіе благопріятное, и мнѣ извѣстно, что они уже проникли во внутреннія губерніи имперіи; что они успѣли нѣкоторымъ образомъ потревожить тамъ умы жителей; что родители опасаются за дальнѣйшее существованіе высшихъ учебныхъ заведеній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и за средства къ окончательному образованію дѣтей своихъ. Эти не безвредные толки не ограничивались, однако, молвою о столичномъ говорѣ; они нашли себѣ опору и подкрѣпленіе въ подробной *Запискѣ*, которая также стала ходить по рукамъ, которая направлена прямо противъ общей системы народнаго образованія, принятой русскимъ правительствомъ со временъ Петра Великаго, и въ особенности противъ нашихъ университетовъ, противъ ихъ существованія и пользы, которая, наконецъ, требуетъ уничтоженія всѣхъ русскихъ университетовъ, оставляя только одинъ дерптскій неприкосновеннымъ. Не утруждая Ваше Императорское Величество представленіемъ, которое въ нѣкоторыхъ видахъ могло бы показаться доносомъ, я и тутъ счелъ достаточнымъ ограничиться словеснымъ объясненіемъ по этому предмету съ генералъ-адъютантомъ гр. Орловымъ. Въ это время была мнѣ представлена статья, появившаяся потомъ въ „Современникѣ“,— статья, *въ которой не находится ни малѣйшаго намека ни на эти толки, ни на слухи о намѣреніяхъ правительства*, о коихъ говоритъ комитетъ,— статья, написанная съ благонамѣренностію, съ нелицемѣрною преданностью правительству, съ знаніемъ предмета и настоящаго положенія учебной части, наконецъ, съ любовью къ просвѣщенію истинному и благотворному. Общественное мнѣніе учащихъ и учащихся нуждалось въ скромной повѣркѣ и поясненіи — и я, не обинуясь, призналъ, что эта статья можетъ содѣйствовать косвенно къ исправленію возбужденныхъ въ публикѣ превратныхъ толковъ и ошибочныхъ

понятій. Комитетъ 2 апрѣля самъ принужденъ сказать и говоритъ, «что статья эта, по внѣшнему ея изложенію, не имѣетъ ничего предосудительнаго, что, напротивъ, вездѣ говорится въ ней о приверженности и благодарности къ правительству, о преданности къ государю, о любви къ Россіи и проч.». При всемъ томъ комитетъ, *вникнувъ*, какъ сказано въ отношеніи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, *во внутренній смыслъ ея*, видитъ въ ней «неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства».—Какой цензоръ или критикъ можетъ присвоить себѣ даръ, не доставшійся въ удѣлъ смертному—даръ всевидѣнія и проницанія внутрь природы и человѣка,—даръ въ выраженіяхъ преданности и благодарности открывать смыслъ совершенно тому противоположный?— Я вижу себя принужденнымъ откровенно замѣтить на это, что стремленіе, не довольствуясь видимымъ смысломъ, прямыми словами и честно высказанными мыслями, доискиваться какого-то внутренняго смысла, видѣть въ нихъ одну лживую оболочку, подозрѣвать тайное значеніе,—что это стремленіе неизбѣжно ведетъ къ произволу и неправеднымъ обвиненіямъ въ такихъ намѣреніяхъ, которыя обвиняемому и на мысль не приходили [1]). Такимъ образомъ, статью, написанную въ чистѣйшемъ духѣ, можно представить «*вмѣшательствомъ частнаго лица въ дѣло правительства*». Писателя благонамѣреннаго, опровергающаго порицанія, пускаемыя въ общество людьми поверхностными объ одномъ изъ вопросовъ народнаго образованія и обученія, можно обвинить «*въ принятіи тона законодателя, разбирающаго пользу государственныхъ учрежденій*». Если писатель скромно и съ убѣжденіемъ человѣка знающаго дѣло исчисляетъ пользу русскихъ университетовъ и показываетъ, въ какой мѣрѣ устройство, данное имъ правительствомъ, соотвѣтствуетъ благой ихъ цѣли, то можно сказать про него «*что частный человѣкъ впередъ уже вопіетъ противъ всякихъ преобразованій и всякаго къ нимъ прикосновенія*». Когда *духовное юношество* удерживается въ предѣлахъ *духовныхъ учебныхъ заведеній*, какъ отъ того, что заботливостію ихъ начальства они поставлены нынѣ на высшую степень совершенства, такъ и отъ увеличившейся потребности въ молодыхъ людяхъ, основательно обученныхъ, для опредѣленія на мѣста священниковъ, то даже этотъ фактъ неоспоримый, значительно уменьшившій число университетскихъ студентовъ изъ духовнаго званія, можно взять за основаніе, чтобы наперекоръ очевидности взвести на автора «будто онъ *духовное званіе выдаетъ за разсадникъ людей зловредныхъ*». Комитетъ 2 апрѣля признаетъ снова, «что сіи разсужденія могли быть представлены на усмотрѣніе высшаго начальства; что при семъ направленіи они могли быть признаны благонамѣренными». Потомъ, вопреки мнѣнію своему, представляетъ эти благонамѣренныя разсужденія въ печати, какъ будто «*преданіемъ вопроса правительственнаго на судъ публики*». Опять нахожусь въ необходимости сказать откровенно, что статья благонамѣренная,—и комитетъ самъ двукратно призналъ ее такою,—не можетъ отъ того только, что она напечатана, сдѣлаться внезапно столь преступною, какою потомъ она выставляется. Въ заключеніе всего комитетъ полагаетъ поставить редакторамъ *всѣхъ журналовъ* на видъ, что «*правительство съ неудовольствіемъ видѣло появленіе сей статьи въ печати*». За появленіе статьи въ печати отвѣт-

[1]) Если бы гр. Уваровъ помнилъ эту простую истину не только при защитѣ собственной статьи!..

ствуетъ цензура; если ею пропущено, чего пропускать не слѣдовало бы, то взысканіе должно дѣлаться въ кругу ея начальства. Но выставлять замѣчаніе, дѣлаемое цензурѣ, на видъ *всѣмъ редакторамъ журналовъ*, которыхъ она должна удерживать въ предѣлахъ цензурныхъ постановленій, не значитъ-ли унижать передъ ними ея достоинство и отнимать у нея спасительную власть надъ ними? Ежели напечатаніе въ журналѣ скромныхъ разсужденій, которыя могли быть представлены начальству, выдается «*за поставленіе журналовъ въ судьи вопросовъ государственныхъ*», то какъ назвать это осужденіе установленной отъ правительства власти, *которое ставитъ ее на правежъ предъ газетчиками и журналистами?*

„Государь! Статья въ «Современникѣ» была представлена мнѣ и мною одобрена. Если за нее кто-либо долженъ подлежать отвѣтственности, то эта отвѣтственность по совѣсти и закону, должна единственно пасть на меня. Въ такомъ положеніи вещей, когда, съ одной стороны, министерство, руководствуясь своими узаконеніями и указаніями начальства, носящаго открыто и законную отвѣтственность, дѣйствуетъ въ опредѣленномъ кругу, а съ другой—комитетъ, состоящій внѣ министерства, и безъ сношенія съ онымъ, не требуя никакихъ предварительныхъ объясненій, и не имѣющій въ виду никакихъ справокъ, дѣлаетъ свои заключенія, кои по высочайшемъ одобреніи принимаютъ силу закона,—недоумѣнія и столкновенія были и будутъ неизбѣжны. Въ теченіе цѣлаго года я употребилъ всевозможныя старанія, чтобы предупредить подобныя столкновенія, и смиренно ожидая послѣдствій этого положенія вещей на опытѣ, не утруждалъ Ваше Императорское Величество преждевременными домогательствами. Эти усилія согласить по возможности два различныя направленія и двѣ власти въ дѣлѣ, по себѣ уже трудномъ и гадательномъ, остались, за силою вещей, тщетными. Нынѣ съ полнымъ убѣжденіемъ и съ чистосердечіемъ, коимъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ я всегда руководствовался предъ Вашимъ Величествомъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить, не благоугодно-ли будетъ, дабы дать цензурному дѣлу одно постоянное теченіе и прекратить столкновенія, неизбѣжныя въ настоящихъ обстоятельствахъ, отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія всю цензуру вообще, или, по крайней мѣрѣ, повелѣть передать комитету, состоящему подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, хотя *цензуру журналовъ и газетъ*, если первое окажется неудобнымъ. Такимъ образомъ, и сообразно съ требованіемъ времени, власть, наблюдающая за ходомъ періодической литературы, будетъ и давать ей направленіе, и непосредственно отвѣтствовать за собственныя свои распоряженія. Единство, необходимое для охраненія служебнаго порядка и однообразнаго дѣйствія, будетъ опять возстановлено. Исполнители Вашей воли не будутъ находиться въ тяжкой неизбѣжности утруждать Ваше Императорское Величество разнородными своими взглядами на одинъ и тотъ же предметъ, по существу коего можно въ одно время и съ равною благонамѣренностью смотрѣть съ разныхъ точекъ не столько въ разсужденіи началъ, сколько въ ежедневномъ приложеніи оныхъ къ суетливому и часто мелочному дѣлу.

„Повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ полною откровенностью плодъ годичныхъ наблюденій и опытовъ, смѣю прибавить, что, съ своей стороны, я почту за особое благоволеніе, если излагаемое предположеніе удостоится высочайшаго соизволенія: оно тѣмъ болѣе можетъ безъ затрудненія

быть приведено въ дѣйствіе, что дѣло объ образованіи цензуры, внесенное въ государственный совѣтъ, еще не подлежало разсмотрѣнію.—По офиціальной безгласности комитета можно бы, смѣю думать, передать цензуру журналовъ и газетъ, частными лицами издаваемыхъ, въ III отдѣленіе собственной канцеляріи Вашего Величества, откуда и поступитъ она въ комитетъ 2 апрѣля 1848 г., если на сіе воспослѣдуетъ высочайшее соизволеніе.

„Наконецъ, смѣю выразить, что таковымъ или подобнымъ распоряженіемъ Ваше Величество изволите даровать мнѣ новыя силы и новую возможность посвятить болѣе времени существенной части высочайше ввѣреннаго мнѣ министерства, обращая сугубое вниманіе на охраненіе въ устройствѣ и тишинѣ многочисленныя учебныя заведенія, составляющія главную работу министерства и требующія и неусыпнаго попеченія, и спокойствія духа".

На этой, единственной въ своемъ родѣ жалобѣ на комитетъ 2 апрѣля за все его восьмилѣтнее существованіе Николай I положилъ резолюцію:

„Не вижу никакой уважительной причины измѣнять существующій нынѣ порядокъ; нахожу статью, пропущенную въ «Современникѣ», *неприличною*, ибо ни хвалить, ни бранить наши правительственныя учрежденія, *для отвѣта на пустые толки*, не согласно ни съ достоинствомъ правительства, ни порядкомъ у насъ, къ счастію, существующимъ. Должно *повиноваться*, а разсужденія свои держать *про себя*. Объявить цензорамъ, чтобы впредь подобнаго не пропускали, а въ случаяхъ недоумѣній, спрашивали разрѣшенія. Вамъ же путь ко мнѣ всегда доступенъ" [1]). Черезъ два дня, 24 марта, было повелѣно: „впредь не должно быть допускаемо ничего на счетъ нашихъ правительственныхъ учрежденій, а въ случаяхъ недоумѣній должно быть испрашиваемо разрѣшеніе".

Любопытно, что на запросъ ехиднаго Бутурлина, прекрасно, конечно, знавшаго пораженіе Уварова, ускорить отзывомъ на его отношеніе по дѣлу о статьѣ „Современника", Уваровъ не захотѣлъ распубликовать высочайшую резолюцію и очень глухо отвѣтилъ, что воля государя по его докладу немедленно исполнена...

Черезъ мѣсяцъ, сильно убитый, Уваровъ съѣздилъ въ Москву для осмотра университета. Погодинъ, традиціонно воспѣвавшій каждый его шагъ, и теперь помѣстилъ по этому поводу въ „Москвитянинѣ" статью, разумѣется, самую благонамѣренную. Бутурлинъ не могъ, конечно, забыть такъ скоро рѣзкостей по своему адресу министра и 18 апрѣля писалъ ему: „Въ вышедшемъ недавно седьмомъ нумерѣ «Москвитянина», въ статьѣ подъ заглавіемъ «Почетный гость на лекціяхъ университета», напечатано: «Въ то время, когда праздные люди толкуютъ о какомъ-то преобразованіи университетовъ, и *становится необходимымъ стать за нихъ во имя просвѣщенія,* членамъ московскаго университета пріятно видѣть, что государственные сановники, успѣвшіе въ жизни своей соединить постоянную вѣрность началамъ русскимъ съ высокою степенью европейскаго просвѣщенія, обнаруживаютъ къ университетамъ самое искреннее участіе и смотрятъ на нихъ, какъ на вѣрные разсадники русскаго просвѣщенія». Усматривая изъ сего, что вопреки удостоенному высочайшаго утвержденія заключенію комитета 2 апрѣля 1848 г., въ повременныхъ изданіяхъ нашихъ все еще продолжаются подобные прежнимъ толки на счетъ университетовъ, комитетъ не могъ не остановиться осо-

---

[1]) Ibidem., 532—538.

бенно на употребленной въ помянутой статьѣ фразѣ: «становится необходимымъ *стать за университеты во имя просвѣщенія*», фразѣ неумѣстной, если авторъ намекаетъ ею на частныхъ людей, какъ не имѣющихъ у насъ голоса въ дѣлѣ общественныхъ преобразованій, и болѣе нежели дерзкой, если онъ хотѣлъ намекнуть симъ на преднамѣренія правительства. Вслѣдствіе чего комитетъ доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія о сей статьѣ «Москвитянина». Государь Императоръ въ 17-ый день текущаго апрѣля изволилъ на семъ послѣднемъ представленіи комитета собственноручно написать: «Министру народнаго просвѣщенія подтвердить, что я рѣшительно *запрещаю* всѣ подобныя статьи въ журналахъ *за* и *противъ* университетовъ» [1]). 21 апрѣля соотвѣтствующее распоряженіе было сдѣлано.

Краевскій уже неблагонамѣренъ. Лейбъ-медикъ, тайный совѣтникъ, Маркусъ, въ качествѣ соблазнителя непросвѣщенной массы. Рвеніе не по разуму. Преграждевіе ввоза иностранныхъ изданій.

Въ маѣ „попали" благонамѣреннѣйшія „Отечественныя Записки", и это—лучшее доказательство подозрительности комитета и хорошая иллюстрація его системы *предполагать* во всемъ таинственный, вредный смыслъ и *открывать* вездѣ непозволительные намеки и мысли. Вотъ предложеніе министра предсѣдателю цензурнаго комитета:

„Въ майской книжкѣ журнала „Отеч. Записокъ", хотя и *не находится ничего прямо противнаго* цензурнымъ правиламъ, однако, нельзя не обратить вниманія на нижеслѣдующія мѣста.

„Въ критической статьѣ о литературной дѣятельности Богдановича встрѣчаются слѣдующіе афоризмы: «Человѣкъ, нерѣдко жадный къ фантастическимъ утѣшеніямъ и надеждамъ, богатъ надеждой истинной, утѣшеніемъ несомнѣннымъ. Хоть онъ часто и затворяетъ слухъ на ихъ воззваніе, но сила истины беретъ свое. Не зная ближайшихъ или отдаленнѣйшихъ причинъ бѣдствій, онъ вооруженъ врожденною ему властію уничтожать зло. Постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ физическихъ и нравственныхъ, неизмѣнное совершенствованіе—вотъ его обязанность и величіе».

„Очевидно, что это мѣсто напоминаетъ духъ прежней туманной философіи и, если позволено такъ выразиться, *напыщенной галиматьи сего журнала*, дававшей *преднамѣренною* неясностью идей и наборомъ словъ широкое поле къ произвольнымъ разсужденіямъ и примѣненіямъ. Фразы, напримѣръ: «человѣкъ вооруженъ врожденною ему властію уничтожать зло», или «постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ; вотъ его обязанность и величіе!» Фразы сіи *не могутъ-ли* въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ или въ понятіяхъ неопытныхъ юношей сдѣлаться поводомъ къ самымъ двусмысленнымъ, превратнымъ и даже преступнымъ толкованіямъ?

„При разборѣ дѣтской книжки «Колокольчикъ» критикъ разсуждаетъ объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ и къ сему приводитъ мѣсто изъ другой книги,

---

[1]) Ibidem., X, 145—146.

гдѣ сочинителемъ, г. Булгаринымъ, описывается, какъ, пріѣзжая съ родителями своими къ старой бабушкѣ, они должны были преклонить передъ нею колѣни, цѣловать ей ноги, садиться не иначе, какъ по ея приказанію, и пр.; затѣмъ критикъ пишетъ: «Неужели чувство должно выражаться подобнымъ поклоненіемъ? Неужели самое вліяніе родителей, имѣющихъ на своей сторонѣ опытъ и власть, должно выражаться какимъ-то чванствомъ передъ сыномъ?.. Согласны, что при этихъ отношеніяхъ довѣренности быть не можетъ, какъ со стороны родителей, такъ и со стороны дѣтей: первые будутъ представляться чѣмъ-то недоступнымъ для послѣднихъ, а послѣднія непремѣнно будутъ лукавить и обманывать первыхъ; вмѣсто того, чтобы чтить память ихъ, дѣти и по смерти родителей будутъ, не стѣсняясь ничѣмъ, не краснѣя, разсказывать о нихъ вещи, о которыхъ внутреннее чувство должно было бы заставить ихъ молчать. И все оттого, что сами родители болѣе всего обращали вниманіе на соблюденіе внѣшняго уваженія къ нимъ, на форму, а форма ничего не значитъ, если одушевляющее ее чувство утрачено».

„Эту выходку трудно признать приличною. Во 1-хъ, при патріархальномъ образѣ мыслей и дѣйствій, господствующемъ еще во многихъ у насъ семействахъ, подобныя разсужденія всѣми получаемаго журнала, попавъ въ руки молодыхъ читателей, *могутъ* внушить имъ такія новыя понятія, которыя послѣ легко поведутъ къ разстройству мира семейнаго. Во 2-хъ, возстаніе въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ вообще противъ внѣшней формы легко также можетъ способствовать къ отнесенію сего понятія *и на другой кругъ вещей*, который при нашемъ общественномъ устройствѣ долженъ быть неприкосновененъ частнымъ разсужденіямъ. Въ предметахъ сего рода двусмысленность нерѣдко столько же опасна, какъ и прямо выраженная предосудительная мысль, *иногда даже и болѣе, потому что прямо вредному не даетъ мѣста цензура.*

„Въ исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу в. пр—во поставить цензорамъ, разсматривающимъ журналъ „Отеч. Записки“, въ обязанность дѣйствовать, при пропускѣ статей въономъ, съ самою величайшею осмотрительностью, не допуская ничего двусмысленнаго, а тѣмъ болѣе могущаго имѣть смыслъ предосудительный“ [1]).

Въ этомъ же отношеніи очень любопытна переписка Бутурлина съ Уваровымъ по поводу анонимной книги „Etude sur l'état social actuel en Europe“. Комитетъ 2 апрѣля—„хотя и нашелъ это сочиненіе написаннымъ *съ благонамѣренною цѣлью*: опровергнуть ложныя умствованія пропаганды Запада, и проникнутымъ *человѣколюбіемъ и любовью къ отечеству и престолу*; но вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтивъ, что сочинитель, при опроверженіи системъ сенъ-симонизма, Фурье и Овена, изложилъ и самыя привила этихъ системъ, ложныя для ума зрѣлаго и благонамѣреннаго, но всегда вредныя въ чтеніи людей легкомысленныхъ,—призналъ, что разсматривавшій эту книгу цензоръ Мехелинъ, найдя въ ней извлеченія изъ сочиненій запрещенныхъ, каковыми почитаются творенія упомянутыхъ демагоговъ и по самому содержанію ихъ вредныя, не долженъ былъ дозволить напечатаніе той рукописи, за каковое упущеніе положилъ сдѣлать Мехелину замѣчаніе“. На докладѣ комитета государь написалъ: „Справедливо“.

---

[1]) „Сборникъ постановленій etc“, 259—261. Курсивъ мой.

Анонимомъ оказался... лейбъ-медикъ, тайный совѣтникъ, Маркусъ, а книга пропущена была главнымъ управленіемъ цензуры. Уваровъ отказался сдѣлать выговоръ только подписавшему ее цензору.

Бутурлинъ вскорѣ сообщилъ министру, что, соглашаясь съ нимъ относительно Мехелина, не можетъ, однако, не освѣдомить его съ нижеслѣдующими разсужденіями комитета для руководства на будущее время:

„1) что какова бы ни была несомнѣнная, конечно, благонамѣренность сочинителя приведенной книги, она все же содержитъ въ себѣ сводъ хотя нелѣпаго, но соблазнительнаго для слабыхъ умовъ ученія соціалистовъ и коммунистовъ, а въ обширномъ и многообразномъ кругу читателей, вѣрно, не одинъ обратится съ любопытствомъ къ этой первой лишь части, не вникнувъ съ должнымъ вниманіемъ и, можетъ статься, оставя совсѣмъ безъ прочтенія вторую, т. е. опроверженіе автора; 2) *что во всякомъ случаѣ лучше и соотвѣтственнѣе слабости природы человѣческой, людей незнакомыхъ еще со зломъ, оставлять въ прежнемъ о немъ невѣдѣніи, нежели знакомить съ нимъ, даже посредствомъ порицаній и опроверженій*; 3) что изданіе книги на французскомъ языкѣ нисколько не ослабляетъ этихъ замѣчаній: въ томъ классѣ людей, который занимается у насъ чтеніемъ подобныхъ сочиненій, между молодыми людьми, студентами и проч., этотъ языкъ не менѣе распространенъ, нежели отечественный, и книги французскія, *къ сожалѣнію*, едва ли не болѣе еще находятъ читателей, нежели русскія; наконецъ, 4) что при теперешнемъ движеніи событій и положеніи умовъ, несравненно болѣе нужно строгой осмотрительности, нежели когда-либо прежде; почему правила, для другаго времени и для другихъ обстоятельствъ постановленныя, не могутъ уже имѣть прежняго своего примѣненія. Но все вышесказанное представляетъ одни только разсужденія, признать которыя болѣе или менѣе основательными зависитъ отъ личнаго взгляда; гораздо важнѣе и совершенно рѣшительна здѣсь буква закона. Цензурный уставъ раздѣленъ на *двѣ* главныя части: о цензурѣ *внутренней* и о цензурѣ книгъ *иностранныхъ*, т. е. выписываемыхъ изъ-за границы, а приведенный главнымъ управленіемъ цензуры § 76-й принадлежитъ ко второй, слѣдственно, ни въ какомъ отношеніи не могъ быть примѣненъ къ книгѣ, въ Россіи созданной" [1]).

Этотъ инцидентъ очень характеренъ еще и съ точки зрѣнія юридической. Что могло руководить главнымъ управленіемъ, когда оно видѣло передъ собой рукопись такого сильнаго человѣка, какимъ былъ одно время Маркусъ, какъ ни единственно цензурный уставъ? Бутурлинскій комитетъ, числящій въ своемъ составѣ прославленнаго юриста—бар. Корфа—рѣшается вдругъ документально отрицать силу неотмѣненнаго закона.

Стараніе въ запуски членовъ комитета 2 апрѣля обнаружить въ безцвѣтной литературѣ интересующей насъ эпохи постоянные намеки и двусмысленность оканчивалось иногда—правда, рѣдко—неудачей, благодаря государю. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ такой случай.

Проф. Куторга разрѣшилъ къ печати нѣмецкіе стихи, въ которыхъ бутурлинскій комитетъ усмотрѣлъ „мистическія изображенія и неблаговидные намеки,

---

[1]) „Цензура въ царствованіе императора Николая I", „Рус. Старина" 1903 г, XII, 144—146. Въ концѣ курсивъ подлинника.

несогласные съ нашею народностью". Не забыли и того, что книга состояла изъ двухъ частей: „первая пропущена въ Дерптѣ профессоромъ Неемъ, имя котораго и выставлено на книгѣ, а имя Куторги умолчено. Изъ этого Бутурлинъ съ Корфомъ и Дегаемъ заключили, что Куторга учинилъ подлогъ, съ намѣреніемъ не выставилъ своего имени на печатномъ экземплярѣ, чтобы всю отвѣтственность свалить на Нея. Вотъ почему и рѣшено посадить Куторгу на десять дней на гауптвахту, внести это въ его послужной списокъ и спросить у министра народнаго просвѣщенія, считаетъ-ли тотъ возможнымъ послѣ этого терпѣть Куторгу на службѣ? Все это было сдѣлано безъ всякаго разслѣдованія, безъ сношенія съ министромъ, безъ запроса Куторгѣ. А послѣдній уже лѣтъ 15 какъ извѣстенъ и въ публикѣ, и на службѣ за полезнаго, талантливаго ученаго и благороднаго человѣка. Между тѣмъ, оказалось, что имя Куторги напечатано на всѣхъ экземплярахъ, находящихся въ продажѣ, но по типографской опечаткѣ или недосмотру, не выставлено на двухъ или трехъ экземплярахъ. О подлогѣ, значитъ, и помину нѣтъ, а о цензурномъ проступкѣ даже самъ государь отозвался, что считаетъ его неважнымъ. Куторгу освободили на *пятый* день" [1]).

Исторія цензуры иностранныхъ произведеній печати, привозимыхъ въ Россію, не входитъ въ мою задачу—это особая громадная и еще никѣмъ хорошо не изслѣдованная область. Она ждетъ своего историка и желательно, чтобы дождалась скорѣе: матеріаловъ слишкомъ достаточно. Я укажу только на нѣсколько наиболѣе характерныхъ штриховъ, безъ которыхъ интересующая насъ здѣсь эпоха будетъ не совсѣмъ очерчена.

31 мая 1849 года комитетъ 2 апрѣля „самымъ рѣшительнымъ образомъ" запретилъ „на какомъ бы языкѣ ни было, критики, какъ бы онѣ благонамѣренны ни были, на иностранныя книги и сочиненія запрещенныя и потому не должныя быть извѣстными" [2]). Самъ собой у читателя возникаетъ вопросъ: какія-же произведенія считались запрещенными? Отвѣтить на это могу коротко: всю „эпоху цензурнаго террора" во главѣ петербургскаго комитета иностранной цензуры стоялъ приснопамятный А. И. Красовскій, о которомъ кое-что читатель найдетъ выше, въ очеркѣ „Эпоха обличительнаго жара" (стр. 64—65). Этого совершенно достаточно, чтобы знать, что къ намъ былъ запертъ всякій легальный доступъ иностранной литературѣ, по крайней мѣрѣ, той, которая привозилась въ Петербургъ, а по этому тракту русскіе книгопродавцы, тогда особенно сосредоточивавшіеся въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и получали девять десятыхъ привозимаго изъ-за европейской границы.

8 мая 1850 г. высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о мѣрахъ противъ ввоза въ Россію запрещенныхъ книгъ.

23 ноября, на докладѣ Ширинскаго-Шихматова о томъ, должны-ли иностранныя книги, выписываемыя особами императорскаго дома, подлежать цензурному разсмотрѣнію, государь написалъ: „не исключать изъ цензуры, но при выдачѣ прописывать, какія сочиненія цензурою не пропускаются" [3]).

А черезъ нѣкоторое время, 18 декабря, повелѣно: „безусловно запрещенныя книги, по особымъ запрещеніямъ Его Императорскаго Величества, предоставить

---

[1]) *А. Никитенко*, „Дневникъ", „Рус. Старина", 1890 г., II, 401.
[2]) „Сборникъ постановленій etc.", 261.
[3]) Ibidem, 267.

получать предсѣдателю и членамъ государственнаго совѣта, министрамъ и главноуправляющимъ разными частями на правахъ министровъ, съ подпискою никому не передавать этихъ книгъ; а министру народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше представлять одинъ разъ въ мѣсяцъ списокъ книгъ, выписанныхъ на имя означенныхъ лицъ, и на выдачу по принадлежности испрашивать высочайшее соизволеніе" [1]).

Такимъ образомъ думали отрѣзать русскую мысль отъ общенія съ Западомъ, но... гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно... III Отдѣленіе не мало всегда хлопотало объ изъятіи заграничныхъ изданій изъ русскихъ книжныхъ лавокъ...

Благоденствіе тосканцевъ. Портреты членовъ національнаго собранія. Критика на извозчиковъ.

26 мая Бутурлинъ писалъ графу Уварову, что комитетъ 2 апрѣля,—„постоянно слѣдя, въ числѣ прочихъ газетъ и за «С.-Петербургскими Вѣдомостями», хотя и встрѣчалъ здѣсь въ нѣкоторыхъ политическихъ статьяхъ не совсѣмъ благонамѣренное направленіе; но какъ оно скрывалось въ изложеніи, которое прямо предосудительнымъ назвать было невозможно, то и удерживался отъ изъявленія порицанія до случая болѣе рѣшительнаго. Нынѣ, въ 103-мъ № этихъ вѣдомостей, появилась статья, заключающая въ себѣ краткій историческій очеркъ послѣднихъ происшествій въ Тосканскомъ великомъ герцогствѣ. Авторъ указываетъ въ ней на нынѣшнее бѣдственное положеніе этой страны, порожденное безначаліемъ и пагубными дѣйствіями анархической партіи, а потомъ переходитъ къ описанію того благосостоянія, которымъ пользовалась Тоскана подъ защитой законовъ и благотворнымъ управленіемъ ея государей; но вмѣстѣ съ тѣмъ *какъ бы* восхваляетъ, разныя, введенныя тамъ великимъ герцогомъ, Леопольдомъ I, совершенно несоотвѣтственныя нашему политическому устройству преобразованія, какъ-то: сохраненіе знатными гражданами однихъ только своихъ наслѣдственныхъ титуловъ безъ всякихъ сопряженныхъ съ ними дотолѣ преимуществъ, уничтоженіе особыхъ правъ духовенства господствующей тамъ вѣры и уравненіе передъ закономъ всѣхъ гражданъ. Признавая такое направленіе несообразнымъ духу нашихъ установленій и потому предосудительнымъ для круга читающей газеты публики, тѣмъ еще болѣе, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» слишкомъ 100 лѣтъ издававшіяся отъ академіи наукъ, хотя теперь, какъ извѣстно, и переданы въ частныя руки, но, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ многихъ читателей сохраняютъ еще прежній свой офиціальный характеръ, комитетъ полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія, призвавъ предъ себя редактора вѣдомостей, Очкина, сдѣлать ему соотвѣтственное вразумленіе, строго внушивъ, что если въ его газетѣ вновь замѣчено будетъ подобное, достойное порицанія направленіе, то онъ подвергнется за это законной отвѣтственности. На положеніи комитета государь 20-го мая написалъ: „Дѣльно" [2]).

---

[1]) Ibidem, 268.

[2]) „Цензура въ царствованіе императора Николая I". „Рус. Старина", 1903 г., VII, 154—155.

Обращеніе оказалось не по адресу: внѣшне-политическій отдѣлъ этой газеты цензировался министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Уваровъ написалъ, было, записку къ директору своей канцеляріи: „Въ отношеніи къ Бутурлину сказать, что для избѣжанія подобныхъ недоразумѣній, не угодно-ли будетъ комитету впредь предварительно справляться, кѣмъ и гдѣ таковыя статьи пропущены", но потомъ страха ради, приказалъ исполненія по ней не дѣлать...

Черезъ нѣсколько дней петербургскому попечителю сообщалось: „Въ магазинахъ эстамповъ и въ нѣкоторыхъ книжныхъ магазинахъ выставляются для продажи, портреты разныхъ лицъ, дѣйствующихъ нынѣ на политическомъ поприщѣ, въ томъ числѣ депутатовъ французскаго національнаго собранія, извѣстныхъ своими революціонными мнѣніями. Хотя эти эстампы не содержатъ въ себѣ ничего, кромѣ портретовъ, однако, выставка ихъ и привлеченіе къ нимъ общаго вниманія публики представляютъ неудобства разнаго рода" [1])...

Булгаринъ разсказалъ какъ-то въ фельетонѣ своей „Пчелы", что для еженедѣльныхъ концертовъ Гунгля въ Павловскѣ образованы особыя поѣздки по Царскосельской дорогѣ, благодаря чему посѣтители могутъ возвращаться домой часомъ позже. Затѣмъ слѣдовало:

„Слово: „возвращаться" производитъ всегда какое-то гальваническое потрясеніе. Пріѣхать въ Петербургъ ночью, въ дурную погоду и предаться на жертву легковымъ извощикамъ, это ужасно! Мы часто сравнивали прекрасное учрежденіе таксы въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ съ произвольною цѣною петербургскихъ извощиковъ, но на дняхъ убѣдились, что и тамъ, гдѣ такса существуетъ, надобно торговаться. Въ случаѣ дурной погоды, въ особенности царскосельскіе извощики, точно также неумолимы, какъ и столичные. Мы видѣли примѣръ, что отъ станціи желѣзной дороги до дворца должно было заплатить 40 коп. сер. Это были женщина и дѣти, застигнутыя дождемъ: что имъ было дѣлать? уступить необходимости!" [2]).

По этому поводу послѣдовало конфиденціальное предложеніе Уварова:

„Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что цензурѣ не слѣдовало пропускать сей выходки. Каждому скромному желанію лучшаго, каждой умѣстной жалобѣ на неисполненіе закона или установленнаго порядка, каждому основательному извѣщенію о дошедшемъ до чьего-либо свѣдѣнія злоупотребленіи, указаны у насъ законные пути. Косвенныя укоризны начальству царскосельскому, а отчасти и с.-петербургскому, въ приведенномъ фельетонѣ содержащіяся, сами по себѣ, конечно, не важны; но важно то, что онѣ изъявлены не передъ подлежащею властью, а преданы на общій приговоръ публики; допустивъ же единожды сему начало, послѣ весьма трудно будетъ опредѣлить, на какихъ именно предѣлахъ должна останавливаться такая литературная расправа въ предметахъ общественнаго устройства. Впрочемъ, какъ означенная статья напечатана въ журналѣ, вообще отличающемся благонамѣренностью и направленіемъ, совершенно соотвѣтственнымъ цѣли и видамъ правительства, то Его И. В., приписывая и эту статью одному только недостатку осмотрительности, высочайше изволилъ повелѣть, сдѣлать общее по цензурѣ распоряженіе, дабы впредь не было допускаемо въ

---

[1]) Ibidem, VIII, 412. Курсивъ мой.
[2]) „Сѣв. Пчела" 1849 г., № 21.

печати никакихъ, хотя бы и косвенныхъ, порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали" [1]).

Уваровскій проектъ новаго цензурнаго устава. Второе пораженіе министра. Смерть Бутурлина. Отставка Уварова.

Читатель помнитъ, что 3 апрѣля 1848 года Меншиковъ сообщилъ Уварову высочайшее повелѣніе о „соотвѣтственномъ обстоятельствамъ времени" пересмотрѣ цензурнаго устава и дополнительныхъ къ нему толкованій. Тогда еще Уваровъ вѣрилъ въ возможность отдѣлаться отъ верховнаго надъ собой надзора путемъ быстраго исполненія этой воли: разъ уставъ и цензурныя учрежденія были бы въ полномъ соотвѣтствіи съ обстоятельствами времени наибольшей реакціи, самъ собой падалъ бутурлинскій комитетъ. Поэтому уже 8 апрѣля, т. е. черезъ пять дней, Уваровъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о мѣрахъ по цензурному вѣдомству. Тамъ, между прочимъ, рекомендовалось установить новую пошлину на заграничныя книги, что дало бы около 60,000 руб. ежегодно и такимъ образомъ безъ усилій казны позволило бы лучше исполнять планы государя...

14 апрѣля началъ уже свои занятія „комитетъ для пересмотра цензурнаго устава" подъ предсѣдательствомъ товарища министра, кн. Ширинскаго-Шихматова. Уваровъ такъ опредѣлилъ его главныя обязанности: „a) пересмотрѣть уставъ о цензурѣ, который по высочайшемъ утверженіи долженъ быть опубликованъ; b) на основаніи устава составить проектъ наказа цензорамъ, который также будетъ представленъ на высочайшее утвержденіе, но не подлежитъ опубликованію; c) въ уставъ внести, между прочимъ, правила объ отвѣтственности редакторовъ повременныхъ изданій предъ правительствомъ, независимо отъ отвѣтственности цензоровъ и d) цензурное управленіе сосредоточить, въ видѣ особаго департамента, въ составѣ министерства народнаго просвѣщенія". Комитетъ нашелъ необходимымъ учредить особый цензурный департаментъ, упразднивъ поэтому главное управленіе цензуры и преобразовавъ главное правленіе училищъ въ совѣтъ министра просвѣщенія.

5 мая того же, 1848 года, государь одобрилъ главныя основанія будущихъ преобразованій съ тѣмъ, чтобы по изготовленіи проектовъ устава, наказа и учрежденія департамента, они были внесены въ государственный совѣтъ [2]).

Что же касается пошлины на заграничныя изданія, то повелѣно было со всѣхъ книгъ вообще взимать по 5 коп., а съ романовъ и повѣстей вдвое" [3]).

19 января 1849 года Уваровъ, надъ которымъ еще не разразилась гроза, уже знакомая читателямъ, вошелъ съ представленіемъ въ государственный совѣтъ по проекту новаго устава о цензурѣ.

Я не буду долго останавливаться на послѣднемъ, а для иллюстраціи всего проекта укажу лишь нѣсколько новыхъ его статей, вполнѣ—надо отдать справедливость—соотвѣтствовавшихъ тогдашнимъ обстоятельствамъ времени... Напримѣръ, рекомендовалось, чтобы цензура обращала вниманіе не „на *видимую* цѣль и

---

1) „Сборникъ постановленій etc", 250.
2) „Цензурныя дѣла etc", № 2, л. л. 35—39.
3) Ibidem, л. л. 24—30.

явный смыслъ рѣчи", а вообще „на цѣль и опредѣлительный смыслъ рѣчи". Мотивировалось это измѣненіе устава 1828 г. „излишней по немъ свободой сочинителей и стѣсненіемъ цензоровъ". „Право изданія въ свѣтъ всякаго журнала или газеты можетъ быть предоставлено только человѣку, извѣстному на поприщѣ словесности, показавшему сочиненіями хорошій образъ мыслей и благонамѣренность". „При помѣщеніи въ періодическихъ сочиненіяхъ, издаваемыхъ частными людьми, разбора книгъ или журнальныхъ статей, наблюдается, чтобъ рецензенты въ сужденіяхъ своихъ не касались личныхъ и нравственныхъ качествъ сочинителей, и чтобъ, разсматривая подлежащую критикѣ книгу или статью, не дозволяли себѣ порицать другихъ писателей, которыхъ произведенія не составляютъ прямо и непосредственно предмета разбора. Сочинитель, котораго книга, по его мнѣнію, будетъ разобрана неосновательно въ одномъ изъ періодическихъ изданій, имѣетъ право помѣстить въ томъ же самомъ изданіи возраженіе свое, буде оно не противно цензурнымъ правиламъ" etc, etc... Вошли въ проектъ и всѣ высочайшія повелѣнія, объявленныя Уварову по начало января 1849 г. кн. Меншиковымъ и Бутурлинымъ, а также и гр. Венкендорфомъ [1]).

Комитетъ 2 апрѣля прекрасно понималъ, что проектъ былъ покушеніемъ на его дальнѣйшее существованіе, и потому приложилъ старанія получить его на предварительное собственное разсмотрѣніе. Бар. Корфъ, членъ департамента законовъ и комитета — предложилъ департаменту передать всѣ бумаги гр. Уварова въ комитетъ и не встрѣтилъ въ этомъ препятствія.

Мы уже видѣли, что уваровская реформа была вполнѣ въ духѣ комитета 2 апрѣля, которому, такимъ образомъ, оставалось, повидимому, только подписаться подъ нимъ обѣими руками. На дѣлѣ, однако, вышло совершенно обратное: личное нерасположеніе къ Уварову Бутурлина и его сочленовъ подсказывало „провалить" проектъ, хотя бы для этого пришлось стать вдругъ на болѣе либеральную точку зрѣнія. Такъ и было сдѣлано. Громадный по размѣрамъ журналъ комитета 2 апрѣля пестритъ довольно рѣзкими указаніями на излишнія со стороны проекта стѣсненія печати! на полную необоснованность желанія репрессировать!! И т. п.

Объ учрежденіи цензурнаго департамента находимъ въ немъ слѣдующее: „Какое назначеніе, какую степень занялъ бы департаментъ, составленный изъ начальниковъ отдѣленій, столоначальниковъ и другихъ канцелярскихъ чиновниковъ? Какая была бы польза отъ такого новаго, дорого стоющаго установленія [2]), когда вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняются и отдѣльные цензоры и главное управленіе цензуры, подъ именемъ совѣта министра? Почему, наконецъ, можно бы ожидать, что департаментъ, съ бюрократическими (!) совсѣмъ несвойственными сему роду дѣлъ формами, будетъ дѣйствовать успѣшнѣе, нежели тѣ комитеты, которые онъ замѣнить долженъ? [3]) Удовлетворительныхъ на сіи вопросы отвѣтовъ нѣтъ ни въ представленіи министра, ни въ объяснительныхъ его запискахъ. Слѣдственно, безъ дознанной необходимости, при предусматриваемыхъ, напротивъ, большихъ неудобствахъ, по мнѣнію комитета, сей перемѣны допускать не слѣдуетъ" [4]).

---

1) „Проектъ цензурнаго устава, внесенный въ Госуд. Совѣтъ гр. Уваровымъ въ 1849 г. и неодобренный совѣтомъ", Спб., 1862 г.

2) Департаментъ по проекту стоилъ 38,000 руб., а замѣняемыя имъ учрежденія стоили всего 7,500 руб.

3) Петербургскіе цензурные комитеты по внутренней и иностранной цензурѣ.

4) „Матеріалы etc", I, 301.

Департаментъ законовъ очень сильно опровергалъ необходимость преобразованія главнаго правленія училищъ въ совѣтъ министра просвѣщенія, но высказалъ при этомъ два новыхъ предложенія, одно изъ которыхъ сводилось къ введенію въ составъ совѣта „нѣкоторыхъ изъ важныхъ государственныхъ сановниковъ, которымъ особенною высочайшею волею будетъ предоставлено участіе въ надзорѣ не только за дѣйствіями цензуры, но и за общимъ направленіемъ и духомъ выходящихъ книгъ и въ особенности журналовъ". Это предложеніе очень любопытно, какъ скрытое желаніе департамента законовъ слить непользовавшійся симпатіями комитетъ 2 апрѣля съ министерствомъ просвѣщенія... Комитетъ усмотрѣлъ здѣсь истинное побужденіе и отвѣчалъ прямо, что „при существованіи уже нынѣ особаго установленія, членамъ котораго, по личному высочайшему довѣрію, порученъ высшій, въ политическомъ и нравственномъ отношеніи надзоръ за ходомъ у насъ книгопечатанія, удобнѣе, полезнѣе и соотвѣтственнѣе цѣли было бы оставить сіе установленіе въ теперешнемъ отдѣльномъ и самостоятельномъ его составѣ, какъ совмѣщающемъ въ себѣ, съ независимымъ отъ министерства образомъ дѣйствій, особый, подъ непосредственнымъ высочайшимъ надзоромъ, контроль надъ цензурою и писателями" [1]).

Переходя къ изданію новаго цензурнаго устава, комитетъ 2 апрѣля находилъ, что собственно новаго у Уварова было немного, а что было ново, то „безполезно стѣсняетъ развитіе печати". Тѣ статьи, которыя выше я привелъ на выдержку, подверглись полному неодобренію... Въ заключеніе либеральничавшій на минуту комитетъ замѣтилъ:

„Нѣкоторыя изъ сихъ перемѣнъ и прибавокъ излишни, другія не удовлетворяютъ своему назначенію, иныя же невозможны въ исполненіи, и всѣ вообще отнюдь не доказываютъ и не подтверждаютъ собою необходимости въ изданіи новаго устава. Уставъ 1828 г. можетъ имѣть свои недостатки, но они и неважны, и немногосложны. Въ доказательство тому довольно сослаться на наблюденія комитета, высочайше учрежденнаго во 2 день апрѣля 1848 г. Слѣдя со всѣмъ тщаніемъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ за движеніемъ нашего книгопечатанія во всѣхъ его отрасляхъ, имѣвъ при семъ, естественно, случаи къ самымъ многостороннимъ примѣненіямъ, комитетъ сдѣлалъ, конечно, множество замѣчаній, но почти всѣ относились лишь къ дѣйствіямъ писателей и цензоровъ *въ нарушеніе или въ противность* существующаго устава, а самыя *правила* его оказались, съ весьма немногими и незначущими изъятіями, болѣе или менѣе достаточными для достиженія цѣли, которую имѣетъ здѣсь правительство: не вредя успѣхамъ истиннаго просвѣщенія и не останавливая его развитія, обуздывать печатное выраженіе всякой мысли неблагонамѣренной или неосторожной. Посему, если и могутъ востребоваться нѣкоторыя исправленія частныя, то измѣнять самый духъ цензурныхъ нашихъ постановленій, или, для нѣсколькихъ параграфовъ, издавать опять цѣлый новый уставъ, *третій*, въ продолженіе 23 лѣтъ, не представляется, по убѣжденію комитета, ни надобности, ни удобства" [2]).

Надо-ли говорить, что государственный совѣтъ, послѣ такого заключенія комитета, цѣликомъ не одобрилъ проектъ. Государь утвердилъ мнѣніе большинства;

---

[1]) Ibidem, 302—303.
[2]) Ibidem, 317—318. Курсивъ подлинника.

уставъ 1828 г. по прежнему оставался лишь формой, прикрывавшей любое неюридическое содержаніе...

Не могу не отмѣтить здѣсь одного любопытнаго обстоятельства: государственный совѣтъ, слѣдуя за соображеніями комитета 2 апрѣля, нарушилъ въ корнѣ высочайшую волю о пересмотрѣ устава, совершенно положительно и категорически выраженную въ резолюціи 2 апрѣля 1848 года на докладѣ кн. Меншикова...

Когда шла вся эта процедура, Бутурлина не стало.

„Въ воскресенье (9 октября),—разсказываетъ бар. Корфъ—послѣ обѣдни, государь, подойдя ко мнѣ въ залѣ, передъ церковью, сказалъ:

— Слышалъ ты? Бѣдный Бутурлинъ! я считаю его смерть истинною потерею и сердечно о немъ горюю. Это большая бѣда и для вашего комитета. Вѣдь васъ теперь всего двое (т. е. Дегай и я) и рѣшительно не знаю, кого вамъ дать третьяго. Въ двадцать четыре года я столько растерялъ близкихъ мнѣ людей, что теперь всегда нахожусь въ величайшемъ затрудненіи, когда надо замѣстить довѣренное мѣсто. Не знаешь-ли ты кого?

„Я сдѣлалъ, въ молчаніи, отрицательное движеніе.

— Есть человѣкъ, который и въ нашихъ правилахъ, и смотритъ на вещи съ нашей точки: это твой товарищъ по совѣту,—Анненковъ, но у него есть тоже свои занятія, и не знаю, могъ-ли бы онъ соединить все вмѣстѣ.

„Какъ эта фраза была произнесена тоже въ тонѣ вопросительномъ, то я счелъ себя въ правѣ отвѣчать:

— Въ комитетѣ, государь, очень много дѣла; мы теперь, къ счастію, рѣдко имѣемъ случай васъ утруждать, но для того, чтобъ изрѣдка представить вамъ нѣсколько строкъ, должны постоянно прочитывать цѣлыя кипы.

— Знаю, знаю, что у васъ попрежнему пропасть дѣла, хоть до меня нынче, благодаря Бога, доходитъ мало.

„Тутъ подошла императрица, и нашъ разговоръ былъ прерванъ.

„Спустя нѣсколько дней, Анненковъ дѣйствительно былъ опредѣленъ членомъ комитета 2 апрѣля“ [1].

Корфъ ошибся, назвавъ Н. Н. Анненкова членомъ—по всѣмъ остальнымъ источникамъ да и по дальнѣйшему изложенію въ его же собственныхъ запискахъ—тотъ былъ предсѣдателемъ.

Какъ только государь утвердилъ мнѣніе государственнаго совѣта по поводу проекта цензурнаго устава, Уваровъ (20 октября) вышелъ въ отставку, прекрасно понявъ, наконецъ, что оставаться дольше неловко...

Вскорѣ умеръ П. И. Дегай, но кѣмъ былъ замѣщенъ — неизвѣстно: указаній я нигдѣ не могъ найти. Возможно, что замѣщеніе вовсе не послѣдовало.

Н. Н. Анненковъ. Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ.

Генералъ-адъютантъ Анненковъ, занимавшій потомъ посты кіевскаго генералъ-губернатора и государственнаго контролера, былъ человѣкомъ вполнѣ способнымъ замѣнить Бутурлина. Та же ненависть къ наукѣ и просвѣщенію, то же нераспо-

[1]) „Рус. Старина“, 1900 г., V, 274.

(„Портретная галлерея русскихъ дѣятелей" изд. Мюнстера).

ложеніе къ литературѣ, поскольку она являлась выраженіемъ самостоятельной мысли, то же, наконецъ, пониманіе общественной жизни и ея элементарныхъ потребностей... Больше о немъ сказать нечего.

Новый министръ просвѣщенія, князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, получилъ первоначальное воспитаніе въ родительскомъ домѣ въ духѣ строгаго церковнаго благочестія, а затѣмъ поддался вліянію одного изъ старшихъ братьевъ, Сергѣя, аѳонскаго іеромонаха Аникиты, которому и обязанъ своимъ глубоко религіознымъ міросозерцаніемъ. Князь занимался и литературой — онъ писалъ религіозно-нравственныя и патріотическія стихотворенія. Вѣра, основанная на ней нравственность и любовь къ statu quo отечества—вотъ единственные источники его вдохновенія. Ширинскій-Шихматовъ былъ ревностнымъ приверженцемъ взглядовъ адмирала А. С. Шишкова [1]).

Баронъ Корфъ говоритъ, что назначеніе новаго министра „Петербургъ встрѣтилъ едва-ли ни съ такимъ же неудовольствіемъ и порицаніемъ, какъ возведеніе Вронченко въ санъ министра финансовъ. Съ одной стороны, бѣдный князь не пользовался никакимъ общественнымъ уваженіемъ, его считали за человѣка ограниченнаго, святошу, обскуранта и жалѣли, что именно въ такую эпоху, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и настроеніи умовъ, по занятію поста столь важнаго для будущности Россіи, выборъ палъ на подобное лицо. Съ другой стороны, удивлялись, какъ государь, будучи недоволенъ Уваровымъ, замѣнилъ сего послѣдняго не кѣмъ-либо другимъ, а именно его товарищемъ, бывшимъ передъ симъ многіе годы директоромъ департамента, слѣдственно, участникомъ всѣхъ дѣйствій, или бездѣйствія, уволеннаго министра... Если такъ думала и говорила та часть публики, которой совсѣмъ нельзя было признать неблагонамѣренною, то многіе другіе шли еще далѣе. Выборъ, говорили они, людей такихъ ограниченныхъ, безхарактерныхъ и безгласныхъ, каковы Вронченко и Шихматовъ, вполнѣ доказываетъ утомленіе государя: эти уже, вѣрно, не будутъ утруждать его новыми мыслями и предложеніями; но между тѣмъ поведутъ свои части къ несомнѣнному упадку. Повторяя давнишнія эпиграммы Пушкина на новаго министра, забавники наши сочиняли и свѣжія, немного переиначивая для того его фамилію. Они называли его вмѣсто Шихматовъ—Шахматовъ и говорили, что съ назначеніемъ его, и министерству и самому просвѣщенію въ Россіи данъ не только *шахъ*, но и *матъ*. Другіе, припоминая прежніе литературные труды князя, его опыты духовныхъ стихотвореній, оды, академическія рѣчи и пр., отличавшіяся всегда строгимъ классицизмомъ и бездарностью, злорадостно припоминали, какъ все это отдѣлывалось въ журналахъ двадцатыхъ годовъ, когда ни критикамъ, ни цензорамъ, конечно, не могло даже и присниться, что сочинитель станетъ нѣкогда во главѣ русскаго просвѣщенія и высшимъ начальникомъ послѣднихъ.

„... Впослѣдствіи мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ обстоятельство, послужившее непосредственнымъ поводомъ къ назначенію князя Шихматова министромъ. Въ продолженіе управленія своего министерствомъ въ качествѣ товарища, онъ представилъ государю записку о необходимости преобразовать преподаваніе въ нашихъ университетахъ такимъ образомъ, чтобы впредь всѣ положенія и выводы науки

---

[1]) *С. В. Рождественскій*, „Истор. обзоръ дѣятельности мин. нар. просвѣщенія“, Спб., 1902 г., 226—228.

Кн. Ширинский Шихматов

(С. Рождественскій—„Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія“, 1902 г

были основываемы не на умственныхъ, а на религіозныхъ истинахъ, въ связи съ богословіемъ. Государю такъ понравилась эта мысль, что онъ призвалъ передъ себя сочинителя записки, и Шихматовъ устнымъ развитіемъ своего предложенія до того успѣлъ удовольствовать августѣйшаго своего слушателя, что, немедленно по его выходѣ, государь сказалъ присутствовавшему при докладѣ цесаревичу:

— Чего же намъ искать еще министра просвѣщенія? Вотъ онъ найденъ" [1]).

Никитенко характеризуетъ Ширинскаго-Шихматова человѣкомъ добрымъ, справедливымъ, простымъ и доступнымъ, но не отличающимся ни умомъ, ни краснорѣчіемъ и не имѣвшимъ никакого значенія въ глазахъ своихъ подчиненныхъ. „На него смотрѣли съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ, которое было естественнымъ слѣдствіемъ его политическаго безсилія" [2]).

Дѣйствительно, самостоятельности Ширинскій-Шихматовъ проявлялъ всегда возможно меньше и въ кратковременное свое управленіе былъ точнымъ исполнителемъ воли государя и указаній, имѣвшихъ цѣлью усилить строгость правительственнаго контроля надъ школой и литературой и обосновать жизнь той и другой на началахъ, давшихъ ему министерское кресло. Своему товарищу, Норову, онъ неоднократно повторялъ: „Авраамъ Сергѣевичъ! да будетъ вамъ извѣстно, что у меня нѣтъ ни своей мысли, ни своей воли—я только слѣпое орудіе воли государя" [3]).

Понятно, какія отношенія установились у новаго министра съ Анненковымъ. По указанію офиціальнаго источника, онъ „откровенно подалъ руку комитету 2 апрѣля и указанія его принималъ не какъ посягательство на свою самостоятельность, но какъ дружелюбную помощь и содѣйствіе для достиженія общей цѣли—сообщенія литературѣ болѣе удовлетворительнаго направленія" [4]).

Трактатъ о чистой нравственности. Особенное вниманіе къ „Современнику". Защита писателей благонамѣренныхъ. Доставка изданій комитету 2 апрѣля.

Насколько извѣстно, первымъ дебютомъ новаго предсѣдателя было отношеніе къ Ширинскому-Шихматову по поводу брошюры Е. Македонскаго: „Очерки всеобщей исторіи", къ которой очень сочувственно отнесся „Современникъ" и этимъ, конечно, обратилъ вниманіе на брошюру.

Комитетъ 2 апрѣля нашелъ, что авторъ брошюры „постепенно развиваетъ слѣдующіе три тезиса: 1) каждый человѣкъ живетъ только для различныхъ удовольствій, 2) безъ нихъ онъ или вовсе не можетъ жить или страдаетъ и 3) для сихъ же удовольствій онъ долженъ познавать природу и себя". Неусматривая въ этомъ „предосудительнаго намѣренія автора", а лишь — „односторонность и ограниченность взгляда, скрывшія отъ автора, какъ опасно и нелѣпо провозглашать такимъ образомъ цѣлью человѣка не то, что составляетъ долгъ христіанина и подданнаго, хотя бы исполненіе онаго сопряжено было съ самоотверженіемъ, а одно насла-

---

[1]) „Изъ записокъ". „Рус. Старина", 1900 г., V, 282—283. Замѣчу, что исправлявшій ошибки Корфа государь Александръ II оставилъ все процитированное безъ всякихъ измѣненій.

[2]) „Дневникъ", „Рус. Старина", 1890 г., IV, 38—39.

[3]) Ibidem, V, 286.

[4]) „Истор. свѣдѣнія etc", 71—72.

жденіе удовольствіями",—комитетъ находилъ, что „по сему самому непремѣнною обязанностью цензуры было поступить осмотрительнѣе автора и не пропускать въ печать столь опасныхъ нелѣпостей, тѣмъ болѣе, что вся брошюра, какъ на заглавіи ея означено, издана для начинающихъ; слѣдственно, для умовъ неопытныхъ и легко воспріимчивыхъ къ впечатлѣніямъ всякаго рода".

„Но то, что въ авторѣ брошюры представляется однимъ неразумѣніемъ, по всей справедливости, безъ дурной цѣли, въ статьѣ журнала „Современникъ", посвященной разбору сей брошюры, возбуждаетъ подозрѣніе другого рода, особенно по тому направленію, въ которомъ прежде замѣчены были издатели этого журнала. Въ статьѣ своей о сочиненіи Македонскаго они не только называютъ его «замѣчательнымъ явленіемъ въ нашей учебной литературѣ», не только говорятъ, что оно «должно сдѣлаться настольною книгою во всѣхъ дѣтскихъ кабинетахъ», но даже, вмѣсто опроверженія вышеприведенныхъ опасныхъ идей и выраженій, перепечатываютъ ихъ въ своемъ журналѣ въ видѣ образчика, изъ котораго читатель могъ бы нагляднымъ образомъ самъ опредѣлить, до какой степени г. Македонскій, съ одной стороны, приспособляется къ понятіямъ дѣтей, а съ другой—расширяетъ объемъ и содержаніе этихъ понятій.

„Вслѣдствіе сихъ соображеній, комитетъ полагалъ: 1) цензору Срезневскому, пропустившему въ печать отмѣченныя выше мѣста брошюры, за сіе упущеніе, для возбужденія въ немъ большей на будущее время осторожности—сдѣлать строгій выговоръ; 2) подобному же выговору подвергнуть и издателей „Современника" за включеніе ими въ ихъ изданіе похвалы такимъ идеямъ, которыя, напротивъ, *въ понятіяхъ чистой нравственности*, должны бы вызывать одно строгое порицаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать распоряженіе, чтобы брошюра Македонскаго нигдѣ не была терпима въ общественномъ преподованіи" [1]).

Надо вспомнить тревогу, овладѣвшую Петербургомъ вслѣдъ за открытіемъ собраній у Петрашевскаго, чтобы понять то усиленное вниманіе, съ которымъ цензура стала относиться къ „Современнику"—журналу, со вступленія туда Бѣлинскаго, не перестававшему проявлять „душу живу".

Въ тотъ же день, 26 октября, когда Ширинскій - Шихматовъ получилъ отношеніе Анненкова по поводу Македонскаго, имъ было получено и другое, уже исключительно по адресу „Современника".

Тамъ, въ разборѣ сочиненія Смарагдова, были слѣдующія строки:

„Вы хотите новыхъ хорошихъ романовъ, хотите ученыхъ статей, хотите умныхъ рецензій и критикъ? Но подумали-ли вы хотя разъ о положеніи вашей литературы, вашей журналистики? Кто нынче пишетъ? Нынче рѣшительно вѣкъ книгоненавидѣнія. Страшная и непростительная лѣнь съ страшною силою распространяется въ пишущемъ классѣ, какъ-будто есть что-нибудь въ самомъ воздухѣ, развивающее въ писателяхъ новый недугъ, угрожающій гибелью литературѣ, журналистикѣ, типографіямъ, книгопечатанію,—недугъ книгоненавидѣнія. И дѣйствительно, развитіе это стало особенно замѣтно съ появленіемъ эпидеміи (холеры)" [2]).

Комитетъ понялъ, конечно, намекъ...

---

[1]) „Цензурныя дѣла etc", № 2, т. III, 661—666. Курсивъ мой.
[2]) „Современникъ" 1849 г., № 10.

„Во всѣхъ сихъ словахъ, написанныхъ тогда, когда физическая эпидемія уже исчезла,—обращался онъ къ министру,—какъ ни прикрываетъ критикъ свою мысль шуткою и явленіемъ холеры, начавшейся здѣсь, какъ извѣстно, почти вслѣдъ за учрежденіемъ комитета 2 апрѣля 1848 года, но прямое намѣреніе его, очевидно, клонится къ изъявленію жалобы на *мнимыя* (!!!) стѣснительныя обстоятельства литературы и журналистики, жалобы неумѣстной, хотя бы она и не относилась ко взысканіямъ, какихъ заслужили журналисты и неблагонамѣренные сочинители; почему комитетъ полагалъ представить в. с-ву, призвавъ передъ себя издателей „Современника", объявить имъ, что тайная ихъ мысль не осталась скрытою отъ правительства и, вслѣдствіе того, сдѣлать имъ строжайшій выговоръ со внушеніемъ, что если бы и впредь еще они отважились на что-нибудь подобное, то будутъ неминуемо подвергнуы примѣрному взысканію" [1]).

Очень любопытно, что, съ другой стороны, комитетъ вставалъ на защиту „добраго имени" сочинителей благонамѣренныхъ и неукоснительно шествовавшихъ по стезѣ дозволеннаго.

Такъ, въ „Вѣдомостяхъ С.-Петерб. Городской Полиціи" нѣкій Смирновскій написалъ очень прочувствованный фельетонъ въ память своего умершаго редактора, Межевича. Булгаринъ подхватилъ его и вышутилъ ихъ обоихъ, причемъ Смирновскаго обвинялъ, правда очень осторожно, въ вымогательствѣ у торговцевъ денегъ. Комитетъ отнесся къ министру съ замѣчаніемъ, что „это уже не литературная полемика, свободному движенію которой правительство наше не налагаетъ препятствія (?!), а выходящее изъ всѣхъ предѣловъ приличія площадное ругательство, на которое никому и ни противъ кого не дано закономъ права". Въ заключеніе рекомендовалось сдѣлать замѣчаніе цензорамъ, а редакторамъ „Сѣверной Пчелы" объявить, что они избавляются на этотъ разъ отъ законнаго взысканія „единственно благодаря всегдашнему благонамѣренному своему направленію". На этомъ послѣдовала резолюція государя: „Принять самыя строгія мѣры къ запрещенію подобнаго рода нареканій и въ особенности всякихъ перебранокъ въ какомъ бы то ни было журналѣ" [2])

Въ ноябрѣ Анненковъ писалъ министру просвѣщенія, что комитетъ, сознавая, что для приведенія въ дѣйствіе его назначенія, одинъ и даже нѣсколько лишнихъ экземпляровъ для издателя книги, журнала и проч. не составляютъ, въ общей сложности, никакого почти счета, — испрашивалъ соизволеніе государя на возстановленіе отмѣненнаго послѣднимъ уставомъ о цензурѣ правила, коимъ императорской публичной библіотекѣ было даровано право получать безмездно по два экземпляра каждой вновь издаваемой книги изъ всѣхъ типографій Имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ двухъ экземпляровъ, присылаемыхъ въ библіотеку, одинъ поступалъ въ вѣдѣніе комитета. Государь, одобривъ это предположеніе, повелѣлъ привести его въ исполненіе *безъ всякаго оглашенія о существованіи комитета* [3]). Это интересно потому, что при Бутурлинѣ, очевидно, экземпляры библіотеки шли прежде всего въ комитетъ, гдѣ и погибали въ рукахъ чтецовъ. Корфъ понималъ, что это порядокъ ненормальный. Съ другой стороны, повидимому, при Анненковѣ составлялся собственный архивъ комитета, неизвѣстно, куда канувшій.

---

[1]) „Цензурныя дѣла etc", № 1, т. II, 451—453.

[2]) „Цензура въ царствованіе императора Николая I", „Рус. Старина", 1903 г., VIII, 419—420.

[3]) Ibidem, 418—419.

Отголоски „дѣла петрашевцевъ".

Еще въ 1845 г., Петрашевскій, скрывшись подъ псевдонимомъ Николая Кирилова, издалъ первый выпускъ (А— М) „Карманнаго словаря иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка", и такимъ образомъ имѣлъ возможность ознакомить широкаго читателя съ основами понятій совершенно для него новыхъ [1]). Онъ довольно быстро разошелся въ подпискѣ и продажѣ. Не такъ удачно пошло со вторымъ выпускомъ (М — О): вслѣдъ за поступленіемъ его въ продажу, цензурный комитетъ спохватился, и послѣдовала конфискація, не причинившая, впрочемъ, никакихъ иного рода непріятностей самому Петрашевскому и его сотрудникамъ. Но вотъ, 23 апрѣля 1849 г., Петрашевскій съ другими лицами былъ арестованъ... Разборъ дѣла побудилъ комиссію статсъ-секретаря кн. А. Ѳ. Голицына заняться разсмотрѣніемъ труда Кирилова, о которомъ создавшій „дѣло петрашевцевъ" неудобозабываемый И. П. Липранди писалъ въ своемъ „мнѣніи" отъ 17 августа 1849 г.: „...издатель имѣлъ дерзость напечатать, между безчисленнымъ множествомъ наполненныхъ ядомъ *соціализма, коммунизма* и прочихъ современныхъ безумствъ, слѣдующія небывалыя на русскомъ языкѣ строки (на стр. 294): «Ученіе Христово въ первобытной чистотѣ своей нанесло сильный ударъ всевозможнымъ писаніямъ и прорицателямъ, изобличило ихъ хищничество, коварство и деспотизмъ и въ противоположность тому, являя примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя основнымъ догматомъ милосердіе, *а цѣлью водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности*—съ каждымъ днемъ привлекало къ себѣ новыхъ сподвижниковъ. Какъ ни прекрасно начало сего ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія»... Что на это сказало бы самое хладнокровное безпристрастіе? Вообще, по моему понятію, всѣ эти курсы безъ изъятія требуютъ строгаго пересмотра людьми, не только благонамѣренными, но и спеціальными, понимающими дѣло" [2]).

Тамъ же было указано на отсутствіе репрессіи по отношенію къ первому выпуску... Вскорѣ объ этомъ стало извѣстно комитету 2 апрѣля, и 13 ноября Анненковъ писалъ Ширинскому-Шихматову:

„Въ числѣ свѣдѣній, *случайно* дошедшихъ до комитета 2-го апрѣля, особенное вниманіе его обратила на себя изданная въ 1845 году книжка подъ заглавіемъ: «Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка». Словаря этого появился въ свѣтъ одинъ только выпускъ отъ буквы А до М. [3]). По тщательномъ разсмотрѣніи означенной книжки, комитетъ не могъ не признать въ ней направленія не только двусмысленнаго, но и прямо предосудительнаго. Назначеніе подобнаго изданія, по самому названію книжки, должно, казалось бы, состоять единственно въ объяснительномъ, такъ сказать, переводѣ

---

[1]) Въ „нѣсколькихъ словахъ отъ издателя", между прочимъ, сказано: „какъ увидятъ гг. подписчики изъ перваго выпуска, „Словарь" есть не что иное, какъ краткая энциклопедія искусствъ и наукъ или, вѣрнѣе сказать, краткая энциклопедія понятій, внесенныхъ къ намъ европейской образованностью"; „..по поводу филологическаго толкованія иностранныхъ словъ читатели найдутъ здѣсь столько свѣдѣній, сколько необходимо ихъ имѣть для уразумѣнія современныхъ литературныхъ произведеній, помѣщаемыхъ въ журналахъ и газетахъ".

[2]) „Рус. Старина", 1872 г., VII, 82--83. Курсивъ подлинника.

[3]) Ошибка—часть словъ на *м* есть уже и въ этомъ выпускѣ.

значеній иностранныхъ словъ, въ русскомъ языкѣ употребляемыхъ. Но въ словарѣ, комитетомъ разсмотрѣнномъ, цѣль эта становится, напротивъ, второстепенною, уступая мѣсто явному намѣренію развивать такія идеи и понятія, которыя у насъ могли бы повести къ однимъ лишь самымъ вреднымъ послѣдствіямъ. Съ одной стороны, въ означенный словарь включено много такихъ словъ, о которыхъ нельзя было не предвидѣть уже впередъ, что *самое даже благонамѣренное объясненіе ихъ значенія* поведетъ къ толкованіямъ, вовсе несвойственнымъ образу и духу нашего правленія и гражданскаго устройства, и что потому осторожнѣе не допускать ихъ въ книгу для популярнаго чтенія предназначенную; напротивъ, авторъ предлежащаго словаря не только переполнилъ ими свою книгу, но и издалъ ее, какъ по всему заключить должно, единственно для непримѣтнаго разлитія въ народѣ, подъ видомъ истолкованія этихъ словъ, косвенныхъ по своимъ видамъ похвалъ или порицаній выражаемымъ ими понятіямъ. Съ другой же стороны, даже такимъ словамъ, прямое значеніе коихъ не могло-бы, повидимому, вызывать какія-либо отвлеченныя умствованія, какъ-то: апологъ, анализъ, синтезъ, идеалъ, идиллія, иронія, ландшафтная живопись, максимумъ и др., приведенными при нихъ толкованіями или примѣрами, *приданъ смыслъ неблагонамѣренный* и явно намекающій на ту же самую тайную цѣль автора. Вслѣдствіе сихъ соображеній, комитетъ полагалъ необходимымъ: 1) всѣ остающіеся нераспроданными экземпляры этой книжки, какъ весьма вредной и опасной, извлечь изъ продажи; 2) хотя она появилась уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, т. е. до тѣхъ смутныхъ происшествій на западѣ, которыя побудили правительство усилить бдительность цензурнаго надзора,—но какъ сочиненіе это, по общему его духу и направленію, съ перваго взгляда, повидимому, всегда и во всякое время долженствовало подлежать запрещенію, то предоставить министерству народнаго просвѣщенія сообразить: можно-ли цензора Крылова, имѣвшаго неосторожность или неблагоразуміе пропустить подобное сочиненіе въ печать, оставлять въ должности цензора?"

На этомъ мнѣніи послѣдовала высочайшая резолюція: „не отбирая экземпляровъ упомянутаго словаря, дабы чрезъ то не возбудить любопытства, стараться откупить ихъ партикулярныхъ образомъ".

Крыловъ, какъ „честный, исправный, дѣятельный и благонамѣренный цензоръ", былъ оставленъ на службѣ по ходатайству министра [1]).

Въ „дѣлѣ петрашевцевъ" такъ много легендъ, а широкое общество такъ все еще мало знакомо съ нимъ, что, я думаю, небезынтересно заглянуть въ самый „Словарь" и привести выдержки изъ него хотя бы самыхъ „возмутительно" опредѣленныхъ словъ.

„*Анализъ и синтезъ*. Такъ называютъ два единственно возможные способа человѣческаго познанія, двѣ способности, служащія ему основой. Исторія анализа и синтеза есть исторія человѣческаго познанія, исторія наукъ, исторія понятій, исторія образованности. Поэтому мы сочли нужнымъ развить здѣсь этотъ предметъ съ нѣкоторою подробностью.

---

[1]) „Цензура въ царствованіе императора Николая I", „Рус. Старина", 1903 г., VIII, 420—421. Курсивъ мой. Замѣчу кстати, что давно отобранные экземпляры II выпуска словаря, кромѣ одного, оставленнаго при дѣлахъ петербургскаго цензурнаго комитета, въ количествѣ 1599, были сожжены 3 февраля 1853 года, по представленію петербургскаго попечителя, утвержденному министромъ просвѣщенія (Ibidem, 421—422).

„...Во всѣхъ этихъ пріемахъ нашего ума, цѣль достигается посредствомъ двухъ способностей: 1) способностью мысленно разлагать познаваемый предметъ на его составныя части; 2) способностью мысленно соединять эти части въ одно цѣлое. Первая способность (и пріемъ) ума называется *анализомъ*; вторая способность (и пріемъ) называется *синтезомъ*. Безъ анализа мы вѣчно бродили бы въ какомъ-то туманномъ представленіи всего существующаго, не отличая одного предмета отъ другого, какъ новорожденные младенцы; а безъ синтеза, при одномъ анализѣ, мы не были бы въ состояніи понимать связи между безконечнымъ множествомъ явленій и предметовъ; ни одинъ изъ нихъ не представлялся бы намъ какъ нѣчто цѣлое, составляющее часть другого цѣлаго; во всемъ видѣли бы мы отдѣльныя части, состоящія изъ другихъ частей и т. д.

„... Противники успѣховъ (прогресса) жалуются, что анализируя жизнь, разбирая всѣ явленія, изъ которыхъ она слагается, мы лишаемъ себя возможности ею наслаждаться, разрушаемъ множество плѣнительныхъ обмановъ, словомъ, дѣлаемъ себя несчастными. Анализу приписывается современное *разочарованіе*, которымъ такъ колятъ глаза новымъ поколѣніямъ. Нельзя не сознаться, что предавшись анализу, мы дѣйствительно не можемъ наслаждаться тѣмъ, что находимъ недостойнымъ человѣка. Но въ стремленіяхъ къ истинѣ и добру, не должна-ли поддерживать насъ надежда на осуществленіе завѣтныхъ нашихъ мыслей? Кромѣ того, анализъ не можетъ передѣлать человѣческой природы: никакая сила ума не уничтожитъ въ человѣкѣ его *потребностей*, которыхъ удовлетвореніе составляетъ жизнь и наслажденіе. Такъ, напр., говорятъ, что анализъ долженъ убить любовь и дружбу. Это неправда: онъ можетъ разрушить разныя нелѣпыя понятія объ этихъ чувствахъ, а убить самыя эти чувства онъ *не въ силахъ*. Притомъ, вся непріятность разочарованія (если кому-нибудь дѣйствительно непріятно разстаться съ понятіями, которыя онъ нашелъ нелѣпыми) падаетъ на то поколѣніе, которое испытываетъ его на себѣ. Слѣдующему же поколѣнію уже не приходится пить ту же горькую чашу; оно уже застаетъ новыя понятія, которыя препятствуютъ ему очароваться и разочароваться въ томъ, что служило предметомъ очарованія и разочарованія предыдущаго поколѣнія. — Наконецъ, если-бъ это разочарованіе и было такъ страшно, какъ его изображаютъ, то спрашивается: неужели не стоитъ нести этотъ крестъ за все, что анализъ сдѣлалъ для человѣчества. Не онъ-ли привелъ насъ къ изученію общества, къ познанію его ранъ и болѣзней и къ изысканію средствъ ихъ излеченія? Синтетикъ равнодушно смотритъ на такія явленія; онъ даже рѣдко замѣчаетъ ихъ; нищета, голодъ, развратъ, невѣжество—все это такія явленія, которыя онъ спѣшитъ объяснить какимъ-нибудь міровымъ закономъ гармоніи, какою-нибудь блестящею теоріей необходимости зла, а потому никто и не вздумаетъ заняться ихъ устраненіемъ [1])...“

„*Апологъ*. Краткій разсказъ, заключающій въ себѣ какую-нибудь нравственную мысль. Вотъ, напр., прекрасный апологъ Дмитріева:

«По милости твоей я весь разбитъ»,
Пенялъ кирпичъ гвоздю: «за что такая злость?»
—*«За то, что въ голову меня колотитъ молотъ»* [2]).

„*Идеалъ*. Идеаломъ называется образцовый, возможно-совершенный въ своемъ родѣ предметъ. Слѣдовательно, идеалъ есть выраженіе идеи въ формѣ. Такъ, напр., статуя Аполлона Бельведерскаго считается идеаломъ мужской красоты, т. е. иными словами, ни въ какой формѣ не удовлетворены такъ совершенно условія мужской красоты посредствомъ изображенія формъ тѣла, какъ въ этомъ дивномъ произведеніи древняго ваянія. Это совершенство формы, соотвѣтствующей идеи и отличаетъ идеалъ отъ сей послѣдней. Такъ, напр., идеей государства называемъ мы

---

[1]) „Карманный словарь etc.“, Спб., 1845 г., I, 7—10. Курсивъ здѣсь и дальше подлинника. Статья эта принадлежала Валеріану Майкову, хотя и не была имъ подписана.
[2]) Ibidem., 12.

условія его благосостоянія, представляемыя въ умѣ. Напротивъ того, идеаломъ государства мы назовемъ уже какое-нибудь дѣйствительно существующее государство, или такой предметъ его устройства, въ которомъ изложены всѣ его составныя, дѣйствительныя части. Идеалъ не должно смѣшивать съ утопіей (см. это слово); утопія мечта, а идеалъ совершенно согласенъ съ требованіемъ дѣйствительности, хотя совершенное выполненіе его едва-ли возможно человѣку"[1]).

„*Иронія*. Ироніей называется кажущійся разладъ между мыслью и формой ея выраженія или между цѣлью и средствами къ ея достиженію. Такъ, напр., нельзя не приписать ироническаго характера сочиненію Маккіавели «О монархѣ», гдѣ онъ, какъ будто бы съ личнымъ, глубокимъ убѣжденіемъ доказываетъ, что монархъ не долженъ стѣсняться ничѣмъ для усиленія своей власти, между тѣмъ, какъ, принимая въ соображеніе другія сочиненія того же писателя, можно догадаться, что похвалы его деспотамъ суть не что иное, какъ сильная сатира"[2]).

„*Максимумъ*, т. е. «наибольшее». Такъ называютъ всякую величину, за предѣлъ которой не можетъ или не должна простираться никакая величина. Такъ, напр., во время французской революціи всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые необходимы человѣку въ его ежедневномъ быту, была положена наибольшая цѣна (maximum), выше которой никто не смѣлъ ихъ продавать. Въ математикѣ теорія «наибольшихъ и наименьшихъ» (см. Энц. Наукъ ст. *алгебра*) (maximum et minimum) имѣетъ много важныхъ приложеній"[3]).

Читатель теперь видитъ, чѣмъ былъ „Карманный словарь", составившій одинъ изъ пунктовъ обвинительнаго акта противъ Буташевича-Петрашевскаго...

Но этимъ не кончилось „дѣло петрашевцевъ" въ области цензуры. Въ утвержденномъ 19 декабря 1849 г. докладѣ генералъ-аудиторіата, кромѣ наказаній обвиненнымъ, были изложены необходимыя мѣры для предупрежденія возможности возникновенія и впредь „подобныхъ замысловъ". Двѣ изъ нихъ непосредственно касались цензуры: „...2) бдительныя и строгія мѣры противъ ввоза иностранныхъ сочиненій опаснаго содержанія, способствующаго превратному образу мыслей въ умахъ юныхъ и неопытныхъ; 3) самый осмотрительный цензурный надзоръ за журналами и газетными статьями"[4]).

Такимъ образомъ какъ бы подчеркивалась безусловная необходимость дальнѣйшаго существованія комитета 2 апрѣля, а министру просвѣщенія давалось понять, что дальнѣйшее его благополучіе зависитъ отъ солидарности съ этимъ верховнымъ учрежденіемъ...

---

[1]) Ibidem., 74.

[2]) Ibidem., 85.

[3]) Ibidem., 174. „Энциклопедія Наукъ" была приложена ко второму выпуску „Словаря".

[4]) *В. И. Семевскій*, „Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ", сборникъ „На славномъ посту", 1900 г., 151—152. Въ этомъ смыслѣ любопытно одно отношеніе директора публичной библіотеки, бар. Корфа, къ министру просвѣщенія, отъ 28 апрѣля 1850 года: „Государь императоръ высочайше разрѣшилъ въ каталогѣ дубликатовъ книгъ, хранящихся въ Импер. Пуб. Библіотекѣ, предназначенныхъ въ продажу, печатать заглавія всѣхъ вообще дубликатовъ, не исключая и сочиненій, могущихъ оказаться запрещенными; но заглавія послѣднихъ въ тѣхъ экземплярахъ сего каталога, которые не вышлются за границу, зачеркивать непрозрачными типографскими чернилами, объявляя покупщикамъ. что книги, подъ зачеркнутыми номерами значившіяся, уже проданы". („Цензур. дѣла etc", № 1, т. II, 482).

1850 годъ.

Всеподданнѣйшая записка Каменскаго.

Въ февралѣ 1850 года, нѣкій Александръ Каменскій, бывшій тогда директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ и, слѣдовательно, занимавшій довольно крупный административный постъ и хорошо ознакомленный съ курсомъ политики, представилъ Николаю I очень пространную записку „О направленіи народнаго просвѣщенія и о главныхъ сословіяхъ въ Россіи". Во всеподданнѣйшемъ письмѣ своемъ Каменскій доказывалъ, что „корень зла", благодаря которому „человѣчество содрагается, при видѣ бѣдствій и неистовствъ, совершающихся на западѣ Европы", таится „въ избыткѣ умозрительнаго образованія, въ пагубномъ стремленіи къ сліянію всѣхъ сословій, однимъ словомъ, въ томъ мнимомъ успѣхѣ гражданственности, который въ новѣйшее время наименовали «прогрессомъ»". „Записка" же посвящена изложенію тѣхъ „истинно полезныхъ мѣръ", которыя необходимы для „дальнѣйшаго направленія народнаго просвѣщенія въ Россіи". Я не буду слѣдить за предложеніями „записки" въ области собственно образованія— а они были крайне реакціоннаго характера—и остановлюсь только на трехъ послѣднихъ, касающихся цензуры:

„16) Министерству просвѣщенія можно бы озаботиться: о распространеніи чтенія книгъ по части точныхъ наукъ и общеполезныхъ свѣдѣній; объ ограниченіи ввоза иностранныхъ безнравственныхъ романовъ и сочиненій по предметамъ отвлеченнымъ и философскимъ. Полезно было бы сократить по возможности выписку иностранныхъ политическихъ газетъ и журналовъ, въ коихъ, несмотря на безпрестанныя вырѣзки статей, не пропущенныхъ цензурою, проскальзываютъ вольнодумныя и рѣзкія сужденія заграничныхъ публицистовъ [1]). Потеря почтоваго дохода отъ прекращенія выписки этихъ изданій можетъ быть вознаграждена изъ другихъ источниковъ. Сказанное сокращеніе выписки иностранныхъ журналовъ имѣло бы въ особенности полезныя послѣдствія для внутреннихъ областей Россіи, ибо съ нѣкоторыхъ поръ эти изданія начали проникать туда въ весьма значительномъ количествѣ, вѣроятно, по причинѣ большого пониженія подписной цѣны на оныя.

„17) Не менѣе постояннаго и бдительнаго надзора цензуры требуютъ и русскіе журналы и газеты. Въ нихъ слѣдуетъ строжайше воспретить помѣщеніе излишнихъ сужденій и толковъ о политикѣ и нынѣшнихъ нелѣпыхъ теоріяхъ европейской идеалогіи. Истинно-русскимъ читателямъ и на умъ не пришло бы существованіе этихъ сумасбродныхъ идей, если бы онѣ ни были имъ

---

[1]) Въ то время еще не чернили типографской краской, а просто вырѣзали, чѣмъ очень обезцѣнивали изданія, почти всегда получавшіяся въ видѣ лохмотьевъ.

сообщаемы въ нашихъ журналахъ. Политическія извѣстія, заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ, должны быть передаваемы тоже съ подлежащею осмотрительностью и нѣкоторыя изъ нихъ безъ лишнихъ подробностей, единственно для сохраненія исторической послѣдовательности въ происшествіяхъ; въ этихъ статьяхъ не слѣдуетъ допускать пустословіе, которое подъ личиною усердія и добросовѣстности, нерѣдко дозволяетъ себѣ намеки, оговорки и не менѣе вредныя недомолвки. При разрѣшеніи новыхъ изданій, по части русскихъ политическихъ газетъ и журналовъ, необходимо обращать особенное вниманіе на образъ мыслей и нравственныя качества издателей и даже на ихъ національное происхожденіе.

„и 18) Установивъ строжайшія правила для цензуры книгъ и въ особенности журналовъ, опредѣлять въ цензора людей опытныхъ, внимательныхъ и извѣданной благонадежности. Поощряя ихъ за усердную дѣятельность лестными наградами, подвергать за упущенія строжайшему взысканію. Съ этою цѣлью ввести въ уложеніе о наказаніяхъ новыя статьи взысканій за нарушеніе цензурнаго устава, особливо по части газетъ и журналовъ“.

Государь объявилъ Каменскому, черезъ шефа жандармовъ, кн. Орлова, что „по прочтеніи съ особеннымъ удовольствіемъ записки его, изъявляетъ ему за трудъ его всемилостивѣйшую благодарность и поручаетъ развить съ большею подробностью мысли его о просвѣщеніи“ [1]).

Какъ читатель увидитъ ниже, очень многое изъ предложеній Каменскаго вскорѣ и было осуществлено; напримѣръ, въ маѣ же государственный совѣтъ обсуждалъ мѣры для ограниченія ввоза иностранной литературы, въ декабрѣ состоялось распоряженіе о строгомъ выборѣ цензоровъ и п. т.

Ширинскій-Шихматовъ очень внимательно отнесся къ запискѣ Каменскаго, изъ которой впослѣдствіи исходилъ въ изобрѣтеніи мѣръ „обузданія“.

Забота о „здоровомъ“ чтеніи „простолюдья“.

Кто интересуется внѣшкольнымъ народнымъ образованіемъ, тотъ знаетъ, какое еще и до сихъ поръ распространеніе имѣетъ, напримѣръ, такая стряпня XVIII вѣка, какъ „Повѣсть о приключеніяхъ англійскаго милорда Георга и о брандербургской маркграфинѣ Фридерикѣ-Луизѣ, съ присовокупленіемъ исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезіи“, кстати, очень недавно выпущенная королями никольскаго рынка 97-мъ изданіемъ... Понимаетъ и тѣ причины, которыя обусловливаютъ возможность такого книжнаго рынка...

Въ 1849 г. эта билиберда была напечатана одиннадцатымъ изданіемъ. Комитетъ 2 апрѣля обратилъ прежде всего вниманіе на цѣлый рядъ очень нескромныхъ, эротическихъ мѣстъ этой повѣсти, а затѣмъ нашелъ, что „если одиннадцатое изданіе «Милорда Георга» свидѣтельствуетъ, до какой степени эта книга сдѣлалась у насъ популярною, то оно служитъ вмѣстѣ доказательствомъ, что и низшіе наши классы чувствуютъ уже вообще необходимость въ чтеніи, которой такъ желательно бы удовлетворять пищею болѣе для нихъ полезною“. Все это казалось бы очень понятнымъ, если бы мы не имѣли конца этого отношенія къ министру просвѣщенія. Дальше же говорилось:

[1]) „Рус. Старина“ 1903 г., VII, 168—176.

„Въ серьезномъ родѣ частью сдѣлана уже къ тому попытка: стараніями нѣкоторыхъ *благонамѣренныхъ* частныхъ лицъ въ послѣднее время изданы разныя *назидательныя* сочиненія, приспособленныя къ нравамъ и кругу понятій простолюдиновъ. Но и простолюдинъ можетъ иногда пожелать чтенія болѣе легкаго, веселаго, *даже* шутливаго, которымъ не только завлекалась бы его любознательность, но доставлялось и нѣкоторое разсѣяніе; а въ такомъ родѣ у насъ нѣтъ ничего, кромѣ упомянутыхъ вздорныхъ книжекъ и сказокъ, большею частью весьма старинныхъ. Здѣсь, по мнѣнію комитета, открывается обширное поле нашимъ литераторамъ, во всякомъ случаѣ гораздо полезнѣйшее, нежели переводъ ничтожныхъ французскихъ романовъ или передѣлываніе вздорныхъ оракуловъ или гадательныхъ книгъ и т. п. Комитетъ заключилъ сообщить о всемъ этомъ министру народнаго просвѣщенія для того, чтобы онъ представилъ свои соображенія: какимъ бы образомъ умножить у насъ изданіе и распространеніе въ простомъ народѣ чтенія книгъ, писанныхъ языкомъ, близкимъ къ его понятіямъ и быту, и, подъ оболочкою романическаго или сказочнаго интереса, постоянно направляемыхъ къ утвержденію нашихъ простолюдиновъ въ добрыхъ нравахъ и въ любви къ православію, государю и порядку".

Черезъ мѣсяцъ Ширинскій-Шихматовъ представилъ государю очень пространный докладъ съ соображеніями, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему:

„1) Десять изданій «Милорда Георга» въ теченіе 50 лѣтъ, едва ли могутъ служить доказательствомъ, что эта книжка сдѣлалась популярною. Она составляетъ не болѣе, какъ принадлежность нашей дворни въ столицахъ, губернскихъ и уѣзднымъ городахъ, а отчасти и въ помѣщичьихъ селеніяхъ, куда доставляется посредствомъ ярмарокъ и развозки странствующими промышленниками [1]). Къ разряду читателей «Милорда Георга» можно развѣ только причислить, весьма впрочемъ въ ограниченномъ числѣ, нѣкоторыхъ низшаго сословія городскихъ обывателей; 2) подобнаго рода изданія, погрѣшая иногда противъ приличія и благопристойности, не представляютъ, однако, безнравственнаго направленія въ цѣломъ содержаніи, не оставляютъ, по самой нелѣпости своей, въ читателяхъ сильныхъ впечатлѣній и нисколько не опасны въ рукахъ простолюдиновъ именно потому, что эти книжки по большей части весьма старинныя; 3) чтобы быть истинно народными, они не требуютъ отъ сочинителя своего особеннаго дарованія, неизсякаемаго остроумія, всегда прикрываемаго простотою и добродушіемъ, совершеннаго знанія обычаевъ низшаго класса и, наконецъ, близкаго знакомства съ ихъ общежитіемъ, по большей части, весьма удачно выраженными въ пословицахъ и поговоркахъ. Словомъ, книги въ духѣ народномъ ожидаютъ еще своего Крылова. Кромѣ того, писатель народныхъ книгъ долженъ быть проникнутъ живою вѣрою православной церкви, носить въ груди своей безусловную преданность престолу и сродниться съ нашимъ государственнымъ и общественнымъ бытомъ. Только тогда, передавая собственное убѣжденіе читателямъ своимъ, онъ можетъ незамѣтно согрѣвать и развивать въ сердцахъ ихъ врожденныя всякому русскому чувства уваженія къ вѣрѣ, любви и государю и покорности законамъ отечественнымъ. Удовлетворяютъ всѣмъ этимъ требованіямъ лишь изданныя въ послѣднее время

[1]) Напомню, что если въ концѣ сороковыхъ годовъ и были гдѣ грамотные крестьяне, то только въ дворняхъ...

«Русская книга для грамотныхъ людей» (изданіе министерства народнаго просвѣщенія) и «Сельское чтеніе» (изданіе министерства государственныхъ имуществъ). Но при этомъ опять, несмотря на просмотръ имъ самимъ первой изъ этихъ двухъ книгъ, останавливала мысль: годится-ли предлагать русскому необразованному люду чтеніе отечественной исторіи вполнѣ, которая нѣкоторыми своими событіями можетъ произвести неблагопріятное впечатлѣніе, а потому не лучше-ли выбрать нѣсколько назидательныхъ разсказовъ изъ всей русской исторіи? 4) изъ литературныхъ произведеній также слѣдовало бы выбрать нѣсколько нравственныхъ сочиненій, доступныхъ понятію каждаго грамотнаго человѣка, и изъ нихъ составить маленькую библіотеку при приходскихъ и сельскихъ училищахъ; 5) но еще болѣе князь настаивалъ на томъ, что всего полезнѣе было бы *для правительства* поощрять чтеніе книгъ не гражданской, а церковной печати, такъ какъ перваго рода книги представляютъ въ большинствѣ случаевъ (особливо относительно такъ называемаго «легкаго чтенія») лишь совершенно безполезное или вредное занятіе; 6) книги духовнаго содержанія укрѣпятъ простолюдина вѣрою и упованіемъ на святой промыселъ къ новымъ трудамъ и къ *благодушному* перенесенію *всякаго* рода лишеній, между тѣмъ, какъ книги свѣтскія разсѣютъ ихъ только на время, но въ то же время ослабятъ ихъ дѣятельность и *терпѣніе*; 7) и потому, отдавая рѣшительное предпочтеніе книгамъ духовнаго содержанія, министръ полагалъ издавать ихъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и продавать повсюду по самой умѣренной цѣнѣ, чему примѣръ существуетъ въ Москвѣ, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Филарета, состоитъ комитетъ изданія духовно-нравственныхъ книгъ для простолюдиновъ. Въ Петербургѣ это-же самое должно было бы устроиться, но въ гораздо обширнѣйшихъ размѣрахъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ синода. 8) Все это могло бы тѣмъ легче быть приведено въ исполненіе, что въ русскомъ народѣ до сихъ поръ существуетъ похвальный обычай начинать въ простолюдьи обученье грамотѣ буквами церковной печати и чтеніемъ Часослова и Псалтыря, и при томъ же книжный языкъ нашихъ церковныхъ учителей (напримѣръ, Дмитрія Ростовскаго и Тихона Задонскаго) сближается съ общеупотребительнымъ русскимъ языкомъ и не представляетъ особенныхъ трудностей въ понятіяхъ простолюдиновъ".

Въ заключеніе Ширинскій-Шихматовъ считалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ передать этотъ вопросъ на обсужденіе синода.

На докладѣ рукою министра сдѣлана отмѣтка, что 15 апрѣля „государь императоръ высочайше утвердилъ его съ тѣмъ, чтобы не упускать изъ виду и изданіе для простого народа книгъ гражданской печати занимательнаго, но безвреднаго содержанія, предназначая такое чтеніе преимущественно для грамотныхъ дворовыхъ людей; отдѣльные разсказы изъ отечественной исторіи его величество изволилъ предпочитать полному и послѣдовательному изложенію этого предмета въ книгѣ для простого народа" [1]).

Но Ширинскій-Шихматовъ понималъ, что всѣмъ этимъ не разрѣшалъ еще вопроса, поднятаго комитетомъ 2 апрѣля; поэтому онъ одновременно вошелъ къ государю и съ другимъ докладомъ—о средствахъ „для огражденія Россіи отъ

---

[1]) „Цензура въ царствованіе императора Николая I", „Рус. Старина", 1903, VIII, 422—426.

преобладающаго въ чужихъ краяхъ духа времени, враждебнаго монархическимъ началамъ, и отъ заразы коммунистскихъ мнѣній, стремящихся къ ниспроверженію основаній гражданскаго общества". Они состояли въ слѣдующемъ:

1) „Разсматривая книги, назначаемыя для чтенія простого народа, цензоръ наблюдаетъ съ особенною строгостью, чтобы въ нихъ не было не только никакого неблагопріятнаго, но даже и неосторожнаго прикосновенія къ православной церкви и установленіямъ ея, къ правительству и ко всѣмъ постановленнымъ отъ него властямъ и законамъ. Онъ не дозволяетъ также соблазнительныхъ разсказовъ и неблагопристойныхъ выраженій, *допуская, впрочемъ, соотвѣтствующія обычаямъ и образу жизни читателей, хотя и грубыя, но невинныя шутки.* 2) Цензоръ не долженъ дозволять описанія *особенныхъ* бѣдствій или нуждъ того состоянія, къ которому принадлежитъ многочисленный классъ читателей этого рода книгъ, ни *современныхъ* происшествій, сильно дѣйствующихъ на простонародье съ невыгодной стороны. Здѣсь онъ обязанъ мысленно ставить себя на мѣсто читателя и, примѣняясь къ его понятіямъ, опредѣлять, какое впечатлѣніе будетъ на него сдѣлано не только господствующимъ въ сочиненіи мнѣніемъ или чувствомъ, но и каждою отдѣльною мыслью и, такъ сказать, каждымъ словомъ. 3) Охраняя семейственное согласіе, какъ залогъ общественнаго благополучія, цензоръ ни подъ какимъ видомъ не пропускаетъ ничего, что бы могло ослабить въ мнѣніи простолюдиновъ уваженіе къ святости браковъ и повиновеніе власти родительской. 4) Сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, *не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію*, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простого народа" [1]).

Получивъ утвержденіе, мѣры эти вошли въ ближайшее общее распоряженіе по цензурному вѣдомству.

Любопытно, что когда, два года спустя, Анненковъ запросилъ у Ширинскаго-Шихматова списокъ книгъ, одобренныхъ за это время министерствомъ для народнаго чтенія, то тотъ отвѣчалъ ему, что подобныя сочиненія „составлять очень трудно и потому, *не взирая на всѣ поощренія, которыхъ въ правѣ ожидать литераторы, посвятившіе себя на этотъ предметъ*, онъ не можетъ еще указать ни на одинъ удачный опытъ подобнаго сочиненія" [2])...

Но этимъ еще не ограничиваются мѣры по регулированію народнаго чтенія. Вотъ очень любопытное предписаніе министра просвѣщенія попечителю московскаго учебнаго округа отъ 23 марта:

„Г. Финляндскій генералъ-губернаторъ увѣдомилъ меня, что государь императоръ, получивъ свѣдѣніе о намѣреніи издавать въ Финляндіи романы въ переводѣ на финскій языкъ, изволилъ найти, что подобное чтеніе, предполагающее читателей исключительно изъ простого народа, понимающаго только по фински, отвлекало бы рабочій и сельскій классъ отъ полезныхъ занятій и во многихъ случаяхъ имѣло бы вредное вліяніе на ихъ понятія.

„Вслѣдствіе сего, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть: воспретить впредь изданіе на финскомъ языкѣ романовъ въ подлинникѣ или пе-

---

1) „Сборникъ постановленій etc", 264—265.
2) „Историческія свѣдѣнія etc" 72.

реводахъ и всякихъ другихъ сочиненій, кромѣ тѣхъ, которыя и по духу и изложенію имѣютъ исключительною цѣлью назиданіе религіозное и хозяйственное; первое безъ преній о догматахъ, а послѣднее—чисто практическое, безъ теорій политико-экономическихъ. При семъ государь императоръ, подъ именемъ новыхъ книгъ, не изволилъ разумѣть ни новыя тисненія сочиненій на финскомъ языкѣ, бывшихъ уже въ печати, ни печатаніе старинныхъ лѣтописей, сагъ, народныхъ поэмъ или старинныхъ народныхъ пѣсней.

„О семъ высочайшемъ повелѣніи имѣю честь сообщить в. п., покорнѣйше прошу сдѣлать надлежащее распоряженіе по московскому цензурному комитету, чтобы финскія книги, нынѣ запрещаемыя, не могли быть печатаемы въ Имперіи, для водворенія въ Финляндіи, такъ какъ изданія, здѣшнею цензурою пропущенныя, вторичной цензурѣ тамъ не подвергаются“ [1]).

Установленіе цензуры лубочныхъ картинъ. Образованіе „Комитета людей истинно способныхъ“.

Еще Бутурлинъ обратилъ вниманіе на „полный произволъ“, который царилъ въ народной картинѣ. Тогда же, по его докладу, приказано было серьезно заняться этимъ вопросомъ и преградить въ народъ свободный дотолѣ доступъ лубочной картины. 23 мая Ширинскій-Шихматовъ вошелъ въ государственный совѣтъ съ слѣдующимъ представленіемъ:

„Листки, извѣстные въ нашей промышленности подъ названіемъ *лубочныхъ картинъ*, являются обыкновенно безъ соблюденія цензурныхъ правилъ, установленныхъ для произведеній искусствъ, какъ-то: эстамповъ, рисунковъ и пр. Доселѣ нѣтъ никакихъ постановленій о цензированіи собственно этихъ низшихъ произведеній художества и литературы; почему они и поступаютъ въ продажу безъ всякаго просмотра и надзора. Въ тѣхъ же самыхъ видахъ, для которыхъ вообще установлена цензура, необходимо подвергать содержаніе лубочныхъ картинъ предварительному разсмотрѣнію, которое могло бы быть возложено на мѣстныя полицейскія начальства, по примѣру афишъ и мелкихъ объявленій.

„Сіи соображенія были представлены покойнымъ д. т. с. Бутурлинымъ Его Императорскому Величеству и, вслѣдствіе высочайшей резолюціи, онъ увѣдомилъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова, что Государь Императоръ высочайше соизволилъ предоставить министру народнаго просвѣщенія снестись съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и потомъ войти съ подробнѣйшимъ представленіемъ въ государственный совѣтъ.

„На сдѣланное къ министру внутреннихъ дѣлъ отношеніе онъ отвѣчалъ, что, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ о необходимости подвергать лубочныя картины предварительному просмотру, онъ находитъ, что такой просмотръ безъ неудобства можетъ быть возложенъ на мѣстныя полицейскія начальства, по примѣру афишъ и мелкихъ объявленій. Для того гр. Перовскій предполагалъ существующія правила цензированія афишъ и мелкихъ объявленій распространить и на лубочныя картины; но къ сему присовокупилъ, что, по содержанію своему, онѣ

---

[1]) „Щукинскій сборникъ“, М., 1902 г., 322—323.

нерѣдко касаются предметовъ духовныхъ, подлежащихъ, на осн. св. зак. т. XIV уст. о пред. и пресѣч. преступленій, ст. 147 и 176, особой духовной цензурѣ.

„Посему въ проектѣ измѣненнаго устава о цензурѣ, внесенномъ въ государственный совѣтъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, послѣ пункта *м* § 23 устава о цензурѣ (свод. зак. тома XIV уст. о пред. и пресѣч. преступленій, прил. къ ст. 147), въ которомъ узаконено: «разсмотрѣніе всякаго рода афишъ и мелкихъ объявленій возлагается на мѣстныя полицейскія начальства, подъ главнымъ надзоромъ министерства внутреннихъ дѣлъ» предполагалось постановить слѣдующее:

«Сему же правилу подлежатъ всѣ вообще лубочныя картины съ такимъ при томъ ограниченіемъ, что если онѣ касаются предметовъ духовныхъ, въ такомъ случаѣ мѣстныя полицейскія начальства передаютъ ихъ на разсмотрѣніе духовной цензуры или епархіальныхъ вѣдомствъ и руководствуются ихъ заключеніемъ».

„Такъ какъ государственный совѣтъ высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ своимъ призналъ изданіе измѣненнаго устава о цензурѣ ненужнымъ: то, въ исполненіе объявленнаго покойнымъ д. т. с. Бутурлинымъ высочайшаго повелѣнія, имѣю честь представить совѣту о постановленіи выше изложеннаго правила на счетъ цензуры лубочныхъ картинъ".

25 мая департаментъ законовъ далъ слѣдующее заключеніе, утвержденное затѣмъ и общимъ собраніемъ государственнаго совѣта:

„Департаментъ законовъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, находитъ, что въ немъ предполагается изданіе закона совершенно новаго и требующаго внимательнаго соображенія о средствахъ и порядкѣ его исполненія. Повсемѣстное употребленіе, такъ называемыхъ, лубочныхъ картинъ, коихъ продажа по городамъ и деревнямъ составляетъ особый родъ промышленности, глубоко вкоренилось въ нравы русскаго народа; значительная часть сихъ картинъ, касаясь предметовъ духовнаго содержанія, заключаетъ въ себѣ разныя толкованія, которыя, если картины писаны людьми принадлежащими къ раскольническимъ сектамъ, могутъ имѣть иногда и вредное вліяніе, въ особенности на необразованныхъ сельскихъ обывателей. При установленіи цензурнаго надзора за лубочными картинами, нужно опредѣлить съ точностью не только обязанности полицейскихъ мѣстъ, но и степень участія, какое должно быть предоставлено духовному начальству безъ излишняго затрудненія онаго въ разсмотрѣніи означенныхъ картинъ. Можетъ быть, представится полезнымъ издать по сему предмету и особыя правила, которыя, по мнѣнію департамента, могли бы съ большею удобностью быть составлены во II отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами. Посему департаментъ законовъ полагаетъ: испросить высочайшее соизволеніе на передачу настоящаго дѣла главноуправляющему II отд. собственной Его Величества канцеляріи, для внесенія онаго, съ его заключеніемъ, на разсмотрѣніе государственнаго совѣта въ установленномъ порядкѣ".

Въ слѣдующемъ (1851) году, главноуправляющій II отдѣленіемъ гр. Блудовъ, далъ заключеніе: „вновь гравируемыя картинки, прежде выпуска ихъ въ свѣтъ, должны быть разсматриваемы въ цензурныхъ комитетахъ и чрезъ отдѣльныхъ цензоровъ на общемъ основаніи; не издавая новыхъ о семъ предметѣ правилъ, слѣдуетъ предписать только: что если между обращаю-

щимися уже въ народѣ лубочными картинками встрѣтятся, по содержанію своему, принадлежащія къ числу тѣхъ, о коихъ упоминается въ ст. 1311 улож. о наказ., то полиціи обязаны представить о томъ, чрезъ начальниковъ губерній, министерству внутреннихъ дѣлъ для принятія мѣръ къ ихъ уничтоженію".

Государственный совѣтъ 12 февраля 1851 г. утвердилъ заключеніе департамента законовъ, сводящееся къ полному согласію съ Блудовымъ [1]).

12 апрѣля были уже повсемѣстно разосланы указы. Въ Москвѣ высочайше утвержденное мнѣніе совѣта было приведено въ исполненіе весьма оригинальнымъ и сокращеннымъ порядкомъ: по приказанію московскаго генералъ-губернатора, приснопамятнаго Закревскаго, всѣ старыя мѣдныя доски были вытребованы отъ заводчиковъ, изрублены въ куски и возвращены имъ въ видѣ мелкаго лома, поступившаго потомъ въ колокольный рядъ [2])...

Такъ было прекращено существованіе нашего дотолѣ безцензурнаго народнаго балагурства. А съ этимъ вмѣстѣ въ Россіи не оставалось уже буквально ни одной черточки на бумагѣ, которая бы ни ощущала всѣхъ мытарствъ и мученій...

Къ этому времени относится и очень интересная попытка Ширинскаго-Шихматова гарантировать себя отъ слишкомъ частыхъ знаковъ вниманія комитета 2 апрѣля и вмѣстѣ съ тѣмъ выполнить указанія генералъ-аудиторіата по поводу „дѣла петрашевцевъ". Онъ придумалъ еще одну послѣдовательно-цензурную центральную инстанцію... Вотъ какъ изложено это славное изобрѣтеніе въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ 15 апрѣля:

„Бдительный надзоръ за духомъ и направленіемъ выходящихъ въ свѣтъ книгъ, въ особенности же повременныхъ изданій, составляетъ въ настоящее время одну изъ важнѣйшихъ обязанностей ввѣреннаго мнѣ министерства. Изъ сего слѣдуетъ, что всѣ издаваемые у насъ газеты и журналы надлежитъ внимательно прочитывать тотчасъ по появленіи ихъ въ печати, дѣлать нужныя по содержанію ихъ замѣчанія и доводить немедленно до моего свѣдѣнія о всякомъ отступленіи отъ цензурныхъ правилъ, дабы я могъ тогда же употреблять нужныя мѣры строгости и предупреждать подобныя упущенія на будущее время.

„Между тѣмъ, ни министерство народнаго просвѣщенія, ни главное управленіе цензуры, не имѣютъ къ такому постоянному наблюденію рѣшительно никакихъ способовъ, потому что теперь въ канцеляріи министра состоитъ только нѣсколько чиновниковъ, занимающихся собственно административною частью цензурнаго вѣдомства. Чтобы помочь столь ощутительному недостатку, я не нашелъ другого средства, какъ возложить изъясненное выше занятіе на четырехъ состоящихъ при мнѣ чиновниковъ особыхъ порученій, снабдивъ ихъ надлежащимъ для того наставленіемъ и распредѣливъ между ними всѣ журналы, подлежащіе цензурѣ ввѣреннаго мнѣ министерства. Но какъ я долженъ былъ употребить для столь важнаго дѣла, требующаго особенной проницательности и благоразумія, чиновниковъ, уже состоявшихъ при министрѣ, безъ возможности выбора къ тому людей истинно способныхъ, которые, конечно, не согласились бы принять на себя этотъ нелегкій трудъ на томъ же основаніи, т. е. безъ жалованья, то и нельзя не сомнѣваться, чтобы распоряженіе мое увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

---

1) „Матеріалы etc.", I, 319—326.

2) *Д. Ровинскій*, „Русскія народныя картинки" („Сборникъ отд. рус. языка и словесности Импер. Академіи Наукъ", т. XXVII), 347.

„Для отклоненія на будущее время такого неудобства, я полагалъ необходимымъ имѣть въ вѣдѣніи главнаго управленія цензуры, по крайней мѣрѣ, трехъ чиновниковъ, свободныхъ отъ всякихъ другихъ служебныхъ занятій, достаточно обезпеченныхъ содержаніемъ, съ такими же качествами и способностями, какъ и цензора, которыхъ дѣйствія они повѣрять будутъ обязаны".

Государь утвердилъ докладъ, и такимъ образомъ при самомъ министерствѣ просвѣщенія образовался особый „комитетъ людей истинно способныхъ", составленный изъ чиновниковъ особыхъ порученій: гр. Комаровскаго, Кузнецова, Родзянка и Гедеонова [1]). Его функціи—частью функціи комитета 2 апрѣля; его права—права министра просвѣщенія.

Къ сожалѣнію, пока нѣтъ данныхъ, которыя бы позволили ознакомить читателя съ дѣятельностью этого комитета, но, несомнѣнно, онъ работалъ достаточно энергично... Россія была застрахована отъ поджоговъ ея стараніями писателей...

„Безнравственность" комедіи А. Н. Островскаго. „Коммунистическія склонности" П. А. Плетнева.

Въ мартовской книжкѣ погодинскаго „Москвитянина" появилась комедія Островскаго „Свои люди—сочтемся", перекрещенная такъ изъ „Банкрута" цензурой, боявшейся оскорбить купцовъ. Она надѣлала въ Москвѣ порядочнаго шума. Этого было достаточно, чтобы Анненковъ „въ тѣхъ высшихъ видахъ, въ которыхъ ввѣренъ комитету надзоръ за нашимъ книгопечатаніемъ, въ той нравственной, такъ сказать, цензурѣ, которая на него возложена", обратилъ вниманіе на эту піесу и заключеніе свое съ высочайшей резолюціей: „совершенно справедливо, напрасно печатано, играть же запретить"—сообщилъ министру просвѣщенія... Въ свою очередь, Ширинскій-Шихматовъ предписалъ попечителю московскаго округа пригласить къ себѣ автора комедіи и „вразумить его, что благородная и полезная цѣль таланта должна состоять не только въ живомъ изображеніи смѣшного и дурного, но и въ справедливомъ его порицаніи, не только въ каррикатурѣ, но и въ распространеніи высшаго нравственнаго чувства: слѣдовательно, въ противопоставленіи пороку добродѣтели, а картинамъ смѣшного и преступнаго такихъ помысловъ и дѣяній, которыя возвышаютъ душу: наконецъ, въ утвержденіи того, столь важнаго для жизни общественной и частной вѣрованія, что злодѣянія находятъ достойную кару *еще и на землѣ*'. Островскій былъ ошеломленъ такой лекціей эстетики и морали и поспѣшилъ реабитилировать себя въ глазахъ попечителя, которому писалъ, между прочимъ, что „первымъ чувствомъ моимъ была глубокая благодарность за совѣты, которыми министру угодно было почтить меня"; что промахи его всѣ „невольные"; что онъ „считаетъ долгомъ принять ихъ (совѣты и замѣчанія министра) въ соображеніе при будущихъ своихъ произведеніяхъ, если онъ почувствуетъ себя способнымъ къ продолженію начатаго имъ литературнаго поприща"... [2]).

[1]) „Цензура въ царствованіе императора Николая I", „Рус. Старина", 1903 г. X, 174—175.
[2]) Ibidem, VIII, 426—428.

Гораздо болѣе сложная цѣпь непріятностей повисла вскорѣ надъ благонамѣреннымъ до кротости П. А. Плетневымъ, тогда ректоромъ петербургскаго университета.

8 февраля, въ университетѣ, происходилъ обычный торжественный актъ. Плетневъ, по обязанности, сказалъ приличествующее случаю слово, которое, между прочимъ, и было напечатано въ вскорѣ же выпущенномъ отчетѣ о состояніи университета въ 1849 году.

Вотъ что писалъ объ этомъ комитетъ 2 апрѣля кн. Ширинскому-Шихматову:

„Отчетъ сей касается высшаго образованія юношества и прочитанъ былъ въ торжественномъ собраніи не только государственныхъ сановниковъ, но и всѣхъ студентовъ; сверхъ того, онъ, чрезъ напечатаніе, предназначенъ къ общей гласности; въ немъ *будутъ искать* выраженія видовъ правительства и его *примутъ* за авторитетъ, какого не могутъ имѣть слова частнаго человѣка.

„Потому на рѣчь г. Плетнева обращено особенное и самое строгое вниманіе.

„Первыми необходимыми принадлежностями такого официальнаго акта, при вышеозначенныхъ условіяхъ произнесеннаго и напечатаннаго, должны быть совершенная опредѣлительность и точность мыслей; избѣжаніе въ выраженіи ихъ всякой неясности и всякаго повода къ превратнымъ или, по крайней мѣрѣ, произвольнымъ истолкованіямъ; наконецъ, сильное проявленіе духа чуждаго туманныхъ и суесловныхъ теорій и утопій Запада—духа монархическаго и самобытнаго, въ исключительно-русскомъ направленіи. Но вполнѣ-ли соотвѣтствуетъ этимъ условіямъ отчетъ о состояніи с.-петербургскаго университета за 1849 годъ?

„Онъ раздѣляется на XI статей, или параграфовъ. Первые десять, болѣе повѣствовательныя, не возбуждаютъ замѣчаній. Но статья XI, общій, такъ сказать, заключительный взглядъ на цѣль и назначеніе университетскаго образованія, къ сожалѣнію, удаляется отъ помянутыхъ условій. Выраженія ея не только *темны*, но, по ихъ *отвлеченности*, иногда совсѣмъ *неудобопонятны*; въ ней болѣе высокопарныхъ фразъ, нежели тѣхъ понятій и вѣрованій, которыя мы привыкли считать заповѣдною нашею святынею; болѣе стремленія къ эффекту, нежели тѣхъ русскихъ, кровныхъ нашихъ идей, отъ охраненія и безпрестаннаго распространенія которыхъ между новымъ поколѣніемъ зависятъ благо и спокойствіе нашей державы. Нѣтъ, *можетъ быть*, ничего *прямо* [1]) предосудительнаго, но есть, съ одной стороны, такія *недомолвки*, а съ другой—такія *недовольно отчетливо высказанныя мысли*, которыя легко объяснить въ смыслѣ предосудительномъ; *нѣтъ, наконецъ, ничего*, что можно вмѣнить въ вину частному писателю, но есть слова и цѣлыя рѣчи, которыхъ надлежало бы избѣгнуть *педагогу* и *оратору*, особливо же въ тѣхъ обстоятельствахъ, посреди которыхъ онъ здѣсь призванъ былъ писать, говорить и печатать.

Брошюра, въ коей содержится означенная статья, была представлена Государю Императору. Статья XI напечатана на стр. 27 и 28.

«Чувство *религіозное* [2]) и чувство *нравственное* [3]) — сказано тутъ между прочимъ, принимаютъ въ университетскомъ образованіи за первыя начала, на ко-

---

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Тоже
[3]) Тоже.

торыхъ основывается все прочее. Безъ нихъ любознательность не увидитъ цѣли своихъ успѣховъ».

„Но отчего же умолчено о чувствахъ *вѣрноподданническихъ и любви къ престолу*[1]), однозначенательной у насъ съ любовью къ отечеству; о чувствахъ, безъ которыхъ и самая любознательность, какъ бы она ни была религіозна и нравственна, не только *не увидитъ цѣли своихъ успѣховъ*[1]) (въ смыслѣ самодержавномъ, охранительномъ и чисто-русскомъ), но можетъ имѣть иногда и вредное направленіе?

«Общественная польза—продолжаетъ авторъ—*обязанности гражданскія, семейныя отношенія*[1]), уваженіе къ собственной чести безпрестанно должны быть въ виду при изслѣдованіи общихъ идей, которыя сами по себѣ, безъ примѣненія, остаются суетнымъ пріобрѣтеніемъ ума».

„Безъ тѣхъ же чувствъ вѣрноподданства и любви къ престолу и безъ постояннаго, ревностнаго стремленія къ охраненію коренныхъ государственныхъ учрежденій, однѣ общія идеи объ условіяхъ и добродѣтеляхъ, указываемыхъ авторомъ, также могутъ не только остаться *суетнымъ пріобрѣтеніемъ ума*[1]), но даже и увлечь за предѣлы позволительнаго и законнаго. Свидѣтельство тому—первая французская революція и настоящія событія во Франціи и Германіи. Больи, Лафаетъ, Ламартинъ, нѣкоторые члены сеймовъ франкфуртскаго и эрфуртскаго, конечно, тоже не были чужды (въ ихъ понятіяхъ) общественной пользы, чести, обязанностей гражданскихъ и семейныхъ, а къ чему все это ихъ привело?

«Общества»—написано далѣе—укрѣпляются и благоденствуютъ «*собственными своими постановленіями*[1]), естественно возникающими изъ ихъ мѣстности, исторіи, изъ ихъ нравовъ и потребностей».

„Выраженіе «*собственныя*[1]) постановленія общества», хотя авторъ разумѣетъ подъ нимъ, *вѣроятно*, постановленія отечественныя, заимствованныя отъ другихъ народовъ, такъ темно и неопредѣлительно, что легко можетъ быть принято юными умами въ смыслѣ совершенно превратномъ, даже въ смыслѣ той конституціонной автономіи или законодательства, отъ воли самихъ обществъ истекающаго, — которая на Западѣ началась ученіемъ *лжефилософовъ* и кончилась коммунизмомъ. Мысль автора еще болѣе затемнена прибавкою словъ, что постановленія должны естественно возникать *изъ потребностей*[1]) обществъ, ибо не выражено, кто долженъ быть *судьею и цѣнителемъ*[1]) сихъ потребностей. При томъ рѣчь эта произнесена въ русскомъ университетѣ и какъ же было умолчать тутъ, что у насъ основою и источникомъ всѣхъ постановленій должны быть, сверхъ сохраненія самобытной народности, православіе и самодержавіе: то именно, что спасло Россію отъ татаръ, спасло также въ 1612 и 1812 гг., и отвратило опасность, угрожавшую ей въ 1848 году? Не несравненно-ли полезнѣе было бы *русскія*[1]) университетскія каѳедры оглашать этими непреложными истинами и примѣрами исторіи, нежели общею всему Западу и намъ совсѣмъ несвойственною фразеологіею?

«Кто не старается—говоритъ еще авторъ—различать предметовъ, обособленныхъ природою, тотъ идетъ къ заблужденію».

„Темнота выраженій автора восходитъ здѣсь до совершенной уже невразумительности; но если принять его фразу въ смыслѣ буквальномъ, то ясно, что

[1]) Курсивъ подлинника.

различеніе предметовъ, обособленныхъ одною природою, вмѣсто защиты отъ заблужденій, *можетъ скорѣе повести къ матеріализму*.

„Наконецъ, нельзя не замѣтить, что если бы въ послѣднихъ строкахъ заключенія отчета не было упомянуто, что направленіе всѣмъ нравственнымъ и умственнымъ дѣйствіямъ дается у насъ по волѣ монарха, то вся XI статья отчета, по общему ея духу и содержанію, могла бы точно также, невключая и неприбавляя ни слова, произнесена быть съ каѳедры парижскаго университета въ 1850 году.

„Во исполненіе высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія постановлено: чтобы рѣчи, произносимыя при торжественныхъ актахъ университетовъ и другихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и другія офиціальныя изданія отъ учебныхъ начальствъ печатать, не вдаваясь въ отвлеченности и не ограничиваясь одними общими мѣстами ко всѣмъ формамъ правленія и общественнаго устройства примѣнимыми, прямо и положительно объясняли необходимость и пользу образованія русскаго юношества на той тройственной его основѣ, которая неоднократно выражаема была въ разныхъ актахъ нашего правительства, именно: на православіи, самодержавіи и народности" [1]).

Повидимому, аналогичную передрягу Плетневъ пережилъ еще и въ 1849 г.; по крайней мѣрѣ, это ясно изъ письма его Жуковскому 3 января 1850 года: „Моя служба осталась въ прежнемъ мѣстѣ, а недавно еще очень покачивалась. Много переворотовъ было, а еще больше ожидаемъ по министерству просвѣщенія. Уваровъ не довольно внимательно слѣдовалъ за направленіемъ періодической литературы. При открывшихся въ Европѣ безпорядкахъ государь принужденъ былъ поручить особой комиссіи пересмотрѣть все, что пишутъ въ нашихъ журналахъ. Затѣмъ образовался постоянный цензурный комитетъ (тайный), который обязанъ просматривать все выходящее изъ печати. Предсѣдателемъ былъ Д. П. Бутурлинъ, членами: баронъ М. А. Корфъ и П. И. Дегай, а производителемъ дѣлъ камергеръ И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ (сынъ Логина Ивановича). Они повредили Уварову до того, что онъ принужденъ былъ вытти въ отставку. Министерствомъ пока управляетъ Шихматовъ [2])... Тайный цензурный комитетъ ввелъ въ подозрительное положеніе всѣ русскіе университеты, хотя въ нихъ и капли нѣтъ того, что бываетъ въ заграничныхъ. Послѣдовало новое постановленіе, чтобы ректоры не были избираемы профессорами, а правительствомъ на неопредѣленное время. Стороною я узналъ, что Бутурлинскій комитетъ и на меня подалъ государю доносъ, находя въ моихъ лекціяхъ и годичныхъ отчетахъ смѣсь либеральныхъ идей. Я написалъ Наслѣднику письмо, изложивши въ немъ правила моей жизни, службы и всѣхъ сочиненій моихъ. Онъ прочиталъ это государю, который велѣлъ меня успокоить. Тогда министерство просвѣщенія снова представило меня въ ректоры,— и государь утвердилъ. Но Уваровъ увѣряетъ, что если бы я не поступилъ такъ рѣшительно, то не былъ бы утвержденъ и (по словамъ его) перемѣна въ способѣ избранія ректоровъ устроена была для благовиднаго удаленія меня отъ должности" [3]).

---

[1]) „Цензурныя дѣла etc". № 1, т. III, 846—857. Этотъ документъ и нѣкоторые другіе ниже и выше мною цитируемые по рукописнымъ источникамъ, помѣщены и въ статьѣ „Цензура въ царствованіе императора Николая I" („Рус. Старина" 1903 г.), но или въ сокращенномъ или въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ.

[2]) Утвержденіе его въ званіи министра послѣдовало 27 января 1850 г.

[3]) *П. А Плетневъ*, „Сочиненія и переписка", Спб., 1885 г., III, 623—624.

Слова письма объ управленіи министерствомъ „пока“ Ширинскимъ-Шихматовымъ—доказательство, что въ датѣ его нѣтъ ошибки; между тѣмъ приведенное отношеніе Анненкова тоже несомнѣнно принадлежитъ къ 22 мая 1850 г. Слѣдовательно, повторяю, Плетневъ, уже переживъ одну передрягу, переживалъ теперь другую, и устроена она комитетомъ, конечно, изъ желанія съ одной стороны—доказать справедливость обвиненій, взведенныхъ еще Бутурлинымъ, съ другой—досадить Уварову, доставившему Плетневу должность ректора...

Нагоняй академику Устрялову. Цензура сочиненій императрицы Екатерины II. „Что за геологія!!“ Быки, бараны и крестьяне. Множественность цензуръ. Мракобѣсъ Медемъ. Анненковъ старается.

Черезъ нѣсколько дней комитетъ 2 апрѣля обратилъ вниманіе на „Начертаніе русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній“ академика Устрялова, въ которомъ смерть царевича Димитрія названа была „страннымъ событіемъ, доселѣ еще не вполнѣ разгаданнымъ“. „Едва-ли,—находилъ комитетъ — можетъ предстоять надобность поселять въ дѣтскихъ головахъ какое-либо сомнѣніе о тѣхъ событіяхъ, кои сопровождали смерть царевича Димитрія и оной послѣдовали; самая же смерть его есть фактъ не только вполнѣ разгаданный, но неоспоримый и освященный нашею церковью, причислившею царевича къ лику святыхъ, слѣдственно, входящій въ составъ вѣрованій православія“. Поэтому министру предлагалось распорядиться, чтобы это мѣсто было исправляемо при преподаваніи, а въ слѣдующихъ изданіяхъ — сдѣлано бы было необходимое измѣненіе. Резолюція государя — „весьма справедливо“. Устряловъ всегда бывшій въ милости, а у Ширинскаго-Шихматова состоявшій въ качествѣ негласнаго ученаго цензора историческихъ сочиненій и актовъ—поспѣшилъ успокоить министра, что онъ готовъ на все, лишь бы оправдаться передъ государемъ [1])...

Не менѣе любопытно дѣло о цензурѣ сочиненій... императрицы Екатерины II. Вотъ извлеченіе изъ доклада по этому поводу Ширинскаго-Шихматова 22 іюня.

„При разсмотрѣніи сочиненій императрицы Екатерины II, писемъ ея къ Вольтеру, въ двухъ частяхъ, и къ доктору Циммерману въ одной книжкѣ, напечатанныхъ въ 1802 и 1803 годахъ, встрѣтилось затрудненіе въ одобреніи къ напечатанію *многихъ* мѣстъ, заключающихъ въ себѣ или выраженіе *неумѣстныхъ* похвалъ Вольтеру или сочиненіямъ его, или шутки и остроты въ отношеніи къ предметамъ, тѣсно связаннымъ съ нашими религіозными убѣжденіями; таковы, напримѣръ, мѣста переписки съ Вольтеромъ: часть I на стр. 3, 4, 18, 105, 109, 122, 142, 147, 209, 221; часть II стр. 108, 117—128, 139, 171, 200—205. Что касается до писемъ къ Циммерману, то оныя могли бы быть разрѣшены къ печатанію за пропускомъ небольшого числа мѣстъ, замѣченныхъ цензурою, если бы не представлялось опасенія сдѣлать болѣе замѣтными исключенія писемъ ея къ Вольтеру, и обратить на это обстоятельство особенное вниманіе публики.

---

[1]) „Цензура въ царствованіе императора Николая I“, „Рус. Старина“, 1893 г. VIII, 434—436.

„Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: не разрѣшать новаго изданія писемъ къ Вольтеру, признавая возможнымъ дозволить перепечатаніе писемъ къ Циммерману съ исключеніемъ мѣстъ, замѣченныхъ цензурою“ [1]).

Что же это за предосудительныя мѣста въ перепискѣ императрицы съ великимъ энциклопедистомъ? Приведу *самыя рѣзкія* изъ нихъ.

На стр. 3. „Могу васъ увѣрить, что съ 1746 года, то есть, съ тѣхъ поръ, какъ я начала сама располагать своимъ временемъ, весьма много вамъ обязана. Прежде сей эпохи не читала я другихъ книгъ, кромѣ романовъ; а какъ по случаю попались мнѣ въ руки сочиненія ваши, то съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать и не желала читать никакихъ другихъ книгъ, которыя не столь хорошо писаны, и изъ которыхъ менѣе пользы почерпнуть можно; но гдѣ оныя найдешь? Итакъ я всегда возвращалась къ сему виновнику моего вкуса и пріятнѣйшаго удовольствія. Истинно, государь мой, ежели я имѣю какія-нибудь познанія, то ему одному обязана оными“.

На стр. 109. „... Впрочемъ, чтобы ни случилось, прошу васъ быть обнадеженнымъ, что Екатерина Вторая всегда будетъ имѣть отличное уваженіе и почтеніе къ знаменитому Фернейскому пустыннику“ [2]).

На стр. 119. „Давно я увѣренъ былъ, что вы имѣете въ себѣ нѣсколько душъ, въ досаду богословамъ, которые нынѣ опредѣлительно полагаютъ, что въ каждомъ человѣкѣ токмо одна душа“.

На стр. 202. „.... можетъ быть, онъ доставилъ бы мнѣ проектъ къ истребленію навсегда обыкновенія цѣловать у поповъ руки, противъ котораго вы столь сильно вооружаетесь. Когда вы посовѣтуетесь съ симъ кумомъ, то не отречетесь сообщить мнѣ его мнѣніе; во ожиданіи же сего позвольте, чтобъ сей странный обычай самъ собою потихоньку истреблялся“ [3]).

И здѣсь, какъ во многомъ, комментаріи излишни...

27 іюня Анненковъ писалъ министру просвѣщенія:

„Въ «Курскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» за 1850 г., № 16 и 17, помѣщена статья В. Гутцейта «Объ ископаемыхъ Курской губерніи».

„Не входя въ разсмотрѣніе этой статьи съ точки зрѣнія науки, нельзя не остановиться на статьѣ *популярной* (такъ называетъ ее самъ авторъ на стр. 146) и помѣщенной въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Разсматривая же ее въ сихъ видахъ, нельзя не обратить вниманіе, что въ ней міросозданіе и образованіе нашей планеты и самое появленіе на свѣтъ человѣка изображаются и объясняются, по понятіямъ нѣкоторыхъ геологовъ, вовсе несогласнымъ съ космогоніею Моисея въ его книгѣ Бытія.

„Вслѣдствіе сего государь императоръ, 1 марта 1850 года, высочайше повелѣть соизволилъ: неофиціальную часть губернскихъ вѣдомостей подвергнуть общей цензурѣ въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ цензурные комитеты, а въ прочихъ возложить обязанность цензированія на одного изъ професоровъ или училищныхъ чиновниковъ, съ подчиненіемъ дѣйствій этихъ лицъ завѣдыванію главнаго управленія цензуры“ [4]),

Немного спустя обращенъ былъ взоръ и на „Труды Импер. Вольнаго Экономическаго Общества“, переданные въ 1850 году въ аренду В. П. Бурнашеву,

[1]) „Цензурныя дѣла etc“. № 1, т. I, 96—97.
[2]) Такъ подписывалъ свои письма къ Екатеринѣ II Вольтеръ, жившій тогда въ Фернеѣ.
[3]) „Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II съ г. Вольтеромъ съ 1763 по 1778 годъ“, переводъ съ французскаго. Спб., 1802—1803 гг.
[4]) „Цензурныя дѣла etc“, № 1, т. I, 35—36.

съ ежегодной субсидіей въ 3,000 р. Бурнашевъ повелъ дѣло хорошо и уже въ февралѣ имѣлъ до 6,500 подписчиковъ. Это сильно волновало Булгарина, не переносящаго успѣха ничьихъ изданій. Начались подкопы и интриги. Въ это время нѣкто Сердюкъ преподнесъ кн. В. В. Долгорукову чрезвычайно подробное „описаніе своего витебскаго хозяйства, усовершенствованнаго посредствомъ переведенія туда изъ черниговскаго его хутора украинскихъ бугаевъ, рѣшетиловскихъ барановъ, нѣжинскихъ кабановъ, битюгскихъ жеребцовъ и, наконецъ, нѣсколькихъ душъ крестьянъ". Тамъ же было сказано: „Я перевелъ изъ Малороссіи въ Мстиславскій уѣздъ, въ деревню Кудричи, 25 мужчинъ и 25 женщинъ малороссіянъ, въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобы племеннымъ смѣшеніемъ довольно сильнаго и довольно нравственнаго (обывателя южноруса) современемъ усвоить въ Бѣлорусскомъ краѣ крѣпкихъ и добросовѣстныхъ хлѣбопашцевъ. Мнѣ стоило большого труда и издержекъ обзавести переселенцевъ хозяйствомъ, ублажить ихъ тоску по отчизнѣ и сблизить или, такъ сказать, сроднить различные характеры и т. п.". Статья была напечатана, Сердюкъ получилъ свои 100 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ и самъ развозилъ ихъ по всему городу знатнымъ вельможамъ при рекомендательныхъ цыдулкахъ князя. Булгаринъ однако нашелъ, что бугаи, кабаны, бараны, жеребцы и „крѣпостные" мужчины малороссы, были сопоставлены въ такой близкой между собою связи, что, очевидно, авторъ статьи, писавшій, и редакторъ—помѣстившій ее, того мнѣнія, что въ Россіи „крѣпостной человѣкъ" есть не что иное, какъ „быдло". Проведеніе такой идеи въ народъ посредствомъ двухрублеваго журнала вольнаго экономическаго общества ясно доказываетъ, что они, т. е. авторъ, редакторъ и даже цензоръ (Ал. Лук. Крыловъ)—очевидно, революціонеры, имѣющіе злое намѣреніе произвести въ русскомъ народѣ чувство самой жестокой горечи противъ помѣщиковъ и правительства, показавъ вмѣстѣ съ тѣмъ иностранцамъ (которые непремѣнно переведутъ эту статью на языки: французскій, нѣмецкій и англійскій), до какой степени оскотиненія дошло любезное наше отечество". Съ другой стороны, вниманіе самого Дубельта было обращено на слова: „ублажить ихъ тоску по отчизнѣ", явно неблагонамѣренныя послѣ извѣстнаго дѣла о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ... Доносы эти подѣйствовали, и комитетъ 2 апрѣля представилъ докладъ съ проектомъ слѣдующей резолюціи: „1) автору (такому-то), т. е. отставному коллежскому ассесору Сердюку воспретить личное управленіе имѣніемъ, отдавъ оное въ опеку, и подвергнувъ его личность полицейскому надзору съ запрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы, обязать подпискою ни въ какія періодическія изданія статей своихъ не давать, о чемъ и поставить въ извѣстность всѣ цензурные комитеты; 2) цензора исключить изъ службы и впредь никуда не опредѣлять; 3) редактору воспретить всякое какое бы то ни было изданіе, редактированіе и писаніе, взявъ его личность подъ строжайшій надзоръ полиціи; 4) Вольному же экономическому обществу поставить на видъ, чтобы оно органомъ своей гласности, пользующимся отъ правительства правомъ безвозмездной почтовой пересылки, болѣе дорожило и не допускало въ свои члены и редакторы людей неблагонамѣренныхъ и явно стремящихся къ ниспроверженію общественнаго благоустройства и спокойствія".

Но государь написалъ, что „никакого злого умысла не усматриваетъ, а находитъ лишь нѣкоторую неловкость въ самомъ изложеніи факта, самого по себѣ, впрочемъ, интереснаго, о чемъ и сообщить Вольному экономическому обществу,

редакторъ коего, какъ лицо подначальственное, собственно за эту статью, напечатанную имъ по распоряженію вице-президента общества, отвѣтственности ни въ какомъ случаѣ подлежать бы не могъ“ [1]).

Къ этому времени число всевозможныхъ шлагбауновъ мысли и слова стало поразительно велико. Когда былъ учрежденъ еще новый цензурный комитетъ для разсмотрѣнія учебныхъ книгъ и пособій, Никитенко записываетъ: „Итакъ, вотъ сколько у насъ нынѣ цензуръ: общая при министерствѣ народнаго просвѣщенія, главное управленіе цензуры, верховный негласный комитетъ, духовная цензура, военная, цензура при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, театральная при министерствѣ императорскаго двора, газетная при почтовомъ департаментѣ, цензура при III отдѣленіи собств. Е. В. канцеляріи и новая педагогическая. Итого, десять цензурныхъ вѣдомствъ. Если сосчитать всѣхъ лицъ, завѣдывающихъ цензурою, ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года. Я ошибся: больше. Еще цензура по части сочиненій юридическихъ при II отдѣленіи собств. канцеляріи и цензура иностранныхъ книгъ—всего двѣнадцать“ [2]).

Казалось бы, всего этого было совершенно достаточно для полнаго подавленія печати, для ея безусловнаго уничтоженія. Но иначе думали апологеты современной имъ дѣйствительности, породившей, къ несчастью, цѣлый рядъ сказочныхъ мракобѣсовъ. Грозно махали они своимъ чернымъ знаменемъ съ девизомъ: „долой мысль! долой слово!“ Неистово кричали о „поблажкахъ“, будто бы дѣлаемыхъ литературѣ, и требовали еще большей „системы“, большаго надзора и „неослабнаго блюденія“...

Остановлюсь хотя бы на „запискѣ“ барона Медема, предсѣдателя военно-цензурнаго комитета. Признавая несостоятельность современной ему цензуры, Медемъ, впрочемъ, „не отчаявался, однако-жъ, придать ей болѣе силы и дѣйствительнаго значенія; средство же, которымъ онъ надѣялся этого достигнуть, состояло въ томъ, чтобъ снабдить какъ редакторовъ, такъ и цензоровъ весьма подробными инструкціями относительно ихъ обязанностей, и поручить вторымъ не только откидывать тѣ выраженія и мысли, которыя признаны неудобными къ печати, но измѣнять ихъ и замѣнять своими собственными мыслями, проводя въ представляемыхъ имъ статьяхъ взгляды и понятія, согласныя съ видами правительства“.

Комитетъ 2 апрѣля очень былъ радъ такому проекту и препроводилъ его на заключеніе министра иностранныхъ дѣлъ.

Гр. Нессельроде, касаясь лишь внѣшне-политическаго отдѣла, отозвался съ похвалою о стремленіяхъ бар. Медема, но выразилъ сомнѣніе въ ихъ осуществимости. „Для успѣха этого предположенія надо,—замѣтилъ онъ,—чтобъ редакторы и ихъ ближайшіе сотрудники проникнуты были духомъ самого автора записки; чтобъ всѣ они смотрѣли на политическія событія съ одной и той же точки зрѣнія; чтобъ они имѣли самыя полныя понятія о государственныхъ формахъ, законахъ, управленіяхъ какъ у насъ, такъ и въ чужихъ краяхъ; наконецъ, чтобъ они могли все это объяснить не только съ совершеннымъ знаніемъ предмета, но еще

---

[1]) *В. Бурнашевъ*, „Воспоминанія“, „Биржевыя Вѣдомости“ 1872 г., № 348; *Н. Сердюкъ* „Краткій очеркъ хозяйств. занятій могилевскаго помѣщика И. И. Сердюка“, „Труды Вол.-Экон. общества“ 1850 г., т. II, № 4; *С. Носъ*, „Ив. Ив. Сердюкъ и Л. В. Дубельтъ“, „Рус. Старина“ 1889 г., II, 352—353.

[2]) „Дневникъ“, „Рус. Старина“, 1890 г., III, 632.

съ краснорѣчивымъ убѣжденіемъ. Если всѣ эти условія окажутся соединенными въ поименованныхъ лицахъ, въ такомъ случаѣ—но только въ такомъ—вновь составленныя инструкціи будутъ соблюдены въ совершенной точности и въ ихъ настоящемъ духѣ. Я предоставляю комитету судить, легко-ли достигнуть сочетанія этихъ условій и можно-ли даже требовать и ожидать его иначе, какъ отъ людей государственныхъ и вмѣстѣ первостепенныхъ писателей". Не болѣе успѣха канцлеръ ожидалъ и отъ непосредственнаго участія цензоровъ въ редактированіи или направленіи статей. „Указать редактору газеты, какъ надо передѣлать политическую статью, какое ей надо дать направленіе, на что въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе, чтобы окончательно сдѣлать полезное заключеніе, и все это въ виду основныхъ началъ нашего государственнаго управленія и общественнаго мнѣнія,—все это требуетъ зрѣлости, вѣрной точки зрѣнія, наконецъ, истинной опытности—достоинствъ, которыя весьма трудно найти въ одномъ лицѣ... Передѣлывать, по предположенію автора записки, статьи было бы такъ же трудно, какъ написать новыя, а статьи подобнаго рода не могутъ и не должны быть написаны посредственно: надо, чтобы критика, даже словесная, не могла ихъ оспорить и опровергнуть. Иначе онѣ не только не принесутъ пользы, но будутъ рѣшительно вредны. Весьма понятно, что на эти статьи и у насъ, и въ чужихъ краяхъ будутъ смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣній правительства, отчего и въ отношеніи дипломатическомъ могутъ возникнуть разныя затрудненія".

По всему этому гр. Нессельроде совѣтовалъ ограничиться, по крайней мѣрѣ, относительно политическаго отдѣла, тѣмъ, чтобы обязать редакторовъ „разсказывать событія просто, избѣгая, елико возможно, всякихъ разсужденій", но сопровождая иногда эти извѣстія „выраженіями одобренія, сочувствія или же негодованія и насмѣшки, на подобіе, какъ то дѣлаетъ иногда „Сѣверная Пчела" и вовсе или почти не упоминать о представительныхъ собраніяхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ, объ ихъ конституціяхъ, выборахъ, утверждаемыхъ законахъ, депутатахъ: однимъ словомъ, не обращать на нихъ никакого вниманія. Избѣгать говорить о народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ, о безпорядкахъ, производимыхъ иногда своеволіемъ студентовъ, о поданіи голосовъ солдатами и пр." [1]).

Эти дипломатическія заключенія были даны, очевидно, не скоро, потому что всѣ предложенія Нессельроде вошли, почти въ буквальныхъ выраженіяхъ, въ высочайшее повелѣніе 25 октября уже 1852 года, распубликованное по цензурному вѣдомству 3 ноября [2]).

Разсказъ о цензурныхъ перипетіяхъ 1850 г. закончу словами Никитенка: „Кажется, наша литература въ послѣднее время ужъ очень скромна, такъ скромна, что люди образованные, начавшіе было почитывать по-русски, теперь опять вынуждены обращаться къ иностраннымъ, особенно французскимъ книгамъ. Однако, Анненковъ, въ какихъ-то книжкахъ и журнальныхъ статьяхъ, набралъ шестнадцать обвинительныхъ пунктовъ противъ нея — разумѣется, все изъ отдѣльныхъ фразъ, и приготовилъ докладъ. М. А. Корфъ успѣлъ доказать нелѣпость этихъ придирокъ, но принужденъ былъ уступить въ двухъ пунктахъ. Корфъ говорилъ

---

[1]) „Историч. свѣдѣнія etc", 73—75.
[2]) „Сборникъ постановленій etc.", 285.

своему брату, что все, что дѣлается въ негласномъ комитетѣ, приводитъ его въ омерзеніе [1]), и что онъ давно бѣжалъ бы оттуда, *если бъ не надежда иногда что-нибудь устраивать въ пользу преслѣдуемыхъ.* Сегодня я былъ у попечителя, который тоже поразсказалъ мнѣ много страннаго и просто непостижимаго въ дѣйствіяхъ комитета" [2]).

Плохо вѣрится въ искренность этихъ ламентацій. Не таковъ былъ Корфъ и не ему оплакивать жертвы русской литературы... Во всякомъ случаѣ факты, переданные Никитенкомъ, таковы, что поневолѣ воскликнешь вмѣстѣ съ цензоромъ-литераторомъ: „Общество быстро погружается въ варварство. Спасай, кто можетъ, свою душу!"

---

[1]) „Даже Корфа!"—въ правѣ воскликнуть читатель.
[2]) „Дневникъ", „Рус. Старина", 1890 г., III, 631—632.

1851 годъ.

Вздорность Шеллинговой философіи. Танцовщица Фанни Эльслеръ и „развращенная“ Москва.

31 января 1851 г. было объявлено распоряженіе: „въ помѣщаемыхъ въ нашихъ изданіяхъ отзывахъ о публичныхъ установленіяхъ и сословіяхъ, не должны быть допускаемы неприличныя выраженія, могущія нарушить въ читателяхъ должное къ правительственнымъ учрежденіямъ уваженіе“ [1]).

Въ февралѣ получила оцѣнку философія Шеллинга...

Дѣло было такъ. Въ 1850 году, въ Одессѣ, напечатана была рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Ришельевскаго лицея, по случаю окончанія академическаго года, и посвященная системѣ Шеллинга, изложенной въ связи съ системами другихъ германскихъ философовъ. Комитетъ 2 апрѣля, не усматривая ничего противнаго цензурнымъ правиламъ въ самомъ фактѣ напечатанія этой рѣчи, находилъ, однако, что „по неразрывной, въ настоящемъ случаѣ, связи одного съ другимъ, не излишне было бы предоставить ближайшему разсмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія вопросъ: можетъ-ли быть полезно и благодѣтельно для умственнаго и нравственнаго образованія юношества преподавать ему философію въ такихъ отвлеченныхъ и высокопарныхъ фразахъ, и не обращается-ли это скорѣе во вредъ чрезъ наполненіе молодыхъ головъ громкими, но пустыми словами, не имѣющими никакой практической цѣли и только внушающими неопытнымъ умамъ ложную самоувѣренность, будто бы, научась разсуждать съ высока о *я* и *не я*, о развитіи безконечнаго, о произведеніи міра силою человѣческаго духа и тому подобныхъ метафизическихъ утонченностяхъ, они сдѣлали великій шагъ на поприщѣ науки?“

На журналѣ комитета 13 февраля послѣдовала высочайшая резолюція: „Весьма справедливо; одна модная чепуха. Министерству народнаго просвѣщенія мнѣ донести, отчего подобный вздоръ преподается въ лицеѣ, когда и въ университетахъ мы его уничтожаемъ“ [2]).

Когда же стало извѣстно, что рѣчь принадлежала профессору философіи Михневичу, государь написалъ на докладѣ объ этомъ комитета: „тѣмъ болѣе должно обратить на него вниманіе, что онъ повидимому полякъ“. Потомъ оказалось, что профессоръ былъ сыномъ православнаго священника, образованіе полу-

---

[1]) „Сборникъ постановленій etc.“, 270.

[2]) „При современномъ предосудительномъ развитіи этой науки германскими учеными“, философія въ 1850 г. была признана безполезной; оставлены лишь логика и психологія, порученныя профессорамъ богословія, которые должны были „сроднить“ ихъ „съ истинами откровенія“ (*П. Милюковъ*, „Очерки по исторіи русской культуры“, Спб., 1897, II, 327).

чилъ въ кіевской духовной академіи и все время отличался преданностью престолу, благонамѣреннымъ образомъ мыслей и особеннымъ усердіемъ; рѣчь же его была критикой Шеллинга, съ точки зрѣнія ученія нашей православной вѣры, въ чемъ совершенно не могъ разобраться неслышавшій ничего о философіи комитетъ 2 апрѣля [1])...

15 февраля, министръ просвѣщенія предложилъ (конечно, какъ и въ большинствѣ случаевъ — конфиденціально) по цензурному вѣдомству: „Въ нѣкоторыхъ изъ выходящихъ у насъ повременныхъ изданій замѣчены статьи и разсужденія, заимствованныя изъ иностранныхъ газетъ и сочиненій, заключающія въ себѣ большею частью повторенія тѣхъ ученій, которыя проповѣдывались на мирныхъ *конгрессахъ*: парижскомъ 1849 и франкфуртскомъ 1850 годовъ. Въ предупрежденіе распространенія у насъ предосудительныхъ мнѣній и понятій, которыя могутъ быть возбуждены изложеніемъ вреднаго и ложнаго ученія такъ называемыхъ мирныхъ конгрессовъ, покорнѣйше прошу в. п-во предложить цензурному комитету не допускать въ повременныхъ изданіяхъ и въ сочиненіяхъ никакихъ статей и разсужденій, относящихся къ мирнымъ конгрессамъ и ихъ ученію“ [2]).

Театральный сезонъ 1851 года Москва, вѣрнѣе — ея beau monde, проводила необыкновенно экспансивно. Въ Бѣлокаменную пріѣхала на гастроли извѣстная танцовщица Фанни Эльслеръ, еще въ 1839 г. взбудоражившая нервы даже такой сухой корки, какъ Погодинъ. Петербургъ отдалъ ей столь обильную дань, что торжества и оваціи изящной балеринѣ искренно возмущали Николая I. Москва рѣшила побить рекордъ и, дѣйствительно, побила...

Поклонники Фанни Эльслеръ, не довольствуясь расточеніемъ ей цвѣтовъ, брилліантовъ и т. п., однажды, послѣ даннаго съ ея участіемъ балета „Эсмеральда“ запряглись въ ея карету, и если бъ не помѣшалъ графъ Закревскій, то и довезли бы балерину до гостиницы. На козлахъ же помѣстился редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ Владиміръ Хлоповъ“ [3])... Больше — при прощаніи съ Фанни, къ ея ногамъ были положены браслетъ и букеты съ надписью „Москва“!..

Но здѣсь восходила звѣзда Каткова... Лишенный, въ серединѣ 1850 года, каѳедры психологіи въ московскомъ университетѣ, благодаря замѣщенію ея профессоромъ богословія, Катковъ совершенно неожиданно былъ назначенъ редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ взамѣнъ удаленнаго съ этой должности ревностнаго поклонника Эльслеръ — Хлопова.

До Петербурга быстро дошли отголоски московскихъ событій, — и вотъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ появляется вдругъ стихотвореніе „Отрывокъ изъ московской жизни на сырной недѣлѣ 1851 года [4]).

Вотъ его буквальное содержаніе:

„Несмѣтное множество экипажей и пѣшихъ, съ букетами, вѣнками и разными драгоцѣнными коврами, неистово стремятся къ театральной площади:

---

[1]) „Цензура въ царствованіе императора Николая I“, Рус. Старина“, 1903, IX, 652—654.
[2]) „Сборникъ постановленій etc“, 271—272.
[3]) *Н. Барсуковъ*, н. с., XI, 29; *Н. А. Любимовъ* „М. Н. Катковъ“, „Рус. Вѣстникъ“ 1888 г., I. 44.
[4]) 1851 г., № 64.

Прохожій говоритъ.

Куда народъ нашъ православный
Стремится съ радостью такой?
Не торжество-ль побѣды славной
Россіи-матушки святой?
Куда несутъ дары златые,
Алмазы, яхонты, цвѣты
И жемчугъ, и парчи драгіе
Весь причетъ міра суеты?
Зачѣмъ народъ нашъ православный
На сырной вдругъ затѣялъ пиръ?
Аль прибылъ къ намъ нашъ Царь Державный,
Нашъ Европейскій Богатырь?
Скажи мнѣ, старичекъ почтенный,
Скажи, пожалуй, наконецъ,
Ужъ не въ Москвѣ-ли нашъ безцѣнный,
Нашъ ненаглядный Царь-Отецъ?

Старикъ.

Эхъ, батюшка, вѣдь молвить стыдно
(Старикъ невольно отвѣчалъ),
Бѣгутъ зачѣмъ, ей-ей обидно,
Народъ дурить ужъ очень сталъ.
Какой тутъ Царь! А лишь приманкой
Въ кіатеръ сатана завлекъ,
Прельстить насъ хочетъ басурманкой,
Что ноги мечетъ въ потолокъ.

Прохожій.

Вотъ такъ причина восхищенья
Въ столицѣ-матушкѣ Руси.
Спаси насъ Богъ отъ посрамленья,
И паче отъ грѣховъ спаси.
Знать, нѣтъ грѣхамъ твоимъ и счету—
О грѣховодница Москва!
Что ты бѣсовскому причету
Готовишь нынѣ торжества.

Это нескладное произведеніе доморощенной музы доноса хватило московскій beau monde, какъ обухомъ по головѣ. Всѣ всполошились, многіе обидѣлись. Но не было оно спокойно принято и въ Петербургѣ. Временному предсѣдателю комитета 2 апрѣля, бар. Корфу, стихи эти „представились почти столько же неумѣстными, какъ и сама московская восторженность"... Въ городѣ говорили,— пишетъ онъ въ своихъ „Запискахъ",—что эти стихи напечатаны по высочайшему повелѣнію; но какъ высшему нашему цензурному комитету (2 апрѣля 1848 г.) ничего не было дано о томъ знать, то я и счелъ, по обязанности его предсѣдателя [1]), противнымъ долгу нашего признанія удержаться отъ представленія

[1]) Временно, за отсутствіемъ Анненкова.

М. Л.

государю замѣчаній о неприличіи сихъ стиховъ. Въ комитетѣ, по предложенію моему, состоялся слѣдующій журналъ:

«Комитетъ, по разсмотрѣнію напечатанныхъ въ „Сѣверной Пчелѣ" стиховъ подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ московской жизни", нашелъ, что содержа въ себѣ, можетъ статься, и справедливое, но весьма, однако же, рѣзкое порицаніе всего московскаго населенія, по случаю преувеличеннаго чествованія Фанни Эльслеръ, они едва-ли могутъ быть признаны въ томъ отношеніи, что сравниваютъ и какъ бы ставятъ въ параллель преходящія похвалы нѣкоторыхъ восторженныхъ лицъ съ тѣми общими священными чувствами вѣрноподданической любви и преданности, за которыми вся Москва удостоивалась всегда изъявленій монаршаго благоволенія. Считая, что включеніе въ напечатанные для публики стихи подобнаго сравненія не можетъ не быть огорчительно для самой большой части московскихъ жителей, не участвовавшихъ въ этихъ смѣшныхъ изліяніяхъ восторга, и потому неумѣстно, комитетъ долгомъ признаетъ такое заключеніе свое повергнуть на высочайшее воззрѣніе».

„Слухи городскіе оказались справедливыми. Журналъ нашъ возвратился съ слѣдующей надписью государя, не показывавшею, впрочемъ, никакого неудовольствія на комитетъ: «Напечатано съ моего дозволенія, какъ полезный урокъ за дурачества части московскихъ тунеядцевъ».

„На другой день, графъ Орловъ, по докладу котораго разрѣшено было напечатать стихи, разсказывалъ мнѣ, что государь пенялъ ему за непредвареніе нашего комитета, что они будутъ напечатаны по его волѣ.

„— За то,—прибавилъ государь—комитетъ порядкомъ погонялъ меня!" [1])

Къ ряду не малыхъ, курьезовъ должно быть, безъ сомнѣнія, отнесено и слѣдующее распоряженіе по цензурѣ 15 марта: „Имѣя въ виду опасенія, что подъ знаками нотными могутъ быть скрыты злонамѣренныя сочиненія, написанныя по извѣстному ключу, или что къ мотивамъ церковнымъ могутъ быть приспособлены слова просто народной пѣсни, и наоборотъ, Главное Управленіе Цензуры, для предупрежденія такого злоупотребленія, предоставило цензурнымъ комитетамъ, въ случаяхъ сомнительныхъ, поручать извѣстнымъ комитету лицамъ, знающимъ музыку, предварительное разсмотрѣніе музыкальныхъ пьесъ и о вознагражденіи ихъ, по мѣрѣ трудовъ, входить съ особымъ представленіемъ въ концѣ года..." [2]). Вотъ ужъ по истинѣ: „комментаріи не требуются"...

Знаменательное признаніе министра. Уничтоженіе статьи Герцена. Угодливость Краевскаго до доносительства включительно.

Очень любопытна и весьма знаменательна забота цензурнаго вѣдомства о содержательности нашей журналистики...

„Главное управленіе цензуры—гласило распоряженіе Ширинскаго-Шихматова 21 февраля—при разсмотрѣніи представленія попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, въ коемъ онъ изъясняетъ, что, наблюдая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ за ходомъ здѣшнихъ повременныхъ изданій, онъ убѣдился, что редакторы

[1]) Рус. Старина", 1900 г., VII, 35.
[2]) „Сборникъ постановленій etc", 273.

нѣкоторыхъ литературныхъ журналовъ, какъ, напримѣръ, „Библіотеки для Чтенія", „Отечественныхъ Записокъ" и „Современника", болѣе заботятся объ увеличеніи объема и разнородности помѣщаемыхъ въ ихъ изданіяхъ статей, нежели о литературномъ и ученомъ ихъ достоинствѣ.

„Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить прилагаемая при его представленіи сравнительная таблица, показывающая объемъ книжекъ упомянутыхъ журналовъ вышедшихъ въ свѣтъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1848 г. и январѣ 1851 г. Изъ таблицы этой оказывается, что въ послѣднее время книжки „Библіотеки для Чтенія" увеличились 15 печатными листами, „Отечественныхъ Записокъ" 11½, а „Современника" 12½ листами.

„Такое *направленіе* (!) нашей журналистики должно имѣть неблагопріятное вліяніе какъ на самыя повременныя изданія, такъ вообще и на успѣхи наукъ и литературы. Съ одной стороны, редакторы, озабоченные приготовленіемъ большого запаса матеріала для своего журнала, не имѣютъ ни средствъ, ни времени съ надлежащимъ вниманіемъ разсмотрѣть, обсудить и оцѣнить доставляемые къ нимъ сотрудниками или собственныя свои статьи, и нерѣдко находятся въ необходимости, для увеличенія объема книжекъ журнала, помѣщать въ нихъ статьи, не заключающія въ себѣ внутренняго достоинства. Съ другой стороны, лица, съ пользою занимающіяся на поприщѣ наукъ, искусствъ и художествъ, не рѣшаются печатать своихъ сочиненій изъ опасенія понести значительную потерю, потому что редакторы журналовъ обѣщаютъ подписчикамъ за умѣренную плату доставлять въ своихъ изданіяхъ все полезное и пріятное для всякаго класса людей.

„Такимъ образомъ, почти вся ученая и литературная дѣятельность въ настоящее время сосредоточивается у насъ въ журналахъ, редакторы которыхъ, при всей добросовѣстности и желаніи общей пользы, не въ состояніи, однако выполнить принимаемой ими на себя обязанности.

„Опредѣленіе объема періодическихъ изданій изъяснено въ высоч. повелѣніи, объявленномъ министромъ народнаго просвѣщенія отъ 6 апрѣля 1848 года. Посему онъ полагалъ бы полезнымъ обязать редакторовъ подпискою, чтобы выдаваемыя ими книжки журналовъ не превышали того объема, какой онѣ имѣли въ мартѣ и апрѣлѣ 1848 года, т. е. чтобы онѣ содержали въ себѣ не болѣе 25 или 30 печатныхъ листовъ съ сохраненіемъ употребляемаго нынѣ формата и шрифта.

„Эта мѣра, по его мнѣнію, заставитъ издателей обратить болѣе строгое вниманіе на выборъ и достоинство печатаемыхъ ими статей, возбудитъ между ними соревнованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ доставитъ возможность другимъ авторамъ, посредствомъ печатанія отдѣльныхъ сочиненій, сообщать ученые и литературные труды свои читающей публикѣ.

„Главное управленіе цензуры, находя эту мѣру согласною съ высоч. повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 2 апрѣля 1848 года, опредѣлило обязать о томъ редакторовъ съ подпискою. Попечитель донесъ, что онъ обязалъ къ тому и цензоровъ" [1]).

Читатель понимаетъ, конечно, что распоряженіе это имѣетъ громадное значеніе. Прежде всего, оно документируетъ недавно процитированное мною утвер-

[1]) „Цензурныя дѣла etc", № 1. т. II, 490—494.

жденіе Никитенка о томъ, что русское интеллигентное общество перестало читать свои журналы, не видя въ нихъ ничего, кромѣ воды и кое-гдѣ проскальзывающей междустрочной мысли, всегда очень блѣдной и безцвѣтной. Правительство не могло не обратить вниманія на этотъ совсѣмъ нежелательный и неожиданный фактъ: заграничная литература грозила, конечно, гораздо болѣе существеннымъ „вредомъ"... Во-вторыхъ, это распоряженіе прекрасно иллюстрируетъ, до чего доведена была русская журналистика: сама цензура находила ее уже безсодержательной!... Въ-третьихъ, вы видите, какъ просто думали обезвредить свою же собственную разрушительную работу; казалось—и, вѣроятно, совершенно искренно—что стоитъ лишь уменьшить размѣръ книжекъ, чтобы улучшить ихъ содержаніе. И въ голову, повидимому, не приходило, что подъ тѣмъ давленіемъ, которое оказывалось на всякую честную, независимую мысль, нельзя было идти въ сторону увеличенія содержательности и поневолѣ приходилось вербовать подписчиковъ способами теперешнихъ Вольфовъ, Каспари и tutti quanti, заваливая ихъ пудами бумаги...

Потому это распоряженіе и знаменательно, что оно показываетъ уровень бюрократическихъ взглядовъ на тогдашнюю литературу; потому и характерно, что одновременно съ нимъ появилось другое, направленное именно въ сторону возможно большаго и широкаго уничтоженія этой самой „содержательности".

Вотъ что писалъ баронъ Корфъ 13 ноября:

„Въ № 208 „Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей" помѣщено объявленіе купца Степана Васильева о продажѣ изъ его лавки (находящейся въ Москвѣ на Моховой, домъ Бородина) разныхъ книгъ по дешевой цѣнѣ и въ томъ числѣ „Отечественныхъ Записокъ" за 1840, 1841 и 1843 годы, частью полными годовыми изданіями, частью отдѣльными книгами. Государь императоръ, по положенію комитета 2-го апрѣля, высочайше повелѣлъ: предоставить министру внутреннихъ дѣлъ распорядиться немедленно покупкою у книгопродавца Васильева, подъ рукою, чрезъ довѣренное лицо, всѣхъ этихъ книжекъ „Отечеств. Записокъ" и доставленіемъ ихъ въ комитетъ 2-го апрѣля".

Вскорѣ, 26 марта 1852 года, Анненковъ обратился къ Ширинскому-Шихматову съ слѣдующимъ отношеніемъ: „Комитетъ, принявъ въ соображеніе: а) что въ числѣ 202-хъ доставленныхъ изъ Москвы книжекъ „Отечественныхъ Записокъ" только 15 оказались разрѣзанными, слѣдовательно, прочія пущены въ продажу, по всей вѣроятности, не подписчиками, а самою редакціею или же книжными торговцами, пріобрѣвшими ихъ отъ редакціи дешевою цѣною, б) что наиболѣе замѣчательная по вредному направленію статья „Дилетантизмъ въ наукѣ" (Герцена) заключается въ №№ 1, 2 и 3 „Отечеств. Записокъ" за 1843 годъ, а эти именно нумера и были объявлены отъ книгопродавца Васильева въ отдѣльную продажу по 75-ти коп.,—считалъ нужнымъ объявить редактору „Отеч. Записокъ", что правительство, признавая упомянутыя выше книжки этого журнала положительно предосудительными, обратило на этотъ предметъ строгую свою бдительность, и если не имѣетъ *еще теперь* положительныхъ доказательствъ къ обвиненію его, редактора, въ умышленномъ распространеніи именно этихъ книжекъ по дешевой цѣнѣ, то ожидаетъ, однако, что, послѣ настоящаго предостереженія, онъ не только не позволитъ себѣ, подъ опасеніемъ всей законной отвѣтственности, выпускать вновь въ продажу могущіе еще оставаться въ редакціи экземпляры

тѣхъ книжекъ, по какой бы цѣнѣ ни было, но, напротивъ, будетъ и съ своей стороны всемѣрно способствовать къ раскрытію и указанію тѣхъ экземпляровъ, которые обращаются уже въ продажѣ изъ прежде выпущенныхъ".

29 марта Краевскій далъ уже подписку въ томъ, что журнала съ 1829 по 1848 годъ у него нѣтъ ни одного экземпляра, а если бы ему случилось гдѣ-нибудь найти экземпляръ 1843 года, *то онъ обязуется стараться изъять его изъ обращенія въ продажѣ...*

Но этимъ дѣло не кончилось. Въ іюнѣ 1852 года Ширинскій-Шихматовъ, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, весьма секретнымъ циркуляромъ предложилъ губернаторамъ, чтобы они, по разсмотрѣніи каталоговъ библіотекъ въ губерніяхъ, а также книжныхъ лавокъ, если тамъ окажутся „Отечественныя Записки" 1840, 1841 и 1843 гг., конфисковали ихъ или скупали, подъ рукою, черезъ довѣренныхъ лицъ и препровождали въ комитетъ 2-го апрѣля (офиціально—въ министерство внутреннихъ дѣлъ) [1]). Одновременно же попечителямъ учебныхъ округовъ и другимъ главнымъ мѣстнымъ начальникамъ, тоже весьма секретно, было предписано конфисковать „Отеч. Записки" изъ учебныхъ библіотекъ, запечатать ихъ въ особые ящики или пачки и никому не предоставлять въ пользованіе ни одного экземпляра. Комитетъ же 2 апрѣля, слѣдуя высочайшей волѣ, всѣ получаемые экземпляры сжигалъ [2])...

Насколько все это было благопріятно для увеличенія содержательности журналовъ, видно хотя бы изъ того, что даже тишайшій А. Н. Майковъ не рѣшался печатать свои стихотворенія и черезъ Плетнева просилъ заступничества у Жуковскаго, а благонадежнѣйшій В. И. Даль писалъ Погодину: „У меня лежитъ до сотни повѣстушекъ, но пусть гніютъ. Спокойно спать: и не соблазняйте... Времена шатки, береги шапки!" [3]).

---

1) „Рус. Старина" 1899 г.; X, 90.

2) „Цензура въ царствованіе императора Николая I", „Рус. Старина", 1900 г., IX 654—655. Въ своихъ „Запискахъ" бар. Корфъ разсказываетъ, что 1 ноября 1819 г., за обѣдомъ, „когда государь снова навелъ рѣчь на Публичную библіотеку, я, коснувшись разныхъ предположеній, которыми можно бы увеличить скудныя ея средства, упомянулъ, между прочимъ, о возможности обмѣновъ съ парижской библіотекою, которая, вѣрно, пожелала бы имѣть въ своемъ многообразномъ составѣ и русскія книги.

„— Да кто жъ ихъ тамъ станетъ читать?—возразилъ государь,—развѣ наши измѣнники и бѣглецы. A propos,—продолжалъ онъ,—теперь за границею завелись опять два мошенника, которые пишутъ и интригуютъ противъ насъ: какой-то Сазоновъ и извѣстный Герценъ, который, пока вашъ комитетъ забралъ этихъ господъ въ ежевыя рукавицы, писывалъ и здѣсь подъ псевдонимомъ Искандера; этотъ ужъ былъ разъ у насъ въ рукахъ и сидѣлъ; но, grace à Mr. Жуковскій, употребили тутъ въ ходатайство Сашу (цесаревича) и вотъ благодарность его за помилованіе!" („Рус. Старина", 1900 г., V, 277).

3) *Н. Барсуковъ*, п. с. XI, 365.

1852 годъ.

Снова народное чтеніе. „Всеобщая исторія" Сокольскаго. Сочиненія Кантемира и Хейницера. Дѣло о „Московскомъ Сборникѣ" и лекція исторіи ген.-ад. Анненкова. Кара славянофиловъ. Транспоранты подъ цензурой.

1852-й годъ начался народной литературой, съ рецептами для которой читатели уже знакомы. Въ Москвѣ сотымъ изданіемъ вышла книга „Магазинъ всѣхъ увеселеній, или полный и подробнѣйшій оракулъ и чародѣй". При отсутствіи „соотвѣтствующей цѣли", дѣйствительно, народу необходимой литературы эта макулатура имѣла широкое распространеніе, что уже видно изъ сотаго ея, изданія. Но не удовлетворила эта книга и комитетъ 2 апрѣля.

„Нынѣ — читаемъ въ конфиденціальномъ предложеніи министра просвѣщенія отъ 5 января,—по дошедшимъ до Государя Императора свѣдѣніямъ о новомъ изданіи означенной книги, въ которомъ замѣчены отчасти тѣ же самыя неисправности, какъ и въ прежнемъ, и по случаю представленія на высочайшее усмотрѣніе соображенія о мѣрахъ къ ограниченію, на будущее время, изданія вздорныхъ и питающихъ суевѣріе книгъ, подобныхъ вышеозначенной, въ 30 день декабря минувшаго года послѣдовала собственноручная резолюція Его Императорскаго Величества: „не вижу препятствія подобныя сочиненія впредь вовсе запрещать". Увѣдомляя о сей высочайшей волѣ, покорнѣйше прошу ваше пр—ство предложить петербургскому цензурному комитету, чтобы книга „Магазинъ всѣхъ увеселеній" и подобныя ей гадательныя книги, не были впредь разрѣшаемы къ печатанію" [1]).

Черезъ двѣ недѣли Ширинскому-Шихматову прислано было очень любопытное отношеніе комитета 2 апрѣля по поводу вышедшей, въ концѣ 1851 г., „Всеобщей гражданской исторіи" преподавателя тверской семинаріи священника Сокольскаго, предназначавшейся для классснаго и домашняго чтенія.

„Принявъ на видъ цѣль составленія этой книги и званіе составителя, комитетъ 2 апрѣля 1848 г. не могъ не замѣтить, что изложеніе оной не довольно соотвѣтствуетъ тому и другому; для примѣра можно указать на слѣдующія мѣста:

„Въ параграфѣ объ образѣ изложенія всеобщей исторіи (стр. 13) сочинитель между прочимъ говоритъ, что задача исторіи «показать весь этотъ великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ человѣка, находясь въ постоянной борьбѣ съ природою и исполинскими препятствіями».

„Стр. 43. *О Саулѣ*: «самоубійствомъ передалъ престолъ свой Давиду, тайно помазанному Самуиломъ».

---

[1]) „Сборникъ постановленій etc", 279—280.

„Тамъ же говорится, что мудрый Соломонъ «своимъ расточительствомъ и изнурительнымъ правленіемъ положилъ начало паденія своего царства».

„Стр. 63. *О плебеяхъ и патриціяхъ:* «поелику границы были тѣсны, а страсть къ преобладанію всегда велика, то бѣдные плебеи мало имѣли времени обрабатывать поля свои, плодоносіе которыхъ было единственнымъ источникомъ ихъ безбѣднаго существованія. При томъ очень многіе изъ богатыхъ патриціевъ, вошедшихъ въ огромные долги, начали жестоко и безчеловѣчно поступать съ плебеями, хотя и не могли ихъ превратить въ рабовъ или *крѣпостныхъ людей*».

„Стр. 183. *О Лютерѣ и реформаціи.* «Папа ничего не могъ сдѣлать. Должно было или *истинѣ противопоставить истину* или силою подавить нововведеніе».

„Стр. 188. «Вмѣстѣ съ симъ открыто было средство образованія и для низшаго сословія; старались уврачевать ихъ суевѣріе и дать имъ средство къ лучшей дѣятельности. Рабство бѣдныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ смягчалась все болѣе и болѣе. Науки тѣмъ лучше процвѣтали, чѣмъ болѣе духъ протестантизма обращался къ изслѣдованію и борьбѣ съ невѣжествомъ».

„Стр. 209. *О Кромвелѣ.* «*Какъ хитро хищникъ власти и убійца царя умѣлъ* присвоить себѣ власть надъ умами и подъ тогу простого гражданина надѣть корону, хотя и ненадолго».

„Стр. 234. «Тамъ, въ духѣ реформаціи, тысячи и даже милліоны рѣшались на всякія пожертвованія, желая пріобрѣсти религіозную и церковную свободу, совершенно сбросить съ себя власть ватиканскаго двора или римской іерархіи. Здѣсь, съ половины столѣтія, во Франціи, возникаетъ стремленіе изслѣдовать права человѣка, разбить оковы феодальной системы и такимъ образомъ снискать гражданскую или истинную свободу».

„Стр. 263. *О возстаніи Грековъ* говорится: «Но императоръ русскій Александръ изъявилъ *сильное негодованіе* на Ипсиланти, жестоко воспротивился этому возстанію и проч.».

„Въ особенности представляется несоотвѣтственнымъ и цѣли учебной книги и званію автора (стр. 275) отдѣлъ: «Философія усовершилась значительно». Здѣсь говорится между прочимъ, что въ философіи прославились Юмъ, Фихте, Гельвецій, Руссо, Вольтеръ и множество сочинителей большихъ энциклопедій. Но Руссо, Вольтеръ и другіе изъ поименованныхъ извѣстны, какъ разрушители вѣрованій, какъ отрицатели Божественнаго ученія Церкви: и потому не странно-ли, что пастырь церкви относитъ труды ихъ къ усовершенствованію философіи.

„Выше приведенныя выписки изъ курса исторіи священника Сокольскаго обнаруживаютъ недостаточное очищеніе изложенія оной.— По высочайшему повелѣнію сообщено о томъ министру народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурору св. синода“ [1]).

Стоитъ только вдуматься въ нѣкоторыя цитаты у Сокольскаго, чтобы понять, какъ далеко простиралось предвидѣніе комитета 2 апрѣля...

Къ этому же времени относится небезызвѣстное въ свое время признаніе Погодина о достоинствахъ цензуры... Въ объявленіи „Москвитянина“ о подпискѣ на 1852 годъ было между прочимъ сказано: „въ Москвѣ, въ сердцѣ русской

---

[1]) „Цензурныя дѣла etc“. № 1. т. I, 97—100. Курсивъ подлинника.

національности, установится наконецъ, *несмотря на всѣ препятствія,* журналъ чуждый всѣхъ партій" etc... Комитетъ 2 апрѣля, снисходя къ „извѣстной благонамѣренности" Погодина, рѣшилъ не поднимать исторіи, а черезъ министра предложить Погодину сдѣлать соотвѣтствующее исправленіе словъ о „препятствіяхъ". На это „Собакевичъ съ Дѣвичьяго поля" отвѣчалъ Ширинскому-Шихматову очень благодарственнымъ письмомъ, въ концѣ котораго не постѣснялся многотерпѣливой бумаги и написалъ: „Цензурой же я совершенно доволенъ и не только никогда не жаловался на нее, но напротивъ благодарилъ всегда за *просвѣщенное содѣйствіе.* Цензура также смѣю надѣяться, была всегда мною довольна *за готовность согласоваться съ ея видами"*... [1]).

Въ мартѣ 1852 года рѣшилась участь Кантемира и Хемницера.

Хотя каждый à priori можетъ оцѣнить умѣстность изданія трудовъ родоначальника нашей сатирической литературы въ эпоху 1848—55 годовъ, но, по моему, „дѣло" объ этомъ настолько характерно и любопытно, что читатели, несомнѣнно, должны быть съ нимъ ознакомлены.

Сочиненія Кантемира и Хемницера вмѣстѣ были послѣдній разъ изданы Смирдинымъ въ 1847 году. Надо полагать, что они разошлись, потому что въ 1851 году Смирдинъ хотѣлъ приступить къ новому изданію. По обычному порядку, сочиненія были представлены въ цензуру, и вотъ что писалъ объ этомъ Ширинскій-Шихматовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 14 августа (1851 года):

„Цензоръ, разсматривавшій эту книгу, встрѣтилъ справедливыя сомнѣнія относительно позволительности нѣкоторыхъ мѣстъ, въ обоихъ авторахъ. Въ сочиненіяхъ Кантемира онъ нашелъ: 1) сарказмы на духовенство, монашество и высшій іерархическій санъ, которые можно извинить только тѣмъ, что они относятся къ отдаленному времени, не составляя современной сатиры; 2) шутки и остроты надъ такими предметами, въ примѣненіи къ которымъ шутка или острота дѣлается болѣе или менѣе непозволительною и даже кощунствомъ; 3) нескромныя площадныя выраженія, употребленіе которыхъ въ обществѣ и литературѣ нашего времени принимается за нарушеніе приличія.

„Въ сочиненіяхъ Хемницера подобныя же шутки и неприличія, какъ, напримѣръ, сближеніе собаки съ монахомъ или волчьихъ поступковъ съ господскими, но чаще приводитъ въ сомнѣніе основная идея басенъ, между которыми есть написанныя для нравоученія, заключающаго въ себѣ очевидный парадоксъ, а въ другихъ сатира обращена на дѣйствія верховной власти. Такъ какъ эти сочиненія выходили многими изданіями и тысячами обращаются съ давняго времени въ публикѣ, то цензоръ затруднился въ строгомъ примѣненіи къ нимъ правила о разсматриваніи печатныхъ книгъ наравнѣ съ новыми рукописями. Онъ осмѣливается думать, что исключенія и перемѣны въ такихъ книгахъ, которыми пользовались цѣлыя поколѣнія, могутъ вызвать болѣе вреда, нежели пользы, потому что мѣста, несогласныя съ требованіями цензуры, будучи выпущены въ новомъ изданіи, дѣлаются сами по себѣ лучшими указателями для прiисканіи ихъ въ старыхъ экземплярахъ, которыхъ изъять изъ употребленія нельзя; а черезъ то и самыя идеи, составляющія отступленія отъ цензурныхъ правилъ, становятся гласными

---

[1]) „Цензура въ царствованіе императора Николая I", „Рус. Старина", 1903 г., IX, 655—657. Курсивъ мой.

и видными, бывъ до того времени, по крайней мѣрѣ для многихъ, совсѣмъ незамѣтны. Съ другой стороны, допущеніе пропусковъ и перемѣнъ въ произведеніяхъ писателей, стяжавшихъ общее уваженіе и заслуженный авторитетъ, представляется почти равносильнымъ запрещенію печатать ихъ новыми изданіями. Никто не предпринимаетъ новаго изданія старыхъ книгъ безъ разсчета на вознагражденіе за употребляемый на него трудъ и капиталъ; но разсчетъ на изданіе съ пропусками и перемѣнами—самый невѣрный. Экземпляръ такого изданія настолько же потеряетъ цѣну и довѣріе въ публикѣ, насколько чрезъ нихъ именно пріобрѣтутъ старые экземпляры прежнихъ изданій, хотя бы и гораздо менѣе удовлетворительныхъ въ другихъ отношеніяхъ.

„С.-Петербургскій попечитель, соглашаясь съ соображеніями цензора, полагалъ: не усиливать вліянія этихъ мѣстъ, дѣлая ихъ посредствомъ исключеній болѣе замѣтными; по его мнѣнію, достаточно было бы выпустить только вполнѣ двѣ небольшія пьесы Кантемира: «Эпиграмму на икону св. Петра» и изъ Хемницера извѣстную басню: «Привилегія».

„Имѣя въ виду, что представленный къ цензору томъ сочиненій Кантемира и Хемницера принадлежитъ къ изданному Смирдинымъ «полному собранію сочиненій русскихъ авторовъ» и что недоумѣнія, подобныя встрѣченнымъ нынѣ, *должны непремѣнно* возникнуть и при возобновленіи изданія другихъ извѣстныхъ нашихъ писателей, напримѣръ, Державина, Фонвизина и *даже* Крылова, я считаю необходимымъ постановить, для надлежащаго на будущее время руководства, нѣкоторыя общія на этотъ конецъ правила: 1) предоставить главному управленію цензуры при разсмотрѣніи донесеній цензурныхъ комитетовъ о сомнительномъ содержаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, оказывать *разсудительное снисхожденіе* въ примѣненіи къ содержанію ихъ цензурныхъ правилъ, съ принятіемъ въ соображеніе времени первоначальнаго выхода произведеній ихъ въ свѣтъ, тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ, слога и языка, которыми эти произведенія написаны, большей или меньшей занимательности ихъ, вѣроятнаго числа и состоянія читателей оныхъ въ настоящее время и, наконецъ, тѣхъ впечатлѣній, которыхъ ожидать должно отъ чтенія сихъ твореній въ предѣлахъ нынѣшняго ихъ обращенія, различая сочиненія, относящіяся къ легкому чтенію и доступныя большому числу читателей, отъ тѣхъ, которыя читаютъ только люди, посвятившіе себя подробному изученію нашей литературы; 2) заключенія главнаго управленія цензуры о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, съ изъясненіемъ причинъ предполагаемаго снисхожденія, представлять черезъ министра на высочайшее благоусмотрѣніе; 3) на основаніи сихъ правилъ разсмотрѣть и разрѣшить представленіе с.-петербургскаго попечителя о сочиненіяхъ Кантемира и Хемницера, имѣя въ виду, что сатиры перваго относятся къ нравамъ и обычаямъ его времени, во многомъ уже измѣнившимся; и что устарѣвшій способъ выраженія и силлабическій размѣръ употребленныхъ имъ стиховъ, несоотвѣтственный свойству отечественнаго нашего языка, будутъ постоянно препятствовать сочиненіямъ его имѣть значительное число читателей".

Николай I утвердилъ всѣ эти предположенія, дѣло перешло въ главное управленіе цензуры, а оттуда снова — на высочайшее усмотрѣніе. Главное управленіе опредѣлило:

„1) разрѣшить новое изданіе сочиненій Кантемира, не измѣняя текста стихотвореній его, съ исключеніемъ только «Эпиграммы на икону св. Петра», которая влагаетъ въ уста этого апостола слова, несоотвѣтствующія его священному характеру. Состоя только изъ четырехъ стиховъ и не имѣя никакой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, эпиграмма эта можетъ быть выпущена безъ всякаго неудобства; 2) въ посвященіи императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ стихотвореній Кантемира сдѣлать, послѣ титула, слѣдующее дополненіе: «при всеподданнѣйшемъ поднесеніи первыхъ двухъ сатиръ», потому что въ 3-й и послѣдующихъ затѣмъ сатирахъ уже встрѣчаются нескромныя выраженія, несовмѣстныя съ высокою честью посвященія всей книги августѣйшему ея имени; 3) въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ Кантемира, которыя составляютъ только приложенія къ тексту, исключить все, что не соотвѣтствуетъ строгости цензурныхъ правилъ, по сдѣланному въ главномъ управленіи цензуры особому указанію; 4) при такомъ снисхожденіи цензуры, *чтобы число читателей Кантемира ограничивалось только людьми, посвятившими себя подробному изученію нашей литературы*, стихотворенія его не соединять, какъ это было сдѣлано въ послѣднемъ изданіи, въ одномъ томѣ съ стихотвореніями Хемницера, которыя, составляя легкое и пріятное чтеніе, могутъ обращаться въ рукахъ всякаго рода читателей и преимущественно дѣтей.

„Что касается до сомнительныхъ мѣстъ въ басняхъ и сказкахъ Хемницера, главное управленіе цензуры не могло не убѣдиться, что и въ отношеніи къ нимъ по большей части существуютъ тѣ же причины, препятствующія сокращать или измѣнять текстъ автора, какія замѣчены выше при разсужденіи о Кантемирѣ, съ тою разницею, что стихотворенія перваго, какъ менѣе отдаленныя отъ нашего времени, написаны правильнымъ размѣромъ и болѣе обработаны на счетъ звука и слога. Составляя такимъ образомъ чтеніе, доступное для большого круга читателей обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, басни и сказки Хемницера, до появленія произведеній въ томъ же родѣ Дмитріева и Крылова, были преимущественно предназначены для дѣтей, да и теперь еще удерживаютъ почетное мѣсто въ дѣтскихъ библіотекахъ. Изъ этого слѣдуетъ, съ одной стороны, что сочиненія Хемницера заслуживаютъ тѣмъ большее вниманіе цензуры, что воспріимчивость впечатлѣній въ дѣтскомъ возрастѣ несравненно сильнѣе, а съ другой, тѣмъ болѣе представляютъ неудобствъ къ исключенію нѣкоторыхъ мѣстъ, что басни и сказки этого писателя извѣстны всякому образованному человѣку, а дѣти выучиваютъ доселѣ многія изъ нихъ на память. По такимъ уваженіямъ, главное управленіе цензуры, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія сомнительныхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Хемницера, руководствуясь высочайше дарованнымъ ему правомъ оказывать въ подобныхъ случаяхъ *разсудительное снисхожденіе*, опредѣлило: разрѣшить новое изданіе басенъ и сказокъ Хемницера, съ исключеніемъ только двухъ: «Левъ, учредившій совѣтъ» и «Привилегія», изъ которыхъ въ первой иносказательно выражается неосновательность распоряженій верховной власти, а во второй приписывается ей обдуманное своекорыстіе и исключительное попеченіе только о своей собственной пользѣ, что несовмѣстно съ важностью, достоинствомъ и существомъ благодѣтельныхъ началъ монархическаго правленія".

На этомъ докладѣ, 11 марта 1852 года, послѣдовала высочайшая резолюція: «согласенъ, но по моему мнѣнію, сочиненій Кантемира ни въ какомъ отно-

шенія нѣтъ пользы перепечатывать, пусть себѣ пылятся и гніютъ въ заднихъ шкафахъ библіотекъ, гдѣ занимаютъ лишнее мѣсто» [1]).

Хотя точное толкованіе такой воли, въ которую прежде всего входило согласіе, позволяло разрѣшить Смирдину изданіе, но Ширинскій-Шихматовъ наложилъ на сочиненія Кантемира безусловное запрещеніе. Это, конечно, было послѣдовательно, если вспомнить о сочиненіяхъ Екатерины II...

Крупнымъ дѣломъ этого года была исторія съ славянофильскимъ „Московскимъ Сборникомъ". 21 апрѣля вышелъ первый изъ предполагавшихся четырехъ томовъ. 4 іюня Анненковъ писалъ Ширинскому-Шихматову, еще раньше самостоятельно обратившему вниманіе на „зловредный альманахъ", особенно же на статьи: И. С. Аксакова — „Нѣсколько словъ о Гоголѣ", И. В. Кирѣевскаго — „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи" и К. С. Аксакова — „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности (по поводу мнѣній о родовомъ бытѣ)".

„Главная задача этой статьи [2]) заключается въ томъ, чтобы доказать, что въ древней Руси совсѣмъ не было выводимаго нѣкоторыми изъ иностранныхъ, а за ними и русскими писателями, *родового* начала, и что въ ней, напротивъ, преобладалъ бытъ *семейный* и *общинный*.

„Извлекая свои данныя изъ разныхъ изданій археографической коммиссіи и другихъ отечественныхъ источниковъ, входя при семъ и въ историческія, неразрывныя съ предметомъ, изысканія касательно древняго государственнаго устройства Руси и вліянія, которымъ пользовался народъ, — авторъ всѣ частные свои выводы заключаетъ слѣдующимъ общимъ: «Русская земля была *изначала* наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная, — именно общинная — земля».

„Комитетъ 2 апрѣля 1848 года остановился сперва на формѣ сей статьи, и, съ одной стороны, отдавая всю справедливость ученымъ изслѣдованіямъ автора, а съ другой — не имѣя отнюдь повода, не позволяя себѣ даже и мысли предполагать въ такомъ возобновленіи въ памяти исконнаго устройства Руси какую-нибудь предосудительную цѣль, замѣтилъ, однако, что подобное разсужденіе, приличное, въ томъ или иномъ видѣ, среди трудовъ ученыхъ и археологическихъ, къ которымъ правительство само у насъ вызываетъ открытіемъ всѣхъ способовъ и поощреніями, ни въ какомъ случаѣ не должно было найти себѣ мѣсто въ сборникѣ литературномъ, назначенномъ для легкаго чтенія и обращающемся въ массѣ *всей* публики, такъ какъ въ составѣ сей послѣдней всегда есть и люди легкомысленные, поверхностные или недоброжелательные, готовые истолковать все имъ предлагаемое, при малѣйшемъ призракѣ двусмысленности, въ дурную сторону.

„Переходя отъ сего къ сущности вопроса, разобраннаго г. Аксаковымъ, комитетъ находилъ, что открытіе исторической истины тогда только получаетъ практическую свою пользу и перестаетъ быть одною суетною игрою ума, когда вмѣстѣ съ этою истиною открываются и ея послѣдствія, ея, такъ сказать, перерожденіе, исшедшій изъ нея результатъ; но если неоспоримо, что до татарскаго періода въ устройствѣ славянскихъ общинъ господствовали нѣкоторыя начала народнаго

---

1) „Цензурныя дѣла etc.", № 1, IV, 1590—1595.
2) Названная статья К. С. Аксакова.

правленія и, напримѣръ, въ удѣлахъ нерѣдко народъ призывалъ князей къ себѣ на княженіе и даже изгонялъ ихъ, слѣдственно, изысканія автора въ семъ отношеніи не отклоняются отъ исторической истины; но неоспоримо, однако же, и то, что по сверженіи монгольскаго ига, указавшаго горькимъ опытомъ, какихъ послѣдствій ожидать должно отъ своевольства и безначалія, — въ жизнь русскаго народа постепенно вникло совсѣмъ другое начало, именно, начало единовластія и неограниченнаго самодержавія. При Іоаннѣ III, истинномъ основателѣ самостоятельнаго, нераздѣльнаго московскаго государства, и при преемникѣ его Василіи Іоанновичѣ, чрезъ паденіе Новгорода и Пскова и окончательное уничтоженіе удѣльной системы, эти начала утвердились во всемъ ихъ могуществѣ. Смуты, начавшіяся со смертью бездѣтнаго сына Іоанна Грознаго и съ пресѣченіемъ въ его лицѣ прямого поколѣнія Калиты, только временно и ненадолго поколебали сіе могущество. Но когда временное состояніе произвола и безначалія пресѣклось призывомъ на царство, въ соборѣ духовенства, дворянства, горожанъ и поселянъ, Михаила Ѳеодоровича — „царскаго благороднаго корени благоросленной отрасли": тогда призывъ его былъ единодушно утвержденъ клятвеннымъ обѣщаніемъ русскаго народа служить ему, супругѣ его, дѣтямъ и потомству «вѣрою и правдою, всѣми душами своими и головами», безъ всякаго ограниченія, — актъ всенародный и торжественный, которымъ окончательно запечатлѣлось самодержавное единовластіе русскихъ монарховъ, утвержденное потомъ могучею рукою Петра Великаго на началахъ европейской государственной жизни. Слѣдственно, ученому автору разбираемой статьи, чтобы сдѣлать ее истинно полезною и поучительною, надлежало указать, съ тѣмъ же неоспоримымъ его талантомъ, и всѣ помянутые перевороты, приведшіе насъ къ нынѣшнему порядку вещей—единственной основѣ покоя и благоденствія Россіи. Но онъ не дорисовалъ своей картины и, остановясь на однихъ явленіяхъ, показывающихъ въ глубокой древности существованіе между нашими предками демократическихъ началъ, тѣмъ самымъ далъ поводъ къ тому виду двусмысленности, о которомъ выше упомянуто и который, если не былъ въ его мысляхъ, то невольно вызывается симъ умолчаніемъ, оставляющимъ читателя въ недоумѣніи на счетъ конечной мечты или цѣли его изысканій. Въ такомъ видѣ, то-есть безъ объясненія перехода обновленной Россіи къ другимъ понятіямъ и къ другимъ формамъ правленія, статья его, по мнѣнію комитета, не слѣдовала быть допущеною къ напечатанію не только въ литературномъ сборникѣ, но даже и въ изданіи спеціально посвященномъ ученой цѣли.

„Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія: 1) поставить, черезъ кого слѣдуетъ, на видъ Аксакову вышеизложенныя разсужденія, для большей его осторожности на будущее время, запретивъ при томъ и всякое, гдѣ бы то ни было перепечатаніе вновь означенной статьи; 2) какъ цензору надлежало быть еще осмотрительнѣе, чѣмъ сочинителю, то обратить строгое вниманіе на степень виновности, пропустившаго сію статью кн. Львова, не оставляя его безъ соотвѣтствующаго наказанія; 3) во вниманіе къ сказанному въ предувѣдомленіи къ сборнику, что онъ предполагается изъ четырехъ томовъ и что остальные три выйдутъ въ теченіе года, сообразить: не слѣдуетъ-ли подобныя изданія, по истинному ихъ свойству, какъ тѣ же періодическія, подчинить одинаковымъ правиламъ съ журналами и газетами, т. е. дозволять оныя не иначе, какъ съ особаго высочайшаго разрѣшенія.

„На подлинномъ журналѣ послѣдовала собственноручная высочайшая резолюція: „все справедливо; и сборники впредь подчинить тѣмъ же цензурнымъ правиламъ, какъ и журналы“ [1]).

Хотя на этомъ и кончилась роль комитета 2 апрѣля по отношенію къ первому выпуску „Московскаго Сборника“, но, для законченности впечатлѣнія у читателя, прибавлю, что послѣ цѣлаго ряда инцидентовъ, созданныхъ и раздутыхъ еще Ширинскимъ-Шихматовымъ и III Отдѣленіемъ, былъ, наконецъ, приведенъ въ исполненіе всеподданнѣйшій докладъ министра просвѣщенія 3 марта 1853 г., сводившійся къ слѣдующему: 1) второй томъ „Московскаго Сборника“ вполнѣ запретить, 2) прекратить вообще изданіе „Сборника“, 3) редактора Ивана Аксакова лишить права быть редакторомъ какихъ бы то ни было изданій, 4) Ивану Аксакову, Константину Аксакову, Хомякову, Ив. Кирѣевскому и князю Черкасскому, сдѣлавъ наистрожайшее внушеніе за желаніе распространять нелѣпыя и вредныя понятія, приказать представлять свои рукописи впредь прямо въ главное управленіе цензуры“. Любопытно, что сначала Ширинскій-Шихматовъ хотѣлъ этихъ лицъ совсѣмъ лишить права печататься! Гр. Орловъ снизошелъ къ нимъ, и пунктъ 4-й получилъ вышеприведенную редакцію. Впрочемъ, гр. Орлову принадлежитъ зато честь и слава установленія надъ этими пятью славянофилами—„какъ людьми открыто неблагонамѣренными“, явнаго полицейскаго надзора [2])...

Къ этому же году относится замѣчательный документъ въ видѣ транспоранта, гдѣ подъ линейками находимъ знаменательную подпись: „Печатать дозволяется. Цензоръ Елагинъ. С.-Петербургъ, 11 марта 1852 года“... [3]).

Знаменательное признаніе комитета 2 апрѣля. Оправданіе Мусина-Пушкина. Суженіе компетенціи комитета и расширеніе его власти.

Читатели уже знакомы съ знаменательнымъ распоряженіемъ Ширинскаго-Шихматова объ увеличеніи „содержательности“ русской журналистики. Очевидно, въ слѣдующемъ, 1852, году она стала заботить даже комитетъ 2 апрѣля, весьма равнодушно относившійся раньше къ слухамъ о своей жестокости.

Дѣло началось съ того, что въ московскомъ фельетонѣ „Сѣверной Пчелы“, между прочимъ, было сказано: «въ среду, 2-го апрѣля, послѣ чувствительныхъ семи дней, открытъ въ Москвѣ привольнымъ обѣдомъ задушевный пріютъ и старыхъ и молодыхъ—англійскій клубъ» [4]). Такъ какъ, по расчету, эти „чувствительные“ дни совпадали съ четырьмя послѣдними днями Страстной и тремя первыми—Святой, то комитетъ 2 апрѣля, находя этотъ эпитетъ „нелѣпымъ“, «относилъ его единственно къ неловкости изложенія, замѣтной вообще въ цѣломъ составѣ этой статьи, а не видѣлъ основанія истолковывать оный въ дурную сторону

---

1) „Цензурныя дѣла etc.“, № 1, т. IV, 2075—2085. Этотъ очень цѣнный документъ воспроизведенъ и у г. Барсукова (т. XII, 119—120), но съ такими искаженіями и произвольными, ни на чемъ не основанными пропусками, что пользоваться имъ положительно неудобно. Впрочемъ, въ капитальномъ, по размѣру, трудѣ г. Барсукова вообще первоисточники не въ особенномъ порядкѣ; а отсутствіе сплошь и рядомъ ковычекъ, лишаетъ ихъ своего значенія на счетъ увеличенія „компетентности“ автора.

2) „Цензурныя дѣла etc“, № 1, т. IV, 2093—2119.

3) „Отголоски Русской Печати“, Брюссель, 1865 г., № 39, фельетонъ „La nouvelle loi sur la presse“.

4) 1852 г., № 100.

далѣе буквальнаго его значенія; но какъ въ предметахъ, касающихся святыни, не слѣдуетъ допускать даже и такихъ выраженій, которыя могутъ давать поводъ къ какой-либо двусмысленности, то признавалъ не безполезнымъ, въ предостереженіе для будущаго, поставить въ виду редакторовъ „Сѣверной Пчелы“, что, при извѣстной ихъ благонамѣренности и опытности въ литературномъ дѣлѣ, имъ надлежитъ соблюдать одинаковую осмотрительность и въ печатаніи статей, доставляемыхъ отъ постороннихъ корреспондентовъ; каковое предостереженіе распространить также на цензора».

На этомъ, собственно, и кончается отношеніе комитета министру въ области описаннаго инцидента. Дальнѣйшія же строки этого отношенія отъ 13 мая положительно знаменательны:

„Впрочемъ при сообщеніи этого заключенія министру народнаго просвѣщенія, комитетъ считаетъ необходимымъ выразить вмѣстѣ надежду, что бдительность высшаго правительства, направленная единственно противъ *истинно* предосудительнаго или неблагонамѣреннаго, отнюдь не будетъ принимаема цензорами за поводъ къ дѣйствіямъ стѣснительнымъ и произвольнымъ, которыми, *какъ, къ сожалѣнію носятся о томъ слухи въ публикѣ* они ищутъ теперь ограждать себя отъ отвѣтственности, идя *гораздо далѣе благихъ* видовъ высшаго правительства и позволяя себѣ иногда марать и останавливать статьи и выраженія *самыя даже невинныя*“ [1]).

Когда недоумѣвавшій отъ неожиданнаго раскаянія комитета Ширинскій-Шихматовъ довелъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія „старавшихся“ цензоровъ, попечитель петербургскаго округа, неудобозабываемый Мусинъ-Пушкинъ, поспѣшилъ реабилитировать ихъ въ глазахъ начальства.

„Позвольте мнѣ просить ваше сіятельство—писалъ онъ 3 мая министру — довести до свѣдѣнія государя императора, что *никто изъ цензоровъ не дѣйствовалъ и не дѣйствуетъ стѣснительно или произвольно*. Они всегда при малѣйшемъ сомнѣніи, представляютъ статью или мѣсто, ихъ затрудняющее, на мое усмотрѣніе, *а я стараюсь по возможности оказывать дозволенное сочинителямъ снисхожденіе;* въ случаяхъ же болѣе важныхъ предлагаю обстоятельство на разсужденіе комитета, который также *никогда* не дѣйствуетъ съ самопроизвольною строгостью, но съ точностью руководствуется цензурнымъ уставомъ и особыми высочайшими повелѣніями и распоряженіями министровъ народнаго просвѣщенія, послѣдовавшими съ 1848 года, послѣ бывшихъ за-границею возмущеній. Что же касается до слуховъ, которые носятся въ публикѣ, то возможно-ли онымъ дать *хотя малѣйшее вѣроятіе? Всѣ*, которые ихъ распускаютъ, — или *люди вредные*, ищущіе средствъ ослабить благанамѣренное и *весьма полезное дѣйствіе цензуры*, не дозволяющей имъ печатать или сочиненія, или журнальныя статьи, несогласныя съ благодѣтельными видами правительства, доброю нравственностью, или, наконецъ, неумѣстныя по направленію разсужденій, помѣщаемыхъ въ оныхъ, для читающей русской публики; или *людьми легковѣрными и неосновательными*, которые привыкли осуждать безъ размышленія или изслѣдованія каждую мѣру, правительствомъ предписываемую» [2]).

---

[1]) „Цензура въ царствованіе императора Николая I“, „Рус. Старина“ 1903 г., IX, 657—658. Первый курсивъ подлинника.

[2]) Ibidem, 658—659.

Но у Ширинскаго-Шихматова былъ директоромъ канцеляріи неглупый человѣкъ—нѣкто Коковскій, и, очевидно, по его совѣту, просьба Мусина-Пушкина не была исполнена: кто не зналъ, что дѣлала на самомъ дѣлѣ цензура и кто ею былъ доволенъ?... Вотъ что, напримѣръ, находимъ у Никитенка послѣ того, какъ цензоромъ Фрейгангомъ была изуродована его статья по случаю смерти любимца государя—Жуковскаго, человѣка, какъ извѣстно, довольно благонамѣреннаго:

„Я, впрочемъ, почти не спорилъ, сознавая, что иначе и нельзя по той системѣ, которой держатся нынѣ благоразумнѣйшіе цензора, вродѣ Фрейганга. Объ остальныхъ и говорить нечего: тѣ не держатся никакой системы и слѣдуютъ только внушеніямъ страха. Система же первыхъ въ томъ, чтобы угадывать, какъ могутъ истолковать данную статью враги литературы и просвѣщенія. Фрейгангъ откровенно мнѣ въ томъ сознался. Можно себѣ представить, каковы должны быть заключенія цензуры, которая руководится такими догадками, а не прямымъ смысломъ статьи, не постановленіями, ни даже своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Все, значитъ, зависитъ отъ толкованія невѣждъ и недоброжелателей, которые готовы въ каждой мысли видѣть преступленіе“ [1]).

17 октября было опубликовано: „проповѣди, слова и рѣчи, сочиненныя духовными лицами, не должны быть печатаемы въ губернскихъ вѣдомостяхъ безъ особыхъ на то разрѣшеній духовныхъ цензурныхъ комитетовъ [2]). Въ сущности, это было подтвержденіемъ прежняго опредѣленія св. синода о томъ же самомъ съ присовокупленіемъ, чтобы духовные цензурные комитеты „при разсматриваніи проповѣдей, словъ и рѣчей, сочиненныхъ духовными лицами и представляемыхъ для пропуска къ печатанію, усугубляли свое вниманіе къ тому, дабы въ нихъ не были допускаемы разсужденія, которыя по отвлеченности и неудобопонятности могутъ порождать въ читателяхъ превратные мысли и толки [3]).

По всей вѣроятности, около 1852 г. изъ вѣдѣнія комитета 2 апрѣля изъяты были сначала всѣ сочиненія духовнаго содержанія, а затѣмъ вскорѣ и всѣ, выходящія на восточныхъ и еврейскомъ языкахъ. Къ сожалѣнію, единственный источникъ, откуда удалось извлечь это указаніе, не даетъ точнаго срока такихъ изъятій [4]).

Во всякомъ случаѣ въ этомъ вовсе нельзя видѣть хоть малѣйшее недовѣріе къ комитету. Вѣроятно, онъ самъ, по сложности дѣла, ходатайствовалъ объ освобожденіи себя отъ тяжести нѣкоторыхъ обязанностей. Говорю объ этомъ такъ рѣшительно потому, что въ это же время комитету было дано право приводить въ дѣйствіе собственною властью свои единогласныя заключенія, на высочайшее же усмотрѣніе повергать лишь случаи особенно важные и вопросы законодательнаго характера [5]),—право конечно, громадное и лишній разъ указывающее на почти безграничное довѣріе государя. Очевидно годъ отъ года комитетъ бралъ все большую и большую силу.

---

[1]) „Рус. Старина“, 1890 г., III, 652—653.
[2]) „Сборникъ постановленій etc“, 284.
[3]) „Сборникъ законоположеній и распоряженій по духовной цензурѣ“, 132.
[4]) „Первоначальный проектъ устава о книгопечатаніи, составленный комиссіею высочайше учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія“, Спб., 1862 г., 51.
[5]) Ibidem.

1853 годъ.

Смѣна Анненкова бар. Корфомъ, Ширинскаго-Шихматова—А. С. Норовымъ. До чего цензура довела Сенковскаго и М. М. Достоевскаго. Предѣлы этнографіи. Защита чести русской литературы. Снова Булгаринъ споткнулся на извозчикахъ. Кажущееся бездѣйствіе комитета 2 апрѣля.

Въ этомъ году, какъ и въ 1849, произошла почти одновременная перемѣна предсѣдателя комитета 2 апрѣля и министра просвѣщенія.

20 марта ген.-ад. Анненковъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ новороссійскимъ и бессарабскимъ, и на мѣсто предсѣдателя вступилъ, наконецъ, такъ давно жаждавшій власти бар. М. А. Корфъ.

Съ 7 марта управленіе министерствомъ перешло къ А. С. Норову—Ширинскій-Шихматовъ былъ уволенъ въ отпускъ для лѣченія, а 5 мая, не выѣзжая изъ Петербурга, и умеръ.

Норовъ—авторъ „По святымъ мѣстамъ“—извѣстенъ, какъ человѣкъ мягкій и гуманный, кое-что знавшій, но необладавшій, подобно всѣмъ министрамъ просвѣщенія періода 1816—1858 гг. сколько нибудь широкимъ и глубокимъ образованіемъ и умомъ. По словамъ хорошо знавшаго его А. Н. Муравьева—„у Норова собирался свой небольшой ученый кругъ, когда онъ еще былъ только товарищемъ благочестиваго министра просвѣщенія кн. Ширинскаго-Шихматова, который былъ также любитель русскаго слова и наипаче просвѣщенія духовнаго. Устроивъ у себя церковь въ министерскомъ домѣ, онъ начертилъ золотыми буквами надъ иконостасомъ: «Господь просвѣщеніе мое» и это, дѣйствительно, было выраженіемъ его духа, которому наслѣдовалъ и его преемникъ Норовъ“ [1]).

Безхарактерный, подчиняющійся первому сильному вліянію, Норовъ, въ самомъ дѣлѣ, походилъ на „стараго младенца“, какъ его называлъ Я. И. Ростовцевъ.

Отношенія его къ комитету 2 апрѣля были всегда и очень предупредительны, и очень осторожны: столкновеній никакихъ, какъ и у Ширинскаго-Шихматова, не происходило. Несомнѣнно, благодаря этому, онъ только выигрывалъ. Иное дѣло—писатели: тѣ только проигрывали. До чего довела эта дружба двухъ сторожей, замѣчательно ярко иллюстрируетъ рѣшеніе Сенковскаго (барона Брамбеуса) бросить литературу и заняться фабрикаціей табаку!.. И это историческій фактъ! Вотъ два его письма къ своему пріятелю, довольно тогда извѣстному романисту и составителю дѣтскихъ книгъ П. Р. Фурману, редактировавшему въ 1853—55 гг. „Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи“. Привожу ихъ, конечно, in extenso.

[1]) „Знакомство съ русскими поэтами“, Кіевъ, 1871 г., 29.

Баронъ М. Корфъ

(С. Середонинъ, „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, 1902 г.).

„Carissimo, прійміте благосклонно подъ ваше редакторское покровительство добраго и умнаго человѣка, который постигъ духъ табаку и разумъ папиросовъ и въ которомъ мы принимаемъ большое участіе. Дѣло идетъ о напечатаніи объявленія, достойнаго его папиросовъ, которыя превосходятъ всѣ донынѣ извѣстныя, какъ солнце превосходитъ звѣзды. Воскурите этотъ ѳиміамъ и разсудите. Дайте ему наставленіе, что онъ долженъ дѣлать, потому что изъ редакціи ему зачѣмъ-то возвратили представленное имъ объявленіе. Я собираюсь къ вамъ съ изъявленіемъ преданности и благодарности за ваши добрыя и дружескія ласки ко мнѣ, и на дняхъ ударю лично челомъ передъ вами. Вашъ душевно преданный

Сенковскій.

NB. Онъ ужасно желаетъ видѣть объявленіе свое въ печати въ субботу, а зовутъ его Herr Kaull“.

А вотъ и другое:

„Почтеннѣйшій и добрѣйшій Петръ Романовичъ! Мой *сотрудникъ*, табачный фабрикантъ Андрей Самойловичъ Кауль, прибѣгаетъ черезъ меня къ вашему покровительству. Онъ желаетъ имѣть опредѣленное мѣсто вверху третьей страницы вашей газеты на нѣсколько недѣль сряду—чего ваши подчиненные не смѣли пожаловать ему безъ вашего разрѣшенія, когда вы были больны. Сдѣлайте дружеское одолженіе, дозвольте ему явиться въ свѣтъ съ своими сочиненіями въ великодостойномъ видѣ. А почему онъ мой *сотрудникъ*, о томъ слѣдуетъ объясненіе. Пейкеръ [1]) запрещалъ все, что я ни напишу—ну рѣшительно все; не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ обратиться отъ литературы къ промышленности, и я записался въ купцы—открылъ табачную лавочку и фабрику—и вотъ *мы трудимся* съ Каулемъ, который обладаетъ мудростью дѣлать неслыханные табаки, папиросы и сигары. Неслыханныя сигары еще не готовы: первые экземпляры ихъ будутъ представлены вамъ на критику, которую, надѣюсь, выдержатъ онѣ побѣдоносно. Маленькія мои познанія въ химіи и растительной физіологіи, которыя цензура уничтожала въ печати, пригодились отлично въ приложеніи къ обработкѣ табаковъ. Жаль, что вы трубки не курите: вы бы удивились превосходству табаковъ Кауля *моего*; есть Кауль *не мой*, другой, братъ его, тоже табачный фабрикантъ, но плохой, и ихъ не должно смѣшивать. Но если любите курить папиросы по-испански, то-есть свертывать ихъ собственноручно изъ свѣжаго влажнаго табаку, что гораздо лучше всякихъ сигаръ, легко и здорово для груди, потому что онѣ даютъ дымъ влажный, мягкій, а не сухой и не острый, раздражающій дыхательные органы,—то прикажите моему сотруднику Каулю доставить вамъ знаменитѣйшаго изъ всѣхъ человѣческихъ табаковъ, *Джебейли* [2]) растущаго въ Ливанскихъ горахъ и въ которомъ я сидѣлъ и учился по-арабски [3]): удивитесь! Послѣ того никакого другого курить не станете. Прощайте. До свиданія, голова трескается отъ боли. Вашъ душевно преданный *Сенковскій*“ [4]).

Но табакомъ торговалъ не одинъ Сенковскій—то же самое сдѣлалъ М. М. Достоевскій. Неизвѣстно въ которомъ году, но, по разсчету хорошо знавшаго

[1]) Цензоръ „Библіотеки для Чтенія“ Сенковскаго.
[2]) Названіе мѣстечка.
[3]) Сенковскій былъ извѣстнымъ знатокомъ арабскаго языка, который практически изучалъ на Востокѣ.
[4]) „О. И. Сенковскій“, „Рус. Старина“, 1871 г., IV, 528—529. Курсивъ подлинника.

(„Портретная галлерея русскихъ дѣятелей" изд. Мюнстера).

его Страхова, Достоевскій открылъ табачную фабрику именно подъ натискомъ цензуры. Папиросы его были даже очень популярны, благодаря прилагаемымъ къ нимъ сюрпризамъ [1]).

Надо знать страстный темпераментъ любившаго журнальное дѣло Сенковскаго, его необыкновенную изворотливость и немалую способность къ компромиссамъ, чтобы оцѣнить по достоинству эти полныя глубокаго трагизма письма. Писатель, котораго знала буквально вся грамотная Россія и знала при томъ за человѣка вполнѣ благонамѣреннаго, не можетъ выдержать гигантской силы цензуры и берется за торговлю!.. Какъ же нелегко было другимъ, убѣжденія которыхъ не складывались, какъ карманный аршинъ, чувства которыхъ были всегда искренни и глубоки, а всякій компромиссъ считался грязной сдѣлкой! Какъ страдали эти честные люди!.. Правда, послѣ смерти Бѣлинскаго, совпавшей съ первыми шагами дѣятелей эпохи цензурнаго террора, и до самаго конца ея, русская литература не имѣла у себя центральной крупной фигуры,—и это несомнѣнное слѣдствіе стороннихъ обстоятельствъ,—но, къ счастью для нашей общественной мысли, писатели честные были. И вотъ имъ-то приходилось особенно солоно... Если Сенковскій пошелъ торговать табакомъ, такъ, значитъ же, было нелегко...

Нелегко было даже и губернскимъ вѣдомостямъ. По программѣ, высочайше утвержденной еще въ 1838 году, онѣ должны были отводить мѣсто изученію этнографіи края. Конечно, и отводили, но сколько по этому поводу было непріятностей... Для примѣра укажу на статью въ „Курскихъ Губ. Вѣдомостяхъ", посвященную описанію народныхъ игръ, загадокъ, анекдотовъ и присловья жителей Суджанскаго и Рыльскаго уѣздовъ [2]).

„Собраніе и обнародованіе подобныхъ матеріаловъ,—писалъ А. С. Норовъ предсѣдателю петербургскаго комитета,—живыхъ памятниковъ старины и преданій—весьма полезно и достойно всякаго поощренія, такъ какъ, кромѣ занимательности своей, они иногда объясняютъ обычаи, нравы и нерѣдко самыя историческія событія, но при всемъ томъ едва-ли слѣдуетъ допускать печатаніе безъ разбора, а тѣмъ болѣе въ губернскихъ вѣдомостяхъ всего, что сохранилось въ изустномъ преданіи, въ особенности же, если имъ нарушаются добрые нравы и можетъ быть данъ поводъ къ легкомысленному или превратному сужденію о предметахъ священныхъ.

„Въ сихъ видахъ, при чтеніи вышеупомянутой статьи вниманіе остановилось на слѣдующихъ загадкахъ:

1. Родился—не крестился;
Умеръ—не спасъ,
Богоносцемъ былъ (оселъ).

2. На свѣтѣ жилъ
И Богу служилъ,
А умеръ ни въ святыхъ, ни въ грѣшныхъ (тоже).

3. Вышелъ дѣдъ,
Семьдесятъ лѣтъ,
Вынесъ внучатъ старше себя (Евангеліе).

---

[1]) *Н. Страховъ.* „Воспоминанія Ѳ. М. Достоевскаго", см. „Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго", Спб., 1883 г., 223.

[2]) 1853 г., № 11.

„Хотя эти загадки действительно въ народѣ существуютъ и собираются съ полезною цѣлью; но, по неприличію ихъ, въ 15 день сего апрѣля послѣдовало высочайшее повелѣніе: принять зависящія мѣры къ отклоненію на будущее время пропуска цензурою преданій подобнаго рода, которыхъ, конечно, нѣтъ никакой пользы сохранять въ народной памяти чрезъ печать. Вслѣдствіе сего, я покорнѣйше прошу в. п—во предложить какъ цензирующимъ неофиціальную часть губернскихъ вѣдомостей ввѣреннаго вамъ, м. г., округа, такъ и петербургскому цензурному комитету, чтобы при допущеніи къ печати народныхъ преданій они руководствовались вышеизложенными соображеніями [1]).

18 іюля 1853 г. Норовъ предписалъ иностранной цензурѣ „по случаю учрежденія въ Лондонѣ изгнанникомъ Герценомъ русской типографіи, объ обращеніи строжайшаго вниманія на всѣ безъ изъятія имѣющія поступать изъ таможенъ русскіе книги и листы, привозимые изъ-за границы“ [2]). Распоряженіе это слѣдовало хронологически почти вслѣдъ за днемъ основанія Вольной русской типографіи.

Чтобы закончить 1853 годъ разскажу еще о двухъ очень характерныхъ случаяхъ.

Въ октябрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ была напечатана рецензія о „Пропилеяхъ“ Леонтьева съ очень нелестной аттестаціей статьи Авдѣева о храмѣ св. Петра въ Римѣ. Между прочимъ, въ ней было сказано:

„Жаль, очень жаль, что, „Пропилеи“ издаются не на французскомъ языкѣ; такого вздору не посмѣлъ бы господинъ Авдѣевъ написать на языкѣ академіи надписей и г. Леонтьевъ (издатель „Пропилей“) навѣрно не рѣшился бы напечатать для назиданія всей Европы того, что счелъ за довольно хорошее для насъ. Удивительно, что даже и въ русскомъ изданіи, въ которомъ можно пороть дичь безнаказанно, г. Леонтьевъ не употребилъ своей издательской власти на устраненіе, по крайней мѣрѣ, этой наглой нелѣпости“.

Леонтьевъ сдѣлалъ доносъ на Сенковскаго бар. Корфу, замаскировавъ его въ желаніе оградить „оскорбленныя русскую литературу и русское сужденіе“ отъ дальнѣйшихъ униженій... Корфъ запросилъ петербургскій комитетъ объ имени автора и приказалъ цензору сдѣлать строгій выговоръ.

„Цензурный комитетъ предписалъ цензору Шидловскому—разсказываетъ издатель „Библіотеки для Чтенія“ А. В. Старчевскій [3]),—лично и немедленно доставить это свѣдѣніе, оформленное показаніемъ самого редактора, барону Корфу, въ какое бы то ни было время. Мнѣ ничего не было извѣстно. Шидловскій получилъ предписаніе въ 12 часовъ ночи, когда уже легъ спать. Перепуганный, весь въ лихорадкѣ, онъ поспѣшно одѣвается и въ половинѣ второго часа является во всей формѣ ко мнѣ. Меня разбудили.—«Что угодно?»—спрашиваю.—«Напишите, ради Бога, сейчасъ, кто авторъ рецензіи на «Пропилеи». Я отвѣчаю и пишу: «Осипъ Ивановичъ Сенковскій»—«А гдѣ живетъ г. Сенковскій?». Даю адресъ. Цензоръ, ничего не объясняя, ѣдетъ къ Сенковскому, котораго будятъ въ три часа ночи и требуютъ, чтобы онъ написалъ, что такая-то статья напи-

---

[1]) „Сборникъ постановленій etc“, 288-289.

[2]) „Цензурныя дѣла etc“. № 2. л. 131.

[3]) *А. Старчевскій*, „Воспоминанія стараго литератора“; „Истор. Вѣстникъ“, 1891 г., IX, 578—579.

сана имъ. Сенковскій даетъ требуемое заявленіе и прибавляетъ, что такъ какъ цензоръ сдѣлалъ въ ней большія помарки, то статья вышла блѣдная и съ безсмысленицами, какъ всегда бываетъ, когда ужъ очень помараютъ статью и не позволятъ редакціи исправить ее потомъ, чтобъ былъ смыслъ. Шидловскій въ волненіи беретъ бумагу съ подписью Сенковскаго, отправляется къ барону Корфу, которому доставляетъ всѣ эти документы въ 4 часа утра и передаетъ дежурному чиновнику"... Въ результатѣ „Сенковскому велѣно было сдѣлать строжайшій выговоръ (черезъ министра) съ внушеніемъ, что «такія статьи не только не приносятъ пользы литературѣ, но, напротивъ, вредятъ ей» [1]).

Здѣсь сверхъ всего, несомнѣнно, очень характеренъ страхъ цензурнаго комитета и та оголтѣлая поспѣшность, съ которою выполнялась воля комитета 2 апрѣля.

Булгарину же снова не повезло съ извозчиками...

Въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ онъ напечаталъ:

„Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ исполненія предписанія о введеніи таксы или опредѣленной цѣны за поѣздки извозчиковъ. Я разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. У нихъ противъ таксы есть магическое слово: „занятъ". А каждому вольно платить выше таксы, какъ вольно дарить свои деньги. Однако же увидимъ, что-то будетъ. Ничего нѣтъ мудренѣе, какъ справиться съ извозчиками, которые, какъ птицы, летаютъ по городу; не даромъ существуетъ французская пословица: тотъ имѣетъ лучшую прислугу, кто служитъ себѣ самъ" [2]).

„Принимая во вниманіе, — писалъ комитетъ 2 апрѣля Норову, — что эти строки содержатъ въ себѣ, хотя и косвенное, но вовсе неумѣстное сужденіе о новой правительственной мѣрѣ касательно таксы для здѣшнихъ извозчиковъ; что эти сужденія могутъ быть истолкованы въ смыслѣ подстрекающемъ къ уклоненію отъ обязанности повиноваться распоряженіямъ начальства; и что они прямо противны цензурному уставу, коимъ воспрещено пропускать вообще въ печать сужденія о совершонныхъ правительствомъ мѣрахъ, министръ народнаго просвѣщенія испрашивалъ высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія на сдѣланіе отъ Высочайшаго Имени строгаго выговора автору статьи Булгарину и цензору Бекетову.

„Государь Императоръ повелѣлъ «исполнить» [3]).

Читатель, вѣроятно, обратилъ вниманіе на конецъ этого отношенія, совершенно новый сравнительно со всѣми предыдущими. Ясно, что Норовъ, какъ и Уваровъ, еще не имѣлъ въ то время доклада у государя по дѣламъ цензуры— все шло черезъ комитетъ. Съ другой стороны—„старавшійся" Норовъ, очевидно, впередъ былъ предупреждаемъ бар. Корфомъ о его распоряженіяхъ и, сообразно съ послѣдними, испрашивалъ у государя примѣрнаго наказанія виновныхъ якобы по своей собственной иниціативѣ. Принимая во вниманіе всегдашнюю страсть Корфа выслужиться на счетъ другихъ, можно съ увѣренностью сказать, что такое дружное согласіе его съ Норовымъ было результатомъ убѣжденія въ полной безвредности „стараго младенца" для престижа комитета 2 апрѣля.

---

[1]) *А. Никитенко*, „Дневникъ", „Рус. Старина", 1890 г., IV, 45—46.
[2]) „Сѣверная Пчела", 1853 г., № 277.
[3]) „Цензурныя дѣла etc.", № 1, т. II, 524—526.

И читатель будетъ неправъ, если, судя только по количеству дѣлъ, приведенныхъ мною за два послѣдніе года, особенно за 1853-й, сдѣлаетъ заключеніе объ уменьшеніи энергіи комитета подъ предсѣдательствомъ „сочувствовавшаго литературѣ“ бар. Корфа. Это будетъ очень серьезной ошибкой. Правда, умы государственныхъ дѣятелей въ 1853 году сильно были заняты начавшейся Восточной войной и связанными съ нею вопросами, надеждами и... опасеніями, но энергіи бар. Корфа это не парализовало; онъ все также „заботливо“ несъ свою миссію. Причины немногочисленности приводимыхъ дѣлъ иныя. Во-первыхъ, куда же бы годился весь этотъ инквизиторскій надзоръ, если бы, наконецъ, цензора не стали особенно предупредительны еще при чтеніи рукописей. Во-вторыхъ, я лично при выборѣ руководствуюсь желаніемъ познакомить читателя съ дѣлами дѣйствительно изъ ряда выходящими, оставляя безъ упоминанія массу матеріала или не такого характернаго, или менѣе ярко оттѣняющаго главныя черты эпохи цензурнаго террора. Чтобы дать все, что имѣется въ упоминаемыхъ мною источникахъ, нужно, по крайней мѣрѣ, два такихъ тома, какъ этотъ...

1854 годъ.

Министръ просвѣщенія вводится въ комитетъ 2 апрѣля. Безнравственная математика. Снова Сперанскій. Болѣе опредѣленные предѣлы для этнографіи. Защита Н. С. Тихонравова. Забвеніе смутнымъ временамъ.

Норову была даже сдѣлана особая честь—въ 1854 г. онъ былъ назначенъ членомъ комитета 2 апрѣля [1]). Конечно, эту мѣру нельзя приписать побѣдѣ устраняемаго раньше „цензурнаго стража"; это—просто милость самого комитета безмолвному и покорному министру.

Въ началѣ 1854 г., въ Кіевѣ, была издана книга «О числѣ, мысль Порфирія Гоствило-Корниловича». Св. синодъ нашелъ, что въ ней „мистико-философическія размышленія о числахъ касаются иногда и религіозныхъ понятій. Она, на основаніи устава о цензурѣ, одобрена была кіевскимъ цензурнымъ комитетомъ, безъ сношенія съ цензурою духовною; но какъ въ ней оказались многія разсужденія, очевидно, касающіяся догматовъ вѣры, то она впослѣдствіи подвергнута была разсмотрѣнію духовной цензуры, которая и нашла въ книгѣ нѣкоторыя мѣста, по правиламъ сей цензуры, не заслуживающія одобренія къ напечатанію" [2]). Это опредѣленіе св. синода было сообщено комитету 2 апрѣля, и, по его распоряженію, 31 марта было объявлено: „свѣтская цензура должна входить въ сношеніе съ цензурою духовною всякій разъ, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ-ли книга, въ цѣлости или отчасти, разсмотрѣнію той цензуры, *хотя бы по прямому закону*, какъ въ настоящемъ случаѣ, она и должна была поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры" [3]).

Читатель, вѣроятно, помнитъ выговоръ Булгарину за статью о Сперанскомъ и вообще это интересное дѣло (стр. 215—216). Теперь въ „Москвитянинѣ" М. А. Дмитріевъ напечаталъ „Мелочи изъ запаса моей памяти". Бар. Корфъ писалъ Норову:

„Въ напечатанныхъ въ 6-мъ нумерѣ „Москвитянина" — „Мелочахъ изъ запаса моей памяти", М. Дмитріева, находится, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: «Вотъ какъ послѣдовало паденіе Сперанскаго. Онъ въ опредѣленный часъ былъ у государя съ докладомъ. Передъ кабинетомъ, въ такъ называемой секретарской комнатѣ, дожидались окончанія доклада И. И. Дмитріевъ и кн. А. П. Голицынъ. Сперанскій вышелъ съ заплаканными глазами, оторопѣлый, и, не обращая на нихъ вниманія, оборотясь къ нимъ спиною, началъ укладывать въ портфель свои бумаги. Вышелъ уже за двери, онъ опомнился и сказалъ изъ дверей: Про-

---

[1]) „Первоначальный проектъ устава о книгопечатаніи etc.", 51.
[2]) „Сборникъ законоположеній по духов. цензурѣ etc.", 82.
[3]) „Сборникъ постановленій etc.", 293.

щайте, князь Александръ Николаевичъ; прощайте, Иванъ Ивановичъ! — Когда онъ воротился домой, онъ нашелъ уже у себя министра полиціи, А. Д. Балашева, который именемъ государя потребовалъ отъ него бумаги и объявилъ ему отсылку на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній. Сперанскій попросилъ его передать государю одну бумагу въ особомъ запечатанномъ пакетѣ, что тотъ и исполнилъ. И. И. Дмитріевъ ничего не зналъ объ этомъ. Пріѣхавши на другой день въ государственный совѣтъ и сидя черезъ одинъ стулъ отъ Балашева, онъ спросилъ его объ одномъ его чиновникѣ: Александръ Дмитріевичъ, гдѣ у васъ Ельчаниновъ?—Тотъ отвѣчалъ, и потомъ спросилъ его: Иванъ Ивановичъ, а гдѣ у васъ Михайла Михайловичъ?

— Какой Михайла Михайловичъ? — Сперанскій! — Я думаю, онъ сейчасъ будетъ сюда.—Нѣтъ, не будетъ,—отвѣчалъ Балашевъ;—онъ уже далеко отсюда!»

„Изъ дѣлъ комитета 2 апрѣля видно, что въ 1848 г., по случаю включенныхъ въ „Воспоминанія“ Булгарина разсказовъ о покойномъ гр. Сперанскомъ, замѣчена уже была неумѣстность въ печати намековъ на его удаленіе и вообще на подробности такого дѣла, которое, бывъ правительствомъ донынѣ всегда оставляемо подъ покровомъ тайны, слишкомъ еще близко къ нашей эпохѣ, чтобы частное лицо дерзало безъ особаго призванія и, вѣроятно, безъ достаточныхъ къ тому свѣдѣній, приподнимать всенародно край этого покрова.

„Основываясь и нынѣ на тѣхъ же самыхъ соображеніяхъ, комитетъ находилъ, что если изложенныя теперь въ „Москвитянинѣ“ подробности и представляютъ одинъ, такъ сказать, фактическій разсказъ, то, однако же, и въ сей формѣ неприлично и не должно допускать оглашенія, черезъ печать, такихъ и столь близкихъ къ намъ событій, коихъ причины или побужденія правительство, съ своей стороны, признало за благо оставить въ тайнѣ.

„Вслѣдствіе сего, комитетъ полагалъ предоставить вашему пр-ву сдѣлать соотвѣтственное въ семъ смыслѣ по цензурѣ вразумленіе, для общаго на будущее время руководства“.

„На подлинномъ журналѣ комитета послѣдовала въ 11-й день сего апрѣля собственноручная Государя Императора резолюція: „Совершенно справедливо“ [1]).

Выше мы уже видѣли, въ какіе предѣлы была поставлена этнографія въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

На этотъ разъ, въ „Саратовскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ были помѣщены народныя пѣсни. Комитетъ 2 апрѣля нашелъ въ нихъ колебаніе нравственности. Велѣно: губернатору сдѣлать выговоръ, цензировавшаго газету директора гимназіи выдержать мѣсяцъ на гауптвахтѣ и спросить министра: „благонадеженъ-ли онъ продолжать дальше службу?“ Но по ходатайству Норова, директоръ былъ прощенъ: ему велѣно было одновременно объявить мѣсячный арестъ и помилованіе [2]).

27 мая министръ писалъ о книгѣ Ѳ. Буслаева—„Русскія пословицы и поговорки“:

„Въ этомъ, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ и достойномъ уваженія трудѣ найдены, однако-же, совершенно неумѣстными въ печати слѣдующія пословицы: Дѣти отца бьютъ — въ запасъ пасутъ. Мила жена, какъ къ

---

[1]) *Н. Барсуковъ*, н. с., XIII, 239—240.

[2]) *А. Никитенко*, „Дневникъ“, „Рус. Старина“, 1890 г., V, 278—279

вѣнцу ведутъ да какъ вонъ несутъ. Слава Богу! батюшку съ матушкой схоронилъ, какъ съ поля убралъ.

„Во исполненіе объявленнаго мнѣ по этому случаю высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 20-й день сего мая, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство вмѣнить въ обязанность цензорамъ ввѣреннаго вамъ, м. г., учебнаго округа, чтобы впредь они не пропускали въ печать подобныхъ поговорокъ, которыя, едва-ли имѣя какое-нибудь общее въ народѣ распространеніе, столь противны общему патріархальному чувству нашего народа, и которыя, если онѣ и существуютъ дѣйствительно въ какой-нибудь мѣстности, не можетъ, конечно, быть полезно оглашать и вводить чрезъ печать какъ бы въ общее употребленіе“ [1]).

5-го августа министръ снова подтвердилъ „о строгомъ исполненіи вышеозначеннаго высочайшаго повелѣнія, въ особенности же при разсмотрѣніи повременныхъ популярныхъ изданій, съ изъясненіемъ при этомъ, что подобные вышеозначеннымъ *наговоры и волшебныя заклятія*, какъ остатки вреднаго суевѣрія, не имѣющіе и въ ученомъ отношеніи никакого значенія, вовсе не должны быть допускаемы къ печати не только въ періодическихъ изданіяхъ, доступныхъ большому и разнообразному кругу читателей, но даже и въ сборникахъ и книгахъ, составляемыхъ съ ученою цѣлью и предназначенныхъ для образованнаго класса публики [2]).

Но, по всей вѣроятности, эти два распоряженія исполнялись недостаточно точно и строго, потому что 24-го сентября, по распоряженію комитета 2-го апрѣля, министромъ было приказано: „Народныя пѣсни, предаваемыя печати, должны быть подвергаемы столь же осмотрительной цензурѣ, какъ и всѣ другія произведенія словесности; не должны быть допускаемы такія, въ которыхъ воспѣвается развратъ, позорящій и разрушающій семейный бытъ, ибо желательно, чтобы подобныя пѣсни, если онѣ точно живутъ въ народѣ, искоренялись даже въ самыхъ его преданіяхъ, а не поддерживались и обновлялись въ памяти появленіемъ ихъ въ печати, въ особенности въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ [3])“.

22-го іюля предписывалось: „во всѣхъ случаяхъ, когда въ какомъ-либо сочиненіи, издаваемомъ въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ, дѣлаются выписки мѣстъ или текстовъ изъ св. книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, на какомъ бы то языкѣ ни было, должно быть означаемо подъ каждою такою выпиской указаніе на книгу, главу и стихъ, откуда она заимствована“ [4]).

Въ этомъ же году очень смѣшной инцидентъ произошелъ съ словаремъ Рейфа. Одинъ цензоръ, имѣя въ виду распоряженіе о строгомъ изъятіи изъ словарей всего „непристойнаго“, очень не поцеремонился съ словаремъ Рейфа, исчеркавъ тамъ чуть ни половину; между прочимъ не пропущено было слово Litanej, переведенное „литія, молебенъ, скучный разсказъ“. Издатель жаловался главному управленію и объяснилъ, что хуже будетъ, если русскій ученикъ, встрѣтивъ на нѣмецкомъ языкѣ это слово въ смыслѣ „скучнаго разсказа“, станетъ переводить его словами „литія, молебенъ“. Но главное управленіе не вняло голосу разума...

---

[1]) „Сборникъ постановленій etc“, 294—295.
[2]) Ibidem. 296.
[3]) Ibidem, 297.
[4]) Ibidem, 295.

Очень любопытенъ фактъ защиты комитетомъ 2 апрѣля Н. С. Тихонравова. Послѣдній помѣстилъ въ „Отеч. Запискахъ" статью о гр. Ѳ. В. Растопчинѣ. Погодинъ увидѣлъ въ ней кражу своихъ архивныхъ документовъ и написалъ объ этомъ въ „Москвитянинѣ". Полемика послужила поводомъ для письма Корфа Норову, набросаннаго собственноручно карандашемъ:

„Въ іюльской книжкѣ „Москвитянина" напечатаны «Два слова о письмахъ гр. Ѳ. В. Растопчина, помѣщенныхъ въ статьѣ (въ „Отеч. Запискахъ") г. Тихонравова». Въ сихъ „Двухъ словахъ", подписанныхъ М. П., т. е. Михаиломъ Погодинымъ, издателемъ „Москвитянина", разсказывается, что онъ, т. е. г. Погодинъ, эти самыя письма получилъ года три тому назадъ отъ сына гр. Растопчина и приготовилъ ихъ къ печати съ своимъ предисловіемъ, но не могъ ихъ издать, и они остались въ его бумагахъ. За симъ г. Погодинъ продолжаетъ: г. Тихонравовъ, которому я сообщилъ и прочее. Я не нахожу и не считаю себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе справедливости дѣлаемыхъ здѣсь г. Тихонравову упрековъ, по степени основанія, какое имѣлъ г. Погодинъ назвать его поступокъ *англійскимъ* маневромъ (при принятомъ нынѣ понятіи этого выраженія), хорошимъ *призомъ* и пр. Но по кругу дѣйствія, возложенному высочайшимъ довѣріемъ на комитетъ 2 апрѣля, я нахожу прямою своею обязанностью замѣтить, что эти упреки, выходящіе изъ предѣловъ того, что принадлежитъ собственно къ дозволенной литературной критикѣ и полемикѣ, бывъ сдѣланы гласно черезъ печать и передъ всею публикою, не могутъ и по сущности ихъ, и по формѣ не быть почтены за оскорбленіе г. Тихонравова, а въ семъ отношеніи законы наши совершенно положительны: цензурный уставъ запрещаетъ пропускать въ печать такія сочиненія, въ которыхъ оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіями, а узаконеніе 1845 г. (ст. 1308 и 2020) подвергаетъ извѣстнымъ, соразмѣрнымъ степени виновности наказаніямъ, какъ цензора, нарушившаго сіе правило, такъ и того, кто составилъ и распространилъ, хотя и не заключающее въ себѣ прямой клеветы, но ругательное и явно оскорбительное для чести частнаго лица сочиненіе. Вслѣдствіе того, я полагалъ бы, обративъ на помѣщенную въ „Москвитянинѣ" статью г. Погодина вниманіе министра народнаго просвѣщенія, предоставить дѣло сіе, въ дальнѣйшемъ онаго ходѣ, его дѣйствію и распоряженію".

Очевидно, третировать Норова карандашомъ писанными бумагами—что, особенно по тогдашнимъ канцелярскимъ нравамъ, было явною невѣжливостью—Корфу предоставляли возможность его собственная сильная позиція и неумѣніе министра просвѣщенія поставить себя какъ слѣдовало... Норовъ въ тотъ же день отвѣчалъ ему: „Вслѣдствіе предварительнаго объясненія моего съ вами, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что я предложилъ г. управляющему московскимъ учебнымъ округомъ сдѣлать замѣчаніе цензору Раевскому за одобреніе къ напечатанію въ „Москвитянинѣ" статьи г. Погодина: «Два слова о письмахъ гр. Растопчина», содержащей въ себѣ выраженія, оскорбительныя для г. Тихонравова" [1]).

Не менѣе оригинально распоряженіе Норова 7 октября: „Сочиненія и статьи, относящіяся къ смутнымъ явленіямъ нашей исторіи, какъ-то: къ временамъ Пу-

---

[1]) *Н. Барсуковъ*, н. с., XIII, 263—265.

гачева, Стеньки Разина и т. п., и напоминающія общественныя бѣдствія и внутреннія страданія нашего отечества, ознаменованныя буйствомъ, возстаніями и всякаго рода нарушеніями государственнаго порядка, *при всей благонамѣренности авторовъ и самыхъ статей ихъ*, неумѣстны и *оскорбительны для народнаго чувства*, и оттого должны быть подвергаемы строжайшему цензурному разсмотрѣнію и не иначе быть допускаемы въ печать, какъ съ величайшею осмотрительностью, избѣгая печатанія оныхъ въ періодическихъ изданіяхъ" [1]). Какъ это напоминаетъ древнюю индійскую легенду о храмѣ, входъ въ который былъ совершенно безпрепятственъ, а желавшій выйти, подвергался немедленной смертной казни...

Норовъ приближаетъ къ себѣ Никитенко. Послѣдній настаиваетъ на уничтоженіи комитета 2 апрѣля. Ходъ этой политики. Резолюція государя.

Правой, хотя и неофиціальной, рукой Норова скоро, послѣ его назначенія на постъ министра, сдѣлался Никитенко. Человѣкъ этотъ, вовсе не склонный совершенно освободить печать отъ цензуры, много, однако, хлопоталъ, чтобы такъ или иначе ее обезвредить, и нельзя не сказать, чтобы не успѣлъ повліять на министра. Послѣдній поручалъ ему составлять болѣе важные доклады, темы и содержаніе которыхъ сплошь и рядомъ были подсказаны самимъ Никитенкомъ. Никитенку же обязанъ Норовъ рѣшимостью итти на закрытіе комитета 2 апрѣля. Благодаря ему, министръ, наконецъ, узналъ, какъ смотрѣли общество и журналисты на это учрежденіе, какой развратъ вносило оно своимъ давленіемъ и въ литературу и въ цензуру.

17 декабря 1853 года Никитенко уже записываетъ: „Съ девяти часовъ утра и до половины четвертаго, почти не вставая съ мѣста, работалъ надъ составленіемъ важной записки для государя. Дѣло идетъ о сліяніи комитета 2 апрѣля съ главнымъ управленіемъ цензуры. Это смѣлый шагъ. Комитетъ дѣлаетъ много зла. Абрамъ Сергѣевичъ хочетъ предварительно показать записку графу Д. Н. Блудову, который тоже весьма не одобряетъ дѣйствій комитета" [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Никитенко ведетъ атаку и съ другого фланга: по его настоянію, Норовъ испрашиваетъ соизволеніе государя „представлять ему каждую треть года вѣдомость о лучшихъ русскихъ сочиненіяхъ и даже переводныхъ, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія и съ указаніемъ ихъ достоинствъ, чтобы государь видѣлъ, что въ нашемъ умственномъ мірѣ не однѣ гадости творятся, какъ ему постоянно доноситъ пресловутый комитетъ 2 апрѣля" [3]). Соизволеніе было дано 18 февраля 1854 года.

Но Норовъ то и дѣло колеблется въ разныя стороны и Никитенку стоитъ не мало труда и политики, держать его въ разъ принятомъ направленіи. Все

[1]) „Сборникъ постановленій etc", 298. 1854-мъ годомъ закончилъ краткій обзоръ дѣятельности комитета 2 апрѣля Усовъ, въ статьѣ „Изъ моихъ воспоминаній" („Истор. Вѣстникъ" 1883 г., V); я потому не указывалъ на нее и не обращалъ вниманіе на ошибки сего „воспоминателя", что всѣ воспоминанія его по этому вопросу можно съ гораздо большимъ удобствомъ найти въ нѣкоторыхъ изъ цитируемыхъ мною офиціальныхъ источникахъ, на которыя имъ не только никогда не дѣлалось указаній, но придалъ имъ видъ личныхъ документовъ...

[2]) „Дневникъ", „Рус. Старина", 1890 г., IV, 47.

[3]) Ibidem, V, 272—273.

обусловливалось настроеніемъ Николая I, которое, въ свою очередь, зависѣло уже отъ хода севастопольской кампаніи...

Въ октябрѣ государю былъ представленъ списокъ лучшихъ произведеній нашей учено-литературной дѣятельности съ января. Набралось... 16 сочиненій!.. И эту смѣшную цифру отнюдь нельзя объяснять исключительно строгимъ судьей—Никитенкомъ. Было, конечно, и это, но гораздо важнѣе другое обстоятельство: поразительная скудость книжнаго рынка вообще. Не ошибался руководитель Норова, когда писалъ въ сентябрѣ 1854 года: „у насъ вовсе не выходитъ никакихъ книгъ, а какъ и сборники запрещены [1]), то литература наша въ полномъ застоѣ. Только и есть, что журналы: «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Библіотека для Чтенія», «Москвитянинъ» и «Пантеонъ». Но и въ нихъ большею частью печатаются жалкія, безцвѣтныя вещи“ [2]).

Здѣсь кстати будетъ справка о количествѣ періодическихъ изданій, выходившихъ въ теченіе восьмилѣтнихъ подвиговъ комитета 2 апрѣля.

Въ 1847 г. цензурѣ министерства просвѣщенія подчинены были 55 изданій, которыя можно, иногда съ очень большой натяжкой, разсматривать, какъ болѣе или менѣе общія или, если и спеціальныя, то издававшіяся частными лицами или обществами. Въ 1848 г. прибавилось только одно частное общее изданіе—„Сѣверное Обозрѣніе“, и въ 1849 годъ мы, такимъ образомъ, перешли съ 56 органами. Цифра эта оставалась и въ 1850 г., но взамѣнъ двухъ прекратившихъ свое существованіе, создались: „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“, Н. П. Калачова и „Журналъ для Дѣвицъ“ —„Лучи“. Въ 1851 г. началъ выходить „Русскій Художественный Листокъ“, въ 1852 г.—„Репертуаръ Русской сцены“; въ 1853 и 1854 гг. не прибавилось ни одного болѣе или менѣе общаго изданія. Вообще же цифра изданій политическихъ, общественныхъ и литературныхъ въ періодъ 1848—55 гг. колебалась въ предѣлахъ 20—15... [3]).

Не вѣря твердости „стараго младенца“, Никитенко придумалъ еще способъ обезвредить по возможности цензуру—составленіе особыхъ цензорскихъ наказовъ. Это, по его мнѣнію, уяснило бы цензорамъ „чего держаться“ и обуздало бы „ихъ произволъ, часто невѣжественный и эгоистичный“, произволъ, которымъ, какъ мы видѣли, не былъ какъ будто доволенъ и комитетъ 2 апрѣля. Норовъ согласился и на это. Никитенко принялся за работу. 20 декабря министръ подалъ, наконецъ, государю записку о сліяніи комитета съ главнымъ управленіемъ цензуры. Николай I сказалъ ему: „Дай мнѣ это самому прочесть и обдумать“ [4]).

---

[1]) Въ 1853 году, какъ я уже говорилъ, послѣдовало распоряженіе о подчиненіи изданія сборниковъ правиламъ о періодическихъ изданіяхъ.

[2]) „Дневникъ“, „Рус. Старина“, 1890 г., V, 279.

[3]) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1862 г., III; *Н. М. Лисовскій* „Рус. період. печать 1703—1894 гг.“, Спб., 1895 г. I; *Его-же*—„Періодическая печать въ Россіи, 1703—1903 гг.“ („Литер. Вѣстникъ“, 1902 г., VIII).

[4]) „Дневникъ“, „Рус. Старина“, 1890 г., V, 289.

1855 годъ.

18 февраля 1855 года императоръ Николай I скончался.

Новому государю было не до цензуры: Севастополь привлекалъ все его вниманіе, тамъ рѣшалась битва Востока съ Западомъ...

Никитенко не оставлялъ въ покоѣ Норова. 30 марта онъ записалъ:

„Былъ по утру у министра. Говорилъ о дѣлахъ. Онъ сказалъ, что меня ожидаютъ нѣсколько важныхъ дѣлъ. Я представилъ ему, что прежде всего надо заняться цензурою, ибо можетъ случиться, что государь самъ объ этомъ вспомнитъ, такъ чтобы у насъ все было готово. Авраамъ Сергѣевичъ съ жаромъ ухватился за эту мысль и просилъ меня заняться теперь исключительно инструкціей цензорамъ. Итакъ, надо всего себя погрузить въ это дѣло. Предметъ важный. Настаетъ пора положить предѣлъ этому страшному гоненію мысли, этому произволу невѣждъ, которые дѣлали изъ цензуры съѣзжую и обращались съ мыслями, какъ съ ворами и съ пьяницами"... [1]).

А 3 апрѣля:—„Авраамъ Сергѣевичъ вдругъ заспѣшилъ съ проектомъ цензурной инструкціи, а дѣло такое, что его и въ мѣсяцъ усидчивой работы не сдѣлаешь. А я началъ еще недавно. Впрочемъ, сегодня я прочелъ ему уже все сдѣланное—около половины цѣлаго. Пришелъ въ восторгъ, обнималъ. «Я многаго ожидалъ отъ васъ,—сказалъ онъ,—но это превзошло мои ожиданія». Отлично, подумалъ я, но прочно-ли? Положено представить государю сначала какъ бы вступительную записку о цензурѣ и о необходимости дать ей болѣе разумное направленіе, а затѣмъ и инструкцію.

— „Одна только бѣда,—замѣтилъ Авраамъ Сергѣевичъ,—что нынѣшніе цензора не въ состояніи будутъ слѣдовать правиламъ, которыя вы имъ предлагаете.

— „Неужели же,—отвѣчалъ я—вы думаете ихъ оставить на службѣ? Съ ними, конечно, ничего не пойдетъ. Но если улучшать цензуру, то необходимо и отставить нынѣшнихъ цензоровъ, по совершенной ихъ неспособности, и замѣнить ихъ лучшими людьми. На эти мѣста болѣе, чѣмъ на другія, необходимо сажать умныхъ людей. Надо рѣшительно принять за правило, что неимѣющій какой-нибудь, хотя кандидатской степени, не можетъ быть цензоромъ.

„Рѣшено: какъ скоро государь утвердитъ инструкцію, отставить нынѣшнихъ цензоровъ и опредѣлить новыхъ. Въ этомъ случаѣ я позволяю себѣ дѣйствовать на пользу общую со вредомъ для нѣкоторыхъ. Да и надо сказать: въ самомъ дѣлѣ, кто велѣлъ этимъ господамъ принимать на себя бремя не по силамъ? Жалованье, вотъ, хорошее. А, вѣдь, сколько надѣлано гадостей, глупостей и, что

---

[1]) Ibidem, VI, 613—614.

хуже всего, подлостей! Иногда доходитъ до того, что не чувствуешь ни малѣйшаго сожалѣнія ко всѣмъ этимъ Елагинымъ, Ахматовымъ, Пейкерамъ, Шидловскимъ. Ихъ набрали Шихматовъ и Мусинъ-Пушкинъ. Елагинъ завѣдывалъ конюшнею у Шихматова. Ахматовъ, казанскій помѣщикъ, сдѣланъ цензоромъ потому, что его начальникъ ему долженъ, а Берте ему родственникъ".

6 апрѣля Никитенко отдалъ Норову записку о цензурѣ для представленія при личномъ его докладѣ государю [1]).

Но Норовъ—всегда былъ Норовъ. 13 апрѣля Никитенко съ грустью заноситъ въ свой „Дневникъ":

„Сейчасъ отъ министра. У него былъ личный докладъ государю. Не знаю, почему Авраамъ Сергѣевичъ далъ направленіе дѣлу о цензурѣ не то, какое мы съ нимъ порѣшили послѣ нашего совѣщанія. Вмѣсто того, чтобы прочесть государю заготовленную записку, онъ на словахъ объяснилъ ему дѣло: вышло не то, что могло и чему слѣдовало выдти. Министръ налегъ на комитетъ 2 апрѣля, но не выразилъ основаній его зловредности, которыя были изложены въ запискѣ. Государь отвѣчалъ, что такъ какъ онъ, министръ, теперь самъ членъ этого комитета, то послѣдній уже не можетъ быть такъ вреденъ. Объ инструкціи (цензорамъ) Авраамъ Сергѣевичъ вовсе не упомянулъ, а между тѣмъ это было необходимо. Боюсь, чтобы дѣло не было испорчено" [2]).

И пока преимущественное вниманіе правительства обращалось на войну, Никитенко велъ атаку на цензоровъ, убѣжденный, что этимъ онъ вливаетъ новое вино въ еще неизношенные мѣха... Въ маѣ проектъ наказа цензорамъ былъ конченъ, представленъ въ главное управленіе цензуры и не могъ быть измѣненъ безъ предварительныхъ переговоровъ съ авторомъ, теперь уже не полагавшимся на Норова, особенно, въ виду замѣченнаго какъ будто не очень-то большого расположенія къ министру со стороны новаго государя...

Севастополь сданъ... Пробужденное общество ждетъ раскрѣпощенія мысли и человѣка. „Дума русскаго" П. А. Валуева.

Но вотъ настатъ день расплаты за прошлое: Россія узнала о своемъ пораженіи. Севастополь сданъ... Передъ русскимъ обществомъ, загипнотизированнымъ „вездѣ обстоящимъ всеблагополучіемъ", встаетъ въ образахъ это страшное недавное прошлое... Первое движеніе—бѣжать безъ оглядки отъ этого благополучія...

На вопросы: „какъ же это? почему? кто виноватъ?"—отвѣтъ былъ одинъ: крѣпостничество мысли и крестьянъ. Этимъ опредѣлялось желаемое начало ожидаемой новой жизни.

Даже такіе люди, какъ М. А. Дмитріевъ и кн. П. А. Вяземскій, уже явно не мирились съ существовавшимъ надъ печатью гнетомъ. Вотъ что писалъ первый изъ нихъ Погодину: „Ко мнѣ пишутъ, что хотятъ пересмотрѣть цензурный уставъ. Этого мало! Надобно сдѣлать, чтобы не было министерскихъ предписаній, которыми одними руководствуются цензоры, оставляя уставъ безгласнымъ. Надобно кому-нибудь открыть государю, что въ прошедшее царствованіе предпи-

[1]) Ibidem, 615—616.
[2]) Ibidem, 618.

саніе, подписанное министромъ. было выше устава, подписаннаго государемъ"... [1]) Читатели знаютъ то, чего не зналъ хорошо Дмитріевъ и многіе его современники, знаютъ источникъ министерскихъ предписаній, всегда слово въ слово повторявшихъ распоряженія своихъ верховныхъ негласныхъ ревизоровъ.

Наиболѣе замѣтнымъ для бюрократическихъ сферъ протестомъ противъ стараго уклада жизни должна, несомнѣнно, считаться „Дума русскаго", написанная курляндскимъ губернскимъ (тогда еще не графомъ) П. А. Валуевымъ, сбросившимъ, со смертью Николая I, въ мигъ личину всѣмъ довольнаго подданнаго. Никому и въ голову не приходило тогда смотрѣть на эту статью, ходившую въ тысячахъ списковъ, какъ на начало быстрой карьеры лукаваго царедворца. Всѣ видѣли въ ней искренній вопль человѣка, преданнаго родинѣ, многіе ожидали съ тревогой, что вотъ-вотъ автора уберутъ. Умъ Валуева подсказалъ ему, что протестъ этотъ найдетъ сочувствіе массы, и онъ не ошибся. Лесть, щедро разсыпанная въ „Думѣ" по адресу великаго князя Константина Николаевича, тонула въ тотъ моментъ въ мысляхъ дѣйствительно общихъ всей Россіи.

Я не буду подробно останавливаться на „Думѣ русскаго", но кое-какія выдержки изъ нея сдѣлаю.

Отмѣтивъ единодушную ненависть Европы къ Россіи, Валуевъ спрашивалъ: „Чѣмъ стяжали мы себѣ столькихъ враговъ? Неужели однимъ только нашимъ величіемъ? Но гдѣ это величіе? Гдѣ силы наши? Гдѣ завѣтъ прежней славы и прежнихъ успѣховъ? Гдѣ превосходство войскъ нашихъ, столь стройно грозныхъ подъ Краснымъ Селомъ?".... „Было-ли съ нами и сопровождаетъ-ли насъ теперь благословеніе Божіе? Мы всѣ, царь и народъ, усердно призывали Бога на помощь. Въ монаршихъ воззваніяхъ приводились тексты изъ Св. Писанія; въ отзывахъ разныхъ сословій на эти воззванія выражалась увѣренность въ Божіемъ покровительствѣ; архипастыри нашей церкви, при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, обѣщали намъ побѣду надъ врагами. Но событія доселѣ не оправдали архипастырскихъ обѣщаній. Благословеніе Божіе не знаменуется бѣдствіями. Напротивъ того, не должны-ли мы видѣть въ нашихъ неудачахъ испытаніе и наставленіе, свыше намъ ниспосланныя? Россія мужественно переноситъ испытаніе. Она безропотно напрягаетъ къ тому всѣ свои силы, но внемлетъ-ли она наставленію и извлечетъ-ли изъ него пользу? Вопросъ о причинахъ, объясняющихъ наши неудачи и нынѣшнее затруднительное положеніе нашего отечества, естественно возникаетъ въ сердцѣ каждаго русскаго".

И авторъ понималъ, что вся суть въ темпѣ общественной жизни. Съ плохо скрываемой ироніей говорилъ онъ:

„Европу колебали, нѣсколько лѣтъ сряду, внутренніе раздоры и мятежи; мы наслаждались ненарушимымъ спокойствіемъ. Несмотря на то, гдѣ развивались въ продолженіе этого времени быстрѣе и послѣдовательнѣе внутреннія и внѣшнія силы?" А на вопросъ: „благопріятствуетъ-ли развитію духовныхъ и вещественныхъ силъ Россіи нынѣшнее устройство разныхъ отраслей нашего государственнаго управленія?" Валуевъ отвѣчалъ: „Отличительныя черты его заключаются въ повсемѣстномъ недостаткѣ истины, въ недовѣріи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому. Многочисленность

[1]) *Н. Барсуковъ*, н. с., XIV, 12.

формъ подавляетъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую офиціальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное; вездѣ пріобрѣтены успѣхи; вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды,—и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блескъ; внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего офиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Она затаена между строками; но кто изъ офиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочія!"

Переходя къ вопросу, наиболѣе насъ въ данную минуту интересующему, къ сдавленности мысли и слова, Валуевъ прямо говорилъ:

„...Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе сѣять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вмѣсто ознаменованія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей. Пренебреженіе къ каждому изъ насъ въ особенности и къ человѣческой личности вообще водворилось въ законахъ" [1]).

Теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, и то „Дума" производитъ извѣстное впечатлѣніе, каково же оно должно было быть тогда?! А обстоятельства еще его муссировали: въ своемъ извѣстномъ декабрьскомъ приказѣ по морскому вѣдомству, в. к. Константинъ Николаевичъ, назвавъ ее „весьма замѣчательной запиской о нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Россіи", цитировалъ „Думу русскаго" и требовалъ впредь правды по своему министерству...

Принятый въ салонахъ великаго князя и великой княгини Елены Павловны, Валуевъ развивалъ свои мысли детальнѣе и шелъ дальше. Но когда въ дневникѣ своемъ, 20 октября 1855 года, онъ спрашивалъ: „что у насъ теперь прежде всего желательно?" то тутъ же отвѣчалъ: „преобразованіе цензуры"; когда писалъ тамъ: „каждый министръ выражаетъ полное сочувствіе печатному слову, но проситъ только изъять свое вѣдомство" [2]) онъ говорилъ то же, что и въ „Думѣ русскаго", онъ повторялъ общій голосъ передового общества.

Очевидно, все это не могло не оказать вліяніи и на государя. Хотя онъ былъ „видимо удрученъ войною", и „дѣла, неотносящіяся къ ней, слушалъ не съ полнымъ вниманіемъ, спѣшилъ и многаго не рѣшался брать на себя, боясь ошибиться" [3]),— но съ помощью вел. кн. Константина Николаевича, Норова, Блудова и другихъ имѣлъ возможность узнать, какое отвращеніе внушалъ къ себѣ комитетъ 2 апрѣля и установленный имъ цензурный режимъ.

Корфъ ходатайствуетъ о... закрытіи комитета 2 апрѣля. Утвержденіе его доклада.

У насъ есть одно очень существенное доказательство, что Александръ II былъ близокъ къ упраздненію комитета: перемѣна убѣжденій бар. Корфа. Кто бы

---

1) „Рус. Старина", 1891 г., V, 349—359.
2) „Рус. Старина", 1891 г., V, 340.
3) *А. Никитенко*, „Дневникъ", „Рус. Старина", 1890 г., VI, 623.

могъ думать, что онъ, этотъ косвенный создатель эпохи цензурнаго террора, теперь, когда ни въ писателяхъ, ни въ литературѣ не произошло измѣненій въ сторону большей благонамѣренности, вдругъ подпишетъ смертный приговоръ своему собственному дѣтищу!..

Корфъ представилъ государю всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ, изложивъ вкратцѣ исторію дѣятельности комитета, между прочимъ, писалъ:

„Въ настоящее время, послѣ восьмилѣтняго почти существованія комитета, дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„1) Въ писателяхъ и цензорахъ окончательно водворена та весьма дѣйствительная увѣренность, что надъ ними всегда, неусыпно, неослабно дѣйствуетъ глазъ правительства.

„2) Цензурныя постановленія приведены въ должную опредѣлительность и средства цензуры усилились и обезпечены въ полную соотвѣтственность кругу ея дѣйствій.

„3) Во главѣ министерства народнаго просвѣщенія находится лицо, пользующееся монаршимъ довѣріемъ. При семъ новомъ высшемъ управленіи, цензура, въ настоящемъ ея устройствѣ, дѣйствуетъ и безъ всякаго сторонняго вліянія съ такою бдительностію, что вмѣсто сотенъ прежнихъ замѣчаній, въ нынѣшнемъ году былъ комитету поводъ всего лишь къ двумъ и то по предметамъ маловажной неосмотрительности, на которые, одновременно съ комитетомъ, было обращено вниманіе и со стороны министерства.

„Въ семъ положеніи не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что комитетъ 2-го апрѣля, существовавшій всегда лишь въ видѣ *изъятія* изъ общаго порядка, *окончательно совершилъ свое назначеніе* [1]), и съ минованіемъ вызвавшихъ оный чрезвычайныхъ обстоятельствъ, *становится отнынѣ совершенно излишнимъ* [2]) въ цензурной администраціи звеномъ. Словомъ, что дѣло, по выраженію блаженнаго памяти Государя Императора, *устроилось иначе*. Осмѣлюсь сказать еще болѣе: комитетъ въ настоящее время не только пересталъ быть *полезнымъ*, но и сдѣлался *вреднымъ*. Его вмѣшательство въ дѣла, долженствующія имѣть свой законный ходъ; его посредничество между министерствомъ и верховною властью, *которому нѣтъ примѣра ни въ какой другой части управленія*; этотъ видъ сторонняго надзора и контроля, при несуществованіи болѣе прежнихъ къ тому побужденій,— все сіе вмѣстѣ *вредитъ единству дѣйствія* и власти министра и даже, можетъ быть, иногда усиливаетъ свыше мѣры строгость цензуры, что, конечно, не менѣе противно высочайшимъ видамъ Вашего Императорскаго Величества, чѣмъ и предосудительная ея слабость. Во всѣхъ законодательствахъ принято за основаніе что представленіе авторомъ книги въ цензуру избавляетъ его отъ всякаго личнаго преслѣдованія; опасеніе же авторовъ, что они, несмотря на пропускъ цензора, могутъ подвергнуться взысканію *безъ истребованія отъ нихъ сперва объясненій*, доводитъ иногда до цѣли совершенно противоположной: распространяется *рукописная* литература, гораздо болѣе опасная, ибо она читается съ жадностью, и противъ нея безсильны всѣ полицейскія мѣры“ [3]).

---

[1]) Курсивъ мой.
[2]) Тоже.
[3]) Первоначальный проектъ устава о книгопечатаніи, etc, 53. Рукописная литература была, дѣйствительна, очень широко распространена въ эпоху 1853—55 годовъ.

Плохо, конечно, вѣрится искренности послѣдняго председателя комитета: или онъ поневолѣ влачилъ на своихъ раменахъ это званіе, или не по собственной иниціативѣ составилъ смертный приговоръ своему дѣтищу. Но на первое указаній нигдѣ не встрѣчается... Кромѣ того, очень любопытна и вся аргументація Корфа: оказывается, въ учрежденіи комитета и въ его процвѣтаніи восемь лѣтъ повиненъ... реакціонеръ Уваровъ, прослужившій при немъ полтора года...

Но какъ бы то ни было, 6 декабря 1855 года, комитетъ 2 апрѣля былъ высочайше упраздненъ.

Съ прекращеніемъ его надзора, цензура, разумѣется, сразу почувствовала отсутствіе Дамоклова меча и, въ извѣстной мѣрѣ, поддалась, безсознательно и невольно, духу новыхъ вѣяній. Тѣ времена, когда К. С. Аксаковъ, оканчивая грамматику и ожидая сдачи ея въ цензуру, боялся, что цензоръ не пропуститъ родительнаго падежа, скажетъ: неприлично!—сдѣлались прошлымъ. Чувствовалось, что прошлое это кануло въ вѣчность; что къ нему нѣтъ возврата; что передъ сдавленной русской мыслью стоятъ уже полуотворенныя двери душнаго каземата...

Правда, не прошло шести-семи лѣтъ, какъ общество убѣдилось въ полной невозможности ожидать свободы слова, но, во-первыхъ, это было потомъ, во-вторыхъ, въ данный моментъ важно было сознавать, что учрежденіе, поставившее своимъ девизомъ: „вы всѣ люди вредные, потому что мыслите и печатаете свои мысли"—больше не существуетъ. Ощущеніе радостное, хотя и аналогичное тому, которое испытывается одиночно заключеннымъ въ смрадномъ душномъ казематѣ при выпускѣ „на прогулку"...

Въ заключеніе я считаю безусловно необходимымъ привести мнѣніе о роли комитета 2 апрѣля самого министерства народнаго просвѣщенія, высказанное имъ въ 1862 году, въ вполнѣ офиціальномъ документѣ:

„Господство надъ цензурою комитета 2 апрѣля было крайнимъ напряженіемъ системы запрещенія и предупрежденія. Время это получило въ литературныхъ кругахъ наименованіе «эпохи цензурнаго террора». Но, какъ всякій терроръ, онъ не могъ быть слишкомъ продолжителенъ и пророчилъ поворотъ идей въ другую сторону. Въ самомъ дѣлѣ, новое направленіе, обнаружившееся черезъ нѣсколько лѣтъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, не замедлило коснуться и цензуры, а оживленіе общественной мысли отразилось и на литературѣ. Цензурный терроръ миновалъ; но не оставилъ-ли онъ по себѣ слѣда? Есть люди, которые увѣрены, что продолжительное стремленіе цензуры подчинить себѣ литературу и вести ее на помочахъ произвело ту недовѣрчивость со стороны послѣдней ко всякому сближенію съ правительствомъ, которая въ ней замѣчается въ настоящее время" [1]).

Послѣдующее доказало, что особеннаго „поворота" не произошло и при томъ министрѣ (А. В. Головнинѣ), который всячески старался заручиться популярностью и съ этою цѣлью, между прочимъ, очень подробно остановился на оцѣнкѣ прошлаго...

Впрочемъ, все это уже не входитъ въ настоящій очеркъ.

---

[1]) „Историческія свѣдѣнія etc", 76—77.

Русское „Bureau de la presse“.

Русское „Bureau de la presse“.

Часть I.

Бѣглый взглядъ на цензуру въ 1856—1858 гг. Гоненія Норова противъ стихотвореній Некрасова. Высочайшее повелѣніе о составленіи новаго устава. Изданіе сочиненій Кантемира. Неумѣстность перепечатокъ изъ „Журнала Мин. Внутр. Дѣлъ“. Предѣлъ обсужденія насущныхъ реформъ.

Настоящій очеркъ посвящается изслѣдованію другого очень интереснаго и тоже мало до сихъ поръ извѣстнаго, а между тѣмъ, безусловно характернаго момента изъ исторіи русской печати, именно—опять-таки негласному „комитету по дѣламъ книгопечатанія“, просуществовавшему всего одинъ годъ: съ 24 января 1859-го до 24 января 1860 года.

Но уже самая перемѣна царствованія, не говоря о той грандіозной перемѣнѣ въ настроеніи русскаго общества, которая знаменуетъ собою свѣтлое мгновеніе нашей жизни, называемое не совсѣмъ правильно „шестидесятыми годами“, дѣлаетъ необходимымъ хоть бѣглый взглядъ на условія существованія литературы въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ со дня воцаренія Александра II. Безъ этого не будетъ понятно многое изъ непосредственно входящаго въ тему этого очерка.

Я уже говорилъ (стр. 306), что императоръ Александръ II, занятый севастопольской кампаніей и вопросами ближайшимъ образомъ съ ней соприкасавшимися, въ 1855 году почти не обращалъ вниманія на литературу и цензуру, предоставивъ имъ итти по старому пути. Въ началѣ декабря былъ упраздненъ комитетъ 2 апрѣля 1848 года и, конечно, даже пессимистически настроенные элементы видѣли въ этомъ начало новой эпохи для печатнаго выраженія общественной мысли. Они понимали, разумѣется, всю неосновательность надеждъ оптимистовъ на какія-бы то ни было коренныя, серьезныя реформы въ этомъ направленіи; видѣли отсутствіе для этого и людей и настроенія въ бюрократическихъ верхахъ; чувствовали присутствіе кругомъ еще крѣпкихъ столповъ рухнувшаго желѣзнаго тридцатилѣтія,—но, повторяю, все-таки, не могли не привѣтствовать этой мѣры, какъ заключенный въ казематѣ, при всей своей пессимистической сдержанности, не можетъ не привѣтствовать своего перевода въ общую камеру.

Кто оказался правъ, не оптимистичны-ли были даже и пессимисты, что дало новое царствованіе русской печати—все это вопросы и очень обширные и очень серьезные, чтобы разрѣшить ихъ здѣсь, въ бѣгломъ обзорѣ 1856—58 годовъ и въ сравнительно детальномъ освѣщеніи 1859-го. Для этого нужно очень подробно разсмотрѣть все первое десятилѣтіе царствованія Александра II, увѣнчавшееся

закономъ 6 апрѣля 1865 года, по непонятной, ни на чемъ не основанной и непростительной исторической ошибкѣ все еще называемомъ звеномъ „эпохи *великихъ* реформъ“...

Остановившись ниже исключительно на неопровержимыхъ фактахъ, я надѣюсь, однако, что, абрисъ отвѣтовъ на всѣ эти вопросы будетъ готовъ..

Въ 1856 г. Некрасовъ выпустилъ свои стихотворенія. Министръ просвѣщенія Норовъ, подстрекаемый добровольцами, въ которыхъ и въ новое царствованіе не было, конечно, недостатка, пригласилъ поэта и въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ сдѣлалъ ему строгое внушеніе. Некрасовъ не полѣзъ за словомъ въ карманъ... Въ результатѣ послѣдовало извиненіе [1]). Но на другой день Норову внушили, что онъ напрасно это сдѣлалъ, что сочиненія Некрасова дѣйствительно вредны. Норовъ вторично пригласилъ Николая Алексѣевича, снова накричалъ на него, а на слѣдующій день предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета получилъ слѣдующую бумагу, скрѣпленную подписью министра:

„Въ Москвѣ, съ разрѣшенья цензора с.-петербургскаго цензурнаго комитета, ст. сов. Бекетова, напечатаны нынѣ „Стихотворенія Н. Некрасова“. Большая часть ихъ была уже прежде отпечатана въ разныхъ изданіяхъ, нѣкоторыя, какъ объяснено въ ноябрьской книжкѣ журнала „Современникъ“ за сей годъ. пополнены противу прежнихъ; и наконецъ, нѣсколько, стихотвореній не было доселѣ напечатано.

„Многія изъ этихъ стихотвореній, *особенно если судить о нихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ и въ совокупности*, могутъ подать поводъ къ различнымъ толкамъ и возбудить въ общественномъ мнѣніи удивленіе и неблагопріятныя впечатлѣнія. Отъ цензуры, конечно, не требуется, чтобы она вездѣ и всегда усиливалась отыскивать сокрытый смыслъ, или въ каждомъ общемъ выраженіи видѣть умышленное и обвинительное приложеніе къ существующему порядку; но между тѣмъ, цензура должна быть предусмотрительна, проницательна и догадлива. Она должна знать публику *и не допускать до печати все, что публика можетъ толковать въ дурную сторону* [2]). Напримѣръ, въ стихотвореніи «Гражданинъ и поэтъ» [3]), конечно, не явно и не буквально, выражены мнѣнія и сочувствія неблагонамѣренныя. По всему ходу стихотворенія и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ выраженіямъ нельзя не признать, что можно придать этому стихотворенію смыслъ и значеніе самые превратные. Такъ:

«Въ ночи, которую теперь
Міръ доживаетъ боязливо,
Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо,—
Ты твердо свѣточъ свой держалъ;
Но небу было неугодно,
Чтобъ онъ подъ бурей запылалъ [4]).
Пусть освѣщая всенародно»

---

[1]) *М. Поповъ*, „Мелкіе разсказы“, „Рус. Старина“, 1896 г., III, 558.
[2]) Неотмѣненный уставъ 1828 г., наоборотъ, требовалъ только согласованія цензора съ явнымъ смысломъ рѣчи.
[3]) Ошибка: „Поэтъ и гражданинъ“.
[4]) Курсивъ подлинника.

„и далѣе:

«Иди въ огонь за честь отчизны,
За убѣжденье, за любовь,
Иди и гибни безупречно—
Умрешь не даромъ: *дѣло прочно,*
Когда подъ нимъ струится кровь»...[1]).

„Между тѣмъ, въ этой книгѣ встрѣчаются такія стихотворенія и такіе стихи, надъ которыми не нужно и призадуматься, чтобы опредѣлить и оцѣнить ихъ неприличіе и неумѣстность. Стоитъ только ихъ прочесть, чтобы убѣдиться. что допускать ихъ къ печати не слѣдовало. Такова, между прочимъ, «Колыбельная пѣснь». Она уже въ 1846 г. подвергла цензора выговору за ея напечатаніе въ „С.-Петербургскомъ Сборникѣ" въ первый разъ, и потому нельзя было ее перепечатывать безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства. Сюда относится III строфа стихотворенія „Нравственный человѣкъ" или стихи:

«Есть русскихъ множество семей,—
Они какъ будто добры,
Но имъ у крѣпостныхъ людей
Считать не стыдно ребры» [2]).

„Также:

«И врядъ-ли мужиковъ трактуютъ какъ свиней»...

„Не исчисляя всѣ подобныя мѣста, встрѣчающіяся въ стихотвореніяхъ Некрасова, довольно и приведенныхъ здѣсь, чтобы опредѣлить впечатлѣнія, которыя могутъ они произвести на многихъ изъ читателей.

„Перепечатаніе нѣкоторыхъ изъ сихъ стихотвореній въ ноябрьской книжкѣ „Современника", какъ будто бы въ видѣ обзора или вывѣски, есть другая неумѣстность, доказывающая недогадливость или упущеніе цензуры.

„(Дальше слѣдовали очень крутыя мѣры по отношенію къ цензору Бекетову, а затѣмъ:)... Редактору же „Современника" Панаеву, виновному въ перепечатаніи въ сей журналъ нѣсколькихъ предосудительныхъ стихотвореній Некрасова, въ присутствіи комитета объявить, что первая подобная выходка подвергнетъ его журналъ совершенному прекращенію. При томъ покорнѣйше прошу васъ, м. г., сдѣлать по с.-петерб. ценз. комитету распоряженіе, чтобы впредь не было дозволяемо новое изданіе стихотвореній Н. Некрасова и чтобы не были печатаемы ни статьи о сей книгѣ, ни выписки изъ оной" [3]).

Послѣднее распоряженіе было сдѣлано и вообще по всему цензурному вѣдомству...

Такъ, почти спустя два года послѣ вступленія на престолъ Александра II, Норовъ продолжалъ по-старому... Фактъ этотъ получаетъ полное свое освѣщеніе, если припомнить, что писалъ о немъ самъ „Современникъ" въ запискѣ, поданной въ 1862 г. министру просвѣщенія Головнину.

---

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Изъ „Прекрасной партіи".
[3]) „Цензурныя дѣла etc", № 1, т. IV, 2201—2210.

„Менѣе чѣмъ за годъ до обнародованія высочайшихъ рескриптовъ объ освобожденіи крестьянъ — читаемъ тамъ — вышли стихотворенія Некрасова. Всѣ знали въ это время, что правительство готовится уничтожить крѣпостное право. Поэтому Некрасовъ никакъ не могъ думать, что онъ дѣйствуетъ противъ правительства, помѣщая въ своей книгѣ два стихотворенія („Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго“ и „Забытая деревня“), показывавшія крѣпостное право въ невыгодномъ свѣтѣ. Озлобленные намѣреніемъ правительства приверженцы крѣпостного права выставили книгу Некрасова возмутительной, перетолковавъ въ смыслѣ убѣжденія къ мятежу такія мѣста (въ стихотвореніи „Поэтъ и гражданинъ)“, гдѣ просто говорилось объ обязанностяхъ хорошаго гражданина жертвовать жизнью за родину, и, истолковавъ, какъ намекъ на одну высокую личность, другое стихотвореніе („Въ деревнѣ“), бывшее простымъ разсказомъ изъ сельскаго быта. Въ обоихъ толкованіяхъ нелѣпость натяжки была очевидна; но министръ народнаго просвѣщенія растерялся предъ сильными обвинителями; онъ запретилъ говорить о книгѣ Некрасова, а „Современникъ“ заподозрилъ въ желаніи возмущать Россію противъ правительства за то, что одинъ изъ его издателей отважился поэтически порицать крѣпостное право, уничтоженіе котораго, какъ онъ зналъ, было тогда уже рѣшено правительствомъ“ [1]).

Съ конца года государь начинаетъ особенно интересоваться дѣлами цензуры, что ясно изъ высочайшаго повелѣнія, объявленнаго 15 декабря 1856 г. министромъ просвѣщенія: „главному управленію цензуры доводить до высочайшаго свѣдѣнія о важнѣйшихъ по внутренней цензурѣ упущеніяхъ, на которыя обращено будетъ вниманіе главнымъ управленіемъ цензуры“ [2]).

Интересъ этотъ, очевидно, возрасталъ, потому что въ мартѣ 1857 года Норовъ представилъ государю обзоръ современной литературы съ точки зрѣнія цензуры. Предполагая настроеніе государя въ пользу литературы, министръ рѣшился даже, конечно, не безъ вліянія Никитенка, упомянуть въ обзорѣ о необходимости „уяснить и упростить дѣйствія цензуры, возстановивъ нынѣ только нарицательно существующій цензурный уставъ 1828 года и сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія“. Императоръ повелѣлъ: „заняться этимъ безотлагательно и при составленіи новаго цензурнаго устава взять за основаніе, что *разумная бдительность* со стороны цензуры *необходима*“ [3]).

Ниже мы увидимъ, что сдѣлалъ по этому вопросу Норовъ, а теперь продолжимъ краткій обзоръ 1857 года.

Читатель уже знаетъ, что еще въ 1852 г. Ширинскій-Шихматовъ представлялъ Николаю I докладъ объ изданіи сочиненій Кантемира, на которомъ государь написалъ: „согласенъ, но по моему мнѣнію, сочиненій Кантемира ни въ какомъ отношеніи нѣтъ пользы перепечатывать: пусть себѣ пылятся и гніютъ въ заднихъ шкафахъ библіотекъ, гдѣ занимаютъ лишнее мѣсто“. Въ 1857 году, благодаря настоянію Смирдина, снова возникъ тотъ же вопросъ и на подробномъ докладѣ Норова обо всемъ этомъ дѣлѣ, Александръ II положилъ резолюцію: „несогласенъ“ [4])... Сочиненія Кантемира изданы не были...

[1]) „Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры“, 1862 г., стр. 91—92.
[2]) „Сборникъ постановленій etc“, 310.
[3]) „Матеріалы etc“, I, 326—327. Курсивъ подлинника.
[4]) „Цензурныя дѣла etc“, № 1, т. IV, 1590 - 1595.

Съ-началомъ 1857 г. цензурное вѣдомство было передано въ непосредственное завѣдываніе товарищу министра просвѣщенія, кн. П. А. Вяземскому. Уже черезъ два мѣсяца этотъ вовсе не расположенный къ литературѣ управляющій цензурою [1]) дѣлаетъ очень любопытное распоряженіе:

„Г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія предлагаетъ цензурнымъ комитетамъ сдѣлать распоряженіе о неперепечатываніи никакихъ статей изъ отдѣла „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“: „Правительственный указатель“, потому что въ означенномъ отдѣлѣ помѣщаются такія статьи, кои, служа указаніемъ, заключаютъ въ себѣ иногда описанія неправильныхъ и ошибочныхъ дѣйствій мѣстныхъ начальствъ. Въ журналѣ этомъ, какъ органѣ министерства, они приличны, даже необходимы, но перепечатываніе ихъ въ другихъ сочиненіяхъ и періодическихъ изданіяхъ совершенно неумѣстно“ [2]).

Въ серединѣ года, „Русскій Вѣстникъ“ Каткова и „Морской Сборникъ“ помѣстили статьи о безусловной необходимости ввести, наконецъ, гласность въ таинственное дотолѣ судопроизводство. Министръ юстиціи, гр. В. Н. Панинъ, совершенно растерялся отъ такого „радикализма“ и исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о недозволеніи впредь подобныхъ статей, которое и было объявлено 2 ноября 1857 года. Никитенко побудилъ Норова встать на защиту обвиненныхъ журналовъ—и вотъ въ ближайшій свой докладъ министръ, реабилитируя „Русскій Вѣстникъ“ и „Морской Сборникъ“ (что было особенно удобно, потому что послѣдній выходилъ подъ руководствомъ великаго князя Константина Николаевича), заключалъ свой докладъ слѣдующими словами:

„Осмѣливаюсь всеподданнѣйше изъяснить свое мнѣніе, что благонамѣренныя и скромно изложенныя сужденія о предметахъ подобныхъ порядку судопроизводства, могли бы быть у насъ допускаемы не только въ отдѣльныхъ книгахъ и диссертаціяхъ, но и въ журналахъ, имѣющихъ по своей программѣ отдѣлъ наукъ. Такія статьи не должны однако быть облекаемы въ не свойственную имъ форму беллетристическихъ легкихъ статей и являться въ газетахъ, доступныхъ, многочисленнымъ и необразованнымъ читателямъ, которые легко могутъ перетолковать и исказить содержаніе и самой благонамѣренной, но по существу предмета недовольно понятной для нихъ статьи. Безъ сомнѣнія, цензура должна съ особеннымъ тактомъ взвѣшивать достоинства, добросовѣстность и дозволительность сужденій авторовъ по такимъ предметамъ, которые касаются болѣе или менѣе области дѣйствій правительственныхъ учрежденій.

„Никакъ не должно смѣшивать благородное желаніе улучшеній съ *тенденціями* (государемъ подчеркнуто и написано: «Да, но онѣ иногда весьма тѣсно связаны и часто проявляются подъ видомъ улучшеній») къ политическимъ преобразованіямъ.

„Смѣю думать, Всемилостивѣйшій Государь, что великодушная милость, дарованная Вашимъ Величествомъ со вступленіемъ на престолъ, чрезъ дозволеніе

[1]) У нѣкоторыхъ историковъ литературы и цензуры существуетъ убѣжденіе, что кн. Вяземскій очень просвѣщенно смотрѣлъ на свой новый постъ. Да, говорилъ и писалъ онъ объ этомъ много, но распоряженія его, въ большинствѣ случаевъ конфиденціальныя, совершенно шли въ разрѣзъ со всѣми частными разговорами. Бѣлинскій оказался правъ, окрестивъ его очень мѣтко въ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю...

[2]) Вкратцѣ распоряженіе это приведено и въ „Сборникѣ постановленій etc“, на стр. 413.

ученому и литературному сословію выражать съ умѣренною свободою, въ границахъ, начертанныхъ законами, мысли, относящіяся часто до важныхъ государственныхъ предметовъ, безъ порицанія настоящаго порядка, *принесла уже обильные плоды и нельзя сомнѣваться, чтобы такая литературная дѣятельность* (подчеркнуто государемъ и на поляхъ написано: «желалъ бы имѣть это убѣжденіе»), слѣдуя указанному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ путемъ, *не принесла еще вящшей пользы* (подчеркнуто государемъ и на поляхъ написано: «весьма въ томъ сомнѣваюсь»), но что напротивъ того, запретительная система при общемъ теперь стремленіи къ наукѣ, направленной благодаря Бога, на улучшеніе всѣхъ государственныхъ частей, была бы несогласна съ высокими царственными цѣлями Вашего Императорскаго Величества и вызвала бы только размноженіе тайныхъ рукописей и ввозимыхъ изъ-за границы враждебныхъ Россіи сочиненій, и породила бы можетъ быть тайныя общества.

„Не благоугодно-ли будетъ Вашему Величеству высочайше повелѣть, чтобы г.г. министры и главноначальствующіе въ тѣхъ случаяхъ, когда они находятъ причины быть недовольными какими-либо печатаемыми статьями по предмету ихъ вѣдомствъ, предварительно доклада о томъ Вашему Величеству, сносились съ министромъ народнаго просвѣщенія и, если затѣмъ найдутъ нужнымъ доводить о томъ до высочайшаго свѣдѣнія, то присоединяли бы вмѣстѣ съ тѣмъ и полученный отъ министра народнаго просвѣщенія отзывъ“.

„На семъ докладѣ Е. И. В. изволилъ собственноручно написать:

„Подобныя сужденія о вопросахъ государственной и общественной нашей жизни, *весьма часто несогласныя съ моими мыслями*, возбуждая только напрасно умы, *могутъ насъ весьма далеко повести*; вотъ почему возлагаю на вашу обязанность доводить до моего свѣдѣнія *всѣ подобныя статьи*, въ которыхъ проявляются стремленія къ нововведеніямъ, дабы я могъ судить о нихъ и останавливать тѣ, кои сочту вредными. Ту же обязанность возлагаю на прочихъ гг. министровъ, каждому по своей части, и требую, чтобы они доносили *прямо мнѣ*, о чемъ и прошу ихъ увѣдомить“ [1]).

Результатомъ такого исхода дѣла явилось секретное предложеніе Норова 14 ноября 1857 года:

„Съ нѣкотораго времени начали появляться въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ сужденія слишкомъ смѣлыя, касающіяся вопросовъ государственныхъ и также стремящіяся къ нововведеніямъ. Эти сужденія весьма часто несогласны съ видами правительства. Конечно, не надлежитъ смѣшивать благородныя желанія улучшеній съ *тенденціями* къ политическимъ преобразованіямъ; но сіи послѣднія нерѣдко облекаютъ въ благовидныя наружныя формы и потому гг. цензоры обязаны съ неослабною прозорливостью вникать въ духъ сочиненій, и, покровительствуя наукѣ, не давать хода вреднымъ умозрѣніямъ“ [2]).

Опуская всѣ распоряженія цензурнаго вѣдомства по обсужденію крестьянскаго дѣла, съ которыми читатель вполнѣ можетъ ознакомиться въ трудахъ по этой самой важной реформѣ В. И. Семевскаго, И. И. Иванюкова и другихъ изслѣдователей, перехожу къ 1858 году.

---

[1]) „Цензурныя дѣла etc“., № 1, т. II, 625—648. Курсивъ подлинника.
[2]) „Сборникъ постановленій etc“, 418.

Учрежденіе спеціальныхъ цензоровъ. Гр. В. Н. Панинъ и К. В. Чевкинъ, какъ гонители гласности.

Въ ряду мѣропріятій 1858 года самое важное значеніе имѣло распоряженіе 25 января, изданное по обсужденіи его въ совѣтѣ министерствъ.

Во-первыхъ, оно устанавливало слѣдующія правила для разсмотрѣнія и дозволенія къ печати статей, касающихся современныхъ государственныхъ вопросовъ и правительственныхъ распоряженій вообще:

„1) статей, гдѣ будутъ разбирать, осуждать и критиковать распоряженія правительства, къ напечатанію не допускать;

„2) всѣ сочиненія и статьи, чисто ученыя, теоретическія, историческія и статистическія, гдѣ будутъ разбираться и разсматриваться эти вопросы, дозволять печатать какъ отдѣльными книжками, такъ и во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, съ тѣмъ только: а) чтобы при пропускѣ всѣхъ подобнаго рода статей и сочиненій въ точности соблюдались общія правила, цензурнымъ уставомъ предписанныя; б) чтобы обращено было особое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія и г) статьи, писанныя въ духѣ правительства, допускать къ печатанію во всѣхъ журналахъ“.

Во-вторыхъ, устанавливался совершенно новый институтъ спеціальной цензуры, что при множественности прежнихъ цензуръ не могло не создавать массы затрудненій. А именно, при петербургскомъ цензурномъ комитетѣ назначены были состоять особые довѣренные чиновники отъ министерствъ: Императорскаго Двора, Военнаго, Морского, Внутреннихъ дѣлъ, Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ и Юстиціи, отъ Главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, Главнаго Штаба Е. И. В. по военно-учебнымъ заведеніямъ и III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

„Лица сіи, состоя въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ цензорами, получаютъ прямо отъ нихъ подлежащія ихъ разсмотрѣнію сочиненія и статьи, и по разсмотрѣніи, возвращаютъ оныя съ своими отзывами; въ случаѣ же сомнѣнія, испрашиваютъ разрѣшенія своего главнаго начальства для передачи онаго цензурѣ или редакціи. Сіи отзывы принимаются цензурою за главное къ заключенію своему основаніе при окончательномъ разсмотрѣніи сочиненій; при встрѣчѣ же какихъ-либо сомнѣній, цензурный комитетъ испрашиваетъ разрѣшеніе Главнаго Управленія Цензуры. Если сіе Управленіе не согласится съ заключеніемъ сторонняго вѣдомства, то разногласіе представляется министромъ народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ мнѣніемъ подлежащаго министра или главноуправляющаго, на высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе.

„Цензурнымъ учрежденіямъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ другихъ городахъ представлять сочиненія и статьи, подлежащія заключенію постороннихъ вѣдомствъ, по прежнему министру народнаго просвѣщенія, по распоряженію коего сіи статьи передаются вышеозначеннымъ чиновникамъ, и заключенія сихъ послѣднихъ или надписи на сочиненіяхъ, ими сдѣланныя, сообщаются цензурнымъ учрежденіямъ по принадлежности, которыя затѣмъ поступаютъ порядкомъ, предписаннымъ выше сего для С.-Петербургскаго цензурнаго комитета“ [1]).

---

[1]) „Сборникъ постановленій etc“, 423—424.

Пусть читатель представитъ себѣ отчетливо, чѣмъ должна была теперь сдѣлаться цензура политическихъ изданій, сплошь, разумѣется, направленныхъ къ обсужденію вопросовъ требующей реформы жизни. Ни одна строчка въ статьѣ, касающаяся какого-либо министерства, не пропускалась уже обыкновенною, общею цензурою—она шла на разсмотрѣніе спеціальныхъ цензоровъ. Въ Петербургѣ это отнимало двѣ-три недѣли, что же было въ Москвѣ и вообще въ провинціи да еще съ тогдашними почтовыми порядками... Очевидно, журналистика ежеминутно мучилась невозможностью сколько-нибудь своевременно отзываться на возникавшіе запросы. Я уже не говорю о томъ, что предѣлы, поставленные этой отзывчивости, почти совершенно исключали всякую возможность высказать свое собственное мнѣніе... Кромѣ того, надо-ли говорить, какъ ревниво оберегалась своя неприкосновенность такими министрами, какими были въ то время М. Н. Муравьевъ, гр. В. Н. Панинъ, К. В. Чевкинъ и другіе, какихъ чиновниковъ они назначали въ качествѣ спеціальныхъ цензоровъ...

Мысль учредить такую цензуру принадлежитъ Норову, много разъ послѣ того раскаявавшемуся въ непрактичности своего предложенія. Онъ думалъ, что присутствіе особыхъ довѣренныхъ лицъ отъ министерствъ и главноуправляющихъ избавитъ цензурное вѣдомство отъ массы непріятностей со стороны и раньше имѣвшихъ голосъ министерствъ. До 1858 года существовали цензуры министерства иностранныхъ дѣлъ, императорскаго двора, медицинская, II Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи, главнаго управленія путей сообщенія, военнаго министерства и т. п.

Прошло немного времени — и всеобщія жалобы и сѣтованія на спеціальную цензуру сдѣлались положительно злобой литературнаго дня. Такъ, образованная въ 1861 году особая по этому вопросу комиссія находила, что „опытъ указалъ разныя неудобства, возникшія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ изъ сего установленія. Нерѣдко случалось, что въ однихъ вѣдомствахъ рѣшительно отрицалась хотя бы нѣкоторая свобода литературной разработки предметовъ ихъ управленія, тогда какъ другія сами отдавали свои предположенія на предварительное обсужденіе органовъ гласности и даже обращались прямо къ нимъ за совѣтомъ и указаніями спеціалистовъ, между прочимъ, министерствъ: народнаго просвѣщенія и финансовъ и Главное Управленіе почтъ [1]). Встрѣчалось также разногласіе въ мнѣніяхъ правительственныхъ лицъ по предметамъ однороднымъ, касавшимся той или другой части управленія: что казалось одному вѣдомству позволительнымъ въ печати, то подвергалось запрещенію въ другомъ". Комиссія прямо высказалась, что „учрежденіе довѣренныхъ отъ разныхъ вѣдомствъ чиновниковъ не достигло вполнѣ своей цѣли, и дальнѣйшее существованіе онаго не обѣщаетъ никакой пользы [2])".

Послѣ этого офиціальнаго заявленія, понятно, какъ относились къ спеціальной цензурѣ литераторы того времени.

Въ февралѣ начались занятія комитета для пересмотра цензурнаго устава. Прочитанная тамъ записка кн. Вяземскаго „о состояніи направленія нынѣшней

---

[1]) Насколько умѣстно здѣсь упоминаніе главнаго управленія почтъ, можно указать на его весьма оригинальное приглашеніе *печати* высказаться по вопросамъ почты въ присылаемыхъ ему *рукописныхъ* статьяхъ, коихъ нѣтъ, де, надобности поэтому и печатать...

[2]) „Записка предсѣдателя комитета для пересмотра цензурнаго устава, д. с. с. Берте, и члена сего комитета, с. с. Янкевича", Спб., 1862 г., приложенія, 19—40.

литературы" была испещрена замѣтками государя, въ которыхъ „проглядывало какъ бы нерасположеніе къ литературѣ и сомнѣніе въ ея благонамѣренности" [1]).

Такому нерасположенію много, конечно, способствовали лица, такъ или иначе сильныя вліяніемъ на текущую политику. Самъ приверженецъ печати, заключенной въ „берега благоразумной свободы", Никитенко записываетъ: „вообще, многимъ изъ нынѣшнихъ главныхъ начальствъ не нравится литературное бичеваніе мерзостей, совершающихся въ ихъ вѣдомствахъ. Они находятъ, что это поселяетъ неуваженіе къ правительству. Гласность и усиленіе общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ общественныхъ они находятъ вреднымъ, особенно графъ В. Н. Панинъ" [2]). Подъ 9 мая тотъ же свидѣтель эпохи констатируетъ силу ультра-консервативной партіи, дѣйствовавшей запретительно на печать.

Гр. Панинъ стоитъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ.

Это былъ едва-ли ни самый рьяный охранитель русскаго дореформеннаго строя, что казалось бы совершенно не вязалось съ его классическимъ образованіемъ и очень большой начитанностью. Когда-то, учась въ Іенѣ, онъ былъ руководимъ Гёте... Но служба въ эпоху напряженной реакціи переломала его совершенно. Напыщенный аристократъ, еле доступный для людей неравнаго съ нимъ положенія; грубый и нетерпящій возраженій; замкнутый въ своемъ тѣсномъ кругу и отчужденный отъ общества, стремленій котораго онъ положительно не понималъ; располагавшій громаднымъ состояніемъ и потому многихъ давившій своимъ „благотвореніемъ"; наводившій лихорадочную дрожь на своихъ подчиненныхъ — таковъ былъ этотъ вельможа, группировавшій около себя темную лигу обскурантовъ.

Лучшая рекомендація самому себѣ сдѣлана имъ выходомъ въ отставку, благодаря несогласію съ государственнымъ совѣтомъ по вопросу объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Одинъ дневникъ Никитенка даетъ уже достаточный матеріалъ, чтобы точно опредѣлить отношенія этого мрачнаго крѣпостника къ печати.

„Сегодня у графа Блудова было много говорено о гр. Панинѣ, который пылаетъ такою ненавистью къ просвѣщенію и литературѣ, что безпрестанно предлагаетъ какія-нибудь новыя, стѣснительныя цензурныя мѣры. Напримѣръ: чтобы побудить цензоровъ къ вящшей строгости, онъ предлагаетъ за всякое упущеніе немедленно подвергать ихъ взысканію, а потомъ уже изслѣдовать, точно-ли дѣло стоило такого взысканія. Не значитъ-ли это разсуждать прямо навыворотъ? Это особенно прилично министру правосудія" [3]).

Разговоръ происходилъ, по всей вѣроятности, по поводу особой записки Панина, поданной въ незадолго передъ тѣмъ учрежденный совѣтъ министровъ. Въ ней указывалось на „опасное" направленіе литературы; Панинъ боялся, — „какъ бы писатели неблагонамѣренные или слишкомъ самонадѣянные не овладѣли всѣми органами общественнаго мнѣнія и не дали бы ему ложнаго и опаснаго направленія; гр. Панину казалось необходимымъ поддержать писателей благонамѣренныхъ; онъ зналъ, что такіе, т. е. субсидируемые, писатели иногда теряютъ вліяніе свое, но онъ полагалъ, что это бываетъ только тамъ, гдѣ общественное мнѣніе противъ правительства, у насъ же этого не было" [4]). Совѣтъ министровъ, совершенно не

1) *А. Никитенко*, „Дневникъ", „Рус. Старина" 1890 г., IX, 582-583.
2) Ibidem, 575—576.
3) Ibidem, 582.
4) *С. Середонинъ*, „Истор. обзоръ дѣятельности комитета министровъ", III, часть 1-я 25—126.

(„Портретная галлерея русскихъ дѣятелей" изд. Мюнстера).

замѣтивъ крупнаго противорѣчія въ такомъ взглядѣ на общественное мнѣніе, единогласно пришелъ къ убѣжденію о необходимости противодѣйствовать тому направленію, которое начала принимать литература. Личный составъ министровъ въ это время былъ такой: министръ двора—гр. В. Ѳ. Адлербергъ, иностранныхъ дѣлъ—кн. А. М. Горчаковъ, военный—Н. О. Сухозанетъ, морской—Н. Ѳ. Мѣтлинъ, внутреннихъ дѣлъ—С. С. Ланской, народнаго просвѣщенія — А. С. Норовъ, финансовъ — П. Ѳ. Брокъ, государственныхъ имуществъ — М. Н. Муравьевъ, юстиціи — гр. Панинъ, путей сообщенія—К. В. Чевкинъ, государственный контролеръ—Н. Н. Анненковъ.

И Панинъ, повторяю, не былъ одинокъ: у него были выдающіеся по усердію единомышленники. „Панинъ, Брокъ и Чевкинъ, кажется, помѣшались на томъ, что всѣ революціи на свѣтѣ бываютъ отъ литературы“ — пишетъ Никитенко [1]). Побывавшій въ Петербургѣ И. С. Аксаковъ называетъ Панина и Чевкина „злыми собаками“ [2]). Насколько эта темная клика была сильна поддержкой, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что очень близкій къ государю великій князь Константинъ Николаевичъ,— „защитникъ и глава партіи всѣхъ мыслящихъ людей, глава такъ называемаго прогресса“— часто не имѣлъ успѣха въ борьбѣ съ мракобѣсіемъ панинской партіи...

Отставка Норова и назначеніе Ев. П. Ковалевскаго. Переписка митрополита Григорія съ Игнатьевымъ. Неопредѣленность и неустойчивость политики. Протестъ Погодина Мѣры противъ герценовскихъ изданій.

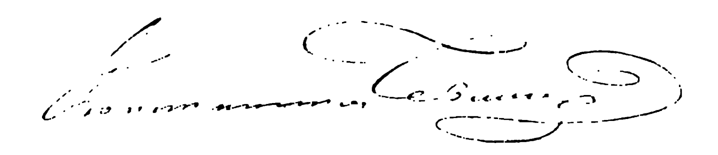
Въ началѣ 1858 г. произошли студенческіе безпорядки. Государь высказалъ свое неудовольствіе. 16 марта Норовъ подалъ въ отставку [3]). 23-го былъ уже назначенъ новый министръ—попечитель московскаго округа, Евграфъ Петровичъ Ковалевскій.

Не похожій на своихъ предшественниковъ, Ковалевскій, однако, тоже не отличался силою вліянія и самъ сплошь и рядомъ поддавался давленію панинской партіи. „Евграфъ Ковалевскій—кисель, допустившій въ свое министерство вмѣшательство жандармовъ, графа Панина, всякаго встрѣчнаго и поперечнаго“— вотъ характеристика новаго министра, сдѣланная Ив. С. Аксаковымъ [4]). И въ сущности съ ней нельзя не согласиться.

Человѣкъ далеко недюжинный, Ковалевскій старался вести свое дѣло „тихо и мирно“, съ тою умѣренностью, которая, не будучи все равно пріятной ретроградамъ, не давала и передовому обществу ничего сколько-нибудь замѣтнаго. Отчасти, конечно, виноваты были въ этомъ и самыя условія, посреди которыхъ ему приходилось работать. Припомнимъ очень любопытное письмо Тютчева отъ 13 сентября 1858 года: „И онъ (Ковалевскій—*М. Л.*) тоже ничѣмъ не сильнѣе своихъ предшественниковъ и оставитъ дѣла какъ разъ въ томъ же самомъ положеніи, какъ до него. Но надо также сказать, что при существующихъ условіяхъ ничего и невозможно сдѣлать, и заданная задача по-просту неразрѣшима; вѣдь,

[1]) Ibidem, 580.
[2]) „Рус. Старина“ 1890, IX, 580; *Н. Барсуковъ*, н. с., XVI, 102.
[3]) Сейчасъ же вышелъ и кн. Вяземскій.
[4]) „Ив. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, ч. II, т. IV, Спб., 1896 г., 18.

(„Портретная галлерея русскихъ дѣятелей“, изд. Мюнстера).

дѣло идетъ ни болѣе ни менѣе, какъ о томъ, чтобы заставить исполнить ораторію Гайдна людей никогда не бывшихъ музыкантами и вдобавокъ глухихъ. Предпріятіе до такой степени безсмысленное, въ полномъ смыслѣ этого слова, что надо быть самому глупцомъ, чтобы повѣрить въ возможность успѣха... Сущность настоящаго положенія составляетъ одно постоянное недоразумѣніе: и съ этой и съ другой стороны такъ мало рѣшительности, доброй воли и убѣжденія, что нѣтъ причинъ, чтобы это недоразумѣніе не продолжалось безконечно, если только сюда не замѣшаются неожиданныя обстоятельства" [1]).

Ковалевскій продолжалъ начатую Норовымъ работу по составленію новаго устава, поручивъ ее тоже Никитенку. Въ дневникѣ послѣдняго подъ 7 апрѣля, т. е. спустя лишь нѣсколько дней съ назначенія Ковалевскаго, находимъ уже: „Былъ у новаго министра. Рѣчь о цензурѣ. Государь сильно озабоченъ ею. Въ немъ поколебали расположеніе къ литературѣ и склонили его не въ пользу ея. Теперь онъ требуетъ со стороны цензуры ограниченій, хотя и не желаетъ стѣснять мысль. Какъ это согласить? Министръ сказалъ, что онъ надѣется на меня" [2]). А подъ 31 мая: „Запрещено употреблять въ печати слово *прогрессъ*"... Дѣло было такъ: Ковалевскій въ одной изъ своихъ бумагъ, представленной въ журналѣ особаго еврейскаго комитета, говоря о необходимости устраненія кое-какихъ стѣсненій, указалъ на противорѣчіе ихъ съ *прогрессомъ* гражданственности. Государь сдѣлалъ помѣтку: „Что за прогрессъ!!! прошу слова этого не употреблять въ оффиціальныхъ бумагахъ" [3]).

Очень недурной иллюстраціей постояннаго вмѣшательства въ цензуру стороннихъ вѣдомствъ можетъ служить слѣдующая любопытная переписка.

„Конфиденціально.

„Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь,

„При послѣднемъ (19) нумерѣ издаваемаго здѣсь журнала подъ названіемъ: „Сынъ Отечества", разослана къ подписчикамъ картинка парижскихъ модъ, на которой одна женская фигура представлена въ платьѣ, украшенномъ вмѣсто обыкновенныхъ женскихъ уборовъ—крестами, подобно тому, какъ изображаются они на церковныхъ священныхъ облаченіяхъ.

„Находя таковое злоупотребленіе священнаго знамени креста крайне неприличнымъ, оттого долгомъ считаю препроводить доставленную мнѣ картину къ в. в-тву съ тѣмъ, не признаете-ли нужнымъ воспретить въ здѣшнихъ мастерскихъ устройство означенныхъ платьевъ и принять другія, по усмотрѣнію Вашему, мѣры, чтобы платья эти не были въ употребленіи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть
Вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга
Григорій".

№ 1107
15 мая 1858 года.

---

[1]) „Изъ писемъ Тютчева", „Рус. Архивъ", 1899 г., V, 102.
[2]) „Рус. Старина", 1890 г., IX, 587.
[3]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе Императора Александра II", Берлинъ, 1860 г., I, 292.

Е. Ковалевскій

(„Портретная галлерея русскихъ дѣятелей“, изд. Мюнстера).

На это письмо митрополита новгородскаго и петербургскаго, петербургскій генералъ-губернаторъ Игнатьевъ отвѣчалъ тоже конфиденціально:

„Ваше Высокопреосвященство
Милостивый Архипастырь,

„При почтительнѣйшемъ отношеніи вашего вы—ва отъ 15 числа сего мѣсяца за № 1107, получивъ возвращаемую при семъ картину, принадлежащую къ 19 № періодическаго изданія „Сынъ Отечества", долгомъ поставляю доложить вамъ, высокоуважаемый мною Архипастырь, что воспрещеніе изготовленія въ здѣшнихъ мастерскихъ подобныхъ женскихъ убранствъ оказывается неудобнымъ, ибо многія таковыя бываютъ привозимы изъ-за границы или по иностраннымъ рисункамъ изготовляются въ домашнемъ быту. При томъ воспрещеніе сіе дало бы поводъ къ неумѣстной отговоркѣ, что изображеніе уподобляется не церковному облаченію, а математическому знаку умноженія.

„Тѣмъ не менѣе я сообщилъ министру просвѣщенія, что замѣчаніе ваше надлежало бы предписать къ руководству цензурѣ, при пропускѣ рисунковъ всякаго рода" [1]).

Отмѣчу еще одну черту въ политикѣ по отношенію къ печати — это ея неопредѣленность. Напримѣръ, нашъ берлинскій посланникъ, бар. Будбергъ, прислалъ, въ сентябрѣ 1858 г., проектъ объ учрежденіи, по примѣру Франціи, предварительно-карательной цензуры. „Былъ уже по высочайшему повелѣнію назначенъ для разсмотрѣнія проекта и комитетъ изъ кн. Горчакова, кн. Вас. Долгорукова, Тимашева, нашего министра и Тютчева. Послѣдній сильно протестовалъ противъ этой двойственности цензуры—„предупредительной и послѣдовательной". Нашъ министръ съ нимъ соглашался.

— Но надобно же,—замѣтилъ князь Василій Андреевичъ Долгорукій, — что-нибудь сдѣлать, чтобы успокоить государя, котораго сильно озабочиваетъ цензура" [2]).

Или—смѣнившій Брока А. М. Княжевичъ „испросилъ у государя разрѣшеніе, чтобы позволено было писать и печатать о финансахъ все безпрепятственно, кромѣ опроверженій или возраженій на состоявшіяся уже мѣры и постановленія правительства" [3]). Такая свобода, тогда совершенно новая, конечно, не могла нравиться многимъ изъ остальныхъ министровъ; происхожденіе ея нужно приписать преимущественно случаю, который и доминировалъ довольно часто въ судьбахъ печати этого времени. Самъ Ковалевскій то и дѣло колебался и очень часто поступалъ не такъ, какъ бы слѣдовало человѣку, пользовавшемуся репутаціей безусловнаго прогрессиста. Никитенко испытывалъ эти колебанія гораздо больше многихъ и уже черезъ полгода новаго министерства пишетъ: „На дняхъ былъ у меня предсѣдатель комитета иностранной цензуры, Ѳ. И. Тютчевъ, и жаловался, что министръ на словахъ рѣшитъ одно, а на бумагѣ другое. Да, это опять *норовщина*" [4]).

А вотъ разсказъ одного хорошо освѣдомленнаго петербуржца:

[1]) „Колоколъ" 1858 г., № 23—24, 15 сентября.
[2]) *А. Никитенко*, „Дневникъ", „Рус. Старина", 1890 г., IX, 610.
[3]) Ibidem, 590.
[4]) Ibidem, 609.

„Въ одинъ изъ четверговъ, въ которые собираются у государя министры, а именно 4 декабря 1858 г., разговоръ между кн. Горчаковымъ и Чевкинымъ склонился къ слѣдующему предмету.

„*Чевкинъ*. Жизнь наша—бурное море; чтобы корабль вѣрнѣе держался на волнахъ, нужно какъ можно болѣе балласта.

„*Кн. Горчаковъ*. Помилуйте! Что вы говорите! Изъ всѣхъ кораблей при волненіи выбрасываютъ балластъ вонъ, чтобы корабль легко носило по волнамъ, а нашъ балластъ, мѣшающій легкому ходу,—цензура, и его надо выбросить.

„*Государь*. Пожалуйста, продолжайте, господа, спорить о балластѣ и волнахъ; это очень интересно.

„*Чевкинъ*. Недостаточно выбросить балластъ; надо умѣть войти въ пристань.

„*Кн. Горчаковъ*. Для этого нуженъ свѣтъ съ маяка.

„*Чевкинъ*. Этого мало; надобно, чтобы при входѣ въ пристань не наткнуться на подводные камни.

„*Кн. Горчаковъ*. Какая же это пристань, когда около нея есть подводные камни? Значитъ, пристань и маякъ не у мѣста. Но, чтобы дотолковаться до того, гдѣ имъ быть, необходимо нужно пособіе гласности.

„При этихъ словахъ государь всталъ и дружески пожалъ руку кн. Горчакову; у Чевкина же затряслись генералъ-адъютантскіе аксельбанты, что и доказало государю дѣйствіе внутренней лихорадки отъ страха достичь до гласности“ [1]).

А черезъ полтора мѣсяца, назначенный московскимъ попечителемъ Н. В. Исаковъ говорилъ съ государемъ, желая узнать, какому направленію нужно слѣдовать, особенно въ цензурѣ. „Я убѣжденъ,—сказалъ Исаковъ, — что гласность необходима!“—„И я тоже,—отвѣчалъ государь,—только у насъ дурное направленіе“ [2]).

Насколько легко жилось подъ такимъ режимомъ, можно врядъ-ли ни лучше всего видѣть изъ извѣстнаго въ свое время письма Погодина, написаннаго Ковалевскому послѣ запрещенія аксаковскаго „Паруса“ отчасти и за статью самого Погодина [3]). „Не уступавшій—по его собственнымъ словамъ — никому на свѣтѣ въ благонамѣренности“, охранитель съ Дѣвичьяго поля выражалъ въ своемъ письмѣ, между прочимъ, слѣдующіе взгляды:

„Неужели монополія мысли, чувства, любви къ отечеству, должна принадлежать только извѣстному персоналу, у котораго можетъ иногда встрѣтиться даже очевидный недостатокъ въ мысли, чувствѣ и любви... Еслибъ главное управленіе цензуры, по чьему бы то ни было совѣту или доносу, заимствовавъ орудіе изъ подваловъ испанской инквизиціи, оставленныхъ въ наслѣдство Торквемадою, опредѣлило вырвать у меня языкъ, такъ я выучился бы пантомимѣ и пантомиму мою настоящіе чистые русскіе люди поняли бы лучше всякаго ученаго и краснорѣчиваго разсужденія.

[1]) *Н. Барсуковъ*, н. с., XVI, 345—346.

[2]) *А. Никитенко* „Дневникъ“, „Рус. Старина“, 1890 г., X, 141—142.

[3]) Въ первые годы новаго царствованія запрещены: „Молва“ К. С. Аксакова, а не И. С., какъ утверждаютъ нѣкоторые, въ 1857 г. „Парусъ“, „Русская Газета“ и „Слово“ (Slowo) въ 1859.

„...Какъ министръ просвѣщенія, вы лучше всѣхъ должны разумѣть духъ нашего времени и тотъ переворотъ, который произошелъ въ нашихъ понятіяхъ и оцѣнкахъ людей и дѣяній. Какъ министръ просвѣщенія, вы должны знать, какую силу и значеніе со всякимъ днемъ пріобрѣтаетъ слово въ самой Россіи, не только въ Европѣ, съ которою она соединилась не однѣми желѣзными дорогами и электрическими телеграфами, но тѣломъ и душою. Можно-ли писателей нынѣ traiter en canaille? Въ длинной аудіенціи, вы объясните государю, какъ важенъ настоящій частный случай, почему имъ дорожить и воспользоваться должно, сколько любви и довѣренности къ нему прибавится гуманнымъ рѣшеніемъ, отъ всѣхъ истинныхъ друзей отечества, передовыхъ людей, а не тѣхъ зачерствѣлыхъ заматорѣлыхъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ—придворныхъ, которые сбиваютъ его съ царскаго пути и ведутъ, слѣпцы.. куда?“ [1]).

Всего сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы имѣть понятіе о цензурѣ первыхъ лѣтъ новаго царствованія: такіе люди, какъ Погодинъ, и тѣ болѣзненно чувствовали ея давленіе...

Въ заключеніе нѣсколько словъ о русско-заграничной литературѣ и ея цензурѣ.

Въ 1857 году принимались уже мѣры для борьбы съ распространеніемъ „Колокола“ и „Полярной Звѣзды“ Герцена какъ въ Россіи, такъ и за границей. Пруссія, Саксонія, даже вольный городъ Франкфуртъ, убѣжденные доводами канцлера Горчакова, запрещали обращеніе ихъ у себя. Въ 1855 году, вслѣдъ за обнаруженіемъ въ Россіи экземпляровъ только что изданной первой книжки „Полярной Звѣзды“, послѣдовалъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, о „строгомъ наблюденіи за водвореніемъ“ заграничныхъ изданій на русскомъ языкѣ. Появленіе начавшаго издаваться въ 1857 г. „Колокола“ сопровождалось аналогичнымъ же распоряженіемъ, въ концѣ котораго губернаторамъ предписывалось всѣ конфискованныя заграничныя нелегальныя изданія адресовать прямо въ собственныя руки министра.

На ряду съ этими мѣрами, употреблялись и другія, совершенно иного характера. Въ апрѣлѣ 1858 года, въ массѣ экземпляровъ, на отдѣльныхъ листахъ, была напечатана „*Басня*“—„*Ороскопъ Кота*“, съ весьма недвусмысленнымъ подзаголовкомъ: „акростихъ“. Это было первое цензурой дозволенное упоминаніе о „Колоколѣ“ и „Полярной Звѣздѣ“... По своему характерному цинизму басня эта заслуживаетъ воспроизведенія:

„Котъ Васька, желчный и кривой
Отсюда въ Альбіонъ забрался,
Ломать придумалъ край родной;
Онъ въ чужѣ, знать, ума набрался:
Къ мадзиновскимъ рядамъ присталъ.
Онучки съ полушубкомъ тертымъ,
Лежанку, на которой спалъ,
І . . . .
Щипать да рыть не уставалъ
И весь тотъ соръ—въ журналѣ издавалъ!
Какъ вдругъ молва о томъ идетъ,
У бриттовъ alien-bill въ законъ войдетъ!

[1]) *П. Барсуковъ*, н. с. XVI, 352—354.

Пришельцу Васькѣ сталъ грозить
Европы общій приговоръ:
Такихъ, какъ онъ, велятъ ловить;
Ловить, чтобы печатный вздоръ,
Ясновельможный котъ и воръ,
Гремучимъ наполняя соромъ,
Отважно не бросалъ въ людей!
Тутъ Ваську какъ освищутъ хоромъ,
Отправятъ вдругъ въ Ботани-бей,
Велятъ: за полюса—звѣзду повѣсить,
А колоколъ коту къ хвосту привѣсить;
И выйдетъ тутъ такой трезвонъ,
Что мыши, крысы и педанты,
Сулилъ которымъ гибель онъ,
Не попадутъ ужъ въ арестанты!“ [1]).

Поэзія эта принадлежала перу Бориса Ѳедорова, скрывшагося лишь подъ псевдонимомъ Ижицына. Къ сожалѣнію, современники не знали и этого еще подвига пріятеля и сподвижника Булгарина, агента III Отдѣленія, автора всякой газетной прозы и поэзіи.

Въ 1862 году Ижицына смѣнилъ Катковъ, о чемъ уже не здѣсь [2]).

Часть II.

Проектъ новаго учрежденія съ програмой нравственнаго вліянія на печать.

Теперь, когда читатель введенъ въ курсъ цензурныхъ дѣлъ, которымъ предстояло обусловливать послѣдующее развитіе обстановки жизни и дѣятельности литературы и журналистики, я и приступлю къ основной темѣ настоящаго очерка.

Первая часть, хоть и конспективно, но думаю, достаточно ясно констатировала недовольство правительства печатью—этотъ фактъ несомнѣненъ. А разъ такъ, то, очевидно, сами собой возникали всевозможные проекты, въ родѣ предложеннаго бар. Будбергомъ, для борьбы, для подавленія, для вразумленія, etc, etc...

Между тѣмъ цензурный уставъ былъ въ періодѣ пересмотра и пересоставленія; Ковалевскій не могъ очень спѣшить этой работой, какъ потому, что дѣйствительно она была велика, такъ, вѣроятно, и изъ соображеній чисто тактическихъ: заручившись поддержкой своего друга Княжевича, занявшаго постъ министра финансовъ, онъ надѣялся привлечь на сторону печати бо̀льшія симпатіи бюрократическихъ верховъ и только тогда войти съ новымъ уставомъ въ государственный совѣтъ. Но пока этотъ планъ очень медленно могъ приводиться въ исполненіе, люди другихъ воззрѣній не бездѣйствовали...

[1]) Съ экземпляра у меня имѣющагося. Напечатанъ онъ въ Петербургѣ, въ типографіи Х. Гинца, цензурой датированъ 10 апрѣля 1858 года.

[2]) О первыхъ „обличеніяхъ“ Герцена въ русской печати см. особую главу въ моей книгѣ: „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 г. г.“ Спб., 1904 г.

До ушей Ковалевскаго вдругъ долетаетъ совершенно неожиданное извѣстіе: создается проектъ новаго верховнаго негласнаго комитета и какой же! Бутурлинскій комитетъ уже не пользовался симпатіями: онъ функціонировалъ способами, негуманными, въ его практикѣ, кромѣ арестовъ, заключеній въ тюрьмы, ссылокъ и т. п., ничего не было. Воскрешать эту террористическую программу въ то время, когда всѣ не говорили иначе, какъ: „въ наше новое время", „въ нашъ гуманный вѣкъ", было, конечно, совсѣмъ неудобно... Придумали нѣчто новое, съ виду болѣе прогрессивное: *нравственное, а не административное направленіе литературы, а за ней и общественнаго мнѣнія.*

Первое, по времени, извѣстіе объ этомъ встрѣчаемъ въ дневникѣ Никитенка подъ 12 октября 1858 г.: „Было много говорено (у Ковалевскаго—*М. Л.*) о цензурѣ и о проектѣ составить особенное бюро, которое бы не административно, а нравственно занималось направленіемъ литературы. Я замѣтилъ, что это чистая мечта. Министръ того же мнѣнія, но говоритъ, что нѣкоторые этого желаютъ" [1]).

Черезъ мѣсяцъ новый слухъ: правительство хочетъ имѣть въ литературѣ свой органъ, который долженъ быть ввѣренъ нѣсколькимъ литераторамъ.

Но и тотъ, и другой исходной своей точкой имѣли, несомнѣнно, мысль, во-время брошенную гр. Панинымъ...

Планъ правительственнаго органа мы оставимъ пока въ сторонѣ, чтобы потомъ вернуться къ нему нѣсколько подробнѣе, теперь же прослѣдимъ за развитіемъ и реализаціей теоріи нравственнаго воздѣйствія на литературу.

Въ одномъ изъ декабрьскихъ своихъ засѣданій совѣтъ министровъ обсуждаетъ уже образованіе одного новаго учрежденія, цѣль котораго сводилась къ слѣдующему:

„1) Служить орудіемъ правительства для подготовленія умовъ посредствомъ журналовъ къ предпринимаемымъ мѣрамъ; 2) направлять по возможности *новыя* періодическія литературныя изданія къ общей государственной цѣли, поддерживая обсужденіе общественныхъ вопросовъ въ видахъ правительственныхъ.

„Предложенное учрежденіе вовсе не должно было имѣть вида *цензурнаго* установленія: цензура предупреждаетъ и сдерживаетъ литературу въ извѣстныхъ предѣлахъ, но цензура безсильна дѣйствовать на самое направленіе литературы; *новое предполагаемое учрежденіе имѣло цѣлью обратить литературу на полезное поприще,* указывая дѣятельности литераторовъ или спеціалистовъ на такіе предметы, по которымъ правительство желаетъ или подготовить общественное мнѣніе, или получить разъясненія, или собрать свѣдѣнія и т. п. Совѣтъ министровъ единогласно призналъ большую пользу отъ подобнаго учрежденія, при чемъ совѣтъ полагалъ, что такое дѣло можетъ быть поручено только лицамъ, назначеннымъ по непосредственному усмотрѣнію и полному довѣрію къ нимъ государя императора. Его величество, раздѣляя эту мысль, остановился на слѣдующихъ предположеніяхъ:

„1) лица, которыя будутъ для сего дѣла избраны, состоятъ внѣ всякой зависимости отъ министровъ;

„2) для успѣха ихъ дѣйствій имъ должно быть извѣстно направленіе, ко-

---

1) „Рус. Старина", 1890 г., IX, 612.

торому министры и главноуправляющіе слѣдуютъ или намѣрены слѣдовать въ кругу своихъ обязанностей;

„3) лица эти должны будутъ находиться постоянно въ личныхъ сношеніяхъ съ министрами для безотлагательнаго разрѣшенія могущихъ встрѣтиться недоумѣній. Съ другой стороны, имъ необходимо быть въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ редакторами главнѣйшихъ журналовъ и замѣчательнѣйшими авторами, *дѣйствуя на нихъ не силою офиціальной строгости, а мѣрами убѣжденія и поощренія и пріобрѣтая такимъ образомъ нравственное на нихъ вліяніе*;

„4) имъ предоставляется право поручать разнымъ лицамъ, по ихъ усмотрѣнію, составленіе статей, въ видахъ правительственныхъ, для напечатанія въ періодическихъ изданіяхъ *и въ такомъ случаѣ испрашивать, если сочтутъ нужнымъ, вознагражденіе автору статьи за его литературный трудъ*, [1]), и

„5) не касаясь распоряженій цензуры, дѣйствующей въ предписанныхъ ей предѣлахъ, означенныя лица, если найдутъ полезнымъ, передаютъ свои замѣчанія по общему ходу литературы министру народнаго просвѣщенія. Могущія встрѣтиться столкновенія съ общею цензурою разрѣшаются тѣмъ же министромъ, если это не превышаетъ его власти, въ противномъ же случаѣ онъ, министръ, представляетъ о томъ на высочайшее благоусмотрѣніе.

„Указавъ эти главныя начала, государь императоръ изволилъ объяснить, что затѣмъ опытъ въ удобствѣ дѣйствій и ожидаемыхъ полезныхъ послѣдствіяхъ можетъ указать основаніе для дальнѣйшаго развитія этого дѣла“ [2]).

Слѣдовательно, въ концѣ декабря 1858 года вопросъ о нравственномъ направленіи литературы и кроткомъ ея назиданіи былъ уже рѣшенъ утвердительно...

Иниціаторомъ этого небывалаго учрежденія считается министръ иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчаковъ, удостоенный, какъ мы видѣли, вниманія за сочувствіе къ гласности... Горчаковъ, впрочемъ, не самостоятельно придумалъ такое новое въ Россіи средство: какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ не могъ не знать о существованіи аналогичнаго отношенія къ печати въ Пруссіи и Франціи, гдѣ было даже особое правительственное „Bureau de la presse“.

Судя по указаніямъ Никитенка, Горчакову помогалъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Н. А. Мухановъ, бывшій съ нимъ въ близкой дружбѣ и пользовавшійся большой благосклонностью молодой императрицы [3]).

Къ описанному засѣданію совѣта министровъ нельзя не прибавить одну интересную деталь. Ковалевскій сильно противился учрежденію „нравственнаго

[1]) Четыре года спустя, въ 1862 г., прославленный „защитникъ и поборникъ“ русской литературы—министръ народнаго просвѣщенія, Головнинъ, доказывая совѣту необходимость дать печати „желательное направленіе и извлекать изъ нея, какъ изъ сильнаго орудія просвѣщенія, пользу, но въ то же время не обращать литературу въ правительственное учрежденіе“, предлагалъ, на ряду съ другими мѣрами, „поручить ему доставлять полезныя занятія даровитымъ писателямъ, которые иногда живутъ въ бѣдности и. не имѣя возможности жить своимъ трудомъ, обращаются въ лицъ, враждебныхъ правительству“. Предложенія Головнина были приняты („Истор. обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, III, ч. 2, 201). Двѣсти лѣтъ назадъ къ аналогичнымъ мѣрамъ Петра Великаго привело желаніе видѣть въ иностранной печати панегирики своей реформаторской дѣятельности. Въ извѣстномъ трудѣ Пекарскаго—„Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.“ находимъ слѣдующія строки: „чтобы имѣть такіе печатные отзывы, полагали въ тѣ времена достаточнымъ нанять съ десятокъ голодныхъ журналистовъ и писателей, которые и обязывались писать статьи о Россіи въ извѣстномъ направленіи, сообразномъ съ видами правительства“. (I, 90).

[2]) *С. Середонинъ*, „Истор. обзоръ дѣятельности комитета министровъ“. III, ч. 2, 197—198. Курсивъ мой.

[3]) „Рус. Старина“, 1890 г. IX—590, X—180.

давленія“ и, уѣзжая въ Москву по дѣламъ службы, былъ успокоенъ, что безъ него ничего не будетъ рѣшено. Въ Москвѣ онъ пробылъ дней шесть и, возвратясь, засталъ дѣло уже состоявшимся: совѣтъ безъ него все рѣшилъ единогласно. „Все это продѣлано министромъ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковымъ“ [1]). Пріѣхавъ и узнавъ о такой дипломатической уловкѣ, Ковалевскій намѣревался подать въ отставку, говорилъ объ этомъ вслухъ, но... остался на посту до іюня 1861 года.

Оно получаетъ санкцію и личный составъ.

Вскорѣ послѣ принципіальнаго рѣшенія вопроса, новое учрежденіе, не получившее еще офиціальнаго крещенія и потому никакъ опредѣленно пока не именовавшееся, имѣло, однако, уже и личный составъ. Въ него вошли: предсѣдатель—гр. А. В. Адлербергъ 2-й (сынъ министра двора), члены: Н. А. Мухановъ (оставшійся, противно пункту первому высочайшей резолюціи, въ зависимости отъ министра просвѣщенія, котораго былъ товарищемъ) и А. Е. Тимашевъ (начальникъ штаба корпуса жандармовъ и управляющій III отдѣленіемъ Собств. Е. И. В. канцеляріи) [2]).

Сейчасъ же „новое учрежденіе“, съ легкой руки Ѳ. И. Тютчева, стало называться „троемужіемъ“, пока туда впослѣдствіи не вступилъ Никитенко. Это обстоятельство и побуждаетъ меня пользоваться главнымъ образомъ „Дневникомъ“ послѣдняго, какъ наиболѣе вѣрнымъ фактическимъ источникомъ очень мало извѣстной исторіи „троемужія“.

Вотъ какъ Никитенко характеризуетъ названный личный составъ: „Если бы нарочно постарались отыскать самыхъ неспособныхъ для этой роли людей, то лучше не нашли бы. Они будутъ направлять литераторовъ, совѣтовать имъ, разсуждать съ ними о важнѣйшихъ вопросахъ, нравственныхъ, политическихъ, литературныхъ,—они, которые никогда ни о чемъ не разсуждали, ничего не читали и не читаютъ! Смѣхъ и горе!.. Любопытно, какъ попалъ сюда Тимашевъ [3]). Онъ былъ сперва отвергнутъ. Ему ужасно хотѣлось, однако, стать въ числѣ трехъ великихъ хранителей цѣломудрія русской мысли, и онъ придумалъ слѣдующій остроумный аргументъ:—«Такъ какъ,—говорилъ онъ,—я не пользуюсь популярностью, то позвольте мнѣ быть членомъ новаго комитета, чтобы я имѣлъ случай пріобрѣсти ее». Превосходный предлогъ!“ [4]).

Хорошо освѣдомленный въ теченіяхъ бюрократическихъ и правительственныхъ сферъ, кн. А. Ѳ. Орловъ, предсѣдатель комитета министровъ, говорилъ И. С. Тургеневу, что добивавшіеся основанія „троемужія“ имѣли другіе виды: „Они хотѣли присвоить себѣ контрольную власть надъ всѣми министерствами, а литература служила такъ, предлогомъ. Это былъ въ особенности планъ Адлер-

[1]) *А. Никитенко*, „Рус. Старина“, 1890 г., IX. 624.

[2]) Главноуправляющимъ III отдѣленіемъ былъ кн. В. А. Долгоруковъ, шефъ жандармовъ. Такая организація III отдѣленія установлена въ 1839 г.

[3]) Въ этомъ мѣстѣ въ замѣнъ фамиліи стоятъ три звѣздочки (***), въ другихъ мѣстахъ—одна буква Т. Никитенко, а можетъ быть, и редакція „Рус. Старины“ при печатаніи его дневника вообще не называли фамиліи живыхъ тогда лицъ. Другіе точные источники позволяютъ вѣрно раскрыть теперь всякія звѣздочки и аналогичные знаки умолчанія.

[4]) „Рус. Старина“, 1890 г., IX. 624.

Гр. А. В. Адлербергъ.

(Съ фотографіи съ натуры Деньера).

берга“ [1]). Есть, значитъ, вѣроятіе предположить, что среди инціаторовъ учрежденія „троемужія“ стоялъ и гр. Адлербергъ 2-й. Это тѣмъ болѣе возможно, что отецъ графа былъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ государю, и едва-ли безъ его содѣйствія Горчаковъ и Мухановъ успѣли бы въ своихъ планахъ [2]).

Для большой ясности прибавлю нѣсколько штриховъ къ этой общей характеристикѣ членовъ „троемужія“.

Вотъ что Никитенко же пишетъ о гр. Адлербергѣ 2-мъ: „Онъ человѣкъ съ умомъ и благородными наклонностями, насколько онѣ могли сохраниться отъ разсѣянной жизни. Но бѣда съ нашими вліятельными людьми! Они неспособны къ труду мысли, мало образованы и чужды всякой глубины взгляда“ [3]). Въ другомъ мѣстѣ: „На графа Адлерберга, кажется, можно будетъ дѣйствовать сердцемъ, на Тимашева—умомъ, а на Муханова ни тѣмъ, ни другимъ, потому что у него нѣтъ ни сердца, ни ума“ [4]).

Хорошо знавшій Тимашева А. Д. Шумахеръ, говоритъ, что онъ, „не обладая энциклопедическимъ образованіемъ Валуева, выгодно отличаяся отъ него прямотою и положительностью своего характера, устойчивостью взглядовъ и полнымъ отсутствіемъ готовности къ измѣненію ихъ въ угоду другимъ вліятельнымъ лицамъ, даже и высшимъ“ [5]).

Это вѣрно. Иное дѣло—самые взгляды Тимашева, но прямолинейность его безспорна.

Изъ области предусмотрѣнныхъ, какъ мы видѣли, „непосредственныхъ сношеній съ редакторами“ въ практикѣ Тимашева былъ такой оригинальный разговоръ его съ И. С. Аксаковымъ:

„— Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи. Вы правы—намъ дѣйствительно угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики.

„— Какъ?—спросилъ съ ужасомъ Тимашевъ,—гдѣ они?

„— Въ третьемъ отдѣленіи. Третье отдѣленіе своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ нашимъ добрѣйшимъ государемъ“ [6]).

---

[1]) Ibidem, 625.

[2]) „Троемужіе“, потомъ—„Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія“,—до сихъ поръ очень мало разработанъ въ трудахъ по исторіи цензуры. Но это бы еще ничего, если бы при незначительности отводимаго ему мѣста, всѣ сообщаемыя о немъ свѣденія были вѣрны. Къ сожалѣнію, и тутъ происходитъ аналогичное съ меншиковскимъ и бутурлинскимъ комитетами... Такъ, Усовъ утверждаетъ, что „троемужіе“, вѣрнѣе—комитетъ, потому что его начальная фаза Усову неизвѣстна—учрежденъ „по почину и по настоянію“ А. Е. Тимашева, и даже приводитъ такой разсказъ, который на первый взглядъ кажется убѣдительнымъ для всякаго, незнакомаго съ организаціей III отдѣленія въ 1858—1859 гг. Но, полагаю, вышеприведеннаго достаточно, чтобы считать слова Усова ошибочными („Цензурная реформа въ 1862 г.“. „Вѣстникъ Европы“ 1882 г., V). Г. Скабичевскій въ своей книгѣ — „Очерки исторіи русской цензуры“ — составъ комитета („троемужіе“ ему тоже неизвѣстно, хотя книга выпущена спустя два года съ опубликованія „Дневника“ Никитенка) называетъ такимъ: гр. Адлербергъ (какой? ихъ было два), А. Е. Тимашевъ и А. В. Никитенко. Какъ видимъ, забытъ Н. А. Мухановъ. Ту же ошибку сдѣлалъ, впрочемъ, и Усовъ, дававшій „своими“ воспоминаніями „богатый“ матеріалъ для всѣхъ, нежелавшихъ обращаться къ первоисточникамъ.

[3]) „Рус. Старина“ 1890 г., X, 168.

[4]) Ibidem. 158.

[5]) *А. Д. Шумахеръ*, „Позднія воспоминанія“, „Вѣстн. Европы“ 1899 г., IV, 725.

[6]) *А. Никитенко*, „Дневникъ“, „Рус. Старина“, 1890 г., X, 141.

(„Министерство внутреннихъ дѣлъ“ 1902 г.).

О Мухановѣ въ „обществѣ“ говорили: „это человѣкъ не глупый, свѣтски образованный, очень пріятный въ обществѣ“ [1]).

Болѣе детальная характеристика этихъ лицъ выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія.

Офиціальное учрежденіе „Комитета по дѣламъ книгопечатанія“. Его компетенція. Бессиліе „троемужія“ и пополненіе его Никитенкомъ. Комитетъ въ качествѣ „общественнаго“ дѣятеля.

Наконецъ, 24 января 1859 г. государь подписалъ высочайшее повелѣніе объ учрежденіи негласнаго „Комитета по дѣламъ книгопечатанія“.

Предполагалось сначала вмѣсто комитета образовать V-е отдѣленіе Соб. Е. И. В. канцеляріи. Но мысль эта была вскорѣ же брошена, въ виду соображеній чисто политическаго характера: „наименовать новое учрежденіе V-мъ отдѣленіемъ значило бы объявить, что непосредственно отъ Государя Императора исходить будетъ направленіе литературы, а подобное предположеніе желательно бы отклонить, дабы мѣры, неблагопріятно принимаемыя публикою, не относились къ особѣ монарха“ [2]).

По словамъ одного офиціальнаго источника, обязанности комитета сводились къ „*неофиціальному надзору* за направленіемъ нашей литературы, соотвѣтственно видамъ правительства, какъ въ выходящихъ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ“ [3]). По словамъ другого—къ „*принятію мѣръ* къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы“ [4]). Разницы по существу здѣсь, конечно, нѣтъ: самый надзоръ предполагалъ уже и соотвѣтственное его осуществленіе.

Одновременно съ образованіемъ, комитету была дана слѣдующая инструкція:

„Сношенія съ министерствами и главными управленіями для полученія нужныхъ свѣдѣній и объясненій по вопросамъ, до подлежащихъ вѣдомствъ относящихся и обсуживаемыхъ въ печатныхъ статьяхъ.

„Комитетъ, не касаясь цензурныхъ установленій, ни въ чемъ не ограничиваетъ и не измѣняетъ существованія и дѣйствія сихъ послѣднихъ.

„Статьи, составляемыя въ министерствахъ для напечатанія въ періодическихъ изданіяхъ, препровождаются предварительно въ комитетъ.

„Статьи, печатаемыя въ журналахъ по распоряженію сего комитета, подъ рубрикою „сообщено“, какъ исходящія отъ правительства, должны служить цензорамъ указаніемъ и руководствомъ для ихъ дѣйствій.

„Помѣщеніе въ газетахъ и журналахъ статей, доставляемыхъ съ надписью одного изъ членовъ комитета, обязательно для редакцій оныхъ“ [5]).

Какъ видно, она является отчасти повтореніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ высочайшей резолюціи въ совѣтѣ министровъ, отчасти—дальнѣйшимъ ея развитіемъ. Комитетъ 2 апрѣля 1848 г. всячески ограждался отъ возможности быть узнан-

---

1) Ibidem, IX, 590.
2) „Первоначальный проектъ устава о книгопечатаніи etc“, 71.
3) Ibidem, 55.
4) „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, 109.
5) Ibidem, 110.

нымъ; комитету по дѣламъ книгопечатанія свою негласность пришлось понять только въ томъ смыслѣ, чтобы не фигурировать офиціально въ качествѣ учрежденія; полуофиціальная же гласность была прямымъ результатомъ всей инструкціи, особенно третьяго ея пункта—оглашавшаго его существованіе для министерствъ, и четвертаго и пятаго—для редакцій періодическихъ изданій.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію дѣятельности этого комитета, намъ нужно ознакомиться съ обстоятельствами, усилившими его личный составъ вступленіемъ Никитенка. Это очень характерная сторона для выясненія полной несостоятельности коренного „троемужія“.

Еще въ ноябрѣ 1858 года, когда вопросъ о функціяхъ и личномъ составѣ комитета былъ совершенно открытымъ, ходили слухи о введеніи туда „видныхъ“ литераторовъ, которые бы, съ одной стороны, поддерживали связь съ литературой, а съ другой—писали бы статьи въ духѣ правительства. Напримѣръ, въ письмѣ отъ 14 ноября Плетневъ увѣдомлялъ кн. Вяземскаго: „по слухамъ предположено эту комиссію составить изъ Н. А. Муханова, Ив. М. Толстого, Ѳ. И. Тютчева и И. С. Тургенева“ [1]).

Въ началѣ января, когда „троемужіе“ обозначилось ясно, поиски литераторовъ не прекратились. Выставлялась кандидатура Щебальскаго и бывшаго жандармскаго полковника, С. С. Громеки, сотрудника „Русскаго Вѣстника“ и „Отечественныхъ Записокъ“. Неизвѣстно, почему они не вступили туда, но литераторы подыскивались... 13 февраля Плетневъ пишетъ: „Bureau de presse долго искало распорядителя для своей канцеляріи, между прочимъ, приглашали и Гончарова, но всѣ отказались“ [2])...

Очевидно, надо было искать среди цензоровъ-литераторовъ...

Подъ 6 февраля Никитенко записалъ:

„Обѣдалъ у нашего министра (Ковалевскаго—*М. Л.*). Послѣ обѣда онъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что комитетъ наблюденія надъ печатью (Адлербергъ, Мухановъ и Тимашевъ) желаетъ со мной посовѣтоваться насчетъ своего устройства и дѣлъ. Евграфъ Петровичъ не далъ вымолвить мнѣ слова въ отвѣтъ и, взявъ меня за руку, прибавилъ:

— Пожалуйста, пожалуйста, не отказывайтесь.

„Я отвѣчалъ, что трудно что-нибудь совѣтовать тамъ, гдѣ цѣль самого учрежденія не опредѣлена или гдѣ она вращается въ безграничномъ кругу.

— Но вы, все-таки, не отказывайтесь, явитесь къ нимъ,—сказалъ министръ,—и прочтите имъ лекцію. Вы найдете между ними одного человѣка, понимающаго вещи: это графъ Адлербергъ.

„То же подтвердилъ послѣ и Тютчевъ.

„Въ заключеніе я сказалъ, что пусть они назначатъ время, и я къ нимъ явлюсь.

„Говорилъ со мной еще и товарищъ нашего министра, Мухановъ, намекая на что-то, что я услышу отъ министра.

„Мухановъ пользуется милостью двора, но въ публикѣ онъ извѣстенъ, какъ человѣкъ пустой. Нынче я говорилъ съ нимъ въ первый разъ и, проговоривъ

[1]) *П. Плетневъ*, „Сочиненія и переписка“, III, 467.
[2]) Ibidem, 473.

съ четверть часа, подумалъ, что общественное мнѣніе врядъ ли ошибается на его счетъ. Онъ говоритъ избитыя общія мѣста, но съ видомъ высокаго уваженія къ себѣ и къ своимъ словамъ.

„Между тѣмъ, комитетъ, какъ я и опасался, грозитъ превратиться въ новый „негласный". а судя по людямъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, изъ него выйдетъ гласная и чудовищная нелѣпость" [1]).

Черезъ двѣ недѣли Ковалевскій призвалъ Никитенко для объясненій.

„Я явился къ нему въ часъ.

— Дѣло объ опредѣленіи васъ въ комитетъ печати,—сказалъ мнѣ министръ, — приняло серьезный и щекотливый оборотъ. На это изъявилъ свое желаніе государь, и теперь я вамъ это передаю именно какъ его желаніе, о которомъ мнѣ сообщилъ графъ Адлербергъ.

— Да,—отвѣчалъ я,—это, дѣйствительно, ставитъ меня въ большое затрудненіе. Я готовъ на всякій трудъ, который давалъ бы хоть тѣнь надежды на пользу дѣла, столь дорогого для меня, какъ наука и литература. Но у этого комитета нѣтъ почвы, если онъ, какъ говорятъ его члены, созданъ для нравственнаго наблюденія надъ литературою, и тутъ не на чемъ стоять. Если же онъ долженъ превратиться въ негласный комитетъ, то почва его грязная, и я не хочу на ней выпачкаться.

„Мы долго еще объ этомъ толковали и, наконецъ, я обѣщался Евгр. Петровичу попытаться, нельзя-ли дать всему этому дѣлу по возможности благопріятный оборотъ.

„Пока мы разсуждали, пріѣхалъ Мухановъ. Тутъ у меня завязался съ нимъ отдѣльный разговоръ.

„Мухановъ старался доказать, что комитетъ не имѣетъ никакихъ ретроградныхъ намѣреній; что въ немъ ничего нѣтъ похожаго на комитетъ 2 апрѣля; что государь слишкомъ далекъ отъ подобнаго учрежденія" [2]).

23 февраля Никитенко былъ приглашенъ въ комитетъ и увидѣлъ „троемужіе" въ полномъ составѣ.

„Принятъ я былъ крайне вѣжливо, особенно гр. Адлербергомъ. Я рѣшился открыто высказать имъ какъ мои убѣжденія, такъ и взглядъ мой на комитетъ, дабы они сами могли рѣшить, могу-ли я участвовать въ дѣлахъ ихъ. Они слушали меня съ глубокимъ вниманіемъ. Я говорилъ имъ, какое невыгодное мнѣніе составила себѣ публика о комитетѣ; что она считаетъ его комитетомъ 2-го апрѣля; что я, съ своей стороны, полагаю этотъ послѣдній совершенно невозможнымъ въ настоящее время и думаю, что ихъ комитетъ не можетъ быть гасительнаго и ретрограднаго свойства; *что его единственно возможное назначеніе—быть посредникомъ между литературою и государемъ и дѣйствовать на общественное мнѣніе, проводя въ него, путемъ печати, виды и намѣренія правительства, подобно тому, какъ дѣйствуетъ литература, проводя въ него свои идеи* [3]).

---

[1]) „Рус. Старина", 1890 г., X, 144—145.
[2]) Ibidem, 148—149.
[3]) Курсивъ мой. Обращаю вниманіе читателя на эти слова—они будутъ нужны ниже. Нельзя также не замѣтить, что, конечно, комитетъ долженъ былъ согласиться съ Никитенкомъ—вѣдь, имъ была повторена мысль его основателей.

„Они торжественно подтвердили мой взглядъ.

„Я изложилъ имъ также мои политическія вѣрованія. Я полагаю необходимымъ для Россіи всякія улучшенія, считая главными началами въ нихъ: гласность, законность и развитіе способовъ народнаго воспитанія и образованія, или, говоря модными словами, я вѣрую въ необходимость прогресса. Но есть два рода прогресса: одинъ можно назвать прогрессомъ *сломя голову*, который часто проскакиваетъ мимо цѣли; и другой—*умѣренно*, *постепенно*, но вѣрными шагами идущій къ цѣли; я поборникъ послѣдняго—и неуклонный.

„Все это они приняли очень хорошо. Затѣмъ я сказалъ, что если бы мнѣ пришлось участвовать въ комитетѣ, то не иначе, какъ съ правомъ голоса.

„Это ихъ смутило. Мухановъ замѣтилъ, что, такъ какъ государь уже утвердилъ положеніе комитета и составъ его, то трудно внести въ него новое начало. На это я возразилъ, что другой характеръ, характеръ дѣлопроизводителя бюрократическаго, для меня невозможенъ, ни по положенію моему, ни по убѣжденію.

„Положено было, чтобы я составилъ записку въ духѣ того, что говорилъ, и въ четвергъ принесъ бы ее съ собою. Тѣмъ засѣданіе было кончено.

„Сегодня, въ четвергъ, я прочиталъ имъ мою записку, гдѣ тѣ же идеи изложены подробнѣе. Распространившись о томъ, что литература вообще не имѣетъ никакихъ революціонныхъ замысловъ, я стоялъ на томъ, что подавлять ее нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ; что для нея вполнѣ достаточно обыкновенныхъ цензурныхъ мѣръ; что стѣснять литературу посредствомъ правительственныхъ *мѣропріятій* невозможно и не должно, и что комитету слѣдуетъ развѣ только, по волѣ государя, наблюдать за движеніемъ умовъ и направлять къ общему благу не литературу, а общественное мнѣніе.

„Я забылъ сказать, что въ понедѣльникъ еще, послѣ моихъ объясненій въ комитетѣ, я поѣхалъ къ министру и сообщилъ ему, что требую права голоса въ комитетѣ. Онъ совершенно это одобрилъ и убѣждалъ меня принять на этомъ условіи мѣсто директора-правителя дѣлъ, такъ какъ съ этимъ правомъ я несомнѣнно буду въ состояніи дѣлать добро. Онъ сказалъ мнѣ то же, что въ воскресенье, на балѣ, говорилъ съ государемъ обо мнѣ и указывалъ на меня, какъ на лицо, которое, по его мнѣнію, болѣе чѣмъ кто-либо можетъ дѣйствовать съ пользою въ комитетѣ. Государь обратился къ Адлербергу и сказалъ: „Слышишь, Александръ?“ Министръ и прежде, при самомъ образованіи комитета, предлагалъ меня въ члены, вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, Ѳ. И. Тютчевымъ, П. А. Плетневымъ и Егоромъ Петровичемъ Ковалевскимъ, братомъ своимъ.

„Записка моя, послѣ всего, была принята, и завтра пойдетъ докладъ къ государю“ [1]).

1 марта Никитенко получилъ бумагу о высочайшемъ утвержденіи его въ должности директора-дѣлопроизводителя комитета по дѣламъ книгопечатанія. Государь остался очень доволенъ его запиской и пожелалъ, чтобы онъ ему представился. 11 марта представленіе состоялось.

„— Очень радъ познакомиться съ вами,—сказалъ мнѣ государь съ невыразимою любезностью.

[1]) Ibidem, 149—150.

засѣдать въ трибуналѣ, *который признается гасительнымъ*, но въ томъ-то и дѣло, господа, что я хочу парализовать его гасительныя вожделѣнія. Будетъ возможность дѣйствовать благородно—буду, нельзя—пойду прочь. Во всякомъ случаѣ, я твердо намѣренъ до послѣдней крайности противиться мѣрамъ стѣснительнымъ. Но въ то же время, я убѣжденъ, что и литература, въ данную минуту, не можетъ, не должна расторгнуть всякую связь съ правительствомъ и стать открыто во враждебное ему положеніе. Если я правъ, то необходимо, чтобы кто-нибудь изъ насъ явился представителемъ этой связи и взялъ на себя роль, такъ сказать, связующаго звена. Попробую быть этимъ звеномъ.

„Можетъ быть, мнѣ удастся растолковать комитету, что на дѣла подобнаго рода надо смотрѣть широкимъ государственнымъ глазомъ; что комитету не слѣдуетъ враждовать ни съ мыслью, ни съ литературою, ни съ чѣмъ: *онъ не партія, а общественный дѣятель*; что не слѣдуетъ раздражать умы; что на немъ, комитетѣ, большая отвѣтственность передъ Россіею, государемъ и потомствомъ, и что въ силу этой отвѣтственности онъ не долженъ останавливаться на мелкихъ литературныхъ дрязгахъ, а смотрѣть дальше и видѣть въ литературѣ общественную силу, которая можетъ сдѣлать много добра обществу. Если же съ этимъ добромъ соединяются также и неизбѣжные спутники всѣхъ человѣческихъ дѣяній—ошибки, заблужденія, увлеченія, то ихъ ослаблять слѣдуетъ не гнетомъ на самое добро, *а разумнымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе*. Можетъ быть, удастся, нѣтъ—такъ не я первый, не я послѣдній изъ обманувшихся въ чистыхъ намѣреніяхъ. Долгъ мой будетъ исполненъ“ [1]).

По тому времени Никитенко считался вполнѣ образованнымъ человѣкомъ; общество, въ которомъ онъ вращался, было, несомнѣнно, верхомъ интеллигенціи бюрократическаго оттѣнка, часто съ примѣсью ужъ безусловно прогрессивнаго элемента: есть указанія на его общеніе напримѣръ съ Чернышевскимъ. Поэтому, если онъ былъ убѣжденъ въ *общественномъ* характерѣ своей новой службы, то это до нѣкоторой степени иллюстрируетъ тогдашнія понятія бюрократіи объ общественности вообще. Ниже мы увидимъ, насколько прогрессивный элементъ литературы и общества расходился съ Никитенкомъ въ номенклатурѣ происходившихъ явленій и событій, теперь же намъ полезно понять точку зрѣнія его самого. Итакъ, комитетъ—*общественный дѣятель*... Какъ мы видѣли, „троемужіе“ вполнѣ одобряло такое опредѣленіе своего значенія; одобряло уже потому, что, дѣйствительно, еще больше Никитенка, было увѣрено въ его правильности: не доносить, не инквизиторствовать—значитъ быть уже не абсолютнымъ слугою правительства, а посредникомъ между нимъ и обществомъ, ergo — общественнымъ дѣятелемъ... Логика очень своеобразная... Только спустя полгода комитетъ понялъ, что тутъ есть натяжка, но и тогда приписалъ свои неудачи не себѣ, а тому же обществу, которое, де,

Въ невѣжествѣ своемъ,
Какъ камень въ морѣ, утопало.

---

[1]) Ibidem, 150—151. Курсивъ мой.

„Я поклонился и ожидалъ, что его величеству еще угодно будетъ мнѣ сказать. Онъ продолжалъ:

— Я съ вниманіемъ и съ удовольствіемъ читалъ вашу записку. Желательно, чтобы вы дѣйствовали вліяніемъ вашимъ на литературу такимъ образомъ, чтобы она, согласно съ правительствомъ, дѣйствовала для блага общаго, а не въ противномъ смыслѣ.

— Это, ваше величество, — отвѣчалъ я,—конечно, есть единственный путь, которымъ можно идти къ величію и благоденствію Россіи. Употреблю всѣ силы мои для служенія этому дѣлу.

— Есть стремленія,—продолжалъ государь,—которыя несогласны съ видами правительства. Надо ихъ останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ. Я очень желалъ бы, чтобы важные вопросы разсматривались и обсуживались научнымъ образомъ; наука у насъ еще слаба. Но легкія статьи должны быть умѣренны, особенно касающіяся политики.

„Государь особенно налегъ на словѣ политика.

— Государь,—отвѣчалъ я,—осмѣлюсь сказать, основываясь на продолжительныхъ моихъ наблюденіяхъ и опытѣ, что лучшіе и, слѣдовательно, имѣющіе наиболѣе вліянія умы въ литературѣ не питаютъ никакихъ враждебныхъ правительству замысловъ. Если встрѣчаются какія-нибудь въ этомъ родѣ ошибки и заблужденія, то развѣ только въ немногихъ еще шаткихъ и неопытныхъ умахъ, которые не заслуживаютъ исключительнаго вниманія.

— Не надо думать,—замѣтилъ государь,—что дѣло ваше легко. Я знаю, что комитетъ не пользуется расположеніемъ и довѣріемъ публики.

— Моя роль, какъ я ее понимаю, ваше величество, быть примирителемъ обѣихъ сторонъ.

— Опять повторяю,—сказалъ еще государь,—что мое желаніе не употреблять никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, и если комитетъ понимаетъ мои виды, то, несмотря на трудности, можетъ, все-таки, что-нибудь сдѣлать.

„При словахъ: „если комитетъ понимаетъ мои виды“, государь значительно взглянулъ на графа А. В. Адлерберга.

„Было сказано еще нѣсколько словъ объ изданіи предполагаемой правительственной газеты, а затѣмъ государь крѣпко пожалъ мнѣ руку и чрезвычайно ласково проговорилъ: „постарайтесь!“ поклонился и оставилъ меня“ [1]).

Такимъ образомъ, „троемужіе“, обращенное въ комитетъ, пополнилось четвертымъ членомъ, которому не мало пришлось поработать на новомъ поприщѣ „общественной“,—какъ все время былъ убѣжденъ Никитенко—дѣятельности.

Эта „общественность“ настолько интересна, что я позволю себѣ остановиться на одномъ мѣстѣ „Дневника“ директора-дѣлопроизводителя, гдѣ особенно ярко подчеркнута именно эта сторона новаго негласнаго блюстителя литературной нравственности.

„Жребій брошенъ. Я на новомъ поприщѣ *общественной* дѣятельности. Трудности тутъ будутъ—и трудности значительныя. Но нехорошо, нечестно было бы, избѣгая ихъ, отказываться дѣйствовать. Много будетъ толковъ; возможно, что многіе станутъ меня упрекать за то, что я рѣшился съ моимъ чистымъ именемъ

[1]) Ibidem, 156—157

Встрѣча комитета печатью и обществомъ.

Какъ же отнеслось общество къ своему негласному „воспитателю"?

Отвѣтить на этотъ вопросъ можно вполнѣ опредѣленно, хоть и не особенно подробно, потому что комитетъ, все-таки, не былъ тѣмъ учрежденіемъ, которое функціонировало у всѣхъ на виду.

Уже самая встрѣча, которая была оказана „троемужію" „Русскимъ Вѣстникомъ" Каткова, не обѣщала ничего благопріятнаго со стороны общества.

Вотъ что находимъ въ „Современной Лѣтописи" декабрьской книжки, датированной цензурой 11 января 1859 г.:

„Въ Берлинѣ существуетъ центральный комитетъ прессы, который, кромѣ редакціи офиціальнаго журнала, служащаго органомъ министерству, занимался составленіемъ и разсылкою корреспонденцій и статей въ провинціальныя газеты и вообще имѣлъ своею задачею руководствовать направленіемъ журналистики. Если провинціальная газета отказывалась помѣстить присланную статью или принять навязаннаго сотрудника, то она подпадала подъ дѣйствіе 71 статьи закона о промышленности, то есть у редакціи можно было отнять позволеніе издавать журналъ. Теперь правительство ясно поняло нелѣпость такого учрежденія и убѣдилось въ безполезности и беззаконности подобнаго насилія, оно отняло у комитета это вредное и безнравственное назначеніе. Правительство отказалось также платить и выдавать субсидіи разнымъ журналамъ, которые за это обязывались говорить въ духѣ правительства.

„Кто не порадуется этой мѣрѣ прусскаго правительства, отмѣняющей одно изъ самыхъ губительныхъ проявленій административной опеки? Подкупать мысль, насиловать убѣжденіе—что можетъ быть губительнѣе, какъ для общества, такъ и для самого правительства? Мудрено-ли, что при такомъ недостойномъ и безнравственномъ учрежденіи, общественное мнѣніе въ Пруссіи было такъ болѣзненно и хило, мудрено-ли, что тамъ создались изъ ничего разные мрачные элементы, столько же опасные порядку, сколько и свободѣ. Скажите, гдѣ найдетъ себѣ опору порядокъ, если систематическимъ подкупомъ и насиліемъ будутъ отравлены всѣ источники общественнаго мнѣнія, будетъ убита мысль, будетъ осквернена святыня убѣжденія? Подозрѣвали-ли многомудрые основатели этой системы въ Пруссіи, что они подрывали этимъ всѣ основы общественнаго порядка, что они заражали самою опасною язвою организмъ народа, что они болѣе всякихъ революціонеровъ колебали то, что брались охранять? Къ счастью, эта позорная система не могла распространиться въ Пруссіи слишкомъ далеко и ограничивалась лишь провинціальною ежедневною журналистикою. Но, спрашивается, къ чему было подкупать и насиловать эти несчастныя провинціальныя газеты? Получало-ли правительство, въ замѣнъ неизбѣжнаго зла, которымъ заражало общество, хоть какую-нибудь временную пользу, когда, всею силою своего авторитета, вносило развратъ и безчестную ложь въ умственное дѣло? Какая радость была ему оттого, что общество переставало вѣрить въ чистоту мнѣній? Какая радость для охранительныхъ началъ, когда каждое слово, сказанное въ ихъ пользу, публика привыкаетъ понимать за презрѣнную корыстную ложь? Вѣрнѣйшій способъ погубить какое-либо начало въ убѣжденіяхъ людей, лучшій способъ подорвать его нравственную силу—взять его подъ офиціальную опеку. Наконецъ, не всякому-ли здравому уму понятно, что система лжи и подкуповъ не можетъ привести ни къ чему доброму? Правительство, не входя ни въ какія унизительныя и частныя сдѣлки съ литераторами и журналами, можетъ дѣйствовать гораздо успѣшнѣе и гораздо достойнѣе, предлагая литературѣ на разсмотрѣніе и обсужденіе тѣ или другіе административные,

политическіе или финансовые вопросы, и вызывая всѣ лучшіе умы въ обществѣ содѣйствовать ему въ ихъ разъясненіи" [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что политическій обозрѣватель журнала потому и остановился на этомъ фактѣ, потому и далъ ему соотвѣтствующую оцѣнку, что Катковъ былъ уже освѣдомленъ о намѣреніяхъ петербургскихъ сферъ. Возможно даже предположить, что онъ хотѣлъ предупредить правительство о возможныхъ послѣдствіяхъ принципіально рѣшеннаго уже къ тому времени опаснаго шага.

Но шагъ былъ сдѣланъ. Тогда въ февралѣ, пользуясь опять-таки подходящимъ фактомъ изъ европейской жизни, журналъ снова дѣлаетъ рѣзкій вызовъ.

Французскій министръ внутреннихъ дѣлъ, Делангль, разослалъ префектамъ нашумѣвшій въ свое время въ Европѣ циркуляръ о внушеніи всѣмъ и каждому, а писателямъ преимущественно — надлежащихъ убѣжденій; предписывалось озаботиться, чтобы редакторы политическихъ журналовъ и газетъ прониклись духомъ рѣчи Наполеона III и говорили такимъ же языкомъ, прославляя и миръ, и войну, но чтобы тѣмъ не менѣе слова ихъ способны были возбуждать надлежащій энтузіазмъ въ умахъ и отвлекать послѣдніе отъ вульгарныхъ интересовъ...

Снова политическій обозрѣватель встаетъ за автономность печати, снова клеймитъ вмѣшательство въ свободу убѣжденій развратомъ и растлѣніемъ.

„Но, скажутъ, почему же офиціальное вмѣшательство въ личную мысль и въ общественное мнѣніе должны непремѣнно сопровождаться развратомъ и растлѣніемъ? Почему мыслящіе люди должны испортиться, если правительство захочетъ приближать ихъ къ себѣ, давать имъ направленіе, соотвѣтственное благимъ его видамъ, внушать имъ достодолжныя чувствованія и похвальныя рѣчи? Почему каждый писатель непремѣнно долженъ на все смотрѣть съ иной точки зрѣнія, чѣмъ правительство, почему не можетъ онъ съ полною искренностью идти за одно съ нимъ, мыслить, чувствовать одинаково! Почему нѣтъ? Но для полной искренности надобно каждому оставить его свободу, а безъ полной искренности все будетъ гибельнымъ развратомъ, разрушительнымъ тлѣніемъ. Правительство, одушевляемое истинно благими намѣреніями, правительство сознательное и просвѣщенное не можетъ не чувствовать благородной потребности слышать самостоятельное и свободное мнѣніе. Правительство состоитъ изъ людей, а каковы бы ни были люди, никто, безъ тяжкаго грѣха передъ Богомъ, передъ людьми и собственною совѣстью, не можетъ считать себя исключительнымъ обладателемъ истины; правительственные люди выходятъ изъ того же общества и выносятъ изъ него извѣстныя понятія и мнѣнія, которыя составляютъ ихъ силу или слабость на чредѣ власти; отъ чего же изъ этого самаго общества, породившаго и воспитавшаго ихъ, не могутъ выходить другія понятія, другія мнѣнія и разъяснять дѣло съ другихъ сторонъ, на пользу всѣмъ, какъ правительству, такъ и обществу? Развѣ лучше систематическая односторонность, развѣ лучше, вмѣсто разумнаго и свободнаго убѣжденія, стукаться лбомъ о матеріальныя препятствія и приходить въ чувство отъ иноземныхъ увѣщаній, подкрѣпляемыхъ краснорѣчіемъ пушекъ и штыковъ, какъ это приключается теперь съ Австріей? Пусть, наконецъ, правительство ищетъ и привлекаетъ къ себѣ людей мыслящихъ и способныхъ—это прекрасно; но пусть оно ищетъ ихъ для правительственныхъ должностей, а не для литературы, иначе оно ошибется въ разсчетѣ, обнаружитъ свое безсиліе, покроетъ себя стыдомъ и будетъ могущественно содѣйствовать только умственному разврату, нравственному растлѣнію.

...„Отчего въ нѣкоторыхъ странахъ съ понятіемъ *казеннаго* соединяется такъ много нехорошаго, отчего это почтенное слово потеряло всякій кредитъ и озна-

[1]) „Политическое обозрѣніе", 441—442.

чаетъ все, что мертво и мертвитъ? Гдѣ казна знаетъ свое истинное дѣло и занимается имъ однимъ, тамъ этого нѣтъ, тамъ она пользуется должнымъ уваженіемъ, тамъ народное чувство не пугается *казеннаго* и не соединяетъ съ этимъ эпитетомъ обиднаго значенія. Но отвлекаясь отъ своего дѣла и путаясь во всевозможныя дѣла, казна становится и безсильна, и вредна, и смѣшна; отваживаясь на несвойственные ей пути, она роняетъ себя и вредитъ всему прочему, она пріучаетъ смотрѣть на себя, какъ на что то докучное, излишнее, отяготительное, наконецъ, положительно вредное, положительно гибельное. Къ чему же можетъ вести это?

„...Пусть наемные риторы твердятъ что угодно въ своихъ журналахъ, — никто не приметъ ихъ словъ за выраженіе общественнаго мнѣнія; свободные и честные органы будутъ хранить молчаніе, потому что они не захотятъ чувствовать и мыслить по командѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда бы мыслили и чувствовали заодно съ правительствомъ. Но отнять у общественнаго мнѣнія свободу выраженія еще не значитъ измѣнить его элементы, перестроить его основы на свой ладъ и по своему изволенію. Эти элементы, эти основы останутся во мракѣ и будутъ дѣйствовать во мракѣ. Думать, что все неблагопріятное намъ исчезнетъ, если мы зажмуримъ глаза и заткнемъ себѣ уши, не наивное-ли это ребячество? А все говорятъ, что наше время не наивно!“ [1]).

Вотъ какъ былъ встрѣченъ комитетъ по дѣламъ книгопечатанія... Изъ всѣхъ журналовъ „Русскій Вѣстникъ“ оказался самымъ смѣлымъ въ выраженіи своего негодованія. Гораздо болѣе сдержанную статью помѣстилъ „Современникъ“, ставшій какъ разъ съ 1859 г. органомъ не только литературнымъ, но и политическимъ. Приведя приказъ Делангля, обозрѣватель „Современника“ не снабдилъ его сколько-нибудь сильными комментаріями. Другіе органы или совсѣмъ не обратили вниманія на этотъ фактъ, или ограничились только простымъ его констатированіемъ. Конечно, это не даетъ права премировать смѣлость „Рус. Вѣстника“—все зависѣло отъ цензоровъ, навѣрное, лишившихъ нѣкоторые органы возможности сколько-нибудь освѣтить французскій циркуляръ; вѣроятно и „Современнику“, бывшему давно подъ особымъ наблюденіемъ, не дали сказать всего.

Отповѣдь Каткова была принята въ Петербургѣ, конечно, очень сурово. Доведенная до государя, она повлекла за собою прежде всего слѣдующее распоряженіе министра просвѣщенія отъ 28 февраля:

„1) Текущія политическія *извѣстія*, какъ въ ежедневныхъ газетахъ, такъ и въ недѣльныхъ изданіяхъ, печатаемыхъ въ Москвѣ, заимствовать исключительно изъ газетъ петербургскихъ, которыхъ политическіе отдѣлы разрѣшаются къ печати цензурою министерства иностранныхъ дѣлъ. 2) Политическія *обозрѣнія* и *статьи* въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, хотя и должны быть составлены по извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ русскихъ газетахъ и журналахъ, разсмотрѣнныхъ цензурою министерства иностранныхъ дѣлъ, но какъ въ подобныхъ статьяхъ и обозрѣніяхъ можетъ проявляться собственный взглядъ автора, иногда противный политикѣ нашего правительства, то для устраненія всякихъ неумѣстныхъ сужденій и намековъ, разсматривать эти обозрѣнія и статьи въ полномъ засѣданіи московскаго цензурнаго комитета, и съ разрѣшенія его дозволять печатаніе оныхъ; въ случаѣ же какого либо недоумѣнія или сомнѣнія комитета, представлять эти статьи и обозрѣнія г. министру народнаго просвѣщенія, для передачи

[1]) „Рус. Вѣстникъ“, 1859 г., февраль, книжка первая. „Современная лѣтопись“, 246—248.

ихъ, если онъ признаетъ это нужнымъ, на окончательное разсмотрѣніе министра иностранныхъ дѣлъ" [1]).

Но этимъ дѣло не кончилось. Попечитель московскаго учебнаго округа получилъ такое предписаніе:

„Во 2-й декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" за истекшій 1858 г., въ „политическомъ обозрѣніи", на стр. 441 и 442, разсказывается о существующемъ въ Берлинѣ центральномъ комитетѣ прессы, котораго назначеніе—руководствовать направленіемъ журналистики и который разсылаетъ статьи и корреспонденціи въ провинціальныя газеты. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападая на мысль прусскаго правительства, выраженную учрежденіемъ этого комитета, авторъ статьи „Рус. Вѣстника" отвергаетъ право всякаго правительства на какое бы то ни было вмѣшательство въ дѣла литературы и журналистики и находитъ лучшимъ, чтобы правительство предлагало литературѣ на разсмотрѣніе и обсужденіе административные, политическіе и финансовые вопросы. Вся статья пропитана духомъ озлобленія и протеста и выражаетъ конституціонныя стремленія въ сочинителѣ статьи. Подобныя тому выходки противъ вліянія правительства на общественное мнѣніе появились въ 1-й февральской книжкѣ 1859 г. „Рус. Вѣстника" въ „Современной Лѣтописи". Здѣсь выражается мысль, что употребленіе правительствомъ литераторовъ для проведенія въ публику своихъ видовъ ведетъ къ умственному разврату и нравственному растлѣнію. Такая декларація въ виду учрежденнаго у насъ нынѣ комитета по дѣламъ книгопечатанія, не можетъ не имѣть значенія громко заявленнаго протеста противъ вмѣшательства правительства въ дѣла литературы и, слѣдственно, носитъ на себѣ отпечатокъ противодѣйствія распоряженіямъ его.

„Покорѣйше прошу в. п—во сдѣлать выговоръ цензорамъ ст. сов. Драшусову и надв. сов. Гилярову-Платонову, одобрившимъ къ печати означенныя журнальныя книжки, а также внушить редактору „Рус. Вѣстника" все неприличіе, всю непозволительность какъ вышесказанныхъ статей, такъ и господствующаго въ „Совр. Лѣтописи" его журнала (кромѣ отдѣльныхъ статей), не соотвѣтствующаго началамъ нашего государственнаго устройства, духа и направленія и предостеречь его, что если онъ не измѣнитъ этого направленія, то правительство вынуждено будетъ принять касательно его изданія рѣшительныя мѣры".

Очевидно, Ковалевскій далъ это предписаніе подъ давленіемъ комитета, которому онъ вовсе не сочувствовалъ.

Но этими мѣрами общественное мнѣніе не убѣждалось въ иномъ значеніи своего воспитателя. Мы уже видѣли, что самъ Александръ II зналъ о несочувствіи общества. Аналогичныхъ показаній много. Общество не могло не понимать, что всякое лишнее звено въ сложной цѣпи цензурнаго вѣдомства, не будетъ ничѣмъ инымъ, какъ новымъ давленіемъ, новыми оковами.

Никитенко старался особенно внимательно прислушаться къ голосу общества и, по его словамъ, одни были рады его вступленію въ „троемужіе", другіе сильно порицали. По адресу вторыхъ Никитенко записываетъ: „Нѣкоторые изъ *крайнихъ* полагаютъ, однако, что поступленіемъ моимъ въ комитетъ я утвердилъ его су-

[1]) „Сборникъ постановленій etc", 441—442.

ществованіе; что если бы я отказался отъ него, то, увидѣвъ невозможность привлечь къ себѣ какую-либо изъ благородныхъ силъ литературы, онъ принужденъ бы былъ закрыться, какъ дѣло вполнѣ неудавшееся и невозможное. Ну, а если бы этого не случилось? Не принялъ ли бы тогда комитетъ характера вполнѣ подавляющаго? Врядъ-ли бы онъ могъ такъ добродушно посягнуть на самоубійство? Не увидѣлъ-ли бы онъ, напротивъ, въ такомъ рѣшительномъ отчужденіи литературы отъ правительства новаго повода пугать ею послѣднее, и не счелъ-ли бы своею обязанностью дѣйствовать противъ явнаго врага. Правительство, пожалуй, опять стало бы прибѣгать къ *сильнымъ мѣрамъ*, и запрещенія посыпались бы то на тотъ, то на этотъ журналъ. Что тогда? Не лучше-ли попытаться достигнуть желаемаго путемъ мирныхъ соглашеній" [1]).

О радующихся читаемъ: „всѣ литераторы приняли меня радушно, по-братски. Многіе выражали удовольствіе по случаю моего новаго назначенія. Это было мнѣ пріятно, какъ свидѣтельство, что они понимаютъ мои намѣренія и отдаютъ имъ справедливость" [2]). Подъ „*всѣми* литераторами" подразумѣваются бывшіе на обѣдѣ въ честь актера Мартынова — Дружининъ, Некрасовъ, Островскій, Шевченко, Языковъ. Удовольствіе же выражали лишь *многіе*... Въ другомъ мѣстѣ находимъ запись: „Отъ Дружинина письмо изъ Москвы: тамъ, по его словамъ, всѣ окончательно убѣдились въ пользѣ моего поступленія въ комитетъ" [3]). Еще въ одномъ мѣстѣ узнаемъ, что Никитенко обѣдалъ у Некрасова, былъ И. И. Панаевъ [4]).

Во всемъ этомъ нѣтъ ровно ничего удивительнаго. Никитенко былъ извѣстенъ знавшимъ его литераторамъ, какъ буферъ между „административной расправой" и печатью, каковую роль онъ исполнялъ еще и при Норовѣ. Такого человѣка людямъ не крайнихъ убѣжденій не приходилось конечно чураться, а что до „Современника", то, вѣдь, онъ, лѣтъ десять назадъ, состоялъ его редакторомъ и слѣдовательно, отношенія простого знакомства впослѣдствіи были вполнѣ нормальны.

Подборъ „чтецевъ". Борьба Ковалевскаго съ комитетомъ путемъ „обзоровъ" Щебальскаго. Первыя распоряженія комитета. Охрана мчащихся по Невскому проспекту на собственныхъ рысакахъ. Никитенко разочаровывается.

И общество было право.

Еще когда комитетъ былъ „троемужіемъ" и, слѣдовательно, не чувствовалъ подъ собой почвы высочайшаго утвержденія, и тогда онъ уже обѣщалъ превратиться въ самый форменный негласный надзоръ.

Вотъ какую запись встрѣчаемъ у Никитенка подъ 28 декабря 1858 г.:

„Сегодня былъ у меня одинъ изъ кончившихъ въ нынѣшнемъ году курсъ студентовъ, котораго Мухановъ приглашаетъ къ себѣ въ сотрудники, т. е. въ агенты по этому комитету. Онъ предлагаетъ ему читать журналы и доносить комитету о томъ, что найдетъ въ нихъ дурного. Молодой человѣкъ былъ сильно

[1]) „Рус. Старина", 1890 г., X, 153.
[2]) Ibidem, 155.
[3]) Ibidem, 171.
[4]) Ibidem, 165.

озадаченъ этимъ приглашеніемъ и пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ. Я открылъ ему темную сторону предложенной ему роли, и онъ ушелъ отъ меня, повидимому, убѣжденнымъ и утвердившимся въ идеѣ чести" [1]).

Какъ бы предвидя настоящее значеніе и истинную роль комитета, который ждалъ со дня на день своего официальнаго рожденія, Ковалевскій прибѣгъ къ мѣрѣ уже практиковавшейся его предшественникомъ, Норовымъ, во время господства комитета 2 апрѣля 1848 года. Въ первыхъ числахъ января онъ поручилъ историку П. К. Щебальскому составленіе для государя ежемѣсячныхъ обозрѣній замѣчательнѣйшихъ статей въ журналахъ,—видя въ этомъ знакомствѣ съ лучшими произведеніями литературы и науки хоть нѣкоторый громоотводъ напряженной энергіи Тимашевыхъ, Мухановыхъ и tutti quanti.

Читатели уже знакомы съ письмомъ Погодина къ Ковалевскому. Тамъ же были намеки на Щебальскаго, заключавшіеся въ слѣдующихъ словахъ: „государь... могъ положиться на какія-нибудь недостаточныя выписки, злонамѣренныя указанія или кривыя толкованія, кои, къ несчастію, слышатся нерѣдко". Щебальскій отвѣчалъ Погодину:

„Ѳ. И. Тютчевъ давалъ мнѣ прочесть письмо ваше по поводу послѣдней вашей статьи, — да, впрочемъ, оно ходитъ по городу и читается всѣми интересующимися судьбою русской литературы и вообще Россіи. Зная по своему положенію лучше многихъ, чего опасаться и чего ждать ей (литературѣ) надобно, я читалъ письмо ваше съ большимъ участіемъ и съ большимъ пониманіемъ, нежели многіе, но былъ прискорбно пораженъ однимъ мѣстомъ — именно, гдѣ вы говорите о томъ, что свѣдѣнія о литературѣ доходятъ до правительства посредствомъ доносовъ и *выписокъ*. О комъ думали вы, ставя послѣднее слово? Я составляю извлеченіе изъ журнальныхъ статей для прочтенія государя; но тѣ, которые читали эти извлеченія, знаютъ, что о нихъ нельзя упоминать рядомъ съ доносами. Въ первый разъ какъ вы будете въ Петербургѣ, можете сами въ томъ удостовѣриться. Да чего-либо подобнаго доносу не потерпѣлъ бы Евграфъ Петровичъ, которому я представляю свою работу; Тютчевъ не сталъ бы рекомендовать меня для этого занятія, если бы считалъ меня способнымъ обратить перо мое противъ литературы. Вы, конечно, не назвали меня, стало быть, я не имѣю никакого права обижаться, но если вы меня подозрѣвали,—стыдно вамъ, грѣхъ вамъ! А что я принимаю это на свой счетъ, то это потому, что, къ сожалѣнію, очень распространилось мнѣніе, что мои выписки входятъ въ кругъ дѣйствій извѣстнаго комитета. Онѣ вовсе не имѣютъ съ нимъ общаго, идутъ совершенно другимъ путемъ (черезъ министра народнаго просвѣщенія), и составитель ихъ также мало похожъ на агентовъ этого комитета, какъ Ковалевскій на тушителя и обскуранта. Очень прискорбно мнѣ, если вы такимъ образомъ меня разумѣете, вы, съ которымъ я проводилъ вдвоемъ не одинъ часъ, не одинъ вечеръ... Или вы, также какъ многіе, не вѣрите никакой искренности, никакому самостоятельному убѣжденію?.. Невыгодная рекомендація этотъ скептицизмъ для того, кто имъ одержимъ, и плачевный симптомъ, если онъ проникаетъ все общество, какъ у насъ въ настоящее время!.. Я три года съ половиною служилъ московскому обществу, спалъ пять часовъ въ сутки и въ благодарность былъ ославленъ взяточникомъ. Теперь

[1]) „Рус. Старина", 1890 г., IX, 625—626.

выискалъ постъ, на которомъ могу служить литературѣ — и попадаю въ доносчики... Лестно служить такому обществу, такой литературѣ. Пламенно желалъ бы ошибиться въ моемъ подозрѣніи и убѣдиться, что ваше благородное письмо не имѣло въ виду меня, именно потому желалъ бы, что уважаю васъ" [1]).

Имѣя въ виду міровоззрѣніе историка, бывшаго долго сподвижникомъ перебѣжавшаго Каткова, можно, конечно, знать впередъ о какихъ статьяхъ говорилось въ обзорахъ, но убѣдительныхъ данныхъ для подтвержденія словъ Погодина пока нѣтъ.

Вернемся къ дѣятельности комитета.

Подъ 7 февраля 1859 г. Никитенко пишетъ:

„Комитетъ вступилъ, наконецъ, гласно въ свои негласныя права. Онъ отнесся къ министру съ требованіемъ объявить кому слѣдуетъ, чтобы цензора и литераторы являлись къ нему по его призыву для объясненій и вразумленій. Муханову дано, между прочимъ, право задерживать, до его разрѣшенія, выдачу билета на выпускъ книги или журнала изъ типографіи. Да это хуже Бутурлинскаго негласнаго комитета! Даже Николай Павловичъ не посягалъ на это. Вотъ они забрались въ какое болото! Что же я съ ними буду говорить, когда они меня позовутъ? Тутъ невозможно никакое разумное внушеніе" [2]).

А подъ 12 марта:

„Въ комитетѣ Мухановъ свирѣпствовалъ противъ „Искры", на которую сперва напалъ Тимашевъ за стихи: „На Невскомъ проспектѣ" (№ 9). Но Тимашевъ полагалъ достаточнымъ призвать редактора въ III отдѣленіе и вымыть ему голову, а Мухановъ бредилъ все гауптвахтою. Я довольно сильно выразилъ сопротивленіе на *сильныя* мѣры. Послѣ я разсказалъ о пріемѣ, который сдѣлалъ мнѣ вчера государь, а особенно налегъ на то, что ему не угодны крутыя и стѣснительныя мѣры, и что я осмѣлился ему сказать о моей роли примирителя" [3]).

Что же это за стихи? Можно подумать, что въ нихъ проглядывала прямая противоправительственная пропаганда, явное нарушеніе нравственныхъ началъ, блюсти за которыми призванъ былъ комитетъ... Вотъ они въ буквальной подлинности:

На Невскомъ проспектѣ.

Прочь! поди съ дороги!... мчатся, словно черти
Въ щегольскихъ колоскахъ чудо рысаки;
Эй, посторонитесь—зашибутъ до смерти...
Прочь вы, пѣшеходы, горе-бѣдняки!..

Вотъ хватили дышломъ въ шею старушонку,
Вотъ мальчишку сшибли быстрымъ колесомъ,
Вотъ перевернули тощую клячонку
Съ Ванькой-горемыкой, съ бѣднымъ сѣдокомъ

1) *П. Барсуковъ*, н. с. XVI, 358—359.
2) „Рус. Старина", 1890 г. X, 145.
3) Ibidem, 158.

Ну, куда суетесь?.. что вамъ за охота
Между экипажей проходить, спѣша?
— „Да нужда припала, выгнала забота,
„Дѣти просятъ хлѣба, денегъ ни гроша.

„Надо-жъ заработать, надо же разжиться,
„Ждать не будутъ... много насъ такихъ живетъ...
„Тутъ ужъ поневолѣ станешь суетиться;
„Страшно—опоздаешь—дѣло пропадетъ!“

Полно!—это горе, эти всѣ тревоги,
Деньги, хлѣбъ насущный—это пустяки!
Мѣсто, горемыки, мѣсто!.. Прочь съ дороги!
А не то раздавятъ разомъ рысаки.

Имъ вотъ, этимъ франтамъ, выбритымъ отлично,
Этимъ щеголихамъ пышнымъ, молодымъ,
Ѣхать тише, ждать васъ вовсе неприлично,
Да и невозможно... много дѣла имъ!

Этотъ нынче утромъ долженъ быть съ визитомъ
У графини Лумпе, у княгини Кракъ,
У Дюсо котлетку скушать съ аппетитомъ,
Заказать портному самый модный фракъ.

Этотъ мчитъ подарки къ пышной Вильгельминѣ,
Цвѣту всѣхъ камелій, съ кучею связей —
Этихъ ждутъ мантильи въ модномъ магазинѣ,
Тѣхъ—свиданья тайно отъ сѣдыхъ мужей...

Шибче, шибче мчитесь! Щедро раздавайте
Дышлами ушибы, вывихи, толчки...
Мѣсто этимъ барамъ! Мѣсто имъ давайте
Всѣ вы, пѣшеходы, горе-бѣдняки!.. [1]).

Подъ стихотвореніемъ стояла подпись: *П. Вейнбергъ.* Думалъ-ли молодой поэтъ, какую бурю поднимутъ его строки, пропущенныя цензурой...

28 марта Никитенко записалъ:

„До сихъ поръ я не вижу въ комитетѣ по дѣламъ книгопечатанія никакихъ особенно враждебныхъ покушеній. Было у нихъ намѣреніе *направлять литературу* и располагать цензурою посредствомъ *внушеній* и *страха.* Но это, теперь для меня очевидно, было скорѣе слѣдствіемъ непониманія вещей, чѣмъ систематически организованнаго замысла. Что касается до *направленія* литературы, то мнѣ удалось совсѣмъ уничтожить эту мысль, а теперь удалось уже и сильно поколебать *покушеніе* на литературу“ [2]).

Это стоитъ въ самомъ очевидномъ противорѣчіи со словами, сказанными Никитенкомъ мѣсяцемъ раньше, въ томъ же комитетѣ. Тогда онъ категорически утверждалъ, что „единственно возможное назначеніе комитета—быть посредникомъ между литературою и государемъ и дѣйствовать на общественное мнѣніе, проводя въ него, путемъ печати, виды и намѣренія правительства, подобно тому, какъ

---

[1]) „Искра“, 1859 г., № 9.
[2]) „Рус. Старина“, 1890 г., X, 160.

дѣйствуетъ литература, проводя въ него свои идеи". А развѣ это не прямая форма „направленія"?...

Я остановился на этомъ противорѣчіи, потому, съ одной стороны, что Никитенко много разъ мѣнялъ свои виды на комитетъ, съ другой — въ эпоху 1856—1871 годовъ подобныя противорѣчія были замѣтной чертой дѣятельности и „убѣжденій" бюрократическихъ сферъ.

„Въ послѣднемъ засѣданіи (въ четвергъ) я—пишетъ далѣе Никитенко — сильно и много говорилъ членамъ о неприкосновенности цензуры и о необходимости сосредоточить ее въ министерствѣ. Цензора сбиты съ толку и мы не должны еще больше сбивать ихъ своимъ вмѣшательствомъ. При томъ, что мы за сыщики, чтобы гоняться за статейками и пр.? Наше дѣло государственное, задача коего, дѣйствовать на общественное мнѣніе и соглашать его стремленія съ видами правительства посредствомъ открытыхъ, разумныхъ и благородныхъ убѣжденій. „Между правительствомъ, сказалъ я,—и расположеніемъ лучшихъ умовъ въ литературѣ есть точка соприкосновенія, есть стороны, гдѣ возможно соглашеніе. На этихъ-то точкахъ и между этими сторонами надо стоять комитету и приводить ихъ въ гармонію, а не разъединять возбужденіемъ неудовольствій и раздраженій" [1]).

Колебанія Никитенка. Комитетъ изгоняетъ обличенія. Отвѣтъ Каткова комитету. Дѣлалъ-ли комитетъ „сообщенія" въ органы прессы.

Разочаровывающійся Никитенко то и дѣло колебался въ своемъ настроеніи и пользовался положительно каждымъ поводомъ, чтобы укрѣпить себя въ вѣрѣ въ благопріятный исходъ всей этой затѣи.

Такъ: — „Ребиндеръ (попечитель кіевскаго учебнаго округа—*М. Л.*) мнѣ говорилъ,—пишетъ онъ въ іюнѣ,—что Мухановъ вообще не такъ дуренъ, какъ о немъ толкуютъ; что онъ доступенъ хорошимъ идеямъ, и хотя не глубоко, но понимаетъ вещи. Иной разъ и мнѣ начинаетъ такъ казаться".

А 4 марта записано:

„Вечеромъ былъ у Тимашева. Если онъ не притворяется со мной, то онъ гораздо выше своей репутаціи, т. е. той репутаціи, какою онъ пользуется въ литературномъ кругу, и мнѣ во многомъ приходится смягчить мое первоначальное о немъ мнѣніе. Онъ оказывается либеральнѣе многихъ и многихъ изъ тѣхъ сановниковъ, съ которыми мнѣ случалось разсуждать и имѣть дѣло. Напримѣръ, онъ прямо сказалъ государю, что правительство его не пользуется довѣріемъ, а что довѣріе это можетъ быть пріобрѣтено уступками общественному мнѣнію, а не насилованіемъ послѣдняго. Онъ читалъ мнѣ свою записку, гдѣ эта мысль выражена. Потомъ онъ вообще показываетъ себя далекимъ отъ крутыхъ мѣръ и совершенно соглашается съ тѣмъ, что надо идти путемъ умѣреннаго и благоразумнаго либерализма. Такимъ образомъ, онъ, повидимому, вовсе не ретроградъ, не реакціонеръ, но не скрываетъ, впрочемъ, что, по его мнѣнію, надо останавливать слишкомъ ярыя стремленія ультра-либераловъ. Словомъ, въ немъ виденъ умный человѣкъ, понимающій потребности времени и сознающій необходимость

---

1) Ibidem.

улучшеній. Онъ говоритъ, что онъ вовсе не противъ гласности, а только противъ ея злоупотребленій“ [1]).

Но уже 25 апрѣля Никитенко снова разочарованъ. „Что я буду дѣлать съ мелочными умами, которые отцѣживаютъ комара и поглощаютъ верблюда?.. Я хочу спасать великую, существенную вещь, политическій принципъ общества, дѣлая для этого необходимыя уступки и полагая, что этимъ упрочится спокойное, ровное развитіе общества, а они ярятся изъ-за пустяковъ и думаютъ, что спасаютъ общество отъ бурь, когда успѣваютъ потормошить какую-нибудь статейку или фразу“! [2]).

Послѣдствіемъ такой страсти къ „тормошенію“ статейки или отдѣльной фразы былъ приказъ по цензурному вѣдомству отъ 3 октября. Мы знаемъ (см. стр. 125), что только полгода назадъ, 3 апрѣля, печати разрѣшались обличенія; правда, они должны были удовлетворять нѣкоторымъ особеннымъ условіямъ, но все же допускались. Полугода было достаточно, чтобы комитетъ по дѣламъ книгопечатанія возопилъ о массѣ обличеній, совершенно, конечно, еще не соотвѣтствовавшихъ колоссальному количеству злоупотребленій (см. стр. 126).

Снова гласность сводилась къ полной свободѣ молчанія и, конечно, при такихъ условіяхъ приходилось придерживаться и впередъ установившагося обычая— выбирать такія явленія изъ жизни Западной Европы, освѣщеніемъ которыхъ можно бы было намѣренно подчеркивать аналогію ихъ съ Россіей; но и такой примитивный способъ требовалъ большой опытности и сноровки...

По этому поводу нельзя не привести нѣсколькихъ словъ „Русскаго Вѣстника“, сказанныхъ въ отвѣтъ на вызовъ, брошенный со страницъ офиціоза — „Journal de S.-Pétersbourg“. Тамъ появилось письмо „подписчика“, несомнѣнно, кѣмъ-то инспирированнаго. Этотъ „подписчикъ“ упрекалъ русскую журналистику въ апатіи и „болѣзни молчанія“, указывая на *полную*, между тѣмъ, возможность говорить, *благодаря просвѣщенности современной цензуры...* [3]) „Русскій Вѣстникъ“ и теперь оказался счастливѣе своихъ коллегъ: онъ далъ наиболѣе рѣзкую оцѣнку такихъ гнусныхъ обвиненій. Не буду приводить всего его „Отвѣта одному изъ подписчиковъ газеты Journal de S.-Pétersbourg“, дамъ лишь нѣсколько выдержекъ:

„Воздерживаясь по возможности отъ примѣненій къ существующимъ собственно у насъ учрежденіямъ, литература наша занялась преимущественно иностранными государствами, и доказательствомъ успѣшной дѣятельности ея служитъ то, что объ иностранныхъ государствахъ распространены въ нашей публикѣ гораздо болѣе здравыя понятія и гораздо болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія, нежели о Россіи и ея учрежденіяхъ“...

„Будущая исторія русской журналистики несомнѣнно засвидѣтельствуетъ, что русскіе публицисты показали не только патріотизмъ, но и весьма замѣчательное умѣнье выбирать именно то, что особенно нужно и важно для Россіи. Разсуждая теоретически, говоря о Западной Европѣ, русскіе публицисты постоянно имѣли въ виду потребности Россіи; они не бросались отъ одного вопроса къ другому, хватая вершки; они систематически разъясняли понятія публики именно по тѣмъ предметамъ, которые имѣютъ для насъ ближайшую важность!..

[1]) Ibidem, 163—164.
[2]) Ibidem, 167.
[3]) № 257, 31 октября н. ст.

„Пишущій о предметахъ, подлежащихъ общей цензурѣ, если знаетъ законы и обладаетъ нѣкоторою опытностью, и если по счастью имѣетъ дѣло съ цензоромъ, знающимъ и соблюдающимъ законы, всегда можетъ быть болѣе или менѣе увѣренъ, что трудъ его не пропадетъ даромъ. Между тѣмъ, спеціальные цензоры слѣдуютъ правиламъ, публикѣ неизвѣстнымъ, и потому люди, пишущіе для спеціальной цензуры, всегда рискуютъ, что пишутъ не для публики, а только для спеціальнаго цензора. Понятно поэтому, что тѣ изъ литераторовъ, которые дорожатъ своимъ временемъ, могутъ писать только о томъ, что подлежитъ общей цензурѣ; понятно, что въ особенности редакціи журналовъ, въ руководящихъ статьяхъ своихъ, преимущественно сильно вліяющихъ на общественное мнѣніе, не могутъ касаться вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію спеціальныхъ цензуръ" [1]).

Изъ другихъ отзывовъ по этому случаю назову гораздо болѣе сдержанную статью П. В. Анненкова въ № 268 „Московскихъ Вѣдомостей" (за 1859 г.).

Чтобы закончить съ „педагогической" стороной дѣятельности комитета по дѣламъ книгопечатанія, необходимо остановиться еще на роли его, какъ автора или только передаточнаго аппарата особыхъ статей съ надписью „сообщено", обязательныхъ, какъ мы видѣли, для редакцій періодическихъ изданій.

Эта сторона дѣятельности „негласнаго воспитателя" была сведена почти къ нулю. Почему вышло такъ, сказать трудно; одно изъ соображеній я выясню ниже, пока же примемъ это лишь за фактъ. Послѣ внимательнаго просмотра „Отечественныхъ Записокъ", „Современника", „Библіотеки для Чтенія", „Русской Бесѣды", „Петербургскихъ Вѣдомостей", „Московскихъ Вѣдомостей", „Сѣверной Пчелы", „Сына Отечества", „Экономическихъ Записокъ", „Морского Сборника" и „Военнаго Журнала", я нашелъ „сообщенія" только въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Это уже одно наводитъ на сомнѣніе: „сообщены"-ли они именно комитетомъ по дѣламъ книгопечатанія? Кромѣ того, по самой своей задачѣ комитету имѣло смыслъ—съ его, конечно, точки зрѣнія—„сообщать" что-либо именно изъ области „направленія" общественнго мнѣнія, ну, хоть, взглядъ на тотъ или другой „благодѣтельный" шагъ отдѣльнаго вѣдомства, единичнаго администратора и т. п. Между тѣмъ, одно „сообщеніе" (№№ 78, 79), описываетъ, правда на протяженіи цѣлыхъ двухъ съ половиною газетныхъ страницъ, — „Положеніе православныхъ церквей на турецкомъ Востокѣ"; въ концѣ помѣщенъ „Отчетъ о полученіи и употребленіи денегъ и вещей, полученныхъ кн. Васильчиковой послѣ 27 ноября 1858 г." и о „вещахъ и деньгахъ, полученныхъ, гр. Протасовою въ 1859 г."; въ №№ 300 и 307 тѣ же отчеты; въ № 82 отчетъ о деньгахъ и вещахъ, поступившихъ А. Н. Бахметеву въ пользу южно-славянскихъ церквей и училищъ; въ № 114—„Актъ въ Земледѣльческой школѣ", въ № 271—„Объ освященіи Романовскихъ палатъ", наконецъ, въ № 300 — „Отвѣтъ" непремѣннаго секретаря импер. московскаго общества сельскаго хозяйства, Степана Маслова, гр. Н. С. Толстому, подшутившему надъ юбилеемъ общества и празднованіемъ его. Всѣ эти „сообщенія" врядъ-ли, по своимъ темамъ, могли быть присланы изъ комитета, тѣмъ болѣе въ однѣ „Московскія Вѣдомости". Наконецъ, еще одно соображеніе: упомянутое „сообщеніе" въ № 82 начинается такими словами:

---

[1]) „Рус. Вѣстн.", 1859 г., октябрь, книжка вторая, „Современная Лѣтопись".

„Мы получили слѣдующее извѣщеніе отъ А. Н. Бахметева". Слѣдовательно, весьма возможно, что и остальныя аналогичныя по надписи „сообщено" статьи были получены непосредственно отъ лицъ, заинтересованныхъ въ ихъ напечатаніи.

Всѣ эти доводы пріобрѣтаютъ еще болѣе положительную достовѣрность, если обратить вниманіе на одно мѣсто въ отвѣтѣ редакціи „Русскаго Вѣстника" подписчику „Journal de St.-Pétersbourg". Тамъ сказано: „до сихъ поръ никогда еще наше правительство не учило литераторовъ и не трактовало ихъ, какъ несовершеннолѣтнихъ, если они сами не напрашивались на то. Оно считало нужнымъ запрещать то или другое; оно не считало нужнымъ дозволять, чтобы мы предлагали ему по тѣмъ или другимъ внутреннимъ вопросамъ плодъ нашихъ соображеній или помощь нашихъ совѣтовъ, но правительственныя лица не давали намъ наставническихъ уроковъ; честь литературы не была оскорбляема, а тѣ журналы, которые хотятъ того, сохраняютъ неприкосновенно независимость мнѣнія, говоря только то, что согласно съ ихъ убѣжденіями" [1]).

Если въ это внести даже нѣкоторый коэфиціентъ поправки, то, все-таки, нельзя не получить полной увѣренности, что, дѣйствительно, редакція не знала, по крайней мѣрѣ, фактовъ печатанія—а слѣдовательно, и присылокъ (потому что иначе отказавшійся органъ былъ бы немедленно закрытъ) инспирированнаго матеріала, по крайней мѣрѣ до октября, т. е. въ періодъ болѣе энергичной дѣятельности комитета.

Планъ правительственнаго органа, какъ направляющаго общественное мнѣніе. Исторія этого вопроса. Письмо Тютчева кн. Горчакову. Никитенко сильно занятъ газетой.

Теперь, послѣ обзора одной стороны дѣятельности комитета по дѣламъ книгопечатанія, перейдемъ къ другой, едва-ли менѣе интересной.

Когда Никитенку стало ясно общественное настроеніе, когда онъ увидѣлъ, что дѣятельность комитета, какъ учрежденія карательнаго, воспитателя строгаго и взыскательнаго, чревата бутурлинско-анненковско-корфовскими послѣдствіями,—у него возникаетъ планъ „направленія общественнаго мнѣнія" путемъ гласности, планъ правительственной газеты. Этимъ предполагалось достичь одновременно двухъ цѣлей: обезвредить комитетъ, увлекши его литературнымъ предпріятіемъ, и бороться съ „крайними" мнѣніями, которыхъ Никитенко совершенно не переваривалъ. Уже въ началѣ марта планъ этотъ былъ пущенъ въ свѣтъ для лучшаго обсужденія, вызвалъ большіе разговоры, напримѣръ, у гр. Блудова; достигъ государя,—что мы видѣли выше при описаніи пріема имъ Никитенка; словомъ, дѣло было въ ходу.

12 марта, на другой день своего представленія государю, Никитенко записалъ: „Теперь на первомъ планѣ забота о газетѣ. Надо склонять комитетъ къ мысли, что онъ можетъ дѣйствовать на общественное мнѣніе только этимъ путемъ, то есть, путемъ гласности, а никакихъ другихъ мѣропріятій... Еще надобно доказать имъ, что ихъ честь требуетъ противодѣйствія такимъ людямъ, какъ Чевкинъ, Панинъ и прочіе" [2]). Онъ понималъ, что даетъ „большое сраженіе"...

[1]) „Рус. Вѣстникъ", 1859 г., октябрь, книжка вторая, „Современная Лѣтопись".
[2]) „Рус. Старина", 1890 г., X, 158—159.

Какова же была программа предполагавшейся правительственной газеты? На это отвѣчаютъ только два мѣста „Дневника". Прежде всего въ основу ея должно было лечь стремленіе къ „постепенному, ровному прогрессу" „приведеніе въ систему либеральныхъ идей и прямое опредѣленіе чего должно и можно хотѣть" русскому обществу. „Правительство, по мысли Никитенка, никакъ не должно показывать, что оно—врагъ новыхъ идей, если онѣ сдѣлались всеобщими. Его роль въ этомъ случаѣ есть роль согласителя этихъ идей съ общими интересами и съ безопасностью и благомъ государства. Должно указать настоящій путь либеральному началу, а правительство убѣдить, чтобы оно уважало его" [1]).

Въ сущности Никитенку не принадлежитъ иниціатива въ мысли созданія такого органа. Проекты изданія правительственной газеты возникали гораздо раньше и одинъ изъ нихъ относится, напримѣръ, къ царствованію Александра I, когда адъюнктъ московскаго университета М. И. Баккаревичъ предлагалъ издавать очень обширный органъ, назвавъ его „Правительственнымъ Журналомъ„. Но мысль о гласности въ дѣлахъ правительственныхъ дѣйствій встрѣтила тогда несочувствіе, а со стороны министра народнаго просвѣщенія, гр. Завадовскаго—даже и явное нерасположеніе [2]). Впрочемъ, я не буду подробно останавливаться на томъ отдаленномъ времени, а обращу вниманіе читателя на другой проектъ, гораздо болѣе близкій къ комитету по дѣламъ книгопечатанія.

Въ 1857 г. мысль Баккаревича была воспринята министромъ иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчаковымъ, однимъ изъ создателей „троемужія", и опять-таки не безъ вліянія Франціи, гдѣ Наполеонъ III имѣлъ ни одинъ органъ въ своемъ безотчетномъ распоряженіи. Горчаковъ подѣлился ею, между прочимъ, съ Ѳ. И. Тютчевымъ, только что тогда вступившимъ въ должность предсѣдателя комитета иностранной цензуры вмѣсто умершаго А. И. Красовскаго, а до тѣхъ поръ состоявшимъ съ 1848 г., старшимъ цензоромъ при особой канцеляріи Горчакова. Въ ноябрѣ 1857 г. Тютчевъ подалъ уже ему по этому поводу очень интересную записку „О цензурѣ въ Россіи", на французскомъ языкѣ. Привожу ее въ выдержкахъ.

„Если, среди многихъ другихъ, существуетъ истина,—писалъ Тютчевъ,—которая опирается на полнѣйшей очевидности и на тяжеломъ опытѣ послѣднихъ годовъ, то эта истина есть несомнѣнно слѣдующая: намъ было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишкомъ продолжительное стѣсненіе и гнетъ, безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма. Видно, всякое ослабленіе и замѣтное умаленіе умственной жизни въ обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою усиленіе матеріальныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже сама власть съ теченіемъ времени не можетъ уклониться отъ неудобствъ подобной системы. Вокругъ той сферы, гдѣ она присутствуетъ, образуется пустыня и громадная умственная пустота, и правительственная мысль, не встрѣчая извнѣ ни контроля, ни указанія, ни малѣйшей точки опоры, кончаетъ тѣмъ, что приходитъ въ смущеніе и изнемогаетъ подъ собственнымъ бременемъ еще прежде, чѣмъ бы ей суждено пасть подъ ударами злополучныхъ событій. Къ счастью, этотъ жестокій урокъ не пропалъ даромъ. Здравый смыслъ и благодушная

[1]) Ibidem, 160, 163.
[2]) „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи", 10—12.

природа царствующаго императора уразумѣли, что наступила пора ослабить чрезвычайную суровость предшествующей системы и вновь даровать умамъ недостававшій имъ просторъ.

„...Не болѣе другихъ и я нисколько не желаю скрывать слабыя стороны и подчасъ даже уклоненія современной литературы; но нельзя по справедливости отказать ей въ одномъ достоинствѣ, весьма существенномъ, а именно: что съ той минуты, когда ей была дарована нѣкоторая свобода слова, она постоянно стремилась сколь возможно лучше и вѣрнѣе выражать мнѣніе страны [1]). Къ живому сознанію современной дѣйствительности и часто къ весьма замѣчательному таланту въ ея изображеніи, она присоединяла не менѣе искреннюю заботливость о всѣхъ положительныхъ нуждахъ, о всѣхъ интересахъ, о всѣхъ язвахъ русскаго общества. Въ смыслѣ предстоящихъ улучшеній она, какъ и сама страна, озабочивалась только тѣми, которыя были возможны, практичны и ясно указаны, не дозволяя себѣ увлекаться утопіей—этимъ недугомъ, столь присущимъ литературѣ. Если въ борьбѣ ею предпринятой противъ злоупотребленій, она иногда доходила до очевидныхъ преувеличеній, то слѣдуетъ отнести къ ея чести, что въ пылу преслѣдованія ихъ она въ своихъ мысляхъ никогда не отдѣляла интересовъ верховной власти отъ интересовъ страны, проникнутая твердымъ и честнымъ убѣжденіемъ, что вести войну противъ злоупотребленій значило вести ее въ то же время противъ личныхъ враговъ государя.

„...Всѣ вообще убѣждены, что никто сильнѣе Его не страдаетъ отъ этихъ язвъ Россіи и никто живѣе Его не желаетъ ихъ исцѣленія; но нигдѣ, быть можетъ, это убѣжденіе не существуетъ такъ живо, такъ цѣльно, какъ именно среди сословія писателей, и обязанность всякаго благороднаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы громко провозглашать, что въ настоящую минуту едва-ли въ обществѣ можно найти другой разрядъ людей, болѣе благоговѣйно преданныхъ особѣ государя! [2]).

„Не скрываю отъ себя, что подобная оцѣнка, вѣроятно, можетъ встрѣтить недовѣріе со стороны многихъ лицъ въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего офиціальнаго міра. Во всѣ времена существовало въ этихъ слояхъ какое-то предвзятое чувство сомнѣнія и нерасположенія и это весьма легко объясняется спеціальностью ихъ точки зрѣнія. Есть люди, которые знаютъ литературу настолько, насколько полиція въ большихъ городахъ знаетъ народъ, ею охраняемый, т. е. лишь тѣ несообразности и тѣ безпорядки, которымъ иногда предается нашъ добрый народъ.

---

[1]) Очевидно, подъ „нѣкоторой свободой слова" Тютчевъ подразумѣваетъ уничтоженіе комитета 2 апрѣля 1848 года, потому что онъ-то ужъ никакъ не могъ говорить о чемъ-либо другомъ: онъ очень хорошо зналъ, что тогда не было ни одной серьезной мѣры къ расширенію этой свободы.

[2]) Напомню, что вслѣдъ за подачей этой записки, въ ноябрѣ 1857 года, Герценъ начиналъ „Колоколъ" 1858 г., статьей „Освобожденіе крестьянъ!", гдѣ, между прочимъ, сказано: „мы начинаемъ 1858 годъ привѣтствіями Александру II за начало освобожденія крѣпостного состоянія", „...мы счастливы, что можемъ этимъ начать новый годъ; да будетъ онъ дѣйствительно новой эрой для Россіи"! (№ 7, 1 января). А 15 февраля была уже напечатана извѣстная статья „Черезъ три года", начинавшаяся и кончавшаяся возгласомъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!" гдѣ государь былъ названъ „мощнымъ дѣятелемъ, открывающимъ новую эру для Россіи", гдѣ повторялось: „Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи", гдѣ съ полнымъ убѣжденіемъ провозглашалось: „Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано *имъ*, грядущія поколѣнія этого не забудутъ" (№ 9). Въ томъ же нумерѣ Огаревъ, „слишкомъ уважая государя за эти шаги, раскрылъ свой псевдонимъ (*Р. Ч.*). Такимъ образомъ и записка Тютчева и статьи „Колокола" были отвѣтомъ на извѣстные ноябрьскіе рескрипты.

„Нѣтъ, что бы ни говорили, но правительству не приходилось до сихъ поръ раскаяваться въ томъ, что оно смягчило въ пользу печати тотъ гнетъ, который тяготѣлъ надъ нею. Но въ этомъ вопросѣ о печати достаточно-ли того, что сдѣлано и, въ виду болѣе свободнаго умственнаго труда и по мѣрѣ того, какъ успѣхи литературы возрастали, — *не ощущается-ли все сильнѣе ежедневная польза и необходимость высшаго руководства или направленія?* Одна цензура, какъ бы она ни дѣйствовала, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ этого новаго порядка вещей. Цензура служитъ предѣломъ, но не руководствомъ. *А у насъ въ литературѣ, какъ и во всемъ остальномъ, вопросъ не столько въ томъ, чтобы подавлять, сколько въ томъ, чтобы направлять.* Направленіе мощное, разумное, въ себѣ увѣренное направленіе — вотъ чего требуетъ страна, вотъ въ чемъ заключается лозунгъ всего настоящаго положенія нашего.

„...Если справедливо то (что уже утверждалось такъ часто), что правительству не менѣе церкви ввѣрено попеченіе о душахъ, то нигдѣ эта истина столь не очевидна, какъ въ Россіи, и нигдѣ также (нельзя въ этомъ не сознаться) подобное призваніе правительства не могло быть такъ легко выполняемо. *И потому у насъ встрѣчено было бы съ единодушнымъ удовольствіемъ и одобреніемъ намѣреніе власти принять на себя, въ ея сношеніяхъ съ печатью, серьезно и честно-сознанное управленіе общественныхъ умовъ и сохранить за собою право руководить умами*" [1]).

Въ этой части записки можно уже видѣть контуры будущаго комитета по дѣламъ книгопечатанія. Горчаковъ еще тогда, повидимому, передалъ Тютчеву свою мысль, которую тотъ и вполнѣ одобрялъ.

Дальнѣйшее содержаніе записки выясняетъ, какъ достичь этой цѣли, и тутъ уже довольно ясно указывается на необходимость правительственнаго органа печати. Стараясь выяснить, на какихъ условіяхъ „правительство могло бы считать себя въ правѣ проявлять подобное вліяніе на умы", Тютчевъ пишетъ:

„...Прежде всего слѣдуетъ взять страну, какъ она есть въ настоящую минуту, погруженную въ весьма тягостныя и законныя умственныя заботы, между своимъ прошлымъ (правда, изобилующимъ указаніями, но и многими опытами, приводящими въ уныніе), и своимъ будущимъ, преисполненнымъ загадочности.

„Затѣмъ слѣдовало-бы, по отношенію къ государству, прійти къ тому сознанію, къ которому обыкновенно приходятъ съ такимъ трудомъ родители относительно выростающихъ на ихъ глазахъ дѣтей, а именно: что *настаетъ возрастъ, когда мысль тоже мужаетъ и желаетъ, чтобы ее признавали таковою.* Такимъ образомъ, для того, чтобы пріобрѣсти надъ умами, достигшими зрѣлости, то нравственное вліяніе, безъ котораго нельзя помышлять о возможности руководить ими, слѣдовало бы прежде всего вселить въ нихъ увѣренность, что по всѣмъ великимъ вопросамъ, которые озабочиваютъ и волнуютъ нынѣ страну, въ высшихъ слояхъ правительства существуютъ если и не совсѣмъ готовыя рѣшенія, то по крайней мѣрѣ, строго-сознанныя убѣжденія и сводъ правилъ, во всѣхъ своихъ частяхъ согласный и послѣдовательный.

---

[1]) О какомъ „выраженномъ намѣреніи" еще въ 1857 г. говоритъ Тютчевъ—къ сожалѣнію, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ можно сказать увѣренно, что здѣсь онъ сильно ошибается: такія намѣренія никогда не могли встрѣчаться *всей* литературой *единодушно*...

„Понятно, что не слѣдуетъ дозволять обществу вмѣшиваться въ обсужденія государственнаго совѣта или опредѣлять, совмѣстно съ печатью, программу дѣйствій правительства. Но было бы весьма существенно, если бы правительство было само настолько убѣждено въ своихъ идеяхъ, настолько проникнуто своими собственными убѣжденіями, чтобы ощущать потребность проявить ихъ вліяніе и дать имъ проникнуть, какъ элементу возрожденія, какъ новой жизни, въ самую глубь народнаго сознанія. Было бы необходимо, въ виду такихъ затрудненій насъ удручающихъ, чтобъ правительство сознало, что безъ этой *искренней* связи съ дѣйствительною душою страны, безъ полнаго и совершеннаго пробужденія всѣхъ ея нравственныхъ и умственныхъ силъ, безъ ихъ добровольнаго и единодушнаго содѣйствія при разрѣшеніи общей задачи,—правительство, предоставленное собственнымъ своимъ силамъ, не можетъ совершить ничего, столько же извнѣ, какъ и внутри, столько же для своего блага, какъ и для нашего.

„Однимъ словомъ, слѣдовало бы всѣмъ, какъ обществу, такъ и правительству, постоянно говорить и повторять себѣ, что судьба Россіи уподобляется кораблю, сѣвшему на мель, который никакими усиліями экипажа не можетъ быть сдвинутъ съ мѣста, и лишь только одна приливающая волна народной жизни въ состояніи поднять его и пустить въ ходъ.

„Вотъ, по моему мнѣнію, во имя какого принципа и какого чувства правительство могло бы овладѣть умами и сердцами и, такъ сказать, принять ихъ въ свои руки и вести куда ему угодно. За этимъ знаменемъ они послѣдовали бы всюду.

„Считаю излишнимъ говорить, что я вовсе не желаю для этого обратить правительство въ проповѣдника, возводить его на каѳедру и заставлять его произносить поученія передъ безмолвною толпою. Ему слѣдовало бы сообщить свой духъ, а не свое слово, той прямодушной пропагандѣ, которая творилась бы подъ его сѣнью. И такъ какъ, если желаешь убѣдить людей, первымъ условіемъ успѣха служитъ умѣнье возбудить ихъ вниманіе къ вашимъ словамъ, то весьма понятно, что эта спасительная пропаганда для своего успѣха должна не только не стѣснять свободу преній, но, напротивъ, стремиться къ тому, чтобы свобода эта была настолько искренна и серьезна, насколько состояніе страны можетъ это дозволить. Притомъ нужно-ли въ сотый разъ повторять слѣдующее столь очевидное положеніе: что *въ наше время вездѣ, гдѣ свобода преній не существуетъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ, ничто невозможно, рѣшительно ничто въ нравственномъ и умственномъ смыслѣ?*“

Казалось бы, послѣднія слова не оставляютъ сомнѣнія въ стремленіи Тютчева къ свободѣ слова, а между тѣмъ, дальше, видя необходимость точнѣе опредѣлить, что нужно подразумѣвать подъ „достаточною мѣрою свободы относительно преній“, онъ вдругъ заявляетъ:

„Я даже не питаю особенно враждебнаго чувства къ цензурѣ, *хотя* она въ эти послѣдніе годы тяготѣла надъ Россіей, какъ *истинное общественное бѣдствіе.* Признавая ея своевременность и относительную пользу, я главнымъ образомъ обвиняю ее въ томъ, что она, по моему мнѣнію, вполнѣ неудовлетворительна для настоящей минуты, въ смыслѣ нашихъ дѣйствительныхъ нуждъ и дѣйствительныхъ интересовъ“.

Такихъ и еще большихъ противорѣчій, какъ видитъ читатель, въ запискѣ не мало, но тѣмъ-то она и дорога, какъ документъ, тѣмъ-то и характерна,

что вводитъ насъ въ курсъ понятій далеко не заднихъ людей того времени, задѣтыхъ маховикомъ бюрократическаго гиганта. Дальше ихъ будетъ тоже достаточно:

„...До тѣхъ поръ, покуда правительство у насъ не измѣнитъ совершенно, во всемъ складѣ своихъ мыслей, своего взгляда на отношенія къ нему печати, покуда оно, такъ сказать, не отрѣшится отъ этого окончательно, до тѣхъ поръ ничто поистинѣ дѣйствительное не можетъ быть предпринято съ нѣкоторыми основаніями успѣха, и надежда пріобрѣсти вліяніе на умы съ помощью печати, такимъ образомъ направляемой, оставалась бы постояннымъ заблужденіемъ.

„А между тѣмъ, слѣдовало бы принять на себя рѣшимость взглянуть на вопросъ, каковъ онъ есть, какимъ сдѣлали его обстоятельства. Нельзя предполагать, чтобы правительство не озабочивалось весьма искренно явленіемъ, возникшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и стремящимся къ такому развитію, *котораго значеніе и послѣдствія никто въ настоящую минуту предвидѣть не можетъ*. Вы понимаете, что я разумѣю подъ этимъ основаніе русской печати за границей, внѣ всякаго контроля нашего правительства. Это явленіе безспорно важное, и даже весьма важное, заслуживающее самаго глубокаго вниманія. Было бы безполезно скрывать уже осуществившіеся успѣхи этой литературной пропаганды. Намъ извѣстно, что въ настоящую минуту Россія наводнена этими изданіями, что они переходятъ изъ рукъ въ руки съ величайшею быстротою въ обращеніи, что ихъ съ жадностью домогаются и что они уже проникли, если и не въ народныя массы, которыя не читаютъ, то, по крайней мѣрѣ, въ весьма низкіе слои общества. Съ другой стороны, нельзя не сознаться, что за исключеніемъ мѣръ положительно-стѣснительныхъ и тиранническихъ было-бы весьма трудно существеннымъ образомъ воспрепятствовать какъ привозу и распространенію этихъ изданій, такъ равно и высылкѣ за границу рукописей, предназначенныхъ къ ихъ поддержкѣ. Итакъ, рѣшимся признать истинные размѣры, истинное назначеніе этого явленія: *это просто отмѣна цензуры, но отмѣна ея во имя вреднаго и враждебнаго вліянія* и, чтобы лучше быть въ состояніи бороться съ нимъ, постараемся уяснить себѣ, въ чемъ заключается его сила и чему оно обязано своими успѣхами. До сихъ поръ по поводу рѣчи о заграничной русской печати, разумѣются только изданія Герцена. Какое значеніе имѣетъ Герценъ для Россіи? Кто его читаетъ? Ужели его соціальныя утопіи и его революціонные происки привлекаютъ къ нему ея вниманіе? Но среди читающихъ его людей съ нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ найдутся-ли двое на сто, которые бы относились серьезно къ его ученію и не считали оное болѣе или менѣе невольною мономаніею, имъ овладѣвшею? На дняхъ меня даже увѣряли, что нѣкоторыя личности, заинтересованныя въ его успѣхѣ, очень искренно убѣждали его откинуть подальше эту революціонную оболочку, чтобы не ослабить вліянія, которое они желали бы упрочить за его изданіемъ. Не доказываетъ-ли это, что газета Герцена служитъ для Россіи выраженіемъ чего-то совершенно иного, чѣмъ исповѣдуемыя ея издателемъ доктрины? Для чего же скрывать отъ себя, что именно ему даетъ значеніе и доставляетъ вліяніе именно то, что *онъ служитъ для насъ представителемъ свободы сужденія*, правда, на предосудительныхъ основаніяхъ, исполненныхъ непріязни и пристрастія, но тѣмъ не менѣе настолько свободныхъ (отчего въ томъ не сознаться?), чтобы вызывать на состязаніе и другія мнѣнія, болѣе разсудительныя, болѣе умѣренныя и нѣкоторыя

изъ нихъ даже положительно разумныя. И теперь, какъ скоро мы убѣдились, въ чемъ заключается тайна его силы и вліянія, намъ не трудно опредѣлить, какого свойства должно быть оружіе, которое мы должны употребить для противодѣйствія ему. *Очевидно, что газета, готовая принять на себя подобную задачу, могла бы разсчитывать на извѣстную долю успѣха лишь при условіяхъ своего существованія, нѣсколько подходящихъ къ условіямъ своего противника.* Вашему доброжелательному благоразумію предстоитъ рѣшить, возможны - ли подобныя условія въ данномъ положеніи, вамъ лучше меня извѣстномъ, и въ какой именно мѣрѣ они осуществимы.

„Безъ малѣйшаго сомнѣнія, издатели не имѣли бы недостатка ни въ талантахъ, ни въ усердіи, ни въ искренныхъ убѣжденіяхъ; но стекаясь на призывъ, къ нимъ обращенный, они пожелали бы прежде всего быть убѣжденными, что они призываются не къ полицейскому труду, а къ дѣлу, основанному на довѣріи, и потому они сочли бы себя въ правѣ требовать для себя той доли свободы, которую предполагаетъ и вынуждаетъ всякое дѣйствительно серьезное и существенное преніе.

„Благоволите взвѣсить, въ какой мѣрѣ тѣ вліятельныя лица, которыя приняли бы на себя основаніе подобнаго изданія и покровительство его успѣхамъ, согласились бы закрѣпить за нимъ извѣстную долю свободы ему необходимую; *и не пришли-ли бы они быть можетъ къ убѣжденію, что* изъ благодарности за оказанную поддержку и изъ особеннаго чувства уваженія къ своему привиллегированному положенію, *это изданіе*, на которое они отчасти смотрѣли бы какъ на свое собственное, *было бы обязано соблюдать еще большую сдержанность и умѣренность, чѣмъ всѣ другія изданія въ государствѣ*".

Этого конца читатель меньше всего, конечно, ожидалъ отъ человѣка, самостоятельно проектировавшаго созданіе правительственнаго органа... Опять-таки, характерное противорѣчіе, какъ результатъ борьбы бюрократа съ человѣкомъ, знающимъ, что̀ такое значитъ бить противника, не могущаго защищаться на глазахъ тѣхъ же зрителей...

И тутъ же, сейчасъ же въ заключеніе своего письма Тютчевъ говоритъ: „приведеніе въ дѣйствіе того проекта, который вамъ угодно было сообщить мнѣ, казалось бы хотя и не легкимъ, но возможнымъ, *если бы всѣ мнѣнія, всѣ честныя и просвѣщенныя убѣжденія имѣли право образовать изъ себя, открыто и свободно, умственную и преданную дружину на служеніе личнымъ вдохновеніямъ государя!*" [1]).

На Горчакова конецъ письма произвелъ, повидимому, впечатлѣніе, потому что планъ объ изданіи правительственной газеты имъ былъ уже оставленъ. Зато начали хлопотать и думать другіе. Напримѣръ, въ дневникѣ гр. П. А. Валуева подъ 25 января 1859 г. находимъ: „Былъ у кн. Горчакова для сообщенія ему давно занимающей меня мысли объ изданіи журнала, который бы могъ противодѣйствовать нынѣшнимъ тенденціямъ всѣхъ нашихъ періодическихъ изданій. Былъ съ тѣмъ, что дамъ ходъ этому предположенію, если застану кн. Горчакова, —и отложу дѣло, если не застану. Я его не видалъ: слѣдовательно, дѣло отложено" [2]).

Но въ то время, когда Валуевъ недостаточно энергически преслѣдовалъ свою мысль, просто, вѣроятно, потому, что, въ качествѣ директора департамента

[1]) „Рус. Архивъ", 1873 г., I, 620—632. Переводъ автора. Курсивъ мой.
[2]) „Рус. Старина", 1891 г., VIII, 269.

министерства государственныхъ имуществъ, онъ не чувствовалъ еще подъ собою сильно укрѣпленной почвы для активной роли въ этомъ органѣ,—Никитенко не дремалъ. Въ маѣ онъ снова имѣлъ случай представиться государю (благодаря награжденію лентой).

„— Благодарю васъ,—сказалъ государь и мнѣ съ привѣтливою улыбкою.— Занимаетесь вы вашимъ трудомъ?

— Занимаюсь, ваше величество,—отвѣчалъ я.

— Какъ скоро вы надѣетесь кончить?

— Я надѣюсь лѣтними мѣсяцами кончить планъ, а съ новаго года можно будетъ начать самое изданіе.

„Онъ съ новою улыбкою поклонился и обратился къ другимъ" [1]).

А трудъ, дѣйствительно, былъ не изъ легкихъ. Создать большую газету вообще трудно, а такую, которая должна стать „либеральной", но исходить изъ бюрократическихъ кабинетовъ—и особенно.

Прежде всего — кто будутъ сотрудники? Никитенко надъ этимъ думалъ не мало. „Главное затрудненіе—гдѣ достать людей и довольно талантливыхъ, и *довольно* благородныхъ (!!), и довольно благоразумныхъ, которые поняли бы, что среди современныхъ стремленій можно и должно, не клонясь ни въ ту, ни въ другую сторону, твердо стоять на почвѣ собственныхъ безкорыстныхъ убѣжденій; что намъ еще рано думать о радикальныхъ переворотахъ, что много хорошаго еще возможно на постепенномъ пути къ нимъ, что наша безалаберность и политическая незрѣлость еще не въ состояніи теперь же, сейчасъ, вынести полнаго разрыва съ сильною, сосредоточенною властью? А не найдя такихъ людей, можно-ли выполнить и мой планъ?" [2]).

Въ поискахъ за такими сотрудниками Никитенко отправляется въ Москву,—но—„литераторовъ лѣтомъ въ Москвѣ мало, а тѣ, которыхъ я видѣлъ случайно, къ дѣлу не относятся" [3])... Послѣ такихъ неудачъ, послѣ возведенія неизвѣстно для какихъ жильцовъ выстроеннаго, совершенно темнаго дома, онъ впадаетъ въ первые признаки отчаянія—въ неувѣренность и малодушіе: „главное, у меня нѣтъ помощниковъ. Такъ называемые, передовые умы наши до того враждебны правительству, что *и на меня даже* смотрятъ холодно; не потому, говорятъ они, чтобы сомнѣвались въ чистотѣ моихъ намѣреній, а потому, что я будто бы содѣйствую задержкѣ кризиса" [4]).

Но такъ или иначе, планъ изданія газеты, состоящей изъ нѣсколькихъ литераторовъ и другихъ „компетентныхъ лицъ" и личнаго состава комитета по дѣламъ книгопечатанія, былъ внесенъ въ послѣдній для надлежащаго обсужденія.

19 іюня положено было приступить къ чтенію проекта. Тимашевъ былъ въ отпуску.

„Чтеніе дѣйствительно начато. И вотъ я опять наткнулся на замѣчанія, которыхъ уже больше не ожидалъ; напримѣръ, что общественнаго мнѣнія у насъ нѣтъ, да едва-ли оно и возможно; что толки, какіе мы ежедневно слышимъ и читаемъ въ журналахъ, не составляютъ его и т. д. Это говорилъ графъ Адлер-

[1]) „Дневникъ", „Рус. Старина", 1890 г. X, 169.
[2]) Ibidem, 173.
[3]) Ibidem, 176.
[4]) Ibidem, 178.

бергъ. Ему возражалъ Мухановъ и, надо сказать, довольно умно и удачно. Откуда набрался этихъ понятій графъ—не понимаю... Мы прочитали немного, а все разсуждали и спорили, такъ что изъ этого засѣданія ничего путнаго не вышло. Для меня, однако, оно было очень важно. *Я вижу, что мнѣ надо измѣнить мою тактику.* Я думалъ дѣйствовать прямо, силою истины, но мы стоимъ не на одинаковой почвѣ и надо маневрировать. Мнѣ хотѣлось разъяснить имъ вещи, чтобы они пришли сами къ извѣстнымъ убѣжденіямъ,—*теперь надо, чтобы они приняли ихъ противъ воли.* Они и примутъ ихъ, если не захотятъ опустить руки и предоставить все судьбѣ" [1]).

И дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ проектъ газеты комитетомъ былъ одобренъ, конечно, не безъ споровъ въ родѣ бывшихъ въ первое засѣданіе. Помощью переговоровъ отдѣльно съ членами, обѣдовъ у гр. Адлерберга и т. п., Никитенку удалось провести свой планъ въ цѣлости. Къ сожалѣнію, мнѣ нигдѣ не удалось найти его въ деталяхъ и потому приходится на этомъ и закончить.

Проектъ устава о цензурѣ Ковалевскаго и его судьба.

Теперь, въ виду большей ясности послѣдующей дѣятельности комитета по дѣламъ книгопечатанія, намъ нужно сдѣлать небольшое отступленіе.

Мы уже знаемъ, что государь приказалъ Ковалевскому заняться продолженіемъ начатой еще при Норовѣ переработкой цензурнаго устава и что работа эта была поручена, еще въ мартѣ 1858 г., Никитенку. По окончаніи имъ она перешла въ министерство, и оттуда 8 мая 1859 г. проектъ устава былъ представленъ въ государственный совѣтъ. Оказалось, что въ томъ видѣ, въ какомъ проектъ былъ представленъ, онъ совершенно не являлся новостью, а почему Ковалевскій здѣсь сильно уступилъ реакціонной партіи—и до сихъ поръ непонятно. Такой проектъ можно было представить давно и пропущенный имъ, ради политики, срокъ, совершенно былъ ненуженъ. Помощь Княжевича уже не требовалась. Въ проектѣ были всецѣло возстановлены общія начала устава 1828 года, частью воскресала и чугунная шишковщина.

Для примѣра укажу на исключеніе выраженій „явный" смыслъ рѣчи и толкованіе ея „въ дурную сторону" изъ статьи 6, обязывавшей цензора читать только написанное, а не подразумѣваемое между строкъ. Такое реакціонное измѣненіе ст. 6 устава 1828 года Ковалевскій объяснялъ такъ: „эти слова даютъ постоянный поводъ къ нападкамъ на дѣйствія цензуры, между тѣмъ какъ во многихъ случаяхъ, независимо отъ явной цѣли сочиненія, можетъ существовать другая, условная или подразумѣваемая, но для всѣхъ или для многихъ понятная; а цензоръ, не долженствуя толковать въ дурную сторону сочиненія, не долженъ толковать оное насильственно и въ хорошую, тамъ, гдѣ предосудительность статьи хотя и прикрытая, но нестолько, чтобы ускользала отъ вниманія читателей" [2]).

Не менѣе характерны для проекта и слѣдующія статьи.

„11. Разсужденія о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства или администраціи въ Имперіи, если объ-

[1]) Ibidem, 174—175.

[2]) „Объяснительная записка къ проекту новаго устава о цензурѣ 1859 г.", 7.

ясняются благонамѣренно и безъ порицанія настоящаго порядка, а равно изложенія обнародываемыхъ правительствомъ постановленій, съ цѣлью уяснить ихъ, или указать удобнѣйшіе способы къ ихъ примѣненію, допускаются не иначе, однакожъ, какъ послѣ предварительнаго разсмотрѣнія со стороны тѣхъ министерствъ или главныхъ управленій, до коихъ, по содержанію своему, они непосредственно будутъ относиться. Общія же теоретическія сужденія о разныхъ вопросахъ и улучшеніяхъ, касающихся гражданскаго быта, примѣнимыя вообще къ разнымъ странамъ и народамъ, разсматриваются прямо общею цензурою министерства народнаго просвѣщенія. Въ такихъ случаяхъ она наблюдаетъ, чтобы разсужденія сіи не излагались съ цѣлью оспаривать существующія уже постановленія правительства, или противопоставлять имъ теоретическія начала, прямо подрывающія правительственный авторитетъ. Вообще же цензура не допускаетъ противъ существующихъ въ государствѣ учрежденій выраженій *желчныхъ, язвительныхъ* и *насмѣшливыхъ*".

„20. Такъ какъ сатира въ изображеніи человѣческихъ пороковъ и слабостей, для олицетворенія ихъ, заимствуетъ нерѣдко нравы и характеры изъ круга разныхъ государственныхъ сословій, то цензура обязана наблюдать, чтобы въ сочиненіяхъ этого рода не было ничего оскорбительнаго для самихъ сословій. Но она не должна считать оскорбленіе какого-либо изъ сихъ послѣднихъ, если принадлежащее къ нему вымышленное лицо въ романѣ, повѣсти, комедіи выставлено въ смѣшномъ видѣ безъ указаній, однако, и намековъ на такую испорченность духа и нравовъ сословія, изъ коихъ слѣдовало бы, что иныя лучшія явленія въ немъ невозможны. Вообще сатирѣ дозволяется нападать на пороки, какъ на явленія *случайныя*, возможныя по естественному ходу дѣлъ человѣческихъ, во всякомъ сословіи; но отнюдь не дозволяется колебать уваженія, *по праву сему сословію принадлежащаго*, и выставлять предосудительные случаи въ видѣ неизбѣжныхъ слѣдствій его сущности и учрежденія.

„*Примѣчаніе*. Цензура, допуская вообще сочиненія сатирическія, должна устранять все, въ чемъ можетъ выражаться пасквиль. Отличительныя черты сатиры заключаются въ томъ, что она изображаетъ *типъ* или *виды* характеровъ и лицъ, тогда какъ пасквиль, даже тщательно прикрытый отсутствіемъ указанія именъ, мѣстъ и т. п., носитъ на себѣ признаки изображенія *индивидуальнаго. мѣстнаго*" [1]).

Приведеннаго вполнѣ, конечно, достаточно, чтобы оцѣнить, какъ безличенъ былъ Ковалевскій подъ давленіемъ реакціонеровъ, какъ онъ исказилъ проектъ Никитенка, гораздо болѣе либеральный и благожелательный для литературы.

Въ государственномъ совѣтѣ проектъ былъ встрѣченъ совершенно неожиданно для Ковалевскаго: его нашли... стѣснительнымъ сверхъ мѣры и потребностей...

Предсѣдатель департамента законовъ, гр. Д. Н. Блудовъ, никогда не отличавшійся либерализмомъ—и тогда, когда онъ писалъ „донесеніе" о декабристахъ, и когда былъ близокъ къ смерти, спустя почти сорокъ лѣтъ,—объяснилъ въ своемъ отзывѣ, что „отдавая полную справедливость замѣченному въ проектѣ новаго цензурнаго устава стремленію къ постепенному освобожденію умственнаго въ Россіи развитія отъ тѣхъ стѣсненій, которыя, особенно съ 1848 г., считались *въ-*

---

[1]) Ibidem; курсивъ въ послѣднемъ примѣчаніи подлинника.

роятно [1]), по тогдашнимъ обстоятельствамъ, необходимыми, онъ полагаетъ, что нынѣ наступило уже время для совершенной ихъ отмѣны и для возвращенія къ тѣмъ началамъ, на коихъ былъ основанъ цензурный уставъ 1828 года".

Впрочемъ, не „несовершенная отмѣна" николаевскихъ стѣсненій была причиной отрицательнаго отношенія Блудова къ проекту вообще. Я привелъ эти слова его отзыва просто для оттѣненія боязливости министра просвѣщенія, на котораго возлагались надежды. Основныя соображенія автора „донесенія слѣдственной комиссіи" были иныя:

„Въ заключеніе гр. Блудовъ считаетъ необходимымъ указать на то общее впечатлѣніе, которое можетъ произвести изданіе предполагаемаго новаго устава о цензурѣ, какъ у насъ, такъ и внѣ предѣловъ нашего отечества. Въ проектѣ онаго находятся неподлежащія никакому сомнѣнію улучшенія въ сравненіи съ дѣйствующими нынѣ правилами [2]); но сіи улучшенія разсѣяны въ разныхъ частяхъ, или статьяхъ, проекта, между тѣмъ, какъ въ другихъ повторяются почти буквально изданныя послѣ 1848 г. узаконенія, изъ коихъ иныя, быть можетъ, и были, но только въ свое время, нужны, другія даже и тогда, а и того менѣе нынѣ, можно признать необходимыми. Посреди правилъ сего рода, тѣ статьи проекта, коихъ постановленія суть истинныя въ уставѣ улучшенія, могутъ ускользнуть отъ общаго вниманія, а недоброжелательные дѣятели заграничной журналистики поспѣшатъ симъ воспользоваться, чтобъ выставлять намѣренія нашего правительства въ превратномъ совершенно видѣ, и осыпать его незаслуженными укоризнами. Вообще, по мнѣнію графа Блудова, не должно безъ необходимости, касаться вопроса столь щекотливаго въ наше время, какъ узаконенія о книгопечатаніи, возбуждая чрезъ то враждебныя декламаціи, могущія заглушить отзывы просвѣщенной благодарности, которыхъ правительство наше въ правѣ ожидать за покровительство истинно изящной и ученой литературы и защиту оной отъ легкомысленныхъ или злонамѣренныхъ нападеній. Принимая все сіе въ надлежащее уваженіе, статсъ-секретарь гр. Блудовъ не можетъ не опасаться, что изданіе новаго вполнѣ цензурнаго устава въ томъ видѣ, какъ онъ предполагается, будетъ несвоевременно. По мнѣнію его, будетъ удобнѣе ограничиться, по крайней мѣрѣ на сей разъ, возстановленіемъ дѣйствія устава 1828 г." [3]).

Итакъ, соображенія чистой политики были поставлены во главу угла зрѣнія на новый проектъ.

Члены департамента законовъ вполнѣ присоединились къ „весьма сильнымъ и совершенно справедливымъ" доводамъ Блудова и, кромѣ того, нашли, что вообще постановленія цензуры—„по самой сущности своей, никакъ не могутъ быть высказаны вполнѣ въ буквѣ закона и, по необходимости, должны ограничиться одними краткими правилами, открывающими возможность къ всестороннему примѣненію; усилить же цензурный надзоръ возможно только мѣрами администра-

---

[1]) Въ этомъ словѣ заключается самый кульминаціонный пунктъ его „либерализма", съ точки зрѣнія котораго онъ находилъ уставъ Ковалевскаго расширяющемъ умственное развитіе страны...

[2]) Рекомендую эти знаменательныя слова-признанія особенному вниманію тѣхъ, которые, подобно Тютчеву, и теперь еще воображаютъ, что съ 19 февраля 1855 года наша литература вдругъ была облагодѣтельствована. Что такое уставъ Ковалевскаго—извѣстно, а оказывается, что это были все еще улучшенія...

[3]) „Матеріалы etc.", I, 340—343.

тивными, соотвѣтственно временнымъ требованіямъ, ибо какъ бы ни были хороши законы и уставы, но весь успѣхъ ихъ будетъ зависѣть отъ правильнаго и бдительнаго надзора за исполнителями и отъ выбора сихъ исполнителей. Всякое стремленіе составить такой полный уставъ цензуры, который исчерпывалъ бы самыя мельчайшія подробности, неизбѣжно имѣло бы послѣдствіемъ то, что рама цензурныхъ запрещеній обставится такими рѣзкими опредѣлительными чертами, что все, сколько-нибудь изъ нея выступающее, должно будетъ, въ противность намѣренію законодателя, окружать препонами дѣйствія цензуры, возрождая чрезъ то безпрерывные вопросы и состязанія. *Уставъ для надзора за книгопечатаніемъ, въ которомъ оглашались бы всенародно всѣ виды и намѣренія правительства, точно также невозможенъ, какъ и гласный уставъ для высшей полиціи, надзирающей за направленіемъ мыслей и мнѣній*" [1]).

Таковъ былъ взглядъ на законъ о печати нашего высшаго законодательнаго учрежденія... Разсмотрѣніе проекта въ присутствіи Блудова и Ковалевскаго общимъ собраніемъ государственнаго совѣта было отсрочено до осени 1859 г., а затѣмъ и вовсе отложено, благодаря рапорту гр. Адлерберга 2-го на имя предсѣдателя совѣта, графа Орлова, отъ 15 сентября, изъ Орла, въ которомъ сообщалось, что „нынѣ государю императору благоугодно, чтобы разсмотрѣніе сего устава было отложено впредь до высочайшаго повелѣнія". Ковалевскому проектъ былъ возвращенъ [2]).

Заявленіе комитета о своей безполезности. Сліяніе его съ главнымъ управленіемъ цензуры.

Возвращаюсь къ комитету по дѣламъ книгопечатанія.

Никитенко хорошо понималъ, какъ мало еще можно положиться на одобреніе комитетомъ проекта газеты; какъ комитетъ изъ Адлерберга, Муханова и Тимашева, послѣ нѣкоторыхъ высказанныхъ ими по этому поводу мнѣній и взглядовъ, мало могъ подходить для первой роли въ редакціонномъ комитетѣ. И вотъ у него рождается новый планъ: упразднить комитетъ и этимъ вынуть палку изъ колеса одушевлявшей его правительственной газеты. Но какъ это сдѣлать? Конечно, не торопясь, тонко, политично.

Прежде всего надо убѣдить Муханова, какъ самаго рьянаго сторонника активныхъ дѣйствій на манеръ комитета 2 апрѣля 1848 г., что комитетъ, по своему положенію и необходимости подчиниться волѣ государя о непримѣненіи сильныхъ мѣръ, не можетъ удовлетворять собственному назначенію. Дѣло велось такимъ образомъ съ мѣсяцъ, а поддержка неподозрѣвавшихъ интриги Адлерберга и Тимашева гарантировала успѣхъ. „Наконецъ,—читаемъ въ „Дневникѣ" подъ 27 сентября, бездѣйствіе его (Муханова) утомило, и въ одномъ изъ засѣданій онъ горячо выразилъ мысль, что намъ ничего не остается дѣлать, какъ слиться

---

[1]) Ibidem, 345. Курсивъ мой.

[2]) Ibidem., 347—349. Не могу кстати не отмѣтить существенную ошибку г. Скабичевскаго. Неуспѣхъ проекта Ковалевскаго онъ объясняетъ (стр. 445 его книги) недостаткомъ самого проекта, не сдѣлавшаго ничего существеннаго для улучшенія положенія печати. Подобныя ошибки, происходящія отъ ни на чемъ ровно неоснованнаго убѣжденія въ прогрессивныхъ стремленіяхъ тогдашней бюрократіи, вообще не рѣдки; эту же собственно нельзя бы было сдѣлать, если бы только заглянуть въ указываемый мною источникъ, совершенно не знакомый г. Скабичевскому.

съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Этого только я и ждалъ. Вся моя стратегія къ этому и вела. Но я не хотѣлъ отъ себя высказывать этой мысли... Теперь я употребилъ всю мою діалектику, чтобы поддержать это благое намѣреніе, и въ слѣдующее же засѣданіе прочиталъ уже приготовленный мною проектъ превращенія комитета въ главное управленіе цензуры, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Онъ одобренъ, прочитанъ послѣднему, снова одобренъ, и сегодня, 27 числа, я везу его къ Тимашеву для представленія государю черезъ графа Адлерберга. Въ засѣданія главнаго управленія допущены цензора и литераторы. Я крѣпко боялся, что это встрѣтитъ сопротивленіе, особенно допущеніе литераторовъ. Но я заранѣе мѣру эту оградилъ такими доводами и причинами, что сопротивленія не было" [1]).

Въ основу проекта были положены централизація и сближеніе цензурной власти съ цензорами и литераторами. Такимъ образомъ „нравственное воздѣйствіе" еще не устранялось. Все было направлено къ тому, чтобы не „поссорить правительство съ общественнымъ мнѣніемъ" и „не усилить печать заграничную". Но вмѣстѣ съ тѣмъ комитету „оставлена одна тѣнь значенія, и то, если министръ немного понатужится, то можетъ и совершенно его сломить, въ чемъ, впрочемъ, кажется, нѣтъ особенной надобности: онъ окончательно будетъ обезсиленъ" [2]).

23 октября послѣ заключительнаго обсужденія этого проекта Ковалевскимъ, Адлербергомъ, Тимашевымъ и Никитенкомъ, рѣшено было представить государю докладъ, написанный, конечно, директоромъ-дѣлопроизводителемъ. Не могу здѣсь не отмѣтить курьезной роли министерства просвѣщенія: оно могло только поглощать въ себѣ всѣ посторонніе наросты (припомните комитетъ 2 апрѣля), но не имѣло силъ совершенно отъ нихъ освобождаться...

И докладъ этотъ настолько интересенъ, что я приведу его подробно.

„Поставленный неофиціальнымъ положеніемъ внѣ общей системы правительственныхъ учрежденій и въ то же время обязанный участвовать въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ общественныхъ, именно вопросовъ умственныхъ, комитетъ долженъ былъ затрагивать самыя щекотливыя стороны администраціи, общественнаго мнѣнія и печати, *что дало ему видъ какого-то чрезвычайнаго, контролирующаго и, по его уединенности, видъ устрашающаго постановленія,* несмотря на употребленные имъ всевозможные способы къ отстраненію всякихъ поводовъ къ подобному взгляду. Цензоры, подчиненные другому начальству, и естественно съ нимъ однимъ исключительно поставленные во всѣ обычныя служебныя отношенія, теперь, въ кругу своихъ дѣйствій, увидѣли новую власть, коей указаній не могли не считать для себя вполнѣ обязательными, — что къ затрудненіямъ, и безъ того обременяющимъ отправленіе ихъ должности, прибавило новыя, обыкновенно являющіяся тамъ, гдѣ однимъ дѣломъ распоряжаются двѣ власти. *Литераторы, кромѣ вліянія обыкновенной цензуры, опасаясь отъ новаго учрежденія стѣснительнаго для себя сторонняго вмѣшательства, уклонились отъ всякихъ съ нимъ сношеній.* Съ первыхъ же дней своего существованія, комитетъ ощутилъ невыгодныя послѣдствія возбудившихся такимъ образомъ недоразумѣній

[1]) „Рус. Старина", 1890 г., X, 178–179.
[2]) Ibidem, 181.

и сталъ въ какое-то странное положеніе въ средѣ, гдѣ ему надлежало дѣйствовать. Почти всеобщее нерасположеніе быстро устремилось навстрѣчу первыхъ шаговъ его, и какъ моральное вліяніе въ дѣлахъ, возложенныхъ на комитетъ, составляло одно изъ первыхъ условій успѣха, то, при этихъ непреодолимыхъ препятствіяхъ къ пріобрѣтенію такого вліянія, *дальнѣйшая дѣятельность комитета сдѣлалась не только затруднительною, но прямо невозможною.*

„Главная причина невыгоднаго положенія комитета состоитъ въ томъ, что онъ, какъ отдѣльное правительственное учрежденіе, призванное дѣйствовать на ходъ и направленіе печати, на подобіе французскаго Bureau de la presse, оказался несовмѣстнымъ съ порядкомъ вещей, гдѣ существуетъ цензура предупредительная“.

Обращаясь затѣмъ къ разбору существовавшихъ цензурныхъ учрежденій, записка такъ выражала свое о нихъ мнѣніе:

„Администрація цензуры лишена правильнаго устройства. Ей недостаетъ главныхъ необходимыхъ качествъ всякой правительственной силы—самостоятельности и сосредоточенности. Каждое управленіе имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствій, и своимъ служебнымъ назначеніемъ ограждено отъ всякаго посторонняго вмѣшательства въ свои распоряженія; *одна цензура отъ него не изъята и служитъ предметомъ самыхъ разнородныхъ и даже противоположныхъ домогательствъ и требованій,* тѣмъ болѣе затруднительныхъ, что за ними нерѣдко возбуждается и вопросъ о принятіи какой-либо мѣры, которая не всегда согласуется съ общимъ ходомъ цензурныхъ дѣлъ. У цензуры есть своя спеціальность, своя, такъ сказать, техника, какъ во всякомъ правительственномъ кругу. Она должна дѣйствовать не по случайнымъ взглядамъ и соображеніямъ, а въ одномъ опредѣленномъ направленіи, обнимающемъ и соглашающемъ многоразличные и самые сложные интересы общества; и нельзя, чтобы каждый отдѣльный случай вводилъ въ кругъ ея новаго судью съ его понятіями и взглядами на вещи, можетъ быть, не лишенными основанія съ его точки зрѣнія, но невѣрными въ отношеніи къ цѣлой системѣ, которой должны слѣдовать цензора. Въ послѣднее время установлено правило обращаться къ разнымъ вѣдомствамъ за разрѣшеніемъ по литературнымъ произведеніямъ, коихъ содержаніе касается предметовъ ихъ управленія. Такимъ образомъ нерѣдко одно и то же сочиненіе должно проходить нѣсколько отдѣльныхъ цензуръ, не освобождаясь въ то же время отъ разсмотрѣнія цензуры общей. *Кромѣ того, что этотъ порядокъ чрезвычайно стѣснителенъ для литераторовъ,* онъ подвергаетъ цензуру весьма вредному раздробленію, которое, съ одной стороны, лишаетъ ее всякой системы, единства и послѣдовательности, а съ другой — ослабляетъ цензурную отвѣтственность, ибо каждое изъ лицъ, разсматривающихъ одно и то же сочиненіе, естественно, надѣется на другое, и въ случаѣ недосмотра или ошибки, всегда имѣетъ поводъ обратить вину на своего товарища, чему и были неоднократные примѣры. Вообще двухлѣтній опытъ [1]) доказалъ убѣдительно несостоятельность сей мѣры, которая, кромѣ вышеозначенныхъ неудобствъ, доселѣ ничего не произвела.

„Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія, имѣя въ виду всѣ вышеизложенныя обстоятельства и соображенія, *находя, что въ настоящемъ своемъ видѣ и съ*

---

[1]) Спеціальные цензора учреждены, какъ уже было сказано, 25 января 1858 года.

тѣми средствами, какія ему даны, онъ лишенъ возможности выполнить свою высокую задачу, и наконецъ, убѣжденный въ томъ, что благоустроенная цензура есть одно изъ главныхъ условій успѣха въ дѣлѣ, на него возложенномъ, признаетъ необходимыми измѣненія, какъ въ своемъ собственномъ устройствѣ, такъ и въ цензурѣ вообще. Измѣненія сіи, по его мнѣнію, должны бы состоять въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„1) Оставаясь въ настоящемъ своемъ составѣ, комитетъ соединяется съ главнымъ управленіемъ цензуры, съ которымъ онъ и образуетъ главную и высшую въ имперіи цензурную власть. Комитету предоставляется обсуживать всѣ высшіе вопросы *относительно направленія идей въ государствѣ, во всѣхъ проявленіяхъ ихъ въ печати*, и относительно цензуры свои соображенія, по предварительному соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, вносить въ главное управленіе цензуры для окончательнаго рѣшенія и принятія нужныхъ мѣръ. *Ему будетъ также принадлежать и непосредственное наблюденіе по редакціи предполагаемаго печатнаго правительственнаго органа, или газеты.* Такимъ образомъ, стремясь оказывать государству по высшимъ вопросамъ, относительно печати, ту пользу, какую въ состояніи онъ приносить по духу своего учрежденія и составу, онъ, чрезъ свое соединеніе съ главнымъ управленіемъ цензуры, получаетъ дѣятельное официальное участіе въ самыхъ мѣрахъ, какими осуществляются всѣ виды правительства по дѣламъ печати и цензуры. За симъ сама собою отмѣняется обязанность комитета имѣть непосредственныя сношенія съ цензорами и литераторами“.

Опуская 2, 3, 4 и 5 пункты, въ которыхъ детализируется устройство главнаго управленія, а въ 3-мъ предлагается и уничтожить спеціальную цензуру,—приведу два послѣдніе:

„6) Для достиженія въ цензурѣ возможной послѣдовательности и правильнаго систематическаго движенія и для сближенія цензоровъ съ руководящею и направляющею цензурною властію, они, по мѣрѣ надобности, приглашаются въ засѣданія главнаго управленія цензуры. Здѣсь сообщаются имъ, для руководства и *вразумленія ихъ*, виды правительства, касательно общаго направленія цензуры, а также разрѣшаются, безъ обременительнаго письменнаго производства, вопросы и сомнѣнія по текущимъ цензурнымъ случаямъ, если важность ихъ будетъ требовать сужденій высшей цензурной власти. Равнымъ образомъ, главному управленію цензуры предоставляется право, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, приглашать также въ собранія свое редакторовъ журналовъ и литераторовъ, *наиболѣе пользующихся вліяніемъ и извѣстностію въ публикѣ.*

„7) Для того, чтобы московскому цензурному комитету доставить способы *обновлять, такъ сказать, свои понятія, относительно направленія*, коему онъ долженъ слѣдовать, и имѣть свѣдѣнія о видахъ правительства, *неудобныхъ къ передачѣ ихъ обыкновеннымъ письменнымъ порядкомъ*, — въ два мѣсяца одинъ разъ или чаще, если того потребуютъ обстоятельства, попечитель московскаго учебнаго округа вызывается въ Петербургъ для присутствія въ главномъ управленіи цензуры, гдѣ онъ и имѣетъ право голоса наравнѣ съ прочими членами. Сверхъ того, комитету сему, по мѣрѣ надобности, будутъ сообщаемы протоколы важнѣйшихъ засѣданій главнаго управленія цензуры“ [1]).

[1]) „Первоначальный проектъ устава о книгопечатаніи etc.“, 57—63. Курсивъ мой.

Такимъ образомъ, комитетъ, на девятомъ мѣсяцѣ своего существованія, *самъ взывалъ о своей безполезности и совершалъ довольно рѣдкое въ такихъ случаяхъ самоубійство.* Исходъ, казалось бы, аналогичный съ комитетомъ 2 апрѣля 1848 г., но какая, на самомъ дѣлѣ, громадная разница! Тамъ, въ запискѣ бар. Корфа, не только слышалось, но даже доминировало сознаніе преизбытка дѣятельности, здѣсь — полнаго безсилія; тамъ сзади было восемь лѣтъ „кипучей" работы, здѣсь—девять мѣсяцевъ исканія дѣла...

Для подкрѣпленія этого доклада Ковалевскій подалъ особую личную всеподданнѣйшую записку, въ которой вполнѣ поддерживалъ предложенія комитета относительно реорганизаціи цензурнаго вѣдомства и возражалъ лишь противъ своего предсѣдательствованія въ главномъ управленіи: онъ находилъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе удобнымъ поручить эту сложную обязанность особому лицу по выбору государя.

Въ его запискѣ есть одно любопытное мѣсто:

„По организаціи нынѣшняго цензурнаго управленія, единственными дѣятелями и отвѣтчиками являются цензора, а за ними непосредственно слѣдуетъ, какъ лицо отвѣтственное de facto, министръ народнаго просвѣщенія. Правда, между ними находятся еще мѣстные цензурные комитеты и главное управленіе цензуры; но первые состоятъ изъ тѣхъ же цензоровъ подъ предсѣдательствомъ попечителей учебныхъ округовъ, не имѣющихъ ни времени, ни возможности слѣдить за ихъ дѣйствіями. Еще менѣе можетъ исполнить это главное управленіе цензуры, состоящее подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія изъ лицъ, обремененныхъ другими государственными занятіями, *для которыхъ цензура есть обязанность почти посторонняя.* Дѣла въ этомъ управленіи производятся съ соблюденіемъ установленныхъ формъ. Между тѣмъ, литература идетъ быстрыми шагами; безпрерывно возникаютъ по цензурѣ вопросы, сомнѣнія, усложненія и проч. Надобно кому-либо дѣйствовать, и такъ же быстро; а для собранія присутствія, для разсмотрѣнія дѣла, постановленія заключенія и приведенія его въ исполненіе — потребно много времени. Это положеніе обратило, по необходимости, министра народнаго просвѣщенія въ *личнаго исполнителя по цензурѣ.* А какъ при существенныхъ его занятіяхъ по министерству, ему невозможно со всею точностью лично исполнять безпрерывно умножающуюся обязанность по цензурѣ, *то за нимъ остается одна только отвѣтственность.* Между тѣмъ, распоряженія, исходящія не отъ присутственнаго мѣста, а отъ лица, какъ бы они добросовѣстны ни были, всегда сопровождаются недовѣріемъ. *Можетъ быть, отъ этого и происходитъ, что тогда какъ нѣкоторые въ обществѣ обвиняютъ министра народнаго просвѣщенія въ послабленіи цензурѣ, журналисты вопіютъ противъ стѣсненій*" [1]).

5 ноября (1859 г.) совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ, какъ и всегда, самого государя, обсуждалъ докладъ комитета и записку Ковалевскаго. Вотъ что занесъ Никитенко въ свой „Дневникъ", поговоривъ послѣ этого съ министромъ:

„Были сильныя пренія. Впрочемъ, сліяніе „бюро де-прессъ" съ главнымъ управленіемъ цензуры не встрѣтило сопротивленія. Это дѣло, повидимому, рѣшен-

---

[1]) Ibidem, 63. Курсивъ мой.

ное. Но вообще въ ходѣ цензурно-литературныхъ дѣлъ являются два непріятныя обстоятельства. Во-первыхъ, государь оказывается сильно нерасположеннымъ къ литературѣ. Всѣ благородные, разумные и справедливые доводы министра въ защиту ея, кажется, не произвели большого впечатлѣнія на умъ его, предубѣжденный ревнителями молчанія и безсмыслія. Во-вторыхъ, цензуру намѣреваются отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія. Это будетъ важная мѣра, но едва-ли полезная самому правительству"...

Въ слѣдующій четвергъ,—день засѣданія совѣта министровъ,—12 ноября, по иниціативѣ самого же Ковалевскаго, послѣдовало высочайшее повелѣніе: „1) Главное управленіе цензуры отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія и составить изъ онаго, подъ предсѣдательствомъ того лица, которое будетъ избрано е. и. в., особое офиціальное государственное учрежденіе, для исключительнаго и непосредственнаго завѣдыванія цензурою въ имперіи и Царствѣ Польскомъ. 2) Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія, въ нынѣшнемъ его составѣ, слить съ преобразуемымъ главнымъ управленіемъ цензуры. 3) Министру народнаго просвѣщенія взять обратно внесенный имъ въ государственный совѣтъ проектъ цензурнаго устава и передать оный тому лицу, которое будетъ назначено государемъ императоромъ для предсѣдательствованія въ главномъ управленіи цензуры и на которое будетъ е. в. возложено составленіе подробныхъ соображеній объ устройствѣ главнаго управленія и о прочихъ предметахъ, до цензурнаго дѣла относящихся" [1]).

Этимъ лицомъ былъ избранъ... бар. М. А. Корфъ. 21 ноября Никитенко записалъ: „роль моя по комитету книгопечатанія кончена".

Въ концѣ концовъ предполагаемое отдѣленіе главнаго управленія не состоялось, оно было слегка лишь преобразовано, а 24 января 1860 г. комитетъ по дѣламъ книгопечатанія, уже съ 23 октября оставившій всякую дѣятельность,— высочайше упраздненъ и слитъ съ главнымъ управленіемъ.

Такъ умерло это очень характерное для своего времени „назидательное" учрежденіе. Что же касается правительственнаго органа, то немного позже мысль эта была осуществлена: 1 января 1862 г. Никитенко выпустилъ первый нумеръ воскресшей благодаря Валуеву „Сѣверной Почты" [2]), той самой „Почты", которой новый министръ внутреннихъ дѣлъ открывалъ широкую дорогу, разославъ губернаторамъ циркуляръ съ предписаніемъ вмѣнить полиціи въ обязанность побуждать подписываться на новый органъ, — „такъ какъ эта газета правительственная и должна противодѣйствовать русской прессѣ"... За подлинность этого циркуляра ручается самъ очень обезкураженный имъ редакторъ... [3]).

Теперь, полагаю, читатель можетъ съ фактами въ рукахъ отвѣтить на вопросы, поставленные въ началѣ этого очерка... Кромѣ того, ясна, вѣроятно, и полная неудача попытки воспитывать общество путемъ учрежденій, аналогичныхъ потерпѣвшему пораженіе русскому „Bureau de la presse".

---

[1]) Ibidem, 65—67.
[2]) „Сѣверная Почта" издавалась почтовымъ департаментомъ въ 1809—1819 г.г.
[3]) „Рус. Старина", 1891 г., II, 333—334.

ѲАДДЕЙ БУЛГАРИНЪ.

24

Ѳаддей Булгаринъ.

Въ прошломъ русской журналистики есть одно имя, еще и до сихъ поръ произносимое съ отвращеніемъ и презрѣніемъ. Сказать: „Ѳаддей Булгаринъ“ — значитъ возобновить въ памяти фигуру доносчика-добровольца; назвать теперь кого-нибудь этимъ именемъ — значитъ оскорбить его. Цѣлое сорокалѣтіе въ недолгой жизни русской журналистики, съ 1819 по 1859 г., тѣсно связано съ этой личностью. Каждый, интересующійся эпохами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго, встрѣчается съ Булгаринымъ; ни одно сочиненіе по исторіи этого періода, ни одинъ томъ относящихся къ нему воспоминаній не могли обойтись безъ упоминанія этого имени. Фигура эта при всемъ своемъ ничтожествѣ слишкомъ замѣтна—Булгаринъ былъ не одинъ. Его окружали сподвижники. И какъ представитель извѣстной группы литераторовъ, Булгаринъ, несомнѣнно, былъ результатомъ тѣхъ общихъ условій, которыя регулировали тогда печатное выраженіе общественной мысли. Не будь тогда того взгляда на литературу, который красной нитью проходилъ черезъ всю эпоху подвиговъ Булгарина, Булгарины не существовали бы; русская литература и русское общество сумѣли бы съ ними справиться. Но этого сдѣлать имъ не пришлось, и фигура Ѳаддея Булгарина стоитъ теперь передъ нами во весь свой ростъ.

Вотъ почему, освѣщая всѣ обстоятельства, сопровождавшія жизнь русской литературы 20-хъ, 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ, пройти мимо нея нѣтъ никакой возможности

А, между тѣмъ, прошли... О Булгаринѣ, какъ доносчикѣ, нѣтъ сколько-нибудь подробной работы. Считается, что онъ достаточно извѣстенъ, а на самомъ дѣлѣ, это далеко не такъ и именно для современнаго читателя.

Біографія Булгарина до 1825 г. Письмо Потапову и прошеніе государю.

Начнемъ съ біографіи Булгарина до его весьма непочетной „извѣстности“.

Въ 1794 г., въ разгаръ польской революціи, нѣкій Бенедиктъ Булгаринъ убилъ генерала Воронова, за что и былъ сосланъ въ Сибирь. Жена его съ пятилѣтнимъ сыномъ Ѳаддеемъ (родившимся 24 іюня 1789 г.) отправилась въ Петербургъ и не безъ хлопотъ опредѣлила мальчика, въ 1798 г., въ сухопутный (нынѣ 1-й) кадетскій корпусъ. Въ 1806 г., успѣшно окончивъ ученіе, Булга-

ринъ, съ чиномъ корнета, былъ опредѣленъ въ уланскій Е. И. В. Государя Цесаревича полкъ. Жизнь въ Петербургѣ онъ велъ довольно разгульную, что, впрочемъ, тогда не было исключеніемъ изъ общихъ офицерскихъ нравовъ... Вскорѣ онъ попалъ въ кампанію 1806—1807 г.г.., и получилъ на саблю аннинскій темлякъ. Подъ Фридландомъ онъ былъ раненъ въ животъ и, лежа въ кенигсбергскомъ лазаретѣ, встрѣтился со многими своими соотечественниками-поляками, служившими въ наполеоновской арміи. Они приглашали Булгарина перейти къ французамъ, но онъ отвѣчалъ, что теперь это было бы безчестно. По возвращеніи изъ похода въ Финляндію, Булгаринъ написалъ злую сатиру на полкового командира и за это, въ началѣ 1809 г., былъ переведенъ въ кронштадтскій гарнизонный полкъ; въ серединѣ слѣдующаго года онъ перевелся въ Ямбургскій уланскій полкъ. Здѣсь Булгаринъ былъ плохо аттестованъ и 10 мая 1811 г. уволенъ отъ службы. Это произошло въ Ревелѣ.

Булгаринъ до того опустился, что, ставъ прихлебателемъ у писарей полковой канцеляріи, выходилъ на городской бульваръ, гдѣ протягивалъ гуляющимъ руку за милостыней, при этомъ всегда въ литературныхъ, а иногда и въ стихотворныхъ выраженіяхъ... Потомъ знакомая ревельцамъ фигура вдругъ исчезала— Булгаринъ запивалъ горькую.. Дошелъ онъ до того, что въ одинъ прекрасный день укралъ у одного офицера пальто... Въ это-то время онъ и рѣшилъ перейти въ польскую армію и съ этою цѣлью поѣхалъ въ Варшаву, откуда въ званіи рядового отправился въ полкъ, бывшій уже въ Испаніи. Состоя въ рядахъ французской арміи и достигнувъ въ ней капитанскаго чина. Булгаринъ, находясь въ корпусѣ маршала Удино, дѣйствовалъ противъ гр. Витгенштейна, что потомъ тщательно скрывалъ... Въ 1814 г. пруссаки взяли его въ плѣнъ, а по прекращеніи войны и обмѣнѣ плѣнныхъ, онъ вернулся въ Варшаву, откуда вскорѣ перебрался въ Петербургъ, женился и сталъ искать покровительства прежнихъ знакомыхъ и пріятелей.

Отсутствіе всякихъ средствъ толкнуло его пойти въ стряпчіе, но, испытавъ на этомъ поприщѣ неудачу и видя, что можно заняться литературою, Булгаринъ, въ 1822 г., вступаетъ на этотъ путь уже окончательно, сдѣлавшись издателемъ журнала „Сѣверный Архивъ“, а до того пописывая пустяковыя повѣстушки, историческія и географическія замѣтки [1]). Лишенный характера общаго журнала, „Сѣверный Архивъ“ поставилъ своей задачей исторію, статистику, путешествія и, конечно, при бѣдности журналистики имѣлъ кое-какихъ читателей.

Понимая необходимость литературныхъ связей, Булгаринъ сумѣлъ сойтись съ лучшею молодежью того времени. Въ числѣ его пріятелей и знакомыхъ мы видимъ Грибоѣдова, Рылѣева, братьевъ Бестужевыхъ, Кюхельбекера, Ник. Ив. и Алек. Ив. Тургеневыхъ и др. Чистый душою и довѣрчивый авторъ „Горя отъ ума“ до смерти не охладѣлъ къ Булгарину и ему же оставилъ рукопись своей комедіи, принесшую Булгарину не одну тысячу рублей...

[1]) Все сказанное есть результатъ критической сводки слѣдующихъ иногда противорѣчивыхъ источниковъ: *Н. И. Гречъ*, — „Ѳ. В. Булгаринъ“ (Рус. Стар.“, 1871 г. XI), *А. Н.* „Военная служба Ѳ. В. Булгарина (Рус. Стар.“, 1874 г.“, IV), *П. Нащокинъ*—„О Булгаринѣ (Рус. Арх.“, 1884 г., VI), *Н. Д.* — „Къ исторіи русской литературы“ („Рус. Стар.“, 1900 г., IX), *Н. Гастфрейндъ* — „Матеріалы къ біографіи Ѳ. В. Булгарина“ („Литер. Вѣстникъ“, 1901 г., IV), Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, „Сборникъ историческихъ матеріаловъ“ изд. М Михайлова. 1873 г., 416—417, „Памятники новой русской исторіи“, изд. Кашпирева, 1871 г. 403—404, *Ѳ. Вигель*, „Воспоминанія“. III, ч. 6, М., 1866, 28—29.

Остановлюсь немного на отношеніяхъ Булгарина и Рылѣева. Когда они познакомились, кажется, неизвѣстно, но уже въ серединѣ 1821 года Рылѣевъ подписывается: „твой другъ“, а въ первой книжкѣ альманаха „Полярная Звѣзда“ на 1823 г. даже посвящаетъ ему свое стихотвореніе („Мстиславъ Удалый“). Но въ сентябрѣ 1823 г. между друзьями произошла серьезная размолвка. Дѣло было такъ. А. Ѳ. Воейковъ, поссорившись съ Гречемъ, вышелъ изъ его „Сына Отечества“ и сейчасъ же, благодаря родственнику — Жуковскому, получилъ редактированіе „Русскаго Инвалида“, въ которомъ вскорѣ напечаталъ, что тиражъ „Инвалида“ больше чѣмъ вдвое тиража „Сына Отечества“. Греча и Булгарина это сильно раздосадовало, и вотъ второй изъ нихъ подаетъ прошеніе объ отдачѣ ему въ аренду „выгодной газеты“, обязуясь уплачивать казнѣ вдвое противъ Воейкова. Кристаллически чистаго Рылѣева это, разумѣется, взорвало, тѣмъ болѣе, что между конкурентами были пріятельскія отношенія... Кондратій Ѳедоровичъ написалъ Булгарину очень пространное и рѣзкое по опредѣленности письмо, въ концѣ котораго писалъ: „прошу тебя забыть о моемъ существованіи, какъ я забываю о твоемъ: по разному образу чувствованія и мыслей намъ скорѣе можно быть врагами, нежели пріятелями“. Булгаринъ немедленно отвѣчалъ, что все это его убиваетъ и т. п.; „прости, братъ, и помни, что ты другого Булгарина для себя не найдешь въ жизни. Анатомируй какъ хочешь всѣхъ до единаго своихъ друзей — Булгарину все еще много останется“ — таковъ былъ торжественный заключительный аккордъ покаянія... Рылѣевъ не придалъ ему значенія, и натянутыя отношенія ихъ продолжались до 1825 года. Въ этотъ промежутокъ Булгаринъ старался вновь расположить къ себѣ друга и, должно быть, успѣлъ, потому что въ письмѣ между 14 и 26 марта 1825 г. Рылѣевъ называетъ его „любезнымъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ“, благодаритъ за лестный отзывъ о „Войнаровскомъ“ и пишетъ, что „не переставалъ и вѣрно не перестанетъ любить“ его... Хитрый Булгаринъ прикинулся расчувствованнымъ и возвратилъ Рылѣеву письмо съ надписью на верху: „Письмо сіе расцѣловано и орошено слезами. Возвращаю назадъ, ибо подлый міръ недостоинъ быть свидѣтелемъ такихъ чувствъ и могъ бы перетолковать, — а я понимаю истинно“. Рылѣевъ отослалъ, однако, его обратно, сдѣлавъ тамъ же приписку: „Напрасно отослалъ письмо: я никогда не раскаиваюсь въ чувствахъ, а мнѣніемъ подлаго міра всегда пренебрегаю. Письмо твое и должно остаться у тебя. Прежде нежели увидѣть меня, поговори съ Александромъ Бестужевымъ: онъ можетъ быть сегодня будетъ у тебя“ [1]).

Вотъ какъ Булгаринъ умѣлъ приворожить къ себѣ этого честнаго человѣка... Правда, нѣкоторые относились къ нему, какъ къ „балаганному фигляру, приманивающему людъ въ свою комедь кривляніями и площадными прибаутками“; другіе цѣнили его, какъ интереснаго разсказчика. Но какъ бы то ни было, Булгаринъ вращался въ средѣ лучшаго, что давала тогда петербургская интеллигенція.

Одновременно онъ сблизился, однако, и съ тѣми низинами, гдѣ обдѣлывали свои темныя дѣла Магницкіе и Руничи; сумѣлъ снискать расположеніе Арак-

[1]) Всѣ письма Рылѣева и Булгарина другъ къ другу цитирую по „Сочиненіямъ и перепискѣ К. Ѳ. Рылѣева“ изд. 2-е, подъ редакціей П. А. Ефремова, въ которыя они вошли безъ тѣхъ ошибокъ, какія сдѣланы въ „Рус. Старинѣ“ (1871 г., № 1) и „Девятнадцатомъ вѣкѣ“ (кн. I). Не могу не замѣтить, что изданіе „Сочиненій“ Рылѣева подъ редакціею М. Н. Мазаева (1893 г.) журналомъ „Сѣверъ“ въ сущности редактировано какъ будто г. Ефремовымъ: такъ точно списаны всѣ его примѣчанія и поясненія...

чеева, не пропустилъ и И. П. Скобелева, — вѣрнаго агента тайнаго надзора, тогда еще не переданнаго Бенкендорфу. Но эта оборотная сторона медали не была видна энтузіастамъ середины 20-хъ годовъ. А. Бестужевъ и Рылѣевъ, издавая „Полярную Звѣзду“ на 1825 г. печатали тамъ Булгарина, не зная, какую змѣю они отогрѣвали на своей груди [1]). Булгаринъ всячески старался подлаживаться подъ господствовавшее настроеніе образованной молодежи, и если даже ничего не зналъ о заговорѣ, то, конечно, на словахъ сочувствовалъ конституціоннымъ стремленіямъ декабристовъ. Его любимая поговорка была: „Варвара мнѣ тетка, а правда сестра“... Только передъ самой катастрофой 14 декабря когда Булгаринъ, благодаря искательству у Аракчеева и Шишкова, былъ уже издателемъ газеты „Сѣверная Пчела“ и сразу же неумѣло раскрылъ свои крапленыя карты, ставъ грубымъ льстецомъ власти и высшей бюрократіи,— его начали понимать уже не только, какъ безвреднаго паяца и болтуна... Какъ-то разъ, очень раздраженный пресмыкательствомъ булгаринской газеты, Рылѣевъ крикнулъ: „Когда случится революція, мы тебѣ на «Сѣверной Пчелѣ» голову отрубимъ!...“ И это былъ, несомнѣнно, голосъ не одного автора „Думъ“, даже не исключительно его кружка [2])...

Въ 1823 г. Булгаринъ началъ издавать второй журналъ—„Литературные Листки“, и въ это время познакомился съ Н. И. Гречемъ. Дружба этихъ двухъ достойныхъ другъ друга людей была закрѣплена съ начала 1825 года совмѣстнымъ изданіемъ „Сѣверной Пчелы“, „Сѣвернаго Архива“ и „Сына Отечества“; въ 1829 г. „Архивъ“ былъ присоединенъ къ „Сыну Отечества“ Греча, и, такимъ образомъ, два друга соединились очень крѣпко. Гречъ цѣнилъ въ Булгаринѣ ловкость и пронырство; Булгарину другъ былъ необходимъ по его связямъ и научному цензу...

Надо-ли говорить, что событія 14 декабря 1825 года нисколько не отразились на Булгаринѣ? Успѣвшій проявить въ „Сѣверномъ Архивѣ“, „Литературныхъ Листкахъ“ и „Сѣверной Пчелѣ“ свою полную благонамѣренность, а въ личныхъ связяхъ и подслуживаніяхъ—готовность по приказанію думать такъ или иначе,—Булгаринъ, конечно, былъ оставленъ въ сторонѣ, несмотря на пріятельство съ арестованными и повѣшанными. Лишь по какому-то недоразумѣнію, очень скоро разсѣянному, онъ былъ взятъ подъ строгій присмотръ петербургскаго генералъ-губернатора. Извѣщая о таковой высочайшей волѣ, дежурный генералъ главнаго штаба, А. Н. Потаповъ, просилъ также у генералъ-губернатора справку о службѣ „капитана французской арміи“ Булгарина послѣ отставки, такъ какъ она требовалась государемъ. Генералъ-губернаторъ Кутузовъ сообщилъ данныя о прошломъ Булгарина, уже извѣстныя нашимъ читателямъ. Булгаринъ взволновался и не-

---

[1]) Тамъ помѣщенъ его разсказъ: „Еще военныя шутки“; въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1823 г. три его вещи: „Раздѣлъ наслѣдства“. „Военная шутка“ и „Освобожденіе Трембовли“;— на 1824 г. — „Модная лавка“. Такимъ образомъ онъ участвовалъ во всей „Полярной Звѣздѣ“.

[2]) Рус. Старина“, 1873 г., IV, 466; *Т. Сосновскій*—„А. С. Грибоѣдовъ“ („Рус. Старина“. 1874 г., VI); *М. Бестужевъ* — „Записки“ (Рус. Старина“. 1881 г. XI); *С. Венгеровъ*—„Ежедневная печать конца дореформенной эпохи“ („Лит. Вѣстникъ“, 1902 г., VIII): *М. Семевскій*—„Альманахъ“ „Звѣздочка на 1826 г.“ („Рус. Архивъ“, 1869 г., IV), *Н. Гречъ*—„Ѳ. В. Булгаринъ“ („Рус. Старина“ 1871 г. XI); „И. П. Скобелевъ и Ѳ. В. Булгаринъ“ (Рус. Старина“, 1895 г., XI), *П. Каратыгинъ*—„Записки“ („Рус. Старина“ 1873 г., II); *В. Инсарскій*— „Записки“ („Рус. Старина“, 1894 г., II); „Изъ бумагъ Рылѣева“ („Девятнадцатый вѣкъ“, I).

медленно, 12 мая 1826 г., написалъ Потапову слѣдующее очень пространное письмо:

„Вамъ извѣстно, что будучи произведенъ въ офицеры, въ весьма молодыхъ лѣтахъ, въ Уланскій его императорскаго высочества государя наслѣдника и великаго князя Константина Павловича полкъ, я дѣлалъ школьническія шалости, увлекаясь примѣрами товарищей и пылкостью моего характера. Полагаю, что не безызвѣстно вашему превосходительству, что не взирая на сіе, я оставилъ по себѣ въ полку память честнаго человѣка и не труса и даже имѣлъ случай отличиться въ Фридландскую кампанію 1807 и Финляндскую—1808 годовъ.

„Принужденъ будучи оставить россійскую службу, я въ Варшавѣ, во время существованія герцогства, увлекся общимъ стремленіемъ умовъ, страстью къ путешествіямъ, блескомъ славы Наполеона и вступилъ въ службу подъ его знамена. Въ извиненіе сего ничего не могу представить, кромѣ польскаго моего происхожденія и моей неопытности. Всегда, однакожъ, я сохранялъ братскую любовь къ Россіи и не участвовалъ въ войнѣ 1812 г. Когда въ 1814 г. имперія Наполеона рушилась, и разнородныя племена, составлявшія его армію, разбрелись восвояси, какъ послѣ Вавилонскаго столпотворенія, я въ семъ общемъ хаосѣ, получивъ отъ французскаго правительства видъ, возвратился въ Варшаву. Тогда герцогствомъ Варшавскимъ управляло временное правительство, и членъ онаго генералъ Вавржецкій, управлявшій военною частью, удержалъ у себя французскій видъ, а выдалъ мнѣ другой для свободнаго прожитья въ Гродненской губерніи. На основаніи сего я получилъ прилагаемый при семъ паспортъ для проѣзда въ Петербургъ, а данный мнѣ видъ временнымъ правленіемъ Варшавскимъ удержалъ у себя заступившій мѣсто гражданскаго губернатора, коего подпись находится на паспортѣ. Съ тѣхъ поръ я оставался въ Петербургѣ и нашедши здѣсь друзей, старыхъ товарищей и покровителей, поселился навсегда, занялся литературою, женился, и на жительство въ столицѣ сперва получилъ позволеніе военнаго губернатора Вязмитинова, который докладывалъ обо мнѣ блаженныя памяти государю императору, а послѣ того—графа Милорадовича.

„При полученіи позволенія на изданіе журнала «Сѣверный Архивъ», я, кромѣ вида для проживанія, представилъ avis принца Невшательскаго (Бертье) и свидѣтельство офицеровъ. Этихъ бумагъ при мнѣ теперь нѣтъ, а находятся онѣ у моей матери, въ деревнѣ, однакожъ, онѣ занесены въ протоколъ цензурнаго комитета. Вотъ краткое и чистосердечное разрѣшеніе вопроса о моемъ званіи французскаго офицера, которыми наполнены Литва и Польша. Засимъ, осмѣливаюсь представить вашему превосходительству мою покорнѣйшую просьбу, которую, если возможно, прошу повергнуть къ стопамъ всемилостивѣйшаго монарха въ такомъ видѣ, въ какомъ я представляю вашему превосходительству.

„Я десять лѣтъ подвизаюсь на поприщѣ русской словесности въ столицѣ и въ продолженіе этого времени не подвергнулся ни малѣйшему замѣчанію со стороны правительства, какъ въ отношеніи къ моему поведенію, такъ и въ отношеніи къ моимъ сочиненіямъ. Напротивъ того, я имѣлъ счастіе заслужить благорасположеніе многихъ первостепенныхъ чиновниковъ государства и благоволеніе публики. Ни однимъ поступкомъ, ни одною строкою я въ продолженіе 10 лѣтъ не погрѣшилъ противъ установленнаго порядка вещей. А десять лѣтъ много времени въ нашей краткой жизни! Напротивъ того, я многими сочиненіями старался

посѣять въ сердцахъ любовь и довѣренность къ престолу и чистую нравственность. Стоитъ взглянуть въ книжку «Сѣвернаго Архива», вышедшую въ свѣтъ тремя днями ранѣе, предъ несчастнымъ днемъ 14 декабря (отпечатанную 8-го декабря), и прочесть мою повѣсть «Бѣдный Макаръ», чтобы удостовѣриться, какія правила я стараюсь распространять и какія чувства прививать молодымъ людямъ. Удаляясь всегда отъ всякихъ политическихъ видовъ, я даже не хотѣлъ никогда вступать въ сословіе франкъ-масоновъ, опасаясь какой-нибудь таинственной цѣли. Но званіе благонамѣреннаго русскаго писателя и смиреннаго вѣрноподданнаго столь несовмѣстно съ несчастнымъ моимъ званіемъ французскаго офицера, что это мучитъ меня и терзаетъ. Я рѣшился во что бы то ни стало вырвать эту страницу изъ моей жизни. Надѣюсь, что по ходатайству вашего превосходительства всемилостивѣйшій государь императоръ обратитъ вниманіе на бѣднаго литератора и внемлетъ моей всеподданнѣйшей просьбѣ, которая состоитъ въ томъ, чтобы, въ уваженіе моихъ малыхъ заслугъ на полѣ брани въ 1807 и 1808 годахъ и трудовъ моихъ въ литературѣ, была мнѣ выдана отставка изъ инспекторскаго департамента, въ томъ чинѣ, въ которомъ я находился въ русской службѣ, и чтобы переименовать меня въ статскій чинъ, для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ, гдѣ я могу быть полезенъ государю императору пріобрѣтенными мною небольшими свѣдѣніями и опытностью. Смѣю надѣяться, что если ваше превосходительство захотите вступиться въ это дѣло, то великодушный и милосердный монархъ не откажетъ мнѣ въ этомъ желаніи, устремленномъ къ цѣли быть ему вѣрнымъ и полезнымъ слугою.

„Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою.

Ѳаддей Булгаринъ“ [1]).

Записки Булгарина о цензурѣ.

Черезъ нѣсколько дней, Булгаринъ, съ цѣлью укрѣпить въ Потаповѣ убѣжденіе въ своей благонамѣренности и способности быть вѣрнымъ и полезнымъ слугою государя, представилъ ему очень интересную записку „О цензурѣ въ Россіи и о книгопечатаніи вообще“, взявъ предварительно честное слово, что она не будетъ извѣстна съ его именемъ министру просвѣщенія, Шишкову... Булгаринъ и ранѣе подавалъ уже записки такого же характера, но онѣ были гораздо менѣе обстоятельны. Подавалъ онъ ихъ тогдашнему генералъ-губернатору Милорадовичу. Въ одной изъ нихъ онъ коснулся нѣкоторыхъ распоряженій по театральной части; въ другой—говорилъ о „курсѣ“, наступившемъ въ цензурѣ при министрѣ народнаго просвѣщенія Шишковѣ, обращая главное вниманіе на цензированіе сочиненій духовнаго содержанія. Послѣдняя записка была представлена Александру I. Но ни по той, ни по другой ничего не было предпринято. Булгаринъ лишь зарекомендовалъ себя „вѣрнымъ человѣкомъ“ въ глазахъ тогдашняго начальника секретной части — Милорадовича. Теперь, когда генералъ-губернаторъ былъ убитъ въ

---

[1]) *Н. Д.*, „Къ исторіи русской литературы“, „Рус. Старина“, 1900 г., IX, 576—579.

Ѳаддей Булгаринъ

(„Сто русскихъ литераторовъ", т. II).

декабрьской катастрофѣ, нужно было, конечно, напомнить о себѣ, въ особенности въ виду приведенной выше просьбы государю.

Говоря о сущности общественнаго мнѣнія, Булгаринъ замѣчаетъ: „большая часть людей, по умственной лѣни, занятіямъ, недостатку свѣдѣній, слабости характера, врожденной гибкости ума или раздражительному чувству, гораздо способнѣе принимать и присваивать себѣ чужое сужденіе, нежели судить сами, и какъ общее мнѣніе уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять онымъ посредствомъ книгопечатанія, нежели предоставлять его на волю людей злонамѣренныхъ“. А такъ какъ подобное управленіе требуетъ знанія публики, то Булгаринъ и останавливается прежде всего на ея классификаціи. По его мнѣнію, она дѣлится на знатныхъ и богатыхъ людей, среднее состояніе, нижнее состояніе и ученыхъ и литераторовъ.

Первые,—„отданные съ дѣтства на руки французскихъ гувернеровъ, подъ ихъ руководствомъ, учатся только многимъ языкамъ, получаютъ поверхностное понятіе объ исторіи и другихъ наукахъ“ и, потому, „всѣхъ людей, даже китайцевъ, почитаютъ французами, смотрятъ на все французскими глазами и судятъ обо всемъ на французскій манеръ“. „Хотя по своему положенію въ свѣтѣ сей классъ людей долженствовалъ бы быть привязанъ къ настоящему образу правленія, но преждевременное честолюбіе, оскорбленное самолюбіе, неумѣстная самонадѣянность заставляютъ ихъ часто проповѣдывать правила вредныя для нихъ самихъ и для правительства“. „Правительству весьма легко истребить вліяніе сихъ людей на общее мнѣніе и даже подчинить ихъ господствующему мнѣнію дѣйствіемъ *приверженныхъ правительству писателей*“.

Но „истинныхъ литераторовъ, владѣющихъ языкомъ, начитанныхъ, знающихъ Россію и ея потребности и способныхъ распространить, изложить, украсить всякую *заданную* тему—должно сознаться къ стыду,—также мало. Но какъ у насъ всякій стихотворецъ и памфлетистъ пользуется въ обществѣ нѣкоторымъ преимуществомъ и даже имѣетъ вліяніе на свой кругъ общества, то вовсе безполезно раздражать этихъ людей, когда нѣтъ ничего легче, какъ привязать ихъ *ласковымъ обхожденіемъ и снятіемъ запрещенія писать о бездѣлицахъ, напримѣръ, о театрѣ и т. п.*“. „Съ этимъ классомъ гораздо легче сладить въ Россіи, нежели многіе думаютъ. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы дать дѣятельность ихъ уму и обращать дѣятельность истинно просвѣщенныхъ людей на предметы, *избранные самимъ правительствомъ*, а для всѣхъ вообще имѣть какую-нибудь одну общую *маловажную* цѣль, напримѣръ, театръ, который у насъ долженъ замѣнить сужденіе о камерахъ и министрахъ. Весьма замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ запрещено писать о театрѣ и судить объ игрѣ актеровъ, молодые люди перестали посѣщать театры, начали сходиться вмѣстѣ, толковать вкось и вприямь о политикѣ, жаловаться на правительство даже явно [1]). Я въ душѣ моей увѣренъ, что сія неполитическая мѣра увлекла многихъ юношей въ бездну преступленія и въ тайныя общества“.

---

[1]) Дѣйствительно, въ то время было запрещено не только что бы то ни было печатать о театрѣ, но даже въ самомъ театрѣ выражать свое удовольствіе игрою артистовъ апплодисментами или иными знаками... Разрѣшеніе на то и другое послѣдовало только въ 1828 году, но и затѣмъ неоднократно указывалось на необходимость „умѣреннаго порицанія, никому не нужнаго“...

Подъ „среднимъ состояніемъ“ Булгаринъ подразумѣваетъ достаточныхъ, но не богатыхъ дворянъ, находящихся на службѣ, всѣхъ другихъ дворянъ, приказныхъ, богатыхъ купцовъ и промышленниковъ и частью мѣщанъ. По его мнѣнію, эта публика очень нетребовательна въ области чтенія. „Не надобно большихъ усилій, чтобы быть не только любимымъ ею, но даже обожаемымъ. Къ этому два средства: справедливость и *нѣкоторая гласность*“. „Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать къ трону *одною только тѣнью свободы* въ мнѣніяхъ на счетъ нѣкоторыхъ мѣръ и проектовъ правительства“. „Возстановленіемъ сужденій о томъ, что угодно будетъ правительству передать на сужденіе публики, произведется благодѣтельное вліяніе на умы и не только въ Россіи, но даже и въ чужихъ краяхъ. Совершенное безмолвіе порождаетъ недовѣрчивость и заставляетъ предполагать слабость, неограниченная гласность производитъ своеволіе; гласность же, вдохновенная самимъ правительствомъ, примиряетъ обѣ стороны и для обѣихъ полезна. Составивъ общее мнѣніе, весьма легко управлять имъ, какъ собственнымъ дѣломъ, котораго мы знаемъ всѣ тайныя пружины“.

Нельзя, кстати, не замѣтить, что точно таковы были убѣжденія и министра внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуева, въ силу которыхъ, черезъ тридцать шесть лѣтъ Россія имѣла особый органъ—„Сѣверную Почту“ (1862 г.)...

Что касается „нижняго состоянія“, т. е. мелкихъ подъячихъ, грамотныхъ крестьянъ и мѣщанъ, деревенскаго духовенства и раскольниковъ, — то, по мнѣнію Булгарина, этими людьми можно легко управлять „магическимъ жезломъ — „*Матушка Россія*“. „Искусный писатель — пишетъ онъ—представляя сей священный предметъ въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ, какъ въ калейдоскопѣ, легко покоритъ умы нижняго состоянія, которое у насъ разсуждаетъ болѣе, нежели думаетъ“.

Начертавъ, такимъ образомъ, планъ быстраго, легкаго и вѣрнаго способа успокоенія русской публики, Булгаринъ останавливается на недостаткахъ современной ему цензуры. Здѣсь, что ни слово, то доносъ на бездѣятельность Шишкова, того Шишкова, который помогъ ему основать „Сѣверную Пчелу“ и другіе органы.

Какъ еще лишняя иллюстрація современной ему цензуры, эта часть „записки“ не должна быть предана забвенію.

„Цензура установлена для того, *чтобы препятствовать распространенію идей вредныхъ вѣрѣ, нравственности, существующему образу правленія, и пресѣкать личности*. Неискусными мѣрами наша цензура не только не достигла сей цѣли и не произвела никакой пользы, но только раздражала умы и повредила правительству странными своими поступками. Бросимъ взглядъ на каждую часть въ особенности.

„1) *Въ отношеніи къ вѣрѣ*. Цензура состояла сперва подъ вліяніемъ миститизма [1]), а нынѣ состоитъ подъ вліяніемъ противной ему партіи. Сперва выходило множество книгъ сектаторскихъ, мистическихъ, нынѣ покровительствуются книги, служащія опроверженіемъ первыхъ. Изъ сего боренія партій не произошло никакой пользы для вѣры и нравственности, напротивъ того, размножились секты, толки о вѣрѣ и самыя вредныя идеи для правительства. Объ

---

[1]) При министрѣ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынѣ.

этомъ предметѣ нельзя говорить кратко и потому я умалчиваю здѣсь объ этомъ. Мысли о семъ я излагалъ, по волѣ покойнаго графа Милорадовича, для блаженной памяти Императора Александра. Не знаю, гдѣ находится поданная мною бумага, въ кабинетѣ-ли его величества или между бумагами покойнаго графа.

„Что-же дѣлала цензура подъ вліяніемъ мистиковъ и ихъ противниковъ? Распространяя вредныя для чистой вѣры книги, она истребляла изъ словесности только одни слова и выраженія, освященныя временемъ и употребленіемъ. Вотъ для образчика нѣсколько выраженій, не позволенныхъ нашею цензурою, какъ оскорбительныхъ для вѣры: отечественое *небо, небесный* взглядъ, *ангельская* улыбка, *божественный* Платонъ, ради *Бога,* ей *Богу*, *Богъ* одарилъ его, онъ *вѣчно* занятъ былъ охотой и т. п. Всѣ подчеркнутыя здѣсь слова запрещены нашею цензурою, и словесность, а особенно поэзія совершенно стѣснены. Должно замѣтить, что даже папская цензура позволяетъ сіи выраженія. чему служитъ доказательствомъ нынѣшняя итальянская поэзія.

„Столь смѣшное ханжество, представляя цензуру въ самомъ странномъ видѣ, заставляло многихъ подобныхъ людей принимать дѣйствіе за причину и уменьшило уваженіе ихъ къ правительству. Для краткости я пропускаю множество примѣровъ изъ дѣйствій цензуры, которыя, безъ приложенія подлинныхъ доказательствъ, показались бы невѣроятными. Стоитъ посмотрѣть выключенныя мѣста изъ одного листа газеты или одной книжки журнала, чтобъ удостовѣриться, что цензура не постигаетъ цѣли правительства, а вмѣсто того, чтобы смотрѣть на духъ сочиненій, привязывается къ однимъ *словамъ и фразамъ.*

„2) *Въ отношеніи къ правительству* вмѣсто того, чтобы запретить писать *противъ* правительства, цензура запрещаетъ писать *о правительствѣ и въ пользу онаго.* Всякая статья, гдѣ стоитъ слово правительство, министръ, губернаторъ, директоръ, запрещена впередъ, что бы она ни заключала. Повторяю, все зло происходитъ отъ того, что у насъ *смотрятъ не на духъ сочиненія, а на одни слова и фразы* и тотъ, кто искусными перифразами можетъ избѣжать въ сочиненіи запрещенныхъ цензурою словъ, часто заставляетъ ее пропускать непозволительныя вещи. Напротивъ того, всякое чистое, благоразумное сужденіе и повѣствованіе о благодѣтельныхъ мѣрахъ правительства строго запрещено. Самыя сильныя препоны для словесности и наукъ воспослѣдовали отъ изданія повелѣнія въ 1822 г. [1]), которымъ запрещено было всѣмъ служащимъ писать и публиковать о дѣлахъ, до службы касающихся, и о внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи Россіи, безъ позволенія начальства. Существо сего повелѣнія весьма справедливо, ибо нигдѣ, даже въ самой Англіи, не позволяется публиковать актовъ правительства безъ согласія онаго. Но наша цензура приняла сіе повелѣніе въ противномъ смыслѣ и не позволяетъ печатать никакихъ даже маловажныхъ извѣстій безъ согласія различныхъ министерствъ, которыя иногда изъ снисхожденія позволяютъ, а чаще отговариваются тѣмъ, что не имѣютъ предписанія, какъ дѣйствовать въ семъ случаѣ, и множество любопытныхъ вещей пропадаетъ для наукъ. Съ тѣхъ поръ географія и статистика Россіи пришли въ совершенный упадокъ. Цензура не позволяетъ даже извѣщать публику, безъ согласія на-

---

[1]) При кн. А. Н. Голицынѣ.

чальства разныхъ отраслей правленія, о всенародныхъ происшествіяхъ, парадахъ, фейерверкахъ, гуляньяхъ, экзаменахъ въ казенныхъ и частныхъ заведеніяхъ, о феноменахъ природы въ разныхъ мѣстахъ Россіи случающихся и проч. Кто бы подумалъ, что для помѣщенія извѣстія о *градѣ*, *засухѣ*, *ураганѣ* должно быть позволеніе министра внутреннихъ дѣлъ; о данномъ графомъ Милорадовичемъ фейерверкѣ въ Екатерингофѣ надлежало получить позволеніе самого графа; объ экзаменѣ частнаго пансіона нельзя извѣстить родителей безъ согласія самого начальника пансіона и т. п. Отъ этого періодическія изданія теряли свою занимательность, ибо издатели, будучи обязаны для напечатанія нѣсколькихъ страничекъ, обѣгать всѣ министерства и часто безъ успѣха, вовсе отказываются отъ помѣщенія отечественныхъ извѣстій, и мы только изъ иностранныхъ журналовъ почерпаемъ ложныя и ошибочныя извѣстія о Россіи, напримѣръ: на приложеніе изображенія медали за взятіе Парижа въ «Сѣверной Пчелѣ» самъ министръ просвѣщенія не могъ дать позволенія, и издатели у г. военнаго генералъ-губернатора выпросили право извѣстить публику о томъ, что происходило всенародно. Трудно повѣрить, что наша цензура почитаетъ вреднымъ правительству. Одинъ писатель при взглядѣ на гранитныя колоссальныя колонны Исаакіевскаго храма восклицаетъ: «это, кажется, столпы могущества Россіи!» Цензура вымарала съ замѣчаніемъ, что столпы Россіи суть министры. Другой писатель, описывая гробъ генерала де-ла-Круа, въ Ревелѣ, сказалъ, что ножки гроба изображаютъ орловъ— цензура вымарала съ замѣчаніемъ, что орелъ есть гербъ Россіи, потому и нельзя говорить о немъ такимъ образомъ. Таковыми поступками цензура не могла пріобрѣсть себѣ уваженія, напротивъ, сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ, сатиръ и эпиграммъ, въ которыхъ всегда обвинялось правительство.

„3) *Въ отношеніи нравственности*. Въ семъ случаѣ цензура, какъ и въ двухъ первыхъ, привязываясь единственно къ словамъ, часто пропускала самыя соблазнительныя стихотворенія, а иногда запрещала самыя невинныя статьи. Напримѣръ, повѣсть, въ которой жидъ представленъ добродѣтельнымъ человѣкомъ (хотя въ той-же повѣсти ни одинъ христіанинъ не представленъ злымъ), почтена безнравственною, потому что жиды не могутъ и не должны быть добродѣтельными. Въ повѣстяхъ нельзя сказать: женихъ *поцѣловалъ* свою невѣсту, но *посмотрѣлъ* на невѣсту; вмѣсто онъ *любилъ* ее, должно говорить, онъ хотѣлъ *жениться* и т. п. Не смѣю утруждать вниманія множествомъ подобныхъ нелѣпостей и повторяю: стоитъ просмотрѣть одну книжку журнала.

„4) *Касательно личности*. У насъ до сихъ поръ защищали не лица, но пороки и дурные поступки. Запрещено строжайше, даже въ переводахъ съ иностраннаго, представлять камергеровъ, министровъ, генераловъ и особенно князей и графовъ иначе, какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми самыми добродѣтельными. Отъ этого вмѣсто пользы проистекаетъ вредъ, ибо читатели, видя въ натурѣ слабости человѣчества и сравнивая съ идеалами, тѣмъ менѣе уважаютъ тѣхъ, которые представляются на бумагѣ всегда какъ образцы, какъ совершенство человѣчества. Добро не покажется добромъ, если не будетъ въ противоположности со зломъ: картина безъ тѣней не привлечетъ вниманія и похвалъ".

Дальше Булгаринъ излагалъ свои „мысли о преобразованіи цензуры", не представляющія ничего сколько-нибудь для него характернаго.

Скажу только, что въ проектѣ новой организаціи петербургскаго цензурнаго

комитета онъ указываетъ на безусловную необходимость подчинить цензированіе театральныхъ пьесъ и періодическихъ изданій министерству внутреннихъ дѣлъ по части высшей полиціи. „Это потому, что театральныя піесы и журналы, имѣя обширный кругъ зрителей и читателей, скорѣе и сильнѣе дѣйствуютъ на умы и на общее мнѣніе. И какъ высшей полиціи должно знать общее мнѣніе и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно имѣть въ рукахъ своихъ служащія къ сему орудія“ [1]).

Потаповъ передалъ записку Булгарина начальнику главнаго штаба, бар. И. И. Дибичу, а послѣдній приказалъ спросить автора, считаетъ-ли онъ полезнымъ представить копію съ нея Шишкову, какъ разъ въ это время вырабатывавшему проектъ устава о цензурѣ 1826 г. Булгаринъ сильно перетрусилъ и просилъ Потапова не причинять ему грозящихъ большихъ непріятностей. „Я мыслю только для государя императора—писалъ онъ генералу,—я покорнѣйше прошу ваше превосходительство заступленія и покровительства въ семъ дѣлѣ“. Бар. Дибичъ поспѣшилъ успокоить Булгарина, написавъ на запискѣ: „Призовите его къ себѣ и успокойте его, ибо именно для того прежде спрашивали его же, и онъ напрасно труситъ; можно сдѣлать выписку изъ онаго и переписать рукою писаря и препроводить къ министру просвѣщенія, а оригиналъ оставить у меня самого. Я бы желалъ видѣть этого Булгарина; если онъ человѣкъ, желающій добра и уменъ, то долгъ службы требуетъ ему открыть дорогу и *простить прошедшее есть всегда дѣло доброе*“.

Такимъ образомъ, все окончилось благополучно: Булгаринъ выигралъ въ мнѣніи людей, стоявшихъ во главѣ высшей полиціи. Но его удача пошла еще дальше: переписанная записка была отправлена Шишкову съ увѣдомленіемъ, что государю, ее прочитавшему, угодно имѣть по сему предмету его мнѣніе... [2]).

Неопровержимость факта службы Булгарина въ III отдѣленіи Соб. Е. И. В. канцеляріи

За два дня до такого исхода дѣла на сцену появляется III отдѣленіе съ гр. А. Х. Бекендорфомъ и съ его помощникомъ М. Я. фонъ-Фокомъ. Очевидно, нужно было принять мѣры для сближенія съ этими необходимыми людьми. Булгаринъ понималъ, что личнаго знакомства не замѣнятъ никакія „записки“...

Гречъ помогъ ему познакомиться сейчасъ же съ Фокомъ, которому Булгаринъ сразу понравился и водворился у него въ домѣ уже своимъ человѣкомъ... „Но не доносилъ, а выспрашивалъ и выглядывалъ, не грозитъ-ли какая-либо бѣда ему или «Пчелѣ» — предупредительно добавляетъ Гречъ въ своихъ „Запискахъ“. Далѣе, сказавъ, что Фокъ представилъ Булгарина Бенкендорфу, что Булгаринъ льстилъ всесильному генералу, всячески выхвалялъ его и т. д.—услужливый alter ego снова добавляетъ: „но никогда не былъ употребляемъ по секретнымъ дѣламъ, и только развѣ жаловался на обиды, которыя претерпѣвалъ отъ Воейкова, Краевскаго и другихъ журналистовъ“ [3]). Ниже мы увидимъ изъ документовъ — источника го-

[1]) *Н. Д.* „Къ исторіи русской литературы“, „Рус. Старина“, 1900 г., IX, 579—590.
[2]) Ibidem, 590—591.
[3]) „Рус. Старина“, 1871 г., XI, 509.

раздо болѣе достовѣрнаго, чѣмъ слова Греча,—какое амплуа занималъ Булгаринъ... Во всякомъ случаѣ, жалобъ его Бенкенгорфу на своихъ литературныхъ противниковъ не отрицаетъ и „вѣрный другъ“...

Просьба Булгарина о дарованіи ему настоящей отставки и объ опредѣленіи въ гражданскую службу перешла теперь къ Бенкендорфу. Очевидно, послѣдній скоро успѣлъ близко узнать способности издателя „Пчелы“, потому что уже 28 октября 1826 года, т. е., черезъ четыре мѣсяца послѣ вступленія въ свою новую, всѣхъ и вся подавлявшую и надъ всѣми и вся доминировавшую, должность, Бенкендорфъ увѣдомилъ Шишкова, что „бывшій капитанъ французской службы Булгаринъ, обратившій на себя вниманіе похвальными литературными трудами, желаетъ поступить на службу и посвятить способности свои занятіямъ общеполезнымъ“, и что государь соизволилъ на причисленіе его къ министерству народнаго просвѣщенія. А 22-го ноября послѣдовалъ указъ правительствующему сенату: „обращая вниманіе на похвальные литературные труды бывшаго французской службы капитана Ѳаддея Булгарина, всемилостивѣйше повелѣваемъ переименовать его въ VIII-й классъ и причислить на службу по министерству народнаго просвѣщенія“ [1]. Шишковъ не далъ, однако, Булгарину никакой опредѣленной должности, и послѣдній лишь *считался* чиновникомъ особыхъ порученій [2].

Записка Бенкендорфа о „похвальныхъ литературныхъ трудахъ“ Булгарина настолько интересна, что на ней нельзя не остановиться.

„Ѳаддей Булгаринъ, въ продолженіе десятилѣтняго своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, снискалъ себѣ уваженіе отличнѣйшихъ людей сей столицы за свое поведеніе и заслужилъ благосклонность публики своими литературными трудами“,—таково вступленіе. Изъ дальнѣйшаго мы, кстати, ознакомимся съ нѣкоторыми фактами біографіи Булгарина. умышленно не приведенными выше.

„Съ 1816 года, онъ, снискавъ уже *почетное имя въ польской словесности*, началъ трудиться для россійской, помѣщая сперва статьи своего сочиненія въ журналахъ, по части исторической критики, военныхъ наукъ и словесности. Усмотрѣвъ, что въ высшихъ училищахъ, вмѣсто учебной книги, употребляютъ *полное* [3]) изданіе Гораціевыхъ сочиненій, въ которыхъ находится множество предметовъ соблазнительныхъ, не приличныхъ юношеству, Булгаринъ издалъ и на свой счетъ напечаталъ «Избранныя оды Горація, съ комментаріями на россійскомъ языкѣ», гдѣ исключено все соблазнительное и помѣщено то, что сообразно съ христіанскою нравственностью. Книга сія на польскомъ языкѣ напечатана на казенный счетъ и введена въ училища [4]). Для поддержанія воинственнаго духа въ народѣ и для сопряженія любви народной со славою государя, Булгаринъ издалъ: «Славныя воспоминанія россіянъ XIX столѣтія», собравъ и расположивъ на двухъ большихъ таблицахъ всѣ побѣды въ царствованіе императора Александра I, на каждый день въ году по одной. Сіе изданіе удостоилось вниманія блаженной памяти государя императора и чрезъ министерство просвѣщенія потребовано для эрмитажной библіотеки.

---

[1]) *М. Сухомлиновъ*, „Полемическія статьи Пушкина“, „Истор. Вѣстникъ“, 1884 г. III, 485.

[2]) Ibidem, 487.

[3]) Курсивъ подлинника.

[4]) Современники хорошо знали, что всѣ комментаріи Булгаринъ укралъ у Ежовскаго, благодаря смерти котораго не могъ издать второго тома. Вообще, всѣ небеллетристическія „сочиненія“ Булгарина были всегда беззастѣнчивой контрафакціей...

(„Министерство внутреннихъ дѣлъ“, изд. 1902 г.).

Для распространенія историческихъ и географическихъ свѣдѣній въ Россіи, въ духѣ, свойственномъ образу правленія, Булгаринъ предпринялъ съ 1822 г. изданіе журнала „Сѣверный Архивъ“, который былъ посвященъ исключительно исторіи, ститистикѣ, путешествію и правовѣдѣнію. Сіе изданіе, первое въ своемъ родѣ, заслужило вниманіе европейскихъ ученыхъ (!), которые безпрестанно (!) и всѣ (!) пользуются и переводятъ оттуда статьи, до Россіи касающіяся. Сей журналъ заслужилъ также вниманіе правительства, и бывшій министръ просвѣщенія кн. Голицынъ, безъ всякаго ходатайства со стороны издателя, рекомендовалъ оный во всѣ училища... Съ 1823 года Булгаринъ издавалъ „Литературные Листки“, посвященные особенно исправленію нравовъ статьями въ родѣ Адиссонова Спектатора. Булгаринъ издалъ «Воспоминаніе объ Испаніи» въ томъ намѣреніи, чтобы доказать, что народъ, воспламененный любовью къ своимъ государямъ, бываетъ непобѣдимъ. Для распространенія любви къ драматическому искусству, сильно дѣйствующему на нравы, онъ издалъ первый въ Россіи драматическій альманахъ „Русская Талія“... Съ 1825 года Булгаринъ издаетъ „Сѣверную Пчелу“, литературную и политическую газету, коей главнѣйшая цѣль состоитъ въ утвержденіи вѣрноподданническихъ чувствованій и въ направленіи къ истинной цѣли, то есть: преданности къ престолу и чистотѣ нравовъ. Стоитъ прочесть статью на день 30-го августа 1825 г. и статью на плачевную кончину блаженныя памяти императора Александра I, чтобы увидѣть въ полной мѣрѣ духъ сей газеты... Что Булгаринъ вытерпѣлъ за свой образъ мыслей отъ партіи, нѣкогда сильной въ обществѣ, которой пагубные замыслы открылись впослѣдствіи, сіе извѣстно всѣмъ, составлявшимъ кругъ ихъ знакомства. Булгарина даже стращали публично, что современемъ ему отрубятъ голову на „Сѣверной Пчелѣ“ за распространеніе неевропейскихъ (такъ они называли) идей. Но Булгаринъ всегда пребылъ твердъ въ своихъ правилахъ и, видя какое-то своеволіе мыслей между юношествомъ и нѣкоторыми умниками, не постигая тайной причины, всегда старался противодѣйствовать ихъ вліянію на общее мнѣніе. Доказательствомъ можетъ служить статья его сочиненія подъ заглавіемъ: «Бѣдный Макаръ, или кто за правду горой, тотъ истый герой», появившаяся въ свѣтъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 8 декабря 1825 года, гдѣ монархическія чувствованія и правосудіе русскихъ государей выставлены въ самомъ блестящемъ видѣ. Съ нынѣшняго года Булгаринъ издаетъ безденежно [1]) журналъ „Дѣтскій Собесѣдникъ“ и, чтобы удостовѣриться, въ какомъ духѣ онъ составляется, стоитъ взглянуть на статью: «Исторія Славянъ». Главнѣйшая цѣль сего журнала есть распространеніе вѣрноподданническихъ чувствованій между россійскимъ юношествомъ. Получивъ монаршую милость [2]), Булгаринъ получитъ новую жизнь, жизнь политическую, въ странѣ, которой онъ посвятилъ самого себя. Онъ первый изъ поляковъ появился на поприщѣ русской словесности, и вниманіе, оказанное къ трудамъ его, безъ сомнѣнія, произведетъ благодѣтельныя дѣйствія въ общемъ мнѣніи польскаго народа, который питаетъ въ себѣ любовь ко всему національному. Въ варшавскихъ журналахъ безпрестанно припоминаютъ, что Булгаринъ родомъ полякъ; слѣдовательно (?), тамъ почитаютъ его достойнымъ уваженія“ [3]).

[1]) Только для подписчиковъ „Сѣв. Архива“, „Сына Отечества“ и „Сѣв. Пчелы“, въ видѣ приложенія...

[2]) Т. е. безпорочную отставку отъ русской военной службы и опредѣленіе въ службу гражданскую.

[3]) *М. Сухомлиновъ*, „Истор. Вѣстникъ“, 1884, III, 485—487.

Уже это „похвальное слово“ представляетъ роль Булгарина нѣсколько иначе, чѣмъ старался изобразить ее Гречъ. Но есть и другія, еще болѣе краснорѣчивыя данныя для выясненія этой роли.

Въ 1831 году Булгаринъ уѣхалъ, по болѣзни, въ отпускъ, въ свое имѣніе Карлово (подъ Дерптомъ) и оттуда просилъ министра народнаго просвѣщенія. кн. Ливена, продлить ему отпускъ сверхъ раньше даннаго срока (съ 4 марта по 4 іюля 1831 г.). По докладу министра, не особенно жаловавшаго своего „чиновника особыхъ порученій“, государь отказалъ, не пожелавъ дѣлать исключеній изъ общаго правила. Надо было или явиться въ срокъ, или подать въ отставку. Больной Булгаринъ избралъ второе: въ то время его положеніе уже вполнѣ выяснилось, и служба была не особенно нужна. Но онъ разсчитывалъ получить при отставкѣ чинъ надворнаго совѣтника, а Ливенъ не сдѣлалъ и такого снисхожденія, находя, что разъ Булгаринъ не имѣлъ опредѣленной должности, то и судить о его способностяхъ нельзя. Отставка была дана 9 сентября. Булгаринъ увѣдомилъ объ этомъ своего благодѣтеля, и вотъ, 15-го декабря 1831 г., Бенкендорфъ пишетъ упорному министру:

„Принимая въ уваженіе, что г. Булгаринъ опредѣленъ на службу по представленію моему о способностяхъ его и трудахъ на пользу общую; *что въ теченіе того времени, въ которое онъ считался на службѣ, былъ употребляемъ по моему усмотрѣнію по письменной части на пользу службы, и что всѣ порученія онъ исполнялъ съ отличнымъ усердіемъ*, я поставляю обязанностью моею засвидѣтельствовать предъ вашею свѣтлостью о способности г. Булгарина и ревности его къ пользамъ государственной службы, и при томъ просить васъ о сдѣланіи надлежащаго распоряженія, чтобы сенатъ при увольненіи его не нашелъ никакого препятствія къ награжденію его чиномъ за выслугу узаконенныхъ лѣтъ“ [1]).

Дѣло было передано въ комитетъ министровъ, но послѣдній согласился съ кн. Ливеномъ.

Послѣ этого никто уже не можетъ сомнѣваться въ настоящемъ мѣстѣ службы чиновника дѣйствительно, „особыхъ“ порученій, Ѳаддея Булгарина. Правда, еще гр. Блудовъ говорилъ Никитенку, что ему положительно извѣстна служба Булгарина по тайной полиціи во время Бенкендорфа [2]), но этого было, пожалуй, недостаточно, потому что не документально, а во-вторыхъ, можно было думать, не спуталъ-ли старикъ Блудовъ Болеслава Булгарина (сына Ѳаддея) съ отцомъ: Булгаринъ-сынъ офиціально служилъ чиновникомъ въ III отдѣленіи съ начала 50-хъ годовъ [3]).

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что въ текстѣ булгаринскихъ органовъ не встрѣчается прямыхъ доносовъ или „благонамѣренныхъ указаній“: они не нужны были, потому что Булгаринъ о каждомъ литературномъ „преступленіи“, о каждомъ ударѣ по его карману конкуррирующими изданіями непосредственно

---

[1]) Ibidem, 488.

[2]) *А. Никитенко*, „Дневникъ“, „Рус. Старина“, 1890 г., VII, 155.

[3]) Странно, что цитированная статья Сухомлинова (1884 г.) осталось, повидимому, неизвѣстною ни г. Скабичевскому, ни г. Боцяновскому („Къ характеристикѣ Ѳ. В. Булгарина“—„Литер. Вѣстн.“ 1901 г., II), ни нѣкоторымъ другимъ, писавшимъ о Булгаринѣ; по крайней мѣрѣ, никто изъ нихъ не рѣшается *утверждать* о службѣ Булгарина въ III отдѣленіи и ни разу не упоминаетъ этой очень цѣнной статьи.

сообщалъ въ III Отдѣленіе. Чтобы печатать доносъ, будучи увѣреннымъ въ его успѣшности,—надо или быть гораздо глупѣе Булгарина, или стоять гораздо дальше отъ „блюдущихъ" за литературою правительственныхъ органовъ. Зачѣмъ публично дѣлать себя виновникомъ чужихъ бѣдъ, когда то же можно сдѣлать келейно? Съ другой стороны, правъ и г. Венгеровъ, говоря о простой невозможности въ то время печатныхъ доносовъ. Дѣйствительно, въ первую половину прошлаго столѣтія „ничто не должно было нарушать убѣжденіе русскаго обывателя въ томъ, что благонамѣренность и покорность—такія же неотъемлемыя качества святой Руси, какъ неотъемлемъ воздухъ, которымъ она окружена". Совершенно вѣрно, что „Булгаринъ не долженъ былъ упрекать „Современникъ" въ якобинствѣ, потому что это, во-первыхъ, доказывало бы, что Дубельтъ (и вообще III Отдѣленіе) плохо бдитъ, и еще болѣе потому, что самая мысль о возможности ослушанія заключала въ себѣ соблазнъ. Булгаринъ не долженъ былъ доказывать превосходство дубельтовской системы предъ всякими иными, потому что это показывало бы, что есть на Руси люди, которые въ этомъ сомнѣваются" [1]).

И если кое-какія писанія „Сѣверной Пчелы" и могутъ быть разсматриваемы, какъ доносы, то, всетаки, они имѣли иное значеніе. Указать на вольнодумство Пушкина значило, въ сущности, не донести на поэта, а лишь помочь въ стремленіи представить его такимъ тѣмъ сильнымъ міра сего, которые были въ этомъ отношеніи несолидарны съ озлобленнымъ противъ Пушкина Бенкендорфомъ. Когда же нужно было наказать кого-нибудь, эта форма „сообщенія къ свѣдѣнію" считалась, конечно, непрактичною...

Первые доносы Булгарина. Мнѣнія о немъ литераторовъ и общества. Эпиграммы.

Къ сожалѣнію, нѣтъ пока данныхъ, позволяющихъ судить о тѣхъ „особыхъ литературныхъ" порученіяхъ, которыя Булгаринъ исполнялъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ своей новой службы, по прошествіи коихъ онъ былъ аттестованъ Бенкендорфомъ, въ приведенномъ уже письмѣ кн. Ливену, какъ „ревностный къ пользамъ государственной службы" чиновникъ. Зато есть нѣсколько фактовъ, неопровержимо доказывающихъ „добровольческія" способности Булгарина. На нихъ-то, какъ на первой пробѣ его талантовъ, мы и остановимся.

Въ началѣ 1828 г. московскій генералъ-губернаторъ, кн. Д. В. Голицынъ, вздумалъ попробовать издавать газету, поручивъ редакцію ея одному изъ чиновниковъ. До Булгарина этотъ слухъ дошелъ уже въ соединеніи съ именемъ кн. П. А. Вяземскаго. Очевидно, возникало опасеніе за подписку на „Сѣверную Пчелу"... И вотъ, вспоминается одна пирушка Вяземскаго въ веселой компаніи друзей, онъ аттестовывается „развратникомъ", а таковой не имѣлъ уже права на изданіе печатнаго органа... Молодой поэтъ былъ ошеломленъ бумагой, въ которой сообщалось о неразрѣшеніи ему какой-то „Утренней Газеты"—онъ даже ничего о ней не слышалъ. Прикосновенность къ этому дѣлу Булгарина утверждаетъ самъ Вяземскій [2]).

---

[1]) *С. Венгеровъ*, „Ежедневная печать конца дореформенной эпохи",—„Литер. Вѣстникъ" 1902 г. VIII, 385.

[2]) „Полное собраніе сочиненій", 1884 г., IX, 102—103.

Кромѣ боязни конкуренціи, Булгаринымъ руководило и озлобленіе противъ Вяземскаго, какъ автора первой на него злой эпиграммы, получившей довольно большое распространеніе:

„Фиглярииъ хочетъ слыть хорошимъ журналистомъ,
Фиглярииъ хочетъ быть лихимъ кавалеристомъ...
Не обличу его въ лганьѣ,
Но на конѣ сидитъ онъ журналистомъ,
Въ журналѣ рубитъ смыслъ лихимъ кавалеристомъ
И выѣзжаетъ на враньѣ [1]).

Въ разгаръ полемики Пушкина съ Булгаринымъ, послѣдній напечаталъ въ своей „Пчелѣ" гнусный „Анекдотъ", якобы переведенный изъ англійскаго журнала. Между прочими грязными выходками, великій поэтъ былъ названъ „изступленнымъ, бросающимъ риѳмами во все священное, чванящимся предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползающимъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ" и т. д. Это былъ очевидный камешекъ во дворецъ, брошенный съ соизволенія Бенкендорфа, очень недовольнаго камеръ-юнкерствомъ Пушкина... Великій поэтъ, будучи тогда совершенно не въ курсѣ отношеній Булгарина къ Катону (прозвище, данное Бенкендорфу А. О. Смирновой), не зная истиннаго назначенія этихъ строкъ и думая, что онѣ явно направлены къ свѣдѣнію самого Бенкендорфа, написалъ ему письмо, гдѣ, между прочимъ, указалъ на свои опасенія отъ подобныхъ доносовъ. Бенкендорфъ, конечно, поспѣшилъ отвѣтить Пушкину, что Булгаринъ никогда ему ничего не говорилъ о немъ „по той простой причинѣ, что я вижу его не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, и въ послѣднее время видѣлся съ нимъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ"... Тогда Пушкинъ рѣшилъ приковать Булгарина къ позорному столбу, и съ этою цѣлью помѣстилъ въ „Литературной Газетѣ" очень остроумную замѣтку о мемуарахъ начальника парижской тайной полиціи Видока [2]). О Видокѣ не было тамъ, конечно, ни слова, вся замѣтка представляла изъ себя злую характеристику отечественнаго доносчика. Публика такъ быстро поняла эту уловку, что цензура безусловно воспретила уже всякія статьи о дѣйствительно вышедшихъ мемуарахъ парижскаго сыщика. Очевидно, распоряженіе исходило отъ Бенкендорфа.

Одновременно по рукамъ стала ходить рукописная эпиграмма:

„Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко—ляхъ,
Мицкевичъ—ляхъ.
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ—и это не бѣда;
Но то бѣда, что ты Фиглярииъ!"

Подумавъ и посовѣтовавшись, съ кѣмъ слѣдовало, Булгаринъ рѣшилъ прикинуться стоящимъ выше всякой брани и, совершенно неожиданно для всѣхъ, напечаталъ эту эпиграмму въ своемъ соединенномъ журналѣ— „Сынъ Отечества и

[1]) „Москов. Телеграфъ", 1832 г., XV. Фиглярииымъ назвалъ Булгарина Вяземскій, а не Пушкинъ. Послѣдній лишь повторялъ это прозвище.
[2]) „Литер. Газета", 1830 г., 6 апрѣля.

Сѣверный Архивъ", откровенно поставивъ взамѣнъ „Фиглярина" „Ѳаддей Булгаринъ"... Мало того, онъ сопроводилъ ее такимъ объясненіемъ: „Въ Москвѣ ходитъ по рукамъ и пришла сюда, для раздачи любопытствующимъ, эпиграмма *одного извѣстнаго поэта*. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ и сберечь сіе драгоцѣнное произведеніе отъ искаженія при перепискѣ, печатаемъ оное" [1]).

Извѣстно, что „Московскій Вѣстникъ" и „Литературная Газета" довольно часто кололи Н. А. Полевого за его купеческое происхожденіе. Послѣ цѣлаго ряда такихъ полемическихъ статей, Пушкинъ написалъ небольшую анонимную замѣтку:

„Новыя выходки противъ такъ называемой литературной нашей аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ будто бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, *Сѣверная Пчела* помнитъ, кто упрекалъ поминутно г. Полевого тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостью нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываетъ только, что дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное: этому смѣяться нечего. Если же бы званіе дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ г.г. Полевого, Греча, и Булгарина, непохвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Не дворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) пріуготовили крики: «*Арестантовъ къ фонарю*»: и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: «*Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ ихъ!*» Avis au lecteur" [2]).

Казалось бы, статья, идущая въ руку всемогущему тогда русскому дворянству, не могла подать повода къ неудовольствію Бенкендорфа. Но его во время освѣдомили съ именемъ анонимнаго автора, а имя Пушкина всегда сбивало съ толку начальника III Отдѣленія, особенно, когда въ ухо жужжалъ ненавидѣвшій поэта Булгаринъ, очень сильно затронутый „Литературной Газетой". 23 августа Бенкендорфъ уже обращалъ вниманіе министра просвѣщенія, Ливена, на „неприличность статьи" и просилъ увѣдомить его объ именахъ автора и цензора. Кн. Ливенъ, всегда очень самостоятельно державшійся по отношенію къ Бенкендорфу, что было нелегко еще въ силу ихъ родства (братъ министра былъ женатъ на сестрѣ графа), ограничился сообщеніемъ начальнику III Отдѣленія объясненія бар. Дельвига и цензора Щеглова. Въ первомъ говорилось очень лаконически, что издатель не знаетъ имени автора, а во второмъ, что статья пропущена какъ потому, что не имѣетъ ничего противнаго ни религіи, ни духу правительства, такъ и потому, что постоянныя нападки „Московскаго Телеграфа" на русское дворянство не могутъ быть оставлены безъ опроверженія [3]). Противъ этого

[1]) 1830 г., т. XI, № 17, 303.
[2]) „Литер. Газета" 1830 г., № 45.
[3]) „Цензура въ царствованіе императора Николая I", — „Рус. Старина", 1901 г. IX, 657.

трудно было что-нибудь возразить и Бенкендорфъ отступилъ, затаивъ на время злобу противъ „Литературной Газеты“... Таилась она, какъ извѣстно, не долго: вскорѣ „Литературная Газета“ была стерта съ лица журналистики. Участіе Булгарина въ гибели ея внѣ всякаго сомнѣнія; о немъ знали Пушкинъ, Вяземскій, Дельвигъ и др. [1]).

Въ томъ же году Булгаринъ подкапывался подъ Жуковскаго, очень нелюбимаго Бенкендорфомъ. Имъ давно хотѣлось удалить поэта изъ сферы дворцовой жизни, и чего только не предпринималось съ этою цѣлью... Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ государю, помѣченномъ 30 марта 1830 г., Жуковскій жалуется, что „Булгаринъ вездѣ разславляетъ, будто бы Кирѣевскій написалъ ко мнѣ какое-то либеральное письмо, которое извѣстно и правительству“ [2]). Николай I, дѣйствительно, охладѣлъ къ Жуковскому на нѣкоторое время, и только послѣ обстоятельнаго разъясненія, даннаго клеветѣ въ письмѣ поэта, сталъ относиться къ нему по-прежнему.

Но при чемъ тутъ Кирѣевскій?—спроситъ читатель, зная, что Булгаринъ спроста не назоветъ чужого имени. Ив. Кирѣевскій виноватъ былъ передъ Булгаринымъ за рѣзкую критику его романа „Иванъ Васильевичъ“, помѣщенную въ альманахѣ „Денница“. Вскорѣ Булгаринъ добрался и до „Европейца“—журнала Кирѣевскаго: участіе его въ гибели этого изданія утверждаетъ категорически Ю. Бартеневъ [3]); того же мнѣнія былъ, очевидно, и Жуковскій. Въ письмахъ его къ государю и Бенкендорфу есть такія фразы: „кто оклеветалъ Кирѣевскаго передъ правительствомъ, не знаю. Но долженъ сказать, что онъ имѣетъ враговъ литературныхъ. Это тѣ самые, которые давно уже срамятъ нашу словесность, давая ей самое низкое направленіе и обративъ поприще ума и таланта въ презрѣнную торговую площадь, на которой нѣсколько торгашей хотятъ, опасаясь совмѣстниковъ, завладѣть прибыткомъ и для того чернятъ и осыпаютъ презрѣнными ругательствами всякаго, кто хочетъ выступить на посрамленное ими поприще совсѣмъ съ другими намѣреніями, чистыми и благородными. Они окружили нашу словесность густою стѣною, сквозь которую трудно пробиться. Они непобѣдимы и должны всегда имѣть успѣхъ вѣрный, ибо употребляютъ такія средства, коихъ себѣ не позволитъ человѣкъ благородный, потому самому совершенно противъ нихъ беззащитный“ [4]).

Подъ обрисованными такими красками людьми разумѣлись: Булгаринъ, Гречъ, Воейковъ, Сенковскій и др.

Въ іюнѣ 1831 года, Бенкендорфъ заказалъ Булгарину составить реляцію о началѣ польскаго возстанія и нашелъ ее столь блестящею, что тутъ же пообѣщалъ не забыть своего „чиновника особыхъ порученій“, а реляцію представилъ за свою собственную... Онъ даже хотѣлъ послать Булгарина въ Варшаву для усмиренія тамошнихъ умовъ, но, къ счастью, государь не нашелъ Булгарина способнымъ на такую роль [5]).

Послѣ всего сказаннаго смѣшно читать реабилитацію Булгарина, написанную

---

[1]) *Н. Барсуковъ*, н. с., III, 235—236.
[2]) „Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго“, „Рус. Архивъ“, 1896 г., I, 111—114.
[3]) „Рус. Архивъ“, 1896 г., VIII—575, I—119.
[4]) „Рус. Архивъ“, 1896 г., I, 115—116.
[5]) *М. Сухомлиновъ*, „Полемическія статьи Пушкина“, „Истор. Вѣстникъ“, 1884 г., III, 497, „Рус. Старина“ 1896 г., VI, 265—266.

его alter ego. Неужели Гречъ серьезно былъ увѣренъ, что только изъ боязни „колкаго, неумолимаго пера“ его друга литераторы булгаринскаго времени „безусловно его не поносили печатно [1]). Неужели не ясно, что боялись не пера Булгарина, а его языка, работавшаго внѣ листовъ редактируемыхъ имъ изданій... Тотъ же Гречъ рѣшается утверждать, что причиною ненависти и злобы большей части нашихъ писателей къ Булгарину была замѣтка его въ „Сѣверной Пчелѣ“ о покупкѣ Аннибала за бутылку рома!... А Усовъ увѣряетъ, что личность Булгарина „искажена“ политическими и литературными врагами [2])!

Не всѣ, конечно, пріятели и сотрудники Булгарина такого о немъ мнѣнія. Такъ, П. Каратыгинъ говоритъ, что характеръ его представлялъ „пеструю смѣсь Фамусова, Молчалина, Скалозуба, Загорѣцкаго и Репетилова“ [3]), а В. Р. Зотовъ, проработавшій съ Булгаринымъ нѣсколько лѣтъ, прямо заявляетъ: „литературная характеристика Булгарина внушаетъ такое отвращеніе, и этотъ кондотьеръ журналистики вполнѣ заслуживаетъ всѣ рѣзкіе эпитеты, начиная съ «патріотическаго предателя», какимъ заклеймилъ его Пушкинъ, до грязнаго клеветника и доносчика, какимъ онъ остался и до нашего времени“ [4]).

Что же могли сказать о Булгаринѣ такіе идеально-честные и чистые люди, какъ Бѣлинскій? Что могли они чувствовать къ нему? „Неистовый Виссаріонъ“ не называлъ Булгарина иначе, какъ негодяемъ [5]), человѣкомъ „вреднымъ для успѣховъ образованія нашего отечества“ [6]). Герценъ писалъ: „Булгаринъ и Гречъ никого не надули, ихъ ливрейную кокарду никто не принялъ за отличительный знакъ мнѣнія“ [7]). Булгаринъ такъ низко стоялъ въ его глазахъ, что „доносы его не оскорбляли“ [8]). Союзъ Булгарина съ Гречемъ авторъ „Былого и думъ“ заклеймилъ выраженіемъ „открытый конкубинатъ“ [9])... Даже такой умѣренный человѣкъ, какъ Веневитиновъ, не могъ равнодушно слышать этого имени. Болѣе того — сторонникъ погодинскихъ убѣжденій, Любимовъ, кричалъ: „пора зажать ротъ этимъ мерзавцамъ“! [10]) Кн. Вяземскій, котораго ужъ никто не заподозритъ въ либеральномъ образѣ мыслей, находилъ Булгарина „нечистотой общественнаго тѣла“ [11]). Какова же, значитъ была увѣренность въ страшномъ мщеніи, если вся литература не рѣшалась печатно открыть глаза обществу на „чиновника особыхъ порученій“!

Въ обществѣ, впрочемъ, и безъ того истинная репутація Булгарина установилась прочно. Панаевъ прямо заявляетъ: „новое пишущее и читающее поколѣніе этого времени (середины 30-хъ годовъ) все безъ исключенія презирало Булгарина“ [12]).

---

[1]) „Рус. Старина“, 1871 г., XI, 483.
[2]) „Ѳ. В. Булгаринъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни“, — „Истор. Вѣстникъ“ 1883 г., VIII, 284.
[3]) „Сѣверная Пчела“.—„Рус. Архивъ“, 1882 г., IV, 243.
[4]) „Петербургъ въ 40-хъ годахъ“ —„Истор. Вѣстникъ“, 1890 г., V, 308.
[5]) „Рус. Старина“ 1889 г., I, 143.
[6]) „Отчетъ Импер. Пуб. Библіотеки за 1889 г.“, 6.
[7]) „Сочиненія“ 1879 г., VII, 308.
[8]) Ibidem, I, 53.
[9]) Ibidem, VIII, 149.
[10]) *Н. Барсуковъ*, н. с., IV, 95.
[11]) Ibidem, II, 406.
[12]) „Литературныя воспоминанія“, 1888 г., 49.

Въ посмертныхъ запискахъ Н. И. Пирогова есть очень интересный разсказъ о томъ, какъ студенты дерптскаго университета учили Карловскаго обитателя добропорядочности...

„Однажды за приглашеннымъ обѣдомъ у помѣщика Лингардта, въ присутствіи многихъ гостей и между прочимъ одного студента, Булгаринъ, подгулявъ, началъ подсмѣиваться надъ профессорами и университетскими порядками. Студентъ потомъ передалъ этотъ разговоръ, конфузившій его за обѣдомъ, своимъ товарищамъ. Поднялась буря въ стаканѣ воды. Начались корпоративныя совѣщанія о томъ, какъ защитить поруганное публично Ѳаддеемъ достоинство университета и студенчества. Порѣшили преподнести Булгарину въ Карловѣ кошачій концертъ. Слишкомъ 600 студентовъ съ горшками, плошками, тазами и разною посудою потянулись процессіею изъ города въ Карлово, выстроились передъ домомъ и, прежде чѣмъ начать концертъ, послали депутатовъ къ Булгарину съ объясненіемъ всего дѣла и требованіемъ, чтобы онъ, въ избѣжаніе непріятностей кошачьяго концерта, вышелъ къ студентамъ и извинился въ своемъ поступкѣ. Булгаринъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ него, не на шутку струсилъ, но чтобы уже не совсѣмъ замарать польскій гоноръ, вышелъ къ студентамъ съ трубкою въ рукахъ и началъ говорить, не снимая шапки, не поздоровавшись. «Mütze herunter! шапку долой!»—послышалось изъ толпы.

„Булгаринъ снялъ шапку, отложилъ трубку въ сторону и сталъ извиняться, увѣряя и клянясь, что онъ никакого намѣренія не имѣлъ унизить достоинство высокоуважаемаго имъ дерптскаго университета и студенчества“ [1]).

Пироговъ вообще характеризуетъ Булгарина, какъ выдающагося нахала и наглеца...

Въ письмахъ самого Булгарина ясно видно, что онъ зналъ всеобщее къ себѣ отвращеніе. „Кому обо мнѣ безпокоиться?“ — писалъ онъ во время своей болѣзни и былъ совершенно правъ [2]).

Когда петербургскій книгопродавецъ Лисенковъ объявилъ о продажѣ у себя портрета парижскаго сыщика Видока и выдавалъ приходящимъ физіономію Булгарина, публика валомъ валила въ магазинъ, какъ бы демонстративно подчеркивая свою солидарность съ остроумной выдумкой... Черезъ нѣсколько дней портретъ, конечно, былъ конфискованъ, съ отобраніемъ подписки о непродажѣ его и вездѣ [3]).

Эпиграммамъ буквально не было конца, и онѣ пользовались всегда широкой популярностью. Приведу лишь немногія.

„Булгаринъ—вотъ полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ сарматовъ кровь,
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Сильна къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Ходилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ,—
Патріотическій предатель,

---

[1]) *Н. Пироговъ*, „Посмертныя записки“, „Рус. Старина“, 1885 г., II, 302.
[2]) „Истор. Вѣстникъ“, 1883 г. VIII, 296.
[3]) *В. Бурнашевъ*, „Четверги у Н. И. Греча“, „Заря“, 1871 г., IV, 19.

Разстрига, самозванецъ сей
Уже не воинъ, а писатель,
Ужъ русскій къ сраму нашихъ дней;
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ“ [1]).

Она принадлежитъ Пушкину. А вотъ эта—Баратынскому:

„Повѣрьте мнѣ,—Фиглеринъ моралистъ
Намъ говоритъ преумиленнымъ слогомъ:
Не должно красть; кто на руку не чистъ,
Передъ людьми грѣшитъ и передъ Богомъ;
Не надобно въ судѣ кривить душой;
Не хорошо живиться клеветой,
Временщику подслуживаться низко;
Честь, братцы, честь дороже намъ всего!“
Ну что-жъ? Богъ съ нимъ! Все это къ правдѣ близко,
А кажется, и ново для него“ [2]).

Большимъ успѣхомъ пользовалось стихотвореніе и до сихъ поръ неизвѣстнаго автора:

На Ѳ. В. Булгарина.

„Онъ у насъ восьмое чудо,
У него завидный нравъ:
Неподкупенъ, какъ Іуда,
Храбръ и честенъ, какъ Фальстафъ!
Съ безкорыстностью жидовской,
Какъ Хавронья, милъ и чистъ;
Даровитъ, какъ Третьяковскій,
Столько-жъ важенъ и рѣчистъ;
Не страшитесь съ нимъ союза,
Не разладитесь никакъ:
Онъ съ французомъ—за француза,
Съ полякомъ—онъ самъ полякъ;
Онъ съ татариномъ—татаринъ,
Онъ съ евреемъ—самъ еврей;
Онъ съ лакеемъ важный баринъ,
Съ важнымъ бариномъ—лакей.
Кто же онъ? То самъ Булгаринъ
Венедиктовичъ Ѳаддей!“ [3])

Менѣе извѣстны эпиграммы баснописца А. Е. Измайлова, изъ которыхъ приведу лишь двѣ:

---

[1]) „Полярная Звѣзда“, 1859 г. V, 30.
[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1887, V,
[3]) „Рус. Архивъ“, 1901 г., XI, 430. Въ 1846 г. эта эпиграмма была напечатана въ некрасовскомъ альманахѣ „1-е апрѣля“ и потому приписывается Н. А. Некрасову. Тамъ она безъ заглавія и безъ послѣдней строки; послѣ словъ „кто же онъ?“ стояли точки.

„Ѳаддей французовъ билъ, какъ коренной русакъ,
А на испанцевъ шелъ онъ въ арміи французской,
Ругалъ онъ русскихъ, какъ полякъ,
А поляковъ ругалъ, какъ русскій".

„Ѳаддей растратилъ стыдъ, Европу объѣзжая,
Для совѣсти его потеря небольшая.
Теперь въ немъ менѣе стыда,
Чѣмъ бѣлизны найдется въ эѳіопѣ;
Но стоитъ ли труда
Стыда съ полэолотникъ искать по всей Европѣ" [1]).

Отношенія къ Булгарину Бенкендорфа, императора Николая I, Дубельта и гр. Орлова.

Иное отношеніе видѣлъ Булгаринъ со стороны Бенкендорфа, Дубельта и гр. А. Ѳ. Орлова. Нельзя сказать, чтобы они носили его на рукахъ, но во всякомъ случаѣ всѣмъ своимъ положеніемъ Булгаринъ обязанъ этимъ людямъ и особенно двумъ первымъ. Если за рѣзкую критику „Юрія Милославскаго" Булгаринъ былъ посаженъ подъ арестъ; если Бенкендорфъ просилъ Уварова унять ругательства литераторовъ и, какъ на образецъ площадной брани, указывалъ на статью Булгарина въ „Москвитянинѣ", — то, во-первыхъ, такихъ случаевъ въ сорокалѣтней дѣятельности Булгарина было всего два-три, а во-вторыхъ, надо же было сколько-нибудь считаться и съ общимъ о немъ мнѣніемъ. Послѣ каждаго акта немилости Булгаринъ съ увѣренностью ожидалъ возмѣщенія претерпѣннаго имъ горя и — надо отдать должное Бенкендорфу, — всегда получалъ его аккуратно.

Въ томъ же году Булгаринъ выпустилъ свой третій романъ — „Петръ Ивановичъ Выжигинъ", и по этому поводу есть очень интересное письмо его къ Бенкендорфу.

Прося послѣдняго походатайствовать у государя „соизволенія украсить списокъ подписавшихся на сію книгу священнымъ именемъ его императорскаго величества", Булгаринъ такъ мотивировалъ свою просьбу: „таковая высокомонаршая милость была бы во всякое время и для каждаго писателя неоцѣненною, но нынѣ будетъ для меня новымъ живительнымъ благотвореніемъ великаго монарха. Нынѣ, когда многіе изъ соотечественниковъ моихъ, по справедливости, лишились милостей своего государя (благодаря вспыхнувшему возстанію поляковъ — *М. Л.*), да позволено мнѣ будетъ показать свѣту, что я все счастіе жизни своей полагаю въ благосклонномъ взорѣ всеавгустѣйшаго монарха, и что великій государь не считаетъ меня недостойнымъ своего взора. Упавшіе духомъ вѣрные поляки воскреснутъ, когда увидятъ, что ихъ соотечественникамъ открыты пути трудами и тихою жизнью къ монаршимъ милостямъ". Соизволеніе было дано, романъ представленъ, авторъ награжденъ вторымъ брилліантовымъ перстнемъ [2]).

---

[1]) „Рус. Архивъ", 1871 г., 1010—1111.
[2]) „Рус. Старина" 1896 г., VI, 565.

Но Булгарину нужно было, очевидно, доиграть роль успокоителя „вѣрныхъ поляковъ“, такъ ловко выдуманную въ драмѣ тогдашнихъ политическихъ событій,—и вотъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ публикуется ко всеобщему свѣдѣнію о милостивомъ вниманіи государя, о томъ, что въ „г. ген.-ад. А. X. Бенкендорфѣ всякій благонамѣренный человѣкъ всегда находитъ покровителя своимъ трудамъ и представителя (?) высочайшаго престола“; что „государь императоръ изволилъ отозваться, что его величеству весьма пріятны труды и усердіе Булгарина къ пользѣ общей, и что государь, будучи увѣренъ въ преданности его къ его особѣ, всегда расположенъ оказывать Булгарину милостивое свое покровительство“ [1]).

Все это было дѣломъ рукъ Бенкендорфа. Недавно опубликованныя извлеченія изъ переписки съ нимъ императора Николая I не оставляютъ сомнѣнія въ личныхъ отношеніяхъ государя къ Булгарину. Нелюбившій грубой лести, Николай I прекрасно понималъ мотивы постояннаго булгаринскаго пресмыкательства.

Въ 1830 году Пушкинъ выпустилъ VII главу „Онѣгина“. Булгаринъ поспѣшилъ съ ожесточеніемъ на нее наброситься: „Сѣверная Пчела“ доказывала, что здѣсь „ни одной мысли, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія. Совершенное паденіе, chute complète! Итакъ, надежды наши исчезли!“.

Какъ только Николай I прочелъ этотъ фельетонъ, онъ пишетъ Бенкендорфу: „Я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ нумерѣ „Пчелы“ находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой статьѣ, навѣрное, будетъ продолженіе: поэтому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія; *и если возможно, запретите его журналъ*“ [2]).

Любопытенъ отвѣтъ Бенкендорфа:

„Приказанія вашего величества исполнены: Булгаринъ не будетъ продолжать свою критику на Онѣгина.

„Я прочелъ ее, государь, и долженъ сознаться, что ничего личнаго противъ Пушкина не нашелъ; эти два автора, кромѣ того, вотъ уже года два въ довольно хорошихъ отношеніяхъ между собой (!). Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается надъ тѣмъ, что путешествіе за кавказскими горами и великія событія, обезсмертившія послѣдніе годы, не придали лучшаго полета генію Пушкина. Кромѣ того, московскіе журналисты ожесточенно критикуютъ Онѣгина [3]).

„Прилагаю при семъ статью противъ Дмитрія Самозванца, чтобы ваше величество видѣли, какъ нападаютъ на Булгарина [4]). Если бы ваше величество прочли это сочиненіе, то вы нашли бы въ немъ много очень интереснаго и въ особенности монархическаго, а также побѣду легитимизма. Я бы желалъ, чтобы авторы, нападающіе на это сочиненіе, писали въ томъ же духѣ, такъ какъ сочиненіе—*это совѣсть писателей*“.

---

[1]) „Сѣв. Пчела“, 1831 г., № 2.
[2]) Курсивъ мой.
[3]) Надеждинъ въ „Телескопѣ“, Н. Полевой въ „Московскомъ Телеграфѣ“.
[4]) „Дмитрій Самозванецъ“ вышелъ одновременно съ VII главой „Онѣгина“. Обрушилась на него „Литературная Газета“.

На это государь отвѣчалъ:

„Я внимательно прочелъ критику на Самозванца и долженъ вамъ сознаться, что такъ какъ я не могъ пока прочесть болѣе двухъ томовъ и только сегодня началъ третій, то *про себя* или *въ себѣ* размышлялъ точно такъ же. Исторія эта, сама по себѣ, болѣе чѣмъ достаточно омерзительна, чтобы не украшать ее легендами отвратительными и ненужными для интереса главнаго событія. А потому съ этой стороны критика мнѣ кажется справедливою.

„Напротивъ того, въ критикѣ на Онѣгина только факты и очень мало смысла; хотя я совсѣмъ не извиняю автора, который сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы, но гораздо менѣе благородному, нежели его Полтава. Впрочемъ, если критика эта будетъ продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее вездѣ“ [1]).

„И если возможно, запретите его журналъ“... Что это означало? Не рѣшалъ-ли Николай I лично всѣ случаи возможнаго и невозможнаго? И почему на этотъ разъ рѣшеніе отдано вдругъ Бенкендорфу? Отвѣтить на эти вопросы не трудно. Закрывъ „Сѣверную Пчелу“, правительство оставалось само и оставляло русское общество совершенно безъ ежедневнаго органа. Моментъ и положеніе дѣлъ, требовавшіе даже и тогда серьезнаго обсужденія. Съ другой стороны, государь зналъ, что „Сѣверная Пчела“ находится подъ особеннымъ попеченіемъ Бенкендорфа, а въ тотъ моментъ главноуправляющій III Отдѣленіемъ игралъ особенно выдающуюся роль: на западной границѣ шла усиленная работа...

Всегда боявшійся чужого литературнаго успѣха и потому набрасывавшійся постоянно съ ожесточеніемъ на всякую литературную новинку, Булгаринъ не могъ переварить и успѣха только что вышедшаго романа Загоскина, когда самъ кропалъ своего „Димитрія Самозванца“. Въ трехъ нумерахъ „Сѣверная Пчела“ всячески критиковала „Юрія Милославскаго“, а въ заключеніе рѣшилась даже написать:

„Совѣтуемъ ему (автору) не вѣрить тѣмъ, которые станутъ въ глаза хвалить его, и увѣрять, что онъ рожденъ для сочиненій въ семъ родѣ; совѣтуемъ ему оставить исторію и древности въ покоѣ и заняться сочиненіемъ романовъ изъ нынѣшняго дворянскаго, купеческаго и болѣе мужицкаго быту, да попросить какого-нибудь семинариста выправлять его рукопись до отдачи въ типографію. Право, не хорошо писать и печатать книги такимъ образомъ“ [2]).

Обыкновенно освѣдомленный о всякихъ теченіяхъ и волненіяхъ наверху, на этотъ разъ Булгаринъ сильно влопался: „въ глаза хвалилъ и увѣрялъ“ Загоскина, что онъ рожденъ для сочиненій въ родѣ „Милославскаго“, прежде многихъ другихъ самъ Николай I... „Немедленно онъ приказалъ Бенкендорфу — разсказываетъ Гречъ—унять Булгарина. Бенкендорфъ поручилъ это мягкосердному фонъ-Фоку, а этотъ объявилъ Булгарину очень легко, что нужно смягчить критику и, по крайней мѣрѣ, не называть автора по имени. Булгаринъ принялъ къ свѣдѣнію только послѣднюю часть совѣта и написалъ вновь презлую статью на Загоскина, не называя его по имени. Я ничего не зналъ объ этомъ: переговоры съ Фокомъ велъ самъ Булгаринъ. Въ четвертокъ, 30-го января 1830 г., пріѣзжаю

[1]) „Выписки изъ писемъ гр. Бенкендорфа къ императору Николаю I о Пушкинѣ“, сборникъ „Старина и новизна“, Спб., 1903 г., VI, 7—10.

[2]) „Сѣв Пчела“ 1830 г., № 9.

домой къ обѣду и нахожу у себя на столѣ конвертъ съ моимъ адресомъ: «отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа», подъ номеромъ и подъ казенною печатью. Въ конвертѣ официальная записка съ печатнымъ заголовкомъ. «Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя свое почтеніе его высокородію Н. И. Гречу, покорнѣйше проситъ явиться къ нему немедленно».

„Пріѣзжаю. Бенкендорфъ встрѣчаетъ меня серьезно словами:

— Ну вотъ, дописались! Я говорилъ, такъ не слушали. Извольте съ этою бумагою явиться къ коменданту.

— То-есть, подъ арестъ?—сказалъ я.—Да что я сдѣлалъ?

— Вы должны были удерживать Булгарина. Извольте ѣхать.

— Очень хорошо, да у меня дома будутъ тревожиться моимъ отсутствіемъ, зная, что я поѣхалъ къ вамъ. Пошлите кого-нибудь сказать у меня, что вы оставили меня у себя обѣдать.

— Извольте, — отвѣчалъ онъ, призвалъ адъютанта и послалъ по моей просьбѣ, а я отправился въ Зимній дворецъ, къ коменданту П. Я. Башуцкому“ [1]).

Одновременно былъ арестованъ и Булгаринъ... Вскорѣ онъ не первый и не послѣдній разъ убѣдился въ расположеніи Бенкендорфа. Такъ, мало того, что черезъ мѣсяцъ послѣ ареста Булгаринъ получилъ бриллiантовый перстень за своего „Дмитрія Самозванца“, но Бенкендорфъ сдѣлалъ ему гораздо большую услугу: выпускъ въ свѣтъ пушкинскаго „Бориса Годунова“ былъ задержанъ до выхода прежде булгаринскаго „Самозванца“, и этимъ былъ данъ поводъ думать (такъ предполагалъ наивный Бенкендорфъ, ненавидѣвшій Пушкина) о контрафакторскихъ склонностяхъ великаго поэта [2])...

Въ слѣдующемъ, 1831 г., на поляхъ извѣстнаго доноса на всѣхъ и на вся, поданнаго кн. А. Б. Голицынымъ, Николай I приписалъ: „Булгарина и въ лицо не зналъ и никогда ему не довѣрялъ“ [3]). Около того же времени, на одномъ изъ дворцовыхъ баловъ, Пушкинъ, по просьбѣ государя, два раза произнесъ ему свою непечатную эпиграмму на Булгарина, найденную государемъ мѣткой. Затѣмъ государь спросилъ стоявшую тутъ же А. О. Смирнову, читаетъ-ли она произведенія Булгарина, на что, получивъ въ отвѣтъ: „я глупостей не чтецъ, а пуще—образцовыхъ“, сказалъ: „и я также“ [4]). Даже въ 1840 г. Николай I еще не зналъ въ лицо Булгарина [5]).

Бенкендорфъ неоднократно обращалъ вниманіе кн. Ливена и гр. Уварова на выходки печати по адресу „Сѣверной Пчелы“ или Булгарина, несмотря на ихъ крайнюю сдержанность и постоянную осторожность. Не одинъ разъ цензора получали за это внушительные нагоняи.

Нѣсколько иначе относился къ Булгарину Дубельтъ. Этотъ умный человѣкъ не могъ не видѣть насквозь „чиновника особыхъ порученій“, прекрасно зналъ, что̀ ему нужно, и потому съ глазу на глазъ относился къ нему всегда пренебрежительно, всячески третируя услужливо извивавшагося Фиглярина.

[1]) *Н. Гречъ*, „А. Ѳ. Воейковъ“, „Рус. Старина“, 1874 г., III, 639—640.
[2]) *Н. Барсуковъ*, н. с., III, 15.
[3]) „Рус. Старина“, 1898 г., XII, 521.
[4]) „Записки А. О. Смирновой“, 1895 г., ч. I, 227.
[5]) *П. Каратыгинъ*, „Сѣверная Пчела“,—„Рус. Архивъ“, 1882 г., IV, 298—299.

Л. В. Дубельтъ.

(Съ англійской гравюры на стали).

Въ началѣ 1847 года надѣлала много шуму баллада гр. Ростопчиной, помѣщенная въ „Сѣверной Пчелѣ“ еще въ половинѣ декабря 1846 г., но только черезъ мѣсяцъ понятая въ надлежащемъ смыслѣ. По тогдашнимъ временамъ выходка ея считалась чуть-ли ни геройствомъ: до того все находилось подъ тяжелымъ ярмомъ господствующаго режима. Снаружи содержаніе баллады „Насильный бракъ“ сводилось къ сѣтованіямъ барона-рыцаря на свою холодную и невѣрную жену, оправдывавшую законность своихъ чувствъ насильно заключеннымъ бракомъ. Но внутренній смыслъ былъ иной: баронъ символизировалъ Россію, его жена—Польшу.

На сѣтованія барона:

...Ее я призрѣлъ сиротою,
И раззоренной взялъ ее,
И далъ съ державною рукою
Ей покровительство мое;
Одѣлъ ее парчей и златомъ,
Несмѣтной стражей окружилъ;
И врагъ ее чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ...
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.

* * *

Я знаю, жалобой, навѣтомъ
Она вездѣ меня клеймитъ,
Я знаю—передъ цѣлымъ свѣтомъ
Она клянетъ мой кровъ и щитъ,
И косо смотритъ изъ подлобья,
И повторяя клятвы ложь,
Готовитъ козни, точитъ ножъ...
Вдуваетъ огнь междоусобья...
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена!!!...

Жена отвѣчаетъ:

...Раба-ли я или подруга—:
То знаетъ Богъ!... Я-ль избрала
Себѣ жестокаго супруга?
Сама-ли клятву я дала?...
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я...
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый...
Я предана... я продана...
Я узница, а не жена!

. . . .

Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ...
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Стариннымъ именемъ моимъ,

И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться...
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена [1]).

Орловъ призывалъ Булгарина, увѣренный, что онъ, какъ полякъ, умышленно помѣстилъ балладу, но Булгаринъ, дѣйствительно, не понялъ ея, думая, что даетъ мѣсто личной автобіографіи Ростопчиной и тѣмъ пріобрѣтаетъ лишнихъ читателей среди аристократіи. Убѣжденный въ этомъ, Николай I сказалъ: „если Булгаринъ не виноватъ, какъ полякъ, то виноватъ, какъ дуракъ!“ [2]). Графиню же вытребовали изъ-за границы въ Петербургъ и указали на Москву, гдѣ ей и слѣдовало поселиться...

Когда же Булгаринъ клялся всѣмъ святымъ, что онъ старый солдатъ и вѣрноподданный и никогда не былъ полонофиломъ, Дубельтъ оборвалъ его:

— „Не полонофилъ ты, а простофиля!“ [3]).

Очень цѣнный разсказъ по этому дѣлу находимъ у служившаго въ корпусѣ жандармовъ Э. И. Стогова, находившагося въ 1846 г. при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ.

„Въ Кіевъ очень часто пріѣзжали изъ Питера генералы, флигель-адъютанты и высшіе чины правленія; все это являлось къ Бибикову, и каждый разсказывалъ дворцовыя и другія интимныя новости. Вотъ что я припоминаю объ этой балладѣ.

„Въ Питерѣ не поняли тайнаго смысла баллады; говорятъ, первый обратилъ вниманіе и понялъ государь Николай Павловичъ — вѣроятно, кто-нибудь прислужился. Тогда шефъ жандармовъ былъ добрякъ (для жандармовъ—*М. Л.*) гр. А. Ѳ. Орловъ. Государь спросилъ Орлова, указывая на „Сѣверную Пчелу“:

— Читалъ ты это?

— Когда мнѣ заниматься этими глупостями.

— Ну такъ я прочту тебѣ, слушай: «Старый баронъ—это я, невѣста — это Польша». Государь прочелъ всю балладу, смыслъ былъ ясенъ, приказалъ хорошенько проучить того, кто напечаталъ и кто сочинилъ. Баллада была безъ подписи; литературнымъ отдѣломъ „Пчелы“ завѣдывалъ Булгаринъ. Разсказывали, когда Орловъ позвалъ Булгарина и указалъ ему на стихи, Булгаринъ притворился не понявшимъ (а можетъ быть, оно такъ и было), но когда Орловъ прочиталъ и разъяснилъ, Булгаринъ, какъ полякъ—страшно струсилъ, въ оправданіе приносилъ срочную газетную работу, и нѣсколько разъ плачевнымъ голосомъ повторилъ: «мы школьники!»

„Добрякъ Орловъ притворился (?) гнѣвнымъ: «такъ ты школьникъ?» — хватилъ его за ухо и поставилъ у печки на колѣни, самъ сѣлъ писать и продержалъ Булгарина на колѣняхъ болѣе часа, но, простивъ, сказалъ: «помни, школьникамъ бываетъ и другого рода наказаніе».

„Когда государь спросилъ Орлова, и тотъ разсказалъ подробно сцену съ Булгаринымъ, государь много смѣялся и сказалъ Орлову: «ты, чудакъ, не старѣешься» [4]).

---

1) „Сѣв. Пчела“, 1846 г., № 284.
2) *А. В. Никитенко*, „Дневникъ“, „Рус. Старина“, 1890 г., II, 373.
3) *П. Каратыгинъ*, н. с., 291.
4) *Э. И. Стогов*, его посмертныя записки, „Рус. Старина“, 1886 г., X, 79—80.

Разсказъ цѣненъ, какъ иллюстрація отношеній къ Булгарину гр. Орлова, когда послѣднему приходилось съ нимъ имѣть дѣло лично, не черезъ Дубельта... Очевидно, милые бранятся, только тѣшатся...

Когда, бывало, расчувствованный Булгаринъ зажужжитъ въ своей „Пчелѣ“ ужъ очень звучные дифирамбы правительству, его немедленно просятъ пожаловать къ Леонтію Васильевичу.

— „Не смѣй хвалить!—гремитъ грозный генералъ.—Въ твоихъ похвалахъ правительство не нуждается!“.

Когда же Фигляринъ, особенно передъ подпиской, дерзнетъ дозволить себѣ самую крохотную либеральную выходку... хотя бы о непостоянствѣ и нѣкоторомъ вредѣ петербургской погоды, Дубельтъ строго ему замѣчаетъ:

— „Ты, ты, у меня! вольнодумствовать вздумалъ!? О чемъ ты тамъ нахрюкалъ?.. Климатъ царской резиденціи бранишь!? Смотри!..“.

Однажды Булгаринъ навлекъ на себя гнѣвъ государя, приказавшаго Дубельту сдѣлать ему выговоръ за какую-то замѣтку. Булгаринъ былъ вытребованъ.

— „Становись въ уголъ!—скомандовалъ Дубельтъ.

— „Какъ, ваше превосходительство?

— „Какъ школьникъ становится: носомъ къ стѣнѣ.

Булгаринъ повиновался и полчаса простоялъ въ углу“... [1]).

Но Булгаринъ зналъ, что сердце Леонтія Васильевича отходчиво, не разъ пользовался, благодаря ему, крохами съ обильнаго стола и потому очень цѣнилъ браваго генерала. Однажды въ письмѣ къ нему онъ выразился такъ: „въ одномъ обществѣ, гдѣ, между прочимъ, было три генералъ-адъютанта, я объ васъ говорилъ съ такимъ чувствомъ, что одинъ изъ старыхъ остряковъ назвалъ меня въ шутку *Ѳаддеемъ Дубельтовичемъ*“ [2]).

Постоянное третированіе со стороны Дубельта давало, конечно, Булгарину, какъ и всякому шуту, возможность болѣе свободнаго выраженія своихъ чувствъ въ отношеніи къ самому „le général Double“. Изъ ихъ переписки нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ письмахъ.

Когда Николай I отказалъ Булгарину въ просимой имъ ссудѣ (25.000 руб.) на изданіе описанія своего двадцатилѣтняго царствованія, Булгаринъ пишетъ Дубельту:

— „Отецъ и командиръ!

„Я не знаю, какъ васъ называть! Милостивый государь и ваше превосходительство—все это такъ далеко отъ сердца, все это такъ изношено, что любимому душою человѣку—эти условные знаки вовсе не идутъ! А я люблю и уважаю васъ точно *душевно!* Ваша доброта, ваше снисхожденіе, *ваша деликатность со мною* [3]) (!) — совершенно поработили меня, и нѣтъ той жертвы, на которую бы я не рѣшился, чтобъ только доказать вамъ мою привязанность!

„Но вотъ *послѣдняя* моя просьба: по добротѣ и деликатности своей, вы изволили заѣзжать ко мнѣ. Мнѣ бы слѣдовало *немедленно явиться къ вамъ*—

[1]) *П. Каратыгинъ*, „Бенкендорфъ и Дубельтъ“, „Истор. Вѣстникъ“, 1887, X, 168.

[2]) *М. Сухомлиновъ*, „Полемическія статьи Пушкина“, „Истор. Вѣстникъ“, 1884 г., III, 490. Нѣкоторые неправильно приписываютъ эту остроту Герцену.

[3]) Здѣсь курсивъ мой, остальной—подлинника.

и вотъ я на колѣняхъ умоляю васъ извинить меня и *позволить не являться*, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время, пока грусть моя нѣсколько утихнетъ и нервы успокоятся. Я нахожусь въ такомъ раздраженномъ положеніи, что прячусь отъ людей! Признаюсь, мнѣ не хотѣлось бы изъ *вашихъ устъ* слышать *отказ* въ моей просьбѣ. Если бъ было что-нибудь хорошее, — вы, по добротѣ своей (какъ и покойный М. Я. Фонъ-Фокъ), не утерпѣли бы, чтобъ не увѣдомить, а теперь хочется *усладить горечь пилюлей*. Нѣтъ, добрый, благородный Леонтій Васильевичъ, есть горечи, которыхъ *нельзя усладить!* Не дѣло важно, но доказательство, во что меня цѣнятъ послѣ 26-тилѣтнихъ трудовъ — вотъ, что убійственно! [1]). Объ одномъ прошу васъ разувѣрить, если бъ кто вѣрилъ, что я поступилъ дерзновенно, обратясь въ нуждѣ къ моему государю. Я думаю: если сочинителю „Гавриліады", „Оды на вольность" и „Кинжала" (Пушкину—*М. Л.*)— оказано столько благодѣяній и милостей, если банкроту Смирдину дано взаймы 35.000 руб. сер. подъ залогъ хлама, т. е. *непродающихся книгъ*, если Полевому, которому самъ государь запретилъ журналъ („Московскій Телеграфъ"—*М. Л.*)—дана пенсія и проч., и проч., то почему же не дать взаймы мнѣ подъ *вѣрный залогъ* имѣнія, за которое гр. Канкринъ давалъ сперва 300.000 руб. ассигн. для университета (имѣніе Карлово, близъ Дерпта предполагалось купить для Генндильгескаго института—*М. Л.*), а послѣ хотѣлъ купить для себя за 350.000 руб. ас. Вѣдь, я просилъ *не подарка*. Покойный баронъ Штиглицъ далъ мнѣ на слово 50.000 руб. асс., которые я и заплатилъ; во время процесса моего Молво далъ мнѣ, подъ росписку, 10.000 руб. сер., чему я и имѣю доказательства. Я человѣкъ *не нищій* и не безъ *кредита* и весь мой авантажъ былъ въ *двухъ процентахъ!!!* Просилъ я *не невозможнаго* и не на силы мои, но теперь вижу, какое мѣсто мнѣ назначено въ русскомъ царствѣ, и я, какъ улитка, прячусь въ мою раковину! Досадно мнѣ, что я послушался совѣтовъ пріятелей, да ужъ не воротишь! Скомпрометировался, а дѣлать нечего! *Есть Богъ и потомство; быть можетъ, они вознаградятъ меня за мои страданія*... [2]). Вѣдь надобно же чѣмъ нибудь утѣшаться" [3])!

Врядъ-ли есть надобность комментировать это посланіе, какъ и слѣдующее:

„Милостивый Государь,

Леонтій Васильевичъ!

„Программу г-на Киркора представлялъ я вашему превосходительству не для того, чтобъ испрашивать позволеніе на изданіе журнала на польскомъ языкѣ, зная, что это принадлежитъ министру просвѣщенія, который, разумѣется, не дозволитъ [4]), но эта программа представлена мною только для *свѣдѣнія*. Я той вѣры, что только *убѣжденіемъ* можно успокоить встревоженные умы и уязвленныя сердца въ Польшѣ, и для *убѣжденія* у насъ *ничего* не предпринимается

[1]) Достойно вниманія это собственное показаніе Булгарина. Значитъ, свою службу правительству онъ считаетъ съ 1819 года, когда были изданы благонамѣренно избранныя и комментированныя Гораціевы оды... Поэтому съ этого года по 1859-й считаю и я его сорокалѣтнюю дѣятельность.

[2]) Курсивъ мой.

[3]) *М. Сухомлиновъ*, н. с., 490—491.

[4]) Журналъ, дѣйствительно, разрѣшенъ не былъ, въ виду изданія уже „Тыгодника".

и, вѣроятно, долго еще не будетъ предпринято. Отчего это происходитъ, что, не взирая на строгость мѣръ къ пресѣченію всѣхъ покушеній противу русскаго правительства, безпрестанно появляются новыя жертвы? Отъ заблужденія! Надобно плакать и смѣяться, когда слышишь, что поляки говорятъ и что они за границею пишутъ о Россіи, не изъ злобы, но по невѣдѣнію, по ложнымъ извѣстіямъ и предположеніямъ. Непостижимо, что *опровержение* заблужденій насчетъ Россіи столь же строго запрещено у насъ, какъ и самая ложь! Приказано всѣмъ молчать, и всѣ молчатъ, а въ умахъ хаосъ, въ сердцахъ ядъ—просто нравственная чума! По моему мнѣнію, противу *нравственной силы*, неуловимой *силою физическою*, надлежало бы дѣйствовать *нравственною же силою*; а именно: *правдою* противу *лжи*, добродушіемъ противъ *ожесточенія*, просвѣщеніемъ противу *заблуждений* насчетъ Россіи. Зная совершенно духъ и характеръ Польши, я бы взялся, подъ карою смерти, въ теченіе *пяти лѣтъ* одною *письменностью* успокоить Польшу и убѣдить поляковъ, что все ихъ счастье, все благосостояніе края зависитъ отъ тѣснаго соединенія съ Россіею, разумѣется, если бъ въ краѣ не было такихъ чиновниковъ, какъ, напримѣръ, кіевскій Писаревъ, о которыхъ анекдоты гораздо занимательнѣе и ужаснѣе *Парижскихъ тайнъ*. Но какъ мое дѣло *сторона*, то и я молчу, а зная ваше пламенное, неутомимое и безпрерывное стремленіе къ добру, *увѣдомилъ* васъ о предпріятіи г-на Киркора, въ которомъ нашелъ то же искреннее желаніе къ примиренію и соединенію Польши съ Россіею, которое и меня одушевляетъ, предоставляя, впрочемъ, этотъ подвигъ Провидѣнію"!

„Пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ повторить вашему превосходительству чувства глубокаго уваженія и душевной привязанности, съ коими навсегда пребываю

вашего превосходительства

милостиваго государя

покорнѣйшимъ слугою

Ѳаддей Булгаринъ.

„Qui ne fut rien,
„Pas même académicien!"

Въ post scriptum'ѣ прибавлено:

„Слышалъ я, что разсказываютъ русскіе чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, возвратившіеся изъ Лифляндіи,—и *знаю навѣрное*, что тамъ происходитъ. Разсказы эти такъ же далеки отъ истины, какъ земля отъ солнца! Есть Богъ, и „сердце царево въ руцѣ Божіей". Вотъ одна надежда и утѣшеніе!

Отецъ и Командиръ!

„Знаю я, что литературу и цензуру почитаютъ у насъ хуже дохлой собаки, а литераторовъ трактуютъ, какъ каторжниковъ. Но я, ради Бога, прошу васъ показать прилагаемое маранье графу Алексѣю Федоровичу (Орлову—*М. Л.*). Это человѣкъ—Ecce homo! Остальное, хоть бросьте.

„Вѣрный до гроба и за гробомъ и преданный душою

Ѳ. Булгаринъ" [1]).

---

[1]) *М. Сухомлиновъ*, н. с., 497–498. Курсивъ подлинника.

(„Портретная галлерея русскихъ дѣятелей" изд. Мюнстера).

Дубельтъ зналъ, конечно, что Булгаринъ не только не успокоитъ поляковъ, но и совсѣмъ испортитъ начатый еще съ 1830 года курсъ политики по отношенію къ Царству Польскому, и потому не далъ этому хвастливому предложенію никакого движенія. Графъ Орловъ, надменный и высокомѣрный, почти не допускалъ къ себѣ на глаза Булгарина.

Но когда нужно было пользоваться услугами Булгарина или благодарить его за нихъ, Дубельтъ оказывалъ ему свое расположеніе, перешедшее, разумѣется, и на „Сѣверную Пчелу"; тѣмъ болѣе, что онъ уважалъ Греча. Впрочемъ, въ ней онъ распоряжался, какъ у себя дома, будучи и цензоромъ, и покровителемъ, даже опредѣлялъ сотрудниковъ „на мѣста" въ редакціи...

Отношенія къ Булгарину цензурнаго вѣдомства.

Иначе относилось къ Булгарину министерство народнаго просвѣщенія, стоявшее у цензурнаго руля. Князь Ливенъ по своей безусловной честности, а графъ Уваровъ по злобѣ на Фиглярина, не разъ причинявшаго ему непріятности, не дѣлали сколько-нибудь значительныхъ исключеній для премированнаго писателя. Пользуясь неофиціальностью занимаемой имъ должности при Бенкендорфѣ и Дубельтѣ, цензора иногда вымещали на его сочиненіяхъ и изданіяхъ свои страданія по его же доносамъ на ихъ промахи, и Булгарину доставалось почти такъ же, какъ и прочимъ. Правда, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ цензировался въ мѣстѣ своей приватной службы... Но случаевъ этихъ было не такъ много, потому что Бенкендорфъ и Орловъ были слишкомъ лѣнивы, чтобы читать сочиненія Булгарина, къ тому же еще часто рукописныя, а Дубельтъ—слишкомъ занятъ для этого. Не легче было Булгарину и при другихъ двухъ министрахъ: кн. Ширинскій-Шихматовъ имѣлъ съ нимъ счеты по его прошлымъ доносамъ, А. С. Норовъ относился къ нему съ чувствомъ брезгливости.

Для иллюстраціи этихъ отношеній приведу нѣсколько писемъ Булгарина къ цензорамъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ.

Въ 1828 г. П. И. Гаевскій не хотѣлъ пропустить статью Булгарина „Литературныя шутки. Переписка Асмодея съ Мефистофелемъ о разныхъ литературныхъ диковинкахъ", въ которой тотъ отвѣчалъ задѣвшему его за живое Шевыреву. Булгаринъ пишетъ:

„Милостивый Государь, Павелъ Ивановичъ, съ величайшимъ прискорбіемъ узналъ я изъ вашей записки, что вы и Константинъ Степановичъ [1]) соглашаетесь на напечатаніе критики на стихи Шевырева въ „Сынѣ Отечества", а не въ „Пчелѣ", потому что „Пчелу" *всѣ читаютъ*. Но я вовсе не намѣренъ скрываться съ критиками, а какъ въ „Пчелу" по моему входятъ критики, а виды и формы критикъ не означены закономъ, то и не вижу причины, почему нельзя печатать сей бездѣлки. Если вы найдете въ критикѣ что-либо противозаконное, или замѣтите личность, прошу отмѣтить; хотя я не нападаю вовсе на лица, но готовъ смягчить, что вамъ покажется излишнимъ. Имени Шевырева не могу не помѣстить, ибо, *во-первыхъ*, это ни однимъ въ мірѣ закономъ не

---

[1]) Другой цензоръ—К. С. Сербиновичъ.

запрещено, а *во-вторыхъ*, имя Шевырева не есть палладіумъ русской словесности. Вамъ, конечно, некогда читать всѣхъ журналовъ, но я не думаю, чтобы министерство и высшее правительство было настолько несправедливо, чтобы рѣшилось запретить мнѣ писать критики, когда мое имя поносятъ въ московскихъ журналахъ и лишаютъ меня *всего*. Такъ, цензура не запрещала упоминать о имени *сочинителя Сочиненій Ѳ. Булгарина*, и я думаю, что человѣкъ, который подписываетъ свое имя *подъ стихами*, не требуетъ самъ, чтобъ объ немъ молчали! Если форма и родъ критики моей кажутся вамъ забавными, или смѣшными, то я объявляю торжественно, что я неспособенъ писать скучныхъ и педантичныхъ критикъ, а хочу, чтобъ мои читатели смѣялись, а не зѣвали. Цѣль всегда ставится одна и та же: исправленіе словесности [1]). Если г. Олинъ [2]) хочетъ жаловаться, какъ вы изволили сказывать, то я былъ бы весьма радъ этому и тогда представилъ бы его критику на *Освобожденный Іерусалимъ, переводъ А. С. Шишкова*, нашего министра [3]), гдѣ г. Олинъ изволитъ смѣяться и шутить надъ переводчикомъ. При семъ честь имѣю приложить Вѣстникъ Московскій, гдѣ меня разругалъ г. Шевыревъ, *не скрывая моего имени*. За особенную милость почту, если вы соблаговолите рѣшить сіе дѣло поскорѣе и возвратите мнѣ критику съ замѣчаніями своими. Во всякомъ случаѣ, однако-жъ, я долженъ увѣдомить васъ, что, повинуясь во всемъ волѣ цензоровъ, я никакъ не могу согласиться на слѣдующее. *Первое*, чтобы кто-нибудь, кромѣ меня, распоряжался, что должно, а что недолжно быть печатано въ „Пчелѣ", исключая статей, кои по законамъ цензуры не могутъ быть *нигдѣ* напечатаны. *Второе*, чтобы критики были писаны *сухо*, какъ будто *веселость* составляетъ *личность*. Смѣются и смѣялись всегда надъ глупыми сочиненіями, не трогая лица, т. е. частной жизни автора. *Третье*, чтобъ не упоминать о лицахъ критикуемыхъ авторовъ, т. е. *чтобы не называть ихъ по имени*.—Наша осторожная цензура довела насъ до того, что всѣхъ насъ ругаютъ, а намъ не позволяютъ отвѣчать на томъ основаніи, что „Пчелу" *всѣ читаютъ!* Прошу васъ заглянуть въ каждую книжку *Славянина*, гдѣ мое имя свѣтится въ статьѣ, которая имѣетъ заглавіе *Хамелеонистика*, хотя всякому извѣстно, что *хамелеономъ* у насъ называютъ человѣка безъ постоянныхъ правилъ, двуличнаго. Г. Воейковъ [4]) выводитъ на сцену отдѣльныя фразы, писаныя за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, и, сбивъ все въ кучу, выставляетъ меня *хамелеономъ*.

„Я вамъ долженъ сознаться, что столь жестокіе и несправедливые поступки перевернули во мнѣ всю внутренность, и я истинно заболѣлъ. На меня *все можно*, мнѣ ничего *нельзя*, потому что мою газету *всѣ читаютъ*, и потому что я долженъ писать *сухо*, чтобъ *не читали*. Вотъ что мнѣ предназначается!

„Я прошу васъ покорнѣйше рѣшить сіе дѣло, какъ вамъ заблагоразсудится, но только скоро, чтобъ я могъ принять свои мѣры для защиты своей, очищенія литературы и пути моимъ способностямъ—ибо я писать *сухо* ни за что не рѣшусь, а скорѣе откажусь отъ всего на свѣтѣ".

---

[1]) Булгаринъ вѣчно твердилъ, что цѣль его литературной работы одна—исправленіе словесности!..

[2]) Олинъ—тогдашній переводчикъ-поэтъ. Очевидно, у него съ Булгаринымъ произошелъ какой-то конфликтъ.

[3]) Тогда еще несмѣненнаго.

[4]) Воейковъ—издатель *Славянина*, врагъ Булгарина, но вовсе не принципіальный.

Письмо это очень характерно во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, ясна „спеціальность“ Булгарина, имъ самимъ выраженная; во-вторыхъ, несомнѣнна увѣренность въ защитѣ со стороны III Отдѣленія, благодаря которой, трусливый Булгаринъ пишетъ очень рѣзко и рѣшительно, хотя все сплошь лжетъ; торжественное заявленіе его о невмѣшательствѣ въ „Пчелу“ постороннихъ Гаевскій, конечно, умѣлъ оцѣнить; въ-третьихъ, наконецъ, оно иллюстрируетъ состояніе цензуры.

Слѣдующія письма будутъ не менѣе интересны во всѣхъ трехъ отношеніяхъ.

Пропуствивъ статью о Шевыревѣ [1]), Гаевскій, въ концѣ декабря того же года, уже при кн. Ливенѣ, не разрѣшилъ для „Сына Отечества“ статью Булгарина: „О новыхъ метеорологическихъ явленіяхъ въ русской литературѣ“ — тоже полемическаго характера. Булгаринъ дѣйствуетъ еще болѣе рѣшительно:

„Милостивый государь, Павелъ Ивановичъ, всегда, какъ только я представлялъ вамъ статьи моего сочиненія, вы старались по возможности найти въ нихъ что-либо къ помаркѣ. Личная ваша ко мнѣ ненависть мнѣ извѣстна и уже обнаруживалась въ тысячѣ случаевъ. Пока К. С. Сербиновичъ и В. И. Семеновъ цензировали наши журналы, и правительство, и публика, и мы были довольны [2]). Вы же, напротивъ того, изыскиваете случаи, чтобы унизить меня передъ моими противниками. Я представлю начальству все, что именно было противъ меня въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и въ „Славянинѣ“, и буду просить, чтобъ сравнили съ тѣмъ, что мнѣ запрещали и запрещаете. Вы требуете отъ насъ какой-то школьной сухости, изгоняете всякую шутку, всю веселость, какъ будто статьи должны быть писаны по нраву цензора, а не по законамъ. Въ каждомъ вашемъ поступкѣ я замѣчаю закоренѣлую ко мнѣ ненависть. Извольте представлять эту статью, куда угодно. Я буду оправдываться и представлю все, что цензура пропустила противъ меня. Я не могу писать связно и высказать всего, чтобы хотѣлъ, ибо память всѣхъ этихъ обидъ, притѣсненій и оскорбленій, которыя я принялъ отъ васъ, лишаетъ меня присутствія духа. Повѣрьте, что съ документами въ рукахъ я найду правосудіе у подножія трона нашего августѣйшаго монарха противъ вашихъ притѣсненій, которыя испытую я *всегда*, когда только вы имѣете случай показать власть свою надъ моими сочиненіями.—Отъ самаго начала нашихъ изданій правительство никогда не находило ничего вреднаго въ моихъ сочиненіяхъ, и даже самъ А. И. Красовскій признавалъ, что я пишу въ духѣ цензуры и правительства. Вы *одинъ* [3]), по личной ненависти, угнетаете меня“ [4]).

При С. С. Уваровѣ, въ 1835 г., Булгаринъ пишетъ Никитенку:

„Ѳаддей Булгаринъ проситъ покорнѣйше почтеннаго цензора, которому достанется читать рукопись 2-й части „Записокъ Чухина“, о нижеслѣдующемъ:

„1) Если-бъ какое мѣсто показалось ему сомнительнымъ, то не иначе вымарывать, какъ прочитавъ главу *до конца*, ибо каждое предложеніе развернуто у меня *впослѣдствіи* и выведено въ пользу истины, нравственности, религіи и

---

[1]) Она напечатана въ № 37 „Сѣв. Пчелы“ за 1828 г.

[2]) „Мы“—это Булгаринъ и Гречъ.

[3]) Подчеркнуто три раза.

[4]) „Цензурныя дѣла, переданныя въ 1892 г. изъ министерства народнаго просвѣщенія въ Император. публ. библіотеку и хранящіяся тамъ въ рукописномъ отдѣленіи“ № 4—„Письма разныхъ лицъ къ П. И. Гаевскому“.

существующаго порядка вещей въ Россіи. Затѣмъ *предложеніе* не должно быть принимаемо отдѣльно, но въ общности съ *послѣдствіемъ*.

„2) Всѣ поправки почтеннаго цензора принимаю безспорно, хотя въ сочиненіи моемъ, кажется, нѣтъ ничего такого, чтобъ не могло быть сказано всенародно. Но прошу покорнѣйше не исключать цѣлыхъ періодовъ. И такъ, уже оглядываясь на всѣ четыре стороны при сочиненіи этого романа, я исключилъ все, что только могло возбудить не только двусмысліе, но даже сомнѣніе въ строгихъ судьяхъ нашей зачахлой литературы!

„3) Было время тяжелое, во время Магницкаго и Аракчеева, но ни одна моя статья въ то время не была запрещена *даже Красовскимъ*, и всѣ романы прошли безъ помарокъ и безъ преслѣдованій! Ужели я сдѣлался хуже? Господи Боже! Хочу только правды и никогда не шелъ противъ видовъ правительства, что до сихъ поръ было имъ признано.

„Почтенные господа цензоры, будьте справедливы! И для васъ есть потомство!"

Уже одно это послѣднее патетическое воззваніе къ потомству доказываетъ, какъ доставалось Булгарину отъ „предковъ"...

Въ 1844 г. онъ пишетъ тому же Никитенку:

„Почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ! Покойный графъ Ростопчинъ сказалъ весьма справедливо: on ne fait pas du fromage dans le pays des antropophages, а еще ближе къ цѣли сказалъ знаменитый Клемперъ сказочному Музеусу, пріѣхавшему въ Россію на жительство, по приглашенію императрицы Маріи Ѳеодоровны: In Russland muss man nicht schreiben, aber bloss verdauen, т. е. въ Россію ѣздятъ не для того, чтобы писать, но чтобъ упражняться въ пищевареніи! А мы, глупцы, пишемъ! Для потѣхи покажу вамъ нѣсколько корректурныхъ листовъ „Пчелы", подписанныхъ первыми членами сената—Іермандады[1]), Крыловымъ и Фрейгангомъ! Это уже такъ мило, что и сердиться нельзя! Тщательно храню я эти листы для исторіи нашей литературной эпохи. Но развѣ съ одной стороны горе? Понимаетъ-ли наша публика дѣло? Вотъ вашъ хозяинъ Спасской мызы [2]) пришелъ ко мнѣ объявлять свое неудовольствіе за напечатаніе его имени въ фельетонѣ „С. Пчелы" и сообщилъ нѣкоторыя поправки насчетъ цѣны и проч. Пишу къ вамъ объ этомъ для того, чтобы вы видѣли, въ какомъ положеніи я нахожусь! Не будь милости Божьей, царской милости, то хоть прочь бѣги! Никѣмъ, никому и никогда угодить нельзя! Между тѣмъ, я одинъ изъ первыхъ воспользуюсь омнибусомъ, чтобъ навѣстить васъ на дачѣ и пожать вамъ дружески руку. Послѣ смерти П. А. Корсакова — вы остались одинъ *человѣкъ* въ цензурѣ. Да хранитъ васъ Господь отъ всѣхъ злыхъ навожденій и да поможетъ переносить тяжкое бремя, о чемъ умоляетъ Всевышняго вѣрно и искренно любящій васъ и преданный вамъ Ѳ. Булгаринъ" [3]).

При желаніи число личныхъ свидѣтельствъ можно бы было значительно увеличить, но я думаю, что и сказаннаго довольно, чтобы ознакомиться съ отношеніемъ цензурнаго вѣдомства къ Булгарину.

---

[1]) Цензурный комитетъ.
[2]) Купецъ Беклешовъ.
[3]) „Изъ архива А. В. Никитенко", „Рус. Старина", 1900 г., IV, 174, 176.

Успѣхъ „Сѣверной Пчелы". Легенда о Булгаринѣ, какъ представителѣ польской партіи.

Но министерство просвѣщенія было безсильно для того, чтобы лишить единственную тогда въ Петербургѣ, а сначала и во всей Россіи, частную ежедневную газету—„Сѣверную Пчелу"—исключительнаго положенія, занятаго ею, благодаря ловкости Булгарина и Греча, не упускавшихъ случая воспользоваться во-время всякими для этого средствами. Въ глазахъ высшихъ сферъ „Сѣверная Пчела" считалась единственною представительницею общественнаго мнѣнія. Во дворцѣ ее только и читали; за границей она слыла придворнымъ органомъ. Въ Петербургѣ, до начала 60-хъ годовъ, не было другой частной ежедневной газеты. „Московскія" же „Вѣдомости" долгое время выходили три раза въ недѣлю. У Булгарина и Греча была, такимъ образомъ, въ рукахъ выгодная монополія, отъ которой терпѣли и русская литература, и русское общество. „Неужто, кромѣ „Сѣверной Пчелы", писалъ Пушкинъ, „ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что камера депутатовъ закрыта до сентября". Въ этихъ словахъ надо подразумѣвать еще и другую монополію: монополію „Сѣверной Пчелы" на извѣстія политическаго характера о жизни Россіи и Европы. Только эта газета могла помѣщать тѣ скудныя новости, званіе и распространеніе которыхъ среди публики не считалось вреднымъ... До чего душно было въ атмосферѣ „Пчелы", можно судить по тону письма кн. Вяземскаго, въ которомъ онъ очень ядовито и зло замѣчалъ: „Извѣстно, что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній нашихъ есть и то, хотя и не объявленное правительствующимъ сенатомъ, что никто не можетъ въ Россіи издавать политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни—люди надежные и достойные довѣренности правительства, всѣ прочіе, кромѣ единаго Полевого, злоумышленники" [1])...

И, конечно, при всемъ несочувствіи къ „Сѣверной Пчелѣ", къ ея издателямъ и къ той атмосферѣ, которая окружала дѣятельность этихъ темныхъ людей,—подписчики были; мало того,—количество ихъ увеличивалось: надо же было знать хоть голый календарь нѣкоторыхъ событій.

Какъ на одну изъ причинъ силы булгаринскаго органа, я указалъ выше на постоянное подслуживаніе ея издателя. Къ фактамъ изъ этой области, уже неоднократно приводимымъ, прибавлю немного. Когда временно завѣдывавшій редакціей П. С. Усовъ замедлилъ напечатать присланный изъ III Отдѣленія отчетъ Ольгинской больницы, Булгаринъ пишетъ ему: „сдѣлайте милость, не пренебрегайте статьями, которыя я вамъ сообщаю для печатанія... Отчетъ напечатанъ въ „Полицейской Газетѣ" и ко мнѣ прислана весьма непріятная бумага отъ гр. Орлова за непользованіе статьею, о которой хлопочутъ особы царской фамиліи. Мнѣ сущая бѣда!.." Въ другомъ письмѣ находимъ: „посылаю вамъ стихи Бенедиктова: они хотя и высокопарны, но ихъ надобно непремѣнно напечатать въ Пчелкѣ, потому что Бенедиктовъ почитается однимъ изъ первыхъ поэтовъ и стихи были читаны съ одобреніемъ въ Гатчинѣ" [2])... Аналогичныхъ фактовъ слишкомъ много.

---

[1]) *Н. Барсуковъ*, н. с., IV, 10.
[2]) *П. Усовъ*. „Ѳ. В. Булгаринъ", „Истор. Вѣстникъ", 1883 г. VIII, 294, 316.

III Отдѣленіе участвовало даже въ расходахъ по редакціи „Сѣверной Пчелы", что видно изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ въ 1855 г. самимъ Булгаринымъ: „Даже за границею завербовалъ онъ (Гречъ—*М. Л.*) какого-то сорванца, который присылаетъ вырѣзки изъ газетъ и разныя писанныя сплетни, которыхъ я не вижу и не знаю. *Прежде* за это платило III отд. Собств. Его Величества канцеляріи, куда и поступаютъ заугольныя извѣстія, а теперь „Сѣверная Пчела" должна платить этому сорванцу 1.000 руб. серебромъ!" [1]).

Пользуясь силою своей газеты, Булгаринъ внесъ въ журналистику взяточничество и самый низкій шантажъ. „Сѣверная Пчела" то и дѣло рекомендовала въ текстѣ тотъ или другой магазинъ, ту или другую фабрику, опередивъ въ этомъ смыслѣ даже современную намъ американскую рекламу. Булгаринъ бралъ взятки направо и налѣво, упорствующихъ же немедленно наказывалъ жестокой критикой ихъ товаровъ и производства. Суда и расправы на все это не было. Петербургъ освоился съ такими пріемами редактора единственной своей ежедневной газеты, а Бѣлинскій, только что пріѣхавъ изъ Москвы и не зная вблизи всѣхъ доистоинствъ Булгарина, вопилъ; „что это за міръ!—берутъ взятки открыто!" [2]).

До того гадка была булгаринская газета, что даже Щербина разразился „молитвой современныхъ писателей":

„О ты, кто принялъ имя слова!
Мы просимъ твоего покрова:
Избави насъ отъ похвалы
Позорной „Сѣверной Пчелы"... [3]).

Доходы „грачей-разбойниковъ", какъ ихъ назвалъ Пушкинъ, были очень велики: въ 1855 году каждый изъ двухъ издателей „Пчелы" получилъ на свою долю по 24.000 руб. сер. [4])—доходъ и теперь еще необычайный для издателей многихъ ежедневныхъ газетъ, которыхъ тоже не особенно много... Не даромъ Булгаринъ при встрѣчѣ съ Краевскимъ, только что ставшимъ издавать „Отечественныя Записки", угадывая возможный подрывъ своего могущества на читательскомъ рынкѣ,—потому что и Краевскій былъ небезпомощенъ въ III Отдѣленіи, благодаря адъютанту Бенкендорфа, Владиславлеву,—просто-на-просто предложилъ ему присоединиться къ „открытому конкубинату" и сообща управлять департаментомъ литературы... Предложеніе было отвергнуто [5]).

Здѣсь я не могу не остановить вниманіе читателей на одномъ легендарномъ объясненіи могущества „Сѣверной Пчелы" и Булгарина.

Заговорилъ о немъ печатно, впервые, если я не ошибаюсь, кн. В. Ѳ. Одоевскій, публикуя кое-какіе документы изъ своего архива, въ 1864 году. А именно, онъ находилъ, что Сенковскій и Булгаринъ были представителями „польской партіи"! „Поляки—писалъ онъ—крѣпко стояли другъ за друга. Вновь появившаяся въ послѣднее время странная мысль о превосходствѣ какого-то польскаго шляхетскаго просвѣщенія надъ русскимъ постоянно проводилась уже тогда въ разныхъ видахъ. Тогдашняя цензура не обратила на это вниманіе, и изданія въ родѣ

---

1) „Рус. Архивъ" 1869 г., IX, 1557.
2) *А. Пыпинъ*, „Бѣлинскій", II, 34.
3) „Рус. Старина", 1872 г., I, 151
4) *П. Усовъ*, „Ѳ В. Булгаринъ"—„Истор. Вѣстникъ", 1883 г., VIII, 330.
5) *П. Анненковъ*, „Замѣчательное десятилѣтіе", „Вѣстникъ Европы", 1880 г., I, 226.

„Сѣверной Пчелы" считались тогда самыми благонамѣренными. Такой взглядъ цензуры давалъ этимъ издателямъ возможность сколь возможно чернить все русское, и въ особенности писателей, не принадлежавшихъ къ польской партіи... Именно въ привиллегированныхъ журналахъ („Сѣв. Пчела" и „Библіотека для Чтенія"— *М. Л.*) и проводилось враждебное Россіи польское направленіе. котораго результаты оказались лишь въ послѣдствіи... Вообще эта эпоха невѣжественнаго и вреднаго польскаго диктаторства въ нашей литературѣ и журналистикѣ, нынѣ едва понятная, весьма любопытна и поучительна" [1]).

Тогда же въ „Отечественныхъ Запискахъ" появилась статья—въ которой прикосновенность Булгарина къ какой-то „польской" партіи безусловно отвергалась: „мы не намѣрены—писалъ авторъ—отрицать въ Булгаринѣ его ума, но насколько извѣстна нравственная его личность, трудно въ ней предполагать какія-нибудь страсти, въ родѣ скрытыхъ симпатій къ Польшѣ и ненависти къ Россіи" [2]).

Но, несмотря на довольно обстоятельное возраженіе *Л.*, легенда, пущенная въ ходъ Одоевскимъ, нашла своихъ распространителей. Особенно любилъ стоять на этой почвѣ П. И. Бартеневъ, повторявшій легенду о „польской партіи", съ Булгаринымъ и Сенковскимъ во главѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ въ массѣ редакціонныхъ примѣчаній на страницахъ „Русскаго Архива". Въ самое послѣднее время ее повторилъ г. Барсуковъ, подписавшійся вполнѣ подъ словами Одоевскаго [3]).

Характерно, что вообще эта легенда есть достояніе людей, только и видящихъ, что угнетеніе и гоненіе всего русскаго...

Между тѣмъ, мнѣ кажется, не надо долго просматривать изданія Булгарина и Сенковскаго, чтобы увидѣть въ нихъ полное отсутствіе какого бы то ни было польскаго направленія. Достаточно знать то презрѣніе, съ которымъ относилась къ Булгарину польская интеллигенція, и тѣ неоднократно высказываемыя Сенковскимъ нелюбовь и нерасположеніе къ полякамъ (и вмѣстѣ съ тѣмъ его личную жизнь), чтобы смѣло утверждать неосновательность легенды. Неужели Булгаринъ и Сенковскій могли быть представителями партіи, тотъ Булгаринъ, который намъ уже болѣе или менѣе вырисовался въ предыдущемъ изложеніи? Предположить это—значитъ обидѣть и польскую, и русскую интеллигенцію: первую за делегированіе своихъ интересовъ такимъ „представителямъ", вторую—за довѣріе къ нимъ. Не говорю уже о томъ, что русская цензура, находящаяся подъ присмотромъ Бенкендорфа, Орлова, Уварова и др., конечно, не могла быть слѣпой и всякое нерусское націоналистическое стремленіе душила въ зародышѣ. Если Булгаринъ и былъ представителемъ какой бы то ни было партіи, то она не могла называться иначе, какъ безпринципная продажность. Не вина поляковъ, что грязное пятно въ русской журналистикѣ первой половины прошлаго столѣтія случайно принадлежало къ ихъ національности. Если и можно говорить о польской партіи въ Россіи вообще, то находить ее въ русской журналистикѣ николаевской эпохи значитъ обнаруживать совершенное непониманіе какъ личностей ея представителей и ея самой, такъ и условій жизни литературы того времени вообще.

---

[1]) „Рус. Архивъ", 1864 г., № 7—8, 827-830.

[2]) *Л.*, „О полонизмѣ въ русской литературѣ 30-хъ годовъ", „Отеч. Записки", 1865 г., мартъ, книжка первая, 67.

[3]) См. II томъ его работы о Погодинѣ, 331.

Кромѣ того, легенда Одоевскаго стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ фактомъ достаточно общеизвѣстнымъ: Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій были петербургской группой „офиціальной народности", что, разумѣется, не совмѣстимо съ служеніемъ двоихъ изъ нихъ своей отчизнѣ.

Наконецъ, само III Отдѣленіе категорически утверждало неприкосновенность Булгарина къ польской партіи, что видно изъ „отношенія на представленіе г-на дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцова о вредномъ духѣ сочиненія польскаго поэта Мицкевича, подъ заглавіемъ «Конрадъ Валенродъ», и о вредномъ вліяніи на Польшу журналиста Булгарина", помѣченнаго 14 іюля 1828 года. Копія съ копіи этого очень цѣннаго документа, хранившаяся въ архивѣ Ѳ. В. Анненкова (брата П. В. Анненкова), предоставлена въ мое распоряженіе Н. К. Михайловскимъ и заслуживаетъ безусловнаго довѣрія, какъ удостовѣренная экспедиторомъ III Отдѣленія, Петромъ фонъ-Фокомъ,—очевидно, родственникомъ директора канцеляріи [1]).

Въ декабрѣ 1824 г., попечитель виленскаго учебнаго округа, Н. Н. Новосильцовъ, писалъ Аракчееву о необходимости имѣть „непримѣтное наблюденіе" за нѣкоторыми жителями Петербурга, „предуспѣвающими разными происками своими по канцеляріямъ, ежели не совершенно ниспровергать, то по крайней мѣрѣ, значительнымъ образомъ ослабливать всѣ тѣ мѣры, которыя ихъ видамъ не соотвѣтствуютъ". Въ числѣ этихъ лицъ, опасныхъ для порядка въ Царствѣ Польскомъ, Новосильцовъ назвалъ Сенковскаго, Булгарина и Греча, „которые принадлежали здѣсь къ весьма вредному обществу, существовавшему долгое время подъ именемъ «Шубравцевъ», между коими они назывались Рустиканами".

Такимъ образомъ сколько-нибудь явное обвиненіе Булгарина сводилось къ нахожденію прежде въ обществѣ „Шубравцевъ" („towarzystwo szubrawcuw"), созданномъ молодой профессурой виленскаго университета для оживленія общественной жизни. Ниже мы узнаемъ о немъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія.

Чѣмъ увѣнчался доносъ Новосильцова, увидимъ ниже; въ апрѣлѣ же 1828 г., т. е. уже при существованіи III Отдѣленія, начальникъ главнаго штаба, гр. Дибичъ, писалъ Новосильцову, что „государь императоръ, имѣя въ виду сіе отношеніе вашего высокопревосходительства (отъ декабря 1824 г.—*М. Л.*), высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ просить васъ увѣдомить, не открылось-ли съ того времени вновь какихъ-либо подобныхъ свѣдѣній или подробностей насчетъ Булгарина и Греча". Свѣдѣнія свои Новосильцовъ долженъ былъ представить ген.-ад. гр. Чернышеву для доклада государю.

Попечитель виленскаго учебнаго округа, въ маѣ 1828 г., сообщилъ, что „Булгаринъ въ издаваемыхъ имъ современныхъ сочиненіяхъ продолжаетъ покровительствовать распространенію и укрѣпленію польскихъ патріотическихъ помышленій, въ превратномъ и ложномъ ихъ направленіи столь противныхъ тѣсному и откровенному соединенію сего народа съ россіянами". „По поводу изданія въ С.-Петербургѣ польской поэмы, подъ названіемъ «Konrad Wallenrod», сочиненной

[1]) Почти одновременно съ выходомъ октябрьской книжки „Русскаго Богатства", 27 октября, 1903 г., это „отношеніе" появилось въ ноябрьской (1 ноября)—„Русской Старины". Тамъ приведены и нѣкоторые другіе документы, предшествовавшіе составленію „отношенія" (въ „Рус. Старинѣ" послѣднее названо „объясненіемъ"). Цитируя ниже кое-что изъ этихъ документовъ, я предпочитаю самое „отношеніе" цитировать по имѣющейся въ моихъ рукахъ копіи.

Мицкевичемъ, бывшимъ членомъ тайнаго патріотическаго польскаго общества «Филаретовъ», счелъ я,—продолжалъ Новосильцовъ — обязанностью своею обратить вниманіе его императорскаго высочества цесаревича на предосудительное содержаніе сей книги. Такъ какъ въ донесеніи моемъ упоминается, между прочимъ, и о Булгаринѣ, сочиненіе сіе въ журналѣ своемъ одобрявшемъ, что я считаю неизлишнимъ приложить къ сему копію съ донесенія моего государю цесаревичу по сему предмету" [1]).

Что же такое написалъ Булгаринъ по поводу выхода въ свѣтъ „Конрада Валенрода"? Это была очень небольшая замѣтка:

„Въ Петербургѣ отпечатано новое сочиненіе перваго современнаго польскаго поэта Адама Мицкевича: *Конрадъ Валенродъ*, историческая повѣсть въ стихахъ, почерпнутая изъ событій Литвы и Пруссіи. Мы давно уже намѣревались поговорить о произведеніяхъ сего поэта: теперь, при изданіи сочиненія, которое займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ славянскихъ народовъ, мы познакомимъ съ ними нашихъ читателей. Новое сіе сочиненіе съ 3 литогр. картинками, продается въ книжномъ магазинѣ Грефа по 10 рублей за экземпляръ. За пересылку прилагается рубль" [2]).

Дѣло въ такомъ положеніи было передано III Отдѣленію, которое и отвѣтило гр. Чернышеву очень пространнымъ „отношеніемъ" отъ 14 іюля.

Изъ него видно, что еще въ 1827 году III Отдѣленіе получило бумагу Новосильцова, писанную имъ въ 1824 году гр. Аракчееву; и что Аракчеевъ тогда же произвелъ очень подробное слѣдствіе, которое обнаружило полную неосновательность обвиненій Булгарина и Греча и было признано совершенно соотвѣтствующимъ истинѣ и самимъ намѣстникомъ, великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.

Такъ, было обнаружено: „1) что общество Шубравское никогда не было тайнымъ, но явнымъ сатирико-литературнымъ, ибо уставъ онаго былъ напечатанъ и общество издавало журналъ [3]); 2) что оно не было вреднымъ, ибо главные онаго члены и понынѣ находятся въ университетѣ и пользуются особеннымъ покровительствомъ г. Новосильцова; 3) что Булгарина и Греча сдѣлали почетными членами общества единственно изъ литературной вѣжливости за ихъ сатирическія статьи, въ какомъ духѣ издавался журналъ общества, и что ни Булгаринъ, ни Гречъ не участвовали въ трудахъ общества; 4) что Булгаринъ былъ въ жизни только три мѣсяца въ Вильнѣ, въ 1819 году, по частнымъ дѣламъ, и только одинъ разъ присутствовалъ въ засѣданіи общества, а Гречъ вовсе не былъ никогда ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ и не знаетъ языка польскаго; 5) что Булгаринъ не учился въ университетѣ Виленскомъ, не имѣетъ и не имѣлъ въономъ друзей, ни родственниковъ и едва поверхностно зналъ нѣсколько профессоровъ, не имѣлъ съ ними никакихъ дружескихъ сношеній и вовсе чуждъ всякаго участія въ дѣлахъ университета; Гречъ же не знаетъ ни одного изъ нихъ, кромѣ ректора Пеликана, который обучался въ Петербургѣ".

---

1) „Н. И. Гречъ, Ѳ. В. Булгаринъ и А. Мицкевичъ", „Рус. Старина" 1903 г., XI, 334—343.

2) „Сѣв. Пчела" 1828 г., № 22, 21 Февраля.

3) Онъ назывался „Wiadomosci Burkowe".

III Отдѣленіе добавляло лишь отъ себя, что, если бы Новосильцовъ считалъ общество Шубравцевъ „вреднымъ, равно какъ и всѣхъ членовъ онаго, то онъ не надѣлилъ бы своею довѣренностью профессоровъ Андрея Снядецкаго. Мяновскаго, Шидловскаго, котораго даже сдѣлалъ цензоромъ, и другихъ бывшихъ дѣйствительными Шубравцами. Изъ нихъ Снядецкій былъ президентомъ общества, а Шидловскій названъ ораторомъ".

Останавливаясь на обвиненіи Булгарина въ проведеніи путемъ литературы польскихъ тенденцій, „отношеніе" отвѣчаетъ:

„Сіе обвиненіе совершенно несправедливо и даже противоположно дѣйствіямъ Булгарина. Онъ, воспитанный въ Россіи, зная языкъ и духъ народа, своими сочиненіями пріобрѣлъ любовь русской публики и сдѣлался любимымъ ея писателемъ, чего не могъ бы достигнуть, если бъ писалъ въ польскомъ духѣ, а не въ русскомъ, ибо въ русскомъ народѣ понынѣ, существуетъ предубѣжденіе о полякахъ. Напротивъ того, всѣ его сочиненія исполнены русскимъ патріотизмомъ, основаннымъ на преданности къ престолу. Ни одинъ полякъ не написалъ бы похвальнаго слова Петру I и Суворову, что сдѣлалъ, однако-жъ, Булгаринъ. Кромѣ «Сѣвернаго Архива», гдѣ помѣщено нѣсколько древнихъ польскихъ историческихъ документовъ относительно русской исторіи, въ журналахъ, Булгаринымъ издаваемыхъ, не печатается вовсе ничего о Польшѣ, и онъ, только по просьбѣ русскихъ литераторовъ, написалъ обозрѣніе польской литературы въ 1820 году, когда самъ не издавалъ еще ни одного журнала. По справкѣ оказалось, что Булгаринъ, выписывая множество газетъ и журналовъ изъ-за границы, не выписываетъ ни одного изъ Варшавы. Самъ Булгаринъ до такой степени чуждъ Польшѣ, что хотя онъ родомъ изъ Литвы, но, не живя тамъ никогда, и не имѣя никакихъ связей, рѣшился оставить навсегда сію провинцію и купилъ себѣ имѣніе въ Лифляндіи, чтобы тамъ навсегда поселиться въ отдаленіи отъ Польши. Булгаринъ многократно въ своей газетѣ совѣтуетъ всѣмъ жителямъ Россіи, особенно нѣмцамъ и полякамъ, учиться русскому языку, за что даже заслужилъ упрекъ польскихъ патріотовъ. Булгаринъ въ сочиненіяхъ и разговорахъ распространяетъ одну мысль, — вѣчное соединеніе поляковъ съ русскими. Въ статьѣ своей: «Освобожденіе отъ турокъ Трембовли», гдѣ героиня — женщина, Булгаринъ говоритъ въ предисловіи къ польскимъ и русскимъ дамамъ: «Нынѣ вы составляете одно семейство, имѣете одного Отца; ваши дѣти и братья на вѣки соединены узами взаимнаго счастья. Вы должны знать и уважать другъ друга» и проч. Повторяя, что въ журналахъ и сочиненіяхъ Булгарина *нѣтъ ни одной строки*, дышащей польскимъ патріотизмомъ, невозможно постигнуть, на чемъ основано обвиненіе Булгарина г. Новосильцовымъ въ распространеніи польскихъ патріотическихъ помышленій! [1])

„Наконецъ, по самомъ подробномъ изслѣдованіи оказывается, что подозрѣніе Булгарина въ сношеніи съ университетомъ основывается на томъ единственно, что пріѣзжающіе въ Петербургъ польскіе профессоры, литераторы или люди высшаго званія навѣщаютъ его, какъ своего единоземца, *пользующагося славою отличнаго писателя* и уваженіемъ многихъ знатныхъ особъ, и что Булгаринъ передъ ректоромъ Пеликаномъ, бывшимъ въ Петербургѣ, говорилъ неоднократно, что онъ

[1]) Курсивъ вездѣ мой.

не одобряетъ мѣръ, принимаемыхъ виленскимъ начальствомъ, чтобы выслуживаться несправедливыми доносами на юношей.

„Что же касается до похвалы поэмы Мицкевича, «Валенрода», то это относится къ литературному достоинству. Впрочемъ, Булгаринъ по долгу журналиста, обѣщая извѣщать о всѣхъ выходящихъ въ Россіи книгахъ, только извѣстилъ въ нѣскольких строкахъ о появленіи сего сочиненія, и сіе поставляется ему въ преступленіе, между тѣмъ какъ въ донесеніи г. Новосильцова вовсе не упомянуто, что сія поэма «Валенродъ» была *подробно* разобрана и расхвалена въ «Московскомъ Телеграфѣ» и вполнѣ переведена на русскій языкъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» *съ величайшими похвалами*. Изъ сего, очевидно, слѣдуетъ, что противъ Булгарина дѣйствуетъ личность. Въ русскомъ журналѣ «Вѣстникъ Европы» безпрестанно помѣщаются статьи изъ польскихъ газетъ, сеймовыя рѣчи и т. п., но о семъ г. Новосильцовъ не говоритъ ни слова. Въ журналахъ Булгарина не только не было никогда говорено о сеймѣ или о чемъ-либо политическомъ, до Польши касающемся, но ничего о самой Польшѣ, однако жъ простое извѣщеніе о польской книгѣ подвергнуло Булгарина обвиненію въ злонамѣренности".

Всего этого, въ связи съ нѣкоторыми уже приведенными выше документами совершенно достаточно, чтобы имѣть серьезныя основанія отрицать какую бы то ни было работу Булгарина въ пользу его національности...

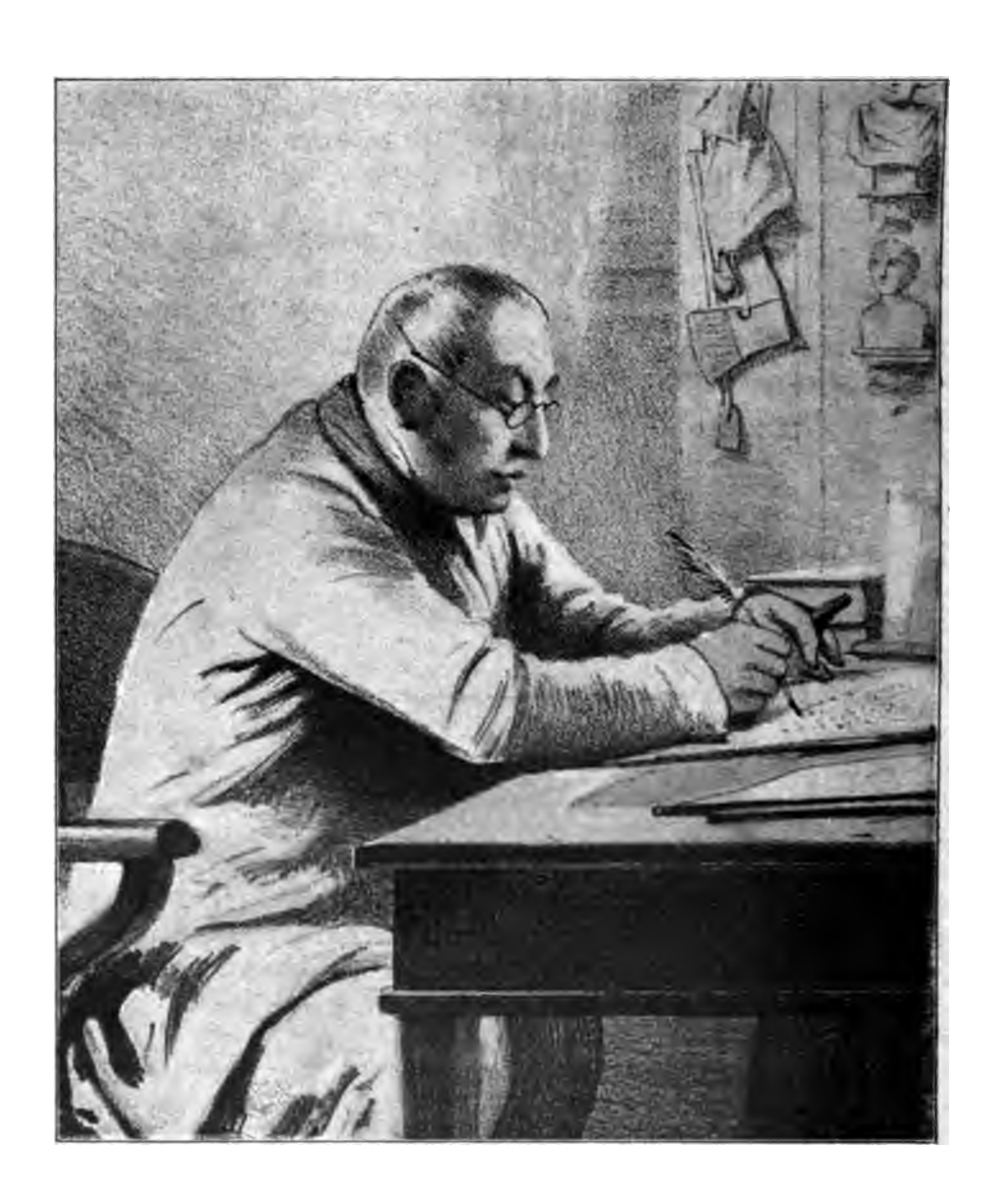
Рядъ разнообразныхъ доносовъ. Смерть Бенкендорфа. Некрологъ его въ „Сѣверной Пчелѣ". Конфиденціальныя „записки". Булгаринъ о критикѣ своихъ сочиненій. Милости Булгарину, его болѣзнь и смерть.

Такъ крѣпъ Булгаринъ.

Въ 1832 г., въ Москвѣ, появилась баллада „Двѣнадцать спящихъ будочниковъ". Авторъ ея признается, что гонается не за славою, а за копейкою. „Меня ободряетъ", писалъ онъ, „примѣръ гг. *Выжигиныхъ*, предъ коими она (баллада) имѣетъ важное преимущество: ее можно прочесть несравненно скорѣе". Для иллюстраціи искусства, съ которымъ составлена эта пародія на Булгаринскихъ „Ивана" и „Петра *Выжигиныхъ*" приведу строфу, рисующую пьянаго квартальнаго:

„И взвидѣлъ полицейскій глазъ,
Что въ лужѣ шевелился
Какой-то пьяница; тотчасъ
Мой крюкъ остановился.
Меня къ забору, рекъ, приставь,
А этого скотину
Скорѣй на съѣзжую отправь!
Ступай!.. родному сыну
Я пьянства не прощу во вѣкъ!
Какого развращенья
Достигнулъ нынѣ человѣкъ!
И все отъ просвѣщенья! [1])

[1]) Цитирую по работѣ г. Барсукова о Погодинѣ, т. IV, стр. 12.

Ѳ. В. Булгаринъ.

(„Русскій Художественный Листокъ" Тимма, 1853 г.).

Московскій оберъ-полицоймейстеръ, съ своей стороны, и Булгаринъ, какъ авторъ романовъ, съ своей—достигли отставки пропустившаго брошюру цензора, С. Т. Аксакова...

Въ сборникѣ Башуцкаго „Наши“ была статья „Водовозъ“, очень вѣрно и живо рисовавшая тяжелый бытъ этихъ тружениковъ. Кромѣ принятыхъ по этому поводу мѣръ, Бенкендорфъ поручилъ Булгарину сочинить и напечатать въ „Сѣверной Пчелѣ“ статью противоположнаго содержанія. Булгаринъ точно исполнилъ приказаніе: въ статьѣ „Водоносъ“ въ розовыхъ и идиллическихъ краскахъ была представлена ихъ счастливая жизнь... [1]).

Къ этому времени, ознаменованному смертью Лермонтова, относятся полные горькаго сарказма слова Бѣлинскаго: „Лермонтовъ убитъ наповалъ—на дуэли. Оно и хорошо: былъ человѣкъ безпокойный и писалъ хоть хорошо, но безнравственно,—что ясно доказано Шевыревымъ и Бурачкомъ. Взамѣнъ этой потери Булгаринъ все молодѣетъ и здоровѣетъ... Ѳ. В. (иниціалы Булгарина въ „Сѣверной Пчелѣ“—*М. Л.*) ругаетъ Пушкина, печатно, доказываетъ, что Пушкинъ былъ подлецъ, а цензура, вѣрная волѣ У. (Уварова—*М. Л.*), мараетъ въ „О. З.“ все, что пишется въ нихъ противъ Булгарина и Греча. Литература наша процвѣтаетъ, ибо явно начинаетъ уклоняться отъ гибельнаго вліянія лукаваго Запада“...[2]).

Около этого же времени, еще въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, Бѣлинскій такъ отвѣчалъ на приглашеніе Булгарина критиковать его сочиненія, а, въ случаѣ похвалы, на согласіе—„сокрушить перо свое и, произнося съ сокрушеннымъ сердцемъ mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa, на вѣки замолчать“: „Нѣтъ, г. Булгаринъ, не бойтесь и пишите на здоровье: даемъ вамъ слово не бранить ничего, что вы напишете. И зачѣмъ это и къ чему это? Всякій писатель оканчиваетъ свое поприще тѣмъ, что его перестаютъ, наконецъ, бранить, потому что всѣ убѣждаются, что онъ или точно великъ, или лучше не будетъ и писать не перестанетъ. Что же до того, чтобы хвалить васъ... если только вы сдержите ваше обѣщаніе... намъ такъ хотѣлось бы оказать русской литературѣ такую великую услугу... обольщеніе велико... но — пишите, пишите, г. Булгаринъ, а у насъ нѣтъ силъ на такой подвигъ!.. [3]).

Очень интересное письмо Булгаринъ написалъ Дубельту въ 1839 году.

Въ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полиціи“ была напечатана слѣдующая замѣтка: „Говорятъ, что А. А. Орловъ издаетъ полное собраніе своихъ сочиненій въ 2-хъ компактныхъ томахъ, въ большую восьмую долю листа, въ два столбца. Въ первомъ томѣ будетъ помѣщено: «Погребеніе Ивана Выжигина», «Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина» и пр. и пр.— прочія напечатанныя нѣсколькими изданіями сочиненія и давно уже раскупленныя многочисленными читателями и почитателями А. А. Орлова. Во второмъ томѣ будутъ напечатаны нѣкоторыя новыя произведенія знаменитаго романиста и между прочими: «Безпристрастное сужденіе автора о самомъ себѣ». Къ этому присоединится портретъ автора, гравированный на стали въ Лондонѣ. Изданіе будетъ большое—и дешевое“. [4]).

---

[1]) *М. Корфъ*, „Изъ записокъ“, „Рус. Старина“, 1899 г., X.
[2]) *А. Пыпинъ*, „Бѣлинскій“, II, 127.
[3]) *В. Г. Бѣлинскій*, „Сочиненія“, изд. Павленкова, I. 792.
[4]) „Вѣдомости Спб. Город. Полиціи“, 1839 г., № 22, прибавленія.

Уже этого одного было достаточно, чтобы Булгаринъ разсвирѣпѣлъ: А. А. Орловъ дѣйствительно писалъ пародію на его „Выжигиныхъ", а самый тонъ замѣтки очень походилъ на зазывательную рекламу булгаринской лавочки.

Но въ томъ же нумерѣ была и еще одна непріятность. Тамъ книгопродавецъ Лисенковъ, между прочимъ, объявилъ, что онъ, какъ издатель сочиненій Булгарина „считаетъ обязанностью объявить, что замедленіе выхода этой (5-й) части произошло вовсе не отъ него, а отъ самого автора, который по сіе время медленно доставляетъ рукописи; нынѣ же начальство обязываетъ автора, давшаго контрактъ, окончить свое сочиненіе какъ можно скорѣе, и потому нѣтъ сомнѣнія, что остальная часть скоро выйдетъ въ свѣтъ".

Надо было искать защиты отъ враговъ и, конечно, въ III Отдѣленіи.

„Всѣ газеты и журналы русскіе—писалъ Булгаринъ Дубельту,—до напечатанія разсматриваются цензорами, облеченными правительствомъ въ сіе званіе. «Сѣверная Пчела» имѣетъ пять цензоровъ [1]), напротивъ того, «Полицейская Газета» не имѣетъ ни одного, и прибавленія къ сей газетѣ, заключающія въ себѣ литературныя статьи, издаются на отвѣтственности издателя, какъ въ Англіи и Франціи, гдѣ существуетъ неограниченная свобода книгопечатанія. *Соотвѣтственно-ли это формѣ нашего* правительства и справедливо-ли въ отношеніи къ другимъ журналамъ—судить не мое дѣло, но, будучи жертвою этой свободы книгопечатанія въ русскомъ царствѣ, прибѣгаю подъ покровительство в. п—ва и прошу обратить вниманіе ваше на злоупотребленія, которымъ не предвидится конца. Редакторъ «Полицейской Газеты» есть юноша безъ литературнаго имени и безъ всякаго поручительства въ свѣтѣ. Можно-ли на его отвѣтственность поручать изданіе офиціальной газеты и позволять наполнять газету полицейскую литературными сплетнями и оскорбленіями литераторовъ? Въ какомъ государствѣ офиціальныя газеты занимаются литературою, рецензіями и полемикою? Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ! Хуже всего то, что г. Краевскій, другъ и покровитель редактора «Полицейской Газеты» Межевича, безстыдно осмѣливается ссылаться на покровительство вашего превосходительства... [2]) «Полицейская Газета», не имѣла права печатать объявленіе книжника Лисенкова въ томъ видѣ, какъ оно напечатано. Лисенковъ объявилъ ко мнѣ претензію, а я имѣю еще большія претензіи къ нему, и тяжба наша должна производиться на основаніи цензурнаго устава. До окончательнаго рѣшенія тяжбы формою суда, никто не можетъ принудить меня исполнить требованія истца, и въ цѣломъ мірѣ не печатаютъ рѣшеній, пока они не наступятъ. Здѣсь со стороны полиціи явное нарушеніе законовъ! Что же касается до *пародіи объявленія* объ изданіи моихъ сочиненій, то, во-первыхъ, благопристойность и уваженіе къ нравственности публичной долженствовали бы воспретить печатаніе о Ванькѣ Каинѣ въ «Полицейской Газетѣ», а, во-вторыхъ, сочетаніе Ваньки Каина съ названіемъ моего сочиненія—есть явное оскорбленіе чести гражданина. Цензурнымъ уставомъ запрещено давать новымъ сочиненіямъ заглавія, уже вышедшія въ свѣтъ, безъ согласія автора, а всѣмъ извѣстно, что «Иванъ Выжигинъ» написанъ мною. Я сидѣлъ на гауптвахтѣ не за личности, а за то

[1]) Преувеличеніе—двухъ, что было обыкновенно.

[2]) И это было совершенно вѣрно: Краевскій былъ тогда большимъ другомъ адъютанта Бенкендорфа, полковника Владиславлева, собиравшаго дань съ читающей Россіи своими альманахами „Утренняя Заря".

только, что напечаталъ самую умѣренную критику, сочиненія Очкина, на романъ Загоскина. За шутки надъ сочиненіемъ, а не надъ лицомъ автора, меня угрожали совершеннымъ истребленіемъ! [1]) Неужели вся строгость для меня одного, а противъ меня все позволено? На меня печатаютъ пасквили за границей, наполняютъ эти пасквили самыми якобинскими идеями и оскорбленіями противу правительства, и этотъ пасквиль, то есть книга Кенига о русской литературѣ, допущена въ продажу въ Россіи, а другихъ отставляли отъ службы за напечатаніе невинныхъ статеекъ о Россіи, тогда какъ Мельгуновъ, *суфлеръ Кенига*, невредимъ! [2]) *На меня пишутъ гнуснѣйшія вещи* въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» и въ «Полицейской Газетѣ», *а я не могу нигдѣ найти суда и расправы*. Что это значитъ, я не понимаю, а знаю только, что акціонеры «Отечественныхъ Записокъ» [3]) составили противъ меня заговоръ, и что они сильны, находясь на службѣ въ цензурѣ иностранной и въ министерствахъ. Но зная вашу душу и вашъ благородный характеръ, я твердо убѣжденъ, что в. п—во, для полезнаго примѣра, примете мѣры, чтобы Межевичъ, редакторъ «Полицейской Газеты», былъ наказанъ явно, и чтобы у него отняты были средства къ распространенію сплетней и пасквилей посредствомъ официальной газеты. Les moeurs publiques outragées — есть повсюду преступленіе, а публиковать въ «Полицейской Газетѣ» о Ванькѣ Каинѣ и къ этому гнусному титулу и, впрочемъ, запрещенной книгѣ пришить заглавіе книги живущаго автора не позволено было бы и въ Англіи, и такой поступокъ былъ бы наказанъ тюремнымъ заключеніемъ.—Police correctionelle и King's Bench у насъ нѣтъ. Куда прибѣгнуть съ жалобою? *Богъ, во благости Своей, далъ васъ и жандармскій корпусъ!* Къ вамъ прибѣгаю и умоляю о защитѣ! Съ истиннымъ высокопочтеніемъ и безпредѣльною преданностью честь имѣю быть в. п—ва, милостиваго государя покорнѣйшій слуга Ѳ. Булгаринъ" [4]).

Въ началѣ 1843 года, почти одновременно въ „Отечественныхъ Запискахъ" — добровольнымъ сотрудникомъ-рекламистомъ которыхъ Булгаринъ состоялъ, по свидѣтельству Бѣлинскаго, не разъ благодарившаго печатно метавшаго громы Фиглярина,— и въ „Литературной Газетѣ" появились статьи, направленныя противъ Булгарина [5]).

Немедленно строчится доносъ въ видѣ письма къ предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета, кн. Г. П. Волконскому:

„Сіятельный князь,
Милостивый Государь,
Григорій Петровичъ!

„Благоволите заглянуть въ послѣдню книжку *Отечественныхъ Записокъ* и въ послѣдній воскресный нумеръ *Литературной Газеты!* Есть-ли тутъ слово о

[1]) Къ сожалѣнію, неизвѣстно, когда и по какому случаю Булгарину предстояло истребленіе.

[2]) Рѣчь идетъ о Н. А. Мельгуновѣ, со словъ и указаній котораго Кенигъ написалъ и издалъ въ Берлинѣ книгу: „Literarische Bildder aus Russland", очень критически относившуюся къ врагамъ Пушкина, въ томъ числѣ и къ Булгарину.

[3]) Въ числѣ акціонеровъ былъ и Владиславлевъ.

[4]) *А. Пятковскій*, „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія", изд. 1888, II, 226—227.

[5]) Въ XXVIII томѣ „Отеч. Зап." былъ разборъ его сочиненій «Очерки русскихъ нравовъ», въ «Литер. Газетѣ» Кони велъ жаркую полемику съ Булгаринымъ.

литературѣ — гдѣ говорится обо мнѣ? Однѣ личности, сплетни, клеветы, высказанныя языкомъ, который нынѣ не употребляютъ самые бранчивые лакеи и кучера. Я не привыкъ къ тяжбамъ (обычное начало всѣхъ доносовъ Булгарина—*М. Л.*), но это превосходитъ всякую мѣру! Конечно, я бы никогда не хотѣлъ отвѣчать подобными личностями и бранью, унижающими достоинство человѣка, дворянина и литератора; но мнѣ ничего не позволяютъ въ цензурѣ, потому что цензора, которые разсматриваютъ противные мнѣ журналы, находятся въ дружбѣ и связяхъ съ ихъ издателями и сами или журналисты, или сотрудники журналовъ, и держатся за руки и всѣ состоятъ подъ покровительствомъ г. Комовскаго [1]), человѣка *близкаго* къ министру и мнѣ *далекаго*. Питаю себя надеждою, что ваша свѣтлость, по врожденному вамъ правосудію, безпристрастію и любви къ истинѣ, прекратите систематическое дѣйствіе злобы и зависти и введете литературную войну въ предѣлы литературныхъ приличій, удержавъ г.г. цензоровъ въ предѣлахъ закона. Они думаютъ, что меня можно безнаказанно оскорблять, потому что я полякъ, нигдѣ не служу, сильныхъ родныхъ здѣсь не имѣю и никогда не жаловался, — а, между тѣмъ, Карлово стоитъ всѣмъ костью въ горлѣ — и вотъ составилась партія, чтобы дѣйствовать противъ меня общими силами съ цензорами, за исключеніемъ почтеннаго *дворянина* Корсакова [2]). Свѣтлѣйшій князь, уничтожьте эту паутину! Только загляните въ Литературную Газету и въ Отеч. Записки—увидите, что это за грязь! Не смѣю долѣе мучить васъ.

„Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностью честь имѣю пребывать

вашей свѣтлости милостиваго государя

покорнѣйшимъ слугою

Ѳ. Булгаринъ“ [3]).

Кн. Волконскій почелъ за лучшее совершенно прекратить всякую полемику...

Мѣра эта была сообщена неофиціально Булгарину, только что объявившему, что Краевскій унижаетъ Жуковскаго, несмотря на то, что поэтъ — авторъ нашего народнаго гимна... Булгаринъ не нашелъ ничего лучшаго для борьбы съ такимъ охранительнымъ распоряженіемъ, какъ снова написать письмо кн. Волконскому, въ которомъ представилъ уже нѣсколько выдержекъ изъ „Отечественныхъ Записокъ“ особенно „неблагонамѣреннаго“ свойства и при этомъ прибавилъ: „съ того времени, какъ вы предсѣдательствуете въ комитетѣ, пропускаются вещи, посильнѣе и почище этихъ“. Кромѣ того, онъ обвинялъ Уварова въ ничегонедѣланіи, въ покровительствѣ либерализму, чего министръ всегда очень боялся; требовалъ особой слѣдственной коммиссіи, передъ которой хотѣлъ предстать, какъ „доноситель“, для обличенія партіи, колеблющей вѣру и престолъ; писалъ, что будетъ просить государя разобрать это дѣло, а если государь не вникнетъ въ него или дѣло до него не дойдетъ, то онъ попроситъ прусскаго короля довести до свѣдѣнія

[1]) Директоръ канцеляріи министра просвѣщенія.
[2]) Цензоръ, пріятель «Сѣв. Пчелы».
[3]) «Отчетъ Импер. Публ. Библіотеки за 1892 годъ», Спб., 1895 г., приложенія, 58—60.

Николая I все, что ему, Булгарину, необходимо сказать для ограждения священной особы государя и его русскаго царства. Кончалось письмо угрозой: „я не позволю, чтобы на меня, какъ на собаку, надѣвала цензура намордникъ!"

Волконскій отправилъ этотъ доносъ Уварову, Уваровъ — Бенкендорфу. Министръ такъ былъ взволнованъ всѣмъ этимъ, что сказалъ Волконскому, что „хочетъ, чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ что-нибудь опредѣленное, а главное—я буду спать спокойно"... Бенкендорфъ получилъ отъ государя приказаніе сдѣлать такъ, какъ будто ничего обо всемъ разсказанномъ не знаетъ [1])...

Но Бенкендорфъ не исполнилъ приказанія Николая I и немедленно сообщилъ Булгарину о понесенномъ ими пораженіи. „Si le malheur doit arriver,—сказалъ онъ ему со слезами на глазахъ,—je prierai pour vous comme pour moi même" [2]).

Бенкендорфу не долго пришлось „хранить" эту тайну: 11 сентября 1844 года его не стало...

Въ „Сѣверной Пчелѣ" появляется громадная статья: „Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ". Уже одно начало достойно вниманія:

„Въ лицѣ А. X. Бенкендорфа государь лишился вѣрнаго и преданнаго слуги, отечество лишилось полезнаго и достойнаго сына, человѣчество—усерднаго поборника...

„Вся Россія знала А. X. Бенкендорфа и во всѣхъ семействахъ повторялось имя его или съ благодарностью, или съ надеждою, и служило, какъ будто, порукою спокойствія и безопасности.

„Званіе шефа жандармовъ, которое А. X. Бенкендорфъ занималъ въ теченіе восемнадцати лѣтъ, сближало его со всѣми сословіями народа, и по волѣ государя, давало средства насаждать повсюду много добра и отвращать зло. Онъ былъ защитникомъ истины, утѣшителемъ несчастныхъ и страждущихъ; стремился къ добру по влеченію своего сердца и пользовался важностью своего званія единственно для содѣйствія общему благу. Онъ охранялъ всѣхъ и каждаго отъ злоупотребленія власти, пресѣкалъ тяжбы и ссоры средствами миролюбивыми, и гласъ беззащитнаго и угнетеннаго, чрезъ его посредство, всегда свободно доходилъ до священнаго престола. Надежда на безпристрастіе, правосудіе, добродушіе и на приступность его оживляла каждаго; ему были всѣ равны: и бѣдный и богатый, и высокій сановникъ и безчиновный, и передъ лицомъ всей Россіи можно сказать утвердительно, что А. X. Бенкендорфъ оправдалъ общую къ себѣ довѣренность и пріобрѣлъ себѣ почетное имя въ исторіи отечества и человѣчества" [3]).

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Булгаринъ писалъ: „гр. Бенкендорфъ былъ ко мнѣ необыкновенно милостивъ, и даже болѣе нежели снисходителенъ, до самой своей кончины. За то и я любилъ его душевно и чту память его, потому что зналъ хорошо его благородную, рыцарскую душу! Со слезами истинной горести положилъ я цвѣтокъ на его могилѣ" [4]).

Въ страхѣ за свое сиротство послѣ смерти главы „общей маменьки" (такъ Булгаринъ называлъ III Отдѣленіе... и неувѣренности въ твердости при новомъ

---

[1]) *А. Никитенко*, „Дневникъ", „Рус. Старина", 1889 г., XII, 756—758.
[2]) *С. Шубинскій*, „Письма Ѳ. В. Булгарина",—„Литер. Вѣстникъ", 1901 г. II. 176.
[3]) „Сѣв. Пчела" 1844 г., № 218, 26 сентября.
[4]) „Воспоминанія", 1846 г. III. 368.

начальникѣ второй половины „маменьки"—Дубельта, Булгаринъ спѣшитъ подслужится преемнику Бенкендорфа.

Скоро онъ почти совсѣмъ успокоился: Дубельтъ былъ оставленъ гр. Орловымъ на своемъ мѣстѣ. Но, всетаки возникалъ вопросъ о болѣе или менѣе легальномъ пути для удовлетворенія честолюбія, и Булгаринъ, въ ноябрѣ 1844 г., поступаетъ членомъ-корреспондентомъ спеціальной комиссіи коннозаводства—мѣсто, дававшее возможность получать чины и ордена. Отношенія съ Орловымъ были очень далекія—надменный графъ предоставлялъ вѣдаться съ Булгаринымъ Дубельту.

„Отечественныя Записки" продолжали чувствовать добровольца-доносчика, что можно вывести изъ его писемъ къ Никитенку. Такъ, 28 ноября 1845 г. онъ пишетъ:

„Отецъ и командиръ Александръ Васильевичъ! Право, не постигаю той удивительной вольности, которою пользуются «Отеч. Записки» и той неприкосновенности, которою обезпеченъ г-нъ Краевскій! Крыловъ (цензоръ) былъ сегодня у меня и показалъ мнѣ исключенія изъ статьи объ «Отеч. Запискахъ»! Я рѣшился перенесть судъ повыше и всеподданнѣйше просить моего личнаго благодѣтеля, царя православнаго, разрѣшить: почему Краевскому позволено печатно поносить меня самымъ гнуснымъ образомъ, топтать мое имя въ грязь, употреблять самыя низкія выраженія,—а мнѣ запрещено даже защищаться! Дѣло это должно принять самый серьезный оборотъ, потому что у меня собраны акты. Наконецъ, вывели меня изъ терпѣнья!

„Прошу покорнѣйше о возвращеніи метрики моей или свидѣтельства о крещеніи. Я сообщилъ вамъ вмѣстѣ съ корректурными листами. Во всемъ покоряюсь вашей волѣ, скорблю, что долженъ надоѣдать вамъ—но что же дѣлать? Вольно же вамъ быть честнымъ, умнымъ и благороднымъ человѣкомъ".

Черезъ полтора года Булгаринъ пишетъ письмо, болѣе рѣшительное, въ которомъ заявляетъ, между прочимъ:

„Я думаю, что не весьма полезно для государя и отечества и пропущенное вами въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1844 г., № 2, смѣсь, стр. 98), въ которыхъ имя ваше было выставлено въ числѣ сотрудниковъ: «Богъ на крестѣ, освѣщающій свободу и равенство не однихъ римскихъ гражданъ, но и всѣхъ людей, какъ членовъ одного семейства, присущаго Его Божественности, — вотъ что побѣдило древній міръ и не перестаетъ развиваться и оплодотворяться въ мірѣ новомъ». Такихъ и еще посильнѣе мѣстъ, пропущенныхъ вами въ „Отечественныхъ Запискахъ", еще нѣсколько есть, а потому я удивляюсь, что вамъ вдругъ вздумалось сдѣлать изъ меня человѣка злонамѣреннаго, пишущаго противъ правительства!.. Я долженъ буду защищаться, представить на видъ все пропущенное вами въ „Отечественныхъ Запискахъ", которыя помѣщали болѣе, нежели журналы, гдѣ свобода книгопечатанія (sic!), и вы все утверждали своею подписью. Скажу вамъ откровенно: горе литературѣ, когда цензора издаютъ журналы или сотрудничаютъ въ нихъ, точно такъ же, какъ горе коммерціи, когда таможенные занимаются торговлей" [1]).

Годомъ раньше (1846 г.) Булгаринъ подалъ Дубельту записку, озаглавленную: „Нѣсколько правдъ, предлагаемыхъ на благоразсужденіе". Это и есть то

[1]) „Изъ архива А. В. Никитенка", „Рус. Старина", 1900 г., I. Въ послѣднемъ Булгаринъ, конечно, правъ...

„маранье“, на которое онъ указывалъ въ приведенномъ уже выше письмѣ къ Дубельту отъ 1846 г. Большая часть „Правдъ“ посвящена Уварову. Кромѣ того, зная постоянныя натянутыя отношенія министровъ съ III Отдѣленіемъ, Булгаринъ самъ немного полиберальничалъ, бросивъ въ ихъ огородъ нѣсколько, правда, мѣткихъ камешковъ.

Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

„Отъ системы укрывательства всякаго зла и отъ страха отвѣтственности одному за всѣхъ, выродилась въ Россіи страшная система министерскаго деспотизма и сатрапства генералъ-губернаторовъ“...

„Комиссія *прошеній*—есть комиссія *отказовъ*“.

„У насъ какая отвѣтственность министровъ? Ихъ *отчеты!* А кто ихъ повѣряетъ? *Никто!* — Пишутъ, что угодно. На бумагѣ блаженство, въ существѣ горе! Сами чиновники, составляющіе отчеты, смѣются надъ этой *поэзіей*, какъ они называютъ *отчеты!* Chef d'oeuvres этой поэзіи — это отчеты министерства просвѣщенія!“

„... Въ администраціи, или управленіи государства, сводъ законовъ и собраніе законовъ *не имѣютъ ни малѣйшей силы* и подчиняются *министерскимъ предписаніямъ*“.

„Я не доносчикъ—пишетъ Булгаринъ—но стоитъ разспросить хоть одного благонамѣреннаго грамотнаго человѣка, онъ укажетъ такія вещи, за которыя и въ Англіи посадили бы въ тюрьму. Люди поумнѣли: тайныхъ обществъ не составляютъ, но всѣмъ, хотя мало знакомымъ съ литературою, извѣстно, что у насъ существуетъ чрезвычайно сильная партія, подъ покровительствомъ могущественнаго чиновника въ министерствѣ просвѣщенія, дѣйствующая въ духѣ *коммунизма* и правилъ нечестиваго либерализма. У меня бездна жалобъ, даже отъ епископовъ, но это не мое дѣло! Извѣстный (?) литераторъ и академикъ Борисъ Федоровъ представилъ мнѣ нѣкоторыя *выписки*, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, когда вспомнишь, что послѣ себя оставляешь шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, противъ которыхъ вострятъ, на твоихъ глазахъ, топоры! Но партія эта пріобрѣла лестью сильнѣйшее покровительство, и ее никто не дерзаетъ затронуть, тѣмъ болѣе, что она привязала къ себѣ и матеріальными интересами. Мнѣ объ этомъ не слѣдуетъ распространяться, чтобъ не подумали, будто я дѣйствую по духу литературной вражды; но возьмите, если угодно, отъ меня *выписки* Бориса Федорова и разспросите его, не стращая, а лаская,—увѣренъ, что ужаснетесь“!

Надо-ли говорить, что „могущественный чиновникъ въ министерствѣ просвѣщенія“, т. е. гр. Уваровъ, былъ столько же прикосновененъ къ либеральнымъ людямъ конца 40-хъ годовъ, сколько Булгаринъ былъ представителемъ польской партіи...

Довольно интересна четвертая „правда“:

„Во всей Польшѣ бунты и заговоры! Ужели есть хотя одинъ такой дуракъ въ Польшѣ, чтобъ вѣрилъ, будто *возстаніе* можетъ побѣдить благоустроенныя арміи *трехъ* государствъ? Сомнѣваюсь! Ведетъ въ пропасть *отчаянье*. Отчаянье — это порохъ, а искры брошены *извнѣ*. Въ 1789 году и въ 1830 году, когда западнымъ революціонерамъ надобно было сдѣлать диверсію на сѣверъ, — они подожгли Польшу. Исторія — то же, что математика: по двумъ *извѣстнымъ* отыскиваютъ третье *неизвѣстное*. Заговоры и бунты въ Польшѣ,

а огонь тлѣетъ теперь въ Германіи, въ Пруссіи и Австріи. Я не пророкъ, но увидите, что откроется по слѣдствію, если только на слѣдствіи будетъ хотя одинъ дальновидный человѣкъ! Искры брошены изъ Кенигсберга, Кельна и изъ Венгріи, иначе быть не можетъ! Польскіе эмигранты — если участвуютъ, то второстепенно. Я убѣжденъ, что въ Германіи приготовляется революція, и поляковъ возмутили, чтобъ *занять* державы. По моему мнѣнію, ничего нѣтъ легче, какъ управлять поляками. Народъ живой, легковѣрный, удобовоспламенимый: съ ними надобно *играть*, какъ съ дѣтьми, въ *игрушки*, надобно занять ихъ страсть къ дѣятельности и ихъ воображеніе. Все зависитъ отъ выбора людей, которые бы не *уничижали* ихъ. При мнѣ самый вѣрный царю полякъ *заплакалъ*, когда услышалъ, что Писареву (кіевскому) дали ленту! Но теперь не въ томъ дѣло. Главное въ томъ, что — я полагаю — Польша взбунтована Германіей и Венгріей, и въ Пруссіи что-то готовится недоброе. И теперь именно раздражаютъ донельзя остзейцевъ!!! Какая польза отъ того, что я говорю правду? Ровно никакой! Въ началѣ польскаго бунта (въ 1831 г.), когда я составилъ изъ 3-хъ *отрывковъ* газетъ такую реляцію о возстаніи, что князь Любецкій вѣрилъ, якобы она составлена въ Варшавѣ нашимъ тамъ агентомъ, графъ Бенкендорфъ обѣщалъ мнѣ золотыя горы, которыхъ я вовсе не хотѣлъ и не требовалъ. Онъ хотѣлъ выслать меня въ Варшаву, вмѣсто графа Гауке, для усмиренія умовъ, и ужъ, конечно, я много сдѣлалъ бы добра, — меня не признали способнымъ! Писака бо есть! Когда наши шли *со стороны Праги* на Варшаву, я написалъ къ Бенкендорфу: „зачѣмъ хотите пробивать лбомъ стѣну, когда можете *переправиться чрезъ Вислу на прусской границѣ*, и подойти къ Варшавѣ отъ Воли!" [1]). Бенкендорфъ задушилъ меня въ объятіяхъ, — а все я остался *нулемъ:* разъ въ жизни попросилъ бездѣлицы, и отказали со стыдомъ!! [2]). Но и интересы мои, и самолюбіе, и честолюбіе, кладу на жертвенникъ истины, и хотя знаю, что словеса *нуля* — пойдутъ на вѣтеръ, почитаю долгомъ высказать то, что по моему мнѣнію полезно моему государю, которому я присягнулъ служить вѣрою и правдою!

„Тутъ можно было бы и много пояснить,
„Да чтобъ гусей не раздразнить!" [3]).

Вскорѣ Булгаринымъ подана была еще аналогичная записка: „Литература и цензура", которой ему хотѣлось добить Уварова. Тутъ рекомендовалось обратить на министерство народнаго просвѣщенія сугубое вниманіе, и проводилась та мысль, что въ цензора должны назначаться столбовые дворяне, единственно способные противиться идеямъ коммунизма и революціонному духу... Не было недостатка и въ доносахъ на тѣхъ отдѣльныхъ цензоровъ, которые когда-либо сталкивались съ Булгаринымъ [4]).

Все это принималось къ свѣдѣнію, иногда — къ исполненію...

[1]) Эти слова надо рекомендовать особому вниманію распространителямъ легенды о польской партіи съ Булгаринымъ во главѣ...
[2]) Рѣчь идетъ о невыданной ссудѣ въ 25,000 руб.
[3]) *М. Сухомлиновъ*, н. с., 491—497. Курсивъ мой.
[4]) Ibidem, 501—505.

Въ 1848 г. Булгаринъ въ цѣломъ рядѣ доносовъ III Отдѣленію набросился на „Современникъ" и въ сообществѣ своего ближайшаго начальника—директора канцеляріи коннозаводскаго управленія—распространялъ всякія клеветы на этотъ журналъ, только что похоронившій Бѣлинскаго. Надъ „Современникомъ" то собиралась гроза, то, благодаря связямъ Панаева, вдругъ прояснялось, но безоблачно и спокойно никогда не было.

Но 1848-й годъ, разбудившій общество громомъ европейскихъ событій, былъ у насъ годомъ пробуждавшагося самосознанія. Въ глазахъ русскаго общества „Сѣверная Пчела" и Булгаринъ все болѣе и болѣе вырисовывались во весь ростъ. Девятилѣтняя работа въ Петербургѣ „неистоваго Виссаріона" тоже отчасти способствовала этому. И вотъ Булгаринъ рѣшается повѣдать міру свое исключительное положеніе „Весьма замѣчательно, — писалъ онъ, — что всѣ журналы, сколько ихъ ни было въ теченіе двадцати шести лѣтъ, начинали свое поприще, продолжали и кончали его—жестокою бранью противъ моихъ литературныхъ произведеній. Всѣ мои сочиненія и изданія были всегда разруганы, и ни одно изъ нихъ до сихъ поръ не разобрано критически, по правиламъ науки. Нигдѣ еще не представлено доказательствъ, почему такое-то изъ моихъ сочиненій дурно, чего я долженъ избѣгать и остерегаться. О хорошей сторонѣ—ни помина! Какая бы нелѣпость ни вышла изъ печати, господа журналисты всегда утверждаютъ, что все же она лучше, нежели мои сочиненія" [1]).

Эта самооцѣнка—лучшее свидѣтельство въ пользу русской литературы. Ради правды его приходится даже смягчить: нѣкоторые органы и журналисты по отношенію къ Булгарину вполнѣ повторяли слова:

Кукушка хвалитъ пѣтуха
За то, что хвалитъ онъ кукушку...

Извѣстенъ тогдашній правительственный взглядъ на Гоголя... Когда великаго сатирика не стало, Булгаринъ выступилъ съ выраженіемъ этого взгляда и все, что ему противорѣчило, направилъ куда слѣдуетъ. Такъ, онъ далъ понять неумѣстность траурной каймы въ „Москвитянинѣ", онъ раздулъ значеніе тургеневской статьи и добился ареста Ивана Сергѣевича. 22 апрѣля 1852 г. Никитенко прямо записываетъ: „теперь извѣстно, что причиною всей бѣды было донесеніе Мусина-Пушкина (предсѣдателя петербургскаго цензурнаго комитета, не пропустившаго статью Тургенева въ Петербургѣ—*М. Л.*), подвигнутаго на это Булгаринымъ" [2]). Русское общество до того свыклось съ силою Булгарина, что сейчасъ же вслѣдъ за печатнымъ возраженіемъ ему, написаннымъ по поводу каймы Погодинымъ, въ Москвѣ разнесся слухъ объ арестѣ редактора „Москвитянина" именно за такой отвѣтъ [3]). Тогда это оказалось уткой, но, немного спустя, благонамѣренный Погодинъ былъ, дѣйствительно, взятъ подъ надзоръ полиціи за неодобрительный отзывъ о драмѣ гофъ-драматурга Кукольника—„Денщикъ". Булгаринъ изъ себя выходилъ, доказывая опасность подобной критики патріотической пьесы и достигъ своего [4])...

---

[1]) „Воспоминанія", I, предисловіе.
[2]) „Рус. Старина", 1890 г., III, 647.
[3]) Ibidem, 86—92.
[4]) *Н. Барсуковъ*, н. с., XII, 6.

Спустя годъ. Булгаринъ подалъ Дубельту записку о необходимости учредить сыскной приказъ... „Полиція наша не въ силахъ исполнять то, что требуется отъ полиціи въ благоустроенномъ государствѣ"—такъ начиналась эта замѣчательная бумага.

„У насъ нѣтъ безподобнаго французскаго заведенія Police de Sûreté или, какъ было въ старину въ Россіи, сыскного приказа, а это *первая потребность* въ благоустроенномъ государствѣ". Заканчивался этотъ проектъ словами: „Начальникомъ сыскного приказа долженъ быть такой звѣрь, какъ былъ у насъ Эртель; вотъ образецъ! А сыскной приказъ, право, нужнѣе лишнихъ комитетовъ и департаментовъ" [1])...

Дубельтъ не забывалъ Булгарина: въ 1846 г. онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника, въ маѣ 1847 г. „во вниманіе къ отлично усердной и ревностной службѣ высочайше повелѣно, по положенію комитета министровъ, не считать препятствіемъ къ полученію пенсіи и другихъ наградъ, кромѣ знака отличія безпорочной службы, отставки его въ 1811 г., по худой аттестаціи, отъ службы"; въ 1848 г.—„во вниманіе къ отличному усердію и *особымъ* трудамъ" пожалованъ въ коллежскіе совѣтники; въ 1850 г. — „въ награду отлично усердной и ревностной службы" пожалованъ, согласно удостоенію комитета министровъ, подаркомъ по чину; въ 1852 г. „за отлично усердную службу" произведенъ въ статскіе совѣтники [2]).

Въ сентябрѣ 1850 г. Булгаринъ писалъ Гречу, что гр. Орловъ обѣщалъ ему похлопотать у князя Ширинскаго-Шихматова о разрѣшеніи „Сѣверной Пчелѣ" печатать частныя объявленія [3]). Надо думать что министръ не согласился, потому что Орловъ не особенно настаивалъ.

Не прекращая ни на одинъ день своей «спеціальной» дѣятельности, Булгаринъ вступаетъ въ новую полосу русской жизни, начавшуюся съ паденіемъ Севастополя.

Въ 1857 г. его разбилъ правосторонній параличъ, а 1-го сентября 1859 г. русская литература вздохнула свободнѣе, будучи увѣренной, что мѣшать прежнюю грязь въ новую, все-таки, болѣе чистую струю жизни уже некому: семидесятилѣтній Булгаринъ отошелъ въ вѣчность, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, пожалованнаго ему при отставкѣ въ 1857 г.

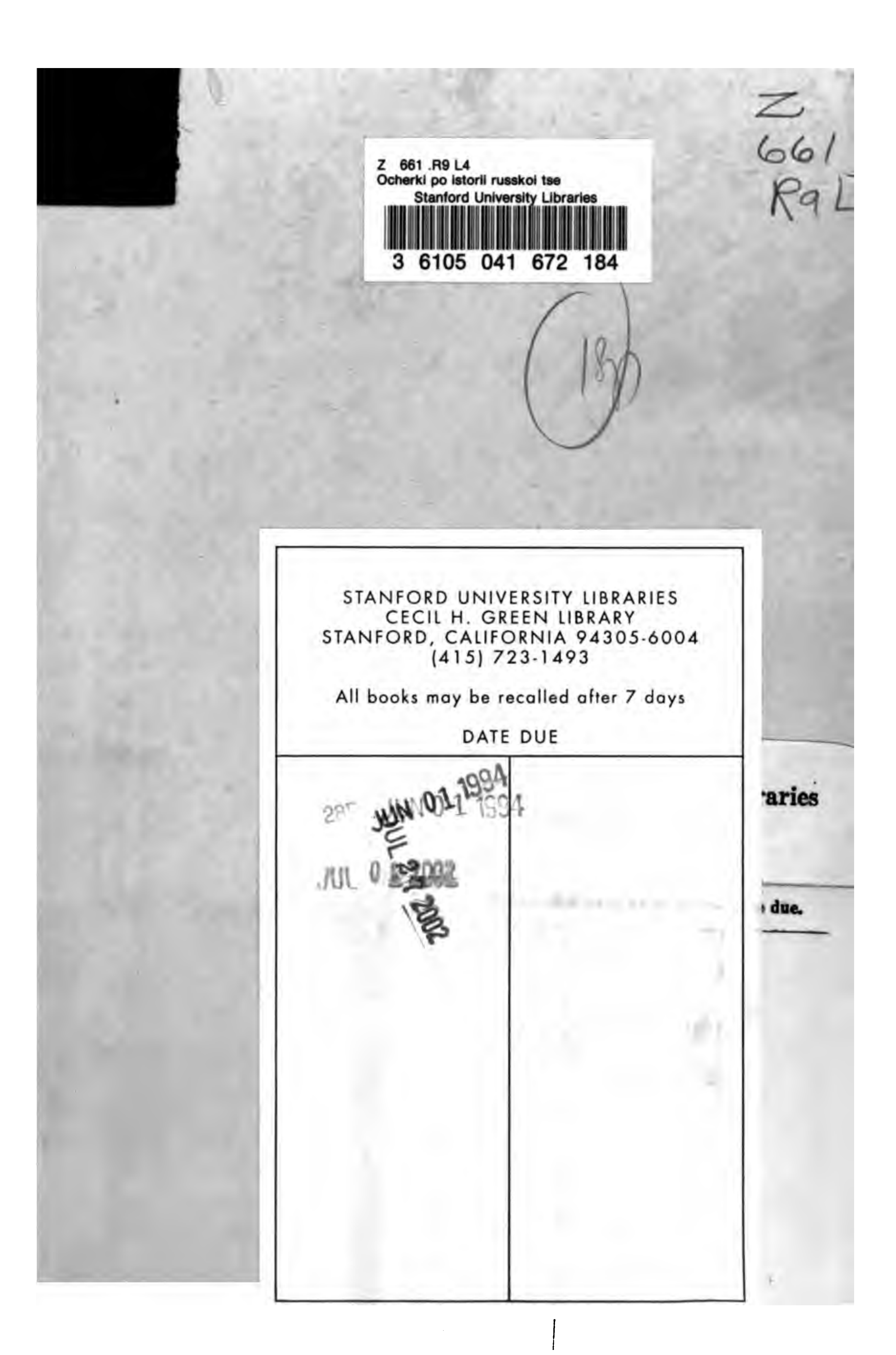
Правдивость заставляетъ сказать, что не было человѣка, который бы пожалѣлъ о его смерти. Она вполнѣ отвѣчала моменту, хоронившему старый, николаевскій режимъ. Некрологи почти отсутствовали... Булгаринъ не ошибался: „всѣ грамотные люди въ Россіи знали о его существованіи", но никто не цѣнилъ его по его собственной оцѣнкѣ. „Съ тѣхъ поръ,—писалъ онъ еще въ 1846 г.—какъ я началъ мыслить и разсуждать, я мыслю *вслухъ* и готовъ былъ бы всегда печатать во всеуслышаніе всѣ мои мысли и разсужденія. Душа моя покрыта *прозрачною оболочкою*, чрезъ которую каждый можетъ легко заглянуть во внутренность, и всю жизнь я прожилъ въ *стеклянномъ домѣ*, безъ занавѣсей"... Всѣ

---

[1]) *М. Сухомлиновъ*, н. с., 499—500.
[2]) *Н. Гастфрейндъ*. „Матеріалы для біографіи Ѳ. В. Булгарина", „Литер. Вѣстникъ", 1901, IV.
[3]) „Древняя и Новая Россія" 1876 г., I, 99.

знали, что на самомъ дѣлѣ было совсѣмъ не такъ, что вслухъ Булгаринъ никогда не думалъ, а всегда нашептывалъ; что разсужденія и мысли свои писалъ „конфиденціально"; что душа его покрыта сѣтью человѣческихъ бѣдъ и страданій; что значительную часть своей жизни онъ прожилъ въ „мрачномъ" домѣ, гдѣ, кромѣ оконныхъ занавѣсей, было всегда достаточно всякихъ таинственныхъ завѣсъ...

Z 661 .R9 L4
Ocherki po istorii russkoi tse
Stanford University Libraries
3 6105 041 672 184
Z
661
R9 L
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
JUN 01 1994
JUL 21 2002
JUL 0 2002

